

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ,
А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ, И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ,
Л. В. СТРОЕВА, Л. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

История
иран
с
прежних
времен
до конца
18 века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. ЖДАНОВА

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ, А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ, И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ,
Л. В. СТРОЕВА, А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИСТОРИЯ ИРАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

Настоящая книга является первым в советской исторической науке очерком истории Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., изложенным в научно-популярной форме, но основанным на первоисточниках (персидских, арабских и др.).

Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, на студентов восточного, исторического и филологического факультетов университетов и педагогических вузов, а также на преподавателей исторических и других гуманитарных дисциплин и на читателей широкого круга, интересующихся историей и культурой стран Востока.

Под редакцией:

акад. *В. В. Струве* (ответственный редактор),
акад. *И. А. Орбели*, проф. *И. П. Петрушевского*

*Светлой памяти
Александра Юрьевича
Якубовского
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Ирана охватывает обширный хронологический период. Наука имеет сведения о ираноязычных народах, которые относятся к I тысячелетию до нашей эры.

В течение этого времени ираноязычные народы приходили в соприкосновение с различными государствами, со многими языками, разнообразнейшими культурами, но тем не менее создали свою собственную жизнь — политическую, экономическую, культурную и литературную, — изучение развития которой представляет выдающийся интерес.

Иран благодаря своему географическому положению, государственной организации, культурному развитию играл важную, временами руководящую роль в истории стран Ближнего и Среднего Востока. Поэтому события его жизни являлись важнейшими событиями мировой истории своего времени.

В древности Иран пришел в соприкосновение с Египтом, с Грецией, одно время взял на себя функции объединения ряда областей на территории Ассирии, Вавилона, Урарту, Средней Азии. После завоеваний Александра Македонского Иран отстаивал свою независимость в борьбе с Римом и Византией и подчинился арабам, чтобы в свою очередь покорить их своей культурой.

Иран являлся местом взаимодействия и борьбы оседлого населения и кочевых народов, взаимодействия и борьбы, сыгравших такую выдающуюся роль в истории древнего и средневекового Востока и своеобразно окрашивавших развитие общественных отношений.

Тысячелетия караванные пути из Китайской империи к берегам Средиземного моря пролегали по областям, населенным ираноязычными народами. Поэтому их роль в международном торговом и культурном обмене была чрезвычайно велика.

Культурная роль Ирана, значительная и в древности, исключительно велика в средние века. В эпоху феодализма культура персов и персидский литературный язык имели значение не меньшее, чем культура классической Греции и греческий язык в древности. В соответствии с этим в данной книге даны общие обзоры развития культуры Ирана в разные периоды. Эти обзоры по необходимости кратки, особенно при изложении развития художественной литературы: учитывалось, что по истории персидской литературы имеются специальные пособия на русском языке. Больше места уделено остальным отраслям искусства, поскольку специальных пособий по ним не имеется. В книге также даны краткие обзоры развития идеологических систем.

Настоящая книга является первым опытом подведения на базе марксистско-ленинской методологии известных итогов, достигнутых советской

иранистикой. В книге сделана попытка периодизации древней и средневековой истории Ирана. Значительное место уделяется развитию производительных сил страны и состоянию ее экономики в различные периоды истории. Однако ряд вопросов остается нерешенным. В частности, сравнительно мало изучены закономерности развития и специфика производственных отношений в феодальном обществе в Иране.

Книга подготовлена коллективом историков Восточного факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А. А. Жданова. Главы I и II написаны чл.-корр. АН СССР проф. Н. В. Пигулевской, глава III и § 9 главы IV — чл.-корр. АН СССР проф. А. Ю. Якубовским, § 1—6, 19 и 20 главы IV, § 2 главы V, главы VI, VII, VIII и IX — проф. И. П. Петрушевским, § 7, 8 и 16 главы IV, глава V (кроме § 2) — доц. Л. В. Строевой, § 10—15 и 17—18 главы IV — доц. А. М. Беленицким.¹

---

¹ По техническим причинам транскрипция арабских, персидских и других имен и терминов передана приближенно, без обозначения долготы и краткости гласных транскрипционными знаками.

1 марта 1957 г.

ГЛАВА I

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В ИРАНЕ

§ 1. Географическое положение Ирана

Ираноязычные народы с древнейшего времени занимали обширное торное плато, ограниченное на востоке высочайшими горами Гинду-куш, на западе и юго-западе горной системой Запрос. Сулеймановы горы отделяют его от бассейна реки Инда. На юге его омывает Персидский залив Индийского океана. На севере хребет Эльбурс и Каспийское море были границей древнего и средневекового государства Ирана, но отнюдь не границей народов, говоривших на иранских языках. Области Междуречья и Малая Азия были предметом притязаний Персидской державы в древности.

Суровый климат Иранского плоскогорья, с нестерпимой жарой летом и холодами зимой, несколько смягчается в его пониженных частях, где было возможно по долинам рек земледелие. В степях широко велось скотоводство, носившее кочевой характер, а в оазисах оседлый, как на западе, так и на востоке. Летом скот выгоняли на высокогорные пастбища, зимой его держали в долинах. Разводили как крупный, так и мелкий рогатый скот, а также лошадей. Охота в степных и лесных областях играла значительную роль. Иранское нагорье богато ископаемыми — медной, серебряной и железной рудой, нефтью, драгоценными самоцветами и строительным камнем.

Иран — один из древнейших очагов земледелия в мире. Археологические раскопки последних трех десятилетий доказывают высокий уровень земледельческой культуры Ирана уже в четвертом тысячелетии до нашей эры. При раскопках найдены зерна пшеницы и ячменя пяти-шеститысячелетней давности. Большинство культурных растений Средиземноморья, Передней и Средней Азии, известных нам теперь, возделывались в Иране уже в первом тысячелетии до нашей эры. Среди них следует назвать персик, абрикос, винную ягоду, гранат, грушу, виноградную лозу и финиковую пальму. На юго-западе, в долине реки Карун, разводили оливковое дерево. При Сасанидах начали возделывать сахарный тростник, рис и другие растения.

Недостаток осадков и неравномерное распределение водных ресурсов заставляли жителей Иранского нагорья с древнейших времен прибегать к искусственному орошению. В начале нашей эры в Иране применялось орошение. Для этой цели использовались речные каналы, горные источники, колодцы и каризы. Подземные галереи для вывода наружу подпочвенных вод (каризы) соединялись с поверхностью смотровыми колодцами, служившими для периодической их очистки.

§ 2. Население Ирана

Племена, населявшие в древности Иранское нагорье, принадлежали к иранской этнической группе, языки которой относятся к восточной ветви индоевропейских языков. В некоторых областях жили племена, говорившие на языках других языковых групп (например в Эламе, позднейшем Хузистане). В северном Белуджистане засвидетельствовано население дравидийского происхождения, со смуглым цветом кожи. Наиболее мощными иранскими племенами были мидийские, которые постепенно заселяли северо-западный Иран, а на юг от них располагались персидские племена. На северо-востоке Иранского нагорья жили бактрийские племена. Оазисы Средней Азии издревле населяли ираноязычные племена.

Кочевые племена делали набеги и вторжения в области поселения оседлых племен. Эти последние пришли в непосредственное соприкосновение с культурными государствами Междуречья (Месопотамии), в частности с Ассирией. В южной части иранские племена граничили с Эламом и только позднее пришли в соприкосновение с Вавилонией.

Общественный строй иранских племен до персидского завоевания строился на родовой общине (вис), во главе которой стоял родовой старейшина. В родовую общину входила семья, главой которой считался отец. Группа родовых общин составляла племя (занту), которое выделяло вождя. Союзы племен и составляли более крупные общественные объединения, засвидетельствованные древней священной книгой зороастрийской религии Авестой.

К этому времени относится и известное социальное расслоение внутри рода, выделение жречества и родовой знати как верхушки из остальных членов рода, составлявших народ. Кроме того, несомненно, существовали рабы, которые были, однако, немногочисленны и преимущественно выполняли домашнюю работу.

В древности племена Ирана и Индии, носившие общее имя ариев, имели и общий язык, их общественный строй, сказания мифологического характера одни и те же. На основании Авесты можно говорить о том, что иранские племена пришли с востока, из областей Средней Азии, и вторглись со своими стадами в восточные области Иранского нагорья, а оттуда часть из них, по-видимому, двинулась в западную часть плоскогорья, другая часть двинулась на юго-восток, чтобы осесть в долине р. Инда. Племена, вторгшиеся на Иранское нагорье, смешались с покоренным им древнейшим населением, и земля, в которой они поселились, получила название страны ариев — Арианы, в современном произношении — Ирана. Некоторые исследователи высказывали мнение, что арийские племена двигались с севера, через Кавказский хребет, доказательством чего они считали существование ираноязычных племен в Осетии. Возможно, что некоторые племена действительно двигались этим путем, но основная масса вторглась на Иранское плато с северо-востока.

§ 3. Источники по древней истории Ирана

Древняя история Ирана имеет многочисленные и разнообразные источники, в число которых следует прежде всего включить памятники материальной культуры, сохранившиеся от эпохи Ахеменидов.

В древнем Иране можно указать на существование двух родственных иранских письменных языков: языка священной книги зороастрийской религии Авесты и языка клинописных надписей ахеменидских царей, называемого также древнеперсидским.

Среди письменных источников следует прежде всего отметить Авесту, древнейший памятник арийских народов, отразивший их жизнь на самых ранних ступенях общественного развития.

Большую ценность представляют те сведения, которые были получены из клинописных табличек Ассирии, а затем Вавилона, тем более, что они давали как некоторые исторические сведения (например, о завоеваниях мидян), так и некоторые хозяйственные сведения (для времени Дария). От периода завоевания Египта сохранились иероглифические надписи современников событий. Наконец, величайшее значение имеют древнеперсидские исторические надписи.

Некоторые из них составлялись на двух и даже на трех языках, чтобы могли быть понятны тому конгломерату народов, которым являлась Персидская держава. Самой значительной из них должна считаться Бехистунская надпись. Открытая в 1802 г. Гротефендом, она до сих пор остается предметом исследований. Надпись эта находится на высокой скале, на караванной дороге недалеко от Керманшаха. На скале высечено изображение царя в сопровождении двух лиц, держащих его лук и копье. Правой ногой Дарий попирает мага Гаумату, вслед за которым идут девять бунтовщиков в одной общей цепи, с руками за спиной; последним идет скиф Скунх в остроконечной войлочной шапке. Бехистунская надпись сделана на трех языках: вавилонском, эламском и древнеперсидском. В персидской клинописи имеется 38 знаков, которые соответствуют согласному или слогу (согласному с гласным). В ней имеются также идеограммы, т. е. знаки, символизирующие целое слово, как например идеограмма Ахурамазды. Благодаря параллельным текстам Бехистунской надписи оказалось возможным ее чтение, а затем чтение других персидских клинописных памятников.

Ценнейшие сообщения о персах и описание войн, которые вели греческие города-государства, Афины и Спарта, с персами, оставили нам греческие историки. Наиболее замечателен дошедший до нашего времени труд Геродота Галикарнасского (середина V в. до н. э.), заслужившего название «отца истории». Геродот сообщил чрезвычайно ценные сведения о древней Мидии и Персии, которые он черпал из официальных персидских источников, сообщений персов и того, что было записано непосредственными участниками греко-персидских войн. По своим политическим убеждениям Геродот был сторонником Афин и высказывал их точку зрения. Труд Геродота представляет огромную ценность и содержит сведения исключительной значимости для истории Персии и сопредельных стран, в том числе для истории областей южного Причерноморья, населенных скифами. Большую ценность имеют также сведения греческого историка Ксенофонта, участника похода Кира Младшего (конец V в. до н. э.). В своем сочинении «Анабасис» он сообщает об отступлении 10 000 греков через области северной Месопотамии и Армении. Он упоминает различные области Ахеменидского государства и сообщает географические и этнографические данные о них.

Разрозненные сведения об Иране имеются и в произведениях ряда других греческих и латинских авторов, среди которых особое место занимает обширный географический труд грека Страбона (I в. до н. э. — начало нашей эры), описывавший области Ирана. Он сообщает данные о производительных силах Иранского нагорья, этническом составе населения, его общественном строе и культуре. Не менее ценны сведения Исихора Харакского, составившего на греческом языке маршрут караванного пути из Сирии в Среднюю Азию через Парфянское государство, и известного греческого географа Птолемея (II в. н. э.), труды которого оказали длительное и глубокое влияние на географическую литературу арабов и персов.

О мидянах упоминают ассирийские памятники IX в. до н. э., которые знают их как разрозненные племена, не имеющие единого государственного устройства. К середине VIII в. до н. э. (737 г. до н. э. — год похода ассирийского царя Тиглатпалассара III против мидян) клинописные надписи перечисляют ряд племен, которые находились недалеко от границы Ассирии и составляли как бы ее внешнее окружение. Наиболее значительными из этих племен были «сильные» или «могущественные мидийцы». Они обитали на востоке, в гористой местности, сравнительно отдаленной от границ Ассирии, с центром в Бикни, на северо-восток от нынешнего Тегерана. Во главе «сильных мидийцев» в VIII в. до н. э. стояли многочисленные вожди племен.

Греческий историк Геродот (V в. до н. э.) знает шесть мидийских племен, которые были объединены «первым царем» Дейокой, но несомненно, что процесс объединения начался раньше.

Мидия складывалась как государство в соседстве с большими древними культурными государствами, какими были Ассирия и Урарту, и в борьбе с кочевыми племенами, нападавшими на нее с востока.

Древнее государство Урарту, расположенное в южных отрогах Кавказского хребта, было мощным соперником ассирийских царей, и в 857 г. до н. э. Салманассар II упоминает имя этого государства в надписи. Клинотписные надписи Урарту сделаны на урартийском языке. Урартология, наука, развитая советскими учеными, заняла в настоящее время выдающееся место среди отраслей науки о древнем мире.

Борьба между Урарту и Ассирией имела значение для истории иранских народов, так как были ими населены области Манна и Парсуа, которые принадлежали к началу IX в. Урарту. Конец IX в. и первая половина VIII в. до н. э. были заполнены войнами Ассирии с Урарту, неудачными для первой. При ассирийском царе Тиглатпалассаре III (правил в 746—727 гг. до н. э.) ассирийская держава снова окрепла. Последовательные походы ассирийцев в VIII в. до н. э. в Манна и Парсуа значительно ослабили эти урартские области.

Зажатая между сильными военными государствами — Ассирией и Урарту — Мидия была вынуждена бороться за свою самостоятельность.

Ассирийский царь Тиглатпалассар III в 744 и 735 гг. до н. э. совершил походы на Мидию, которые увенчались успехом и дали возможность поставить там ассирийского наместника и воздвигнуть храм ассирийским богам. Последующие годы внимание Ассирии было отвлечено к ее западным границам. Но в 722 г. престол Ассирии оказался в руках Саргона II. Он стал тщательно готовить войну против Урарту, цари которого поддерживали дружеские связи с мидийскими и арийскими племенами. В 716 г. начались военные действия, в результате которых Мидия и примыкавшая к озеру Урмия Манна подверглись разорению войсками Саргона, и мидийский царь Дейока был разбит в 715 г. В следующем году Саргон повторил свой поход в те же области, так как Дейока делал попытки вновь организовать и объединить вокруг себя мидийские племена. Саргон выступил против «маддай» и «манна» и в особенности против «Бет Дейока», иначе говоря, областей, подвластных царю Дейоке. В 713 г. до н. э. Саргон вынудил ряд областей Мидии выплачивать ему ежегодную дань. Дейоку принято считать основателем Мидии и ее столицы города Экбатаны.

Греческие историки Геродот и Ктесий сохранили сведения о родословии и хронологии царей Мидии, но данные их расходятся. В настоящее время может быть принята следующая последовательность царей

Мидии: Дейока (известны сведения от 715 г. до н. э.), Фраорт — Кшатрита (675—653 гг. до н. э.), господство скифов (приблизительно 653—625 гг. до н. э.), Киаксар — Увакшатра (625—585 гг. до н. э.), Астиаг — Иштумегу (585—550 гг. до н. э.).

Преемник Саргона Санхериб в 702 г. прошел со своими войсками на восток. Пересекая Элам и возвращаясь обратно через области «далних мидийцев», он получил от них подарки и подношения, которые названы данью: «На моем обратном пути я принял тяжелую дань из земли дальних мидян, имени которых никто не слышал во дни царей, отцов моих. Они покорились моему владычеству». Племена, с которыми он сражался на Востоке, были кашши (касситы). В 690 г. до н. э. Санхериб разбил союз между Эламом и Вавилонией.

Общественный строй Мидии можно охарактеризовать как родовой в стадии разложения. Расширение скотоводства и земледелия способствовало появлению рабского труда, а массовые передвижения и завоевательные походы способствовали обращению в рабство многих людей. Ремесленники были несомненно в наличии в VIII в. до н. э., так как надписи ассирийских царей говорят о том, что победы над мидийскими племенами давали им возможность уводить с собой большое число ремесленников.

В VIII в. до н. э. с севера и северо-запада через Кавказский хребет двигались киммерийцы и скифы. Киммерийцы населяли южно-русские степи, по свидетельству Геродота, который знает их живущими по берегам Черного и Азовского морей. Вновь пришедшие орды скифов и саков, также принадлежавшие к иранской ветви народов, вынудили другую часть киммерийцев двинуться во Фракию, а затем перейти Боспор, чтобы появиться в Малой Азии. Бесспорной датой является 750 г. до н. э. — год, когда греческая колония Синоп в Пафлагонии (Малая Азия) была разрушена киммерийцами, которые, следовательно, до этого года перешли Боспор. Это была опасная угроза для Ассирии, пока решительный отпор не был дан Асархадонем в Каппадокии. Между тем, другая опасность грозила от нашествия скифов, которых, однако, Ассирия сумела сделать своими союзниками. С их помощью сын Дейоки, мидийский царь Фраорт, был разбит наголову ассирийскими войсками. Он пытался напасть на исконных врагов Мидии, но сам пал на поле битвы (653 г. до н. э.).

Между тем, скифы, пробившись через Кавказ, делали смелые нападения на все провинции Ассирии, достигая самой Палестины.

Скифы разоряли области мидян в течение десятилетий, и избавились они от скифов, как утверждают предания мидян, путем хитрости. Киаксар, сын Фраорта, будто бы заманил скифов и их начальника Мадия на пир, на котором их напоили пьяными и перебили. Однако часть скифов осталась у Киаксара в качестве телохранителей. Он заставил скифов обучать свои войска военному делу, особенно стрельбе из лука, которой они в совершенстве владели. Мидийская армия была реорганизована, вместо старого деления войска по родам, оно было распределено по роду оружия, что в значительной степени подняло их боеспособность.

Завоевательная политика дала в руки мидийцев области на юг и на запад от Урмийского озера. Союз с вавилонским царем Набопаласаром привел его к новым успехам. В 616 г. Набопаласар атаковал Ассирию, и вслед за ним двинулся Киаксар, который в 614 г. достиг Тигра и обложил город Ниневию, но осада эта не состоялась — мидийские войска были видимо отвлечены другими задачами, в первую очередь, борьбой с остатками скифских племен на севере. Это произошло не без влияния Набопаласара, который не желал господства мидийцев в Ассирии. Между ним и Киаксаром было заключено соглашение, в присутствии обоих мно-

гочисленных армий, по которому внука Киаксара, дочь его сына Астиага, Амитис, была объявлена невестой сына Набопаласара.

В 612 г. обе армии вновь сошлись у Ниневии. Между июнем и августом произошло три сражения, последнее решило судьбу города. В конце сентября Киаксар возвратился в Мидию, но счеты с великой державой еще не были кончены. В северной Месопотамии было организовано новое Ассирийское царство, и Набопаласар обратился в 610 г. за помощью в Мидию. Войска союзников сошлись в ноябре в Вавилонии и двинулись вместе против Харрана, который после победы отошел к мидийцам.

В состав государства Киаксара вошли: Рей (на юг от нынешнего Тегерана), Испахан, Атропатена (Азербайджан),¹ область и город Экбатана (Хамадан). Мидийские войска, присоединив часть Урартского царства, захватили область Каппадокии и в 590 г. стали на реке Галис, отделявшей их от сильного Лидийского царства, богатого и высококультурного. В течение пяти лет тянулась война между Лидией и Мидией, двумя мощными государствами. Битва, происшедшая 28 мая 585 г., была прервана солнечным затмением, которое было предсказано на основании вычислений греческим философом Фалесом Милетским. После этого мир был заключен, а река Галис стала границей Мидии. Через несколько месяцев на престол вступил сын Киаксара Астиаг, притязания которого простирались на Вавилонию, достигшую большого могущества при царе Навуходоносоре (правил в 604—562 гг. до н. э.). После смерти последнего политический кризис несколько ослабил положение этого государства, чем и воспользовался Астиаг, продвигаясь в северные области Месопотамии и в северную Сирию, чтобы отторгнуть их от Вавилонии.

В то же время в начале VI в. до н. э. мидяне подчинили персидские племена, населявшие юго-западные области Иранского плато (Парсу-маш и Аншан), объединив обширные пространства. Но завоевание не было прочным, так как в то время, когда мидяне начали активную завоевательную политику, персидские племена подняли восстание. Области с персидским населением находились под номинальной властью царя Камбиза I, всецело зависевшего от мидян. Легенда утверждает, что Камбиз женился на дочери Астиага и от этого брака родился будущий персидский царь Кир II (Куруш; правил в 559—529 гг. до н. э.), хотя известна и другая версия, что отцом Кира был простой человек. Свою юность Кир провел при дворе Астиага, где сумел завоевать симпатии и сторонников. Кир стремился выдвинуть персов и добиться их господства над мидянами, юго-западные области иранского плато должны были получить руководящую роль, которая до того времени принадлежала северным областям, мидийским.

§ 5. Основание Древнеперсидского царства. Кир

В 559 г. до н. э. Кир был поставлен царем Парса. В честь этого события он приказал выбить свой рельеф в Пасаргадах, из области которых был его род, и в надписи именовал себя «великим царем Ахеменидом», связывая себя с родом персидских вождей. В то же время он заключил союз с вавилонским царем Набунаидом, который рассчитывал таким путем иметь опору против мидян. К 553 г. до н. э. стремления и намерения Кира были столь очевидны, что мидяне выступили против него. Геродот писал: «Персы давно с нетерпением сносили владычество мидян, и теперь, найдя себе вождя, с радостью стряхнули с себя иго». Легендарная традиция сообщает о нескольких битвах, из которых первые

¹ Южный, или Иранский, Азербайджан.

были победоносными для Астиага. Вавилонская хроника, в основном совпадающая с данными Геродота, утверждает, что мидийские войска перешли на сторону персов и престарелый Астиаг попал в плен (550 г. до н. э.). Экбатана, столица Мидии, была захвачена Киrom — таков был конец мидийского царства. «Куруш вступил в землю Агамтуну (Экбатану), царского города. Он взял серебро, золото, всякую утварь и драгоценности; из Агамтуны он вывез все и привез в Аншан сокровища и добро, взятое им», — сообщает вавилонская хроника. Впрочем, мидяне пользовались, наряду с персами, видным положением в новом государстве, поэтому имена персов и мидян заменяли друг друга у египтян и греческих историков и употреблялись ими без различия. Экбатана (Хамадан) осталась столицей и для Древнеперсидского государства, она была значительно укреплена, окружена семью рядами стен и являлась превосходной крепостью.

Около трех лет Кир употребил на то, чтобы упрочить за Персидской державой провинции, принадлежавшие раньше Мидии. Он достиг этого мирным путем, дипломатическими переговорами, а также совершил ряд военных походов. В результате Ассирия, Армения и Каппадокия, как и племена Иранского горного плато, вошли в состав его государства.

Этот период может быть назван периодом образования Персидского государства, основой которого стали союзы иранских племен. Классовое расслоение становилось все более отчетливым. Рост числа рабов за счет пленников способствовал этому. Племенные вожди, царьки небольших областей, становились подданными и союзниками «царя Куруша, Ахеменида». Войско получило более стройную организацию. Оно было разделено на конницу и пехоту, нападения которых были неотразимы. Персидские армии не знали поражений и более века были грозой Ближнего Востока.

На западе граница по реке Галис кавалась тесной Киру, его завоевательные замыслы шли неизмеримо дальше. Амасис, царь Египта, учитывая общее положение и военную мощь молодого государства, заключил союз с Лидией, крайне заинтересованной в защите, а также с Вавилоном и греками малоазиатских колоний. Однако союзниками Кира оказались кикийский царь Сиеннесий,¹ владевший ущельями, по которым проходили дороги в Малую Азию, и греческий город Милет. Поход Кира против Мидийского царя Креза относится вавилонской хроникой к девятому году царя Набонида, т. е. к 547/6 г. до н. э. Несмотря на помощь, оказанную Лидии Египтом и Вавилоном, Кир одержал победу, захватил столицу Лидии Сарды с ее несметными сокровищами и взял в плен царя Креза. Затем наступила очередь греческих городов-государств, и Кир утвердился на побережье Эгейского моря и Геллеспонта.

Захват Вавилонии Кир осуществил с большой осмотрительностью, он постепенно окружал ее, прерывая ее сношения с западными областями, перерезая ее жизненные магистрали и торговые пути. Его стратегию обеспечивали большие материальные ценности, полученные им при завоевании Малой Азии, а также новая военная техника и сведения, почерпнутые в культурных греческих центрах. Доходы торговых и банкирских домов и храмов Вавилонии, которые раньше достигали больших сумм, резко упали. Это вызвало недовольство жреческих и торговых кругов, тем более, что попытки вавилонского царя Набонида вернуть прежнее положение, несмотря на поддержку, оказанную Египтом, были неудачными. В самом Вавилоне образовалась партия, склонная пойти на соглашение с персами. Об избавлении, которое могли принести персы, мечтали и уведенные в «вавилонское пленение» из Палестины иудеи, жители

¹ Возможно, что Сиеннесий было нарицательным именем царей Киликии.

Финикии и приморской Сирии. К тому же на жителей Вавилонии их царем были возложены тяжелые подати, так как поступления из других областей прекратились. Все эти обстоятельства еще более затрудняли положение Вавилона, в котором, однако, подготовили военное сопротивление. Во главе войск был поставлен Белшарусур (Балтасар библейских книг), сын Набонида, отказавшийся сдаться и тогда, когда столица, благодаря хитрости, оказалась в руках Кира. Когда цитадель пала, Белшарусур был казнен (538 г.).

Сохранился замечательный вавилонский документ, составленный после победы Кира, в котором содержится и текст его манифеста. О Набониде говорится, что «слабый был поставлен властвовать над всей страной», что он «постоянно делал то, что было ко злу для его града... его жителей он довел до тибели, наложив на них тяжелое иго», наконец, он «отменил ежедневные жертвы... почитание Мардука, царя богов». Последнее особенно вызвало гнев жречества, которое находило возможным объяснять победы Кира покровительством верховного божества, разгневанного народным бедствием: «Владыка богов разгневался грозно из-за стона их (жителей), он оставил их области. Боги, жившие в них, оставили свои жилища из-за гнева за их перенесение в Вавилон. Мардук... обратился ко всем жилищам, превратившимся в развалины, и к жителям Шумера и Аккада, уподобившимся трупам, обратился и смилостивился над ними»... Желая защитить Вавилонию, «Мардук, великий владыка, защитник людей своих», огляделся кругом, ища «правильного царя по своему сердцу». Таким оказался «Кир, царь Аншана», которому Мардук дал «направить свой путь к Вавилону» и «без боя и битвы дал ему вступить в Вавилон и пощадил свой град от утеснения...» Таким образом вавилонские жрецы стремились оправдать завоевания Кира и дать положительную оценку его победам.

Далее следует текст манифеста, где Кир стремится показать свое миролюбие, заботу о внутренних делах Вавилона, его благосостоянии, ставит себе в заслугу возвращение пленных в города по ту сторону Тигра, на родину. «Я, Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран, сын Камбиза, великого царя, царя города Аншана, внук Кира, великого царя, царя города Аншана... Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликовании и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании. Мои многочисленные войска вступили в Вавилон. Во весь Шумер и Аккад я не допустил врага. Забота о внутренних делах Вавилона и о всех его святилищах тронула меня, и жители Вавилона нашли исполнение своих желаний, и бесчестное иго было с них снято. Я отвратил разрушение их жилищ и устранил их падение. Моим благословенным деяниям возрадовался Мардук, великий владыка, и благословил меня, Кира царя, чтущего его, и Камбиза, моего сына, и все мое войско милостью, когда мы искренно и радостно величали его возвышенное божество. Все цари, сидящие во дворцах всех стран света, от Верхнего моря до Нижнего... и в шатрах живущие цари Запада, все вместе принесли свою тяжелую дань и целовали в Вавилоне мои ноги... Города по ту сторону Тигра, основанные с древних дней, богов, живущих в них, я вернул на их места и дал им обитать там навеки. Всех их жителей собрал я и восстановил их жилища. И богам Шумера и Аккада, которых Набонид, к гневу владыки богов, перенес в Вавилон, дал я, по повелению Мардука, великого владыки, невредимо принять обитание в чертогах „веселия сердца“. Все боги, возвращенные в свои города, да молятся ежедневно перед Белом и Набу о долготе дней моих, замолвят за меня милостивое слово и скажут Мардуку, моему вла-

дыке: „Да будет Киру царю, чтущему тебя, и Камбизу, его сыну...”»; далее текст обрывается.

Политика Кира была политикой большого государственного деятеля, который имел в виду дальнейшие завоевания, и потому ему было важно сохранить мир со жречеством и представителями высших слоев Вавилонии. Отважиться на завоевание Египта в царствование Амасиса было опасно, стройная организация Египта и энергия ее царя были тому препятствием. Но Кир не случайно поддерживал дружеские отношения в Палестине и задабривал города Финикии — они должны были стать его союзниками в будущей войне против Египта, его ближайшей опорой.

Границы великой персидской державы требовали охраны. Особенно беспокойно было на северо-восточной окраине Иранского нагорья, куда делали постоянные набеги многочисленные кочевые племена саксов и массагетов. Необходимо было обезопасить себя с этой стороны, чтобы вести активную политику на Западе и оградить оседлые племена Иранского плоскогорья от разорений кочевниками. Скифские племена саксов и массагетов стояли на низших ступенях варварства, на которых имел место групповой брак, уничтожение одряхлевших родственников и др.

Решающую битву между персами и воинственными варварами Геродот описывает в следующих словах: «Вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли в рукопашную и бились копьями и мечами». Ядром войска Кира была превосходная персидская пехота, отличавшаяся особой стойкостью. Массагеты использовали свою легкую конницу, которая осыпала тучей стрел, уклоняясь от рукопашного боя, пока, оставшись в большинстве, они не нанесли решительного удара. В этом бою (в 529 г. до н. э.) на далекой границе своего государства был убит Кир. Погребен он был в родных Пасаргадах.

§ 6. Иран в правление Камбиза

Старший сын Кира, Камбиз, принимал участие в управлении государством еще при жизни отца. В Вавилоне были найдены документы, составленные от имени Кира и Камбиза, Камбиз упомянут в манифесте Кира, приведенном выше, Камбизу поручил Кир свое царство, отправляясь в последний, роковой, поход против массагетов, из которого он не вернулся. Преемник Кира был организатором, полководцем, правителем величайшей державы своего времени, мечтавшим о ее дальнейшем расширении.

Относительная безопасность хорошо укрепленной восточной границы позволила ему выполнить замысел отца и двинуться на славный древностью и богатством Египет. Иудейское царство в Палестине и города Финикии были его союзниками, к тому же он обеспечил себя поддержкой арабских племен, кочевавших в степях и пустынях, по которым лежал путь персидских войск в Египет. Арабы должны были снабжать персидское войско водой во время его перехода по пустыне на Синайском полуострове. Его поддерживали также города островов Крита и Самоса. Чтобы обеспечить себе спокойствие на время похода, Камбиз приказал убить своего младшего брата Бардию, который мог претендовать на престол. Убийство было совершено тайно, так что можно было предполагать, что Бардия жив, остался в пределах Ирана и только не принимал участия в походе брата.

Камбиз двинулся в Египет в 526 г. до н. э., его войска шли сушей и перевозились на кораблях. Кроме персов, в его войске были греческие наемники. Греки были и в египетских войсках. Военачальник греческих наемников грек Фанет изменил Египту и бежал к Камбизу, оставив двух

своих сыновей. Он провел войска персов через пустыню. Еще до начала военных столкновений Амасис умер, и престол фараонов перешел к Псамметиху III.

Первая битва персов с египтянами произошла при Пелусии — средиземноморском городе Суэцкого перешейка. Греческие наемники Египта до ее начала зарезали перед персидским войском сыновей Фанета и, смешав их кровь с вином, выпили, подтверждая свою клятву драться до конца. Осада Пелусии — «ключа Египта и для выхода, и для входа» — затянулась благодаря отчаянному сопротивлению египтян и греков, пустивших в ход метательные орудия. Персы вели нападение и с суши, и с моря. Взятие Пелусии открыло им дорогу далее. Активное сопротивление они встретили еще в Мемфисе, со взятием которого завоевание персами Египта до Элефантины стало фактом. Большое значение сыграло недовольство египетской знати политикой Амасиса, благодаря чему Камбиз получил поддержку с их стороны. Измена богатого вельможи Удзагорресента, который стоял во главе военного флота, облегчила Камбизу завоевание Египта.

Автобиографическая надпись, оставленная этим представителем египетской знати и жрецом, не оставляет сомнения в том, что персидский царь был принят верхами с радостью. «Когда прибыл великий царь, государь всех стран Камбиз в Египет, и с ним были варвары всех стран, он царствовал над этой страной во всю широту ее и поселил их там. Он был великим царем Египта, великим властителем всех стран. Приказал мне его величество быть в сане великого врачевателя, заставил быть рядом с ним в качестве семера, начальника дворца». В таком положении Удзагорресент смог оказывать влияние на управление Египта и восстановил культ богов и наследственных жрецов в знаменитых храмах.

Захватив Египет, Камбиз стремился далее, он организовал поход на Нубию, славившуюся своим богатством, особенно золотом, которое добывалось на восточном побережье Африки. Северная Нубия обязалась платить дань «царю всех стран», но персидское войско не смогло выдержать ужасной жары и недостатка воды при дальнейшем движении и вынуждено было вернуться обратно.

Во время этого похода (524—523 гг. до н. э.) стали достигать Египта слухи о восстании иранских племен, о появлении самозванца, назвавшего себя именем убитого брата Камбиза, Бардии. Это был жрец (маг) Гаумата. В то же время в Египте начались волнения среди местной знати. Возмущенный Камбиз жестоко расправился с поднявшими было голову египетскими вельможами, а также с некоторыми сопровождавшими его представителями иранской знати, среди которых нашло отклик движение, поднятое в Иране. Подавив восстание в Египте, Камбиз двинулся с войском в обратный путь, но по дороге умер, при недостаточно выясненных обстоятельствах. Историки различно говорят о его смерти: одни — что он сам покончил с собой, непреднамеренно или нарочно, другие — что он упал с коня, выпив слишком много вина, третьи — что, садясь на лошадь, он ранил себя в бедро и умер через двадцать дней. Наиболее вероятно, что он погиб насильственной смертью.

События в Иране были вызваны длительным отсутствием царя, недовольство жречества и мидийской знати тем второстепенным положением, которое они заняли после возвышения персидской династии Ахеменидов; опорой последних была послушная и организованная армия. Движение возглавил маг Гаумата и его брат. К мидийским присоединились и персидские области. Жречество и знать, захватив власть, превратили Мидию в самостоятельное государство. Они жестоко притесняли народные массы, захватили в собственность пастбища и имущество, принадлежавшие общинам. Области, присоединенные царями-полковод-

дами, Киrom и Камбизом, отделились и стали в положение независимых государств — великая персидская держава распалась.

Вновь объединить «царство стран» удалось молодому полководцу Дарию, принадлежавшему к царскому роду Ахеменидов. После смерти Камбиза, согласно преданию, во главе возвращавшихся войск встали семь персидских вельмож или военачальников, которые были представителями семи знатных родов, составлявших ядро персидских племен. Среди них был и Дарий, быстро занявший первенствующее положение как ближайший представитель царского рода.

§ 7. Правление царя Дария I

«Я — Дарьявуш, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, внук Арсама, Ахеменид; говорит Дарьявуш царь, мой отец Гистасп, его отец Арсам, отец Арсама Ариарамн, отец Ариарамна Теисп, отец Теиспа Ахемен. Говорит Дарьявуш царь. Поэтому мы и называемся Ахеменидами. Издревле мы знатны, издревле род наш царским был. Говорит Дарьявуш царь. Восемь из моего рода ранее царями были — я девятый. Девять нас царей в двух коленах», — так писал о себе царь Дарий в знаменитой Бехистунской клинописной надписи. Отец его упоминался в числе приближенных Кира II, а сам он двадцатилетним юношей участвовал в походе этого царя против северных кочевников. Камбиза он сопровождал в Египет в качестве начальника телохранителей.

С первых шагов положение Дария было очень трудным. Те представители знати, которые его поддерживали, требовали себе власти, их необходимо было вознаграждать, делать правителями областей и усыплять их стремления к олигархии.

Он покорил Мидию, Гаумата — лже-Бардия был убит. В этой же Бехистунской надписи об этом говорится так: «Говорит Дарьявуш царь: вот что мною сделано после того, как я царем стал. Камбуджий (Камбиз) по имени, Куруша (Кира) сын, из нашего рода — он здесь царем был. У того Камбуджия был брат, по имени Бардий — от одной матери и от одного отца с Камбуджием. Затем Камбуджий того Бардия убил. Когда Камбуджий Бардия убил, народу неизвестно было, что Бардий убит. Затем Камбуджий в Египет отправился». За время отсутствия царя «народ враждебен стал, затем лжи в стране много стало: и в Персии, и в Мидии, и в других странах». Тогда «маг Гаумата поднялся и народу так лгал: Я Бардий, Куруша сын, Камбуджия брат. Затем народ весь стложился от Камбуджия, к тому перешел: и Персия, и Мидия, и другие страны». Гаумата царство захватил, и «не было человека ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода никого, кто бы у того Гаумата-мата царство отнял». Но на это отважился Дарий: «Я с немногими людьми того Гаумату убил и первейших ему преданных людей».

После этого Дарий восстановил царство, «у нашего рода отнятое», и принял меры, которые могли привлечь на его сторону массы, а именно: принадлежавшие «народу пастбища, недвижимое и движимое имущество и клановое [имущество], что Гаумата-маг у них отнял, я народу на место восстановил». Он упрочил свое положение тем, что «отнятое вернул» — восстановил Персию и Мидию и старался «дом наш восстановить, как раньше [было]».

Тем не менее в разных концах Персии имели место восстания, волнения, появлялись самозванцы, как, например, назвавшийся Навуходносором в Вавилоне, другой, говоривший о себе: «я царь в Эламе». Бехистунская надпись дает целый список областей, которые Дарию пришлось возвращать оружием. Восстание в Эламе быстро улеглось благо-

даря тому, что народ не оказал поддержки ее вождю. Дарий укрепил здесь свое положение и, стремясь сохранить его, переводил официальные документы на эламский язык (Бехистунская надпись). Пока Дарий восстанавливал порядок в Вавилоне, от него отложились Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Сатагидия, Скифия.

В Мидии появился самозванец, объявивший себя потомком Киаксара и принявший имя Фраорта (Кшатрита). Его удалось победить лишь после нескольких повторных походов, из которых третий, последний, был возглавлен самим Дарием. От него отложились области в центре Иранского нагорья. Восстали Парфия и Гиркания, которые удерживал отец Дария, Гистасп, назначенный их наместником. Один из верных сатрапов Дария разбил восставших в Маргиане (522 г. до н. э.). В то же время необходимо было продолжать укрепление Персии и Мидии, в которых не раз готовились новые восстания. В 517 г. Дарию пришлось бороться с вновь восставшими эламитами и предпринять поход против саков — массагетов, «живущих за морем». Областью массагетов была местность к востоку от Аральского моря, между реками Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей.

Академику В. В. Струве советская и вся мировая наука обязаны новыми открытиями, благодаря которым точно локализованы отдельные скифские и сакские народы. Эти разыскания дали возможность установить и «первую точную дату истории народов СССР» (акад. В. В. Струве).

Глава саков и массагетов, Скунха, изображен на рельефе Бехистунской надписи в остроконечной шапке. После победы над саками-массагетами Дарий сохранил ему жизнь, но во главе саков-массагетов поставил другого вождя. Дарию удалось, наконец, добиться спокойствия в своей огромной разнородной державе.

В Египте, куда он ездил искать поддержки жречества и народа, его правление встретило одобрение, и власть его там была твердой. Едва ли можно усомниться в сообщении Бехистунской надписи, что «в один и тот же год, сделавшись царем», Дарий «дал 19 сражений», вышел из них победителем и «пленил 9 царей»; ценой величайших усилий держава Ахеменидов была восстановлена.

Мировая держава должна была получить и новую организацию, которая обеспечила бы ей прочность, согласованность. Необходимо было сосредоточить управление в руках персов, урегулировать подати, которые должны были заменить подарки и подношения, установить денежную систему, наконец, реорганизовать культ и установить письменность. Все эти задачи и были осуществлены Дарием.

§ 8. Внутреннее управление Древнеперсидской державы

Великая держава царя Дария I была, по сообщению Геродота, разделена на 20 административных областей — сатрапий, во главе каждой стоял «правитель области» сатрап (древнеперсидское хша-трапан).

Так как в состав Персидского государства входили древние монархии, города-государства, различные этнические объединения, то и сатрапии имели различную протяженность: наряду с Египтом и Вавилинией, было несколько сатрапий в Малой Азии. Лишь собственная область персов была исключена из общего числа сатрапий, она занимала особое положение — с нее не взимались подати.

Сатрап пользовался неограниченной гражданской властью. Во многих областях продолжали существовать прежние, местные правители: царьки, представители жреческой верхушки, родовые вожди, но они во

всех гражданских делах подчинялись сатрапу. Военные силы сатрапий были подчинены военачальникам, которые были независимы от сатрапов. Этим путем мог быть достигнут взаимный контроль гражданского управления над военным и обратно, при непосредственном подчинении сатрапа и военачальника царю. Большое значение имел и контроль, осуществляемый специальными чиновниками — «государевым глазом», «государевым ухом», т. е. инспекторами, которые посещали сатрапии, узнавали и следили за тем, чтобы не возникали восстания, заговоры, мятежи, не появлялись всякого рода сепаратистские тенденции. Военачальники имели обычно под своим началом войска нескольких сатрапий (четырех или пяти). Воины вербовались из местных жителей: греков, нубийцев, египтян и вавилонян, но основной организующей силой и ядром войска были не эти «иноплеменники», а персы. Персов и мидийцев в отрядах, по сравнению с другими, было сравнительно небольшое число, о чем свидетельствуют, например, папирусы из Элефантины (на юге Египта). Ксенофонт писал: «Мы согласны, что персидский царь чрезвычайно заботится о военном деле: каждому правителю каждого народа, с которого он собирает дань, он предписал, сколько всадников, стрелков, пращников и вооруженных щитами он должен содержать, сколько необходимо ему для управления подчиненными и для защиты страны в случае нашествия неприятеля. Кроме того, он содержит гарнизоны в акрополях».

Войско было рассредоточено по всей области, но в экстренных случаях его передвигали, направляя на границы государства или в области, требовавшие особого внимания.

Одной из важнейших функций сатрапа был сбор податей. До постановлений Дария области персидской державы преподносили царю подарки (подношения или дары), не имевшие постоянных и определенных размеров. Дарий точно установил обязательства каждой сатрапии, в зависимости от ее благосостояния и культурного уровня. Больше всего должны были вносить богатый Вавилон и древний Египет (первый тысячу, второй семьсот талантов); немало платили и другие области, так что в общей сложности ежегодная сумма податей, получаемых государственной казной Дария, составляла 14 500 талантов (около 34 000 000 золотых рублей). Царские кладовые были наполнены металлическими слитками, в виде которых хранилась казна. Кроме того, каждая область вносила еще подать натурой, в зависимости от того, чем она была богата: это было зерно, рогатый скот, кони, рабы, слоновая кость и т. д.

Упорядочение податной системы было возможно лишь с введением в Персии чеканной монеты, которая была известна еще в Лидийском государстве. Царской монетой была золотая чеканная монета. Она имела хождение на Ближнем Востоке в течение многих веков и сохранила за собой название «дарика» (от имени царя Дария). Сатрапии имели право чеканки серебряной монеты, а более мелкие области чеканили медную монету. Развитие денежного хозяйства и объединение больших пространств персами привело к широкому развыванию торговли. Большое число народов и областей оказываются втянутыми в торговые сношения: Вавилон, Египет, Малая Азия, Аравийский полуостров, Фракия и Македония на Балканском полуострове, Причерноморские степи, острова Эгейского моря, собственно Персия и области на северо-восток и на юго-восток от нее.

Как стратегия, так и торговля требовали развитой сети дорог и их безопасности, эта задача в государстве Дария также была разрешена. О большой, прекрасно содержавшейся магистрали, соединявшей прибрежную полосу Эгейского моря с Сузами, сообщает Геродот, путешест-

вовавший по ней в середине V в. до н. э. Путь из Сард до Суз имел 111 почтовых станций и требовал около 90 дней. На протяжении каждых 25 километров находились станции, где путник мог найти отдых и приют. Дороги охранялись отрядами войск, которые строго наказывали за попытки грабежа и разбоя на дорогах, и они стали благодаря этому безопасными.

Замечателен заверченный по распоряжению Дария I канал, соединивший крайний из восточных рукавов Нила с Красным морем, который начал прорывать еще один из фараонов. На берегу канала была помещена плита с высеченной на ней надписью египетскими иероглифами и клинописью, в которой от имени Дария сообщалось об этом сооружении.

Исправность дорог позволяла пользоваться ими для торговых перевозок, для передвижения войск, а также для почтовой связи. На дорогах на небольшом расстоянии друг от друга находились пикеты. Почта от пикета к пикету передавалась всадниками как эстафета, благодаря чему доставлялась с исключительной для способов передвижения того времени быстротой.

Местопробывание царя в течение года менялось несколько раз, одной из главных резиденций были Сузы, куда сходилась ряд дорог. Значительное положение занимали также Экбатана и Персеполис.

§ 9. Общественные отношения в Древнеперсидском государстве

Как в объединении своей державы, так и в ее дальнейшей организации Дарий опирался на высшие слои, на богачей, на знать, на жречество.

В источниках имеются сведения о том, что крупные торговые дома Вавилонии делают все большие обороты, втягивая в свои операции различные области Персии, в состав которой вошел Вавилон. Клинописные таблицы сохранили сведения о крупных оборотах торговых домов Эгиби и сыновей, Мурашу и сыновей и других. Этому немало способствовала система откупа, часто разорявшая области, но представлявшая большое удобство для центральной власти. Так, торговый дом Мурашу с сыновьями взял на откуп область Ниппура. Они должны были собрать с области и города подать серебром и передать ее в царскую казну. Но их рабы и клиенты не только собирали подать, но и обирали население в свою пользу, совершенно разорив его. Жалоба, поданная персидским чиновником на их действия, угрожала им судом, как об этом рассказывают клинописные документы V в. Но «сыновья Мурашу» предпочли дать огромную взятку чиновникам, лишь бы избавиться от суда. Взятка состояла из многих мер ячменя, пшеницы, нескольких бочек вина, многих голов крупного и мелкого скота и т. д.

Большой политической и экономической силой в обществе того времени было жречество, и Дарий, чтобы иметь его поддержку, принимал меры к обереганию основы благосостояния жречества — храмового хозяйства от разорения. Так, он ставил на вид одному из сатрапов Малой Азии то, что он с земледельцев, посвященных Аполлону, взимал пошлину и приказывал им «вскапывать частную землю». Источники сохранили также свидетельство жреца Удзагорресента о покровительстве, оказанном ему и обширному храмовому хозяйству, которым он ведал, Дарием.

Персы занимали особое положение в государстве — они не платили дани. Для свободных персов было одинаково почетно носить оружие и заниматься земледельческим трудом или скотоводством. Персы составляли ядро и начальствующих персидской армии и ее гарнизонов, раз-

мещенных в различных сатрапиях, из них вербовались и представители гражданского управления. Воин и земледелец совмещались в одном лице; в зависимости от обстоятельств перс занимался одним или другим. В персидском обществе существовал рабский, подневольный труд, которым пользовались для выполнения различных работ. Например, строительные работы персами не выполнялись, во всяком случае, строительство царского дворца в Сузах производилось представителями всех народов, входивших в состав Персидского государства: тут были египтяне, греки, вавилоняне, сирийцы, лидийцы, даже мидяне. Только персы не названы в сохранившейся до нашего времени надписи этого дворца. Они были, вероятно, лишь надзирателями на постройках.

Исконные традиции Мидии и Персии сказывались в том, что царь, опираясь на войско, занимал положение неограниченного деспота, но мог не гнушаться простой, скромной работы земледельца. Царь Кир Младший в конце V в. с гордостью показывал греку Лисандру, знаменитому военачальнику Спарты, возделанный им самим сад. В то же время персидский царь позаимствовал пышность и торжественный ритуал, принятый во дворцах монархов Египта, Лидии, Вавилонии — древних государств Востока. Десять тысяч телохранителей составляли личную охрану царя. Его пурпуровая, расшитая золотом одежда, великолепная высокая тиара в драгоценных камнях, трон, на котором он восседал, — все говорило о его величии, о мировом значении державы «царя стран».

§ 10. Культура и идеология времени Ахеменидов

Материальная культура времени Ахеменидов стояла на большой высоте. Сохранившиеся руины городов, гробниц, дворцов дают лишь отдаленное представление о величественных сооружениях, воздвигавшихся Ахеменидами. Особенно много памятников сохранилось в Персеполе, столбчатый зал которого был чудом строительного искусства. На дворцовой лестнице сохранился целый ряд изображений (преимущественно зверей), выполненных цветной поливой. На внутренней стороне парапета той же лестницы имеется замечательное изображение шествия персидских стражников. К этому времени восходит и традиция изображать царя на охоте или в походе среди своего войска. Наряду с великолепными реалистическими изображениями, как например бой льва с быками (Персепольский дворец), встречаются изображения фантастического характера — крылатые быки, полужвери-полулюди и т. д., несомненно связанные с религиозными представлениями персов. Материальная культура, ее технический уровень, степень художественного развития, его характер, содержание играют немалую роль в качестве источника для изучения данной эпохи.

Эклектический характер искусства эпохи Ахеменидов в значительной степени объясняется тем, что родину победителей украшали побежденные различных стран, внося свои навыки и вкусы в работу. Известно, что рельефные памятники дворца в Сузах были созданы мастерами — греками из Малой Азии. При Ахеменидах культурные связи Ирана со странами Средиземноморья, в частности с Грецией, значительно расширились.

Много элементов было почерпнуто из традиций Вавилона. Вавилону персы были обязаны письменностью. Персидское клинописное письмо было алфавитным и, вероятно, создано еще при Кире. От времени Дария сохранился ряд персидских надписей, имеющих большое значение в качестве исторических источников, в их числе — замечательная Бехистунская надпись.

С именем Дария связано введение культа доброго начала вселенной Ахурамазды (Ормузда). Персидские племена и род Ахеменидов, из которого вышел Дарий, почитали Ахурамазду, как бога своего племени. В Бехистунской надписи Дарий все свои победы над самозванцами, свое воцарение — все приписывает воле Ахурамазды и его защите. «Все, что совершил я, совершил по воле Ахурамазды. Ахурамазда послал мне помощь. Ахурамазда защитил меня от всякого зла и мой дом, и эту страну. Потому молюсь я Ахурамазде, да подаст мне за это Ахурамазда».

Религиозные верования персов сложились задолго до этого времени, впоследствии явились основой зороастризма и нашли свое отражение в священной книге Авесте. Состав Авесты неоднороден, относится к различным эпохам, и потому изучение этого памятника представляет большие затруднения. Наиболее древняя ее часть, Гаты (гимны), отражает еще период бесклассового, примитивного общества. На глубокую, седую древность указывают элементы культа собаки, культ быка и, наконец, чрезвычайно долго задержавшийся культ солнечного божества Митры. Пастушеский культ быка тесно срастался с земледельческим культом солнца. Митраизм просуществовал до первых веков христианской эры, достигнув Рима. Издревле существовало у иранских народов поклонение огню. Основателем зороастризма считается Заратуштра (VI в. до н. э.). Согласно его учению, благое начало — Ахурамазда — в борьбе со злым началом Анхра-Майнью (Ариманом) посылает огонь, который является доброй стихией. Ариман же посылает дракона, в единоборстве с которым часто изображается царь. Дуалистическое представление о мире обязывало зороастрийцев вести постоянную борьбу со злом и давало надежду на конечную победу добра.

§ 11. Греко-персидские войны

Подчинение Персией греческих городов Малой Азии открывало ей путь в Эгейское море. В последний период своего царствования Дарий захватил острова Эгейского моря, которые находились в руках греков. Восстание малоазиатских греческих городов, которому оказали поддержку Афины, нарушило на некоторое время равновесие, но персы справились с восстанием, а в 480 г. двинули свои войска против Афин. Как пехота, так и конные войска были доставлены на кораблях, морем. Достигнув Аттики, персидские войска высадились у Марафона, где могла развернуть свои действия конница, которой, впрочем, было немного. Греки под командованием опытного Мильтиада отбили атаку персов, которые устремились на корабли, желая достичь Афин. Но греки захватили несколько судов и успели достичь Афин раньше персов, не решившихся поэтому на осаду города. Победа греков над страшными и, казалось, непобедимыми персами отозвалась восстаниями в покоренных персами областях и отпадениями от персидской державы отдельных областей, в том числе Египта. Последние годы Дария и первые годы его сына Ксеркса (с 486 г. до н. э.) были посвящены усмирению восстаний. Затем Ксеркс стал готовить поход против Афин, собрав многочисленную армию, преимущественно из отрядов покоренных им народов. Персов в войске было немного, едва десятая часть, — они должны были остаться для охраны государства.

В 480 г. до н. э. Ксеркс переправил свои войска через Геллеспонт. Союзное греческое войско не смогло отстоять плодородной Фессалии, но в Фермопильском проходе они пытались удержать персов. Персам удалось пройти в обход и уничтожить отряд из 300 спартанцев во главе с Леонидом, оставшихся последними, чтобы продолжать сопротивление.

У острова Саламина, в узком и мелком проливе произошел морской бой (28 сентября 480 г.), из которого персидский флот вышел с очень значительными потерями — у Ксеркса осталось лишь небольшое число кораблей. Победа греков создала им большую уверенность в собственных силах, а общее желание добить персов сплотило их. Греки собрали свои силы и битва при Платеях (на границе Аттики и Беотии), в 479 г. до н. э. принесла им окончательную победу над персидскими войсками.

Таким образом, походы персов потерпели полное поражение. Дальнейшему распространению державы Ахеменидов на запад был положен конец. Множество народов и государств, входивших в ее состав, были непрочны спаяны, они стремились к самостоятельности, восставали, отделялись, и границы, установленные Дарием, сохранились ненадолго.

§ 12. Персия при преемниках Дария I

Сыну Дария I Ксерксу пришлось начать свое царствование с усмирения Египта. Но и в последующее время эта персидская сатрапия благодаря своим древним историческим традициям неоднократно обособлялась.

Артаксеркс I (правил в 465—424 гг. до н. э.) перешагнул через труп убитого им отца, чтобы вступить на престол. Интрига царедворца Артабана, а затем внутренние волнения ослабили господство персов в Египте. Но царю удалось на некоторое время вернуть прежнее положение. Им было также подавлено восстание в Сирии. С иудеями персы сохраняли дружественные отношения, поддерживая их господствующую верхушку и жречество.

После смерти Артаксеркса I возникла борьба за престол между его сыном Ксерксом II и одним из родственников; последний получил перевес и воцарился в качестве Дария II. Волнения в различных областях не прекращались, они вспыхнули в Лидии (410 г. до н. э.). В 411 г. началось восстание в Египте, о котором известно на основании сообщений эллинистических папирусов. Вскоре после этих предварительных волнений Египет вновь отпал, вероятно, в самый год смерти Дария II.

Обычно против восставших царь направлял войско с одним из своих военачальников, но когда в 405 г. восстало воинственное горное племя кардухов (кадусиев), населявшее область между Ассирией, Мидией и Арменией, царь выступил сам. В походе Дарий II заболел и весной 404 г. умер в Вавилонии. Его сын Артаксеркс II (правил 404—358 гг. до н. э.) вступил в борьбу за престол с Киром, своим младшим единокровным братом. В Сарды Кир стянул часть персидских войск и преческие отряды, но сам пал в битве при Кунаксе (401 г.). Участие Спарты в восстании Кира заставило Артаксеркса II, мечтавшего о прежнем величии Персии, порвать со спартанцами. Его сатрапы начали завоевания в Малой Азии. В 394 г. при Книде персидский полководец Конон (грек-афинянин) разбил спартанцев и заключил с ними выгодный для Персии царский, или Анталкидов мир (387 г. до н. э.), на основании которого греческие города Малой Азии и остров Кипр вновь отошли к Персии. Египет подчинить Артаксерксу II не удалось. Последние годы его жизни были отравлены дворцовыми интригами.

Жизнь Артаксеркса II была описана греческим писателем Плутархом. Опасаясь борьбы за власть, Артаксеркс III, прозванный Ох (правил в 359—338 гг. до н. э.), сначала утвердился на престоле и только через девять месяцев объявил о смерти своего отца. Первый его поход был против кадусиев. Затем он направил свое внимание на Египет, который в течение 60 лет был вполне самостоятелен. Египет, Финикия и Кипр

составили коалицию, и в 351—350 г. до н. э. Финикия восстала. Артаксеркс двинулся с войсками из Вавилона. Особенно жестокая расправа постигла богатейший город Сидон. Наземные войска действовали здесь при поддержке флота.

Сидон был уничтожен пожаром; в огне погибли жители Сидона, затертые в домах. Страх и ужас отдали Финикию в руки персов, к ним отошел и остров Кипр. Одновременно персидский полководец Ментор Родосский подавил восстание сатрапов в Малой Азии. Багой, другой военачальник, вынудил иудеев в Иерусалиме стать в полное подчинение персам, воспользовавшись разногласием среди жреческой верхушки. Персидские войска двинулись под началом Артаксеркса в Египет, укрепивший свою оборону с помощью греческих наемников. Битва при Пелусии привела к победе персов. В 343 г. Египет был вновь завоеван персами и подвергся жестокому разграблению.

Персидская держава достигла размеров, которые она имела при первых Ахеменидах. У Артаксеркса заискивали греки. Филипп Македонский заключил с ним союз, хотя сам тайно готовился к войне против него.

Артаксеркс III умер от отравления. Ему наследовал сын, а затем дальний родственник Дарий III. Дальнейшая судьба Персии была решена греко-македонским завоеванием.

§ 13. Греко-македонская экспансия на Восток

Македония, расположенная между Фессалией и Фракией, в северо-западном углу Эгейского бассейна, в течение долгого времени сохраняла примитивные общественные отношения. Царь Филипп II (правил в 359—336 гг. до н. э.), приобщившийся к греческой культуре, способствовал экономическому и политическому развитию Македонии, усмирил фракийцев и иллирийцев, стал твердой ногой в Фессалии. В 346 г. до н. э. с ним примирились Афины, после нескольких лет борьбы. В 338 г. до н. э. был заключен союз всех греческих государств, главной целью которого была борьба с персами. Это было насущной задачей, от решения которой зависело дальнейшее развитие производительных сил и торговли греков. Филипп, возглавлявший союзные войска, в разгаре приготовлений к военным действиям против персов пал жертвой заговора (336 г. до н. э.), который, быть может, был организован персами.

Его сын, Александр (356—323 гг. до н. э.) получил образование греческого типа, которое он завершил под руководством великого греческого философа Аристотеля. Вступив на престол двадцати лет, он совершил блестящие походы на Иллирию и в долину Дуная. Эти походы дали ему новые контингенты для похода на персов. В 334 г. до н. э. Александр, во главе объединенных греческих войск (30 000 пехоты и 5 000 конницы), переправился через Геллеспонт. Он вышел победителем из первой же битвы на р. Гранике, разбив персидскую конницу. Малоазийские города, в том числе Сарды, открыли ему ворота, сопротивление оказали лишь Милет и Галикарнас. В следующем году вся Малая Азия была в его руках. Александр уничтожал здесь олигархическую власть, которой покровительствовали персы, и устанавливал демократическое правление. Затем через Киликийские проходы он двинулся в Сирию, но персы зашли ему в тыл в долине Иссы. В ноября 333 г. до н. э. произошла битва, персы были смяты, лагерь царя и его семья оказались в руках Александра. Сам Дарий отступил с войсками к Евфрату.

Победа при Иссе дала возможность Александру двинуться на юг, был занят Дамаск, затем упорно сопротивлявшийся Тир (332 г. до н. э.) и города Палестины. Финикия и Сирия признали власть греков. Дарий

вступил в переговоры с Александром, предлагая вечный мир, территорию до Евфрата (до Галиса по другим источникам) и 10 000 талантов дани, но предложение это было отклонено. Александр двинулся дальше. Египет покорился ему без сопротивления. Здесь Александр стремился завоевать симпатии жречества, был посвящен в сыновья бога Аммону и заложил новый город Александрию.

Между тем, Дарий III спешно собрал войско и встретил Александра недалеко от развалин Ниневии. При Гавгамеле Александр одержал еще одну блестящую победу (331 г. до н. э.), вынудившую Дария к спешному бегству в Мидию. Греко-македонские войска двинулись на юг; Сузы и Вавилон открыли ему ворота и выдали свои сокровища.

Во всех битвах персидское войско количественно превышало греческое. Но стремительные удары македонской конницы, тактическое превосходство «фаланги» — особого расположения войска, — сплоченность и стройная организация армии — все доставляло преимущество грекам. В персидских войсках собственно персов было немного, — греческие наемники не проявляли особого энтузиазма, его нельзя было ждать и от воинов из числа покоренных Персией народов, наконец, была слабой организация персидской армии.

Александр поручал высшее военное и финансовое управление в завоеванных областях греко-македонцам, но в остальном сохранял прежнее управление. Из Суз Александр двинулся через горные проходы, где ему было оказано сопротивление, в Персеполь, который сдался без боя (330 г. до н. э.). В древней столице Персии ему досталась казна свыше 120 тысяч талантов. Замечательный персепольский дворец был, однако, сожжен, по политическим причинам или, быть может, случайно пьяными воинами.

В апреле 330 г. до н. э. Александр продолжал движение на восток. В Экбатане он оставил Пармениона, своего полководца, охранять доставшиеся сокровища и наблюдать за общим порядком и спокойствием, а сам двинулся в погоню за Дарием, который достиг Бактрии. Приближение Александра побудило Бесса, сатрапа Бактрии, убить Дария. Македонский царь «законно» занял престол Ахеменидов, наследником которых он себя считал.

В областях, покоренных персами, Александр всегда мог найти группировки, недовольные властью персов, и опираться на них, будь то демократические слои малоазиатских городов или египетское жречество. Сатрапии были разорены системой откупов, хищничеством и поборами.

Огромные суммы податей уходили на то, чтобы знать окружала себя неслыханной роскошью и сказочным богатством. Но персидская родовая знать, лишавшаяся своих привилегий и огромных материальных благ, стремилась оказать грекам настойчивое сопротивление. На востоке, в собственно персидских областях, эта знать имела более прочную опору и смогла, во главе с сатрапами восточных провинций, организовать борьбу. Тем не менее, греко-македонская армия заняла Парфию, Арию и Арахозию.

Из Арахозии греки двинулись на север, весной 329 г. совершили тяжелый перевал через Парапамиз (Гиндукуш), достигли берегов Окса (Аму-Дарьи) и захватили Бактрию и Согдиану, которая оказывала героическое сопротивление в течение трех лет. Мараканда (современный Самарканд) стала штабом Александра. Его отряды достигли Яксарта (Сыр-Дарьи); там была основана еще одна Александрия — Дальняя или Крайняя (современный Ходжент), чрезвычайно важный пункт на путях, уходивших через Среднюю Азию в Китай. Около двух лет пробыл Александр в крайних северо-восточных областях, так как согдийцы подняли

кочевые скифские племена (массагетов), постоянно грозившие этим границам. Сопротивление согдийцев возглавил героический вождь Спитамен. Борьба Александра со среднеазиатскими народами оставила глубокий след в их сознании. Легенда рассказывает, что он железными воротами запер варваров, преградив им путь в культурные, плодородные области Окса.

Завоевателя тянуло все дальше, хотя заговоры в среде македонской знати, на которые он ответил жестокими казнями, должны были служить ему предостережением. Причиной недовольства было затянувшееся пребывание греческих войск на востоке и склонность Александра перенимать восточные традиции в организации своего государства и опираться на местную иранскую знать. Последнее диктовалось интересами огромного завоеванного им государства, в котором восток занимал неизмеримо большее место, чем запад — Македония и греческие города.

Весной 327 г. до н. э. войска Александра двинулись через Гиндукуш и долину реки Кабула на завоевание северной Индии. Воспользовавшись поддержкой некоторых индийских раджей, Александр перешел Инд (326 г.), одержал победу над крупнейшим владельцем Пенджаба Пором и захватил сказочные богатства. Под давлением войск ему пришлось, однако, пуститься в обратный путь вдоль Инда, так как сухопутные войска сопровождал флот. В июле 325 г. греко-македонские войска вышли к Индийскому океану. Переход по бесплодным пустыням Гедрозии, к северу от Персидского залива, привел к гибели части войска от голода и жажды, а бури океана были тяжелы для флота. Весной 324 г. армия достигла Суз.

Александр был полон новых замыслов. Он хотел реорганизовать свое войско, соединить все государственные армии вместе и дать им единое управление, однако это мероприятие вызвало восстание македонских войск на Тигре. Столицей государства он предполагал сделать Вавилон. Угасавший Вавилон имел еще свои преимущества как культурный и экономический центр, в котором скрещивались множество дорог и различные влияния. Эти и другие планы по организации мировой империи, которую он завоевал, Александр не смог осуществить — переутомленный организм тридцатитрехлетнего царя не смог победить лихорадки, и 13 июня 323 г. до н. э. Александр умер в величественном дворце вавилонских владык. Наследниками его оказались ближайшие соратники и полководцы, которые разделили эту грандиозную монархию между собою. Судьба державы Ахеменидов, как и монархии Александра, более всего зависела от того, что она не была единым, спаянным, цельным государством. Это были конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

§ 14. Иран после завоеваний Александра Македонского

Еще при Александре завоеванные области получили единообразное административное управление, причем проводилась тенденция разделения военного и финансового ведомств. Если во главе провинций он ставил сатрапов, то они обязаны были давать ему соответствующий отчет. Это ставило их в зависимость от царя.

Известно, какое исключительное значение для истории имеет основание городов. Эпоха Александра и его преемников была временем, когда особенно оживленно шло возникновение новых городских центров на востоке. Обычно город строился не на пустом месте, а уже существующее селение укреплялось, обносилось стеной, в пределах которой закла-

дывались новые здания государственного и общественного значения. Положение селения менялось юридически, оно получало право полиса, а также новое имя, данное ему основателем. Так будущая столица парфянских царей имела два имени: Ктесифон и Селевкия. Древнее селение Дура на Евфрате было обращено в крепость, и «греки называют этот город Еуропос». После завоевания Александра новой была лишь организация города, как государственного объединения, как полиса, который составляли свободные граждане. Организация полиса обуславливалась наличием греческого населения, греко-македонской колонии. В состав полиса не входили ни чужеземцы, ни рабы. Так в Селевкии греческая часть населения имела обычный для Греции совет трехсот и герусию. Персы и сирийцы имели самостоятельное, не зависимое от полиса, положение, составляя свои особые корпорации. Как в центре сатрапии, в Селевкии находился стратег и эпистат города, ведавший гарнизоном. Очень важным политическим и культурным явлением было распространение военных колоний на восток. Греческие и македонские военные колонии в Малой Азии, так называемые катойкии, имели свои наделы — клеры. Эти наделы были единицами для взимания налогов и все вместе составляли землю клерухов. Наделы эти выделялись из земли, считавшейся царской. Выморочная земля клерухов становилась вновь царской. Катойкия могла быть приписана к городу, и бывали случаи, когда такая военная колония получала права полиса. Для 312 г. до н. э. известна македонская катойкия в Харране. Греческие военные колонии известны в Эдессе, Таксиле, Экбатане и др.

Урбанизация (лат. *urbs* — город) была в то же время средством эллинизации новых областей, способом их ассимиляции и колонизации. Для царя это было наиболее действенным способом утвердить свою экономическую мощь и политическое господство. Город выплачивал царю «предetermined сумму податей, а земля, предоставляемая городу, была собственностью царя. Для поселения в новые города Александром и его преемниками использовались военнопленные, которых обычно переселяли далеко от родных мест. Раненых и больных воинов оставляли в городах, где они пополняли уже имевшиеся греческие колонии. Основным населением городов было население восточное, за Тигром преимущественно персидское. Смешанные браки во многом способствовали взаимному влиянию местного населения и греков. Еще в 324 г. в Сузах Александр открыто поощрял браки между македонскими солдатами и персидскими женщинами. Если греческий язык и был употребителен в городах, то провинция и деревня говорили по-прежнему на персидском, арамейском или другом языке и оставались верными прежним традициям. Основой благосостояния в Междуречье и в западных областях Ирана было рабовладение. Труд рабов и военнопленных применялся для возведения стен, крепостей, городских зданий. Об этом свидетельствуют сохранившиеся вавилонокие таблички конца IV в.

Объединение огромных областей, от Средиземного моря до Сыр-Дарьи и Инда, имело исключительное значение. В Селевкии — Ктесифоне, намечавшейся столице, скрещивались многочисленные пути, соединявшие Среднюю Азию с Средиземноморьем, Кавказ с берегами Персидского залива. «Царский путь» из восточного Ирана на Селевкию и далее на Сарды или Антиохию оставался оживленным, что способствовало развитию торговых отношений, ремесла, производству и обмену всякого рода товаров в обширном государстве. Культ солнечного бога Митры завоевал себе место в Малой Азии, а греческий пантеон стал известен Бактрии. Быть может, не случайно и легендарное оказание, что греческим мастерам индусы были обязаны первым изображением Будды. В этом отношении большой интерес представляют монеты, чеканившиеся

по греческому образцу в собственно иранских областях, например в Греко-Бактрийском царстве, и на много веков определившие характер монет Средней Азии. Символика греческих божеств и иранские культы находят здесь своеобразное отражение.

Значение эллинизации областей Ирана необходимо поставить в тесную связь с ориентализацией тех греко-македонских элементов, которые пришли в соприкосновение с древними культурными государствами востока, с Персией в частности. Наступление Ирана на запад при Камбизе и Дарии и экспансия греков на восток при Александре создали предпосылки для взаимного влияния, сказавшегося на всех сторонах государственной и культурной жизни Ближнего Востока.

§ 15. Борьба государства Селевкидов и Парфии за обладание Ираном

Споры за наследство, возникшие после смерти Александра Македонского, были несколько урегулированы в 321 г. до н. э. По заключенному соглашению Птолемей получил Египет, а сатрапом Вавилона стал Селевк. Он оставался им до 316 г. В 312 г. Селевк Никатор основал династию, и этот год стал считаться началом селевкидской, или антиохийской, эры, по которой в течение многих веков велось летоисчисление на Ближнем Востоке. Центром государства Селевкидов был сначала Вавилон, затем Селевкия на Тигре, и, наконец, Антиохия на Оронте в приморской Сирии. В 281 г. Селевк умер, будучи царем Сирии, Месопотамии и Ирана, объединив их в своих руках.

Постоянное соперничество и борьба между Селевкидами и Птолемеями прекратились только тогда, когда они были покорены римским оружием. Борьба эта держала в напряжении государство Селевкидов на ее западной границе и отвлекала внимание от внутренних дел. Между тем, здесь намечалось сопротивление со стороны иранского населения, среди которого начинало возрастать могущество парфян. Антиох Сотер (правил в 281—261 гг. до н. э.) вынужден был вести войну с отпавшим Пергамом, который ему не удалось вернуть, а затем пережить нападение Птолемея Филадельфа (правил в 266—263 гг. до н. э.). В III в. управлять Бактрией и Согдианой из Антиохии было невозможно. Порученная около 250 г. одному из военачальников Антиоха, Диодоту, сатрапия эта пользовалась относительной самостоятельностью. До 227 г. в качестве Диодота II правил после него его сын. В Иране намечались новые силы. Среди восточно-иранских кочевых племен, известных под общим именем дахов, Аршак, глава кочевого племени парнов, начал объединение Парфии и покончил с Андрогором, представлявшим в ней военную власть Селевкидов. Тиридат, брат Аршака, успел захватить Гирканию и Парфию. Так образовалось Парфянское государство (династия Аршакидов 250 г. до н. э. — 224 г. н. э.).

Поход Селевка II, собравшего армию в Вавилоне, против Тиридата в 228 г. был неожиданно прерван вестью о восстании в Антиохии. Тиридат сохранил господство в Прикаспийских областях за собою до 211 г., года своей смерти. При его сыне Артабане I (умер в 191 г. до н. э.) Селевкиды продолжали пытаться покончить с Парфией, но безуспешно. Одним из крупнейших государств Передней Азии Парфия становится при Митридате (правил в 171—138 гг. до н. э.), чему не могла помешать и активность Антиоха IV. При Антиохе IV можно отметить оживление эллинизации восточных областей. В ее основе лежало давление со стороны греческих элементов, их стремление к экспансии. В конце IV—начале III в. перевес был явно на стороне греко-македонских элементов, поставленных в привилегированное положение, но исподволь Восток взял свое и теснил греков на своих рынках. Политика эллинизации пред-

ставляла собою стремление завоевать вновь утерянные возможности, укрепить экономические позиции для западной торговли. Но Парфия крепла. Митридат последовательно присоединил Гедрозию, Дрангиану (Систан), Арию (Хератская область); завоевание Элимаиса и Мидии сделало для него доступным Междуречье. В 142 г. до н. э. Вавилон, получивший новое греческое обличье при Антиохе Елифане, оказался в руках Митридата, в июле 141 г. до н. э. он захватил Селевкию на Тигре, а в 140 г. до н. э. вавилонские клинописные документы воскресили ахеменидский царский титул, чтобы назвать парфянского владыку царем царей. Началом новой парфянской эры в Вавилоне считали 1 нисана (апреля) 247 г. до н. э.

§ 16. Парфянское государство

С момента, когда Двуречье оказалось в руках парфян, конфликты с Западом стали для них неизбежны. Антиох VII Сидет (правил в 139—129 гг. до н. э.) трижды разбил парфянское войско, имевшее подкрепления из сакских наемников, занял Селевкию и Вавилонскую сатрапию (130 г. до н. э.), зиму провел в Экбатане (Хамадан), но был изгнан Фраатом II, сыном Митридата. Между тем, северо-восточную границу Парфии перешли саки, войска Фраата были разбиты, сам он пал на бранном поле в 129 г. до н. э. Его наследник Артабан II тоже погиб (124 г.) в борьбе с наступающими саками, которые захватили Арию и Дрангиану. Дрангиана получила с тех пор название Сакастан (ныне Систан), т. е. страна саков. В Месопотамии Артабан поставил сатрапом Гимера, жестокое правление которого вызвало недовольствие в Селевкий и других городах. О нем известно, что он продавал жителей Вавилонии в качестве рабов в Мидию. После 129 г. у Персидского залива образовалось возглавляемое арабами государство Харашена. Его царек Гиспазион в 127 и 128 гг. до н. э. владел Селевкийей и Вавилоном, как об этом свидетельствуют монеты. Но Гимер вновь захватил эти области и принял титул царя. Его возвышению способствовало особенно тяжелое положение остальных парфянских провинций, которым угрожало вторжение саков. Митридат II, сын Артабана, привел к повиновению Харацену и вновь захватил Вавилонию (122—121 гг. до н. э.). Около 115 г. парфянам удалось сломить владычество массагетов, так что в их руках оказались области до реки Окса.

Парфия стала твердой ногой на перепутье торговых дорог в Индию и Китай. «Шелковая дорога» проходила теперь через ее владения. Митридат торжественно принял посла Срединной Империи. Император Ву-ди из династии Хань имел в виду укрепить отношения с Парфией, с тем чтобы беспрепятственно вести торговлю. Международное значение Парфии в 92 г. было признано и Римом, с которым Митридат завязал сношения, отправив посольство к Сулле. Он покорил также нарушавшие покой Месопотамии арабские племена, поддерживаемые Антиохом IX. В 87 г. поставленный им правитель принял участие в междоусобной борьбе в Сирии и захватил Деметрия III Эйкайра. В Месопотамии Митридат организовал три вассальных княжества. Адиабена и Гордуэна (племена кадухи, или кадусии) стали самостоятельными в момент общего ослабления власти Селевкидов. Еще в 132 г. образовалось небольшое княжество Осроэна, по инициативе селевкидского правителя иранского происхождения Осроя. В 127 г. там царствовал Абубар Мазур, родоначальник арабской династии, которая в течение нескольких столетий возглавляла Осроэну, до того, как она вошла в состав Римской империи.

Границы государства Митридата II не могут быть точно обозначены, во всяком случае, западный берег Евфрата входил в состав его влады-

ний. Ему принадлежали Зевгма и Никефорий (Калиник). Однако данные нумизматики указывают на сложное положение в Парфии. Хотя в 108 г. до н. э. за Митридатом II утвердился титул царя царей, тем не менее, в 89 г. Готарз I считал себя царем Вавилона. После смерти Митридата в 88/87 г. армянский царь Тигран захватил Гордуэну с Ниневией и Адиабену с Арбелой. Известно, что около 80 г. до н. э. вавилонским царем был Ород I (Ирод). С 64 г. это звание было присвоено аршакиду Фраату III, считавшему своей столицей Вавилон. Борьба за северные области Месопотамии между Фраатом и Тиграном была отдана на суд Помпею, за первым осталась Адиабена, за вторым Гордуэна и Нисибия. Прикаспийские области и власть над массагетами Фраат не удержал, но ему остался Мерв. Окс был границей между среднеазиатскими саками и парфянами. Утеряны были и Сакастан с Арахозией (бассейн реки Хильменд), из которых образовалось Индоскифское государство, хорошо известное китайским писателям I в. до н. э.

В 58/57 г. Фраат III был убит своими сыновьями. После его смерти началась борьба за престол между его сыновьями. В Иране Ород вытеснил Митридата, который временно втянул в свою игру проконсула Сирии Габиния. Римский военачальник после победы над Nabateей двинулся весной 55 г. в Египет. Междоусобие вновь отдало в руки Митридата Селевкию и Вавилон, а Ород вновь отобрал их, причем Вавилон сдался после длительной осады, вынужденный к этому голодом. Митридат был казнен братом осенью 55 г. до н. э.

Между тем Парфия очутилась перед новым врагом — Римом. По предложению Помпея 60-летний Красс был назначен в Сирию для ведения парфянской войны. Его союзниками были царек Осроены Абгар II и представитель арабской династии, господствовавшей над полукочевыми арабскими племенами, вероятно, арабами-бедуинами, жившими в западном направлении от Евфрата, Алхадоний. Третьим союзником Рима был царь Армении Артавазд. Красс весной 54 г. находился в Сирии. В том же году римские войска перешли Евфрат и захватили без особого труда города вдоль реки Балиха (Белик) до Никефория. Исклучение составило небольшое укрепление Зенодотийон, которое было взято штурмом.

На зиму основная часть легионов возвратилась в Сирию, а по две когорты из каждого легиона были оставлены для охраны захваченных в Месопотамии городов. Весной 53 г. Ород запросил Красса о его походе, а на заявление, что ответ будет дан в Селевкии, надменно приказал оказать: «Прежде вырастут волосы на моей ладони, чем он увидит Селевкию».

У Зевгмы Красс перешел Евфрат, имея при себе 7 легионов. Помимо того, была налицо конница его восточных союзников. Ород двинулся во главе своих войск на границу Армении, защита Месопотамии была им поручена 30-летнему военачальнику, носившему имя знатного и могущественного рода Сулен (собственное имя его осталось неизвестным). Римские войска начали продвигаться на Харран по одной из северных дорог Месопотамии, приспособленных в большей степени для караванов верблюдов, чем для движения войск. Путь этот был указан Крассу Абгаром, которого римские историки обвиняют в предательстве. Быть может, было разумнее продвигаться по течению Евфрата на Никефорий (Калиник), как это предлагал квестор Кассий, не стремясь тотчас пересечь Междуречье. Но в Селевкию вело много дорог и любая из них могла представлять опасность при нападении парфян, и возможно, что от Абгара, друга Помпея, исходил не предательский совет.

6 мая 53 г. Красс остановился недалеко от Харрана. Войско было настолько измучено усталостью, голодом и жаждой, что вполне понятны сохранные источниками насмешливые слова Абгара: «Не полагали ли

римляне, что им предстоит путь по Кампании?» Еще до этого отказал в помощи Крассу Артавазд Армянский, а как только стало известно, что парфянское войско приближается, его покинули арабская конница Алхадония и полки царя Осроены. Последний, судя по его едким словам, имел достаточно отчетливое представление о состоянии римских легионов и ввиду опасности постарался скрыться. Красс успел построить войско в боевой порядок, отдать приказанья. Парфяне метали стрелы с исключительным искусством. Римляне не смогли оказать сопротивления и верблюдам, представлявшим грозную силу восточного войска. К закату войны Красса начали отступление, темнота мешала парфянам метать стрелы. 4000 раненых были оставлены на поле битвы. Харран (Карры), куда направился Красс, не мог быть подлинной защитой — там не было необходимого количества продовольствия.

Моральное состояние римского войска было пониженное, часть его двинулась с Крассом к подножию гор Армении, но парфяне продолжали их преследовать. Сурен добился переговоров с римским командованием, во время которых произошли недоразумения, приведшие к столкновению; жертвой его пал Красс. Малое число римлян осталось с Кассием на границе, а около 10 000 было взято в плен парфянами и уведено в Мерв. В Селевкии Сурен устроил пародию на римский триумф. Поражение Красса послужило также темой для насмешек в греческой трагедии, написанной Артаваздом. Сама Армения стала союзницей Парфии, мощь которой была теперь восстановлена. Северные области Междуречья с Нисибией и Гордианой были снова присоединены к Парфии. Но подготовленный Ираном удар против Сирии в 52 и 51 гг. не увенчался успехом. Предприимчивый Сурен был убит, он казался Ороду слишком удачливым полководцем и погиб жертвой его подозрительности. Сын Орода, Пакор, со своей конницей только потревожил Киликию и границы Каппадокии. Парфяне оказались беспомощными перед стенами и крепостными сооружениями Антиохии. Возможно, что самая их экспедиция носила характер легкого похода с целью грабежа наиболее богатых областей, в том числе и предместьев Антиохии. В 50 г. до н. э. иранская конница вернулась за Евфрат.

В 38/7 г. Ород был убит собственным сыном Фраатом IV, захватившим его престол. Положение представлявшего Рим Антония, которому было поручено уладить дела на востоке, было трудное. План кампании был намечен с тем, чтобы отторгнуть Вавилонию от Парфии, но осуществить его не удалось. Весной 36 г. Антоний покинул Зевгму и направился на север, вдоль Евфрата, через Мелитену к Карину — Эрзеруму. Из Карина он двинулся на восток, но его задерживал транспорт, растянувшийся на большое пространство. Для его охраны Антоний выделил часть легионов, но не создал им должного командования. Вследствие этого парфянские войска, обойдя основную массу римских сил, обрушились на их транспорт и захватили его. Этим была предreshена победа парфян. У города Фрааспа Антоний задержался до октября, а в октябре наступили холода и началось бесславное отступление. С большими трудностями римляне достигли Армении. Отсюда Антоний стал просить помощи в Египте, у Клеопатры. Войско было в тяжелом состоянии, холодная снежная зима погубила около 8 000 легионеров. Теплая одежда и припасы, доставленные из Египта на судах, пришли своевременно, но ничто не могло возместить поражения римской армии. Карьера Антония была кончена. Изменение наступило в 30 г. до н. э., когда в Сирию прибыл Август с тем, чтобы дать новое направление восточной политике Рима. Эта политика Рима заключалась в том, чтобы укрепить свою границу с Парфией и продвинуть ее возможно далее на восток. Раздробленное состояние Армении и Парфии, сила родоплеменных отношений, благо-

даря которой отдельные знатные роды приобретали положение владетельных князей, — все создавало возможности вмешиваться во внутренние дела этих государств.

Несмотря на бдительность Августа, Парфией была восстановлена Армения во главе с энергичным царем Тиграном. Армения всегда была предметом спора между Римом и Парфией, ввиду важного стратегического и торгового значения Армянского нагорья. Для Рима мечты о Бактрии и Индии, имевших такое большое значение для международной торговли, были явно неосуществимы. Ближайшие столетия были борьбой за границу по Евфрату; все попытки стать твердо за Тигром терпели крах, хотя в отдельных случаях римские легионы достигали областей собственно Парфии.

В 58 г. н. э. римские легионы под командованием полководца Корбулона начали давно задуманный поход на Армению. Войска парфия, занятые в Гиркании, не смогли оказать помощи армянским войскам. Артакса (Арташат) — древняя столица Армении — была взята, стены ее разрушены, а к 60 г. была покорена вся Армения. В 63 г. между Парфией и Римом было заключено новое соглашение относительно Армении. Новый царь Армении из рода Аршакидов получил, однако, престол из рук Нерона, совершив для этого путешествие в Рим.

Таким образом, в Армении утвердилась ветвь династии Аршакидов (63—428 гг. н. э.). И в этот период она оставалась буферным государством. Ветви Аршакидской династии утвердились также в Иверии (Восточной Грузии) и в Албании (северном, ныне советском Азербайджане).

Парфянам приходилось не только оборонять свою западную границу. Постоянная угроза от кочевых народов с севера и северо-востока не ослабевала. В 72 г. при поддержке царя Гиркании аланы прошли «железные ворота» на Кавказе и разорили Атропатену (Азербайджан). Просьбы Вологеша I (71/72—79/80 гг.) о помощи Рим не удовлетворил, так как его легионы были заняты присоединением пограничных с Парфией княжеств и областей. Поход Траяна, будущего императора, в Армению, а затем в Осроену сделали последнюю римской провинцией и в значительной степени укрепили границу. Весной 115 г. император Траян двинулся при поддержке флота на Тигре и с помощью стенобитных машин взял Селевкию — Ктесифон. Парфянский царь Осрой (Хосрой) бежал, оставив в руках римлян дочь и знаменитый золотой трон. Траяну в 116 г. был присвоен титул «Парфянский».

Престол парфянских царей стал игрушкой в руках римских дипломатов. Но в восточных и северо-восточных областях Ирана группировались противники Рима, и эти персидские области оказали такое ожесточенное сопротивление, что римские войска были вынуждены вернуться на запад и отказаться даже от движения вдоль по Тигру на юг. В августе 117 г. Траян умер.

Как и греко-македонская экспансия, борьба Рима с Парфией была вызвана стремлением получить доступ к торговым путям. Достаточно указать на близость Парфии к Индии и их глубокие взаимные связи или на торговые сношения с Китаем, которые приносили огромные выгоды.

Вологеш II (128/9—147 гг.) пытался поддерживать дружеские отношения с Римом. Нападение алан на Парфию (136 г.) было отбито, причем поддержка была оказана войсками, присланными из Катпадокии. Парфяне собрались с новыми силами и возглавляемые царем Вологешем III (правил в 148—192 гг.) двинулись на запад, взяли Эдессу, несколько южнее перешли Евфрат и вошли в Сирию, где можно было ожидать восстания против римского владычества. Опасаясь этого, из Рима были направлены западные легионы. Император Люций Вер сделал своим штабом Антиохию, восстановил порядок в войсках и в 163 г.

в Армении взял Арташат. Кровавое сражение произошло недалеко от Дуры-Еуропоса. Римляне, развивая наступление, двинулись на восток и снова взяли Селевкию — Ктесифон (165 г.). Эпидемия среди римского войска вынудила его к отступлению. Парфяне нашли силы для обороны и для ответного наступления, которое было отражено (166 г.). Результатом этой кампании было предоставление Риму областей на запад от Хатбора и его политическое господство над Эдессой и Каррой (Харран).

Слабость царской власти в Парфии, постоянная борьба за престол затрудняли ее сопротивление Риму. Поэтому император Септимий Север смог совершить поход на парфян (196 г.). Между тем шла борьба за престол между двумя Аршакидами — двумя Вологешами, из которых один (новый, IV) находился в Селевкии. Восстание охватило северо-восточные области Ирана. Вологеш подавил его своими войсками и после длительного преследования прогнал повстанцев к Каспийскому морю. За то, что царь Адиабены Нарсес не оказал ему поддержки, Вологеш разгромил его.

Новый поход римлян (199 г.), которые систематическими нападениями стремились к окончательному преобладанию над Парфией, увенчался захватом им Ктесифона и Вавилона. Но взять Хатру Септимию Северу не удалось.

В 211 г. римский император Каракалла окончательно подчинил Осроену (центр — город Эдесса), управлявшуюся царем Абгаром IX, и сделал ее римской провинцией. Каракалла воспользовался очередным междоусобием между двумя братьями Аршакидами — Вологешем V в Селевкии и Артабаном V в Экбатане, и захватил Месопотамию, Арбелу, часть Мидии. Артабан V бежал, собрал парфянские войска и двинулся за Тигр (217 г.). Римляне и парфяне встретились у Нисибии, так как Артабан не соглашался на условия, предложенные Римом. В 218 г. был заключен мир.

В это время в Иране назревали новые события. Персы стремились поколебать господствующее положение парфян в государстве. Когда в 212 г. было поднято восстание против царя царей, то наиболее живое участие в нем принял Арташир, сын Папака, происходившего из знатного рода Сасанидов. Папак, присоединив ряд владений, получил титул царя Парса и просил Артабана об этом звании и для своего сына Шапура. Оба они вскоре умерли, и престол захватил Арташир. Авторитет парфянской династии Аршакидов к этому времени совершенно пал. Вологеш V был убит в 222/3 г., Артабан V пал в битве в 224 г., а его сын Артавазд сопротивлялся недолго. Престол царей Персии оказался в руках нового, сильного персидского рода Сасанидов.

§ 17. Общественный строй Парфянского государства

Управление большим Парфянским государством осуществлялось через правителей, или сатрапов, поставленных во главе провинций. Административное деление частью сохранило старое деление царства Ахеменидов, а затем Селевкидов. Сатрапии подразделялись на более мелкие единицы — епархии или на округа, во главе которых ставились гражданские или военные правители. Поземельный учет для распределения налогов был сосредоточен в более мелких центрах епархий, называемых греческими источниками. Наряду с царем царей шаханшахом Аршакидом существовали мелкие царские династии, которые правили в отдельных областях и округах в качестве представителей местных аристократических родов. В ряде случаев положение правителей было вполне самостоятельным. Центром государства была Мидия, и летней резиденцией шаханшаха был город Экбатана. Зимовали цари царей в Вавилоне.

Только власть над Междуречьем и путем в Среднюю Азию сделала из Парфии державу мирового значения.

Царь царей был окружен многочисленным двором, родовой знатью, своей личной военной охраной. Особенно близко к нему стояли семь именитых родов. Совет знатных и второй совет из «мудрых людей и магов», т. е. парфянского жречества, составляли часть центральной государственной власти. Часть государственных должностей, по-видимому, была наследственной для данного рода, как для рода Сурен и Карен. Войско, преимущественно конное, состояло из свободных и знатных парфян, причем вассальные цари и князья имели собственное войско, которое выступало под их началом, составляя часть всей парфянской рати. Для последней поставлялись табуны превосходных лошадей, родиной которых была Мидия. Парфяне славилась как превосходные стрелки, они метали стрелы с исключительной меткостью и силой. Как воин, так и конь, были защищены кольчугой, что превосходно видно на примитивном рисунке из Дуры-Еуропося. Подсобную службу в армии несли, по-видимому, рабы.

Рабство следует считать ведущей формой производственных отношений в Парфянском государстве, хотя оно не достигло той степени развития, которое известно в других рабовладельческих государствах, например в Римской империи. Факт массовой продажи вавилонского населения в Мидию, в качестве рабов, сатрапом Гимером в начале II в. до н. э. является одним из примеров для представления о роли рабства в обществе.

В восточных областях Парфии было развито скотоводство, в западных областях, наряду со скотоводством, процветало земледелие, особенно в Междуречьи, причем разведение огородов, фруктовых садов и виноградников было широко распространено. Пшеница и ячмень были основными зерновыми культурами.

Значение Междуречья, лежащего на перепутьи торговых путей, соединявших Запад с Востоком, не изменилось и во времена господства парфян. Несколько осложнилось положение только в конце II в. и начале I в. до н. э., когда во время политических неурядиц и междоусобиц была ослаблена защита торговых магистралей. Арабские кочевые племена (бедуины) безнаказанно грабили караваны, водить которые становилось опасно. Вследствие этого отмечается некоторое оживление обходных, морских путей из Персидского залива к берегам Индии.

Селевкиды, лишившись Малой Азии, оживили торговую жизнь Финикийского побережья, вступившего в отношения непосредственного обмена с Грецией. Одна из дорог от Персидского залива шла по течению Тигра в Селевкию, а оттуда на Дуру-Еуропос и далее в сирийские торговые центры. Движение по Каспийскому и Черному морям развилось только в римское время. Завязав сношения с Дальним Востоком, Парфия ревниво оберегала свои права на них. Ранний период господства парфян следует, однако, отметить как время свободного и живого обмена. Во II и I вв. до н. э. торговый путь из Средней империи определился. Товары шли через Китайский Туркестан на Мерв, затем на Гекатомпиль, Экбатану в Селевкию. В Месопотамии очень оживленным был и другой тракт, севернее Селевкии, который соединял Хатру с Нисибией и Зевгмой. Насколько оживленным был обмен, говорит появление китайского шелка в Сирии и Египте, наличие сирийских текстильных изделий в Монголии и монет Митридата II в Туркестане.

Китайский путешественник Чжан Цянь около 128 г. до н. э. повез на родину семена винограда и люцерны. Гранаты в Китае были известны как парфянский фрукт. Персики и абрикосы стали известны в Иране от китайцев. Кроме шелка, высоко ценились в Парфии сталь китайской

закалки, которую привозили через Мерв, отсюда ее название — «марийская сталь». Из Вавилонии в Небесную империю вывозились страусы, прозванные парфянскими птицами. Участие городов Междуречья в торговых связях Парфии было самое живое. Если, с одной стороны, путь Персеполь — Кармания — Систан связывал Иран с Индией, то и Евфрат был непосредственно связан с Индом водным путем через Персидский залив. Не потерял своего значения в парфянское время и Вавилон — разноплеменный и разноязычный торговый центр. Его эллинизация принесла богатые плоды: были греки, усвоившие вавилонский язык, и местные жители, знавшие по-гречески. Клинопись уступила место новым формам арамейского письма, в связи с заменой глиняных табличек пергаментом и отчасти папирусом. Астрономия и хронология — науки, созданные Вавилоном, продолжали развиваться. Существует предположение, что Китай позаимствовал у вавилонян название созвездий, а греки в своих математических исследованиях опирались на данные вавилонской науки.

Среднеперсидский язык, получивший название парфянского — пехлеви, был государственным языком в Парфии. Но немногие сохранившиеся на нем памятники написаны арамейским алфавитом по системе идеограмм. Материалом для письма служил пергамент. Тот же Чжан Цзянь отмечает поразивший его способ письма парфян на пергаменте, слева направо.

Сохранившиеся архитектурные памятники, саркофаги, скульптура говорят о высоком уровне развития искусства в Парфии. Иранское искусство этого времени имеет своеобразные черты, предвосхищающие изобразительное искусство эпохи Сасанидов.

Чрезвычайно показательно, что пантеоны городов Месопотамии в парфянское время включают не только старых, местных богов, но и предоставляют место египетским и греческим божествам. Зороастризм и маздаизм, исповедуемые парфянами, распространились далеко за пределы их государства — в Понте, Коммагене, Киликии, Армении. В Иераполе-Мембидже, в Дуре-Еуропосе были храмы великой матери богов — Атаргатис. В той же Дуре поклонялись Ададу и Нанайе Атаргатис, а также богине Артемиде. Храм вавилонского бога Ату найден в сердце Парфии, в Уруке. Бог Бел ассимилировался в Экбатане, Пальмире и Каппадокии. Совместное существование различных божеств говорит о глубоком взаимном влиянии и смешении иранских, вавилонских, арамейских, сирийско-христианских и греческих элементов. В Междуречье с его торговлей, развитыми ремеслами скрещивались все влияния, все религии, и с этой точки зрения оно представляет совершенно исключительный интерес.

§ 18. Итоги периода

В рассмотренный выше период Иран прошел ряд стадий в развитии общества и своей культуры. Первообытно-общинный строй сменился рабовладельческим, сначала в форме домашнего патриархального рабства, затем его более развитыми формами. В связи с этим имело место распространение власти персидских царей на значительные территории, объединенные в ахеменидский период. После греко-македонской экспансии при Селевкидах отмечается усиление городской жизни и градостроительства. Парфянский период характеризует дальнейшее развитие общественных отношений и элементов иранской культуры, в том числе письменности.

ГЛАВА II

РАЗЛОЖЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ И ОБРАЗОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ИРАНЕ (III—VII вв. н. э.)

§ 1. Источники по истории периода

От III до середины VII в. н. э. в Иране царила династия Сасанидов. Ираноязычное население мощной империи говорило и писало на пехлевийском языке, северо-западный диалект которого был официальным языком времени парфянской династии Аршакидов и назван исследователями аршакидским пехлеви. Язык юго-запада Ирана, Персиды, откуда были родом Сасаниды, стал государственным языком времени этой династии и называется сасанидским пехлеви. Оба диалекта пользовались производным от арамейского письма алфавитом, но различного дукта. Несколько знаков пехлевийского могут читаться различно, что создавало и создает трудности чтения текстов. Наиболее употребительные слова изображаются арамейскими идеограммами.

В Средней Азии был широко распространен язык иранской системы — согдийский. Он выполнял роль торгового и дипломатического языка. В СССР имеется ряд письменных памятников на согдийском языке, в том числе документы, найденные на горе Муг, и многочисленные монеты.

В числе источников по истории Ирана времени Сасанидов в первую очередь должны быть названы пехлевийские надписи. Среди них надпись, составленная от имени царя Арташира I. Ряд надписей принадлежит царю Шапуру I, причем некоторые из них составлены на двух языках — на греческом и пехлеви. Сохранились надписи царя Нерсе и царя Шапура II. Имеются также пехлевийские надписи, принадлежащие крупным государственным правителям, иранской знати, как, например, надписи, найденные в Грузинской ССР. Уцелели также некоторые частные документы на пехлевийском языке. Важны документы II в. до н. э., обнаруженные Южнотуркменской экспедицией проф. М. Е. Массона.

На монетах, которые чеканились при сасанидских царях, имеются надписи с именем царя и годом. На аверсе имеется обычно изображение царя, а на реверсе алтарь огня — символ зороастрийского культа. Чеканились золотые монеты — динары, по весу соответствовавшие первоначально золотым динариям римских и византийских императоров. Но затем вес динаров значительно менялся.

Более широкое хождение имели серебряные монеты — драхмы. Вес драхмы колебался от 3,5 грамма до 4 граммов, цену ее следует определить от 25 до 28 копеек золотом. Были серебряные монеты весом полдрахмы, а также мелкие медные монеты.

При дворе сасанидских царей, как это было и при Ахеменидах, велись официальные анналы — погодные записи, в которых отмечались все важнейшие события. Эти записи легли в основу пехлевийской книги «Хвадай-намак» («Книга государей»), не сохранившейся в подлиннике. Погодные записи, договоры, законы хранились в архиве. *Агафий Схоластик* (умер около 582 г. н. э.), греческий историк царствования Юстиниана, использовал официальные материалы, которые были ему переданы лучшим переводчиком Хосрова I, Сергием. Последний получил их из архива сасанидских царей и перевел с пехлевийского.

Хвадай-намак была переведена на арабский язык *Ибн ал-Мукаф-фой*, перешедшим в ислам персом-зороастрийцем, умершим около 757 г. н. э. Тот же *Ибн ал-Мукаффа* перевел и другие пехлевийские книги, в том числе «Жизнь царей персов». Что касается «Книги государей», то существовали и другие ее переводы, которые были использованы арабскими и персидскими историками более позднего времени.

Существенное значение имеет так называемый «Сборник тысячи решений», фрагментарно сохранившийся юридический памятник, написанный на пехлевийском. Сирийские версии его сохранились в переводах *Ишбохта* — несторианского митрополита Персиды, т. е. Парса (VIII в.). Важный материал для истории основания городов и исторической географии сасанидского Ирана дает книга «Города Ирана». Ряд теоретических и практических советов и различных полезных сведений для управления государством и моральных правил содержит псевдоэпиграф «Письмо Тансара», которое ошибочно приписывается знаменитому победу эпохи Арташира I, но в действительности составлено при Хосрове I, между 557 и 570 гг. «Письмо Тансара» близко по содержанию к другим произведениям такого рода, известным под общим названием «андарз» (советы, поучения), на которые имеются многочисленные указания и которые частью сохранились. Такое содержание имела и «Тадж-намак» («Книга венца»).

Общее представление о культуре и быте дают романы и трактаты этого времени, как, например, роман о Маздаке, роман о Вахраме Чобине, о Хосрове и его лаже, особенно роман «Хосров и Ширин», трактат о военном искусстве, об игре в шахматы и некоторые другие. Немногие из пехлевийских памятников сохранились в подлиннике, многие вошли в состав позднейших памятников арабской и персидской литературы.

Сведения пехлевийских памятников послужили материалом для сообщений арабских и персидских историков IX и X вв. — *Я'куби* (вторая половина IX в.), *Ибн Кутейбы* (умер в 889 г.), *Белазури* (умер в 892 г.), *Динавери* (умер в 895 г.). *Анналы Табари* (умер в 923 г.) дают особенно много материалов (интерпретация и комментарий к ним были сделаны Нельдеке). Труд араба-христианина *Евтихия*, православного патриарха Александрии (умер в 940 г.), историко-географические сочинения *Масуди* (умер около 956 г.), *анналы Хамзы Исфаханского*, составленные около 961 г., в своих сообщениях о событиях времени Сасанидов основаны на переводах с пехлевийского.

Находившаяся в тесных сношениях с Ираном — то дружественных, то враждебных, — Римская, а затем Византийская империя, проявляла большой интерес к Ирану. Поэтому латинские и греческие писатели сохранили много сведений об империи Сасанидов.

Аммиан Марцеллин, участник похода Юлиана Отступника 363 г., оставил на латинском языке живое описание событий 353—378 гг. Греческие историки V в. *Феодорит*, *Сократ*, *Евагрий*, *Приск* оставили сведения о культуре Ирана, о зороастризме.

Расцвет византийской историографии в VI в. дал таких историков, как *Прокопий Кесарийский*. Он составил «Историю войн ромеев с персами» и оставил неоценимые сведения о времени Кавада I и маздакитском движении. *Агафий Схоластик* продолжил его труд, а *Петр Патрикий* оставил важнейшие материалы о дипломатических сношениях между Византией и Ираном. Популярная хроника VI в., известная под именем *Иоанна Малалы*, сохранила сведения о маздакитском движении. Важные данные сообщил *Феофилакт Симокатта*, начитанный историк VII в., и хронист *Феофан* (умер около 817 г.), использовавший для своего труда разные не дошедшие до нас источники.

Большое значение для истории Сасанидов имеют армянские источники, так как в раннем средневековье история Армении тесно переплеталась с историей Ирана.

Для изучения истории IV в. большое значение имеет труд *Фавста Византийского*, составленный в первой половине V в., а также *Лазаря Парбского*, завершившего свой труд в 504 г. *Лазарь Парбский* описывает события 388—485 гг. История епископа *Себеоса* (VII в.) особенно важна для последнего периода истории Ирана и арабских завоеваний, современником которых был автор.

С именем *Моисея Хоренского* (V в. н. э.) связан труд по истории Армении, представляющий большую ценность и для истории Ирана. Анонимная армянская «География», ошибочно приписываемая Моисею Хоренскому и относящаяся к VII в. н. э., дает богатый материал для истории Ирана в сасанидский период.

Сирийцы жили как на территории Ирана, так и в Византийской империи, их исторические труды дают важные материалы. Таковы местные хроники, составленные в отдельных городах, как, например, хроника *Иешу Стилита*, законченная около 518 г. в Эдессе, Эдесская хроника середины VI в., описавшая события до 540 г. н. э., хроника города Арбела, составленная в VI в. (не во всех частях достоверная). Существенное значение имеют труды сирийского историка VI в. *Иоанна Эфесского*, изученные советским ученым А. П. Дьяконовым.

Хронологические таблицы *Илии Нисибийского*, составленные в 1008 г., являются выдающимся ученым трудом своего времени. Сборник постановлений сирийских церковных соборов, жизнеописания несторианских патриархов и других деятелей, сочинение *Фомы Маргского* (840 г.), полемические трактаты против зороастризма, содержат многочисленные культурные и бытовые сведения о времени Сасанидов.

Многочисленные памятники материальной культуры также служат источниками для изучения истории Сасанидов. К их числу принадлежат архитектурные памятники (дворцы, храмы, гробницы, городские стены, башни и т. п.) а также посуда, ковры, ткани и т. п. изделия ремесла.

Важными историческими источниками являются наскальные рельефы, которые были традицией сасанидских царей, и монеты — памятники материальной культуры, искусства и письменности одновременно.

§ 2. Образование государства Сасанидов

К III в. н. э. Иран представлял собою государство, лишь номинально объединенное под властью парфянской династии Аршакидов. Фактически оно состояло из многих разрозненных полусамостоятельных, а временами и независимых областей, во главе которых стояли царьки из местной крупной знати, представители мощных аристократических родов. Постоянные междоусобия, войны, столкновения значительно ослабили Иран. Недостаточное число источников и их слабая изученность пре-

пийтствуют возможности детально рассмотреть систему управления этого периода. Военная мощь Римской империи и ее активная политика на Востоке вынудили парфян уступить ей ряд северных городов Междуречья. Аршакиды подвергались нападениям в собственной столице, бывавшей неоднократно в руках имперских солдат.

Новое объединение Ирана началось из другого центра. Провинция Парс, расположенная на юго-западе, где находились древние Пасаргады, родина Ахеменидов, вновь сыграла важную роль в истории Ирана. Парс, или Фарс, дал производные слова — перс, персидский, Персия, — усвоенным греками вместо названия Иран.

Жрец — маг храма богини Анахит, Сасан, принадлежал к царскому роду Фарса и занял видное положение. Сын его Папак был правителем Истахра и имел титул царя. Внуки Сасана, сын Папака Арташир, возвысился, имея поддержку жреческих кругов и части родовой знати. Постепенно расширяя свои владения за счет соседних земель, он настолько усилился, что разбил и сверг самого видного из владетелей Парса. Опасность распыления власти, при большом влиянии мощных родов, их связей и традиций, побудили Арташира вести борьбу со своими братьями за единоличный захват власти. Из этой борьбы он вышел победителем. Стремление к объединению Ирана привело его к неизбежному столкновению с Аршакидами.

Начав свою карьеру со скромной должности правителя крепости Дарабгерд, Арташир не только стал твердой ногой в Парсе, но присоединил область Исфахана и Керман и, наконец, вторгся в Хузистак, непосредственно граничащий с Месопотамией, и двинулся на север. Навстречу ему двинулось парфянское войско. 20 апреля 224 г. на равнине Ормиздаган произошла решительная битва между последним царем парфянской династии Артабаном V и Арташиром. Победа последнего запечатлена в великолепном барельефе, изображающем Арташира I на коне, под копытами которого лежит поверженный Артабан. Другим всадником этого барельефа является бог Ормузд, протягивающий Арташиру инсигнии царской власти. Чтобы стать во главе Ирана, Арташиру пришлось покорить 80 царьков и захватить их области. Но Фарс (Парс) не стал играть роль центральной области государства, хотя здесь и были построены дворцы и остались великолепные наскальные рельефы. Столицей, в согласии с традицией Аршакидов, стали Селевкия и Ктесифон, «города» на Тигре. Здесь, на западе, были расположены наиболее плодородные области, находилось много городов, а торговые дороги соединяли Иран с присредиземноморскими гаванями, с Арменией, Албанией, Грузией, Лазикой, с побережьем Персидского залива и южной Аравией.

В 226 г. Арташир был торжественно коронован и принял титул царя царей (шаханшаха). Он последовательно продолжал свои завоевания, подчинил Мидию с городом Хамаданом, области Сакастан и Хорасан. Путем настойчивой борьбы был захвачен Адорбайган (Азербайджан) и значительная часть Армении. Есть сведения, что ему были подчинены Маргиана (Мервский оазис), Систан и Мекран. Таким образом, граница его государства доходила до низовий Аму-Дарьи, где находились области Хорсзма. На востоке пределом была долина реки Кабула, так что часть кушанских областей находилась в составе Ирана. Это дало повод правителям Хорасана, обычно старшим царевичам сасанидского рода, к прочим титулам добавлять «царь кушан». Ко времени Арташира следует отнести и образование арабского государства Хиры (Хирты), в котором правили арабы рода Лахмидов. Хира находилась под протекторатом, или «под рукой» сасанидских царей и играла роль буфера в их столкновениях с империей.

При Сасанидах вновь произошло объединение персоязычных областей в единое государство, как это было при Ахеменидах.

Государственным языком сасанидской империи стало юго-восточное пехлевийское наречие, впитавшее в себя другие диалекты. Пехлевийский северо-восточный диалект, имевший распространение в парфянский период, не был забыт; об этом свидетельствуют некоторые надписи сасанидского времени.

Многочисленные памятники материальной культуры свидетельствуют о значительном подъеме производства и культуры в Иране в этот период, по сравнению с предшествующим.

§ 3. Иран между Римской (Византийской) империей и кочевниками

Как борьба Рима с Парфией, так и столкновения Византии с сасанидским Ираном имели глубокие экономические причины. Торговля Востока с Римом в императорский период значительно расширилась. Товары с запада через Северную Месопотамию или Юго-западную Армению доставлялись в Иран и Среднюю Азию. Отсюда они проникали в Китай и в Северную Индию. Этими же караванными дорогами перевозились товары с востока. Одно из первых мест в торговле Востока занимал шелк. Поэтому и главная сухопутная магистраль на Восток получила название „шелковой“ дороги. Большое торговое значение имели также пути на север из Северной Месопотамии в Армению и Грузию. Стремясь завладеть этими путями, избавиться от таможенных сборов, от повышения цен на товары империя постепенно продвигала свои границы на восток, тесня Парфию. Те же причины привели к столкновениям между Византией и сасанидским Ираном.

С внутренним укреплением и объединением Иран стал стремиться занять и новое внешнеполитическое положение. Пытаясь в Передней Азии достигнуть берегов Средиземного и Черного морей, Иран пришел к длительным столкновениям с империей. Мощное, имевшее стройное управление государство, каким был Рим, а затем его наследница Византия, настойчиво держалось за свои азиатские провинции. Пограничная линия крепостей и укреплений по Евфрату тщательно поддерживалась, как оплот против Ирана.

Предметом споров между обеими державами были Армения, Иверия и Албания, где правили ветви династии Аршакидов. В 115 г. римский император Траян вторгся в Армению, но он встретил упорное сопротивление. Это сопротивление, а также неудовольствие Парфии и опасность столкновения с ней заставили Рим временно приостановить свое наступление на Армению. Однако в войне 60-х годов римские войска разорили Арташат, столицу Армении (163 г.). Но самостоятельность Армении была признана и тогда, и после похода Каракаллы, начатом в 215 г. и закончившимся его смертью. Сасанидский Иран в свою очередь начал решительные действия против Армении и Албании, стремясь подчинить их себе. Персы искали благоприятного положения и у Черного моря, вследствие чего возникли длительные войны за Лазику.

Все же у империи и Ирана были общие интересы на Кавказе — защита от нападений с севера, из южнорусских степей. Кочевые и полукочевые племена, двигаясь с Северного Кавказа, постоянно стучались в «железные ворота» ущелий главного хребта, чтобы проникнуть в плодородные и богатые области юга.

Кавказские укрепления оберегались иранскими войсками, что было поводом предъявлять империи, заинтересованной в охране этой границы, денежные требования. В борьбу между державами были втянуты и

Рис. 1. Иран в III—V в. н. э.

1 — Граница Парфянского царства (Аршакидов) ок. 224 г. н. э.; 2 — граница государства Сасанидов в конце IV — первой половине V в.

арабские племена Передней Азии, часть из них стала в положение федератов империи, другие считали себя «под рукой» иранских государей. Арабы, объединенные Гасанидами, были союзниками Византии, а государство Лакмидов, центром которых была Хира, воевало на стороне персов. Эти и другие арабские племена (киндиты, таглибиты) выступали в качестве союзных войск свою превосходную конницу. Решая собственные споры, они втягивали в войну обе мощные державы, а последние не раз допускали их грабежи и разбой на территории соседа.

Что касается восточных областей Ирана, то и здесь требовалась бдительность. Закаспийскую и среднеазиатскую границу постоянно тревожили кочевники, они переходили ее, частью сливаясь и растворяясь в массах иранского населения, частью оставаясь на положении союзников, которые легко становились врагами. В IV—VI вв. особенно грозную силу представляли орды, объединенные собирательным именем гуннов. Это имя давали разноязычным и разного этнического происхождения народам, приходившим в соприкосновение с восточными и западными государствами. К ним принадлежали разноплеменные группы хионитов, кидаритов, эфталитов, упоминаемых источниками. Нет сомнения, что смена главенствующей орды не вносила существенных изменений в характер жизни этих племенных союзов.

Активная внешняя политика Ирана была направлена как на западную, так и на северную и северо-восточную границы.

Открытые военные действия против Рима, начатые при Арташире, были закончены только при Шапуре I, его сыне, вступившем на престол в 241 г. Наскальный рельеф в Накш-и Раджабе изображает Шапура на коне, получающим царственное кольцо из рук бога Ормузда, также изображенного на коне. Торжественное коронование Шапура имело место 20 марта 242 г., так как по древнему обычаю полагалось, чтобы коронование совершалось в первый день праздника нового года (навруза) после вступления шаха на престол.

Войну с Римом Шапур закончил в 244 г., и на основании заключенного мира Армения была предоставлена персам. Шапур имел ряд столкновений с народами прикаспийских областей. Сирийская хроника, составленная в области Арбелы, утверждает, что Шапур в первые же годы царствования вел войны «с хорезмийцами и мидянами гор и победил их в жестокой сече». Оттуда он отправился покорять гелов, деламитов и гиркан, что «живут в далеких горах вблизи моря Каспийского». В Хорасане он разбил «туранского» царя, убил его и на месте битвы основал город Невшапур (Нишапур). После всех побед Шапур присвоил себе титул, засвидетельствованный его надписями — «шаханшах Ирана и не-Ирана» (шаханшах-е еран у анеран). Этот титул должен был отражать новое положение империи Сасанидов, царь которой объединил не только Иран, но и области, до того времени не входившие в его состав.

Новая война Ирана с Римской империей принесла полное поражение имперским войскам. Император Валериан был взят в плен (260 г.) и уведен с другими в город Гунде-Шапур. Восточные источники утверждают, что император с другими пленными выполнял тяжелую работу по постройке плотины около Шуштера, на реке Карун. Эта плотина называлась банд-е-кайсар, т. е. «плотина кесаря». Колоссальный рельеф в Накш-и Рустеме (в Фарсе) представляет Шапура торжественно восседающего на тяжелом мощном коне. Император Валериан изображен коленопреклоненным, с простертыми к шаху руками, он как бы молит о пощаде. На нем римская тога, развеваемая ветром, на голове еще не снятый лавровый венец, левая рука лежит на рукоятке меча.

Триумф Шапура I изображен еще в двух наскальных рельефах. Шапур совершил также дальний поход на Сирию и Каппадокию, жестоко разграбив эти богатые области.

В большой пехлевийской надписи 262 г. н. э., сделанной на стене зороастрийского храма в Накш-и Рустеме, Шапур I прославляет свои победы. «У Урхи (Эдессы) битва с императором Валерианом имела место. Я сделал императора Валериана самого вместе с его (войском) пленником» — гласит надпись. В ней перечислены области и города (Батнан, Сингара), занятые Шапуrom в его дальнем походе. В их числе Каппадокия, Галатия, Киликия, Сирия, Финикия и Месопотамия. В последней части надписи Шапур сообщает, что в честь своих побед он установил пять жертвенников огню: от царя царей, его супруги и трех сыновей. Надпись составлена до нападений Пальмиры на Иран.

В это время союзник Рима царь Пальмиры Одейнат напал на Шапура. В Пальмирском оазисе, среди Сирийской пустыни на перепутье караванных дорог, возник город Пальмира, который благодаря своему выгодному положению стал богатым и мощным центром. Одейнат объединил в своих руках Сирию и области Междуречья, принадлежавшие Риму. От императора Галиена он получил титул императора. Борьба персов против Пальмиры до 265 г. велась без успеха. Но Одейнат был предательски убит, ему наследовала его жена Зинобия и сын, неосторожная и претенциозная политика которых оказалась губительной. Положение Пальмиры стало слишком независимым, и в 272 г. римское войско императора Аврелиана разрушило этот город, а Зинобия была увезена в плен в Рим.

В том же 272 г. умер Шапур I. Ему последовательно наследовали два его сына — Хормизд I и Вахрам I. При Вахраме II (правил 276—293 гг.), сыне последнего, возобновилась война с Римом. Император Карр достиг со своими войсками столицы персов Ктесифона, но его внезапная смерть прервала поход. В 283 г. был заключен мирный договор, по которому Риму были уступлены Месопотамия и часть Армении. Шаханшах был вынужден подписать такой мир, так как в Хорасане поднялся восстание его брат, правитель этой области. С помощью саков, кушан и гелов мятежник стремился создать особое восточное государство. Подавив восстание, шаханшах поставил правителем над этими областями своего сына с титулом саканшах.

В последнем десятилетии III в. главным пунктом борьбы между Ираном и Римом была Армения, откуда был изгнан царь Трдат III (правил 287—330 гг.), имевший поддержку в империи. Но римские войска под командой императора Галерия разбили персов. В 298 г. в Нисибин был заключен мирный договор, по которому пять провинций Малой Армении отошли Риму, а Трдат был восстановлен на армянском престоле.

При царе Хормизде II (правил в 302—309 гг.) начались междоусобия. В 309 г. знать возвела на престол сына Хормизда II — младенца Шапура II. До его совершеннолетия правила его мать. Шапур II царствовал до 379 г.

Чертами характера Шапура II были живой ум, личная храбрость, жестокость, несомненный военный талант, о чем свидетельствуют все его удачные походы. Политический деятель большого масштаба, он был высокого мнения о своем царском достоинстве, о власти и значении, которые имел владыка Ирана шаханшах. В первые десятилетия своего самостоятельного правления Шапур II принял меры к ослаблению власти и претензий знати, занявшей слишком независимое положение во время его малолетства. Ему пришлось усмирить арабские племена, чтобы стать твердой ногой на арабском побережье Персидского залива.

Положение Армении между Ираном и Римской империей стало особенно трудным в IV в., так как с признанием христианства, как господствующей религии в 301—303 гг., ее связь с империей упрочилась. В верхах Армении был раскол — одна часть примкнула к сторонникам

империи и их идеологии — христианству,¹ другая ориентировалась на персов. Пользуясь раздорами среди знати, Шапур захватил Армению и вторгся в Месопотамию. Но осада Нисибии не увенчалась для него успехом, а битва при Сингаре принесла победу римским войскам. Но Шапур II, выиграв несколько битв, прекратил военные действия на западе. Северо-восточная граница Ирана требовала внимания, так как племена «гуннов-хионитов» разоряли пограничные области. Войска Шапура отбросили хионитов. Согласно заключенному договору хиониты стали союзниками персов, как и саки Сакастана, отправившие было от Ирана. Укрепив таким образом свое положение на Востоке, можно было вновь обратиться свои силы на Запад.

Когда в 356 г. из Константинополя пришло предложение заключить мир, в ответ из Ктесифона императору Констанцию были посланы подношения и послание Шапура, в котором, однако, шаханшах, «сопричастник звезд, брат солнца и луны», предъявил ряд требований своему державному «брату». Хитростью захваченные у его деда Армения и Месопотамия должны быть возвращены Ирану, в противном случае весной персидские войска выступят против империи.

От Констанция — «победителя на суше и на море» его «брат царь Шапур» получил категорический отказ вернуть упомянутые области и упреки за все возрастающие непомерные претензии. Послания эти, сохранившиеся у Аммиана Марцеллина в несколько приукрашенном виде, верно передают общее положение, хорошо известное современнику событий.

Персы осадили город Амид, который был ими взят после ожесточенного сопротивления в 359 г. Шапур сам командовал войсками; его союзниками, выступившими вместе с ним, были царь хионитов Грумбат и царь албан. «Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь (шаханшах) ехал впереди всех своих войск, имея на голове золотую диадему в форме бараньей головы, украшенную драгоценными камнями; его окружали разные высшие чины и свита из разных племен... Персы обложили город по всей окружности стен: восточная часть... досталась хионитам... северную сторону заняли албаны, а против западных воров поставлены были сегостанцы (жители Сакастана), самые храбрые из всех воины; с этими последними медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами». Описано все это очевидцем, упомянутым Аммианом Марцеллином, спутником и секретарем римского императора Юлиана, бывшем тогда в осажденном городе. Бой вокруг Амиды длился несколько дней. «Еще до рассвета были со всех сторон вызваны по сигналу труб несметные полчища на такой же жаркий бой и неслись, словно птицы. Насколько хватало глаз, в полях и долинах ничего не было видно кроме сверкавшего оружия диких племен». Такое зрелище представлялось со стены Амиды.

Когда в 361 г. Констанций II умер, его преемником стал Юлиан, при котором была сделана безуспешная попытка вернуть империю к язычеству. Кратковременное царствование Юлиана не могло изменить общего направления в развитии империи, одним из устоев которой была общая идеология — христианство. Император Юлиан выступил с римскими войсками против Шапура, имея поддержку армянского царя Аршака III. Одним из его военачальников был изгнанный брат Шапура Хормизд, которого Юлиан думал посадить на персидский престол. Армия, пройдя Месопотамию, двинулась на Ктесифон, и здесь в одной из незначительных стычек Юлиан погиб. Император Иовиан вернул армию

¹ Христианство стало государственной религией в Римской империи с 30-х годов IV в. н. э.

обратно и поспешил заключить мир на тридцать лет. Нисибия, Сингара и области Малой Армении были отданы Ирану, а Аршак, царь Великой Армении, был смещен Шапуром, как ставленник империи.

Попытки императора Валента поддержать дружественного ему царя Папа и тем самым сохранить влияние в Армении не увенчались успехом. В 370 г., когда персы опустошали Армению, и в 371 г., когда Шапур II двинулся со своими войсками на Армению и Грузию, император Валент посылал вспомогательные отряды на помощь армянам. Победа оказалась на стороне последних, и Шапур был вынужден признать Папа царем Армении.

Пап стремился обеспечить независимость своего государства и сохранил добрососедские отношения не только с Константинополем, но и с Ктесифоном. Им была проведена и полная самостоятельность армянской церкви. Раздраженный его политикой Валент нашел поддержку у части армянской знати и духовенства, вследствие чего Пап был предательски убит (374 г.). Незадолго до своей смерти Шапур также имел случай вмешаться в междоусобицу армянской знати. Военачальник Сурен, посланный с персидским войском, был затем назначен марзбаном Армении.

В 387 г. произошел раздел ослабленной Армении между персами и римлянами: часть областей была присоединена к их владениям, другая оставалась номинально под протекторатом той или другой державы. Номинальная власть Аршакидов была упразднена в западной Армении в 391 г., а ее управителей стал назначать император.

Властный и гордый Шапур II увековечил себя в надписях и наскальных рельефах, он построил и обновил ряд городов Ирана, дав им свое имя. Храбрый, умный и лукавый, Шапур был прекрасным стратегом. Настойчиво стремясь упрочить положение государственной религии — зороастризма, его правительство вело борьбу с представителями христианской религии, распространенной среди сирийцев и отчасти персов. Христианство сближало, как общая идеология, соответствующие группы подданных Ирана с ромеями, которые были врагами сасанидских царей. В глазах шаха это было достаточным поводом для гонений.

После смерти Шапура (379 г.) престол в течение двадцати лет переходил из рук в руки по прихоти знати и зороастрийского жречества. Только в 399 г. на престол вступил энергичный и деятельный шаханшах Ездгерд I, который сумел в значительной мере ограничить власть знати.

§ 4. Общественный строй сасанидского Ирана

К концу IV в. основные черты сасанидского общества принимают более отчетливый характер. Тем не менее ряд вопросов, которые было бы очень желательно выяснить, остаются нерешенными, ввиду отсутствия материала. Источники позволяют дать примерно следующую характеристику общественного строя Ирана.

Во главе государства стоял шаханшах, который принадлежал к царствующей династии Сасанидов. Престолонаследие не имело еще строгих законов, поэтому шах стремился назначить своего наследника при жизни, но и это не спасло от больших затруднений при наследовании. Престол шаханшаха должен и мог быть занят лишь представителем рода Сасанидов. Иначе говоря, род Сасанидов считался царским. При господстве родовых отношений наследование имело черты старой родовой традиции, по которой престол переходил от брата к брату, от старшего из них к младшему в последовательном порядке. В то же время все большие права получал принцип прямого наследования от отца к сыну, с кон-

да V в. престол преимущественно переходил именно таким образом. Тем не менее на всем протяжении царствования Сасанидов, представление, что престол мог быть замещен любым членом этого рода, создавало тяжелые междоусобия и давало возможность отдельным группировкам знати и жречества вести борьбу за того или другого претендента.

Родовое наследование, которое так хорошо известно на примере Киевской Руси, когда брат следовал за братом на престоле, а затем сыновья старшего брата и т. д., может быть отмечено и здесь. Шапуру II наследовал его брат Арташир II, а затем последовательно два сына Шапура — Шапур III и Вахрам IV. В течение двадцати лет шахи часто сменяли друг друга — или смещаемые знатью и жречеством, или погибая насильственной смертью. Особенно большая роль принадлежала в решении этого и других государственных вопросов мобедан мобеду, т. е. верховному жрецу. Положение, которое занимал последний, и его власть соперничали с властью шаха, поэтому наиболее сильные и энергичные цари старались ослабить положение жречества и власть мобедов, но только шаху Ездгерду I удалось несколько ограничить претензии знати и жречества. Источники сообщают о кровавых расправах и дворцовых переворотах, которые нарушали нормальное течение жизни сасанидского Ирана.

Наиболее высокое положение в государстве занимали шахрдары — самостоятельные правители областей, цари, находившиеся в подчинении у Сасанидов, как, например, царь хионитов или албан. Под стенами Амида их видел Аммиан Марцеллин, они сами вели в бой свои войска, сопровождая в походе Шапура II. Правители провинций с V в. назывались марзбанами. Четыре великих марзбана носили титул шаха.

Следующий ранг после шахрдаров занимали виспукхры. Это были семь древнейших иранских родов с наследственными правами, имевшие большой вес в государстве. Самые важные военные и государственные должности были наследственны в этих родах. К ним принадлежали семьи Карен, Сурен, Михран, а также Аршакиды и, вероятно, род Зих и др.

К знати, имевшей обширную земельную собственность, из которой вербовались высшие чины административного и военного управления, принадлежали вузурги (визурги). Источники упоминают о них, как о «знатных», «великих», «именитых», «больших». Они, несомненно, играли значительную роль в управлении государством.

Наиболее многочисленной группой были средние землевладельцы — азады, т. е. «свободные». Они были владельцами земли, деревень, назывались дехканами и деревенскими господами; в качестве непосредственных эксплуататоров крестьян они были необходимы государственной системе Ирана. Азады несли и основную службу, составляя ядро армии, ее прославленную конницу.

Все перечисленные группы принадлежали к эксплуатирующему классу общества. Эксплуатируемый класс (податное сословие) составляли крестьяне и городские ремесленники. К податному сословию были причислены и торговцы.

О положении крестьян в сасанидском Иране имеются лишь очень ограниченные сведения, преимущественно касающиеся налогов, возлагавшихся на них государством.

Источники делают различие между землевладельцем, свободным лицом (азад), и крестьянином, платившим подать (вастриошан). Подать была главным источником доходов государства и верхов. Основная масса подати поступала в виде государственной ренты-налога. Земельный налог составлял известную часть урожая, достигая размеров

его трети или половины, назывался он хараг и сохранил это название и в арабское время (харадж). Частью он выплачивался не натурой, а деньгами. Наряду с ним существовал и подушный (или поголовный) налог, который обязаны были вносить как мужчины, так и женщины в возрасте от 20 до 50 лет. От него были освобождены знать, жречество, воины, чиновники. Эксплуатируемое население постоянно привлекалось также для выполнения государственных строительных работ: строительства городских стен, ирригационных сооружений, дорог, мостов, поддержания сложной системы оросительных каналов.

Ренту-налог с крестьян взимали чиновники «ведомства по ограблению своего собственного народа», как Маркс называл бюрократическую систему фиска. Наряду с этим и мелкие землевладельцы (азады) также использовались государством для взимания податей. Однако сведениями об обязанностях крестьян в отношении землевладельцев мы не располагаем. Источники не упоминают о барщине. Это указывает на то, что землевладелец или не имел своей запашки, или имел, но минимальную. Мало сведений и о том, как была организована жизнь крестьян, но можно указать, что были группы крестьянства, пользовавшиеся землей на арендных условиях. Земля эта имела собственников, у которых они ее получали для обработки. В других случаях следует предположить существование свободных крестьянских общин (кадак).

В известных размерах применялся труд рабов, о чем свидетельствуют многочисленные статьи судебногоника, составленного на пехлевийском языке в VI в., «Матикан-и хазар Датастан» («Порядок тысячу решений»). Рабовладельческий уклад длительно сохранялся и в Иране арабского периода.

Об организации городских ремесленников (хутухшан) в IV и V вв. в Иране за недостатком сведений говорить трудно. Но известно, что в городах ремесленники селились кварталами, соответственно своей профессии. В VI в., несомненно, были ремесленные корпорации. Житие Евстафия Мухетского (грузинский источник VI в. н. э.) сообщает о существовании корпораций и корпоративных праздников у персидских ремесленников (в частности сапожников). Ремесленники принадлежали к податному сословию. Делами ремесленников и торговцев, так же, как и делами крестьян, ведал вастриошансалар. Сбор налогов был главной задачей этого должностного лица, которое назначалось шахом из представителей знатных родов.

В отдельных областях и провинциях Ирана сбор податей осуществлялся амаркарами, которые были подчинены вастриошансалару. Так как эти должности считались почетными и выгодными, их занимали крупные землевладельцы.

Древние города Междуречья (и западных областей Ирана вообще) в сасанидское время были центрами ремесла и торговли. В них жили персы, сирийцы, иудеи и представители других народностей. В некоторые города, основанные персами, насильно переселяли пленных ремесленников. В городах Ирана следует особо отметить роль сирязычного населения, оставившего после себя обширную литературу.

В торговле того времени Ирану принадлежала значительная роль. Великая «шелковая» дорога, доходившая до самой китайской стены, связывала его со Средней Азией. Шелк ввозился из Китая, проходя через руки трудолюбивых согдийцев, которые быстро освоили его производство и изготовление. Кроме того, существовала и оживленная морская торговля персов с Индией, островом Цейлоном, Южной Аравией и Эфиопией. Отсюда они вывозили пряности, драгоценные камни, золото и ряд других товаров. Торговля и ремесло были одним из источников богатства государства.

Для общественного строя Ирана несомненно играли роль древние традиции сословного деления, известного еще Авесте. С известными вариантами источники утверждают, что при Арташире I им было установлено деление на четыре сословия, по аналогии с данными священной книги зороастрийцев. Эти четыре сословия были: жречество, военное сословие, писцы (чиновники) и, наконец, крестьяне, ремесленники и купцы, составлявшие одно податное сословие.

Жречество (асраван) включало ряд различных рангов, из которых наивысший занимали мобеда, затем следовали жрецы-судьи (дадхвар) и другие. Наиболее многочисленны были маги, занимавшие самое низкое место среди жрецов.

Военное сословие (артештаран) было представлено конными и пешими воинами. Всадники вербовались из привилегированной части общества; военачальниками были представители знатных родов.

Сословие писцов (дибхеран) составляли главным образом чиновники государства. Но к ним примыкали и в их число включались люди разнообразных профессий: всякого рода секретари, составители дипломатических документов, писем, биографы, врачи, астрологи, поэты.

Что касается четвертого сословия — народа, то его составляло крестьянство (вастриошан) и ремесленники (хутухшан). В это сословие включались также купцы, торговцы, ремесленники, сами сбывавшие свой товар, и другие.

В пределах каждого сословия было множество градаций и имущественных различий, в экономическом отношении эти группы не составляли и не могли составлять экономического единства. Фактически рамки сословий, существовавшие в сасанидское время, не делали их кастами, а допускали относительную свободу перехода из одного сословия в другое. Но эти сословия Ирана не характеризуют его классового расчленения. В Иране было ярко выражено деление на классы. Эксплуататоры были главным образом землевладельцы, эксплуатируемые — сельское население, в разной степени зависимое и имеющее разное имущественное состояние.

В сасанидском Иране значителен был рабовладельческий уклад. В раннем средневековье Иран переходил к феодальным отношениям, которые получили более отчетливый характер в V в. Зарождение феодальных отношений началось значительно раньше, и маздакитское движение, направленное против установления феодальной зависимости крестьян, сыграло известную роль и для разложения рабовладельческих отношений.

§ 5. Религии в Иране III—V вв.

Зороастризм был господствующей религией в Иране. Как государственная религия, она пользовалась специальным покровительством. Древняя священная книга зороастризма Авеста дошла до III в. лишь отчасти и в различных списках, которые не имели единства. Арташир I отдал распоряжение о приведении ее в порядок и установлении единого текста, повторно об этом заботился Шапур I. Только при Шапуре II вся книга была приведена в порядок, и текст Авесты был разделен на 21 наск (книг, или частей). Список Авесты хранился в главном святилище в Шизе. До нашего времени дошли лишь немногочисленные фрагменты Авесты сасанидского времени. В кратком виде она имеется в восьмой и девятой книгах сочинения Денкард, компиляции IX в. н. э.

В своих древнейших слоях Авеста связана с общими персам и индусам верованиями, которые отражены в «Гатах» (гимнах). Другие части составляют литургические и законодательные книги. Наиболее часто переписывались книги, относящиеся к ритуалу, поэтому они и до-

шли до нас. Вообще, сохранившиеся до нашего времени части священной книги персов составляют едва одну четвертую ее состава того времени. Большой интерес представляют комментарии к Авесте на среднеперсидском языке, называемые Зенд. Авеста была своего рода энциклопедией, в которую включались астрономические, космогонические, юридические, моральные, словом, самые разнообразные материалы.

Зороастризм сасанидского времени носил следы синкретизма. Так преклонение перед силами природы сказалось в почитании огня и воды, в боязни как-нибудь «осквернить» землю. Вода считалась лучшим способом очищения. Поклонение стихии огня выразилось в создании храмов, где в темной комнате воздвигался алтарь, на котором постоянно горел огонь, поддерживаемый особым сортом дерева, которое непрерывно подкладывал жрец. Изображение жертвенника с неугасимым огнем («пирея», от греч. «пир» — огонь) является традиционной темой сасанидского искусства, он часто появляется на монетах царей. Наряду с большими святилищами (храмами) священный огонь поддерживался в домах и в местных небольших храмах и на алтарях, как огонь священный. Обрядов было много, большинство из них относилось к очищению от осквернения. Поклонение солнцу (хвар, в сасанидское время — михр) в образе божественно прекрасного Митры занимало большое место не только в зороастрийской религии. Митра был воспет и имел многочисленные изображения и посвященные ему храмы далеко за пределами Ирана, в частности в Риме.

Основной идеей дуалистического учения зороастризма была идея борьбы светлого начала—бога Ормузда (Ахурамазды) с темными силами — богом Ариманом (Анхра-Манью), в которую втянут весь мир. Человек должен принимать участие в этой борьбе, борясь с темным началом. В конечной страшной битве светлое начало (бог Ормузд) победит и свет восторжествует в мире. Исполнение мелких обрядов и особого ритуала должно было сохранить человека от зла и тьмы, с которыми он неизбежно сталкивался в жизни. Древние сказания персов считают отцом Ормузда и Аримана вечное время (Зрван), которое их породило.

Иранский год был разделен на 12 месяцев (солнечный год), каждый из них носил имя какого-нибудь божества. Праздники, которые соблюдались персами, носили ярко выраженный характер земледельческих праздников. Особенно чтили новый год, ноуруз, в который персы делали друг другу подарки, отдыхали и веселились. В первый день нового года, прежде чем сказать первое слово, все спешили сделать омовение в проточной воде. В этот день ели сладкое и дарили друг другу сласти. Шаханшах в течение первых пяти дней нового года устраивал торжественный прием для высших чиновников и знати, назначал новые должностные лица. Шестой день царь праздновал с ближайшими к нему лицами.

Жречеству в сасанидском государстве принадлежала выдающаяся роль. Многочисленные жрецы делились на целый ряд рангов и возглавлялись верховным жрецом — мобедан мобедом. До времени шаха Хосрова I он занимал первое место после царя. Жрецы были необходимы для отправления культа и сложного ритуала очищения, они имели множество различных градаций. Были среди них и бродячие нищие — «маги», как называют этих жрецов низших ступеней греческие и сирийские источники. Жречество было связано с судопроизводством. В качестве астрологов они составляли гороскопы и предсказывали будущее, смотря в пламя священного огня.

Жизнь каждого человека была связана мелочным ритуалом; на каждом шагу его ждало «осквернение», которое требовало немедленного очищения, что давало возможность жрецам постоянно вмешивать-

ся в жизнь людей, особенно простых. Это вмешательство и ритуал очищения ложились в виде расходов на плечи населения и были источниками дохода и обогащения жречества. Недовольство населения в первую очередь обрушивалось поэтому на магов, и народные движения этого времени неизбежно принимали оттенок сектантства или стремления к новой религии.

В качестве одной из новых религий, занявшей видное положение в Иране, следует считать манихейство, которое в значительной степени таило в себе элементы, способные удовлетворить недовольство масс зороастризмом.

Мани родился около 215 г. в знатной семье, принадлежавшей к роду Аршакидов, и получил хорошее образование. Воспитанный в учении одной из гностических сект, распространенной в Междуречье, Мани ознакомился с другими религиями — зороастризмом, христианством, а также с гностицизмом¹ и создал собственное учение, которое должно было, по его мнению, заменить все другие религии. Мани проповедовал на родном ему сирийском языке и на пехлеви. В его синкретическом учении сливались элементы упомянутых выше религий, к которым он присоединил учение буддизма о переселении душ. В период царствования Арташира I он совершил путешествие в Индию, где проповедовал свое учение. Когда воцарился Шапур I, он вернулся в Иран и в Хузистане встретился с новым шахом. В день коронации Шапура (242 г.) Мани начал свою проповедь у персов. В течение некоторого времени Шапур допускал проповедь манихейства, которое быстро распространилось в Вавилонии, у персов, в областях Римской империи. Но затем Мани пришлось будто бы покинуть Иран, он отправился на восток и достиг областей Центральной Азии. По возвращении в Иран он был обвинен в ереси, схвачен и выдан жречеству. пытки и казни в тюрьме довели его до смерти (276 г.). Манихейское учение, не связанное со сложным ритуалом зороастризма, привлекло к себе внимание и получило распространение. Его адепты, преследуемые в Иране, переселились в Среднюю Азию, где распространение манихейства засвидетельствовано целым рядом сохранившихся письменных памятников.

Большое значение следует приписать культурному влиянию манихейства. Писавший и на пехлеви, Мани заменил старый алфавит сирийским, применив его к особенностям иранского языка. Манихейское письмо было принято согдами и послужило в качестве исходного алфавита для письменности многих народов Центральной Азии. Здесь и родилось позднее своеобразное «манихейское» изобразительное искусство. Миниатюры к рукописям впервые были сделаны самим Мани. Предание прославляет его как каллиграфа и художника. Сведения о манихействе встречаются в согдо-манихейской, сирийской и греческой литературе того времени. Важные материалы о Мани имеются на коптском языке.

В III—IV в. н. э. в Двуречье, Хузистане, отчасти и в других областях Ирана получило большое распространение христианство. После того как в Римской империи христианство стало государственной религией, Сасаниды стали смотреть на христиан Ирана, как на политических сторонников Рима. Кровавые гонения на христиан Ирана продолжались с перерывами с 30-х годов IV в. до 80-х годов V в., пока сирийская церковь в Иране не приняла так называемое несторианское исповедание (признанное в Византии ересью) и не порвала с византийской (православной) церковью. С тех пор политические мотивы для гонений

---

¹ Гностицизм — учение, объединявшее эллинистическую философию с религиозными учениями, в частности христианским.

стпали, и два христианских исповедания — несторианское и монофизитское — (но не православное) получили право легального существования в Иране.¹

§ 6. Иран в V в.

Шах Ездгерд I (правил в 399—241 гг.) вступил на престол в момент, когда зороастрийское жречество и верхи иранской знати свободно распоряжались государством и престолом. Чтобы упрочить свое положение, Ездгерд пытался найти опору в других слоях населения, в частности в городском — торговом и ремесленном населении, среди которого было широко распространено христианство. Мир, заключенный между Константинополем и Ктесифоном, дал Ездгерду повод объявить себя опекуном малолетнего Феодосия II. Ездгерд смягчил режим для христианского населения Ирана и его клира, позволил восстановить разрушенные церкви и освободить христианских узников. В 410 г. был созван собор в Селевкии, который значительно упрочил положение христианского клира и населения. Несколькими годами позднее, когда в Константинополь было направлено посольство из Ирана, чтобы завершить переговоры о мире, в числе представителей шаха был христианский епископ.

Однако такое положение не могло удержаться надолго. Знать и жречество выражали свое неудовольствие шахом, который приближал к себе христиан. В конце своего царствования Ездгерд несколько изменил направление своей политики, так как он стал опасаться возрастающей ненависти жречества и усиления христианских кругов, связь которых с Византией представляла опасность. После смерти Ездгерда в 421 г. (по-видимому, он был умерщвлен) знать стремилась отстранить сыновей Ездгерда от престола и выдвинула на их место представителя боковой линии Сасанидов. Сын Ездгерда Шапур, правитель в Армении, желая занять престол, прибыл в столицу, но был убит знатью. Его брат Вахрам жил при дворе царя Хиры Мундара ибн Нумана, посланный или сосланный туда еще отцом Ездгердом. При поддержке арабского войска, данного ему Мундаром, Вахрам получил отцовский престол.

Большого участия в ведении государственных дел этот шах не принимал, предоставляя их знати и особенно всесильному первому министру вузург-фрамадху Михр-Нарсэ из знатной фамилии Спандияд. Тем не менее, Вахраму приписывается отмена взыскания недоимок, которые скопились за предшествующее царствование, и в год своего вступления на престол он отпустил всем треть поземельного налога.

Политика времени Вахрама V Гура (правил в 421—438 гг.) была враждебна христианским кругам. Михр-Нарсэ изображается источниками, как горячий сторонник зороастризма, строитель храмов и открытый противник христиан, которые были подвергнуты гонениям. Теснимые, они пытались бежать в Византию, но по приказу мобедан мобеда Михр-Шапура им препятствовали в передвижении арабские племена. Многие бежавшие были убиты этими арабами. Обострившееся положение побудило несторианских епископов в Иране созвать собор, на котором они отделились от греческого православия и всякой связи с византийской церковью. Таким образом, политика сближения с Византией была аннулирована. Война между Ираном и Византией принесла победу

¹ Три церкви, на которые разделилось в V в. восточное христианство, — православная (или халкедонитская — по имени Халкедонского собора 451 г.), монофизитская (распространенная в странах Закавказья, в Сирии и Египте) и несторианская (распространенная среди сирийцев Ирана) — расходились между собою в толковании христианского догмата о богочеловечестве Иисуса Христа.

последней, и иранские христиане получили вновь некоторую свободу вероисповедания.

Еще до этой войны у Вахрама произошло столкновение с «северными» народами, которые арабские источники впоследствии называют тюрками. Северо-восточные враги Ирана долго носили общее название гуннов, которое давали всем ордам, наступавшим из Средней Азии. Первоначально шах не имел намерения оказывать им активное сопротивление. Вахрам отправился в Адорбайган (Азербайджан); он расположился в Шизе (Ганзаке), где находился замечательный храм огня, одно из главных святилищ зороастризма. Зная, распоряжавшаяся судьбами государства, узнав о выступлении хагана с многочисленным войском, послала к нему посольство, прося его принять дань, на что тот ответил приказом войскам не грабить областей. По-видимому, он считал вопрос об их подчинении решенным.

Между тем, через лазутчиков Вахрам получил необходимые сведения о врагах, двинул свои войска, напал на них ночью и собственно убил хагана. Решительная битва произошла у Мерва. Вахрам отнял всю добычу, полонил жен и детей. По его распоряжению была отстроена башня, очевидно высокое крепостное сооружение, впоследствии укрепленное Перозом. Граница государства при Вахrame пролежала у Талакана. Нарсэ, брат шаханшаха, получил в управление Хорасан и звание марзбан-и-кушан, титул, который удержался с того времени, когда соседями персов были кушаны. Сохраняя это звание, Иран стремился доказать своим новым соседям хионитам-эфталитам, что прерогативы царства кушан перешли к нему.

Из своих восточных владений Вахрам возвращался через Албанию (Северный Азербайджан). Храму в Шизе он пожертвовал различные драгоценности из добычи и ханшу (хатун, вдову хагана) сделал служанкой святилища.

Памятники материальной культуры и литературы донесли до нас образ Вахрама — смелого охотника, имевшего многочисленные любовные похождения, любителя пиров. Самое прозвание Вахрама У-Гур (т. е. онагр) было ему дано будто бы за то, что одной и той же стрелой он поразил онагра и вскочившего на его спину льва. Легенды о Вахrame говорят, что он поставил в особо благоприятное положение музыкантов, певцов и шутов при своем дворе, а также допустил в Иран из Индии те кочующие цыганские племена, которые своей музыкой, пляской и пением могли доставлять развлечение народу.

Сын Вахрама V, Ездгерд II (правил в 438—457 гг.), остался верен политике отца, и знать во главе с Михр-Нарсэ осталась у власти. Ездгерд отменил древний обычай, который позволял управителям являться самим к шаху в первую неделю каждого месяца. Они являлись для того, чтобы сообщить ему относительно всякого рода несправедливых решениях, нарушениях закона, с тем, чтобы шах принял соответствующие меры. Война с Византией в 442 г. закончилась, не принеся территориальных изменений. Сперва Ездгерд II относился положительно к христианам своего царства.

Армения — оплот христианства на Ближнем Востоке — давно вызвала беспокойство Ирана. Главным опасением была возможность союза между Арменией и Византией, поэтому персы постоянно выражали желание, чтобы религией верхов стал зороастризм.

Сасанидское правительство направило в Армению письмо, в котором знати и духовенству было предложено отказаться от христианства, чтобы этим путем расколоть верхи общества. Подчинив Армению, не представлялось трудным добиться того, чтобы Грузия, Картли и Албания также перестали противиться Ирану. Но армянская знать и духо-

венство ответили отказом и были подвергнуты репрессиям. Для вида часть из них пообещала «разделить нечестие шаха», т. е. зороастризм. Ездгерд, занятый войной, вернул им их имения и, сохранив немногих заложников, направил в Армению большое число зороастрийских жрецов.

Пользуясь тем, что иранские войска были отвлечены войной, нахарары обратились за поддержкой в Византию и подняли восстания. Но империя не имела возможности оказать им помощь. В первых боях перевес оказался на стороне армян, которые захватили в плен марзбана Васака. Васак из Сюника получил доверенный пост персидского наместника в Армении, став зороастрийцем, он находился в тяжелом, двойственном положении. Попав в плен к нахарарам, он вновь перешел в христианство. Между тем, Ездгерд направил в 451 г. свои войска в Армению и разбил нахараров. Одни были убиты в бою, другие подвергнуты казни. В судебном разбирательстве вся вина за восстание была возложена на Васака, которого шах заточил в тюрьму, где он и умер. В Армению по-прежнему посылались марзбаны из Ирана, но полного ее подчинения не произошло, право исповедывать христианство было ей сохранено.

Ездгерду II пришлось вести упорные войны на северо-восточной границе государства, в областях Талакана и Балха. Борьба была настолько серьезна, что в эти северные области была перенесена резиденция шаха с четвертого по одиннадцатый год царствования, т. е. примерно с 442 по 449 г., считая 438 г. годом его вступления на престол. Ездгерд разбил хагана Чола (Чора) и других царьков и построил на этом месте крепость Шахристан—Ездгерд, другие укрепления и крепостные стены, валы. Впоследствии эта провинция была известна как Абаршахр, с городом Нишапуром.

После смерти Ездгерда II (457) началась междоусобная борьба между его сыновьями. Второй его сын — Пероз (Фируз), собрав союзные войска на востоке, победил и был объявлен шаханшахом в 459 г. Важное значение имело то обстоятельство, что Пероз имел поддержку в зороастрийском клире и в верхах феодальной знати, как, например, в семье Михран.

В первые годы царствования Пероза Иран находился в тяжелом положении. Этому способствовала почти двухлетняя междоусобная война, несколько лет засухи и недорода, следствием чего было недовольство и волнения среди населения и, наконец, угрозы со стороны внешнего врага. Главными пунктами нападения была северо-восточная граница Ирана, где «гунны-хиониты» и кидариты не ослабляли своего натиска. Кидариты беспокоили главным образом ту часть границы от восточного побережья Каспия, где приходилось вести борьбу еще Ездгерду II. Столкновения происходили и в области у Талакана, где к концу царствования Пероза пролежала граница государства эфталитов, сменивших кидаритов. Наконец, местом борьбы с гуннами был Кавказ. С северных предгорий, стремясь прорваться на юг, постоянно появлялись все новые орды. Защита кавказских перевалов от кочевников была не только в интересах Ирана, но и в интересах Византии. Например, крепость Юроей-паах (крепость Иверии), находившаяся у так называемых Каспийских ворот, содержалась на общие средства этих держав.

Поддерживая защиту иранской границы во всех этих пунктах, Пероз заложил еще три города.

Город Рам-Пероз был отстроен в области Рей, на юг от южного побережья Каспийского моря, недалеко от нынешнего Тегерана. Рошан-Пероз был воздвигнут как укрепление на юго-восточном побережье Каспия. Третий город Шахрам-Пероз был им заложен в Адорбайгане (Азербайджане), т. е. на западном побережье того же моря.

Бедствия и военные расходы средств и необходимость располагать деньгами побудила Пероза обратиться в Византию за «обычным золотом», т. е. за дотацией, мотивируя свои требования общностью интересов на Кавказе и необходимостью его защиты для обеих держав. Но Византия, как обычно, не сразу давала согласие на дотацию, хотя в конце концов выполняла просьбы Ирана, считая это одним из условий сохранения мира.

Война на северо-восточной границе велась в сущности в течение всего царствования Пероза. В 456 г. она помешала ему вмешаться в дела на Кавказе, где Византия вела войну с лазами в Колхиде. Лазы обратились за помощью к шаханшаху, который, «занятый войной с гуннами, называемыми кидаритами», им отказал. В 468 г. персы победили кидаритов, захватили от них земли и присоединили к своему государству. Потерпев поражение, кидариты вынуждены были уйти. Они не смогли оказать сопротивления эфталитам, и те покорили их.

Эфталиты, или «белые гунны», родственные известным по китайским источникам юэджи, образовали к этому времени мощное государство. Они стремились расширить свои границы от Хотана, где была их восточная граница, до Аму-Дарьи.

Со времени победы над кидаритами эфталиты стали непосредственными соседями персов. В состав их державы входили области Согдианы, Хорезма, они стали хозяевами «шелковой» дороги и захватили Северную Индию. Восточное побережье Каспийского моря и часть Хорасана были в их руках. Господствующие слои эфталитов приобщились к высокой и древней культуре согдийцев и хорезмийцев и своеобразно развили ее.

Новый мощный враг занял место у персидской границы и грозил ему вторжением. Для ведения дальнейших войн Перозу были необходимы деньги, которые он попытался получить в Византии. Денежные субсидии выдавались Константинополем Ирану, чтобы грозная соседка вела войну с кочевыми народами, бывшими их общим врагом. Но в этих дотациях Византия видела также способ умиротворить Иран, когда его взоры устремлялись на ее собственные провинции. Пероз считал возможным просить дотации у Византии, ввиду нападения гуннских племен на Кавказ, где охрана границы была в интересах обеих держав.

Трения между отдельными ордами гуннских племен вызвали их движение. Они двигались по побережью Каспийского моря, пытаясь пройти Дербендские ворота, но путь им был прегражден охранявшим их персидским гарнизоном. Они двинулись другим путем, через иберов (Грузию) и напали на армянские селения. Персы стали просить у Византии субсидии, чтобы иметь возможность охранять крепости Кавказского хребта, так как по мнению персов это было и в интересах империи. Однако последняя никаких денег не уделила Ирану, хотя и проявила известный интерес к борьбе Пероза с эфталитами.

Войны Пероза были длительными, и персы терпели неудачи, даже сам шаханшах попал в плен к эфталитам. Из плена шаханшах был будто бы выкуплен императором Зеноном, который и примирил его с эфталитами. Хотя некоторые источники и считают, что Пероз был в плену дважды, но, по всей вероятности, речь идет только об одном факте. Хитростью эфталиты завлекли Пероза и его войска далеко по длинной дороге, которая кончалась тупиком в горах. Часть эфталитов пряталась в засаде, другая — притворившись, что они спасаются от преследований персов, двигалась по этому пути, а за ними следовали персы. Шаху Перозу никто не посмел указать на грозившую опасность, кроме византийского посла Евсевия, сопровождавшего, очевидно, по приказу императора, Пероза в походе. Евсевий рассказал ему притчу о льве, попавшему в яму.

Шах остановился, но было уже поздно, обратный путь был ему отрезан засадой, и царь эфталитов предложил ему капитуляцию. Персы сделали эфталитам некоторые территориальные уступки, отдали город Талакан и обещали платить дань. Легендарные подробности не лишены колорита. Царь эфталитов потребовал, чтобы Пероз положил ему земной поклон, который тот согласился сделать на заре, навстречу поднимающемуся солнцу, спиной к которому находился царь эфталитов. Достоверным следует считать обещание, данное Перозом в письменной форме, не переступать границы государства Хайталь (эфталитов) и выплатить большую сумму контрибуции. Запрошенная эфталитами сумма была настолько велика, что выплатить всю одновременно Пероз не смог. Количество денег, уплаченных Перозом, составляло 20 мешков, а за 10 мешков он оставил «заложником и поручителем Кавада, своего сына» — факт, сыгравший немаловажную роль в биографии последнего. Возвратившись, шах обложил подушной податью все государство и выкупил Кавада. Желая наладить мирные отношения с эфталитами, Пероз предложил в жены их царю свою сестру, но послал ему другую женщину, которая и раскрыла обман. Разгневанный царь стал просить шаханшаха прислать ему персидских военачальников для инструктажа его войск. Но когда они прибыли, царь их частью убил, частью изуродовал и послал сказать Перозу, что это его месть. Война возобновилась. Персидские войска достигли пограничного города Горго, недалеко от которого эфталиты устроили опасный подпол. Пероз и сопровождавшие его в походе родственники погибли, войско было разбито, и даже труп царя не был найден. Обоз и гарем были захвачены, и в плен попала одна из дочерей Пероза.

В то время когда Пероз был отвлечен войнами на северо-восточной границе, в Восточной Грузии (Картли), Армении и Албании произошло восстание знати, нашедшей некоторую поддержку в народных массах. Царь Картли Вахтанг Горгасар возглавил это восстание в 483—484 гг. и в первых боях нанес значительные удары персидскому войску. Восстание это заставило Иран больше считаться со знатью Закавказья и даже ставит марзбанов из их среды. Царь Вахтанг стал легендарным образом, героем, воспетым в сказаниях и песнях.

Пероз, как царь, был преимущественно занят внешней политикой и войнами, что диктовалось прямой опасностью, в которой находилась его держава. В начале его царствования стихийные бедствия, повторные засухи и недород привели к тяжелому голоду. За несколько лет шах был вынужден отпустить налоги и недоимки. И в последующие годы ведение войн требовало больших средств, которыми государство не располагало. Вся тяжесть этой политики перекладывалась на плечи народа. О том, насколько тяжело было финансовое положение Ирана, говорит тот факт, что выкуп Кавада из плена потребовал внезапного обложения подушной податью населения. Той же причиной объясняются постоянные обращения в Византию за дотациями.

После Пероза на престоле шаханшахов оказался его брат Валаш (правил в 484—488 гг.), «муж смиренный и миролюбивый». Положение его было очень трудным, так как «сокровищницу иранских царей» он нашел пустой и вследствие этого не мог содержать армии, которая «презрела его». Не имея опоры в войске, поддержка которого могла упрочить его положение, он был игрушкой в руках знати. Особенно большим, можно сказать, исключительным влиянием пользовался Зармихр из знатной фамилии Карен, правитель провинции Сакастан, а также Шапур из фамилии Михран, правитель Рея. Оба эти лица оказали влияние на престолонаследие, и Зармихр остался во главе государственных дел во все время царствования Валаша.

Этому способствовала и поддержка, оказанная представителю знати из Армении. Ваган Мамиконян стоял во главе восставших армян, с ним и был заключен мир, сделаны уступки, предоставлена полная веротерпимость христианам, а Ваган был назначен марзбаном Армении. В свою очередь он оказал поддержку Зармихру, получившему надолго прочное положение. Валаш, видя тяжелое положение податного народа, сделал попытку облегчить его положение. Источники рассказывают, будто бы он приказал наказывать тех дехканов, из деревень которых крестьяне бежали, оставляя насиженные места, вследствие разорения. Но и эти проблески известного смягчения быстро исчезли, так как знать была восставлена против Валаша, а в войске он не имел опоры.

Стремясь поддержать мирные отношения с Константинополем, он отправил туда посольство. В несторианском населении Ирана шах искал опоры, что тоже не нравилось персидской знати. Шаханшах после четырех лет правления был свергнут и ослеплен, а на его место поставили сына царя Пероза, Кавада I. Наиболее вероятно, что переворотом руководил Зармихр, который считал, что Кавад, проведенный несколько лет при дворе царя эфталитов, способен улучшить отношения с эфталитами. В известной степени эта надежда оправдалась, но Иран продолжал выплачивать им дань.

§ 7. Маздакитское движение

На рубеже V и VI вв. Иран был потрясен социальным движением, которое привело к значительным изменениям в его государственном устройстве. Корни этого движения уходят в более раннее время. В царствование императора Диоклетиана, в конце III в. н. э., сообщает византийский хронист Иоанн Малала, в Риме стал проповедовать некий манихей Бундос, утверждавший, что в борьбе зла и добра в мире благое божество является победителем. Эту проповедь он продолжал и в Иране. Идея победы доброго начала вызывала соответствующий вывод о необходимости покончить со злом на земле, в чем должны принять активное участие люди. Проповедником этого учения у простонародья стал в конце V и начале VI вв. Маздак, от имени которого движение получило название маздакитского.

Успех проповеди Маздака был связан с наличием в ней социальных лозунгов. Брожение широких масс населения особенно обострилось в конце V в., чему способствовали неблагоприятные естественные условия. Повторные природные бедствия — засуха, налеты саранчи, недород привели к голоду, от которого тяжело страдали крестьяне. Многие из них оставляли насиженные места и устремлялись в города. Смертность от голода была большой. Сирийская хроника Иешу Стилита, составленная в начале VI в. (до 518 г.), сообщает страшные подробности о том, как вымирало от голода население в византийской провинции Месопотамии, граничившей с Ираном.

Успех, размах и длительность маздакитского движения объясняются глубокими социальными изменениями, назревшими к этому времени в обществе. В экономической базе Ирана со времени первых царей династии Сасанидов могут быть отмечены новые явления. Главными среди них являлись развитие феодальных отношений и возрастание роли городов. Закладка крепостей и городов делается обычной в то время, и все они становятся местами, где производится обмен и торговля и получает развитие ремесло. Особенно интенсивной становится городская жизнь Ирана в VI в., когда население городов значительно выросло.

Восточные области Ирана были областями кочевого или полукочевого скотоводства. В среде кочевников долго сохранялись пережитки родового строя, со всеми его особенностями. Крестьянство как западных, так и

восточных областей Ирана в течение веков жило общиной, которая являлась мощной экономической единицей. Община жила своей жизнью, самоуправлялась, имела старост или старейшин, которые в значительной мере были еще представителями рода или клана. Семья, многочисленная, объединявшая несколько поколений, подчинялась старшему в роде. Сохранившееся законодательство последнего периода сасанидской империи указывает на то, что в семейном праве персов произошли к этому времени изменения: в наследовании патриархальная семья не имела прежнего значения, она уступила свое место малой семье (отец, мать, дети).

Наряду с пережитками родового строя и общинами, в Иране с древнейших времен существовало рабство. Было несколько категорий рабов (бандак), среди которых особо выделены неиранцы (аншахрик), т. е. рабы — пленники и их потомки неперсидского происхождения. Подданные иранские (эраншахрик) были подчинены землевладельцу (дахик), который ими распоряжался. Подчиненных дахику крестьян называли также дахиканикан — люди дахика. Положение последних, по мнению некоторых исследователей, было близко к положению колонов в Византии. В отношении к колонам дехкан-землевладелец занимает положение патрона, хозяина. Вся земля была поделена на парцеллы между непосредственными производителями. Владение этой землей допускало ее наследование, как всякое другое имущество, хотя она была собственностью дехкана.

Движение маздакитов, получившее широкое распространение, было поддержано непосредственными производителями на земле разных категорий. Народное движение раннефеодального общества Ирана возникло в связи с увеличением притеснений и стремлением владельцев подчинить себе сельские общины и систематически эксплуатировать их. В маздакитском движении приняли участие разные группы крестьянства.

Толчком для крестьян, объединенных в сельские общины, послужили попытки прикрепить и подчинить их феодалу, что и вызвало их протест и участие в маздакитском движении. Для зависимых эраншахрикан, т. е. иранцев, движение было попыткой к освобождению от тяжелой для них феодальной зависимости. Рабы искали освобождения от рабства и подчинения, они особенно тяготились своим положением.

На плечи именно этих групп населения легли повышенные государственные налоги, например подать, которой Пероз внезапно обложил все население после своего поражения в войне с эфталитами.

При Перозе тяжелое положение населения засвидетельствовано рядом источников, которые наряду с бедствиями и войнами сообщают и о попытках Пероза облегчить это положение. При Валаше положение не только не улучшилось, но ухудшилось. Денег в казне было мало, собирать их с населения было трудно, обнищавшие крестьяне бежали из деревень. Разорение и голод вызвали брожение, и Валаш был вынужден принять некоторые меры против тех дехканов, на землях которых крестьяне доходили до крайнего разорения и покидали свои участки и дома. Но и эти слабые попытки пойти навстречу нуждам измученного населения были быстро прекращены. Недовольные жречество и знать при поддержке войска, оплаты которого в должных размерах Валаш производить не мог, свергли его и ослепили. В 488 г. был возведен на престол Кавад, сын Пероза, при котором маздакитское движение достигло высшей точки.

Проследить этапы развития и детали в истории движения трудно вследствие того, что источники об этом не сообщают. В то же время сведения о движении у арабских и персидских авторов более позднего времени требуют строго критического отношения.

В развитии движения крупнейшую роль играли два лица — вдохновитель движения Маздак и шаханшах Кавад. Первого источники называют магом, мобедом, в качестве которого он нашел доступ к Каваду. Он склонил его на свою сторону, в то же время остался «проповедником престонодародья» и убедил Кавада открыть для голодных хлебные амбары с государственным зерном. Такого рода меры иранского правительства предпринимало и раньше, но при Каваде на этом дело не остановилось. Движение масс, возглавленных маздакитами, приняло угрожающий характер. По словам источников, народ врвался в чужие дома, забирал всякое имущество, и никто ему в этом не препятствовал. Действия маздакитов нанесли тяжелый имущественный ущерб знатым родам.

Учение об общности имущества требовало, чтобы то, чем владеют богатые, было раздано бедным, так как первые лишь случайно владеют тем, что принадлежит всем. «Имущество есть розданное среди людей, а эти все — рабы Всевышнего и дети Адама. Те, кто чувствуют нужду, пусть тратят имущество друг друга, чтобы никто не испытывал лишения и нищеты, все были бы равными по положению». Из этого делались соответствующие практические выводы. Нью общность имущества простиралась и дальше. «Ваши жены — ваше имущество». Эти слова, приписываемые везиром XI в. Низам ал-Мульком Маздаку, вели к тому, что «в особенности престонодародье» увлеклось новым учением «по причине общности имущества и женщин». Жалобы, что Маздак «растачил имущество людей, сорвал покрывало с гаремов, престонодародье сделал властвующим», подтверждаются очень ранними источниками. Памятник начала VI в. (сирийская хроника Иешу Стилита) утверждает, что Кавад «обновил отвратительную ересь магизма зарадуштакан, которая учит, что женщины должны быть общими и каждый может жить с кем хочет». Общность имущества была социально острой идеей, которая надолго сохранила свою силу в последующих народных движениях на востоке. Полигамия у персов имела место в высших слоях населения, у знати. Групповой брак был широко распространен у массагетов, как он известен и у эфталитов. У маздакитов общность жен была призывом к старым формам семейных отношений и протестом против гаремов знати. Общинники-крестьяне стремились в ложном возврате к старому найти новые возможности для изменения своего тяжелого положения в настоящем. Развернувшееся народное движение поддерживал шах Кавад, во всяком случае он его попускал. С помощью маздакитов шаханшах рассчитывал ослабить знать и обуздать жречество, вмешательство которых в государственные дела, особенно в вопросы престолонаследия, были губительны. Его политический расчет заключался в том, чтобы родовитые семьи знати и занимавшие высокое положение жрецы были ограничены в своих претензиях. «Благородные землевладельцы», стоявшие иерархически ниже их, стали опорой шаха и в значительной степени становились зависимыми от него.

Однако знать и жречество в 496 г. взяли верх и поставили шахом Замашпа. Кавад был вынужден бежать к царю эфталитов Ахшунвару, где он был оставлен заложником еще своим отцом Перозом. Легендарные сказания утверждают, что он бежал из тюрьмы, куда был брошен своими врагами. Породнившись с царем эфталитов (Кавад женился на его дочери), он убедил своего тестя, «плача перед ним каждый день», дать ему войско, с тем чтобы он мог вернуть свое царство. В 499 г. он вернул его без особого кровопролития, опираясь на симпатии некоторой части знати и царской семьи. Для этих групп маздакитское движение было способом ослабить своих врагов, как и выражением борьбы светской знати со жречеством. Что касается шаха Замашпа, он отказался от борьбы и в страхе бежал.

Воцарившись вновь, Кавад казнил часть знатных, особенно враждебных ему. Других он «простил» и нашел с ними общий язык. Войны, о которых ниже сообщено более подробно, способствовали обогащению царя, знати, военачальников и отчасти войска. Победы способствовали укреплению Кавада на престоле, и он уже не нуждался в поддержке маздакитов. В новой фазе политика шаха была направлена на ослабление маздакитов; окончательный и кровавый расчет с ними произвел при жизни Кавада его сын Хосров. Учение Маздака было отвергнуто общими усилиями зороастрийского жречества и христианского клира. Словесное состязание произошло на созванном во дворце собрании. Казнь Маздака и его ближайших последователей была произведена по распоряжению Хосрова (529 г.).

Легендарные подробности этого события сохранились позднейшими арабскими и персидскими источниками, почерпнувшими их из Маздак-намэ, романе о Маздаке, памятнике VI в. Связь с маздакизмом средневековых мусульманских ересей и антифеодальных движений была очевидна еще автору «Сийасет-намэ», всеильному везиру Низам ал-Мульку.

§ 8. Внешняя политика Кавада I

В числе очередных задач перед шахом Кавадом стояла необходимость привести к повиновению те племенные объединения, которые, пользуясь слабостью Ирана, стали действовать независимо. Кавад нашел дипломатически убедительные слова, подкрепленные наличием эфталитских войск. Племена тимуритов и кудишитов подчинились ему. Что касается Армении, то ей пришлось испытать силу оружия персов и «по боязни, против воли» признать Кавада. Против обыкновения армяне не были разграблены, так как Кавад пообещал вознаградить их, если «они станут ему помощниками в войне с ромеями». Утвердившись, Кавад не отпустил войска эфталитов, а объединив их с воинственными тимуритами, армянской конницей и персидскими войсками, выступил против Византии в 502 г. Военная добыча была реальным богатством, за счет которого могли обогатиться все участники войны. Поход Кавада носил преимущественно грабительский характер, все области за Тигром и у Евфрата трепетали перед его приближением. Город Амид в северной Месопотамии был подвергнут длительной осаде. После взятия его Кавадом, которому город был сдан предательски, Амид в течение трех дней грабили воины. Затем большая часть добычи была вывезена оттуда на лодках, по Тигру, в персидскую столицу, чтобы пополнить царскую сокровищницу. Угрожающее положение было у Эдессы и других городов Верхней Месопотамии, которые подвергались нападению. Только в 506 г. был подписан мир с Византией. Византия согласилась на ряд уступок Ирану.

Подписание мира было обусловлено тем, что на северной границе обоих государств создались тяжелые условия. Гуннские племена рвались через ущелья Кавказских гор в плодородные области Азии. Каспийские ворота — проход между Главным Кавказским хребтом и южным побережьем Каспийского моря был им хорошо известен. В 516 г. гунны-савиры напали на Армению и проникли в Малую Азию.

Кавад предпринял ряд мер для укрепления кавказской границы Ирана, в частности был укреплен город Партав, получивший название Пероз-Кавад, впоследствии у арабов известный как Бердаа. К этому времени относится основание Кавадом и ряда других городов — в Хузистане и Парсе, а также проведение оросительных каналов, строительство мостов и прочего.

С большой остротой встал перед Кавадом вопрос о замещении после него престола. Старший его сын Каус был сторонником маздакитов, и

Кавад устранил его поэтому от престола, так как при новом положении не хотел политики поощрения этого движения. Своим наследником Кавад назначил Хосрова.

Между тем на Кавказе борьба между Ираном и Византией возникла с новой силой. Иран желал получить опору в Грузии, где пытался свои экономические интересы подкрепить идеологическими связями, и требовал признания зороастризма. Но грузинский царь Гурген обратился за помощью к Византии, и с 527 г. вспыхнула открытая война между Византией и Ираном.

Без борьбы сделать Хосрова наследником не оказалось возможным. Кавад столкнулся с сопротивлением маздакитов, и только жестокая расправа с ними, которая имела место в 528 или 529 гг., решила это дело. Подробнее речь об этом была выше.

В 531 г. Кавад тяжело заболел и умер. В своем завещании он передал престол Хосрову, что и было осуществлено при поддержке жречества и знати, которая видела в этом наследнике будущего энергичного и сильного шаха. С его воцарением маздакизм мог продолжать свое существование только как тайное и преследуемое учение, не терявшее своей социальной остроты. Восстание Муканны в конце VIII в. в Средней Азии и движение, возглавленное Бабеком в начале IX в. на Кавказе, были связаны с маздакитским учением.

§ 9. Реформы Хосрова I Аношервана

Маздакитское движение имело целый ряд последствий. Шаханшак получил всю полноту верховной власти, так как высшие круги старой родовой знати были в значительной мере ослаблены. Жречество также потеряло прежнее господствующее положение.

Необходимость реформ была очевидна еще Каваду, и уже при нем были начаты подготовительные работы, которые позволили Хосрову провести реформы в государстве. В первую очередь необходим был пересмотр системы податного обложения в Иране. Сама по себе старая система была архаична и непригодна для удовлетворения нужд государства. Волнения, которыми были охвачены массы крестьянства, вынуждали правительство принять срочные меры. Изменение способа обложения было задумано еще Кавадом, но подготовительные работы по составлению кадастра не были закончены при его жизни и были завершены при Хосрове. Сведения относительно реформы сохранились у нескольких историков, наиболее подробно она изложена у Табари.

Рассказ о том, как женщина не позволила своему ребенку сорвать плод с дерева, известен в нескольких вариантах. Кавад, который проезжал мимо, оказался свидетелем этого отказа, огорчился и стал спрашивать о причине такого сурового отказа плачущему дитяте. Женщина объяснила, что пока урожай не подсчитан правительственным сборщиком податей, она не имеет права срывать плоды. Этот случай якобы послужил непосредственной причиной, побудившей Кавада пересмотреть положение о способе взимания податей. Подать в Иране взималась как часть урожая, размеры которого определялись представителем государства; до этого урожай запрещали снимать. Такое собиранье налога давало широкий простор произволу чиновников и присваиванию ими части продуктов.

Новая система взимания податей опиралась на кадастр. В конце своей жизни шах Кавад приказал произвести измерение земли, гор и долин. При жизни шаха это дело не было закончено. Хосров велел довести его до конца, учесть оливковые и финиковые деревья, а также людей, которые подлежали податному обложению. Установленная в за-

зависимости от этих показателей сумма налога была постоянной для данной области или округа, а вносить ее требовалось трижды в год. Когда работы были закончены, Хосров приказал собрать людей, которым писцы должны были сообщить исчисленные суммы подати. Кто был в числе приглашенных, источники не сообщают, но едва ли собрание включало кого-либо, кроме знатных землевладельцев и государственных чиновников. Такого рода заседания происходили в особо важных случаях, как об этом сообщают источники времени Хосрова II.

В своем обращении к собранию Хосров указывал на то, что исчисленная сумма взимается с обработанной земли, с учетом количества финиковых пальм и оливковых деревьев. Кроме того, была принята во внимание плотность населения, так как были подсчитаны «головы», т. е. число трудоспособных лиц. Определенная сумма подати даст необходимые средства государственной казне, и в случае войны не будет необходимости отягощать население новыми обложениями.

После обращения Хосрова было предложено высказаться присутствующим. Один из них осмелился подать свой голос и высказал опасение, что сумма подати с данной местности не может остаться постоянной, так как канал может пересохнуть, источник иссякнуть, а виноградник перестать давать плоды. Высказавшийся был писец, дабхир, который указал на самую слабую сторону новой системы и на необходимость пересматривать кадастр. Персидский перевод Табари утверждает, что шах будто бы сказал, что кадастр будет пересматриваться. Во всяком случае выступившего постигла жестокая кара: его тут же избили на смерть чернильницами по приказу шаха.

Затем Хосров избрал людей, которые должны были распределить сумму податей по округам и участкам. Поземельная подать взималась со всякого рода насаждений — пшеницы, ячменя, риса, люцерны, фиников, оливок, винограда. В зависимости от того, чем был засеян участок, производилась и расценка. С гариба¹ земли, засеянной злаками, взимался 1 дирхем (серебряная монета), с гариба виноградника — 8 дирхемов, с гариба люцерны — 7 дирхемов и т. д. Те деревья, которые не составляли групп, а росли в одиночку, и огородные овощи вовсе не облагались податью.

Подушную подать население в возрасте от 20 до 50 лет выплачивало в зависимости от имущественного состояния, в размере 12, 8, 6 или 4 дирхемов. Большинство выплачивало ее по последней, низшей расценке. Знатные, жрецы, государственные чиновники, писцы и войско подушной податью не облагались.

Государственная казна получала деньгами не только подушную, но и часть поземельной подати, другая часть последней вносилась натурой, продуктами, которые шли главным образом на содержание войска. В различных пунктах провинций находились государственные амбары или магазины, в которые свозилась и сдавалась подать натурой. В связи с тем, что кадастр, не пересматривался или, если и пересматривался, то весьма редко, подать была тягостна населению. Возможно также, что не все области Ирана были переведены на новую форму подати, в части областей, особенно на востоке, сохранилась старая система.

Даже те неполные данные, которыми мы располагаем, роднят податную реформу, проведенную в Иране при Хосрове, с системой обложения, действовавшей в Византии. На Ближнем Востоке эта система была известна по статье в Сирийском законнике, памятнике V в., откуда она могла стать известной и правительственным кругам Ирана. Сирийцы играли большую роль в культуре времени Сасанидов.

¹ Один гариб равен приблизительно 2900 кв. м.

Маздакитское движение было непосредственной причиной, вызвавшей ряд изменений в жизни государства, одним из них было введение новой системы обложения. Движение в значительной мере подорвало положение жречества, «магов». До VI в. верховный жрец мобедан мобед занимал первое место в табели о рангах. После реформ его звание следует после целого ряда светских званий. Точно так же было поколеблено и положение знатных родов, той высшей знати, в руках которой была фактически и государственная власть и шах. Маздакизм ударил по старым мощным знатым родам, по их имущественному положению, по их традициям. В известной степени это отвечало интересам шаха, который тяготился их властью, влиянием.

Политика Хосрова была направлена на восстановление ослабевших и обедневших знатных родов. Но предпринятые им меры не восстанавливают старую, в ничтожной степени зависимую от шаха знать, а поддерживают новый слой, который должен стать опорным и находиться в прямой феодальной зависимости от царя. Хосров обеспечивал материально семьи благородных, но требовал, чтобы они «оставались при дворе». Он выдавал приданое девушкам и обеспечивал юношей разоренных семей. Таким путем создавался слой новой служилой придворной и землевладельческой знати, которая находилась в непосредственной зависимости от царя. Представителям этой знати он дает должности, делает их своими чиновниками. Средний землевладельческий слой, «деревенские господа», осуществлявшие эксплуатацию непосредственных производителей на земле, и после маздакитского движения остаются опорой государственной системы Сасанидов. Феодальная зависимость «благородных» от шаханшаха значительно возросла. Перегруппировка социальных сил ослабила знать и жречество, но часть знатных родов продолжала пользоваться привилегированным положением, а жречество сохранило известное политическое влияние. Эти группы имели большое значение. В то же время маздакитское движение усилило новые социальные слои, которые были использованы государством.

Хосров предпринял и другое важное мероприятие — военную реформу. Войска формировались из отрядов конницы, вербовавшейся из свободных. Многие отряды принадлежали знатым, благодаря чему были слабо связаны с шахом. Стремясь создать непосредственно ему подчиненное войско, Хосров особенно усиленно стал вооружать средний землевладельческий слой, снабжая их оружием и конями. Пехота в иранском войске занимала второстепенное место. По мнению Аммиана Марцеллина, это была жалкая масса, следовавшая в обозах на рабском положении. Они представлялись Прокопию Кесарийскому «толпой несчастных крестьян», на которых возлагались тяжелые подсобные работы при осаде городов, уборка трупов и т. п.

Хосров укрепил путем мероприятий главное ядро армии, которое стало регулярным войском. В этом отношении очень характерен рассказ Табари относительно смотра армии, в котором должны были участвовать все, не исключая и самого шаха, и являться на учение по требованию военачальника. Кроме регулярных полков в VI в. иранское войско состояло из ополчения, которое собиралось знатно, и варварских дружин, состоявших на службе Ирана. Эти последние особенно часто направлялись на границы государства, где они препятствовали нападениям варварских народов, как это имело место в провинции Керман.

Хосров упразднил должность единственного и главного военачальника Ирана — эранспахеда, вместо него было назначено четыре спахеда, которые были военачальниками армий четырех частей государства, по странам света. Спахбед севера командовал армиями Мидии и Азербайджана; спахбед запада — войсками Ирака; спахбед юга имел

под командой войска Парса и Хузистана, а на востоке в подчинении спахбеду были войска Хорасана, Сакастана и Кермана. Гражданское управление провинции было в руках падгоспанов.

§ 10. Государственное управление Ирана после реформ Хосрова I

Система государственного управления сасанидского Ирана может быть намечена лишь в общих чертах. Арабские источники, из которых можно извлечь некоторое количество этих сведений, дают их обычно лишь в виде справок или ссылок при сообщении о соответствующих учреждениях халифата.

Верховным распорядителем судеб государства был сам шаханшах; его воля, его желание в конечном счете решали все вопросы. В отдельных случаях источники упоминают о везире шаха, главном правителе страны, но если такая должность и существовала постоянно, то, во всяком случае, нет никаких оснований предполагать, что в руках этого первого министра была та полнота власти, которую он получил впоследствии в халифате. Его званием было вузург фрамадхар. Можно наметить ведомства и отрасли управления государства. Особенно большое значение имело управление финансами; источники сохранили персидское звание ведавшего им начальника податей — вастриошансалар. Так как главным источником государственных доходов была подать земельная, то арабские источники переводят это звание как «начальник дивана хараджа», или «начальник хараджа». Тот факт, что именно вастриошансалар представлял шаху роспись государственных доходов и расходов, говорит о том, что он выполнял функции управления финансами вообще.

Путь, который должен был пройти царский приказ прежде чем стать документом или актом, говорит о существовании государственной канцелярии, архива, многочисленных печатей.

Распоряжение, которое шаханшах отдавал устно относительно какого-либо дела, записывалось в его присутствии царским секретарем, «начальником записей». В то же время слуга царя, положение которого соответствовало положению личного секретаря (хадим), записывал этот приказ в особую книгу записей. Эти памятные записи составлялись за каждый месяц, царь накладывал на них свою печать, и их хранили.

Запись, составленная царским секретарем, пересылалась к начальнику дворца, который был и хранителем печати, так как его делом было наложение печати. Этот последний, в свою очередь, направлял ее к начальнику работ — вернее, начальнику канцелярии, который на основании записи изготовлял официальную бумагу от имени шаха. Документ этот составлялся подробно, детально и затем вновь передавался начальнику дворца, который представлял его на утверждение шаханшаху, причем содержание его сверялось с тем, что было занесено в памятные записи царя, составленные хадимом, затем к документу прикладывали печать в присутствии самого шаха или кого-нибудь из доверенных лиц. Наконец, печать окончательно скрепляла и делала законным документ, выходивший из царской канцелярии.

О различных отраслях управления, которые существовали в сасанидском Иране, можно судить на основании различных печатей, которые предназначались для документов, исходящих из различных ведомств.

С ссылкой на Ибн ал-Мукаффу Белазури сообщает, что у царя царей Персии была печать для тайных дел, т. е. дел тайной канцелярии, печать для посланий или писем. Существовала особая печать «закрепле-

ния» или «утверждения», которую прикладывали при дарениях вообще и при дарственных на землю «и для всего того, что подобно этому из книг достоинства». Иначе говоря, особой печатью шаханшаха пользовались для тех дел, которые были связаны со знатью. Необходимые, именитые были записаны в особых книгах, которые были необходимы при ведении родословных. Дарения вообще и дарения земель были выражением благоволения царя. Носило ли это дарение земель характер условный, на основании термина «икта» позднейших арабских источников, сказать трудно, во всяком случае в арабском языке он утвердился как термин условного землевладения, с обязательством нести военную службу. В связи с этим можно вспомнить о тех установлениях, которые вводил Хосров I, создавая новую службу или знати, которую он обязывал являться ко двору и нести военную службу. Тот же характер суверенитета шаханшаха можно найти в требованиях, предъявляемом к знати и более высоких рангов — являться ко двору. Развитие феодальных отношений в халифате, несомненно, было связано с тем, что в Иране были в наличии известные формы условного землевладения и другие зачатки феодализма.

Финансовое управление имело и свою собственную печать — «печать хараджа», которую употребляли для соответствующих документов.

Начальник дворца единственный ведал печатью тайной канцелярии и печатью для посланий и писем. Он был из числа приближенных шаху, благородных, знатных людей — «муж из приближенных царя».

Если востриюшансалар в качестве «начальника податей» ведал делами, связанными с земледелием вообще, то «начальник ремесленников», хутухшбед, ведал делами ремесленников и торговцев.

В списке наследственных должностей три принадлежат к числу военных должностей. Одним из наивысших званий было звание аргабед (начальник крепостей) — звание, которое имели цари. Артештарансалар — было также высоким званием, ниже которого было звание спахбеда (военачальника). Эранспахбед был главнокомандующим всеми армиями. Должность эта была уничтожена Хосровом I. Во главе армии стояли четыре спахбеда по числу стран света. При Хосрове II наступление на Византию велось под началом нескольких военачальников, лишь номинально возглавлявшихся шаханшахом. Кроме военачальников были лица, которые специально занимались материальным снабжением армии.

Таким образом, кроме военного, финансового, гражданского и судебного управления в сасанидском Иране был развитый центральный контрольный аппарат и специальная тайная канцелярия.

Управление провинций осуществлялось через марзбанов, сравнительно самостоятельных правителей, которые ведали всеми сторонами жизни провинций. В таких больших областях, как Армения, шаханшах ставил лиц высокого звания, наместников (петиаших), в ряде случаев и из местной знати. Единичная власть марзбана распространялась как на военное управление, так и на гражданские дела.

Мероприятия Хосрова в значительной степени укрепили положение престола, тем более, что знать была значительно ослаблена маздакитским движением. Господствующий класс объединил свои силы для борьбы с этим движением, которое грозило подорвать самые основы его существования, и эта консолидация усилила положение Ирана.

В 532 г. мир с Византией был заключен. Однако в 540 г. снова началась война Ирана с Византией. В 540 г. Хосровом была взята и жестоко разграблена Антиохия на Оронте. Было уведено много пленных. Война продолжалась с переменным успехом до 545 г., когда было заключено перемирие. Затем военные действия возобновились на Кавказе, где яблоком раздора была Лазика (Западная Грузия). Персы хотели

стать твердой ногой у Черного моря, чего никак не могла допустить Византия. В Лазике прекрасно учитывали создавшееся положение, царь Губаз посылал в Иран к шаху, ища его покровительства. Значением выхода к Черному морю он мотивировал выгоды, которые приобретут персы через Лазик. Мир 561 г. сохранил для обеих империй старые границы.

Между 563 и 567 гг. Хосрову удалось разбить эфталитов, гибель которых была подготовлена повторными нападениями тюркских племен, объединенных около 552 г. каганом Сильджибу (Истэми). Молодая тюркская держава привлекла внимание Византии, которая обменялась с ней целым рядом посольств, описание одного из которых — посольства Земарха в 568 г. сохранилось в труде греческого историка Менандра. Византийская дипломатия стремилась завязать непосредственные отношения с тюрками, чтобы, минуя Иран, получать через них драгоценный китайский товар — шелк. После падения державы эфталитов непосредственными соседями персов стали тюрки. Границей между каганатом и Ираном стал Окс — Аму-Дарья.

В Иемене персидские войска под командой Вахриза укрепились, изгнав оттуда эфиопов, в течение длительного времени господствовавших в Южной Аравии. Это в очень значительной степени укрепляло позиции Ирана в Индийском океане, куда ему была уже открыта дорога через Персидский залив. Теперь для него стало доступным Красное море, а главная часть торгового караванного пути в Сирию оказалась в руках персов. Древняя «дорога ароматов», связывавшая Аравию с Средиземноморьем, в южных пунктах стала в зависимое от Ирана положение.

Новая война между Ираном и Византией началась в 572 г. На этот раз Хосров считал империю виноватой в подстрекательстве к военным действиям тюрков, которые опустошили ряд иранских областей. Войска Хосрова отстояли северо-восточную границу, а затем, обратившись на запад, подвергли нападению византийскую верхнюю Месопотамию. Византийские войска выиграли сражение при Мелитене, а затем потерпели тяжелое поражение. Новым военачальником был назначен Маврикий, который вторгся на персидские территории и взял Сингару. Начались переговоры о мире. Хосров I умер в 579 г., до того как они были закончены.

Полулегендарная традиция о Хосрове I прославляет его как справедливого и стремившегося к правосудию царя. Но его деспотизм известен по его отношению к приближенным и высшим чинам государства, которых он казнил. По его приказу были убиты два его брата, а затем и другие родственники. Однако он пощадил Аношзада, своего сына, участника и главу восстания середины 50-х годов VI в. в Хузистане. Это было восстание христианского населения городов и являлось своеобразным отголоском маздакитского движения. Мар Аба I, католикос несторианской церкви в Иране, по желанию шаха обращался к своей пастве, уговаривая ее подчиниться шаху. Особенно преувеличенной является характеристика Хосрова как образцового шаха в «Сийасет-намэ». Это представление связано с официальной традицией, которая возникла еще в сасанидскую эпоху.

Строительство городов, осуществленное Хосровом, основание новых, расширение и укрепление старых городских центров способствовали переходу туда части населения из деревень, где распадалась старая родовая община.

В середине VI в. значительно увеличилась в размерах столица Ирана Ктесифон. Обычным его названием у сирийцев было Махозе, у арабов — ал-Мадаин, что значит «города». Ктесифон раскинулся по обеим сторонам Тигра и к этому времени состоял как бы из семи рас-

положенных рядом городов. Древняя Селевкия носила к тому времени название Вех-Арташир; она находилась на правом берегу Тигра, тогда как Ктесифон стоял на левом, восточном берегу. Сообщение между ними происходило по плывучему мосту. Второй мост был навешен в ранней юности шаха Шапура II. С восточной стороны города археологическими раскопками была обнаружена полукруглая стена, окружавшая так называемый древний город. В этой части были обнаружены развалины христианской церкви. Один из кварталов северо-западной части города, называемой Аспанбар, был занят величественным и обширным сасанидским дворцом Так-е Кесра. Он поражает своими гигантскими размерами и производит не только величественное, но и подавляющее впечатление. Сюда примыкали царские парки, одна из стен которых сохранилась. По мнению некоторых археологов, Новая Антиохия также стала одной из составных частей столицы. Этот город был построен по плану Антиохии на Оронте, взятой войсками Хосрова I. Переселенные сюда пленники построили шаху этот город. Его дворцы были украшены мраморными колоннами, прекрасными мозаиками из цветного стекла и смальты. Во времена Масуди, сообщающего об этом, полуразрушенные остатки этого города еще существовали. Древняя Селевкия (Вех-Арташир) была торговым центром с большим рынком, на который собиралось множество народа. В город поступало много товаров, в том числе изделия из металла, драгоценности, украшения. В изобилии подвозились продукты, зерно, масло, вино.

Шахи собирали при своем дворе многочисленные штаты художников, которые украшали фресками царские дворцы, делали мозаики. Большого совершенства достигали изделия из металла — чаши, кувшины, светильники, курительницы. Оружие — мечи, копья, щиты было украшено редкими рисунками и инкрустациями. Ожерелья, кольца и т. д. были произведениями искусства. Темой изображений были обычно изображения царя на охоте, сидящим на коне и пронзающим зверя или пускающим стрелу из лука. Имеются изображения шаха на троне во всем его великолепии. На дошедших до нас предметах лежит преимущественно печать придворного искусства.

Интересны и характерны монеты всего сасанидского периода, которые имеют также надписи с именем царя и годом его правления.

В 579 г., после смерти Хосрова, на престол вступил Хормизд IV, его сын. Судя по данным источников, восходящих к пехлевийской книге «Хвадай-намак», Хормизд заслужил славу справедливого царя в большей степени, чем его отец. К его правлению относятся попытки смягчить положение крестьянства, он «делал им добро и отягчал знатных».

О Хормизде сохранились противоречивые сведения; его ненавидела часть знати, против которой он предпринимал самые суровые меры. Казни и конфискации имущества «родовитых» включали репрессии и против жречества, «ученых». В течение всего года Хормизд переезжал с места на место, входил во все дела, и ничто не могло от него укрыться. Из этой характеристики Хормизда (у Табари и Фирдоуси) можно сделать вывод, что средний землевладельческий слой был той социальной группой, в которой шаханшах искал опоры в своих действиях, направленных против верхушки знати и части жречества. Упреки и жалобы на скупость и «отягчение ига», взимание излишних податей исходит, по-видимому, из высших кругов.

Попытки правительства Хормизда найти другие, более широкие круги для поддержки государства обусловили его благоприятную политику относительно дехкан. Те же мотивы дали другую линию в отношении христианского населения. Христианское население было главным

образом городским населением, состоявшим из сирийцев и частично из персов. Для этих кругов было характерно знание двух языков: и сирийского, и персидского. Это были ремесленники и торговцы разного имущественного состояния. Среди них были очень зажиточные и состоятельные люди, которые имели обширную недвижимую собственность, городские дома, челядь и вели широкую торговлю с дальними странами. Но были и лица, все имущество которых состояло из орудия производства ремесленника, они производили свой незатейливый товар и тут же в своей мастерской сбывали его заказчику или скупщику.

Уступки городскому христианскому населению вызывали неудовольствие зороастрийского жречества, которое видело в этом ослабление своего положения. На претензии жрецов Хормизд отвечал, что подобно тому, как трон его не может стоять только на двух передних ножках, так и царство его должно иметь опору не только в зороастрийцах, но и в представителях других религий.

Внешняя политика Хормизда была направлена как на упрочение положения на византийской границе, так и на непрестанную борьбу с тюркскими ордами.

§ 11. Вахрам Чобин и Хосров II

В 589 г. персам удалось захватить Мартирополь, пользуясь недомоганием в среде византийских войск, которое их значительно ослабляло. В том же году произошла битва у Сисавран, близ Нисибии, в которой перевес оказался на стороне византийских войск. Последние обложили Майферкат и разрушили персидскую крепость Окбу. Византия возглавила целую коалицию против Ирана: с севера должен был двинуться хазарский каган, с запада грозили византийские войска, но главной опасностью для Ирана были тюрки на северо-восточной границе у Аму-Дарьи. В 590 г. с 300 000 воинов выступил тюркский каган Шавы (Шаба). Персидское войско возглавил полководец Вахрам Чобин. Он задержал движение тюрков у города Балха — главной опоры персов. Талантливому полководцу удалось разбить тюрков, захватить лагерь Шавы, осадить крепость, в которой заперся сын Шавы Нармуд, и заставить его сдаться. Вахрам получил огромную и драгоценную добычу, которой не был склонен делиться с шахом. Его богатство и слава создали ему возможность претендовать на персидский престол.

Когда Вахрам поднял восстание, опираясь на преданное ему войско, его поддержали знатные и присоединились войска, посланные из столицы, а также отряды дейлемитов. «Когда услышали знатные столицы, которые тоже ненавидели Хормизда, о восстании, они «согнали его с престола, ослепили его и посадили на его место сына его Хосрова». Особенно большую роль сыграли в перевороте дяди Хосрова по матери — Биндой и Бистам, действовавшие от его имени. С первых шагов Хосров пытался завоевать расположение знати, которая должна была стать его опорой. Но Вахрам, рассчитывавший захватить престол, остановился со своим войском на Большом Забе, предлагая Хосрову сдаться. Армия Хосрова потерпела поражение, и Хосров бежал в византийскую Месопотамию, рассчитывая на военную помощь империи. Она была ему обещана ценой ряда территориальных уступок, в том числе части Армении до озера Ван и городов Майферката и Дары в верхней Месопотамии. Началась борьба за Месопотамию между войсками Вахрама и Хосрова, города постепенно переходили в руки последнего. Вахрам встретил оппозицию у части знати, а войско его пришло в состояние разложения. Хосров вернул себе престол в 591 г., и в том же году был заключен длительный мир с Византией.

Вахрам бежал к тюркскому кагану. В связи с тайной интригой, затеянной Хосровом, он был убит по приказу жены кагана. Но новые затруднения встретили Хосрова в столице, где он первое время опирался на помощь своего дяди Биндоя. Через некоторое время опека Биндоя показалась шаху обременительной и обличала претензии на престол. Биндой был казнен. Брат его Бистам, назначенный правителем Хорасана, поднял восстание. Повсюду нашлись люди, которые примыкали к нему и поддерживали. Один из его союзников — кушанский царек Парювк приказал убить его из засады, затем завладел его лагерем и всем его богатством. Потеряв вожда, войска рассеялись.

При Хосрове имели место и другие восстания. Особенно длительным было восстание в Нисибии. Цветущий город Месопотамии был подвергнут осаде. Туда был послан военачальник Нахверган «с большим войском и слонами», но «жители города закрыли перед ним ворота». Они открыли их по ложной клятве Нахвергана, что он не причинит им никакого зла, однако «именитых среди них он схватил, мучил их, разграбил их дома, все их добро уничтожил и, наконец, всякого рода смертями умертвил их».

В царствование Хосрова произошел целый ряд восстаний, порожденных политическими несогласиями и острыми социальными противоречиями в государстве Сасанидов. Военные мятежи сменялись восстаниями, а попытки дворцовых переворотов обличали замыслы против старой династии. Внутреннее состояние государства не имело прежней устойчивости, и активная внешняя политика была известным отвлечением, выходом из создавшегося положения. В VI в. Иран был раннефеодальным государством, в котором сохранялись пережитки общественных отношений предшествующей эпохи.

Несмотря на помощь, которую византийское правительство оказало Хосрову II, возвратив его на престол, еще при жизни Маврикия Иран пытался прервать мирные отношения с Византией. Острая классовая борьба в империи приняла ожесточенный характер. Волна восстаний смахнула с престола Маврикия и его династию, в 602 г. воцарился Фока. Но народное движение не успокоилось, особенно в восточных областях — в Сирии, в Александрии. В Эдессе поднял восстание и обратился за поддержкой в Иран талантливый военачальник Нерсес.

Хосров сделал вид, что желает отомстить за насильственную смерть Маврикия, и стал готовить войско. К 604 г. относится его поход в Месопотамию, когда была взята Дара и персидские войска «кровь лили там, как воду». Позднее персы захватили Амид, Майферкат, Эдессу «и другие большие города». Так была захвачена вся Месопотамия (607 г.).

Захватив области до Евфрата, персы переправились через него и двинулись в Сирию. В 611 г. была взята Антиохия. К 610—611 гг. относится следующее сообщение Михаила Сирийца: «Персы покорили всю Сирию, Финикию, Армению, Каппадокию и Палестину. Они взяли Галатию и Пафлагонию и дошли до Халкедона».¹

Эти походы и завоевания персов в начале VII в. носили иной характер, чем в предшествующее время. При Каваде I и Хосрове I все действия были рассчитаны на то, чтобы быстрым движением ошеломить врага, ворваться, захватить и опустошить большой город. Теперь тактика набега была оставлена и уступила место тактике постепенного захвата областей и присоединения их к Ирану.

Император Ираклий, смелыми действиями захвативший византийский престол у Фоки, ставленник знати, пытался заключить с Хосровом мир. Но шаханшах не соглашался на мирные переговоры, «он не

¹ Т. е. прошли всю Малую Азию и дошли до пролива Босфор.

только не заключил перемирия с ромеями, но отобрал от них и другие области». В 613 г. был взят Дамаск, в 614 г. Иерусалим. В Малой Азии персы дважды достигали Халкедона на восточном берегу Босфора. Источники сообщают, что персидские завоевания сопровождались жестоким истреблением и уводом в плен в качестве рабов населения городов и сел. Они «ограбили и полонили бесчисленное количество народа. Они перевезли в персидскую землю рабов, всякого рода имущество». За счет завоеванных областей происходило обогащение Ирана, рабы-военнопленные составляли даровую рабочую силу, которая широко использовалась.

Утвердившись на сиро-финикийском побережье, войска Хосрова наметали дальнейший захват богатой хлебной провинции Византии — Египта. И эта военная операция удалась. Александрию захватили хитростью. Персы сели в «малые лодки» и «поутру, в темноте, смешались с галерами рыбаков и с рыбаками вошли в город». Взятие Александрии, богатейшего и красивейшего города империи, было, конечно, крупным событием. Египет около десяти лет находился под властью персов. Еще в 622 г. продолжалось наступление персов, ими была захвачена Анкира в Малой Азии и взят остров Родос.

Положение Византии было отчаянное: житница империи — Египет, богатейшие области Азии с большими городами — все было в руках персов, которые отказывались заключить мир. Но и силы Ирана были истощены войной.

Между тем император Ираклий решил на поход, к которому он длительно готовился, изучая стратегические трактаты и производя учение войск. Он решил пройти через области северной Месопотамии и Армении и оттуда повернуть прямо на юг, к столице персов. Быстрота и натиск византийских войск привели к замешательству среди персов, они едва успели собрать свое ополчение.

Хосров при приближении византийских войск бежал из Дастгарда в Ктесифон, но не соглашался заключить мир. Военачальники персов поддержали старшего сына Хосрова Кавада Шерое, который и захватил престол (628 г.). Хосров II был убит с разрешения сына его же приближенными. Шерое тотчас начал переговоры о мире, который Ираклий был склонен заключить.

§ 12. Иран при последних Сасанидах

Кавад II Шерое умер, не процарствовав и полугода. Престол шаханшахов стал игрушкой в руках разных клик знати, которые смещали царей по своей прихоти, вели кровавые интриги, выдвигая того или иного претендента. За четыре года, до 632 г., сменилось около десяти царей. Отдельные области Ирана утратили связь с центром. Ездгерд III (правил в 632—651 гг.) в последний раз объединил государство Сасанидов, но ненадолго. Самостоятельность областей и провинций, раздробление, было следствием процесса феодализации, проявлением центробежных стремлений крупной знати. Это ослабляло центральную власть. Захват власти отдельными представителями знати, военачальниками стал заурядным явлением. Ослабленный, раздробленный Иран не мог противостоять мощному натиску арабов.

§ 13. Государственный бюджет и подать при последних Сасанидах

Для суждения об общем экономическом состоянии сасанидского Ирана большой интерес представляют сведения о его государственном бюджете.

В 608 г. был произведен подсчет денежных поступлений в казну за этот год. Не вся подать поступала в казну в деньгах. Известно, что часть поземельной подати отчислялась натурой и шла на содержание войска и двора. Деньгами вносилась подушная подать, которую выплачивали крестьяне и ремесленники, а также всякого рода налоги на ремесленную продукцию и торговлю. В названном году звонкой монетой в казну поступило 420 миллионов мискалей по весу, что составляло 600 миллионов дирхемов, исходя из расчета, что 10 дирхемов составляли 7 мискалей. Все эти деньги находились в специальном казнохранилище, выстроенном Хосровом в Ктесифоне. Дирхем, как известно, был обычным названием серебряной монеты. Мискаль являлся мерой веса. Дирхем Сасанидов представлял собою серебряную монету. Годовой бюджет Хосрова II составлял около 120 или 100 миллионов рублей.

В казнохранилище по распоряжению Хосрова были перенесены и мешки с монетами, выбитыми еще при его предках Перозе и Каваде, что составило 48 миллионов мискалей. В числе старых монет источники называют только выбитые в V и в начале VI в.; позднейшие, очевидно, имели хождение в государстве. Ко всему этому в его сокровищнице хранилось бесчисленное количество драгоценностей и одежд.

В 13-м году царствования Хосрова (603 г.) была произведена перечеканка монет по новому образцу. За вычетом тех сумм, которые были необходимы для содержания войск, звонкой монеты оказалось 200 000 мешков (800 миллионов мискалей, следовательно, около 230 миллионов рублей).

Очень показательна другая цифра, относящаяся уже к 30-му году царствования Хосрова (620 г.), когда завоевания византийских областей сосредоточили в руках сасанидского владыки огромные богатства. Если доверять этой несколько округленной цифре, казна к этому времени удвоилась, так как после перечеканки казнохранилища имели 400 000 мешков звонкой монеты, весом в 1600 миллионов мискалей, за вычетом средств на содержание войска.

На основании другого источника, почерпнувшего свои сведения у Ибн ал-Мукаффы, писателя эпохи расцвета арабской мусульманской литературы, можно утверждать, что бюджет сасанидского государства ежегодно утверждался шаханшахом. Во главе фиска стоял начальник дивана хараджа, т. е. начальник ведомства податей или, как он назывался сокращенно, начальник хараджа. Он представлял царю в письменном виде общую сумму, составлявшую расходы государства, и, наконец, сумму, которая поступала в сокровищницу или казначейство. Утвержденный шахом бюджет скреплялся печатью.

В военное время большое значение имела добыча, главная часть которой поступала в царскую казну. Примеров этому много. При Каваде I, когда был взят Амид, все богатства города были вывезены в столицу Ирана на лодках по Тигру. При Хосрове I и сказочные сокровища Антиохии в главной своей части стали личным достоянием шаха. Завоевания Хосрова II обогатили его в совершенно исключительной мере, как это указывают заслуживающие доверия цифры, приведенные выше.

Хотя военная добыча значительно подняла казну, она была случайной, непостоянной статьей дохода. Главными расходами казны были расходы на содержание армии, поэтому их и вычитали при составлении государственного бюджета. Большая доля расходов падала также на содержание двора, роскошь которого была воистину сказочной, на содержание гарема и другие личные расходы шаха.

Основные доходы поступали в казну в качестве податей. Система взимания таковых известна на основании немногочисленных сведений

арабских источников. При Хосрове I была произведена реформа, о которой говорилось выше. Эта система обложения просуществовала до арабского завоевания и была в значительной степени заимствована арабами. На основании сообщений арабских источников можно заключить, что поземельная подать в Иране после реформы Хосрова взималась с измеренных земель и натурой и деньгами. Возможно, что не все области сасанидского Ирана были переведены на такую форму податного режима, и в отдельных округах могла сохраниться старая система хараджа мукасама, к которой вновь вернулся в части своей халифат. Подать натурой была нужна для снабжения продовольствием и фуражом армии. Деньги были нужны тоже в первую очередь на содержание армии — мотив, который приводится в речи Хосрова I по поводу введения податной реформы.

К сожалению, кадастровые записи, или писцовые книги, сасанидского государства не сохранились. «Книга хараджа» Абу Юсуфа Якуба (VIII в.) говорит, что описи дивана были сожжены и уничтожены, так что теперь неизвестно, что именно они содержали.

Источники, к сожалению, не дают сведений относительно положения крестьянства, и только размах маздакитского движения, связанного с низшими слоями общества, дает представление о тех силах, которые таились в крестьянстве Ирана. На рубеже V и VI вв. оно потрясло государство до самых основ, как один из симптомов зарождения нового, феодального порядка.

§ 14. Развитие ремесла в Иране в VI—VII вв.

Памятники материальной культуры сасанидского Ирана дают образцы высокого мастерства этого времени, но не много данных, которые позволили бы сделать выводы относительно организации ремесленников и их труда. Однако следует указать на некоторые факты, которым не было до настоящего времени уделено внимания. Сведения о материальной культуре сасанидского Ирана за последние два десятилетия решительно вышли за пределы возможности упоминать о них мимоходом или даже уделять им небольшую главу в исследовании, основной темой которого они не являются. Памятникам архитектуры этого времени посвящены солидные археологические разыскания, скульптуре — большие специальные работы. Превосходные образцы сасанидского серебра и нумизматики являются гордостью Государственного Эрмитажа. Одни только гроты Так-и Бостана, высеченные в скалах, представляют собою материал для исследования как особый, грандиозный вид искусства. Богатство материальной культуры сасанидской Персии необозримо. Роскошь царского двора и знати была сказочной, сохранились чудесные кувшины, вазы, кубки, чаши, светильники, подносы, лампы.

Среди чудес империи Сасанидов называют трон и короны шаханшахов, богатство которых ослепляло. В числе величайших сокровищ, которыми обладал Хосров Парвез, был ковер, изображавший весну с таким совершенством, что разостланный в приемном зале царя зимой он создавал иллюзию расцвета природы.

Все эти памятники свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры, создававшейся многочисленными, достигшими большого мастерства кадрами ремесленников.

Города сасанидского Ирана были центрами торговли и ремесла. Сердцем каждого из них был рынок, куда по дорогам-артериям свозились различные изделия и товары. Из источников известно о торговых связях, которые тянулись через Среднюю Азию на Дальний Восток,

в Индию и на остров Цейлон (Тапробан), в Южную Аравию и Нубию. Города Ирана являлись оживленными центрами торговли; их городские ворота были открыты для караванов, везущих шелк из Средней Азии, слоновую кость из Индии, шерсть из скотоводческих горных районов, зерно, овощи, фрукты, виноград, финики, оливковое масло и вино — из земледельческих областей. На городских площадях и рынках было всегда оживленно, толкалось множество народа; здесь продавали, покупали, узнавали последние новости, глазели на все неожиданное. С трепетом собирались на сенной рынок в Ктесифоне, где происходили публичные казни.

Высокое развитие ремесла и оживленные торговые связи имели спору в некоторой организации, с чем имеются свидетельства. От несторианских соборов, которые неоднократно собирались в V и в VI вв. в Иране с разрешения шаха, сохранились «деяния», или акты. Постановления этих соборов, составленные на сирийском языке, скреплены подписями не только клириков — католиков, епископов, архидиаконов, но и подписями ряда светских лиц. Эти лица представляли собою наиболее выдающихся по положению мирян, принадлежавших к несторианской христианской церкви. Здесь имеются подписи лиц, представлявших группы ремесленников, организованных в корпорации, или цехи. Существование такого рода корпораций находит подтверждение и в других источниках.

«Начальник ремесленников», или «глава работ», Вардаяб подписался под деяниями собора 544 г., созванном при несторианском патриархе мар Абе I. Звание это, приведенное в сирийской транскрипции, — персидское каругбед. Но звание это не определяет, старшиной каких именно работ являлся Вардаяб или какие ремесленники им представлены; речь идет, очевидно, о лице, возглавлявшем людей, занятых вообще физическим трудом. Но акты соборов сохранили нам и другие звания, которые позволяют делать выводы относительно организации отдельных отраслей производства. Носят они обычно сирийское наименование каша (староста, или старейшина) и риша (глава). Известно, на какой исключительной высоте в Иране находилось изготовление всякого рода металлических изделий; поэтому неудивительно, что встречается старшина серебряников, глава ювелиров, глава занятых работой над свинцом и другими металлами. Подписи этих лиц под деяниями соборов указывают на то, что представители корпораций были видными, богатыми и пользовавшимися влиянием в своем городе и государстве людьми.

В арабское время в Иране, как и в бывших византийских городах, люди одной профессии селились обычно в определенном квартале. Нет сомнения, что города Ирана эпохи халифата и в этом случае мало отличались от того устройства городов, которое было во времена Сасанидов.

Располагая очень немногими данными, в настоящее время нельзя выявить внутренней структуры и жизни корпораций, среди которых был и цех торговцев. Под актами одного из христианских соборов VI в. встречаются имена торговца и старшины торговцев. «Старейший», «старый», «старшина» как звания встречаются в актах соборов и в числе приведенных там имен старших ремесленников. Старшины и глава ремесленников и торговцев объединялись не только для церковных дел; они были представителями цехов, вступая в непосредственные отношения с иранскими властями. Из других источников известно, что были селения, в которых специально занимались какой-нибудь отраслью ремесла. Так, в селении «Паллугта, там, где разделяются воды Евфрата для орошения земель», жили ткачи, ковроделы, прачки и, вероятно, красильщики.

Необходимо помнить и о той роли, которую в торговле и экономике Ирана играли приобретения и перевоз шелка, преимущественно из Средней Азии, а также торговля с Индией и Нубией.

Ко времени Хосрова относится одно важное мероприятие правительства — постройка плотины на Тигре. Один из рукавов Тигра у Басры носил название одноглазого или слепого. Здесь и была выстроена плотина, которая, по-видимому, имела целью расширить орошаемую площадь и увеличить количество воды в оросительных каналах. «Одноглазый» Тигр был как бы заперт этой плотиной. Работы велись с большой затратой средств. Табари, ссылаясь на авторитеты, говорит, что было выдано бесчисленное количество денег. Сооружение это оказалось, однако, непрочным, и река прорвала свою преграду. По совету придворных ученых, числом якобы в 360 человек, среди которых были ведуны и звездочеты, работы на Тигре были возобновлены в благоприятный, соответствующий с положением светил на небе, момент. Строительные работы продолжались восемь месяцев и стоили больших расходов. Затем произошло торжественное открытие дамбы.

Судя по тому, что это строительство стоило больших средств, можно предполагать, что оно производилось не только рабским трудом, но и трудом свободных людей, который было необходимо оплачивать. Такое большое предприятие вообще требовало участия квалифицированных мастеров и инженеров. Сомневаться в наличии такого рода специалистов в Иране не приходится.

§ 15. Состояние войска при последних Сасанидах

В сасанидской империи превосходно учитывали значение хорошо обученной и сильной армии. Реформа, которую произвел Хосров I Аношерван, чрезвычайно подняла дисциплину армии, усовершенствовала ее организацию и вооружение.

Хорошо вымуштрованные войска, высокая по тому времени военная техника персов не могла не иметь в основе выработанной теории военного дела.

Для сражений существовала определенная схема. Конница выстраивалась впереди пехоты, но при наступлении она обычно раздвигалась, пропуская вперед пешие войска. Правое крыло и середина, или «сердце», вели наступательное движение, левое крыло предназначалось для обороны. Поэтому левое крыло принимало участие лишь в решительных стычках, а также должно было предотвращать возможность обхода войска неприятелем. Военная наука персов предписывала откладывать битву, биться только в случае, если это неизбежно, битву начинать вечером, чтобы иметь возможность в случае необходимости отступить в темноте. Имелись наставления относительно ночного нападения, завлечения врага по ложному следу, применения скрытых рвов, всяких приемов устрашения врага трубными звуками, криками, шумом. Широко применялись и всякие другие хитрости: посылка шпионов, разведка, обман, засада и тому подобное.

Давались подробные указания относительно правил стрельбы из лука, чтобы удар стрелы был силен и меток. Персы издревле славились своим искусством метать стрелы; об этом говорит Геродот, а после него Аммиан Марцеллин и Прокопий. Вполне понятно, что это мастерство имело свою теорию и точные указания, как его достигнуть.

Подготовка войска, его тренировка требовали соответствующих условий. Одним из приемов тренировки была специальная военная игра, своего рода поло. О ней упоминает пехлевийский роман об Арташире, как об одном из любимых развлечений того времени. Высокий уровень,

боеспособность армии создавались длительной выучкой и целой системой подготовки.

Иранские войска состояли из конницы и пехоты, из которых первая была цветом и силой армии. Кавалерия вербовалась из землевладельцев, «благородных» и из независимых крестьян-собственников. Среди пехоты выдающееся место принадлежало лучникам, выступление которых в бою могло иметь решающее значение. Часть пехоты выполняла лишь всякого рода подсобные работы, делала насыпи, копала рвы, заботилась об обозе. О сасанидской пехоте невысокого мнения был еще Прокопий, что, впрочем, не помешало персам завоевать все азиатские и африканские провинции Византии в начале VII в. и стать крупнейшей державой Ближнего Востока.

§ 16. Религии Ирана при последних Сасанидах

Официальной государственной религией при последних Сасанидах был зороастризм.

Как и прежде, центральное место в культе занимало поклонение огню, и пирей — священный жертвенник, на котором горело неугасимое пламя, оставался любимым предметом изображения на всякого рода изделиях. Как и прежде, многочисленное жречество, от могущественного мобедан мобеда до полунищих магов, шептало и бормотало священные слова Авесты, поддерживая очистительный огонь особыми сортами дерева. По-прежнему в великом святилище в Шизе и в скромных алтарях селений курился дым, но бывшее величие зороастризма было подорвано. Идеология зороастризма изжила себя, форма сохранилась, содержание выдохлось.

Маздакитское движение нанесло тяжелый удар как самой системе, так и положению зороастризма в государстве. В VI в. мобедан мобед теряет первое место в списке чинов государства и занимает место после виднейших светских должностей. С зороастризмом удачно соперничало христианство.

Начиная с конца V в., наряду с гонениями можно отметить факты, говорящие о терпимости государства Сасанидов относительно христиан. При Хосрове I верхушка клира получила доступ ко двору и могла обращаться со своими просьбами непосредственно к шаханшаху. Для последнего христиане бывали нужны в качестве представителей при переговорах и в посольствах, направляемых в Византию. Хормизд IV считал христианство наряду с зороастризмом опорой своего трона.

Анонимная сирийская хроника в нескольких случаях подчеркивает положение, которое заняло христианское духовенство при Хосрове II. Христианское духовенство пользовалось рядом привилегий, вызывавших зависть мобедов. Высшие слои христианских клириков Ирана оказывают к этому времени обладателями больших богатств в виде движимого и недвижимого имущества. В общей государственной экономике необходимо было считаться с христианским населением, главным образом ремесленным и торговым.

При Хосрове II происходил пересмотр Авесты, священной книги зороастризма. Этот пересмотр был вызван стремлением обновить и выделить не потерявшие своего значения страницы обветшавшей книги. Однако редакцией Авесты нельзя было восстановить пришедшее в ветхость содержание.

Развитие новых феодальных отношений знаменовалось тягой к монотеизму, появлением новых форм идеологии, как это было на Западе. Иран принял ислам, почва для которого была подготовлена манихейством и христианством.

§ 17. Итоги периода

Социально-экономическое развитие Ирана в III—VII вв. н. э. характеризуется зарождением феодальных отношений, особенность которых заключалась в том, что они появились и начали укрепляться при сохранении городов. Эту особенность следует считать важной чертой и для последующего феодального периода истории Ирана и Ближнего Востока вообще. Время Сасанидов отмечено развитием широких экономических связей Ирана и высоким уровнем материальной и духовной культуры.

ГЛАВА III

ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА. НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИРАНЕ (середина VII—начало X вв.)

§ 1. Общая характеристика периода

К середине VII в. под ударами войск арабского халифата пало Сасанидское государство. После упорного сопротивления, принявшего местами (например, в Парсе) общенародный характер, Иран утратил независимость и, в результате завоевания, был включен в состав вновь сложившейся империи конгломерата племен и народностей — арабского халифата. Под владычеством арабского халифата процесс дальнейшего развития феодализма в Иране происходил замедленными темпами, поскольку арабское завоевание поддержало и вновь укрепило на известное время падавший рабовладельческий уклад. Для указанного периода характерно преобладание еще не развитых форм феодальной собственности на землю и воду — именно феодально-государственной и безусловной мультимальной земельной собственности (см. о них ниже). Почти весь данный период заполнен народными восстаниями персов и прочих иранцев, направленными как против чужеземного ига, так и против феодальной эксплуатации. Эти народные восстания, вместе с другими внутренними процессами развития феодализма (см. о них ниже), расшатывали арабское владычество в Иране и подготовили его падение, сперва в Восточном Иране (еще в IX в.), а затем и в Западном Иране (окончательно к 935 г.). В области идеологии арабское владычество привело к перерыву в развитии иранской культурной традиции и к постепенному распространению новой религии — ислама. К концу данного периода, на рубеже IX и X вв., в Иране сложилось развитое феодальное общество.

§ 2. Основные источники по истории периода

Одним из результатов арабского завоевания в Иране и утверждения в стране ислама, нетерпимого к прежней, доисламской культурной традиции, было то, что надолго государственным языком и языком литературы и письменности господствующего класса стал арабский язык. Вплоть до начала IX в. мы совсем не встречаем литературных произведений на персидском (среднеперсидском) языке. Сами персы писали только по-арабски, местная культура развивалась на этом языке. Арабский литературный язык стал играть в Иране и сопредельных странах приблизительно такую же роль международного языка феодальной культуры, как латинский язык в средневековой Западной Европе. Поэзия на новоперсидском языке (дари, фарси)¹ известна с начала IX в.,

¹ Об этом языке см. подробнее в главе IV.

географические сочинения и переводы арабских исторических сочинений на новоперсидском языке — со второй половины X в., а оригинальные исторические сочинения на этом языке — только с начала XI в. Поэтому все источники по истории рассматриваемого периода — арабоязычные.

Источниками по истории социального строя стран, входивших в состав халифата, в том числе и Ирана, могут служить прежде всего арабоязычные сочинения по мусульманскому праву. Они требуют сугубо критического отношения со стороны исследователей, ибо правовые воззрения мусульманских правоведов далеко не всегда соответствовали живой исторической действительности. Наиболее ценным для истории Ирана источником из сочинений по мусульманскому праву является труд Абу Юсуфа Я'куба «Китаб ал-харадж» («Книга о поземельной подати»). Абу Юсуф Я'куб ал-Куфи (731—798 гг.) был учеником основателя ханефитской школы (или толка — «мазхаб») «правоверного» (т. е. суннитского) ислама Абу Ханифы (ум. в 767 г.), был казием (духовным судьей) в Багдаде и составил упомянутое свое сочинение для арабского халифа Харун-ар-рашида (правил в 786—809 гг.). Сочинение это содержит ценные сведения о поземельной подати (rente-налоге) и о способах ее взимания, т. е. о феодальной эксплуатации крестьян на государственных землях, об издольных арендах, т. е. о формах феодальной эксплуатации крестьянства на частновладельческих землях, о рабстве и рабовладельческом укладе в феодализирующемся обществе халифата и т. д. Арабский текст этого труда издан в Булаке (Египет) в 1302 г. х. (1884/5 г. н. э.).

У арабов долго не было своей историографии, даже в средневековом смысле этого слова. По мнению ряда исследователей (Гольдциэр, Броккельман), в области средневековой историографии арабы были учениками персов. Первоначально у арабов были только записанные предания о Мухаммеде и об арабских завоеваниях (так называемые книги походов), предания об арабской доисламской старине, и лишь значительно позднее, вероятно под влиянием персов, появились описания городов и летописные записи событий по годам (анналистика). Из этих трех источников уже довольно поздно, лишь в IX в., сложилась арабоязычная историческая литература, как в арабских странах, так и в Иране. При этом авторами многих арабоязычных исторических сочинений IX—X и последующих столетий были иранцы — персы и таджики.

В VIII—IX вв. в литературах стран, завоеванных арабами, в частности в Иране, сложилось так называемое шу'убитское течение,¹ представлявшее оппозицию покоренным арабским халифатом народов — персов, сирийцев и других — политическому и культурному господству арабов. Шу'убиты стремились показать культурное превосходство покоренных арабами народностей над завоевателями. Среди персов одним из первых выдающихся представителей этой тенденции был Абдаллах ибн-ал-Мукаффа' (Рузбех), казненный в 757 г. по обвинению в ереси, переводчик ряда памятников среднеперсидской литературы на арабский язык; в частности, он перевел на арабский язык «Хвадай-намак» — большой свод древнеиранских эпических сказаний и летопись Сасанидского государства; перевод этот до нас не дошел, но был использован в сочинениях других историков. Но и сами шу'убиты писали научные сочинения по-арабски. Таким образом, среди арабоязычных историков и других авторов IX—X вв. были и арабы, и персы; среди последних некоторые в большей или меньшей степени выражали шу'убитскую тенденцию.

¹ Название это произошло от выражения «шууб» — «народы», которым в одном месте Корана (сура XLIX, стих 13) обозначены неарабы, принявшие ислам.

Можно отметить разные типы появившихся в IX в. арабоязычных исторических сочинений: сочинения об арабских завоеваниях (развившиеся из «книг походов»), сочинения по истории отдельных городов и областей, труды по всеобщей истории. Сочинения последнего типа обычно строились по одному трафарету. «Всеобщая история» доисламского времени «от Адама до Мухаммеда» содержала рассказы о признаваемых исламом пророках — Адаме, Еве, Аврааме, Моисее, Иисусе Христе и других — на основании иудейско-христианской традиции, в значительной части легендарной, о героях и царях древнего Ирана, очень краткие известия о древних евреях, греках, римлянах и их героях, наконец, о пророке Мухаммеде и начале ислама; во всех этих рассказах было больше легендарного, чем исторического материала. Доисламские времена рассматривались как предистория ислама. «Всеобщая» история после хиджры (622 г. н. э.) мыслилась лишь как история мусульманского мира, иначе говоря, арабского халифата и возникших после его распада мусульманских государств. Историю немусульманских стран и народов после VII в. сочинители «всеобщих историй», за редкими исключениями, полностью игнорировали.

Наиболее ранним из дошедших до нас сочинителей «книг походов», т. е. сводов о завоеваниях Мухаммеда, был араб Абу Абдаллах Мухаммед ибн *Омар ал-Вакиди* (747—823 гг.). Его сочинение «*Китаб ал-магази*» («Книга походов») издана. Важным источником по истории завоевания арабами Ирана и Средней Азии были многочисленные сочинения Абу-л-Хасана Али ибн Мухаммеда ал-Мадаини, вольноотпущенника одной корейшиитской фамилии, — «*Китаб ал-магази*», «*Тарих ал-хулафа*» («История халифов») и другие. Они не дошли до нас, но обильные цитаты из них сохранились у более поздних историков (Белазури, Табари и других).

«Книгу походов» и другие подобные им сочинения использовать в качестве первоисточников для своих сочинений Абу Бекр Ахмед ибн Яхья ибн Джабир ал-Белазури (ум. в 892 г.). Его труд «*Китаб футух ал-булдан*» («Книга завоевания стран»), дошедший до нас в сокращенной редакции, является важным источником по истории Ирана. Труд этот отличается точностью и подробным изложением фактов; в ряде случаев приведены, в сокращенном изложении, договоры, заключенные арабскими полководцами с подчинившимися им городами и местными владетелями Ирана и сопредельных стран. Арабский текст этого труда издан голландским арабистом де Гуйе. От другого большого историко-генеалогического сочинения Белазури — «*Китаб ансаб ал-ашраф*» («Книга генеалогий благородных людей») — сохранилось только два тома; арабский текст их издан.

Абу Ханифа ад-Динавери (ум. около 895 г.), перс, ученый филолог, натуралист и историк оставил историческое сочинение «*Китаб ал-ахбар ат-тиваль*» («Книга длинных преданий»). Она содержит, помимо некоторых разделов «всеобщей истории», в основном известия по истории Ирана со времени битвы при Кадисии (637 г.). Книга содержит много оригинального материала, в частности о народных движениях, развивавшихся под идеологической оболочкой шиитского и хариджитского сектантства и направленных против ига халифата. Арабский текст труда Динавери издан дважды в Лейдене.¹

Хорасанец, шиит Ахмед ибн Вадих *ал-Якуби* (ум. в 892 г.) составил историческое сочинение «*Тарих*» («Летопись», или «История»), также являющееся важным источником по истории Ирана и сопредельных стран VII—IX вв. Изложение событий в «Истории» Якуби доведено до

¹ Первое издание вышло в 1888 г. под ред. русского ученого В. Гиргаса; второе — в 1912 г. с предисловием и примечаниями И. Ю. Крачковского.

872/3 г. н. э.; в ней много сведений, которых нет в других источниках. Сочинение проникнуто шиитскими тенденциями. Арабский текст «Истории» Я'куби, в двух томах, издан голландским востоковедом Т. Хаутсма. Я'куби является также автором географического сочинения (см. о нем ниже).

Перс из Табаристана (Мазендерана) Абу Джа'фар Мухаммед ибн Джерир *ат-Табари* (838—923 гг.) много путешествовал, занимался мусульманским богословием и законоведением. Он был основателем особой мусульманской «правовой» (суннитской) богословской школы джериритов, позднее исчезнувшей. Табари получил известность, как автор комментария («Тefsир») к Корану в 30 томах и сочинения о различных взглядах законоведов. Но истинную славу Табари принес его большой исторический труд по «всеобщей истории» — «Тарих ар-русуль ва-л-милук» («История пророков и царей»). В этом труде сжато передана библейская история на основании иудейских и христианских преданий, в значительной части легендарных, краткая история римских и византийских императоров. Изложение истории Ирана до арабского завоевания у Табари является обработкой одного из арабских переводов «Хвадай-намак». После того у Табари подробно изложена история стран, входивших в состав арабского халифата, причем изложение доведено до 300 г. х. (912/13 г. н. э.). Табари использовал для своего исторического труда много первоисточников, в их числе сочинения ал-Вакиди и ал-Мадаини, а также «Историю Багдада», написанную в IX в. (разумеется, по-арабски) иранцем из Хорасана Ахмедом ибн Абу Тахиром *Тейфуром*,¹ как и ряд других трудов, в значительной части не дошедших до нас. Немецкий исследователь истории арабоязычной литературы К. Броккельман говорит о Табари: «Конечно, он совсем не был самостоятельным мыслителем, но преимущественно компилятором, однако именно поэтому мы обязаны ему благодарностью за сохранение бесценных материалов», именно за сохранение без изменений и переделок множества важнейших известий из не дошедших до нас источников; Табари обычно передавал эти известия беспристрастно, не изменяя их и не пытаясь даже согласовать противоречивых известий из разных первоисточников; имена авторов и заглавия использованных ими сочинений, а также имена устных авторитетных передатчиков («иснад»), Табари иногда приводит, иногда нет. По обилию материала и по его точности, в частности при изложении внутренней истории отдельных областей (включая и народные движения), труд Табари не имеет себе равных в арабоязычной историографии раннего средневековья и бесспорно является важнейшим источником по истории Ирана до начала X в.

Исторический труд Табари известен был в двух редакциях — полной и сокращенной; до нас дошла только сокращенная редакция его труда. Однако и в сокращенной редакции труд Табари, изданный в Лейдене де Гуйе (арабский текст), составляет 13 томов, кроме того, два тома содержат глоссарий и указатели; в подготовке этой публикации принимал участие крупнейший русский арабист В. Р. Розен. Переводов полного арабского текста Табари нет. Имеется немецкий перевод II тома первой серии (время Сасанидов, иначе говоря одна из арабских версий «Хвадай-намак»), сделанный и снабженный комментарием немецким арабистом Теодором Нельдеке; из других томов переведены только отрывки (де Гуйе и другими учеными).

В 963 г. историческое сочинение Табари было переведено на новоперсидский язык везиром Саманидского государства *Мухаммедом Бал'*

¹ От многотомного труда Ибн Абу Тахира Тейфура до нас дошел только один VI том, охватывающий время с 819 до 833 г. н. э. и изданный в Лейпциге Келлером.

ами (ум. в 974 г.). Труд Бал'ами является не простым переводом, а переработкой исторического труда Табари. При этом хоть Бал'ами и сильно сократил содержание этого труда, но так как он пользовался не сокращенной, а полной, не дошедшей до нас редакцией труда, то у Бал'ами встречаются материалы, которых нет в дошедшей до нас сокращенной версии Табари; кроме того, Бал'ами, по-видимому, включил в свою переработку истории Табари некоторые сведения, взятые из других первоисточников. Поэтому труд Бал'ами, так называемый «персидский Табари», имеет некоторое значение и как самостоятельный источник. Труд Бал'ами — первое известное нам историческое сочинение, появившееся на новоперсидском языке. Персидский текст труда Бал'ами не издан, но сохранился в многочисленных рукописях. Он приобрел большую популярность в странах Востока, с него были сделаны переводы на турецкий (издан), урду, арабский; издан научный французский перевод Зотанбера в четырех томах.

Абу Бекр Мухаммед ибн Яхья *ас-Сули*, родом из Гургана, потомок знатной тюркской фамилии, шиит по убеждениям, состоял на службе у аббасидских халифов и умер в Басре в 946 г. В девятисотых годах он начал составлять так и не оконченное им сочинение «Аурак ахбар ал Аббас ва аш'арихим» («Листки известий о фамилии Аббасидов и о поэзии их [времени]»). Труд этот излагает политическую историю времени династии Аббасидов (с 750 до 866 гг. н. э.) и образцы арабоязычного поэтического творчества членов фамилии Аббасидов и ряда их современников. Труд *ас-Сули* полностью не издан и не переведен; он сохранился в рукописях в некоторых хранилищах мира.¹

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн *ал-Мас'уди* (ум. в 956 г.) происходил из знатной арабской фамилии, много путешествовал по Ирану (побывал в Фарсе и Кермане), Сирии, Египту, Аравии, Индии, побывал и на Цейлоне и на западном побережье Африки, повсюду собирая сведения по истории и географии стран и народов. Мас'уди не довольствовался письменными арабоязычными первоисточниками и пользовался в большой мере материалами, собранными во время собственных путешествий, а также и записями рассказов, разумеется, не всегда достоверных, путешественников и купцов мира. Мас'уди — один из немногих представителей средневековой мусульманской учености, проявлявших большой интерес к исторической традиции иноверцев — евреев, христианских народов и индусов. Благодаря этому он собрал огромный и в отдельных частях весьма ценный материал — исторический, географический, экономический и этнографический о разных народах и странах, в частности об Иране. Мас'уди был очень плодовитым автором, составившим ряд исторических и географических сочинений, большинство из которых до нас не дошло. Дошла до нас большая историко-географическая энциклопедия «Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники драгоценных камней»), составленная в 947 г. и переработанная в 950 г. В ней в алфавитном порядке, под рубриками названий отдельных стран, областей, городов, местностей и народов изложены сведения по их истории и географии (в том числе и экономической); в частности, приведено много ценного материала по отдельным областям и местностям Ирана. Арабский текст этого труда с французским переводом издан в девяти томах французскими учеными Барбье де Мейнар и Паве де Куртей. До нас дошло еще другое географическое сочинение (см. о нем ниже) Мас'уди. После сочинения Та-

¹ Есть, в частности, рукопись в Ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в коллекции Ханыкова). Перечень рукописей см.: И. Ю. Крачковский. К описанию рукописей Ибн Тейфура и *ас-Сули*. ЗВРАО, т. XXI, СПб, 1912.

Бари, энциклопедия Мас'уди — важнейший источник по истории Ирана IX—начала X вв.¹

Хамза Исфаханский — персидский патриот, ревностный сторонник шу'убитов и враг арабского господства. Около 961 г. Хамза закончил краткую, конспективную «всеобщую историю» — «Тарих ал-умам» («История народов»). Несмотря на краткость этого труда, в нем содержатся любопытные известия по истории Ирана, в частности по культурной истории персов; Хамза пользовался не только письменными первоисточниками, но и устными рассказами, записанными со слов персидских зороастрийских жрецов. Труд Хамзы Исфаханского издан (арабский текст с латинским переводом) И. Готтвальдом, в двух частях.

В IX в. появились географические сочинения на арабском языке. Арабоязычная география возникла на базе эллинистическо-римской космографии и географии, а также иранских и индийских сочинений. В IX в. было переведено на арабский язык ученым ал-Кинди космографическое сочинение греческого ученого II в. н. э. Птолемея «Великое собрание» (у арабов известно под именем «Альмагиста»); на основании этого сочинения среднеазиатский математик Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми составил космографическое сочинение «Сурат ал-арз» («Атлас мира»).

Скоро появилось очень много географических сочинений статистико-экономического характера. Благодаря им мы располагаем обширным материалом по экономической истории Ирана данного периода. Авторами этих сочинений были как арабы, так и иранцы. Больше всего сочинений арабоязычных географов IX—X вв. издано (арабский текст) упомянутым уже голландским арабистом де Гуйе в многотомной серии *Bibliotheca geographorum Arabicorum*, печатавшейся в Лейдене (по латыни *Lugdunum Batavorum*).²

Первым по времени из авторов трудов по экономической географии можно назвать Убейдаллаха ибн Абдаллаха *ибн Хордадбеха*. Он происходил из иранской знати Табаристана, занимал пост начальника почты и государственной разведки (сахиб ал-берид ва-л-хабар) области Джибаль (Сев.-Зап. Иран). Его географический труд «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), составленный в 846/7 г. и переработанный в 885/6 г. н. э., дошел до нас в сокращенной редакции и издан де Гуйе в упомянутой серии (т. VI). Сочинение это содержит подробные путевые маршруты, с указанием расстояний между станциями, сведения о городах, налоговых поступлениях и прочие экономико-географические данные.

Несколько позже (в 891 г.) Ахмедом ибн Вади́х *ал-Я'куби*, упомянутым выше автором исторического труда, составлено географическое сочинение «Китаб ал-булдан» («Книга стран») такого же типа, как и сочинение Ибн Хурдадбе́ха. «Китаб ал-булдан» издана де Гуйе в серии BGA (т. VII).

Вскоре после 902 г. Абу Бекр Ахмед ибн Мухаммед ал-Хамадани, по прозвищу *Ибн-ал-Факих*, составил географическое сочинение такого же типа, как и предыдущие, также под заглавием «Китаб ал-булдан». Труд этот издан, в сокращенной редакции, де Гуйе в серии BGA. В 1923 г. в библиотеке при мечети имама Али Ризы в Мешхеде найдена была сборная рукопись, которая, вместе с другими сочинениями,³ содержит вторую часть сочинения Ибн-ал-Факиха, со сведениями по экономической географии Ирана и Средней Азии. Редакция текста в мешхед-

¹ Больше всего материалов об Иране в VI, VII и VIII томах «Мурудж аз-захаб».

² В дальнейшем эта серия будет обозначаться сокращенно: BGA.

³ Мешхедская рукопись содержит записку Ибн Фадлана о посольстве к волжским болгарам и географическое сочинение Абу Дулафа.

ской рукописи — полная, но не та, к которой восходит текст, изданный де Гуйе.

Абу Зейд Ахмед ибн Сахль *ал-Балхи* (850—934 гг.), перс, состоявший на службе у владетеля Балха, около 919 г. составил атлас географических карт с пояснительным текстом — «Сувар ал-акалим» («Изображение климатов»).¹ Сочинение ал-Балхи получило широкое признание на Востоке. Оно в первоначальном виде не дошло до нас, но было позднее включено почти целиком в сочинения географов ал-Истахри и Ибн Хаукаля (см. ниже).

Абу-л-Фарадж *Кудам* ал-Багдади, состоявший на службе у халифов по финансовому ведомству, около 928 г. составил «Китаб ал-харадж» («Книга о поземельной подати») — своего рода административный справочник о налоговых поступлениях со всех областей халифата (в их числе и областей Ирана). Книга содержит также маршруты путей и ряд сведений по экономической географии. Сочинение Кудамы издано по единственной рукописи де Гуйе в серии BGA (т. VI).

Абу Дулаф Мис'ар ибн ал-Мухальхаль, араб, живший одно время (в 30—40-х гг. X в.) при дворе династии Саманидов в Бухаре, много путешествовавший по Ирану, Индии, Тибету и другим странам, оставил географическое сочинение. Оно долго считалось утраченным; были известны только отрывки из него, приведенные в географическом словаре автора начала XIII в. Якута.² В 1923 г. две записки, входившие в состав географического сочинения Абу Дулафа, были обнаружены в упомянутой выше сводной мешхедской рукописи. Записки Абу Дулафа подготовлены к печати крупнейшим советским арабистом, покойным И. Ю. Крачковским.

Упомянутый выше *ал-Мас'уди*, кроме историко-географической энциклопедии «Мурудж аз-захаб», около половины X в. составил еще собственно географический труд «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга наставления и убеждения»). Сочинение это издано де Гуйе в серии BGA (т. VIII).

Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед *ал-Истахри*, перс, родом из Фарса, около 933 г. составил большой труд по географии, в основном экономической, под заглавием «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей стран»). В этой книге он широко использовал материалы, собранные во время своих путешествий по Ирану и другим странам. Кроме того, в нее включено почти целиком упомянутое уже сочинение ал-Балхи «Сувар ал-акалим». Труд Истахри содержит ценнейшие данные о производительных силах, экономике и топографии Ирана и сопредельных стран. Труд этот издан дважды в серии BGA (т. I) в сокращенной редакции (в 1870 и 1927 гг.). Полная редакция арабского текста, которой пользовался в X в. географ Ибн Хаукаль, не сохранилась в оригинале, но дошла до нас в персидских переводах (неизданных).

Абу-л-Касим *ибн Хаукаль*, араб, родом из Багдада, в 40-х годах X в. много путешествовал по северной Африке, Испании, Сицилии, арабским странам, Ирану и Индии. По просьбе Истахри, Ибн Хаукаль около 951 г. взялся за переработку сочинения Истахри, исправил его ошибки и пополнил новым богатым материалом, собранным во время путешествий. Так создан был труд Ибн Хаукаля «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Уже при жизни автора это сочинение

¹ Термином «климат» (араб. *иклим*, мн. ч. *акалим*, из греч. *клима*) арабские и персидские географы обозначали широтные зоны известной тогда территории земли. Учение о «климатах» восходит к греческим географам (Эратосфен и др.). Большинство географов разделяло поверхность земли на семь «климатов». Основанием для разделения обычно служила продолжительность самого долгого дня в каждом «климате».

² О Якуте см. в § 2 главы IV.

было известно в нескольких редакциях. Одна из этих редакций была издана в 1873 г. в серии ВГА (т. II); позже в 1938 г. в той же серии вышло новое издание Ибн Хаукаля, по другой редакции.

Вершиной арабоязычной географической науки является сочинение *Ибн-Мукаддаси*, написанное уже в конце X в., которое поэтому и будет рассмотрено в следующей главе, в связи со следующим периодом истории Ирана.

Сочинения арабоязычных географов, помимо сведений о дорожных маршрутах, об административном делении областей, сообщают также в большей или меньшей степени материалы о производительных силах Ирана и сопредельных стран, оросительных системах, о технике орошения, о земледелии, о распространении разных растительных культур по областям, о скотоводстве кочевом и оседлом, о городах, ремеслах, торговле и т. д. Эти сочинения являются главными источниками для изучения экономического развития Ирана в IX—X вв.

Все перечисленные исторические и географические источники представляют большую ценность для изучения истории Ирана с половины VII до половины X вв. Но важнейшими из этих источников являются труды *Белазури*, *Динавери*, *Табари*, *Масуди*, *Истахри* и *Ибн Хаукаля*.

Кроме того, для истории Ирана данного периода имеют немалое значение и некоторые более поздние исторические сочинения, особенно огромный (в 12 томах) арабоязычный компилятивный труд по всеобщей истории *Ибн ал-Асира*, автора начала XIII в.¹, использовавшего многие не дошедшие до нас первоисточники.

§ 3. Предпосылки завоевания Ирана арабами. Арабы в VII в.

В начале VII в. общественно-политическая жизнь Ирана отмечена обострением внутренних противоречий. Усилились противоречия между феодализировавшейся землевладельческой знатью и разоряемым и терявшим свободу крестьянством. Немалое значение имела также борьба внутри класса землевладельцев—между верхушкой военной и жреческой знати, с одной стороны, и гражданской бюрократией (сословием писцов) и мелкими землевладельцами (дехканами), с другой стороны. Писцы и дехканство желали сохранить сильную царскую власть и предотвратить распад государства. Напротив, верхушка военной и жреческой знати, опираясь на богатые ресурсы своих земельных владений, не только мало считалась с центральной властью, но и в ряде случаев проявляла явное стремление к независимости.

Последняя неудачная война Ирана с Византией (604—628 гг.) подорвала производительные силы Ирана и разорила крестьян и горожан огромными чрезвычайными налогами на военные нужды. Вместе с тем эта война ослабила Иран в военном и политическом отношении, что привело к падению авторитета шаханшаха и его центрального правительства. Борьба за власть между разными кланами знати еще больше ослабляла Иран.

Правление последнего сасанидского царя Ездгерда III (632—651 гг.) было сплошь занято тяжелой борьбой со вторжением мощных сил арабских завоевателей, завершившимся завоеванием всего Ирана арабами (651 г.). Ездгерд III не мог не видеть, что он не обладал и тенью той власти, которой в VI в. располагал Хосров I Аношерван, а в конце VI в. и начале VII в. Хосров II Парвез.

Никто, однако, не подозревал в 20-х и начале 30-х годов VII в., что серьезная опасность для независимости Ирана могла прийти не со сто-

¹ Об Ибн ал-Асире см. в § 2 главы IV.

роны Византии, или тюрков Средней Азии, а со стороны арабов, настолько последних Сасаниды не считали серьезными противниками. На арабов смотрели как на беспокойных соседей—кочевников и если боялись их, то только из-за нарушения спокойствия пограничных областей, которые могли подвергнуться кратковременному опустошительному набегу. А между тем именно арабы оказались врагами, которые нанесли Ирану удар, какого он не испытывал со времен Александра Македонского.

Прелюдией мощного арабского нашествия была битва в Месопотамии при Зу-Каре (около 611 г.), близ нынешней Куфы, когда несколько тысяч вторгнувшихся арабских кочевников (бедуинов), во главе с племенем бакр, разбили наголову персидское войско. Это произошло еще в первый, успешный для Ирана, период ирано-византийской войны 604—628 гг. Правящая верхушка Ирана не оценила значения грозного предостережения, каким была битва при Зу-Каре, и не приняла никаких мер для защиты Ирана от арабов.

Предпосылки арабского завоевания были созданы социально-экономическими сдвигами в арабском обществе на рубеже VI и VII вв. К началу VII в. большая часть жителей Аравийского полуострова оставалась кочевниками (так называемые бедуины—«степняки»), разводившими главным образом верблюдов и коз, в меньшей степени овец и лошадей. В южной Аравии (Йемен, Хадрамаут и Махра), а также в оазисах северной Аравии жили арабы-земледельцы, возделывавшие ячмень, финиковую пальму, виноград, реже пшеницу и плодовые деревья, на юге Аравии также ароматные растения (ладанное дерево и др.). В большей части Аравии как у бедуинов, так и у земледельцев, к началу VII в. еще сохранялись племенное деление и родо-племенной быт. Но это патриархально-родовое общество переживало уже процесс имущественного и социального расслоения: внутри племен выделялась племенная знать—богачи, обладатели крупных стад и рабов, занимавшиеся зачастую и караванной торговлей. Классовое общество—неразвитое рабовладельческое, с сильными пережитками патриархально-общинного строя и с сохранением племенного деления—существовало лишь на юго-западной окраине Аравии, в Йемене—наиболее экономически и культурно развитой области Аравии, лежавшей на пути транзитной караванно-морской торговли между странами Средиземноморья и Индией.

В среде советских ученых существуют две точки зрения на социально-экономическое развитие арабского общества. Одни советские ученые (А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, Б. Н. Захoder, Е. А. Беляев) полагают, что у арабов до начала их завоеваний еще не было зачатков феодализма. В Аравии начали складываться рабовладельческие отношения, которые развились бы в господствующий способ производства, если бы Аравия могла развиваться изолированно от соседних стран, экономически и культурно гораздо более развитых. Но в связи с большими завоеваниями VII—начала VIII вв. Аравия и арабы были втянуты в общий процесс феодализации, уже происходивший в подвергшихся арабскому завоеванию странах Ближнего и Среднего Востока, и рабство у арабов осталось лишь как пережиточный уклад.

По мнению других советских ученых (Н. В. Пигулевская), в арабском обществе еще до начала завоеваний (VII в.) развивались феодальные отношения. Данная проблема, впрочем, разработана еще далеко недостаточно.

После захвата Ираном Йемена (572 г.) проходивший через Мекку и Йемен путь византийско-индийской транзитной торговли был пресечен благодаря политике сасанидского Ирана, который хотел сохранить за собою монополию вывоза шелка, пряностей и других товаров из Китая

и Индии в средиземноморские страны и поэтому стремился всю эту торговлю направить по трансиранским путям.

Перемещение торгового пути на север тяжело отразилось на экономике всей Аравии. Посредническая торговля Мекки и Йемена была сильно подорвана. Бедуинские племена, раньше имевшие доход от караванной торговли (они давали для караванов погонщиков, верблюдов и охранные отряды), теперь обеднели. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. писал: «Ко времени Магомета торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д., находились в то время в торговом отношении в состоянии упадка...»¹ Мекканская знать, вынужденная сократить свои посреднические торговые операции, обратилась к ростовщичеству, и многие обедневшие племена оказались в долгах у мекканской знатной верхушки. Все эти моменты ускорили процесс социального расслоения внутри арабских племен и создали кризис арабского общества. В поисках выхода из кризиса в среде арабской знати, особенно мекканской, зародилась мысль о внешних завоевательных войнах и о захвате территорий, по которым пролегали караванные пути, ведущие из Сирии в Иран. Но для этого необходимо было политическое объединение Аравии, а оно могло совершиться скорее всего под оболочкой идеологического единства, иначе говоря, новой религии, которая могла бы объединить всех арабов и стать идеологией больших завоеваний.

Эту идеологическую функцию и выполнила новая мировая религия — ислам (араб., букв. «преданность [богу]»), или мусульманство, сложившаяся на арабской почве в первой четверти VII в. Основоположителем ислама, согласно традиции, был мекканский купец Мухаммед, из племени корейшитов, рода хашимитов (ум. в 632 г.) — историческое лицо, биография которого, однако, густо обросла позднее созданными легендами. Исламская религия сложилась из смешения элементов иудейства, христианства и староарабских верований. Основой ислама мусульмане считают пять «столпов веры»: 1) исповедание догмата единобожия и пророческой миссии Мухаммеда («нет божества, кроме бога (аллаха), и Мухаммед — посланник божий»); 2) ежедневная пятикратная уставная молитва (араб. *салат*, перс. *намаз*.); 3) уплата каждым мусульманином сбора (*закат*) с имущества, стад и торговли, в размере 2½%, формально в пользу бедных, фактически же в распоряжение мусульманского государства; 4) пост (в форме воздержания от пищи и питья днем, есть и пить можно только ночью) в месяце рамазане; 5) паломничество (*хаджж*) в Мекку, где находится главная святыня ислама — храм Ка'ба; хаджж, впрочем, необязателен для женщин, бедняков, немощных и зависимых людей.

Из других догматов ислама следует отметить веру в божественное происхождение священной книги мусульман — Корана, в существование рая и ада, ангелов, а также дьявола (иблис) и подчиненных ему злых духов (шайтанов). Кроме Мухаммеда, ислам признает еще многих, живших до него, пророков; главными пророками почитаются Адам, Ной (Нух), Авраам (Ибрахим), Моисей (Муса), Иисус Христос (Иса ал-Месих, т. е. Мессия). Мухаммед почитается величайшим и последним из пророков.

Для ислама характерна тесная связь религиозной общины и государства, религии и права; мусульманское право основано в первую очередь на Коране и «предании» (сунна), состоящей из хадисов — изречений, приписываемых Мухаммеду, но на самом деле сочиненных позднее, в VII—IX вв., в среде «сподвижников пророка» и их учеников.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 488.

Видное место в мусульманском вероучении заняла проповедь «войны за веру» или «войны на пути божьем» (джихад, газават) с «неверными», т. е. со всеми немусульманскими странами. Участие в «войне за веру», согласно Корану, — священный долг мусульманина: «один день на войне за веру в глазах бога стоит больше, чем целый месяц поста». Так ислам стал идеологией завоеваний. Ислам поощрял мусульман участвовать в завоевательных и грабительских походах, прикрытых лозунгом «войны за веру». В Коране есть специальная глава (сура) восьмая — «Военная добыча», которая стимулировала мусульман участвовать в этих войнах. Согласно Корану, мусульманские воины, вторгаясь в страну «неверных», имеют полное право убивать или захватывать в рабство мужчин из мирного населения (кроме монахов-отшельников), обращать в рабство женщин и детей, присваивать любое движимое имущество — золото, серебро, ткани, лошадей, скот; пленники — рабы обоего пола также считались военной добычей; $\frac{1}{5}$ доля (араб. *хумс* — «пяттина») всей военной добычи должна была поступать в распоряжение имама, т. е. главы арабо-мусульманского государства, а $\frac{4}{5}$ добычи делилось между воинами: одна доля пехотинцу, две доли всаднику. Воину-арабу «война за веру» сулила обогащение, смерть же на войне была не страшна, ибо ислам обещал «мученику за веру» награду — райское блаженство.

Земли и недвижимости в завоеванных странах ислам рассматривал, как *фай* — общее имущество всей мусульманской общины, или, что то же самое, мусульманского государства. На практике наибольшая часть земельного фонда в завоеванных областях поступала в полное распоряжение главы арабского государства — халифа.

К 630 г. было закончено политическое объединение Аравии под главенством Мухаммеда. Господствующая верхушка нового государства сложилась из мекканской знати, вождей южноарабских и североарабских племен, а также сподвижников (асхабов) пророка — его ближайших учеников и соратников.

Преемниками Мухаммеда были халифы, которые считались одновременно главами духовными (имамами) и политическими (эмирами). Первые четыре халифа — Абу Бекр (правил в 632—634 гг.), Омар (правил в 634—644 гг.), Осман (правил в 644—656 гг.) и Али (правил в 656—661 гг.) — выдвигались из числа родичей и ближайших сподвижников Мухаммеда.

Завоевательные походы на север были задуманы еще при Мухаммеде, но развернулись, приняв характер решительных и почти непрерывных военных действий, уже после его смерти. Если первый халиф Абу Бекр еще занимался внутренними делами, главным образом подавлением восстаний в самой Аравии, то при Омаре, Османе и Али главнее внимание сосредоточено было на военных походах в сторону византийских областей — Сирии, Палестины, Египта, а также в сторону Ирана. Инициативную роль в этих завоеваниях играла знатная верхушка арабо-мусульманского государства, стремившаяся к захвату богатой военной добычи и новых земель с целью их эксплуатации.

Арабское войско резко отличалось в первой половине VII в. как от византийского, так и персидского.

Состояло оно из пехотинцев и всадников, однако у арабов сперва было мало лошадей, и большая часть всадников была на верблюдах. Организация войска носила родо-племенной характер, т. е. оно составлялось по племенам и родам. Мелкие войсковые единицы, например десятки, состояли из членов одного рода, а более крупные объединения — из одного племени. Родо-племенное деление войска имело свои преимущества и свои недостатки. Преимущество состояло прежде всего в том,

что в бою рядом друг с другом стояли хорошо знакомые и близкие земляки, а часто и родичи, что содействовало сплочению боевого коллектива; недостаток же выражался в том, что все родо-племенные распри, которые разделяли арабов на множество мелких враждующих мирков, теперь переносились и на само арабское войско. Вражда между южно-арабскими и североарабскими племенами, которая усилилась со времени появления Омейядской династии (661), сказалась весьма болезненно на войске: бывало, что военачальники одного племени, например аздитов (южные арабы), с военачальниками другого племени, например темимитов (северные арабы), никак не могли договориться в самые ответственные моменты походов и даже битв.

Арабское войско по своему вооружению было более слабо, чем войско византийское и персидское. У арабов не было нужного количества тяжелых мечей, не было тяжело вооруженной конницы, что в значительной мере имели византийцы и персы. Зато численно арабские войска превосходили своих противников, поскольку у бедуинов все мужчины были воинами. Арабское войско быстро обзавелось конями, захватив их во множестве в войнах в качестве добычи и было теперь в состоянии предпринимать глубокие конные рейды на территорию врагов. Характерной чертой арабского войска была его легкость в снаряжении и подвижность. Оно не имело тяжелых обозов, хорошо и быстро проходило безводные степи и пустыни, однако терпелось в непривычной горной обстановке. Подвижность арабских отрядов была для их противников очень опасным качеством, так как арабы легко заходили в тыл врага, уничтожали и захватывали его обозы и портили его коммуникации.

Арабские завоевания облегчались не только военной и политической слабостью Ирана и Византии, но и внутренними противоречиями в этих странах. Напротив, у арабов социальные противоречия были еще сравнительно слабо выражены.

Арабские завоевания тогда шли с неслыханной для всего окружающего мира быстротой. Главные события развернулись при халифах Омаре, Османе и Али. В 635 г. арабы захватили Дамаск, главный город византийской провинции Сирии, в 636 г. у потока Ярмук в Палестине арабы разбили войско византийского императора Ираклия. В 637 г. арабы заняли Иерусалим, в 638 г. — Антиохию, в 640 г. разрушили Кесарию Палестинскую, а в 640 г. вторглись в Армению и в Египет. В конце концов, к началу VIII в. арабы отняли у Византии две трети ее владений — Армению, Сирию, Палестину, Египет и Северную Африку.

Одновременно с походами против Византии арабы вели наступление на Иран. Еще при первом халифе Абу Бекре арабские отряды под командой его любимого полководца Халида ибн ал-Валида, прозванного «мечом ислама», выступили к западным границам Сасанидского государства. С его именем и связаны первые победы арабов, а также взятие Хиры — бывшей столицы Лахмидского арабского княжества, игравшего в свое время для Ирана роль пограничного заслона от набега бедуинов.

§ 4. Завоевание арабами Ирана

В 634 г. Халид ибн ал-Валид был по распоряжению халифа Омара переброшен в Сирию. Его заменил в борьбе против Ирана Са'д ибн Абу Ваккас. Он командовал арабским войском в решительной битве при Кадисии в июне 637 г. Кадисия находилась на самой границе безводной Сирийской пустыни, к юго-востоку от Ефрата. Сасанидское войско по своему вооружению и численности значительно превосходило арабское. Во главе персов стоял прославленный военачальник Рустам. Несмотря на значительное преимущество персов, Рустам боялся сражения. Он

видел слабые стороны персидского войска. Рустам хорошо знал своих военачальников, знал их претензии, местнические настроения, внутренние раздоры в среде военной знати и нежелание беспрекословно подчиняться приказаниям командующего войском. Вот почему, когда все надежды в Иране были возложены на Рустама, он сам, по выражению современника, был лишен этой надежды. Три дня длилась без заметного результата упорная битва, и только на четвертый день, когда арабы, получив подкрепления из Сирии, стали напирать на персов, а Рустам пал, сраженный в бою, наступил перелом, и персидское войско было разгромлено. Государственное знамя Ирана, приписывавшееся легендарному герою иранского народного эпоса, кузнецу Кавэ (дарафш-и Кавэйяни), сшитое из леопардовых шкур и украшенное драгоценными камнями, попало в руки арабов. Последствия этого поражения были огромны. Разбежавшееся персидское войско открыло дорогу к столице Сасанидов — Ктесифону, который арабы называли Мадаин.

В Ктесифоне арабы захватили огромную добычу — большое количество золотых и серебряных сосудов с изображениями людей и животных, драгоценные камни, шелковые ткани, парчу, художественные ковры, рабов, рабынь, вооружение и много всякого другого добра. Город был опустошен, сожжен, разрушен и никогда больше не возродился. Жители, не успевшие бежать, были частью перебиты, частью уведены в рабство.

Арабские воины, даже крупные военачальники, стояли еще на таком уровне культурного развития, что не могли оценить тех художественно выполненных предметов, которыми они завладели в Ктесифоне и которые пустили, согласно суре о военной добыче, в раздел. Вот почему они плавили в слитки замечательные по художественной ценности золотые и серебряные сосуды, резали на куски художественные ткани и парчу. Арабские историки рассказывают о том, как арабы разрезали и пустили в раздел замечательный по художественному исполнению огромный царский ковер, покрывавший пол приемного зала в Ктесифонском дворце и сплошь затканый драгоценными камнями. Один лишь кусок, доставшийся Алию, был оценен в 20 тыс. динаров.

Взятие арабами столицы сасанидского Ирана и ее разрушение произвело сильное впечатление на население Ирана. В Иране начали понимать, что наступление арабов — не простой грабительский набег, а нечто значительно более серьезное. Окружение Ездгерда III делало все возможное, чтобы собрать большое войско и дать второе сражение арабам. Но сепаратистские настроения военной знати, сидевшей в качестве местных владетелей по областям и окраинам государства, были настолько сильны, что многие из них даже не явились на призыв государя, а те, которые явились, ссорились, отказывались повиноваться командующему. Все это привело ко второму поражению персов при Нехавенде в 642 г., недалеко от Хамадана. Битва при Нехавенде имела решающее значение в дальнейшей истории Ирана. У Ездгерда III не оказалось в руках больше ни прежней власти, ни авторитета, который мог бы объединить вокруг него силы сопротивления арабам. Богатая страна, с большими ресурсами провианта, вооружения и людского состава, оказалась фактически без центрального руководства.

После битвы при Нехавенде страна распалась на множество мелких владений. Чтобы понять, как могло это так быстро произойти, надо вспомнить характер Сасанидского государства в первой половине VII в. Самый титул сасанидского государя — шаханшах — указывает на то, что в Иране сасанидский государь был царем царей, главой мелких владетелей. В Парсе, Хузистане, Кермане, Табаристане, Дейлеме, Гургане, Хорасане, Азербайджане были свои наследственные владетели со

своей местной титулатурой. Арабоязычные историки (Белазури, Табари), описывающие в IX—X вв. завоевание арабами Ирана и Средней Азии, называют всех этих владетелей дехканами. Каждый из таких дехканов у себя дома чувствовал себя хозяином и, считая себя владетелем, стремился всегда довести степень своей самостоятельности в отношении к центральной власти (шаханшаху) до максимума.

Сепаратистские настроения дехканов способствовали падению Сасанидского государства. Вместо того, чтобы сплотиться около своего шаханшаха как единственного тогда в стране центра, они стали рассуждать, что Ездгерд III — неудачный и несчастливый государь, что арабы очень сильны и их не победить, и что лучше с ними договориться о мире, чем оказывать им бесполезное сопротивление. До всех этих дехканов доходили слухи, что арабы, в случае выражения покорности, сохраняют города, личное имущество и жизнь людей на условии выплаты дани.

Еще в 639 г. после годичного сопротивления пал богатый Хузистан. В 642 г. подчинился, на основе мирного договора, правитель Азербайджана (Южного или Иранского). В 643 г. арабы заняли Хамадан, в 644 г. — Испахан (Исфахан) и Рей.

После битвы при Нехавенде Ездгерд III, как выше отмечено, не найдя поддержки в среде господствующего класса Ирана, в поисках помощи стал скитаться по стране, переходя от одного местного владения к другому. Везде он встречал наружно почтительный прием, обещание повиноваться и предоставить хорошо вооруженное и снабженное провиантом ополчение, на деле же почти никто из знатных людей своих обещаний не выполнял, и Ездгерд III, кроме придворной свиты и небольшого верного отряда, не имел никаких сил. В Парс (Фарс) арабы вторглись еще в 644 г. морем из Бахрейна и по суше из Хузистана. Ополчение Парса, во главе с марзбаном Парса Шехреком, было разбито арабами в кровавой битве при Рейшехре близ Тавваджа. Но только в 648 г. арабам удалось закончить завоевание Парса. Некоторые города, в числе их и Истахр, сдались на основании договора с арабами, выговорив горожанам личную свободу, свободу веры, неприкосновенность имущества. В 649 г. жители Истахра восстали против арабов, перебив их гарнизон. Арабы осадили, взяли и разрушили Истахр, перебив в городе и окрестностях 40 000 мужчин и уведя в рабство женщин и детей. Часть иранской знати Парса подчинилась арабам, сохранив свои земли и замки. Харадж с Парса был определен арабами в 33 миллиона дирхемов, а подушная подать (джизья) с немусульман Парса — в 18 миллионов дирхемов.

Тем временем Ездгерд III, передвигаясь из одной области в другую, дошел до Мерва, главного города Хорасана, владетелем и марзбаном которого был Махуйя. Махуйя предал Ездгерда, закрыв перед ним ворота, и вслед за тем сдался арабам. Последний сасанидский царь, потеряв остатки войска в стычке с тюрками, кочевывшими в районе Балха, бежал; он был зарезан одним мельником, польстившимся на бывшие при нем драгоценности. В том же 651 г. арабы заняли Хорасан, дойдя до р. Аму-Дарьи.

§ 5. Иран под властью Омейядского халифата

После смерти Ездгерда III в 651 г. Иран в сущности перестал существовать как самостоятельное государство. Труднее всего проходили военные действия арабов в северных (прикаспийских горных областях — Табаристане, Дейлеме, Гиляне, где свободолюбивое население оказывало завоевателям упорное сопротивление и продолжало еще долгое время

вести почти самостоятельную политическую жизнь, а горная часть Гиляна — Дейлем — никогда не была завоевана арабами.

В Систане и Тохаристане сопротивление арабам продолжалось до начала VIII в. В 661 г. дехканы Тохаристана (область Балха), поддержанные западными тюрками и Китаем, провозгласили царем Ирана сасанидского царевича Пероза, сына Ездгерда III. Дело в том, что Китайская империя в VII в. сама пыталась подчинить себе Среднюю Азию и стремилась не допустить расширения экспансии арабов, поддерживав борьбу Хорасана и Тохаристана против арабских завоевателей. Но помощь далекого Китая не могла быть очень эффективной. В 674 г. Пероз, вытесненный арабами, должен был искать убежище в Китае. Сын Пероза Нерсэ позднее вернулся в Тохаристан и возглавил здесь сопротивление арабам. В 707 г. Балх был окончательно завоеван арабами. Нерсэ бежал в Китай. Пероз и Нерсэ при китайском императорском дворе официально признавались царями Персии. В начале VIII в. все Иранское нагорье, кроме района Кабула и горной области Гур (в верховьях р. Хери-руда) — огромная территория с богатыми торговыми городами, с большим количеством орошенной и возделанной земли, с многочисленным земледельческим населением, — вошло в состав обширного арабского государства, находившегося под властью династии Омейядов.

Завоеватели-арабы по культурному уровню тогда были ниже покоренных ими иранцев, ниже как в смысле стадии общественного развития, так и в отношении материальной и духовной культуры. Арабы не принесли с собой в Иран ничего, кроме богатого арабского языка и новой религии — ислама. Не имея ни опыта управления государством большого масштаба, ни знающих чиновников, арабы-завоеватели должны были приспосабливать к своим нуждам политические порядки и традиции, сложившиеся в Иране.

В чем больше всего первое время заинтересованы были арабы в покоренной стране? Ответ на этот вопрос можно получить в словах, которые арабы VIII в. приписывали халифу Омару I: «Мусульмане едят их (покоренных), пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы». Слова эти не нуждаются в комментариях. Завоевания были произведены с той целью, чтобы знатная верхушка арабского халифата могла жить и наслаждаться за счет покоренных народов: коптов, сирийцев, персов, согдийцев, хорезмийцев, армян, грузин и других. Иран был богатой страной, и из него надо было извлечь как можно больше материальных ценностей. В процессе войны они поступали в виде добычи. Уходя в поход, арабские войска имели не только высших военачальников, но специально назначенных лиц для заведования делом распределения награбленного имущества. Все захваченное добро воины должны были сдавать этим должностным лицам, которые и следили за тем, чтобы не были нарушены нормы распределения добычи. Вот характерный пример раздела добычи. Омейядский полководец в 716 г. осадил и взял тюркского царька Сула в Бухейре, городе на берегу Каспийского моря, на границе с персидской областью Гурган. В Бухейре арабами была захвачена огромная добыча. Халиф Йезид II назначил некоего Идриса ибн Ханзалу сосчитать всю добычу, дабы можно было выдать воинам жалование. Добыча была сосчитана в мешках и роздана согласно закону.

Наряду с военной добычей арабы прибегали и к даням — этой первичной и примитивной форме налога. Дани налагались на те области и владения, которые были только что захвачены или сами без сопротивления выразили покорность. Арабские историки рассказывают, что Мерв, который был добровольно в 651 г. сдан арабам марзбаном Махвья,

должен был доставить на 1 000 000 дирхемов денег и всякого добра, в том числе 200 000 джерибов¹ пшеницы и ячменя.

Просматривая у Белазури списки предметов, которые согласно договорам должны были выплачивать владельцы отдельных областей Ирана, нельзя не заметить, что дани шли в смешанной форме (натурой и деньгами), с явным преобладанием натуральной части. Арабской знати нужны были главным образом рабы и рабыни, преимущественно молодые, шерсть, хлопок, ткани, зерно, скот, лошади, кожи, вооружение, золото, серебро. В Иране ходила в VII в. серебряная монета — драхма, которую арабы называли дирхемом. Стоимость этой монеты в золотом исчислении равнялась 25 коп. Денег в стране, особенно в восточных областях Ирана, было немного. Покупательная сила их была высока. Когда в рассказах историков IX—X вв. о первых годах управления покоренным Ираном встречаются огромные денежные цифры в выплате дани, их нужно понимать не как реальные деньги, а как условные единицы, употребляемые для оценки и счета натуральных поставок. Дани, как форма взимания, не могли, однако, удовлетворить молодое арабское государство, так как в них было много элементов случайности.

Более надежные и поддающиеся учету формы эксплуатации покоренного населения арабские власти нашли в Иране в готовом виде. Выше было указано,² что при Сасанидах земледельцы выплачивали хараг, т. е. поземельный налог, и гезит — подушную подать. Арабские власти учли всю выгоду старой иранской налоговой системы и решили ее приспособить в своих интересах. В произношении арабов слово «хараг» звучало как «харадж», а «гезит» — как «джизья». Нужно сказать, что долгое время, до начала VIII в., арабские власти не делали строгого различия в значении этих двух терминов: под хараджем подразумевали иногда поземельный налог, а под джизьей — подушную подать, а иногда и наоборот. Устойчивое значение эти термины получили только при Аббасидах.

Каковы же были размеры хараджа? Сравнение данных доисламского и исламского времени указывает, что арабы увеличили ставки поземельного налога, взимаемого со всей орошенной земли, кому бы она ни принадлежала. Об этом можно судить на примере Ирака (Месопотамии). Эта богатейшая область при Сасанидах в VI в. давала ежегодно до 214 миллионов дирхемов податных сборов. Арабские завоеватели установили следующие ставки хараджа: с 1 гариба посевов пшеницы — 4 дирхема; с 1 гариба посевов ячменя 2 дирхема (при Хосрове АношERVане с 1 гариба посевов пшеницы или ячменя платили только 1 дирхем); с 1 гариба под финиковыми пальмами — 8 дирхемов; с 1 гариба год виноградниками — 6 дирхемов. Общая сумма податных сборов Ирака быстро упала до 120 млн. дирхемов при халифе Али, до 100 млн. при омейядском халифе Муавии, к концу VIII в., благодаря жестоким вымогательствам омейядского наместника Хаджжаджа, временно поднялась до 135 млн. дирхемов, но при последних Омейядах упала до 70 млн. дирхемов, т. е. по сравнению со временем АношERVана уменьшилась втрое. Уже в VII в. покоренные персы выплачивали с орошенной и возделываемой земли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего получаемого сельскохозяйственного продукта.

В соответствии с принципами мусульманской религии джизья, т. е. подушная подать, взималась только с «неверных»; принявшие ислам ее не платили. В первые десятилетия после завоевания харадж

¹ Джериб (арабизованное персидское *гариб*) — мера площади земли, равная 3600 кв. гезов (примерно 2900 кв. м), также мера веса, разная для разных областей.

² См. в главе II.

также взимался только с иноверцев — зороастрийцев, христиан, евреев, если они обрабатывали землю. Мусульмане же, владевшие землею, платили только десятину (араб. *ушр*), т. е. поземельную подать гораздо меньшего размера. Но в 700 г. наместник восточных областей халифата, энергичный, жадный, кровавый и крайне жестокий Хаджжадж, издал указ, согласно которому впредь новомусульмане, т. е. принявшие ислам персы и другие неарабы, не освобождались от уплаты хараджа. Установился порядок, согласно которому, если какая-либо земля была ранее обложена хараджем, она оставалась хараджной навсегда, хотя бы держатель ее потом и принял ислам. Эта мера вызвала глубокое недовольство крестьян.

Факты, которые сообщают нам арабские историки IX—X вв., определенно указывают, что в первые десятилетия после завоевания сбор налогов и податей арабы целиком передали в руки подчинившихся им местных владетелей. Арабов интересовало лишь количество разнообразных материальных ценностей, а кто и как их будет собирать — для них был второй и не столь важный вопрос. Белазури рассказывает, что халиф Алий вызвал к себе в Куфу из Мерва мервского владетеля Махуйю и вел с ним беседы на тему о сборах налога. Договорились на том, что халиф Алий напишет особую грамоту, согласно которой дехканы и старосты селений будут уплачивать джизью,¹ а Махуйя передаст ее халифу. Тем самым дехканы становились соучастниками арабов в эксплуатации покоренного народа. Земледельцы целиком были отданы им во власть, старосты и дехканы отвечали за сбор налогов, однако это им было выгодно, ибо при сборе немалая доля продуктов сельского хозяйства и ремесла шла в их карманы. Таким же орудием арабского халифата при эксплуатации иранских земледельцев становился и сам Махуйя, который сохранил, как и все выразившие покорность арабам местные крупные землевладельцы, свои богатства, земли, недвижимое и движимое имущество.

Вся тяжесть указанной системы сбора налогов легла на персидских земледельцев. При Сасанидах их эксплуатировали крупные землевладельцы и государство. При арабской власти их по-прежнему эксплуатировали государство и землевладельцы, но ставки хараджа и джизьи стали значительно выше, чем при Сасанидах. Кроме того, передача права собирать налоги в руки дехканов и старост деревень делала крестьянство еще более зависимым от господствующего класса. Положение крестьян ухудшалось и тем обстоятельством, что арабы еще в большей мере, чем прежние сасанидские чиновники, требовали от населения деревень выполнения разных натуральных повинностей: рытья и чистки каналов, проведения и починки дорог, строительства крепостных стен, мечетей, дворцов для арабских наместников и т. д.

Положение земледельцев стало невыносимым, когда халифы ввели в практику «печатание» земледельческого населения. Оно заключалось в том, что на всех крестьян, которые выплачивали джизью и харадж, навешивали свинцовые бирки, так называемые печати, где отмечалось, из какого рустака (волости) и селения был данный человек. Если сельчанин уходил в другую область, его задерживали и отправляли на место жительства, указанное на бирке. Появиться где-либо без бирки на шею значило быть задержанным в качестве бродяги. Печати эти снимались только после полной выплаты налогов и опять навешивались, когда подходило время нового урожая. Благодаря системе «печатанья», крестьяне не могли уклониться от уплаты джизьи и хараджа. Этот обы-

¹ Из текста не видно, что в данном случае обозначал термин «джизья» — поземельный или подушный налог.

чай, напоминавший клеймение рабов, казался унижительным и оскорбительным крестьянам Ирана, еще помнившим порядки свободной сельской общины. «Печатание» было распространено почти во всех покоренных арабами странах — в Египте, Месопотамии, Армении, Азербайджане, Иране и Средней Азии.

§ 6. Социальные отношения в Иране в VII—первой половине VIII вв.

Арабские завоеватели не принесли с собою в Иран новых общественных форм. Процесс феодализации Ирана, начавшийся при Сасанидах, продолжал развиваться и после арабского завоевания. Но арабское завоевание сделало этот процесс более медленным. Дело в том, что завоевательные войны халифата сопровождались захватом, как в Иране, так и в других завоеванных странах, в плен и рабство огромного количества мирных жителей обоего пола. Их труд в качестве рабского применялся в сельском хозяйстве, на оросительных работах, на пастьбе скота, в ремесле, в государственных рудниках. Только постепенно верхушка арабских завоевателей была втянута в общий процесс феодализации стран Передней и Средней Азии.

Арабское завоевание сопровождалось перераспределением земельного фонда страны. Большая часть земель — земли дехканов, сражавшихся с арабами, бывшие земли Сасанидского государства и членов сасанидской династии, земли зороастрийских храмов — была объявлена общей собственностью мусульманской общины (фай); по сути дела эти земли стали собственностью арабского государства. Соседская сельская община в Иране, сменившая большесемейную, не исчезла после арабского завоевания, но общинные земли были признаны собственностью государства. Крестьяне считались только держателями государственной земли и были обложены хараджем. Как указывает Маркс, на государственных землях феодальная рента совпадала с налогом: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (крестьянам, — *ред.*), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты».¹

Эта государственная собственность на землю была видом феодальной земельной собственности, поскольку само государство было организацией и орудием правящего класса — феодализирующейся арабской знати. В Иране, как и в большинстве других стран Ближнего Востока, государственная собственность на землю была преобладающим (хотя и не единственным) видом феодальной земельной собственности. Государство через свой чиновничий аппарат эксплуатировало крестьян, взимая с них налог-ренту, которая затем в большей своей части, в виде жалованья, пенсий, субсидий и подарков, переходила в руки служилых людей и верхушки завоевателей, составлявших основу складывающегося класса феодалов. Вместе с тем государство было собственником большей части оросительных сооружений и водных ресурсов.

Итак, земля и вода — основные средства производства в большей своей части принадлежали государству. Это обстоятельство делало государство сильным и способствовало созданию мощного централизованного аппарата.

Помимо государственной существовала и частная феодальная собственность на землю (мульк). Это были земли, перешедшие в собственность арабской знати, а также земли персидских дехканов, подчинив-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 804.

шихся завоевателям на основании договора. Эти земли можно было продавать и передавать по наследству. В поместьях частных землевладельцев, как арабских, так и местных, и на государственных землях феодальная эксплуатация крестьян нередко переплеталась с эксплуатацией труда рабов, которых было очень много.

Народное недовольство против владычества арабского халифата началось в Иране очень рано. Особенно было сильно движение против завоевателей в Хорасане и Мавераннахре («Заречье»), как прозвали арабы земли, лежащие на северо-восток от р. Аму-Дарьи (Среднюю Азию).

Хаджжадж оставил по себе на Ближнем Востоке печальную память. Это был крайне жадный и жестокий правитель, который считал, что управлять народом можно только силой и вероломством. Суровыми мероприятиями он заставлял земледельческое население Ирана восстанавливать каналы, обрабатывать запустевшие земли. Никто из арабских наместников до него не выжимал с населения так много налогов (харадж и джизья) и не требовал так много повинностей. Достигнутое Хаджжаджем «умиротворение» было только видимое. Когда в 701 г. против халифа и его наместника Хаджжаджа восстал полководец Абдар-рахман ибн-ал-Аш'ас, к нему присоединилось арабское войско в Ираке и масса народа — арабов и персов. Восставшие разбили халифское войско, взяли Басру и Куфу. Лишь с большим трудом халифу удалось подавить это восстание (702 г.).

Арабские завоеватели учитывали возможность восстаний покоренных народов Ирана против халифата. Поэтому завоеватели стремились держать не только гарнизоны в крупных и даже небольших городах, но иметь в наиболее важных местах свое арабское население. Арабские источники IX—X вв. рассказывают, как арабы в процессе завоеваний заселяли крупные города. В городах оседало не только арабские военачальники, арабские гражданские чиновники или представители мусульманских богословов, которые первое время были почти целиком из арабов, но и воины. Если учесть, что с ними приходили и их семьи, то число арабов, осевших на новых покоренных местах, должно было быть значительным. Процесс миграции арабов в Иран связан был прежде всего с самим ходом завоевания. Однако и после завоевания в целях усиления арабского влияния халифат направлял в Иран новых арабских поселенцев. Так, при первом омейядском халифе Муавии в 671/2 г. наместник Ирака, сидевший в Куфе, откуда шло руководство всеми восточными областями халифата, отправил 50 тысяч арабских воинов с их семьями в Нишапур, Мерв, Балх и другие города, а также селения Хорасана и Тохаристана, дабы поселить их там, наделив землями и домами.

Оседание арабов в Иране встречало враждебное отношение у народных масс, у трудящегося населения города и деревни. Иное отношение было у господствующего землевладельческого класса. Крупные землевладельцы быстрее мирились с завоевателями, так как последние, стараясь опираться на дехканов, оставляли им их прежние социальные привилегии и прежде всего их земельное имущество, делали их соучастниками завоевателей в эксплуатации народных масс. Характерно, что многие из них не только легко уживались с новыми хозяевами страны, но и сами искали с ними сближения и даже родства. Народ косо смотрел на них и, восставая против арабов, не щадил этих изменивших своей родине людей. Арабские халифы способствовали переходу земель в Иране в руки арабской аристократии. Так, халиф Йезид I (правил в 680—683 гг.) подарил арабскому наместнику Нехавенда, Динавера и Хульвана большой массив земли в собственность в районе Динавера.

Здесь этот наместник и выстроил себе в стиле местных построек большой укрепленный замок.

Некоторые арабские наместники сами проявляли инициативу и старались завязать связи с местной аристократией, принимали местные традиции, подражали местным вкусам в одежде, в церемониале празднеств и т. д. Например, хорасанский наместник Асад ибн Абдаллах подерживал некоторые старые персидские праздники. Табари рассказывает, что Асад однажды в день Михрагана (праздник осеннего равноденствия) устроил торжественный прием местных дехканов и арабских военачальников. Характерно, что в этот день персидские дехканы преподнесли Асаду ибн Абдаллаху подарки, которые в прежние времена полагались местному владельцу.

Арабская знать придавала большое значение распространению ислама среди покоренных народов. В религии ислама она видела орудие подчинения своей власти, да иначе и быть не могло. Ведь халиф был не только главой светской власти (эмиром), но и заместителем пророка Мухаммеда в религиозных делах (имамом). Следовательно, иноверец, ставший мусульманином, во имя предписания религии должен был свято чтить авторитет и власть халифа и его наместников. Первое время только купцы да некоторые представители аристократии охотно принимали ислам. Однако при Омейядах бывшие иноверцы, в частности персы-зороастрийцы, даже войдя в число правоверных, не становились еще вполне равноправными арабам. Так, входя в арабское войско, подчас со своими ополчениями, персидские дехканы не пользовались всеми правами арабских воинов. Если арабы, кроме определенной доли захваченной добычи, получали жалованье, то новообращенные мусульмане из неарабов жалованья не получали, а имели только право на долю военной добычи. Поскольку у арабов и в VII—VIII вв. сохранялось родовое и племенное деление, то всякий новообращенный мусульманин не араб обязан был стать «клиентом» (арабск. *маула*, множ. число *мавали*) того или иного арабского рода и племени.

Слой персидских мавали в начале VIII в. в Иране был довольно значителен. Передавая завоевателям достижения иранской культуры и иранские традиции в управлении государством, мавали играли большую роль в жизни молодого арабского государства.

Хорасанец Сулейман ибн Абу-с-Сари, принявший ислам и ставший «клиентом» арабского племени увафа, помог организовать арабам при Омаре II (правившем в 717—720 гг.) почту в Хорасане и Мавераннахре. Государственная почта (берид) имела в жизни арабского халифата огромное значение, так как она обеспечивала быструю связь халифатского центра в Дамаске с отдаленными провинциями нового государства. Почта в Иране еще при Сасанидах была поставлена весьма хорошо, имела старые традиции, уходящие корнями в далекое прошлое Ахеменидского государства. Арабские наместники и военачальники быстро учили удобство почтовой службы и требовали повсюду восстановления почтовых станций и почтовых дорог, починка которых производилась в порядке натуральной повинности окрестными крестьянами, а также содержания почтовых лошадей, гонцов и скороходов. О такой почтовой службе упоминается в письме пенджикентского (в Средней Азии) дехкана Диваштича¹ к арабскому наместнику Хорасана и Мавераннахра при халифе Омаре II. Небезынтересно, что уже тогда наряду с почтовыми станциями строились на дорогах ханы, т. е. караван-сарай, где можно было путнику, торговцу и даже целому каравану остановиться на отдых, получить пищу для людей и корм для скота.

¹ Письмо на пергаменте найдено среди согдийских документов в замке на горе Муг в Таджикистане в 1934 г.

При омейядском владычестве в Иране было, однако, еще мало людей, принявших ислам и включенных в категорию «мазали». Основная масса населения оставалась еще зороастрийской.

По свидетельству Истахри и Ибн Хаукаля, в области Фарс даже в X в. большинство населения было зороастрийским, и не было ни одного селения без храма огня. В прикаспийских областях и Джибале (древняя Мидия) и в X в. было еще очень много зороастрийцев. В городах Ирана, помимо мусульман и зороастрийцев, до XIII в. было немало христиан (особенно в Хузистане) и иудеев. Немусульман — христиан, иудеев и зороастрийцев, ставших подданными мусульманского государства и обложенных податью подушной (джизья) и поземельной (харадж), арабы называли зиммией. Как «неверные», все зиммии, независимо от своего классового положения, были ограничены в гражданских правах и отстранены от политической деятельности. Особенно тяжело было положение зиммиев-крестьян.

§ 7. Борьба против владычества Омейядского халифата в Иране

Недовольство владычеством Омейядского халифата (661—750 гг.) росло не только среди персов и других покоренных арабами народов, но и в среде самих арабов. Недовольство широких масс арабов политической знатной верхушки и особенно клики сторонников Омейядов выразилось в появлении в среде мусульман еще в середине VII в. секты хариджитов.

Суть взглядов хариджитов заключалась в утверждении, что халифы из династии Омейядов резко порвали с принципами первоначального ислама, как их понимали хариджиты. Согласно хариджитским воззрениям, мусульманское государство, т. е. халифат, должно строиться так, чтобы все мусульмане представляли собой равную в правах религиозную общину, среди членов которой не было бы резкого разделения на богатых и бедных. Мусульмане, по учению хариджитов, должны были жить главным образом за счет военной добычи, которую они получали в борьбе с неверными, еще непокоренными, и за счет джизьи (подушной подати) и хараджа (поземельной подати), которые арабские власти взимали с «неверных», уже покорившихся арабам, т. е. с зиммиев. Земля должна была составлять собственность всей мусульманской общины. Все принявшие ислам, как арабы, так и не арабы, должны были быть освобождены от джизьи и хараджа. По учению хариджитов, халиф должен был избираться всей мусульманской общиной, которая имела бы право выбрать халифом самого незнатного человека, даже раба-негра, если бы он того заслужил. Хариджитская пропаганда среди беднейших арабских племен имела большой успех, и хариджитское движение причиняло немало хлопот омейядским властям. По происхождению хариджитство было чисто арабским движением, но уже с конца VII в. к хариджитам стали примыкать персы — крестьяне и ремесленники, поскольку они были заинтересованы в борьбе с халифатом, сначала Омейядским, а потом Аббасидским. В VIII—IX вв. иранская область Систан стала главным очагом хариджитства. Вскоре хариджиты сами раздробились на несколько сект.

Иной характер носило движение шиитское, приведшее к выделению из «правоверного» ислама особого течения — одновременно политического и религиозного. Название «шииты» происходит от арабского слова «ши'я» — что значит «секта», «группировка». Но этот термин приобрел специфическое значение — секта или группировка последователей Алиа и его потомства. Шииты считали, что не Омейяды и никто другой, а единственно Алиды, потомки Алиа, имеют право, как родственники пророка Мухаммеда, на имамат (халифат). Потомков Алиа шииты и

признавали за имамов, т. е. духовных и, в принципе, политических глав мусульманской общины, а Омейядов, как и первых трех халифов — Абу Бекра, Омара и Османа, — считали захватчиками и незаконными правителями. Шиитство первоначально не носило народного характера, и если народные массы поддерживали шиитское движение, то это потому, что оно было направлено против самого сердца арабского халифата — Омейядской династии и поддерживавшей ее знатной клики.

Оппозиция против политики Омейядского халифата в Иране выразилась, между прочим, в том, что персы, даже и принимая ислам, принимали его чаще не в «правовой» (суннитской), а в «еретической» форме — шиитской или хариджитской.

При халифе Абд ал-Мелике (правил в 685—705 гг.) в Ираке и Хузистане (в 685—687 гг.) произошло восстание под знаменем шиитов, во главе с арабом Мухтаром ибн Абу Убейдом. Восстание это было пестрым по своему классовому и этническому составу: его поддерживали не только бедняки-арабы и персидские крестьяне и ремесленники, но и часть персидских землевладельцев, не мирившихся с завоевателями. Только ценой больших усилий войскам Абд ал-Мелика удалось подавить восстание.

В 686 г. в Ираке и Хузистане произошло восстание широких масс бедуинов и арабских и персидских крестьян, объединившихся под знаменем хариджитской секты азракитов. Азракиты учили, что всякого правителя, который отступает от заповедей первоначального ислама, как их понимали хариджиты (социальное равенство всех мусульман), следует признать неверным и вести с ним войну за веру. Восстание хариджитов-азракитов было подавлено со страшной жестокостью халифским наместником Хадждаджем только в 697 г.

В начале VIII в. у Омейядов появились новые противники, которые, начиная с 20-х годов VIII в., повели весьма успешную пропаганду своего дела. Это была группировка сторонников права на халифат корейшитской фамилии Аббасидов. Основателем аббасидской группировки был имам Мухаммед ибн Али, правнук Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. По имени этого Аббаса его потомки и именовали себя Аббасидами. Среди сторонников Аббасидов были люди умные, энергичные и политически дальновидные. Они хорошо ориентировались в окружающей обстановке, видели непопулярность Омейядов среди покоренных народов, особенно среди иранцев, и старались использовать ее в интересах своего дела. Они стали проповедовать, что Аббасиды, как прямые потомки дяди пророка, имеют больше прав на престол, чем Омейяды, которые не происходили из рода пророка. Тайная организация сторонников Аббасидов сложилась в 724 г. Настоящим руководителем ее был перс Букейр ибн Махан, богатый купец. Он подбирал энергичных и верных ему последователей, которых можно было послать, как пропагандистов, в разные области халифата. Наиболее подходящая ситуация для пропаганды аббасидского дела была в Хорасане и Мавераннахре. Туда и были направлены «миссионеры» (араб. *да'и*).

Они обещали, что в случае победы аббасидского дела новая династия допустит к участию во власти и иранцев, а также другие народы. Крестьянам и низшим слоям городского населения пропагандисты Мухаммеда ибн Али обещали уменьшение податей и натуральных повинностей. Но стремясь заручиться поддержкой народных масс, Аббасиды не учли, что массы могут выступить с самостоятельными лозунгами. В Хорасане даже один из пропагандистов дела Аббасидов, по имени Хидаш, обманул надежды Мухаммеда ибн Али и Букейра ибн Махана и, под прикрытием аббасидского дела, стал проповедовать социальные идеи никогда не умирившего в Иране маздакитства.

В VIII в. маздакиты были известны под именем хуррамитов (происхождение этого термина не выяснено). Хидаш имел огромный успех среди хорасанского крестьянства, так как он и его последователи обещали раздел земли и другого имущества. Арабские эмиры Хорасана и Мавераннахра были хорошо осведомлены об аббасидской пропаганде и преследовали ее руководителей, однако власти особенно забеспокоились, когда пропаганда приняла маздакитский характер. Наместник Хорасана и Мавераннахра выследил и арестовал Хидаша. Хидаш был подвергнут тяжелой казни — у него вырвали язык, отрезали руки, ослепили, а потом умертвили. Когда весть о проповеди Хидаша дошла до Мухаммеда ибн Али, тот пришел в негодование, настолько он был недоволен перерождением аббасидской пропаганды в народных массах в маздакитскую.

В 743 г. Букейр ибн Махан был захвачен на тайном собрании сторонников Аббасидов и заключен в тюрьму. Здесь Букейр познакомился с молодым персом Абу Муслимом, рабом двух братьев, сторонников Аббасидов, также посаженных в тюрьму. Своим умом и энергией Абу Муслим произвел на Букейра сильное впечатление. Выйдя из тюрьмы, Букейр доложил тогдашнему главе фамилии Аббасидов, сыну умершего Мухаммеда ибн Али, имаму Ибрахиму ибн Мухаммеду о способном и полезном для дела Аббасидов Абу Муслиме. Вскоре имам вызвал Абу Муслима к себе в Ирак и познакомился с ним.

§ 8. Восстание Абу Муслима

По указанию имама Ибрахима в 745 г. Абу Муслим отправился в Хорасан для подготовки восстания, под черным знаменем Аббасидов, и для руководства им.

Арабский наместник Хорасана Наср ибн Сейяр (правил в 738—748 гг.) был из племени кинана, принадлежавшего к группе североарабских племен мудар (мударитов), преданного Омейядам и особенно халифу Марвану II (правившему в 744—750 гг.). Наср враждовал с поселившимися в Хорасане йеменитами, т. е. южноарабскими племенами. Притесняемые мударитами хорасанские йемениты в конце концов восстали против Омейядского халифата, что явно мешало Насру ибн Сейяру бороться с аббасидским движением.

Такова была обстановка в Хорасане и в Мервском оазисе, когда прибыл туда Абу Муслим. Своей штаб-квартирой он избрал хорошо укрепленное селение Сафизандж близ Мерва. Здесь он и начал открыто собирать вооруженные силы вокруг аббасидских лозунгов. Историки Абу Ханифа ад-Динавери и Табари подробно рассказывают о подготовке и социальном составе восстания против омейядской власти. Согласно Табари, в назначенный для выступления вечер, 25 рамазана 129 г. х. (9 июня 747 г. н. э.), по приказу Абу Муслима в окрестностях Сафизанджа зажгли условленные костры, огни которых служили сигналами к восстанию. К Абу Муслиму стали приходить крестьяне соседних деревень, вооруженные чем попало, местные мелкие и средние землевладельцы, ремесленники городов; приходили, между прочим, и некоторые мавали. Восставшие шли мелкими и крупными отрядами. По словам Табари, в один день пришли люди из 60 деревень. Так, жители одного селения составили отряд в 900 пехотинцев и 4 всадника, жители другого — отряд в 1300 пехотинцев и 16 всадников. Цифры эти для понимания классового состава участников движения весьма показательны: всадниками могли быть лишь мелкие и крупные землевладельцы — дехканы, а пехотинцами — крестьяне. Среди участников восстания против Омейядов явно преобладало крестьянство, не только из мусульман, но из иноверцев. Верхушка же движения состояла из дехканов..

Абу Муслим и его сторонники избрали цветом восстания черный и стали красить в черную краску свои одежды и деревянные палицы, которыми вооружено было большинство восставших.

Хотя Сафизандж имел высокие стены и крепкие башни, однако не мог вместить главных сил Абу Муслима. Вот почему он перенес штаб-квартиру в укрепленное большое селение Махуван; ныне на этом месте или вблизи его стоит город Туркменской ССР — Мары. В Махуване Абу Муслим устроил настоящий правительственный центр. У него был диван войска, свой казий (духовный судья), свой начальник полиции (харас) и личной охраны (шурта). В диване войска шла регистрация всех примкнувших к восстанию, здесь шло распределение по отрядам и здесь выдавалось даже жалованье, сначала по 3 дирхема, а потом по 5 дирхемов (на какой срок, не указано в источниках). В Махуван пришли также представители рабов, которые заявили, что рабы сочувствуют делу Абу Муслима и готовы его поддержать. Абу Муслим сначала их принял хорошо и рад был использовать их силу, но когда рабы стали появляться в большом количестве, местные дехканы стали жаловаться, что они лишаются рабов. У верхушки участников движения явно сквозила боязнь, что рабы потребуют своего освобождения. Абу Муслим приказал рабам вернуться к своим господам, а когда те отказались, он сосредоточил их вместе в отдельном лагере, дал им своего начальника и в дело пустить не решился. Случай этот с рабами указывает, что в сознании даже передовых людей того времени еще очень крепко сидели взгляды на рабство, как на нормальное и «законное» явление.

В это время Насру ибн Сейяру не удалось прекратить распри среди хорасанских арабов. Наср и мудариты зели борьбу на два фронта: против йеменитов и их вождя Джудейя ал-Кермани и против восставших приверженцев Абу Муслима. Захваченного в плен ал-Кермани Наср ибн Сейяр предал казни. Йемениты жаждали мести. Абу Муслим заключил союз с йеменитами против Насра ибн Сейяра. В начале 748 г. Абу Муслим захватил Мерв. После этого успехи следовали один за другим. Они поднимали веру народных масс в полную победу, и число сторонников, готовых двинуться в поход против самого центра Омейядского халифата, росло с исключительной быстротой. Разбитый в нескольких сражениях Наср ибн Сейяр бежал из Хорасана и вскоре умер. В войске Абу Муслима в качестве военачальников выделялись араб Кахтаба ибн Хабиб и перс Халид ибн Бармак из знатной дехканской фамилии Бармекидов, который впоследствии при первых Аббасидах играл важную роль как один из наиболее важных сановников. Аббасидский имам Ибрахим, не доверявший вполне Абу Муслиму, подозревая в нем сторонника крестьянских интересов, назначил главнокомандующим войском восставших Кахтабу. Летом 748 г. восставшие разбили омейядское войско близ Туса, осенью 748 г. заняли Нишапур. После двух новых побед восставших — в Гургане (748 г.) и при Нехавенде (июль 749 г.) — весь Иран был занят ими. Решающая битва на р. Большой Заб (приток Тигра) в январе 750 г. положила конец сопротивлению сторонников Омейядов. Омейядский халиф Мерван II вынужден был бежать в Египет и там погиб. Дорога на запад была свободна для отрядов восставших сторонников Аббасидов. В том же 750 г. пала династия Омейядов и к власти в халифате пришла новая династия Аббасидов (750—945 гг.).

§ 9. Иран под властью халифата Аббасидов

В самый разгар борьбы, но уже когда ясна была победа, Абу-л-Аббас ас-Саффах, преемник Ибрахима ибн Мухаммеда, провозглашенный халифом, в соборной мечети в Куфе произнес демагогическую речь,

в которой обещал народу, что Аббасиды, придя к власти, принесут ему облегчение налогов, податей и натуральных повинностей. Ближайшие же месяцы и годы показали, что ни одно из обещаний Аббасиды не собирались выполнять.

Аббасидская победа возможна была только благодаря поддержке народа. Сами Аббасиды были ему совершенно чужды. Они были представителями интересов феодализировавшихся землевладельцев Ирака и Ирана. Они оказались жестокими и коварными правителями. Известен тот бесчеловечный террор, которым они преследовали всех членов Омейядской династии. Они не оставили в живых ни стариков, ни женщин, ни детей, ни даже младенцев из Омейядского дома, за исключением тех немногих, которым удалось укрыться в Египте и далее в областях Магриба.

Каковы же были реальные последствия смены Омейядов Аббасидами? При Омейядах власть в халифате была целиком в руках арабской племенной аристократии. Арабская племенная аристократия за первое столетие ислама претерпела, конечно, значительные перемены. Правящая знать превратилась в крупных землевладельцев, отдельные ее члены не чуждались участия в торговле. Многие родо-племенные вожди в процессе завоеваний также становились крупными земельными собственниками, владея землями в разных районах обширного Омейядского государства. Было у них большое имущество и в городах. Характерно, что они не всегда порывали с кочевым укладом, столь привычным их отцам да и им самим в годы их молодости. Еще в первой половине VIII в. среди арабской аристократии было немало фамилий, которые вели полукочевой, полуоседлый образ жизни. Эта многочисленная арабская аристократия и была основой и опорой власти халифата. В хозяйствах этой знати еще в больших размерах применялся рабский труд. В интересах этой знати и функционировал весь тяжелый для трудящегося населения аппарат власти.

Что же принесли с собой Аббасиды? Первые десятилетия аббасидского правления показали, что классовая основа власти осталась та же, что и при Омейядах. Народные массы не только не получили ничего, но, наоборот, мало-помалу старки поземельной подати (харадж) и количество натуральных повинностей (проведение новых каналов, постройка дворцов, городских стен и т. д.) еще увеличились по сравнению с предшествующим временем.

Перемены коснулись главным образом этнического состава господствующего класса — класса, который участвовал в управлении государством (центрально и областном).

При Аббасидах высшие должности в государстве стали занимать не только арабы, но и представители иранской землевладельческой аристократии (дехканства). Она определенно выиграла от движения и победы Аббасидов. Иранские аристократы заняли в управлении государством почти столько же мест, сколько и арабы. Первым среди первых иранцев, занявших руководящие места, был дехкан из Балха, крупнейший земельный собственник Халид ибн Бармак.

Пытаясь опереться на иранскую знать, первые аббасидские халифы — Саффах (правил 750—754 гг.) и Абу Джа'фар ал-Мансур (правил в 754—775 гг.) решили основать столицу поближе к Ирану, так как в старой столице — Дамаске слишком сильны были омейядские традиции. В своей программной речи халиф Саффах обещал устроить столицу в Куфе, но слова не сдержал, так как убоялся Куфы, как города, в котором всегда было много оппозиционных и притом демократических элементов (хариджитов и т. д.). Постоянная столица Аббасидов Багдад была основана только в 762 г.

По отношению к Абу Муслиму, вождю народного движения, которое так успешно закончилось разгромом Омейядского халифата, Аббасиды проявили черную неблагодарность. Халиф Саффах не любил Абу Муслима, завидовал его популярности в народных массах Ирана и боялся его, как возможного соперника. Те же чувства питал к Абу Муслиму и преемник Саффаха, Мансур. Вместе с тем популярность Абу Муслима в народе была так велика, что его нельзя было не назначить на какой-нибудь высокий пост. Поэтому первые Аббасиды решили не допускать его в Ирак, не приглашать ко двору, а оставить на посту наместника Хорасана в том самом Мерве, где его ополчение одержало первые победы. Абу Муслим видел к себе подозрительное отношение со стороны первых двух аббасидских халифов и платил им тем же. Не было между Абу Муслимом и халифами также согласия в основных вопросах внутренней политики. Вопреки халифам и их ближайшему окружению, он считал необходимым исполнить обещания, данные народу аббасидскими пропагандистами, когда те призывали народ к восстанию против Омейядов. Дело касалось главным образом облегчения податей и натуральных повинностей. Но, как бы ни были велики разногласия у Абу Муслима с Аббасидами, он все же не решался еще с ними порвать и ждал каких-то перемен в их действиях.

Более решительно поступили народные массы. В народе повсюду было большое разочарование поведением первых аббасидских халифов. Крестьяне открыто говорили, что они не для того проливали кровь, чтобы подчиниться ничему для них не сделавшим Аббасидам. Прошло не более года со времени прихода к власти Аббасидов, как уже, правда за пределами Ирана, в Бухарском оазисе, вспыхнуло в 751 г. восстание против Аббасидской династии. Во главе него встал некий Шерик ал-Махри, по воззрениям своим шиит. Народные массы плохо тогда разбирались в шиитских тонкостях и стали поддерживать его лозунги лишь только потому, что он острее своей пропаганды направил против аббасидской власти. Шерику удалось привлечь ремесленников, мелких торговцев Бухары и крестьянское население ее окрестностей. Шерику удалось собрать около 30 000 человек. Большинство их погибло под ударами меча или было повешено на городских воротах Бухары, как об этом рассказывает местный историк X в. Нершахи в своей «Истории Бухары», дошедшей до нас в персоязычной переработке XII в.

Абу Муслим, противник шиитов, стал на сторону Аббасидов против бухарского народного движения, что было большой ошибкой Абу Муслима, ибо этим шагом он укрепил положение Аббасидов на свою же голову.

В 755 г. Абу Муслим задумал хаджж (паломничество) в Мекку. Путь его лежал через Ирак; по своему положению наместника Хорасана он не мог не посетить халифа в его ставке близ Куфы. Мансур принял Абу Муслима со знаками внимания и почета и обласкал его. Присм произвел на Абу Муслима сильное впечатление и, когда на следующий день халиф вновь его пригласил, Абу Муслим отправился один, без свиты и стражи. Хитрый и коварный халиф приказал своим слугам убить безоружного наместника, руками которого Аббасидская династия была возведена на престол халифата.

Весть об убийстве Абу Муслима быстро достигла Ирана и произвела сильное впечатление, особенно в восточных областях — Хорасане, Систане, Мавераннахре. Об Абу Муслиме в народе сразу же стали создаваться легенды. В народе говорили, что халиф Мансур убил его потому, что последний требовал улучшения положения народных масс и прежде всего облегчения и уменьшения налогов, податей и повинностей. Маздакитские (хуррамитские) круги сделали из него даже маздакита,

каковым Абу Муслим никогда не был. Никто из политических деятелей раннего средневековья не оставил такой след в фольклоре, как Абу Муслим; народные рассказы об Абу Муслиме впоследствии послужили основой для исторического романа ат-Тартуси, написанного на персидском языке и широко распространенного в Иране и Средней Азии. Версия, дошедшая до нас, хотя и имеет древние пласты, но составлена не раньше XIII в.

§ 10. Внутренняя политика Аббасидов

Вблизи развалин Ктесифона, древней столицы Сасанидов, заложен был на западном берегу Тигра знаменитый Багдад или, как его официально называли, Медина́т ас-салам (арабск. *город мира* или *благодействия*). Положение Багдада было исключительно выгодно с экономической точки зрения. С верховьев р. Тигра на судах можно было доставлять в Багдад много хлеба, рыбы, мяса и других продуктов, с низовьев из Басры и с Персидского залива — различные заморские товары. Не менее важно было и политическое значение этого места. Закладывая город у развалин величавого Ктесифона, Мансур как бы хотел подчеркнуть, что ему близки политические и культурные традиции Сасанидского государства. Основание Багдада должно было нравиться иранской землевладельческой аристократии так же, как и желание халифа Мансура и его ближайших преемников использовать опыт административного управления и военного дела сасанидского Ирана.

Хранителями и проводниками этих традиций были упомянутые представители иранской аристократии и прежде всего могущественная кранская фамилия Бармекидов (из Хорасана), члены которой в трех поколениях, в течение почти сорока лет, занимали важнейший пост везира и держали в своих руках все нити государственного управления. В 803 г. везир Джа'фар был казнен, прочие члены фамилии Бармекидов посажены в тюрьму, имущество их было взято в казну. Причиной было то, что с именем персов Бармекидов связывали намерение оторвать от центра халифата его восточные области — Хорасан и Среднюю Азию и создать из них самостоятельные государства.

Уже при халифе Мансуре сделан был шаг вперед по сравнению с временем Омейядов в создании центрального аппарата управления государством. При нем стал действовать целый ряд центральных ведомств, именуемых диванами. Согласно историку и географу IX в. Я'куби, уже при первых Аббасидах имелись следующие центральные диваны: государственная казна, государственный арсенал, диван документов, диван хараджа (доходов государства), диван государственной печати, диван джунда (военное ведомство) и другие. Впоследствии Аббасиды увеличили число центральных диванов, упорядочили их, связали с областным управлением и его учреждениями, однако основа всего этого дела была заложена при Мансуре.

Все областное управление по-прежнему сосредоточивалось в руках наместников. В их распоряжении находились большие военные силы и огромные материальные ценности в разных продуктах и в художественных произведениях; денежные средства, собираемые чиновниками, прежде чем попасть в халифскую казну в Багдад, проходили через его руки. Областной аппарат управления, подчиненный наместникам и их эмирам, по отдельным городам нам мало известен. Однако известно, что финансовые чиновники, связанные со сбором хараджа, унаследовали все привычки сасанидских чиновников: они так же были жестоки к крестьянам, так же брали взятки, обманывали, забирали путем насилия больше, чем полагалось продуктов и денег и т. д. Большинство чиновников при Аббасидах было из местного иранского населения.

Особое значение в местном управлении и его связи с центром играла должность сахиб-берида — начальника почтового ведомства. На обязанности бериды лежала, однако, не только организация почтовых сношений государственного характера (почта не обслуживала тогда частных лиц), но и тайная информация о поведении государственных чиновников, главным образом наместников и их эмиров. Последние побаивались своих сахиб-беридов, так как знали, что они следят за каждым их шагом. Борьба с беридами была затруднена тем, что это были чиновники, которые непосредственно подчинялись центральной власти. Несмотря, однако, на тайный надзор беридов, наместники таких крупных областей, как Хорасан и Мавераннахр, Южный Азербайджан, Табаристан, Арминият, в состав которого входили Армения, Грузия, Арран (Северный Азербайджан), могли настолько усилиться, что их самостоятельность вызывала большую тревогу халифов. Боясь отозвать могущественного наместника, халифы убирали их путем коварного убийства.

Об отношении аббасидских халифов к своим наместникам сказано хорошо у В. В. Бартольда:¹ «Если восточный государь имел возможность во всех, даже самых отдаленных, областях своего государства посредством словесных и письменных приказов, без применения военной силы, назначать и сменять наместников, то это считалось высшим торжеством монархического принципа, какое только возможно. Кроме назначения или низложения наместников, государь вмешивался в дела отдельной области только тогда, когда до него доходили жалобы на наместника или когда в области происходили смуты, с которыми наместник не мог справиться».

При Аббасидах коренные перемены произошли и в организации войска, что чрезвычайно отразилось на истории Ирана. При Омейядах арабское войско носило родо-племенной характер, как об этом говорилось выше. В Иране войско это было расквартировано по отдельным наместничествам и областям. В составе арабского войска имелись также и отряды «мавали», построенные по принципу ополчения из местного иранского населения, принявшего ислам. Во главе этих отрядов стояли местные представители иранской знати, перешедшие на сторону арабов.

Аббасиды, в значительной мере ставленники иранской аристократии, не имели основания доверять арабской племенной знати — ийеменитам, ни, тем более, мударитам. Сохранение принципа родо-племенной организации войска было исключено. Да и не только эти соображения заставляли отказаться от родо-племенной основы в военном деле. За столетие с небольшим, прошедшее со времени образования халифата, много арабских племен, точнее их отдельных отрядов, раскинутых в Иране и Средней Азии, перешло от кочевого образа жизни к оседлому. Переход же на оседлый быт, как известно, сравнительно быстро разрушает родо-племенные связи и переводит отношения между людьми этих племен на иную основу. В данном случае перемены были связаны с ростом процесса феодализации.

Это и сказалось на построении аббасидского войска. Аббасидские халифы прежде всего позаботились об образовании своей гвардии. Задачей халифской гвардии была охрана халифа и династии. В случае военных действий отдельные отряды этой гвардии не должны были покидать государя ни на один час. Со времени халифов ал-Мамуна (правил в 813—833 гг.) и особенно ал-Мутасима (правил в 833—842 гг.) гвардия составлялась из купленных у работорговцев и потом обучен-

¹ В. В. Бартольд. К вопросу о франко-мусульманских отношениях. Хр. Восток, III, вып. 3, стр. 284—285.

ных военному делу молодых рабов, так называемых гулямов,¹ из абиссинцев, хазар, славян, но особенно из турков. С конца царствования ал-Мамуна гвардия стала составляться из одних только туркских гулямов.

Главная масса войска строилась на основе ополчения. Наместники областей, а также сохранившиеся в некоторых районах местные владельцы должны были собрать определенное число вооруженных всадников и пехотинцев. На структуре этих ополчений сказывалась система существовавших тогда общественных отношений: всадниками были крупные и средней руки землевладельцы, а пехотинцами — крестьяне. Воины ополчения сами должны были заботиться о вооружении, одежде и т. п. Государство обязано было во время походов снабжать ополчение пропитанием, фуражом и т. д. Так стало складываться войско, напоминающее по своему характеру типичные феодальные ополчения более позднего времени.

Наместники тех областей Ирана, в которых были арабские кочевые племена, поставляли отряды, построенные по старому принципу родоплеменных отношений.

В Иране в IX в. был еще один источник пополнения войска. В IX—X вв. в Иране, особенно в Западном и Северо-Восточном, выросло количество городского населения.² Это было время, когда развивалась торговля, ремесла и в городах складывалась оживленная базарная жизнь. Много обезземеленных крестьян покидало сельские местности и в поисках работы переходило в города. Однако не все эти пришельцы находили работу в ремеслах, оставалось много деклассированного бродячего голодного люда без всякого дела. Это как раз та категория людей, к которой источники применяют термин «айяр». Сведущие в военном деле люди, энергичные, имевшие деньги и склонные к авантюрам, нанимали этот бродячий люд к себе в отряды, обучали военному делу, одевали, вооружали и вместе с ними поступали на службу к тому или иному наместнику. Этих наемных воинов источники называли мутатаввийя (добровольцы). Насколько сильны были подобные отряды мутатаввиев, видно из истории образования государства Саффаридов и связанной с ним биографии Я'куба ибн Ляйса.³ Мутатаввийя отличались удалством и храбростью и высоко ценились в качестве воинов. Часть их посылали на границы с кочевыми туркскими племенами, где они отсиживались в укрепленных рабатах и защищали культурные оседлые оазисы от кочевников-язычников. Как «борцов за веру», их называли газиями. Общая численность этих отрядов была достаточно велика, так как они играли заметную роль. Отряды добровольцев, или газиев, были наемным войском.

§ 11. Социальные отношения в Иране во второй половине VIII—IX вв.

После победы Аббасидов и поддерживавших их групп иранской землевладельческой знати (дехканов) в Иране усилились феодальные тенденции. Несмотря на большое количество рабов, рабство все же не составляло основного способа производства, а было лишь укладом в раннефеодальном обществе, празда, весьма влиявшим на всю социально-экономическую жизнь страны. Рабы работали в большом числе в поместьях — на искусственном орошении и других тяжелых работах.

По словам арабских авторов VIII—X вв., в каждом большом го-

¹ Араб. «юноша», «молодец», также «раб» (вообще) и «военный слуга»; гулямов позже называли также «мамлюками» (араб. «рабы»).

² Подробнее о городах см. в следующей главе.

³ См. стр. 114 и след.

роде Ирака и Ирана имелись специальные рынки рабов. Были рынки рабов в Багдаде и Самарре, а также в Иране, в частности в Рейе, Нишапуре, Балхе и других. На рынках этих можно было купить любых рабов, начиная с чернорабочих, кончая хорошими ремесленниками, гулямами, обученными военному делу, музыкантами, танцовщицами и певичками.

Феодалные тенденции в Иране выразились прежде всего в развитии форм феодальной собственности на землю и воду. Во второй половине VIII—IX вв., как и при Омейядах, преобладала феодально-государственная форма собственности на землю и оросительные сооружения, т. е. раннефеодальное государство выступало в качестве собственника земли.

Наряду с государственными землями, были земли «мульк», принадлежавшие местным землевладельцам (дехканам) на правах безусловной наследственной собственности. В VIII—IX вв. стала складываться еще одна категория феодальной собственности на землю и воду — вакф. Это — собственность мусульманских религиозных и благотворительных учреждений. Вакфные земли и недвижимости нельзя было продавать и отчуждать.

Еще при Омейядах появился, но получил более значительное распространение при Аббасидах институт условной феодальной собственности — *икта'* (арабск. *надел*). Первоначально он заключался в предоставлении служилым людям на время службы или пожизненно доли хараджа или других податных сборов (иначе говоря, доли ренты-налога) с определенных государственных земель вместо платы за службу. Было несколько видов *икта'*; из них только один вид (*икта'* тамлик) соединял право на получение ренты-налога с правом распоряжения землею. *Икта'* соответствовала западно-европейскому институту условной феодальной собственности — бенефицию. Земли *икта'* постепенно распространялись за счет государственных земель.

Сельское население в Иране VII—IX вв. было объединено в общины. Как правило, вследствие малоземелья сельская община не могла удовлетворить землей своих членов, и часть из них должна была искать землю на стороне. Выше мы указывали, что в самом Иране было много крупных землевладельцев, а также землевладельцев средней руки иранского и арабского происхождения. Крупный земельный собственник обычно не вел в Иране, как, впрочем, и в других странах Передней и Средней Азии (кроме Грузии и Армении), своего хозяйства (если же иногда и вел, то при помощи труда рабов), а раздавал землю мелкими участками в аренду тем из соседних крестьян, кто в ней нуждался.

Издольные аренды на средневековом Востоке были формой феодальной эксплуатации крестьян. Суть издольных арен выражалась в том, что земледелец обрабатывал предоставленную ему землю из половины, трети, четверти, шестой, седьмой доли урожая, в зависимости от того, что, кроме земли, получал издольщик от ее собственника. Если кроме земли он получал еще семена, орудия производства и рабочий скот (полностью или частично), доля его соответственно уменьшалась. Только нужда в земле заставляла крестьянина идти на заключение кабальных сделок.

Кабала — слово арабского происхождения. Кабала — это то, на чем написана сделка, а кибала — содержание сделки. Ввиду того, что среди крестьян в Иране было много малоземельных, а то и совсем безземельных, но не желавших порывать с сельским хозяйством, было весьма велико число издольщиков, обрабатывавших землю из четверти, одной шестой и одной восьмой доли урожая. Благодаря издольным арендам большинство сельских общин (однако еще далеко не все) в Иране

оказались в феодальной зависимости от государства, дехканов либо владельцев икта'.

Крестьянство в массе своей сидело на государственных, мульковых, вакфных или на землях икта', обрабатывало их на основе распоряжков сельской общины.

С точки зрения обложения налогами земли делились: 1) на хараджные, т. е. такие, которые облагались хараджем; в основном это были государственные земли; 2) на земли, облагаемые ушром, налогом, составлявшим одну десятую долю урожая; 3) на земли, полностью или частично освобожденные от налогов. К ним относились многие земли высшего мусульманского духовенства (вакфы), прежде всего сеидов, т. е. действительных и мнимых потомков пророка Мухаммеда.

Положение крестьян при Аббасидах еще ухудшилось. Почти до половины IX в. держалась практика обязательного ношения крестьянами свинцовых бирок («печатей») на шею и исчезла, может быть, в результате больших крестьянских восстаний (см. ниже). Ухудшение выражалось в увеличении хараджных ставок и усилении натуральных повинностей, выполняемых крестьянами по требованию чиновников. Согласно Абу Юсуфу Я'кубу, автору «Китаб ал-харадж», крестьянин, плативший харадж, был поставлен в тяжелые условия. Он не мог пользоваться новым урожаем до тех пор, пока полностью не расплачивался с государством. Чиновники следили за тем, чтобы земледелец не пользовался зерном с неурванного поля, чтобы жатва и обмолот зерна не задерживались, чтобы сборщики производили обмер и увозили долю государства в казенные амбары как можно скорее.

Были распространены две формы хараджа — мукасама и мисаха. Мукасама — харадж, который взимался в определенной доле урожая натурой. При Аббасидах крестьянство отдавало государству в виде хараджа-мукасама в среднем от одной пятой до половины всего производимого сельскохозяйственного продукта. Мисаха — харадж, который поступал с земель, измеренных и занесенных в кадастр. Он зависел от качества земли и характера выращиваемой на ней культуры, взимался в смешанной форме (деньгами и натурой) с каждого джериба земли. Ставки хараджа-мисаха не подвергались изменению в зависимости от урожая. В Фарсе харадж чаще взимали в форме мисаха. Особенно тяжелым по обложению считался Ширазский округ.

Большим бременем для населения была откупная система сбора хараджа-мисаха. Сборщики занимались вымогательством, для чего привлекали на свою сторону местную администрацию, которой давали взятки. В результате этих злоупотреблений земледельцы фактически выплачивали со своей земли больше, чем им полагалось.

Тяжелое положение крестьян усугублялось системой установления определенной общей суммы хараджных сборов (таск) с каждого округа. Это значило, что если из-за бегства крестьян и запустения части земель в округе не удавалось собрать установленной суммы, то недостающая сумма раскладывалась на крестьян в виде дополнительного налога. Под влиянием крестьянских восстаний халифское правительство при халифе Махди (правившем в 775—785 гг.) отменило эту систему, а при халифе Мамуне (правившем в 813—833 гг.) уменьшило высшую ставку хараджа-мукасама (натурой) с половины до двух пятых долей урожая. Но это были только полумеры. Общее положение крестьян оставалось очень тяжелым.

В IX, а особенно в X вв., наблюдался большой рост городской жизни.¹ Города росли вследствие общего подъема производительных

¹ Подробнее об этом см. в главе IV

сил в халифате, в частности на территории Ирана. Росту городов содействовало усиление товарообмена между городом и деревней, торговля с кочевниками, которые находились почти в каждой из крупных областей Ирана, а также караванная торговля, имеющая особое значение для тех городов, через которые проходила главная торговая дорога. Для жизни Западного Ирана тогда имели большое значение города Ирака — Багдад, Басра и др.

§ 12. Народные движения в халифате в VIII—IX вв.

VIII в. прошел в халифате в борьбе народов против ненавистной власти Аббасидов. Основными участниками этой борьбы были крестьянские массы. Борьба направлена была в первую очередь против арабских, а затем и против связанных с Аббасидами местных феодалов. Во второй половине VIII в. борьба приняла более ясно выраженный классовый характер, чем в первой половине VIII в., когда наряду с народными массами выступали против Омейядов представители господствующих классов покоренных народов в надежде вернуть свою прежнюю власть.

В 755 г. вспыхнуло восстание во главе с Сунбадом в городах Нишапуре и Рейе. Толчком к нему послужило убийство Абу Муслима. Сунбад, по воззрениям своим зороастриец, был родом из окрестностей Нишапура, он имел большое влияние на местное крестьянское население. С самого начала действия восставших были весьма успешными. Они заняли обширный район: Нишапур с его округой, Кумис и Рей с окружающими его землями. В Рейе в руки восставших попала богатая казна Абу Муслима, которую, по-видимому, перевезли сюда из Мерва. Сведения, имеющиеся у Табари и у Низам ал-Мулька, смешанные с полуполюгендарным фольклорным материалом, дают возможность хорошо представить идеологию и состав восстания. Для Сунбада весьма характерной чертой является стремление создать максимально широкую базу движения. В восстании приняли участие также шииты и даже маздакиты. По словам почти всегда точного Табари, халиф Мансур направил против Сунбада 10 000 войска. На самом краю безводной степи между Реем и Хамаданом произошло сражение, в результате которого отряды восставших были разбиты и бежали. До 6 000 человек из войска повстанцев были убиты во время бегства. Вскоре удалось убить и вождя движения — Сунбада. По словам Табари, движение продолжалось всего 70 дней. Несмотря на сравнительно быструю победу, халиф ал-Мансур не имел основания быть спокойным. Он не мог не видеть, что в Иране крестьянские массы находятся в состоянии брожения и что готовятся новые восстания. Его сахиб-берида доставляли ему точные сведения, что на всем северо-востоке Ирана, так же, как и в Азербайджане и Мавераннахре, маздакиты под именем хуррамитов ведут весьма энергичную пропаганду своего учения и призывают к активным действиям. И действительно, в царствование халифа Мансура хуррамиты были очень активны. Шахристани, автор книги о религиях и философских школах (XII в.), хорошо осведомленный в разных религиозных и политических течениях раннего средневековья на Ближнем Востоке, говорит, что в VIII—IX вв. хуррамиты разделялись на несколько сект: абу-муслимия, махания, кудакия, аспидджамакия и др. Первые две секты имели сторонников в Фарсе и Хузистане, а вторые в областях Мавераннахра.

Хуррамитская секта абу-муслимия возникла в результате идеализации любимого народного вождя, которого хуррамиты считали воплощением бога.

Секта аспидджамакия (в арабском произношении), что значит «люди в белых одеждах» (из перс. *сафид джамэган*) породила в 776—783 гг.

в Средней Азии огромное народное движение, которое потрясло аббасидский халифат. Движение это известно под именем восстания Муканны.

В 767 г. в Хорасане произошло большое крестьянское восстание под руководством «пророка» Устад Сиса.

В 778—779 г. возникло большое крестьянское движение в Гургане. Участники его были известны под именем сурх алем (краснознаменные). Это едва ли не первое в истории массовое использование красного знамени как эмблемы восстания народа против угнетателей.

В 816—837 гг. развернулось большое крестьянское восстание под предводительством Бабека в Азербайджане и Западном Иране. В 839 г. в Табаристане (Мазендеране) произошло восстание народных масс под руководством Мазьёра, во время которого крестьяне прогнали арабских землевладельцев и заняли их земли.

Наиболее крупным народным движением было восстание Бабека. Участников его называли «одетыми в красное» (по арабски *ал-мухаммира*) или «краснознаменными» (перс.-арабск. *сурх алем*), ибо красный цвет был принят восставшими как символ. Идеологической оболочкой движения Бабека, так же, как и ряда других подобных движений (восстание Муканны в Средней Азии, восстание Мазьёра в Мазендеране и др.), было учение хуррамитов. Как указывал Ф. Энгельс, религиозное сектантство и мистицизм являлись обычными идеологическими выражениями оппозиции против феодализма в средние века.¹ Хуррамиты — общее имя ряда родственных сект VIII—X вв., возникших на базе старинного маздакитства V в. Как и маздакиты, хуррамиты были дуалистами, они признавали существование двух постоянно борющихся мировых начал — света и мрака, иначе — добра и зла, бога и дьявола. Общественный строй, основанный на имущественном неравенстве, насилии и угнетении, иначе говоря классовое общество, хуррамиты считали созданием темного или дьявольского начала в мире. Они проповедовали активную борьбу с несправедливым общественным строем. Корень несправедливости хуррамиты видели в существовании частной собственности на землю и социальном неравенстве. Они выдвигали лозунг общего владения землей, т. е. передачи всех обрабатываемых земель во владение свободным сельским общинам. Они добивались освобождения крестьянства от феодальной зависимости, государственных податей и повинностей и установления «всеобщего равенства».

Хуррамиты верили в непрерывное воплощение божества в людях; воплощениями божества у них считались Адам, Авраам, Моисей, Иисус Христос, Мухаммед, а после них — разные хуррамитские «пророки» (у некоторых сект также Абу Муслим).

К халифату и исламу хуррамиты относились с непримиримой ненавистью. Так как в арабском халифате в то время преобладало государственное землевладение, и эксплуатация крестьянства через посредство государственного аппарата халифата приняла жестокие формы, хуррамиты главной своей задачей ставили низвержение власти арабского халифата. Поскольку движение хуррамитов было движением крестьян, борющихся против иноземных угнетателей и против феодальной эксплуатации, можно сказать, что хуррамитские движения воспитывали дух возмущения и свободы в массах и играли прогрессивную историческую роль.

Около 816 г. хуррамитская секта «одетых в красное» признала своим вождем способного и храброго юношу Бабека; его «краснознаменные» хуррамиты признали очередным воплощением божества на земле.

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Соч., т. VIII, стр. 129—132.

Отец его занимался вразнос мелкой торговлей маслом. После смерти отца Бабека мать его пошла в служанки, а сам он был последовательно пастухом у крупного землевладельца, погонщиком верблюдов в караванах и ремесленным учеником, побывал в разных городах. Восемнадцати лет от роду Бабек ушел в замок Базз в Талышских горах, служивший штаб-квартирой «краснознаменных» хуррамитов. Став вскоре во главе хуррамитов, Бабек начал открытую войну с арабским халифатом (816 г.).

Хуррамитское восстание быстро распространилось на Азербайджан (Южный, ныне Иранский) и Арран (Албанию, Северный Азербайджан). Хуррамиты нанесли арабским армиям три страшных поражения (820, 823, 827 гг.). Движение распространилось также и на Западный Иран; хуррамиты заняли огромную территорию от Двина и Бердаа до Исфахана в Иране. Основная масса восставших состояла из крестьян.

В 30-х годах IX в. предательство местных феодалов и мобилизация всех военных сил помогли халифату достигнуть перелома в военных действиях и перейти в наступление. Большое халифское войско под командованием Афшина, князя Осрушаны в Средней Азии, тюрка по происхождению, медленно подвигалось в глубь Южного Азербайджана. Афшин широко развернул систему шпионажа и провокаций, стараясь изнутри разложить ополчение хуррамитов. В 835 г. ему удалось нанести Бабеку сильное поражение, а вслед затем перейти к блокаде Базза, опорной крепости хуррамитов. В августе 837 г. Базз, блокированный более года и терпевший голод, наконец пал. Бабек с немногими родичами скрылся из Базза потайным ходом и направился в Албанию. Он искал убежище у одного албанского христианского князя, который выдал его арабам, получив от халифа щедрую награду. Бабек был привезен в Самарру, резиденцию халифа, близ Багдада. Халиф Мутасим приказал отрубить Бабеку кисти рук и ступни ног, а потом распять его на кресте (4 сентября 837 г.).

Источники, классово враждебные крестьянским движениям, ничего не сообщают о том, в какой мере хуррамиты осуществляли свою социальную программу; несомненно лишь, что многие земли на время перешли во владение сельских общин. Несмотря на неудачу движения, оно, как и другие народные движения, не прошло бесследно; оно очень расшатало владычество халифата и вынудило его к некоторым уступкам (см. ниже).

§ 13. Предпосылки распада арабского халифата

Уже с первой четверти IX в. в арабском халифате начался процесс постепенного политического распада, завершившийся к 945 г. Процесс этот был закономерным следствием развития феодальных отношений внутри халифата. Арабский халифат был империей-конгломератом племен и народностей, объединенных завоеванием, не имевших общего языка и единства экономической жизни, находившихся на разных стадиях экономического и культурного развития. Различный уровень экономического развития стран, входивших в состав халифата, и сравнительная слабость экономических и этнических связей между ними — первый исторический фактор, способствовавший политическому распаду халифата. Другими факторами были: народно-освободительные восстания в Иране и в других странах против владычества халифата, хотя и подавляемые, но все же постепенно расшатывавшие военную мощь халифата и его власть на местах; рост крупной феодальной земельной собственности — безусловной аллодиальной (мульк) и условной бенефициальной (икта') — за счет феодально-государственной собственности. По мере того, как значительная часть фонда государственных земель переходила в руки местной феодализованной знати, центральная власть в

халифате постепенно слабела. В связи с этим усиливался и политический сепаратизм местных крупных феодалов. Их стремление к политической самостоятельности привело к образованию местных наследственных эмиратов, превращавшихся постепенно в самостоятельные феодальные государства. Такие государства складывались в IX в. и в первой половине X в. как в Иране, так и в других странах, входивших в состав халифата. Еще в 755 г. образовался самостоятельный эмират в Испании, в 788 г. — в Марокко, в 800 г. — в Тунисе и Алжире, в 868 г. — в Египте, в 929 г. — в Северной Сирии. В течение IX в. возродилась местная феодальная государственность в Грузии, Армении, Азербайджане.

Подобные же наследственные эмираты возникли в Иране и Мавераннахре: Тахиридов (821—873 гг.) в Хорасане, Саффарилов (861—900 гг.) в Систане, потом и в Хорасане, Саманилов (819—999 гг.) в Мавераннахре (Средней Азии), потом также и в Хорасане (с 900 г.), Алилов (864—928 гг.) в Табаристане (ныне Мазендеран), Зиярилов (928—1042 гг.) в Гургане, Абу Дулафидов (825—898 гг.) в Хамадане и Иранском Курдистане, Саджидов (889—929 гг.) в Южном Азербайджане и Джибале (Северо-Западный Иран), Буидов (935—1055 гг.) в Западном Иране и Ираке (Месопотамии).¹

Чтобы обеспечить себе верность иранской дехканской знати той или иной области, халиф вынужден был назначать наиболее влиятельного представителя этой знати наследственным наместником данной области. Такие наместничества (эмираты) постепенно превращались в самостоятельные государства. Бывали случаи, когда феодалы захватывали власть самовольно, опираясь на военную силу, без всякого назначения или указа со стороны халифа. Такие *мутагаллибы* (арабск. *насилъники*, *захватчики*, *тираны*), как их именуют источники, также становились основателями династий и фактически самостоятельных государств. Но все эти местные государства, каким бы путем они ни возникли, представляли лишь военно-административные объединения более мелких единиц.

§ 14. Народные движения на востоке Ирана

Возникновение местных государств на востоке Ирана было ускорено борьбой внутри правящей верхушки халифата и народными движениями, расшатывавшими власть халифата.

На рубеже VIII и IX вв. халифский наместник Хорасана и Систана Али ибн Иса снискал себе репутацию бесчеловечного тирана и жадного вымогателя. Он не только самыми суровыми мерами выбирал все налоги, но накладывал разные незаконные штрафы и взыскания. Страдали от этого все: и крестьяне, и ремесленники, и купцы, и местные землевладельцы — дехканы. Историки рассказывают о широких незаконных конфискациях земли и средств, которые производил Али ибн Иса, чем вызывал всеобщее недовольство. Но он сумел угодить халифу Харун-ар-рашиду и поэтому держался. Выкачивая из населения Хорасана огромные суммы денег, Али ибн Иса посылал халифу подарки, которые даже привыкшему к роскоши халифскому дворцу казались сказочными.

Режим террора и насилия Али ибн Исы в Хорасане и Систане вызвал два крупных движения, независимые друг от друга, которые потрясли восточные области халифата: хариджитское движение крестьян и ремесленников под предводительством Хамзы ибн Атрака в Систане и народное движение во главе с Рафи' ибн Ляйсом в Мавераннахре. Хариджитское движение в Систане возникло в 798 г., через два года

¹ Необходимо отметить, что как эти, так и последующие государства, по принятому на средневековом Востоке обычаю, назывались не по имени той или иной области, а по имени правившей династии.

после назначения Харун-ар-рашидом Али ибн Исы наместником Хорасана. Об этом движении наиболее подробный рассказ есть в «Тарих-и Систан» — анонимной местной персоязычной истории Систана (XI в.). Хамзе ибн Атраку удалось на ряд долгих лет оторвать от халифата Систан, причем, в соответствии с хариджитскими воззрениями, он не взимал с мусульманского населения хараджа, расходы же по содержанию своего войска и своих чиновников покрывал добычей, захваченной в войнах с «неверными», каковыми считал всех, оставшихся верными халифу и его наместникам, особенно чиновников и воинов.

Движение Рафи' ибн Ляйса породили те же причины, что и хариджитское движение Хамзы ибн Атрака, однако движение Рафи' ибн Ляйса приняло иную идеологическую оболочку. Территориально оно охватило весь Мавераннахр. Есть указания, что традиции движения «людей в белых одеждах» были еще живы в рядах восставших против аббасидского халифата. Что касается самого главы движения — Рафи' ибн Ляйса, то он, по-видимому, выступил по личным мотивам, считая себя обиженным халифатом. Движение это возникло в 806 г. В 810 г. оно было подавлено при Мамуне, ставшем наместником Хорасана после отставки Али ибн Исы. Сам Рафи' ибн Ляйс отошел от движения за год до этого.

В 809 г. умер халиф Харун-ар-рашид. Смерть его повлекла за собой сразу же внутренние династические осложнения: столкновение между двумя сыновьями Харун-ар-рашида — ал-Амином и ал-Мамуном. Личная вражда между ними была отражением более глубоких противоречий. Амин был ярким сторонником арабской группировки при дворе, в то время как ал-Мамун, кстати сын персиянки — рабыни Харун-ар-рашида, будучи наместником Мерва, теснейшим образом связал себя с иранской землевладельческой аристократией. В 809 г. халифом, согласно завещанию, стал Амин, хотя Мамун был старшим сыном Харун-ар-рашида. Отношения между братьями сразу же приняли враждебный характер.

В 811 г. Мамун начал чеканить монеты в Мерве со своим именем, чем подчеркнул свою независимость от багдадского халифа. Между братьями и поддерживавшими их кликами знати началась война. Полководцы Мамуна, несмотря на меньшие силы, быстро достигли успехов. В 813 г. войска Мамуна осадили и взяли Багдад. Захваченный в плен Амин был убит, и престол в халифате перешел к Мамуну. Это обозначало поворот в политике в сторону усиления влияния иранской знати. Во время междоусобной борьбы 813 г. выдвинулся Тахир ибн Хусейн, представитель знатной персидской дехканской фамилии, владевший городом Бушенгом и его округом в Хорасане. За услуги, оказанные Мамуну в борьбе с Амином иранскими дехканами, Мамун вынужден был раздать им земельные пожалования и должности. Что касается Тахира ибн Хусейна, то Мамун назначил его наместником ал-Джезиры (Верхняя Месопотамия), военным начальником Багдада и заведующим натуральными повинностями в Саваде (Ираке).

Связи Мамуна с Ираном и иранской дехканской средой были первое время настолько сильны, что новый халиф не сразу счел возможным покинуть Хорасан и переехать в Багдад. До 819 г. он жил в Мерве. Мамун не мог не поставить перед собой вопроса о причинах всеобщего недовольства халифатом в Иране. В Систане хозяевами положения были хариджиты во главе с Хамзой ибн Атраком, в Мавераннахре в 810 г. подавлено было народное движение Рафи' ибн Ляйса; из разных районов Северо-Западного Ирана и Азербайджана доходили сведения о шиитской и хуррамитской пропаганде среди крестьян. В эти годы Мамун завязал дружественные отношения с верхушкой умеренных шиитов, рассчитывая привлечь их к власти и тем ослабить народное недовольство. В это время большую роль при дворе халифа играли везир, перс по про-

исхождению, Фазль ибн Сахль и его брат Хасан ибн Сахль. Мамун в угоду умеренным шиитам объявил своим наследником восьмого шиитского имама Али ар-Ризу. Тогда же он заменил официальный черный цвет знамени Аббасидов зеленым цветом шиитов.

Однако умеренный шиитский курс его политики не дал нужных результатов. Народные массы Ирана не получили от этих перемен ничего и не переставали волноваться, да и землевладельческая аристократия Ирана, особенно та часть ее, которая шла за Тахиром ибн Хусейном, была недовольна и резко осуждала халифа за его попытки сближения с шиитами.

Увидя крах своей политики, Мамун решил сразу же порвать с шиитскими кругами. Фазль ибн Сахль и шиитский имам Али-ар-Риза заплатили жизнью за свои советы. Согласно одной из версий, Фазль ибн Сахль был убит по тайному приказу Мамуна в бане в Серахсе, а имам отравлен, съев кисть винограда. Черный цвет Аббасидов был восстановлен, сам же халиф окончательно вернулся в Багдад (819 г.).

Временно Мамун попадает под влияние Тахира ибн Хусейна. Однако отношения между халифом и его могущественным персидским саванником начали принимать тягостный для первого характер (821 г.). Мамун назначил Тахира ибн Хусейна на пост хорасанского наместника. Это назначение объяснялось популярностью Тахира среди хорасанской знати. Тахир, выдававший себя за потомка героя Рустама, говорил: «Нет в Хорасане ни одной родовой и богатой семьи, которой я не доводился бы каким-нибудь родичем или свояком, или близким приятелем». Тахир ибн Хусейн считается основателем государства Тахиридов в Хорасане.

Одновременно с государством Тахиридов в Хорасане, образовалось государство Саманидов в Заамударье (Мавераннахр). Саманиды были хорасанские дехканы. Саманид Нух и его братья оказали халифу Мамуну большие услуги при ликвидации восстания Рафи' ибн Ляйса и за это получили от халифа три удела в Мавераннахре (819 г.). Позднее (к 855 г.) эти уделы объединились, и под властью Саманидов оказалось все Заамударье (Мавераннахр).

§ 15. Государство Тахиридов в Хорасане (821—873)

Назначение Тахира состоялось в 821 г., а уже через год, в 822 г., Тахир в одну из пятниц выключил из хутбы на пятничном богослужении в соборной мечети г. Мерва поминание имени халифа, вскоре после чего был найден в постели мертвым, по всеобщему убеждению тайно отравленный по приказанию везира халифа, уведомленного о проступке Тахира мервским сахиб-беридом. Тахир явно хотел оторвать от Багдадского центра области Ирана, сначала северо-восточные и восточные, а затем и остальные. Не подлежит сомнению, что в его планы входило создать независимое Иранское государство. Мамун не решился однако на репрессии против Тахиридского дома; в этом отношении он не последовал примеру своего отца — Харун-ар-Рашида, который одним ударом покончил с сильной иранской фамилией Бармакидов. Преемником Тахира ибн Хусейна стал сын его Тальха ибн Тахир (правил в 822—828 гг.).

Передача Хорасанского наместничества в руки сына Тахира положила начало наследственному праву дома Тахиридов на восточные области халифата. Дальнейшая история Тахиридов показывает, что, не порывая с халифатом номинально, оставаясь формально в его составе, поминая каждую пятницу в хутбе имя халифа, чеканя с его именем на первом месте серебряную монету — дирхемы, выплачивая в казну

халифата определенную долю хараджа и других налогов, но не допуская вмешательства халифа во внутренние дела Хорасана, Тахириды сумели создать вассальное, но вместе с тем могущественное государство, которое вело самостоятельную политическую жизнь на территории Хорасана, а потом также Табаристана и других областей Ирана. О характере этого государства судят обыкновенно по деятельности наиболее яркого представителя династии Тахиридов Абдаллаха ибн Тахира (828—844 гг.).

Даже осторожный и критически относящийся к источникам историк В. В. Бартольд не избег идеализации внутренней политики Тахиридов и Абдаллаха. Произошло это потому, что в исторических сочинениях X—XV вв., написанных на арабском и на персидском языках, время Тахиридов восхваляется как время экономического процветания и просвещения. Абдаллах — идеальный правитель с точки зрения феодальной восточной историографии.

На самом деле это был только умный представитель класса феодалов. Он старался точно фиксировать размеры ренты-налога (харадж), дабы поднять производительные силы страны и тем самым налогооблагаемость крестьянина. Нельзя, конечно, отрицать, что в правление первых Тахиридов в восточной половине Ирана и в Мавераннахре крестьянам жилось относительно лучше, чем при арабских наместниках, однако приписывать Тахиридам народолюбие тоже нельзя. Чтобы лучше понять классовый характер власти Тахирида Абдаллаха и яснее представить его политические взгляды, следует вспомнить известное письмо-наставление (или «домострой»), которое Тахир ибн Хусейн, его отец, написал ему при жизни. Письмо это написано на арабском языке и приведено у арабского автора IX в. Ибн Абу Тахира Тейфура в его «Истории Багдада», а после него у арабоязычных историков Табари (X в.) и Ибн ал-Асира (XIII в.). Оно стало широко известно на Востоке, особенно в арабских странах, где с ним знакомят школьников, как с образцом классического эпистолярного стиля.

Остановимся только на тех частях письма, которые носят характер политических советов: «Смотри вот на поземельный налог (харадж): подданные (райяты) неуклонно его уплачивают..., так ты распределяй его по праву и справедливости, на равных и общих началах, между всеми, кто подлежит обложению им; ни в какой мере не освобождай от него благородного ради его благородства, ни богатого ради его богатства, ни писца твоего, ни кого-либо из близких твоих. Не взимай этого налога свыше платежеспособности, не налагай чрезмерных повинностей и ко всем людям относись с соблюдением права, ибо этим более всего вызывается их привязанность и обеспечивается довольство народных масс».¹

Тахир ибн Хусейн в своем поучении признает всю систему аббасидских налогов нормальной и законной. Зло он видит не в высоких ставках хараджа, а в злоупотреблениях чиновников и в несправедливом распределении хараджа. Прекратятся, по его мнению, злоупотребления — увеличится благосостояние земледельцев, и они легко будут уплачивать налоги, богатым станет не только государство, но и население. По словам Тахира, государь богат не тогда, когда у него накоплено разными способами много золота в казнохранилище, он богат тогда, когда у него райяты живут зажиточно и в достатке. От зажиточных райятов казна сама собою богатеет, ибо тогда поземельная и другие подати платятся легко, и райяты тогда охотнее повинуются своему государю. Если госу-

¹ Выдержки из этого письма взяты в переводе покойного профессора А. Э. Шмидта.

даря можно назвать пастухом (ра'и), а подданных — стадом (ра'айя). то пастух должен помнить, что со стада можно собирать только его излишки.

Классовые интересы Тахира ибн Хусейна весьма четко выступают в его письме. «Заботясь о тех представителях высшей знати, — пишет он, — которые впадут в нужду, бери на себя их содержание и улучшай их положение, так чтобы они не чувствовали своей бедности». Для Тахира ибн Хусейна процветание землевладельческой аристократии (дехканов) — основа общественной жизни. Тахир пишет и о бедняках: «Исключительное внимание уделяй делам бедняков и неимущих, тех, кто не имеет возможности довести до тебя о взимаемых с них незаконных поборах, и забытых, не понимающих, как добиваться своего права; наводи о них самые секретные справки, поручи их заботам людей порядочных, из числа твоих же подданных». Здесь тот же мотив: не допускать злоупотреблений, но в то же время присматривать за народом при помощи шпионов.

Таковы в сущности руководящие идеи той «восточной мудрости», которые лежат в основе наставлений Тахира ибн Хусейна, изложенные в его письме к Абдаллаху.

§ 16. Государство Саффаридов (861—900)

Плодородная область Систан, лежавшая вокруг озера Хамун и в низовьях многоводной реки Хильменд, постоянно восставала против владычества халифата, под идеологическим руководством сектантов-хариджитов. Систан был главным очагом секты хариджитов, распространенной среди крестьян и ремесленников. Для борьбы с «еретиками» хариджитами правительство халифата использовало отряды так называемых «добровольцев» (мутатавнев), иначе «борцов за веру» (газиев).

В половине IX в. в числе этих «борцов за веру» подвизался Я'куб ибн Ляйс. По происхождению крестьянин-бедняк, он еще юношей вынужден был пойти в подмастерья к мастеру-медику (араб. *саффар*; так прозвали самого Я'куба ибн Ляйса, откуда впоследствии произошло и имя династии Саффаридов), который платил ему 15 дирхемов в месяц;¹ брат Я'куба, Амр, в молодости был погонщиком вьючных ослов в караванах. Тяжелая трудовая жизнь наскучила Я'кубу ибн Ляйсу, и он сделался атаманом шайки разбойников, составившейся из таких же деклассированных «айяров», и стал грабить проходящие караваны. Потом вся шайка Я'куба вступила в ряды наемников-«добровольцев», состоявших на службе у халифата и сражавшихся с повстанцами-хариджитами.

Усмирив очередное восстание хариджитов, наемники-«добровольцы» сами возмутились против халифата и захватили власть в Систане, провозгласив Я'куба ибн Ляйса своим начальником и эмиром Систана (861 г.). Так Я'куб сделался мутагаллибом и феодальным владетелем Систана. С ним вместе выдвинулся и брат его Амр. Оба они были шииты.

Личность Я'куба ибн Ляйса хорошо очерчена в источниках. Это был суровый, всегда угрюмый, неразговорчивый человек, волевой, храбрый воин с неприхотливыми привычками: спал он всегда прямо на земле, подложив под голову щит, обернутый в знамя; питался обычно сухой хлебной лепешкой да луковицей, засунутыми за голенище сапога; горячую пищу для себя он приказывал варить только изредка; развлечений никаких не признавал. Этими чертами, а также храбростью и способностями полководца он завоевал авторитет среди своих воинов-на-

¹ На 1 дирхем в то время можно было купить 5—8 кг мяса либо столько же меду, либо до 50 ячменных лепешек.

емников. В войске он поддерживал железную дисциплину. Был он крайне властолюбив, а став феодалом, показал себя жадным стяжателем и эксплуататором крестьян. Власти аббасидского халифа Я'куб, как настоящий мутагаллиб, не признавал.

Войска Я'куба ибн Ляйса завоевали Херат и Балх с их областями. В 873 г. Я'куб с войском появился перед Нишапуром, резиденцией последнего Тахирида Мухаммеда, и потребовал от него передачи власти. Посланец Тахирида ответил: «Предъяви жалованную грамоту и знамя¹ от повелителя правоверных (халифа), а не то поворачивай вспять». — «Грамота и знамя мое — вот!» — воскликнул Я'куб, выхватив меч из ножен. Я'куб завладел всем Хорасаном, низложив династию Тахиридов. На время Я'кубу удалось захватить также Керман и Фарс; в Ширазе ему досталось 30 миллионов дирхемов, лежавших в казнохранилище области. Не довольствуясь этим, Я'куб задумал захватить и самый Багдад, но его войско потерпело тяжелое поражение.

После смерти Я'куба (879 г.) эмиром Хорасана и Систана стал брат его Амр. Он формально примирился с халифом и получил от него грамоту и знамя. Но, в отличие от Тахиридов, ни Я'куб, ни Амр уже не посылали халифу никакой дани, присваивая всю собранную сумму хараджа (свыше 40 миллионов дирхемов). Амр сохранил только чеканку (сикка) на монетах имени халифа на первом месте (а на втором месте ставил уже свое имя) и обязательную молитву (хутба) за него в мечетях, иначе говоря, признавал власть халифа номинально. Фактически же Хорасан и Систан при Саффаридах были вполне независимы от халифата. Как и его брат Я'куб, Амр был жестоким феодальным эксплуататором. Он брал особую подать даже со старух, прявших домашнюю пряжу, повысил дорожные пошлины с путешественников и с купцов.

Халиф боялся Амра и старался вызвать его на столкновение с саманидским эмиром Мавераннахра Исмаилом (правил в 892—907 гг.), рассчитывая сыграть на их соперничестве, жадности и властолюбии. Получив от халифа Мутадида знамя и жалованную грамоту на владение Мавераннахром, Амр с войском выступил против Исмаила Саманида, которого тот же халиф тайно подстрекал на борьбу против Амра.

Оба войска сошлись близ Балха. Саффаридское войско было разбито наголову, и сам Амр стал пленником своего врага Исмаила, был отослан к халифу и казнен им. Весь Хорасан вошел в состав Саманидского государства (900 г.), а через несколько лет Саманиды захватили и Систан. Они получили от халифа знамя и грамоту на эти области, но признавали его власть только номинально, не платя ему никакой дани. Позже Саманиды вернули Систан одному из потомков династии Саффаридов, но уже как своему вассалу. Хорасан оставался в руках Саманидов целое столетие, до 999 г.

§ 17. Народные движения в прикаспийских областях. Государство Алидов (864—928)

Прикаспийские области Ирана долгое время были экономически и политически слабо связаны с остальным Ираном. Арабы завоевали только в VIII в. лежавшие у юго-восточного побережья Каспия области Гурган (в арабизованной форме Джурджан) и Табаристан (ныне Мазендеран), но власть халифата здесь никогда не была сильной. Как вассалы халифата, здесь удержались князья Табаристана из династии Испехбедов («воевод»)² и другие более мелкие владельцы-династы; даже монеты здесь чеканились с пехлевийскими, а не с арабскими надписями.

¹ Знаки власти, вручавшиеся халифом наместникам областей.

² При Саманидах эта фамилия — Аспахбад Пахлав — числилась среди семи знатнейших фамилий (виспухров) иранской военной знати.

Другие же прикаспийские области, — Гилян, лежавший у юго-западного побережья Каспия, и Дейлем, лежавший к югу от Гиляна, по обоим склонам горной цепи Эльбурс, никогда не были завоеваны арабами. В этих областях жили и вели суровую и бедную жизнь местные народности, говорившие на особых языках иранской системы, — гилянцы¹ и дейлемиты.² На Дейлем и Гилян не раз нападали арабы, ради захвата военной добычи, особенно рабов-пленников. Ислам и то в шиитской («неправоверной», т. е. не суннитской) форме стал распространяться в Дейлеме и Гиляне только со второй половины IX в., в результате проповеди бежавших сюда из халифата шиитов и потомков Алиа (Алидов).

В Дейлеме и Гиляне в IX в. только начинало складываться раннефеодальное общество, патриархально-общинный уклад был еще крепок. По рассказам арабских географов, бедные и вольнолюбивые дейлемские горцы носили одежды, сшитые из плетрых лоскутьев, часто ходили босыми; они были воинственны и сражались копьём-двузубцем (жубин), считавшимся страшным оружием. Так как их суровая горная страна не могла прокормить все население, то дейлемитские юноши во множестве покидали родину и поступали в наемные войска халифов Аббасидов и местных иранских династов-эмиров. При их дворах конная гвардия состояла из купленных молодых тюркских рабов (гулямов, иначе мамлюков), а пешая гвардия — из дейлемитских и гилянских наемников. В X в. некоторые из этих наемников выдвигались, как полководцы, усиливались и, опираясь на наемные отряды своих соотечественников, захватывали те или иные области и становились мутагаллибами — основателями новых династий. Дейлемского и гилянского происхождения были династии Саларидов (иначе Мусафиридов), захвативших Южный Азербайджан (941—979 гг.), Зийаридов, правивших в Гургане (928—1042 гг.), Буидов, захвативших Западный Иран и Ирак (935—1055 гг.).

В Табаристане хотя уже и победили феодальные отношения, но сельская община еще в IX—X вв. продолжала играть значительную роль и не допускала увеличения ренты-налога. Наместник последнего Тахарида Мухаммеда сильно притеснял табаристанских крестьян, взимая с них харадж в тройном размере. Он повел борьбу с сельской общиной, объявив государственными принадлежавшие сельским общинам леса, пастбища и выгоны, что вызвало массовое восстание крестьян (864 г.). Восстание это протекало под идеологической оболочкой шиитства. Во главе его стал вождь местных шиитов, потомок Али, Хасан ибн Зейд. Он использовал крестьянское восстание для того, чтобы основать на южном берегу Каспийского моря независимое шиитское государство Алидов, власть которого распространилась на Гилян и на Дейлем.

После смерти Хасана ибн Зейда Саманидскому государству, разгромившему, как сказано выше, государство Саффаридов и захватившему Хорасан, удалось на время завладеть Табаристаном (900 г.). Членам династии Алидов и их сторонникам-шиитам пришлось бежать и укрываться в лесистых горных трущобах Эльбурса. Притеснения саманидского наместника вызвали новое крестьянское восстание, направленное не только против саманидского правительства, но и против поддерживавших его местных феодалов (913 г.). Восстание возглавил энергичный и красноречивый член фамилии Алидов, Хасан ибн Али, по прозвищу Утруш (Глухой). Он постарался придать восстанию шиитскую идеологическую окраску. Он поощрял действия крестьян, выго-

¹ Античные (греческие) авторы называли их гелами.

² О них упоминают, еще с I в. до н. э., античные авторы, называя их делимеями.

нявших местных феодалов-дехканов и занимавших их земли. Ученый энциклопедист XI в. Бируни, стоявший на феодальной точке зрения, с возмущением писал, что земледельцы-дехканы поставлены были еще царем древнего Ирана Феридуном (мифическим), а вот Хасану Утрушу захотелось их сбросить, дабы всякие мятежники сделались такими же земельными собственниками, как и «почтенные люди».

Борьба в Дейлеме осложнилась тем, что русы, т. е. дружины древнерусского киевского князя Игоря, пройдя на 500 судах-челнах из р. Днепра в Черное море, оттуда в Азовское море и в р. Дон, переволокли свои челны в Волгу, миновали хазарскую столицу Итиль, вошли в Каспийское море и высаживались на западном и южном его берегах (913 г.). Русы воевали с Саманидами и тем объективно облегчили борьбу табаристанских повстанцев. Захватив добычу, русы удалились на судах. Повстанцы тем временем выгнали саманидских чиновников и их войска. Государство Алидов в Табаристане, Гиляне и Дейлеме было восстановлено. Согласно источникам, люди не видели другого такого справедливого правителя, как Хасан Утруш (913—917 гг.). Вероятно, государство Алидов со временем переродилось бы в обычное феодальное княжество, но оно просуществовало только до 928 г.

§ 18. Восстание зинджей

Сильнейшие удары власти аббасидского халифата в Ираке и Иране нанесло мощное восстание так называемых зинджей в IX в. и карматское движение в конце IX и в X вв. Восстание зинджей начали рабы, в основном темнокожие африканцы. Работоторговцы приобретали их главным образом на невольничьем рынке в Зиндже (Занзибаре), поэтому этих рабов в халифате называли зинджами. Зинджи, объединенные в большие группы, работали на расчистке от солончаков огромных площадей государственных земель, называвшихся мават (мертвые) в окрестностях Басры в Ираке. Как велико было число черных и белых рабов в халифате, видно из того, что по сообщению историка Табари, современника восстания зинджей, только в одном округе Ирака (Нижней Месопотамии) на казенных землях работало до 15 000 рабов. Все они присоединились к восставшим.

Во главе восстания встал энергичный и образованный вождь, по происхождению араб, Али ибн Мухаммед ал-Баркуи, принадлежавший к секте хариджитов-азраkitов. Восстание зинджей продолжалось 14 лет (869—883 гг.). В нем участвовали многие десятки, если не сотни тысяч рабов. Столь крупное восстание рабов свидетельствует о том, что в IX в. рабовладельческий уклад имел в раннефеодальном обществе халифата, особенно в Ираке, еще значительный удельный вес.

В восстании участвовали не только рабы, но и множество крестьян и бедуинов, тем не менее ведущая роль принадлежала зинджам. Зинджи захватили огромную часть Ирака, с большим и богатым портовым городом Басрой, и заложили новый (город ал-Мухтара). Не остановившись на достигнутом, они продвинулись и в Хузистан, взяв важный город Ахваз.

Главарь зинджей, присвоив плодородные земли, сами превратились в землевладельцев феодального типа; они захватывали для себя поместья, где крестьяне не были освобождены от уплаты хараджа. Не был отменен даже институт рабства: освободились лишь рабы, участвовавшие в восстании, но во время набегов на Хузистан и другие районы сами зинджи обращали мирных жителей в рабство. Руководители зинджей рабски скопировали государственные формы халифата, провозгласив Али ибн Мухаммеда халифом. Все это привело к отходу от движе-

пия разочаровавшихся в нем крестьян и бедуинов. Зинджи оказались изолированными. Это помогло халифским войскам (общим количеством 50 тысяч человек), располагавшим в тому же речным флотом, после долгих и безуспешных попыток подавить восстание зинджей в 883 г.

Восстание зинджей, несмотря на ряд слабых сторон в его организации, имело прогрессивное значение в истории стран халифата, ибо оно привело к сильному сокращению роли труда рабов в экономической жизни Ирака и Ирана. С тех пор государство и землевладельцы опасались соединять в одном месте большие массы рабов. Начиная с IX—X вв., землевладельцы наделяли рабов земельными участками и превращали их по сути дела в феодально-зависимых крестьян.

§ 19. Исмаилиты

Ко второй половине VIII в. шииты разделились на секты — зейдитов, имамитов (умеренных шиитов), признававших седьмым имамом Алида Мусу Казима, и исмаилитов, стоявших за права на имамат его брата Исмаила. Во второй половине IX в. сложилась сильная и тайная организация исмаилитов, распространившая свое влияние на территорию от Средней Азии до Хорасана. Исмаилитство возникло в демократической, по-видимому, в ремесленной среде. В восточной части халифата (Сирия, Ирак, Бахрейн, Иран и др.) исмаилиты получили имя карматов, позже выделившихся в отдельную секту.

К концу IX в. под сильным влиянием идеалистической философии неоплатонизма,¹ сочетавшейся с христианским гностицизмом, сложилась доктрина исмаилитов, очень далеко отошедшая и от так называемого «правоверного» ислама (суннитского), и от умеренного шиитства. Согласно учению исмаилитов, бог — абсолют выделил из себя творческую субстанцию — «Мировой Разум», создавший мир идей и в свою очередь выделивший низшую субстанцию «Мировую Душу», которая сотворила материю, планеты и землю. Исмаилиты толковали Коран аллегорически и отрицали большую часть обрядов ислама.

Исмаилиты учили, что через определенные циклы времени божество воплощается в людях: воплощением «Мирового Разума» является натик (говорящий), т. е. пророк, а воплощением Мировой Души — его помощник, комментатор его учения — асас (базис, основание). Исмаилиты создали сначала семь, потом девять степеней посвящения в тайны секты. Высших степеней достигали лишь немногие члены секты, им должны были слепо повиноваться как орудия, лишенные воли, adeпты низших степеней. Секта исмаилитов была связана железной дисциплиной.

§ 20. Движение карматов

Под именем карматства известно широкое антифеодальное движение бедуинов беднейших племен, крестьян и ремесленников в Сирии, Ираке, Бахреине, Йемене и Хорасане. Тайная организация карматов (происхождение слова «кармат» не выяснено) сложилась во время восстания зинджей, быть может была связана с ремесленными корпорациями (синф, мн. ч. аснаф).

Карматы выдвинули лозунги социального равенства (не распространявшегося, однако, на рабов) и общности имущества. Идеологией карматского движения было учение шиитской секты исмаилитов. Карматы толковали Коран аллегорически и отрицали обрядность «правоверного» ислама. Своими верховными главами карматы признавали до

¹ Возникла в Римской империи в III в. н. э.

очереди исмаилитских вождей, потомков Алиа и Фатимы. Имя главы никогда не произносилось и было неизвестно массе сектантов. Глава и его окружение посылали в разные районы вождей и «миссионеров» (да'и) для проповеди и подготовки восстаний.

Первое восстание карматов произошло в 890 г. в районе г. Васита в Ираке. Вождем восстания был Хамдан Кармат. Восставшие обязались вносить в общественную казну пятую часть своих доходов. Они пытались ввести уравнильное распределение средств потребления, заводили братские трапезы.

В 894 г. произошло восстание карматов в Бахрейне. В 899 г. восставшие овладели здесь г. Лахсой, ставшей столицей вновь образованного карматского государства в Бахрейне, просуществовавшего более полутора столетий.

В 900 г. карматский да'и Зикравейх призвал к восстанию бедуинов Сирийской пустыни. Восстание охватило Сирию и Нижний Ирак; в 901 г. карматы осадили Дамаск. Это восстание было подавлено халифскими войсками только в 906 г. Однако в некоторых местностях Сирии и Палестины карматы продолжали держаться и вести борьбу в течение всего X в.

Начиная с 902 г. до 40-х годов X в. происходили карматские восстания в Хорасане и Средней Азии (в Херате в 907 г. и др.).

Поэт-путешественник исмаилит Насир-и Хосров, посетивший Лахсу в середине XI в., так описывает общественный строй, установленный в Бахрейне карматами несомненно еще с начала X в. Основное население Бахрейна состояло из свободных земледельцев и ремесленников. Никто из них не платил никаких налогов. Во главе государства стояла коллегия из шести правителей и шести их помощников (везиров). Государство владело 30 000 негритянскими и абиссинскими купленными рабами, которых оно предоставляло земледельцам для работ в поле и в саду. Это была попытка возрождения общинного рабства, характерного для первых веков нашей эры. Нуждающимся земледельцам и ремесленникам выдавались ссуды из общественной казны. В ополчении числилось 20 000 человек. Карматы Бахрейна не имели мечетей, не совершали уставных молитв (намазов), не соблюдали поста, но относились с полной терпимостью к последователям всех религий и сект, поселявшихся среди них.

§ 21. Итоги периода

Конец рассматриваемого периода ознаменовался двумя важными для понимания исторического развития Ирана следствиями.

1. После восстания зинджей феодализм одержал окончательную победу над пережиточными рабовладельческими тенденциями. С конца IX в. раннефеодальное общество в Иране, с сохранившимися укладами рабовладельческим и патриархальным (свободные сельские общины), уступило место развитому феодальному обществу, с более полно выраженными формами феодальной земельной собственности, с превращением уже почти всей массы крестьянства в феодальнозависимую и с падением значения рабского труда в экономике страны.

2. В связи с распадом арабского халифата и возрождением местной государственности (государство Тахиридов и другие), Иран освободился от иноземного владычества. Этот процесс завершился к 935 г., со сложением государства Буидов в Западном Иране.

ГЛАВА IV

РАЗВИТОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В ИРАНЕ

(начало X — начало XIII вв.)

§ 1. Общая характеристика периода

Данный период характеризуется установлением развитого феодального общества — развитием форм феодальной земельной собственности, распространением феодальной зависимости почти на всю массу крестьянства, а не только на часть его, как раньше, сложением феодальной иерархии. К этому же времени относится сложение феодального города. В течение трех столетий производительные силы Ирана переживали период подъема, прерванный лишь на несколько десятилетий сельджукским завоеванием.

§ 2. Основные источники по истории периода

Хотя с конца X в. появляются сочинения на новоперсидском литературном языке (*фарси*, иначе *дари*),¹ сперва географические, а потом и исторические — все же в данный период наибольшее значение имеют источники на арабском языке.

Рассмотрим поэтому прежде источники арабоязычные.²

Среди них назовем «Фихрист» («Указатель») *ан-Надима* (около 988 г.) — историко-библиографический обзор арабоязычной литературы, в частности и исторических трудов, в том числе и не дошедших до нас. «Фихрист» издан Флюгелем (Лейпциг, 1871).

Среди авторов собственно исторических трудов первое место занимает Абу Али Ахмед ибн Мухаммед ибн Мушкуйэ, в арабизованной форме *Ибн Мискавейх*;³ под последним прозвищем он более всего известен. Был он перс, служил казначеем и везиром у государей Западного Ирана из династии Буидов, умер в глубокой старости в 1030 г. Он написал огромный шеститомный труд по всемирной истории «*Китаб таджариб ал-умам*» («Книга испытаний народов»). Первые томы этого труда носят характер компиляции, составленной на основании более ранних источников, больше всего на основании Табари.⁴ Но в изложении событий после 300 г. х. = 912/3 г. н. э. (начиная с V тома) Ибн Мискавейх выступает как продолжатель Табари; в этой части труд Ибн Мискавейха является оригинальным источником, притом первоклассного значения. Изложение событий у Ибн Мискавейха доведено до 982/3 г. н. э. Ибн Мискавейх использовал не только повествовательные исторические

¹ О нем см. ниже, в разделе о культуре.

² Многие из них написаны персами.

³ Историк арабской литературы. К. Броккельман читает: Ибн Маскавейх.

⁴ О Табари см. в § 2 главы III.

сочинения, но и документы государственных архивов. Он не довольствовался изложением событий, как более ранние авторы, а старался осмыслить их значение, конечно, подходя к ним с классовой феодальной точки зрения. Ибн Мискавейх считал, что опыт истории должен служить руководством для государственных деятелей. Труд Ибн Мискавейха издан в подлиннике, по частям, разными западноевропейскими издателями.

Абу Мансур ал-Хусейн ибн Мухаммед *ас-Са'алиби* (умер в 1038 г. н. э.), наряду с прочими сочинениями, составил около 1021 г. н. э. четырехтомный труд по истории Ирана с древнейших времен, под заглавием «*Китаб ал-гурар фи-сийар ал-мулук ва ахбарихим*» («Лучшее из жизнеописаний царей и известий о них»). Наиболее важен IV том, в котором излагается история Ирана под властью халифата, распад халифата и история государств и династий Ирана в X — первой четверти XI вв. Труд Са'алиби издан в Париже Зотанбером в 1900 г. (арабский текст и французский перевод).

Абу Наср Мухаммед *ал-Утби* (961—1036 гг.), родом из Рейя, происходил из знатной арабской фамилии, осевшей в Иране. Утби служил сперва династии Саманидов, потом первым государям из династии Газневидов — Себуктегину и Махмуду, занимая при последнем разные посты. Утби написал труд по истории правления султана Махмуда Газневиды, под заглавием «*Китаб ал-йамини*» («Книга десницы»),¹ являющийся важным источником по истории Восточного Ирана и Средней Азии времени 975—1021 гг. В труде использованы документальные источники. Труд Утби написан в изысканном вычурном стиле, настолько тяжелым и трудным языком, что для понимания его потребовался комментарий, который и был составлен в начале XIII в. Ахмедом ал-Манини. В начале XIII в. труд Утби был переведен на персидский язык.

Труд Утби был дважды издан в Индии (в Дели в 1847 г. и в Лахоре в 1883 г.). В Каире (1286 г. х. = 1869 г. н. э.) издан комментарий Манини вместе с текстом труда Утби на полях.

Хорезмиец Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед *ал-Бируни* (973—1048 гг.) был величайшим и притом передовым арабоязычным ученым-энциклопедистом. Большую часть жизни провел в Хорезме, написал много трудов по астрономии, математике, медицине, филологии,² истории и географии. Не все его сочинения дошли до нас. Источником по истории Ирана является труд Бируни по хронологии восточных народов под заглавием «*Асар ал-бакийа ан курун ал-халийа*» («Следы, оставшиеся от минувших веков»). Труд этот издан Э. Захау в 1878—1879 гг. (арабский текст и английский перевод). Бируни написал также специальный труд о карматах и об «одетых в белое» (т. е. о хуррамитах), до нас не дошедший. Бируни был автором также большого историко-географического сочинения об Индии — первого серьезного труда об этой стране, появившегося в странах Передней и Средней Азии. «Индия» Бируни также издана Э. Захау (арабский текст в 1887 г., английский перевод в 1888 г., 2 изд. в 1910 г.).

Абу Са'д Абд-ал-Керим ибн Мухаммед *ас-Сам'ани* (1113 — 1167 гг.), родом из Мерва, происходивший из осевшей там знатной арабской фамилии, выдающийся эрудит и путешественник, в числе многих сочинений составил «*Китаб ал-ансаб*» («Книга генеалогий») — алфавитный и биографический словарь «знаменитых людей» — политических, религиозных и культурных деятелей. Биографии этих деятелей расположены в алфа-

¹ Такое заглавие объясняется тем, что султан Махмуд Газневид получил от багдадского халифа почетный титул «*Иамин-ад-доула*» («Десница державы»).

² В их числе переводы с санскритских сочинений и материалы по хорезмийскому языку, исчезнувшему до конца XIII в.

витном порядке, по их прозваниям (нисбам), связанным с происхождением из того или иного племени, рода, фамилии, местности. Этот труд — один из важных источников по истории Ирана и Средней Азии. Труд Сам'ани издан Марголиусом — факсимиле рукописи Британского Музея (Лейден, 1912).¹ Другой труд Сам'ани — двадцатитомная история города Мерва — до нас не дошел; вероятно, он погиб, вместе с библиотеками Мерва, во время нашествия войск Чингис-хана.

Джемал-ад-дин Абу-л-Фарадж Абд-ар-Рахман ибн ал-Джаузи (1116—1200 гг.), знатный араб из Багдада, энциклопедист-полигистор и богослов, автор многих сочинений. Из них важен, как источник, дошедший до нас труд по всемирной истории — «Китаб ал-мунтазам» («Систематическая книга»). Не издан.

Имад-ад-дин Мухаммед ибн Мухаммед ал-Катиб ал-Исфахани (1125—1201) происходил из исфаханской чиновной знати, состоял на службе сперва у багдадских халифов, потом у султанов Египта. Из его исторических сочинений для истории Ирана важен труд по истории государства Сельджукидов, представляющий арабский перевод персидского труда Аношервана ибн Халида, расширенный и доведенный до 1194 г. Труд Исфахани более известен в сокращенной и упрощенной переработке, выполненной в начале XIII в. Абу-л-Фатхом ал-Бундари, исфаханским персом, которая называется «Зубдат ан-нурса ва нухбат ал-усра» («Сливки из [книги] помощи и извлечение из [книги] убежища».² Арабский текст труда Бундари издан Хаутсма. Лейден, 1889).

Изз-ад-дин Али ибн Мухаммед Ибн ал-Асир (1160—1234), араб из Джезиры (Верхней Месопотамии), богослов и историк, известен как автор огромного труда по всемирной истории «Ал-Камиль фи-т-тарих» («Полный свод по истории») в 12 томах. Изложение событий у Ибн ал-Асира — строго хронологическое, по годам, доведено до 628 г. х. = 1231 г. н. э. Труд Ибн ал-Асира в большей своей части компилятивен — использовано множество более ранних источников, среди них сочинения. Безазури, Табари, Ибн Мискавейха и их продолжателей, Утби и др. Однако поскольку Ибн ал-Асир пользовался не дошедшей до нас полной редакцией истории Табари, а также многими недошедшими до нас первоисточниками, в частности сочинениями по региональной истории (истории отдельных городов и областей), труд Ибн ал-Асира имеет для исследователей и значение самостоятельного, притом достаточно важного источника. О событиях конца XII — начала XIII вв. Ибн ал-Асир говорит как современник или на основании рассказов очевидцев и современников, почему в этой части значение его труда, как источника, сильно возрастает. Материалы по истории Ирана X — начала XIII вв. содержатся в VIII—XII томах сочинения Ибн ал-Асира. Есть два издания труда Ибн ал-Асира: научно-критическое лейденское издание Торнберга (1851—1876) и египетское (Булак, 1290 = 1873).

Из географических сочинений на арабском языке важнейшее значение имеет труд последнего и наиболее выдающегося из географов X в. — Мукаддаси.³ Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед ал-Мукаддаси (или ал-Макдиси, по другому чтению) — араб, родом из Иерусалима,⁴ десятки лет провел в путешествиях, посетив все мусульманские страны,

¹ Рукопись эта неполная. Лучшая рукопись хранится в Ленинграде (ИБ АН СССР).

² Такое заглавие указывает на то, что труд Бундари является извлечением из труда Имад-ад-дина Исфахани, озаглавленного «Нусрат ал-фатра ва усрат ал-фитра» («Помощь против слабости и убежище для характера»).

³ О прочих географах IX—X вв. см. в главе III, § 2.

⁴ По-арабски Иерусалим — Бейт ал-Мукаддас (или ал-Макдис) — «Священный храм» «Святое место». Отсюда и нисба (прозвание по месту происхождения) — Мукаддаси или Макдиси.

кроме Синда, Систана и арабской Испании, повсюду останавливаясь подолгу и кропотливо собирая материалы о странах и народностях. О жизни Мукаддаси известны лишь немногие данные, упоминаемые в его сочинении.¹

Поставив перед собой задачу — собрать материал для большого географического труда, отличающегося от трудов его предшественников определенной продуманной системой описания и расположения материала, Мукаддаси, по его словам, в своих путешествиях занимался всеми профессиями, кроме нищенства; в разных странах он был, между прочим, дервишем-аскетом, чтецом Корана, имамом, законоведом, купцом, писцом, переплетчиком, ремесленником, слугой и т. д., пережив много приключений. Он сам говорит о себе: «Водил я дружбу с отшельниками горы Ливана, а иногда бывал знаком и с султаном. Владел я рабами, а, случалось, и сам таскал на голове корзины. Не раз я подвергался опасности утонуть, или нашему каравану перерезали дорогу разбойники. Я служил судьей и великим людям, обращался с речью к султанам и везирам. По дорогам хаживал я вместе с бродягами и продавал товары на рынках. Заключали меня в тюрьмы, забирали как шпиона... Ездил я в паланкинах и на конях, ходил и пешком в самом и среди снегов. Я останавливался на царском дворе среди вельмож, поселялся и среди невежд в квартале ткачей...»

Мукаддаси сам говорит, что его географический труд составил из трех родов источников: из записей того, что он видел сам, из рассказов заслуживавших доверия людей, и из книг — географических и иных. «Не осталось, — говорит он, — никакой царской библиотеки, в которой я не бывал...» К трудам более ранних географов Мукаддаси относился очень критически.

Свой большой географический труд «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» («Наилучшее распределение для познания областей»)² Мукаддаси закончил, в первоначальной редакции, в 985 г. Через три года, после нового путешествия, он опубликовал вторую, улучшенную редакцию своего труда. Эта последняя редакция и была использована де Гуье для научно-критического издания арабского текста труда Мукаддаси.

В труде Мукаддаси, как сказано, материал расположен по единой продуманной системе: сначала дается общее географическое описание каждой области, затем описание отдельных округов и городов. По каждому городу и его округу сообщаются сведения по топографии, об архитектурных памятниках, истории, о населении, его языках, религиозной принадлежности, быте, культуре, нравах, о политическом устройстве, о ремесленном производстве, о предметах местной торговли и вывоза, об орошении, о растительных культурах и сельском хозяйстве, о местных мерах веса, длины и т. д., о ставках поземельной подати и т. д.; дано также подробное описание маршрутов по караванным путям. Богатые материалы Мукаддаси отличаются большой точностью. При этом Мукаддаси далек от идеализации феодальных порядков, правителей и феодального быта.

Труд Мукаддаси является вершиной средневековой арабоязычной географической науки и ценнейшим источником по экономической истории Ирана X в.

Из других арабских географов некоторое, впрочем довольно ограниченное, значение имеет сочинение Мухаммеда *ал-Идриси* (1099—

¹ Даты рождения и смерти Мукаддаси неизвестны.

² В значении «наилучшая классификация областей»; у Мукаддаси термин «климат» (*иклим*, множ. ч. *акалим*) — не широтная зона, как у ряда прежних географов, а область.

1165 гг.), написанное для норманского (христианского) короля Сицилии. В большей своей части труд Идриси передает сведения, взятые из источников X в. и уже устаревшие для XII в., отчасти дополненные новыми данными, собранными на основании расспросов путешественников. Из географии Идриси пока изданы в подлиннике только отдельные части, среди которых нет описания Ирана. Издан полный французский перевод в двух томах (Париж, 1836).

Несравненно более важен, как источник, географический словарь Якута. *Якут ар-Руми ал-Хамави* (1179—1229 гг.), по происхождению малоазиатский грек,¹ мальчиком был захвачен в полон сельджукскими турками и продан ими в рабство арабскому купцу из города Хама² в Сирии. Его господин дал ему хорошее арабское образование и сделал своим разъездным приказчиком по торговым делам. После смерти хозяина Якут, став свободным, предпринял ряд путешествий, в частности по Ирану и Средней Азии. Во время одного из путешествий Якут внезапно умер в гостинице близ Халеба.

Свой географический словарь «Му'джам ал-булдан» («Алфавитный словарь стран») Якут закончил в 1224 г. Материал расположен в алфавитном порядке географических названий. В основном это — компиляция, составленная из материалов более сотни первоисточников, но так как значительная часть их до нас не дошла, то для нас словарь Якута представляет большую ценность. Первоисточники Якут обычно указывал. Материалы из них он отбирал с большой критичностью. Якут обильно пополнил свой словарь записями своих путешествий. Но у него нет той систематической последовательности и полноты изложения материала, какой отличается труд Мукаддаси. При описании городов у Якута центральное место занимают перечисление достопримечательностей и биографические справки о знаменитых людях, происходивших из данного города; сведений социально-экономического характера у Якута гораздо меньше, чем у географов X в. — Истахри, Ибн Хаукаля, Мукаддаси.

Географический словарь Якута издан Ф. Вюстенфельдом (6 томов, Лейден, 1866—1870). Извлеченные из Якута материалы, относящиеся к Ирану, во французском переводе издал французский востоковед Барбье де Мейнар (Париж, 1871).

Перейдем к персоязычным источникам.

Хотя в X—XIII вв., как и раньше, арабский язык все еще играл роль международного языка научных сочинений, однако мало-помалу в научную литературу получил доступ и ново-персидский язык (*дари*, иначе *фарси*). После персидской переделки «Истории» Табари, сделанной Бал'ами в середине X в.,³ первое дошедшее до нас оригинальное историческое сочинение на персидском языке появилось около 1050 г., с арабским заглавием⁴ — «Зейн-ал-ахбар» («Украшение известий»). Его автор — Абд-ал-Хайй *Гардизи*, о жизни которого почти ничего не известно. «Зейн-ал-ахбар» доведен до 1041 г. н. э. и является основным источником по истории Хорасана X — начала XI вв. В нем есть также глава об Индии, главы, посвященные восточноевропейским народам, и очень богатые материалом главы о тюркских племенах Азии.

Отрывки из сочинения Гардизи были опубликованы В. В. Бартольд-дом. Полное издание текста вышло в серии памяти Э. Г. Броуна (Бер-

¹ Отсюда нисба «Руми» — «ромей», т. е. византийский грек.

² Отсюда нисба «Хамави».

³ См. в § 2 главы III.

⁴ И в последующие века большая часть персоязычных научных сочинений имела, по традиции, арабские заглавия.

лин, 1928). Недавно в Иране вышло новое издание труда Гардизи под редакцией проф. Нефиси.

Одним из наиболее ценных персидских источников по истории Ирана XI в. является труд *Абу-л-Фазля* Мухаммеда ибн Хусейна *Бейхаки*:¹ под заглавием «Тарих-и ал-и Себук-тегин» («История рода Себук-тегина») ² или «Тарих-и Бейхаки». Автор долго состоял на службе в диване внешних сношений (диван-и рисалат) Газневидского государства и имел доступ к важным государственным документам. Труд Бейхаки, посвященный истории Газневидского государства (начиная с 1018 г. н. э.), состоял из 30 томов, но до нас дошли только вторая часть VI тома, VII, VIII и IX тома и часть X тома, написанные около 1059 г.³ Остальные томы утрачены. Цитаты из утраченных первых томов встречаются еще у историка XV в. Хафиз-и Абру,⁴ но цитаты из последних 20 томов ни в каких позднейших сочинениях не обнаружены.

Абу-л-Фазль Бейхаки сам писал, что его труд — не история, вроде тех «историй», в которых можно прочесть только о том, что такой-то падишах послал такого-то полководца воевать с таким-то, или что такой-то разбил такого-то, или такой-то побил такого-то. Труд Бейхаки — скорее подробные мемуары крупного чиновника, описывающего, по его собственному выражению, «вдоль и вширь» события своего времени, частью как очевидец, частью на основании официальных документов. Бейхаки больше интересуется внутренней историей Газневидского государства, нежели военной историей его. Бейхаки не только рассказывает о политических событиях, но и изображает подробно деятельность государственных учреждений (диванов), борьбу феодальных кланов, придворную жизнь и феодальный быт, дает характеристики султанов и политических деятелей, рисует картины бедственного положения народных масс, страдавших под гнетом налогового бремени и обдираемых финансовыми чиновниками и феодалами. Бейхаки — представитель одной из групп класса феодалов, именно гражданской бюрократии. Он относился недружелюбно к военной и придворной знати — другой группе того же класса. Он очень критически смотрел на деятельность феодальных верхов, нисколько не скрывал пороков органов управления и язв феодального быта, распушенности, ограниченности и ошибок газневидских султанов и их окружения. Все это делает труд Абу-л-Фазля Бейхаки источником высокой ценности. Труд написан живым образным языком, близким к разговорному.

Текст сохранившихся частей труда Абу-л-Фазля Бейхаки до недавнего времени известен был в двух изданиях — калькуттском (издатель — У. Морлей, 1861) и тегеранском (1307 г. х. = 1889/90 г. н. э., на основании списка начала XIV в.). Но оба эти издания далеко не удовлетворительны, и пользоваться ими следует не порознь, а обоими вместе, постоянно сличая один с другим. В 1945 г. в Тегеране вышло третье, улучшенное научно-критическое издание, подготовленное персидскими учеными.

Везир сельджукских султанов Ирака *Ануширван ибн Халид Кашани* около 1138 г. составил труд по истории сельджуков, доведенный до 1134 г. н. э. Рукописей подлинника этого труда не сохранилось. Но

¹ Абу-л-Фазля Бейхаки не следует смешивать с другим историком, носившим ту же нисбу — Абу-л-Хасаном Бейхаки, о котором см. ниже.

² Себук-тегин (правил в 977—997 гг.) был родоначальником династии Газневидов и основателем Газневидского государства; см. о нем ниже.

³ Эти части относятся к правлению газневидского султана Мас'уда (1030—1041), почему и труд Бейхаки иногда называли «Тарих-и Мас'уди» («Мас'удова история»).

⁴ См. о нем в § 2 главы VI.

труд Ануширвана получил известность на Востоке в арабской переработке (с продолжением до 1194 г.) *Имад-ад-дина Исфахани*, которая дошла до нас в упрощенной арабской же переделке Бундари.¹

Около 1196 г. неизвестным автором, жителем Хамадана, был составлен сжатый труд, типа «всемирной истории», под заглавием «*Муджмалъ ат-таварих*» («Краткий свод исторических сочинений»), в котором изложение доведено до 1126 г. н. э. До недавнего времени в Западной Европе были изданы лишь отдельные отрывки из этого труда. Полный текст был опубликован в Иране персидским ученым филологом М. Бахаром в 1939 г.

Наджм-ад-дин Мухаммед *Равенди*, родом из Равенда близ Кашана, по профессии каллиграф, переплетчик и позолотчик, получил хорошее образование, одно время состоял на службе у сельджукского султана Ирака Тогрула III (правившего в 1175—1194 гг.). После 1202 г. Равенди составил труд по истории сельджуков, доведенный до 1199 г. н. э., под заглавием «*Рахат ас-судур ва айат ас-сурур*» («Успокоение сердца и чудо радости»). Помимо изложения политических событий, Равенди сообщает интересный материал о налоговом угнетении райятов (горожан и крестьян) финансовыми чиновниками и о произволе и тирании тюркской военной кочевой знати после того, как в Западном Иране на рубеже XII и XIII вв. сельджукские султаны были ниспровергнуты хорезмшахами. Труд Равенди — главный источник по истории Западного Ирана второй половины XII в.

Полный текст труда Равенди издал новейший персидский ученый Мухаммед Икбаль² (в серии памяти Гибба, Лондон, 1921).

После повествовательных исторических сочинений следует назвать другие сочинения на персидском языке, имеющие значение источников.

Важным источником является политический трактат «*Сийасет-намэ*» («Книга о правлении»), приписываемый *Низам-ал-мульку*, персидскому везиру сельджукских султанов Алп Арслана и Мелик-шаха, известному политическому деятелю XI в., убитому исмаилитами в 1092 г. Трактат разделен на 51 главу³ и содержит очень разнородный материал: рассуждения об отчетности и бюджете государства, о «правильной политике», подобающей султану, о военных ленах — икта' и об организации войска, о «еретиках», о народных восстаниях и т. д. Трактат пересыпан назидательными рассказами — хикайатами, приведенными ради доказательства теоретических положений трактата. Основная теоретическая установка трактата — защита «иранских» государственных традиций и централистской политики султана против центробежных стремлений тюркской военной знати (кочевой). Такая установка отражала интересы одной из групп класса феодалов — персидской служилой знати (бюрократии), тесно связанной с центральным государственным аппаратом.

Авторство Низам-ал-мулька в отношении отдельных частей и даже целой книги вызывало у некоторых исследователей сомнение. Автор новейшего исследования о «*Сийасет-намэ*» проф. Б. Н. Заходер пришел к выводу, что 43 главы составляли подлинное сочинение Низам-ал-мулька, остальные же главы, как и многие хикайаты, вкрапленные в упомянутые 43 главы, введены в книгу ее редактором около двух десятилетий спустя после выхода книги.

Есть два издания текста «*Сийасет-намэ*»: парижское Ш. Шефера (персидский текст и французский перевод 1893 г.) и тегеранское Абд-ар-рахима Хальхали (персидский текст, 1310 х. солн. = 1931 г. н. э.). Не-

¹ См. выше, в обзоре арабских источников в настоящей главе.

² По современному тегеранскому произношению — Мохаммед Эгбаль.

³ В тегеранском издании — 50 глав.

давно вышел полный русский перевод «Сийасет-намэ», вместе с исследованием («Введение в изучение памятника») и комментарием, проф. Б. Н. Заходера (М. — Л., 1949).

Много материала социального и бытового характера содержит «Чахар макалэ» («Четыре статьи») *Низами Арузи Самарканди* — трактат о выдающихся людях четырех категорий: везиров, поэтов, астрологов и медиков (середина XII в.). Английский иранист Э. Г. Броун издал персидский текст «Чахар макалэ» (Лейден, 1910) и английский перевод его (Лондон, 1899).

Особую категорию источников составляют сочинения агиографические («жития святых»), именно жития дервишеских шейхов-суфиев (мистиков). В них наряду с явно легендарными рассказами о «чудесах святых» много живого и реального материала, рисующего быт феодалов, купцов, ремесленников и других социальных групп средневекового Ирана с такими подробностями, каких мы не найдем в повествовательных исторических сочинениях. В этом и заключается значение агиографических сочинений, как источников интересных, хотя и требующих сугубо критического подхода.

Из источников такого рода отметим два жития суфийского шейха *Абу Са'ида* Фазлуллаха ибн Абу-л-Хейра *Мейхенэйского*, жившего в Нишапуре, а потом в основанной им дервишеской обители (ханэках) в г. Мейхенэ (ныне на территории Туркменской ССР), в 968—1049 гг. Обе биографии его составлены его потомками между серединой XII и началом XIII вв. Биографии содержат много социально-бытового материала, особенно о жизни горожан. Оба памятника изданы русским иранистом В. А. Жуковским (персидский текст, СПб., 1899).

К сочинениям такого же типа относится сборник житий суфийских шейхов — «Тазкират ал-аулийа», составленный во второй половине XII в. *Ферид-ад-дином 'Аттаром*, крупным персидским поэтом-пантеистом. Сборник этот, в двух томах, издан Р. Никольсоном (Лондон-Лейден, 1905—1907).

Весьма важны источники документальные — грамоты султанов о пожаловании земель, титулов, должностей, иммунитетов своим служилым людям и другие государственные акты, дипломатические документы, переписка султанов, везиров и других политических деятелей. Подлинные архивные документы средневековья, кроме единичных, до нас не дошли. Но в Иране нередко составлялись сборники копий таких документов («инша»), которые ценились не столько как собрания документов, сколько как образцы эпистолярного стиля.

От рассматриваемого периода до нас дошли два подобных сборника документов. Один из них, известный под общим названием «Инша», составлен неизвестным лицом во второй половине XII в. и состоит из документов, написанных от имени сельджукского султана Синджара (правил в 1118—1157 гг.) его секретарем, из писем хорезмшахов и т. д. Единственная рукопись сборника хранится в Институте востоковедения АН СССР (Ленинград). Сборник полностью не издан. Несколько документов опубликовано в «Туркестане» В. В. Бартольда (ч. I, Тексты).

Другой сборник — «Китаб ат-тавассуль ила-т-тарассуль» («Книга искания доступа¹ к деловой переписке») составлен в начале XIII в. *Мухаммедом Багдади*, личным секретарем хорезмшаха Текеша (правил в 1172—1200 гг.). Сборник состоит из текстов указов и жалованных грамот этого султана. Известны только две рукописи этого сборника — парижская и лейденская. По этим рукописям сборник был издан Ахмедом Бахманийаром в Тегеране (перс. текст, 1315 г. х. солн. = 1936 г. н. э.).

¹ В смысле «усовершенствования».

Из географических сочинений на персидском языке первым по времени является труд неизвестного автора — «Худуд ал-алем» («Пределы мира»), составленный около 983 г. Единственная рукопись этого сочинения была найдена в Бухаре в 1892 г. и принадлежала русскому иранисту А. Г. Туманскому (умер в 1920 г.).¹ Она представляет очень сжатое, написанное предельно простым и архаичским языком описание «земных областей и царств». Автор пользовался письменными источниками, в частности трудами Балхи и Истахри и не дошедшим до нас трудом Лжейхани. Однако «Худуд ал-алем» содержит, несмотря на краткость изложения, немало оригинального материала, в частности по экономической географии Ирана. Сочинение это издано фототипически, с обширным введением, В. В. Бартольд (Л., 1930). Имеется английский перевод, с обширным комментарием, В. Минорского.

В начале XIII в. *Мухаммед ибн Наджиб Бекран* составил для хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220 гг.) географическое сочинение «Джехан-намэ» («Книга о мире»). В этом сочинении оригинальные данные автора перемешаны со сведениями, механически перенесенными из трудов географов X в. — начала XIII в. и ставшими уже анахронистичными. Труд Бекрана известен лишь в двух рукописях — парижской и ленинградской (рукопись Туманского, список XIII в.),² не издан и мало использован исследователями.

Из сочинений по региональной истории важное значение имеет «Тарих-и Табаристан» *Ибн Исфендийара* — труд по истории Табаристана с древнейших времен до монгольского завоевания. Труд составлен на основании разнообразных материалов, кропотливо собранных автором в ряде библиотек Ирана и Средней Азии, в частности в Хорезме. Среди этих материалов есть сведения из не дошедших до нас первоисточников. *Ибн Исфендийару* посчастливилось найти и включить в свой труд памятник времени Сасанидов — так называемое «Письмо Тансара»,³ в новоперсидском переводе. Труд *Ибн Исфендийара* недавно издан полностью в Иране. Есть также сокращенный английский перевод (в серии памяти Гибба).

Следует отметить также написанную около половины XI в. неизвестным автором «Тарих-и Систан». Она издана в Иране, с кратким продолжением, восходящим к началу XIV в., крупным персидским филологом Бахаром Мелик-аш-шу'ара.

Абу-л-Хасан Али Бейхаки, по прозвищу *Ибн Фундук*, происходил из провинциальной землевладельческой знати округа Бейхак (центр — город Себзевар) в Хорасане и был хорошо образован, в частности знал, кроме родного персидского, не только арабский, но и сирийский язык. О жизни его известно крайне мало. Около 1168 г. он закончил историю своего родного округа Бейхак — «Тарих-и Бейхак». Труд этот содержит географическое описание округа, со сведениями об орошении, растительных культурах, ремеслах, с перечнем селений (всего названо 140 более значительных селений в 12 волостях — руб'ах), исторический экскурс о старинных фамилиях местной землевладельческой знати, наконец, историю округа до 1168 г. н. э. Данный источник, таким образом, содержит богатый и ценный материал по локальной истории. Полный текст издан в Иране Ахмедом Бахманийаром (1317 г. х. солн. = 1938 г. н. э.).

В 20-х годах XII в. *Ибн-ал-Балхи*, персом, состоявшим на службе у Сельджукидов, было составлено ценное историко-географическое описание Фарса — «Фарс-намэ». Труд этот содержит историю Фарса, частью

¹ Поэтому сочинение это известно также под именем «Рукописи Туманского», или персидского анонима конца X в.

² В хранилищах ИВ АН СССР.

³ См. в главе II.

по не дошедшим до нас первоисточникам, а также подробное географическое описание Фарса начала XII в. Оно содержит обильный материал относительно состояния ирригации, земледелия и городов в Фарсе. Большая часть этого материала современна автору, заимствований из трудов более ранних географов немного. «Фарс-намэ» Ибн ал-Балхи издана в серии памяти Гибба (персидский текст), есть английский перевод.

Большая часть названных источников важна не только для истории Ирана, но и для истории Средней Азии.

§ 3. Падение владычества халифата в Иране

Как сказано раньше, в течение IX в. в большей части Ирана владычество халифата пало. Под властью халифата оставалась лишь часть Западного Ирана. В 30-е годы X в. оно пало и здесь. Произошло это так.

В Табаристане, после смерти шиитского алидского вождя Утруша началась борьба за власть между его родичами, Алидами, и саманидскими войсками. В этой борьбе все более заметную роль играли наемные отряды, состоявшие более всего из дейлемитов. Один из предводителей этих отрядов, Мердавидж ибн Зийар, настолько усилился, что, опираясь на своих наемников-дейлемитов, в 928 г. захватил власть в Табаристане и Гургане, положив начало династии Зийаридов (928—1045). По рассказу, переданному Ибн-ал-Асиром, Мердавидж был разорившийся крестьянин¹ из Дейлема, бросивший земледелие, ставший наемным солдатом и сделавший военную карьеру. Короче говоря, это был такой же мутагаллиб, как и в свое время Я'куб ибн Ляйс Саффарид. Мердавидж не довольствовался властью в прикаспийских областях Ирана, сравнительно небогатых. Собрал большое войско из наемников, Мердавидж между 932 и 935 гг. захватил наибольшую часть Западного Ирана, с такими крупными городами, как Рей, Казвин, Хамадан, Исфахан и Шираз; выгнав оттуда халифские войска. Так к 935 г. владычество Аббасидского халифата фактически пало и в Западном Иране; хотя Мердавидж и именовав себя наместником халифа, он нисколько не считался с последним и даже готовился к походу на Багдад. Мердавидж мечтал о восстановлении Иранского царства в пределах Сасанидской империи.

При завоевании Западного Ирана отличились и выдвинулись полководцы Мердавиджа — три брата из дейлемитской фамилии Буидов — Али, Хасан и Ахмед. Отец их Абу Шуджа Буйэ, согласно некоторым источникам (Ибн ал-Асир и др.), бедный крестьянин в Дейлеме, был рыбаком и лесорубом, наконец вступил в наемные войска, вместе со своими тремя сыновьями.² Под начальством Мердавиджа ибн Зийара Буиды сделали военную карьеру, а после завоевания Западного Ирана трое братьев Буидов, как полководцы и наместники Мердавиджа, располагали значительными военными силами и реальной властью в некоторых вилайетах, в частности в Ширазе.

Мердавидж ибн Зийар не смог сохранить всех завоеванных им земель для своей династии. В войске его, кроме наемников, было 4 000 конных тюркских гулямов, из купленных рабов. Мердавидж всячески отличал своих соотечественников — дейлемитских наемников, гулямов же держал в черном теле, придиричиво и строго. Однажды он рассердился на нескольких молодых гулямов за то, что те допоздна возились с лошадьми, шумели в конюшне и помешали ему спать. В наказание

¹ Впоследствии лживыми историографами была создана легенда о происхождении Мердавиджа от Сасанидов.

² Позднее лживые историографы Буидов создали и ввели в обиход легенду о происхождении Буидов от сасанидского царя Вахрама V Гура.

он приказал этих юношей взнуздать, оседлать и запереть в конюшню, как лошадей. Это глумление крайне раздражило всех тюркских гулямов. Группа их, заранее подговорив невольника-негра сломать саблю Мердавиджа и снова вложить ее в ножны, напала на Мердавиджа в бане. Голый Мердавидж, оказавшись безоружным, подпер дверь в бане столбом, но убийцы проникли в баню через кровлю и умертвили своего обидчика. Этот рассказ, рисующий черты военно-феодалного быта того времени, передан у Мас'уди и подробнее, по не дошедшим до нас первоисточникам, у Ибн ал-Асира.

Убийство Мердавиджа в Исфахане (935 г.) вызвало панику и растерянность среди его окружения. Этим воспользовались братья Буиды. Они двинули из Шираза подчиненные им войска на Исфахан; их власть была затем признана во всем Западном Иране. Так было положено начало государству Буидов (или, в арабизованной форме, Бувейхидов, 935—1055 гг.). Родичи Мердавиджа ибн Зийара, Зийариды сохранили власть только в Гургане.

Десять лет спустя младший из братьев Буидов, Ахмед, захватил и Ирак Арабский вместе с Багдадом, лишив аббасидского халифа светской (политической) власти и сохранив за ним лишь призрачную духовную власть. Формально, правда, Буиды и после управляли от имени аббасидского халифа, присвоив себе титул «эмира эмиров» (амир ал-умара), но на деле халифы были полностью отстранены от всех государственных дел. Буиды отняли у аббасидского халифа и его фамильные земли, дав ему взамен, как обыкновенному феодальному землевладельцу, одно поместье на правах икта'. Только имя халифа продолжали чеканить на монете и поминать во время хутбы в мечетях на первом месте, а на втором месте — имя буидского эмира эмиров. В состав государства Буидов вошли весь запад и юг Ирана: большая часть Ирака Персидского с городами Хамаданом, Исфаханом и Рейем, Хузистан, Фарс и Керман, а также Ирак Арабский с городами Багдадом и Басрой.

Области к востоку от Большой Иранской пустыни — Хорасан и другие — вошли вместе с Мавераннахром и другими среднеазиатскими областями в состав государства Саманидов. Саманидские эмиры жили в Бухаре, а их наместник в Хорасане — в Нишапуре. Государство Зийаридов в Гургане (928—1042 гг.) находилось в вассальной зависимости от Саманидов.

Таким образом, почти весь Иран был разделен между двумя большими государствами — Саманидов и Буидов. Только Азербайджан¹ с прилегающими частями Ирака Персидского и Гиляна составил особое государство (эмират), в котором последовательно сменялись династии Саджидов (тюркская, 890—929 гг.), Саларидов² (дейлемитская, 941—979 гг.) и Раввадидов (арабская, 979—1070 гг.).³

§ 4. Экономика Ирана в X—середине XI вв.

Сельское хозяйство

Сложение развитого феодального общества имело прогрессивное значение для экономики Ирана. Экономическому подъему способствовало также падение владычества арабского халифата и возрождение местной иранской государственности; собранные с крестьян и горожан податные средства теперь не вывозились из страны, как при халифате, а расходовались внутри Ирана, частично на строительство оросительных со-

¹ Южный, или Иранский.

² Иначе Мусафириды.

³ Датировка по новейшим исследованиям.

оружений. Кроме того, Иран давно уже не подвергался иноземным вторжениям, а внутренние войны в течение описываемого периода не принимали широких масштабов и не приносили больших опустошений.

Географы X в., особенно Истахри, Мас'уди, Ибн Хаукаль, Мукаддаси и анонимный географ конца X в., сообщают очень подробные данные по экономической географии Ирана. На основании этих сообщений можно заключить, что в названный период Иран пережил такой рост производительных сил, какого никогда не переживал ни раньше, ни позднее, вплоть до XX в.

В названный период повсюду в Иране производились большие оросительные работы, расширившие обрабатываемую площадь. В проведении каризов был достигнут такой прогресс, что, например, в Кермане вода отводилась ими на расстояние пяти дней пути (не менее 125 км); глубина каризов местами — особенно в Кухистане — достигала 90 м. Расширилось применение всех четырех видов ирригации — ручьевого орошения, речных каналов, каризов и колодцев. Из рек Карун, Хильменд, Хери-руд, Зиндэ-руд и др. было выведено много новых каналов. Строились плотины, запруды, шлюзы, стоки для спусков излишков воды во время половодья. Известно было несколько видов водоподъемных колес. Было много квалифицированных специалистов по отысканию мест залегания грунтовых вод, строительству каризов и другим ирригационным работам.

В Фарсе на р. Кур, между гг. Ширазом и Истахром, бундский государь Азуд-ад-доуле во второй половине X в. построил знаменитую «Азудову плотину», преградив течение реки мощной стеной из каменных плит с креплениями из свинца. По устоям этой плотины свободно могли проехать рядом два всадника. Вода поднялась высоко и образовала искусственное озеро; по берегам поставили десять больших водоподъемных колес, при каждом колесе — водяную мельницу; от водохранилища отвели каналы. В Хузистане на р. Карун стояли гигантские водоподъемные колеса, поднимавшие на высокие берега воду, которая потом отводилась на поля. Повсюду мельницы ручные и приводимые в движение животной силой (волов и ослов) заменялись мельницами водяными и — реже — ветряными. Последние, в частности, применялись в Систане. Для борьбы с движущимися песками применялись посадки тамариска (в Йездском оазисе). Чтобы оградить оазисы от заносов песками, в Систане строились специальные валы.

Расширилось возделывание старых культурных растений, выводились новые сорта их. Очень распространилась культура риса, которой в Иране при Сасанидах почти не было. Теперь рис возделывали в Хузистане, низменных частях Фарса и Хорасана, Систане, прикаспийских областях. Были введены и новые культурные растения — цитрусовые, которые возделывались в низменных местностях — на юге Ирана, в прикаспийских областях, в Балхском оазисе и т. д.

Ячмень и пшеница возделывались повсюду на Иранском нагорье (до высоты 2500 м, местами и выше). О ячмене персидские поэты и другие авторы говорят как о «хлебе бедняков». Народный поэт Баба Тахир Урйан Лурский (начало XI в.) писал: «Если бы рука моя достигла до небесного свода, я спросил бы у него: почему бывает одно и почему бывает другое? ¹ Почему одному ты даешь сотню различных благ, а другому — только ячменную лепешку, орошенную кровавым потом?» Также и просо, культура которого очень расширилась, считалось «хлебом бедняков». Во многих местностях сеяли люцерну и клевер, шедшие на корм для лошадей. В источниках отмечен рост культуры хлопка — в Хорасане

¹ Т. е.: «почему существует столь сильное неравенство между людьми?»

и северных областях Ирана, а также в Фарсе и Южном Азербайджане. Лен возделывался главным образом в Фарсе и как текстильное, и как масличное растение; как текстильное растение, он постепенно вытеснялся хлопком. Разводилась также конопля.

Из красильных растений местами разводили: шафран, дававший желто-оранжевую краску (Ирак Персидский,¹ Кум, Луристан, Заминдавер); марену, дававшую красную краску (Хорасан); сафлор, дававший желтую краску (Хорасан); индиго, дававшее синюю краску (Керман).

Бобовые растения разводились широко и повсюду. Огородные и пряные растения: баклажан, редька, репа, морковь, капуста, цветная капуста, разные сорта лука и свеклы, салат-латук, кресс-салат, шпинат, спаржа, перец, кориандр, базилик, тмин (в Кермане), горчица и др. разводились преимущественно вблизи городов. Очень распространены были огурцы. По словам Истахри, близ Шираза большие площади были заняты грядками с огурцами. Было известно до пятидесяти сортов дынь; лучшими считались исфаханские дыни. Широко возделывались тыквы, арбузов же было меньше.

Плодовые деревья разделялись на «гармсирные», которые разводили на низменных местах (не выше 1000—1200 м), — фисташка, рожковое дерево, фи́га (инжир), оливка (маслина), лимон, апельсин, померанец, финиковые пальмы, — и «сардсирные», которые могли произрастать выше 1200—2000 м, — яблоня, груша, айва, алыча, вишня, черешня, слива, персик, абрикос, жужуба, лох (пшат), тут (шелковица), гранат, миндаль, лещинный орех, грецкий орех, кизил и др.

Культура финиковой пальмы, издревле известная на юге Ирана, теперь распространилась далеко на север, вплоть до Гургана.² Лучшие финики вывозились из Кермана, где, по словам Истахри, местами 100 манов фиников стоили 1 серебряный дирхем. Лучшие лимоны производились в Хузистане, лучшие апельсины в Кермане, лучшие маслины в Хузистане. Культура винограда распространена была повсеместно до высоты 2000—2300 м.; в некоторых областях (Хорасан и др.) известно было свыше 100 сортов винограда. Сахарный тростник разводили в Кермане, низменной части Фарса и особенно в Хузистане.

В Фарсе и Гургане разводились во множестве цветы, ароматические и лекарственные растения. Несмотря на запрещение исламской религии, всюду изготовлялось и продавалось открыто вино — виноградное и пальмевое (финиковое); славились — ширазское и рейское вина. Из винограда, фиников, тутовых ягод приготавливались сладкие сусла (душаб), маринады. Сушеные фрукты (изюм, абрикосы, финики и др.) также изготовлялись во множестве. В виде подати в казну Фарс поставлял 30 000 бутылей розовой воды и 20 000 ритлей³ изюма, Хузи́стан — 30 000 ритлей тростникового сахара, Керман — 20 000 ритлей сушеных фиников и 1000 ритлей тмина.

Источники отмечают развитие скотоводства — частью оседлого, но главным образом кочевого. Последним занимались луры и другие иранские кочевые племена. Географы описывают пять зуммов — сильных племенных объединений — луров, которых они называли курдами, в горных районах Фарса, занимавшихся кочевым скотоводством. Прекрасные альпийские луга (выше 1500—2000 м) на Иранском нагорье служили летними пастбищами, на зиму скот перегоняли иногда на несколько сот километров на степные пастбища в низменных местах.

¹ В IX—X вв. эта область — древняя Мидия — обычно именовалась Джибаль (арабск. Горы).

² Конечно, только в низменных местах, не выше 800—1000 м.

³ Ритль — мера веса, различная для разных местностей; багдадский ритль равен 400 г.

О курдах (т. е. лурях) в Фарсе Истахри сообщает: «Курдские роды так многочисленны, что их и не сосчитать; это видно из того, что они рассыпаны по всему Фарсу, и говорят, что их больше 500 000 шатров из шерсти. Зимой и летом они отыскивают пастбищные места по способу бедуинов.¹ Тот же самый шатер служит для ночлега и господам, и воинам, и пастухам. Число людей свиты (у господ) бывает от одного до десяти». По словам Истахри, эти кочевники владели стадами овец и коз, верблюдов у них было немного, а лошади плохих пород. Славились хорасанские верблюды и лошади. Овцы разводились повсеместно.

Шелководство в X в. было распространено в Хорасане, Гургане и Табаристане.

Ремесло и торговля

Географы X в. отметили также большой рост ремесленного производства и прогресс в технике ремесла. В городах Ирана производились в большом количестве на вывоз парча (в Нишапуре, Исфахане, Тустере и др.), шелковые ткани с золотом и серебряным шитьем (в Ширазе, Рейе, Исфахане, Фаса, также во многих городах Хузистана, Фарса и Хорасана), всевозможные шелковые ткани — камка, атлас, дамаскин и др. (во многих городах Хузистана, Фарса, Хорасана, Систана, Гургана и Табаристана, особенно в Йезде, Ширазе, Исфахане, Рейе, Нишапуре). Льняными тканями славились города Фарса, особенно Казерун; в то время казерунские ткани с местными плотбами раскупали на всех рынках Персидской и Средней Азии и Северной Африки, не проверяя и не разворачивая их. Полосатыми плащами и шерстяными тканями славился Шираз. Лучшие ковры, шерстяные и шелковые, производились в Ширазе и других городах Фарса, Хузистана, Хорасана. Хлопчатобумажные ткани всех сортов, от грубых для бедняков до тонких, производились повсеместно, лучшие — в Исфахане, Ширазе, Рейе, Нишапуре.

Таким образом, наибольшего развития достигло текстильное ремесленное производство. Из других ремесел высокого мастерства достигло производство фаянса (в Кашане, Рейе и др.).² Художественные медные, бронзовые, серебряные и золотые изделия производились во всех городах, как и оружие. Железными изделиями славились Шираз и другие города Фарса. В Ширазе, Шапуре и других городах Фарса производились для вывоза цветочные масла — из махровой розы,³ фиалки, лилии, нарцисса, жасмина, цветов мирты, лимона, апельсина и т. д., а также цветочные эссенции, духи и другие парфюмерные и лекарственные изделия. Города Хузистана и Кермана производили много тростникового сахара и сахарных изделий. Мыло и чернила производились в городах Фарса.

В X в. получило сильное развитие горное дело. Рудники принадлежали государству и разрабатывались артелями старателей или откупщиками, платившими государству налог (до $\frac{1}{3}$ добычи). Разрабатывались серебро — в Хорасане, Кумисе, Табаристане, Фарсе и Кермане, железо — в Хорасане, Фарсе и Кермане, медь — в Хорасане, Ираке Персидском, близ Йезда, Азербайджане и в прикаспийских областях, золото — в Хорасане, нефть — в Фарсе, олово, свинец, сера — в районе горы Демавенд, лапис-лазурь (лазурит) — в Бадахшане и Азербайджане, рубины — в Бадахшане, бирюза — близ Нишапура, мрамор — в Хорасане, Азербайджане и других местах, мумия (горная смола) — в Фарсе и других местах.

¹ Т. е. занимаются кочевым скотоводством.

² Подробнее см. в § 20 этой главы.

³ Производство розового масла было усовершенствовано в XI в. благодаря введению процесса перегонки.

В местностях, прилегающих к большим городам и главным караванным путям, продукция сельского хозяйства шла на рынок. Караванная и морская торговля в X в. переживала расцвет. Главными узлами караванных путей были города Хамадан, Рей, Нишапур, Херат, Исфахан, Шираз, Ахваз. Балх и Кабул были важнейшими центрами караванной торговли с Индией. Главными гаванями на Каспийском море были Амуй и Сари, торговавшие с Хорезмом, странами Закавказья, хазарским Итилем, Поволжьем и Русью. В Амуй и Сари прибывали «корабли русов», привозившие меха, кожи, воск и невольников и обменивавшие их на продукцию иранского ремесла.

Важнейшей гаванью Персидского залива был город Сираф. Сирафские купцы держали в своих руках морскую торговлю. Настолько меньшее значение имели гавани Джаннаба, Киш (Кайс) на острове того же имени и Ормуз,¹ тогда находившийся на материке. Из этих портов иранские товары вывозились в Басру, порты Аравии, Египет, Индию и Китай.

Интересен следующий рассказ Истахри о купцах: «У купцов особенно заметно стремление объединять средства.² Жители Сирафа и побережья предпринимают морские путешествия. Иногда кто-нибудь из них проводит время своей жизни на море. Как мне сообщили, один житель Сирафа так привык к морю, что около 40 лет не спускался с корабля. Всякий раз, как он приближался к суше, он заставлял своих сотоварищей сходить на землю, дабы выполнить его дела в соответствующем городе. Если на судне обнаруживались щели и трещины, и оно нуждалось в починке, тогда переходил он с того судна на другое. Вот почему на долю их (купцов) достается богатое имущество, так что состояние иного человека достигает 4 миллионов динаров. Теперь мне называют еще более высокие суммы. Однако, подобный человек (купец) по своей одежде ничем не отличается от своих наемных поденных работников».³

В этом рассказе выявлены типичные черты персидского купца X в., занятого морской торговлей: энергия, увлечение путешествиями, скопительство, стремление копить деньги, не расходуя их. Чтобы понять, как велико было для того времени состояние в 4 млн. динаров, т. е. 40 млн. дирхемов, достаточно вспомнить, что цифра эта почти равнялась цифре налоговых поступлений в области Фарс за полтора года. Характерно, что если при Сасанидах персов-моряков почти не было, то в X в., по словам Истахри, даже на аравийском берегу Персидского залива почти все моряки и купцы, ведшие морскую торговлю, были персами.

В страны Средиземноморья, Аравию, Индию и Китай из Ирана вывозились караванным и морским путем зерно, хлопок, масло льняное и кунжутное, растительные краски, изюм, финики и всевозможные фрукты — сушеные и в виде маринадов и варений, вино, мед, хузистанский сахар, шелк-сырец, парфюмерные и лекарственные изделия, верблюды и лошади; последние вывозились главным образом в Индию.

Продукцию иранского ремесла, особенно ткани парчевые, шелковые, полушелковые, льняные, хлопчатобумажные и шерстяные, ковры шелковые и шерстяные, а также бронзовые, серебряные и прочие, металлические изделия, фаянс, посуду и т. д. вывозили в Аравию и страны Средиземноморья. По словам Истахри, Сираф служил перегрузочным пунктом для товаров, привозимых из Индии и Китая. Из Индии привозили сюда алоэ, амбру, камфору, драгоценные камни, бамбук, слоновую кость,

¹ Правильнее Хормуз.

² Т. е. организовать купеческие компании.

³ Т. е. грузчиков и матросов.

черное и сандаловое дерево, перец, ароматные растения, лекарственные снадобья и пряности, которыми Сираф снабжал не только весь Иран, но и соседние страны. Во внешней торговле преобладали предметы роскоши, и как ни значительна была эта торговля, она обслуживала преимущественно феодалов и купечество.

Крупной отраслью торговли в Иране была торговля рабами обоого пола. Рабы ввозились из стран Восточной Европы, тюркских степей, Индии, особенно же с западного побережья Африки. По словам персидского анонимного географа конца X в., из стран Закавказья в Иран ввозились рабы румы (греки), армяне, баджанакы (печенегы), хазары, саклабы (славяне); были в Иране также рабы гурцы¹ и индусы. Персидский феодальный домострой «Кабус-намэ» (XI в.) перечисляет известных в Иране рабов следующих народностей: нубийцев, абиссинцев, греков, армян, индусов, тюрков и русов (русских).²

Какие размеры принимала работорговля, можно судить по следующему примеру. По рассказу Истахри, один персидский купец с побережья Персидского залива во время летнего рейса 936 г. н. э. вез на 400 барках, кроме прочего груза, 12 000 темнокожих рабов. Если столько рабов вез один лишь купец и только в один сезон, то можно себе представить, сколько сотен тысяч рабов было вывезено в Иран из Африки в течение столетия. По сообщению Низами Арузи Самарканди, в городе Балхе в XI в. была целая улица или «квартал» торговцев рабами («куй-и бардэ фурушан»).

Видимо, в большинство рабы составляли предмет транзита из тюркских степей и Восточной Европы в арабские страны, а также из Индии и Африки в Среднюю Азию и т. д. Лишь меньшая часть этих рабов оседала в Иране. В сельском хозяйстве и ремесле применение рабского труда, по сравнению с VII—IX вв., очень уменьшилось, хотя еще не исчезло окончательно. Особым видом работорговли была торговля мальчиками и юношами из тюркских степей, предназначенными для службы в конной гвардии гулямов. Их покупали у тюркских кочевников работорговцы из Средней Азии и Ирана; по словам Мирхонда, существовал обычай, — если купец покупал не менее 40 юношей зараз, одного из них ему отдавали даром. Торговля гулямами находилась под контролем государства: купцы обязаны были в первую очередь предлагать их государю, и только тех, которые не приобретались для государя (саманидского или буидского), можно было продавать другим феодалам или выводить на рынок.

§ 5. Феодальные отношения в Иране в X—первой половине XI вв.

Как сказано, описываемый период характеризуется утверждением развитых форм феодализма в Иране. В государствах Саманидов и Буидов продолжали существовать те же виды феодальной собственности на землю и оросительные сооружения, какие сложились еще при арабском владычестве. Но соотношение между этими видами в обоих государствах изменилось: за счет земель государственных, эксплуатировавшихся непосредственно государством, а также мультых, сильно увеличились размеры земель икта⁴. Расширились и вакфные земли. Иначе говоря, за счет безусловных и, следовательно, малоразвитых видов феодальной земельной собственности выросла условная, иерархическая, более характерная для феодализма, следовательно, более развитая форма. По

¹ Из горной области Гур в верховьях р. Хери-руда, жители которой до начала XI в. оставались «идолопоклонниками».

² Русов захватывали в полон во время набегов на Киевскую Русь кыпчаки (половцы) и перепродавали затем купцам из мусульманских стран.

показаниям источников, в Фарсе до X в. преобладали мульковые земли, хотя были и государственные. По сообщению Истахри, лучшие земли (мульки) в Фарсе находились в руках потомков арабских завоевателей. Первое место среди них занимали потомки некоего Ханзалы, ибн Тамима, переселившиеся из Бахрейна и завладевшие обширными землями и многими селениями в окрестностях Истахри; в половине IX в. сумма хараджа с принадлежавших им земель достигала 10 млн. дирхемов в год, т. е. почти $\frac{1}{3}$ всей суммы хараджа, собираемой с Фарса. В Фарсе сохранилось также много старинных дехканских фамилий, владельцев замков; по словам Истахри, в Фарсе было до 5000 замков; их владельцам принадлежали мульковые земли.

По сообщению местных историков Фарса — Ибн ал-Балхи (начало XII в.) и Ибн Зеркуба (XIV в.), в Фарсе до завоевания области Буидами преобладали мульковые земли, но после того эти земли были переданы, уже на правах икта', новым владельцам — военнотружильным людям, на которых опирались Буиды. Преобладающим видом земельной собственности в Фарсе стала икта'.

Земли икта' сильно распространились в течение X в. также в Хорасане. В обоих государствах икта' в X в. юридически не была наследственной, но владельцы земель этой категории стремились превратить их в наследственные. Так, в X в. четыре поколения знатной фамилии Симджуридов владели на правах икта' областью Кухистан. Постепенная закономерная эволюция института икта' из временного бенефиция в наследственный лен, начавшаяся в X в., завершилась между XI и XIII вв.

Площадь государственных земель в Иране теперь уменьшилась, но все еще была значительна. На этих землях государство по-прежнему выступало как непосредственный эксплуататор мелких держателей земли — крестьян, и рента на этих землях совпадала с налогом. Рента-налог (харадж) взималась и в продуктовой форме, в виде доли урожая (мукасама), и в денежной форме, в виде постоянной ставки с определенной площади земли, независимо от размеров урожая. Последняя форма применялась в окрестностях больших городов, т. е. в районах с развитым товарным производством, где продукция сельского хозяйства шла на рынок.

Так, в области Фарс, согласно показаниям географов Истахри и Ибн Хаукаля, самые высокие ставки хараджа на государственных землях были установлены в районе Шираза — крупнейшего центра товарного производства и торговли. Здесь ежегодно с одного «большого джероба»¹ земли, занятой посевами пшеницы или ячменя, взимали 190 дирхемов, посевами бобов — 192 дирхема, люцерны — $237\frac{1}{2}$ дирхема, хлопка — $256\frac{2}{3}$ дирхема, с одного джероба виноградников — 1425 дирхемов. В округе Джур (иначе Фирузабад) ставки равнялись $\frac{2}{3}$ ставок Шираза, в округе Истахр — несколько меньше. С каждой финиковой пальмы, согласно Мукаддаси, в разных местностях южного Ирана взимали от $\frac{1}{2}$ дирхема до 3 дирхемов. Все эти цифры показывают, что по сравнению с временем Сасанидов, ставки хараджа выросли во много раз.

Согласно Истахри и Ибн Хаукалю, ставка хараджа с земли неполивной (орошаемой дождем) составляла $\frac{1}{3}$ ставки хараджа с земли данной местности, поливаемой водой из каналов.² Ставка хараджа с земли, поливаемой водою из колодцев или из реки при помощи подъем-

¹ Гариб (перс.), в арабизованной форме джериб — мера площади земли; малый джериб равнялся 3600 кв. гезов — примерно 2900 кв. м; большой джериб равнялся по-видимому, 3 малым джерибам. Джерибом называли также меру веса зерна = 100 манов.

² По-видимому потому, что урожайность неполивных земель была значительно ниже, чем земель орошаемых.

ного колеса составляла $\frac{2}{3}$ ставки с земли, орошаемой водой из каналов. Орошаемой землей считалась та, которая поливалась на меньше 2 раз в сезон.

Но в то же время в ряде округов Фарса харадж взимался в виде доли урожая — $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$. По словам Истахри, эта форма обложения применялась здесь на землях мульковых, и на землях, принадлежавших государству (в экономически менее развитых районах), которое сдавало эти земли крестьянам на условиях издольной аренды.

Много земель в Фарсе принадлежало государю (буидскому — так называемые земли савафи или хасс), который эксплуатировал их, отдавая в наследственное держание крестьянам, взимая ренту или из доли урожая натурой, или в виде твердых ставок деньгами. С земель икта' харадж целиком взимался в пользу владельцев этих земель.

В X в. в ряде областей Ирана, например в Хорасане, жили еще свободные крестьяне. Это были члены сельских общин, оставшихся свободными, и выделившиеся из общины крестьяне-собственники своих земельных участков. Земли свободных общин и крестьян — мелких собственников именовались мульками, как и безусловная наследственная земельная собственность, принадлежавшая феодалам. Таким образом, одним и тем же термином «мульк» обозначались две по существу разных категории земельной собственности: земли феодалов, эксплуатировавших сидевших на этих землях крестьян, и земли свободных крестьян, которые никем не эксплуатировались. Последняя категория земель в условиях феодального общества являлась пережитком и должна была вскоре исчезнуть.

Положение феодально-зависимых крестьян в Иране в конце IX — начале X в., в результате целого ряда крестьянских восстаний, по-видимому, несколько улучшилось по сравнению с положением, существовавшим при халифах. Больше не было речи о ношении крестьянами на шею ненавистных бирок («печатей»). Буидский государь Азуд-ад-доулэ проводил политику строгой фиксации размеров ренты-налога. Но к концу X в. положение феодально-зависимых крестьян вновь ухудшилось в результате увеличения размеров феодальной ренты.

К концу X в. усилилось наступление феодалов на еще оставшиеся свободными сельские общины и на крестьян — мелких собственников земли. Их земли захватывались феодалами путем судебных процессов либо силой, а крестьяне или превращались в феодально-зависимых издольщиков, или, лишенные земли, становились бездомными бродягами.

Так к концу X в. в основном завершился долгий процесс превращения большинства свободных крестьян Ирана в феодально-зависимых. Одним из путей этого превращения, как и в Западной Европе, была коммендация (араб. *ильтиджа* — «искание покровительства»), т. е. формально добровольная, фактически же вынужденная бедностью и бесправным положением отдача себя под патронат, т. е. покровительство (араб. *ильджа*) крупным и могущественным феодалам. Географы Истахри и Ибн Хаукаль говорят, что в Фарсе были земли, владельцы которых передавали их под «покровительство» знатных людей из окружения государя. Земли переводились на имя этих знатных людей и признавались их собственностью, но фактически оставались в наследственном держании прежних владельцев, которым оставалась $\frac{1}{4}$ урожая с этих земель. Практика коммендации, по упоминаниям источников, существовала и в Хорасане, во владениях Саманидов. Таким путем ранее свободные земледельцы превращались в феодально-зависимых; при этом из мелких земельных собственников они превращались в держателей-издольщиков.

Распространение феодальной зависимости на огромное большинство крестьянства — один из характерных признаков развитого феодального общества.

§ 6. Феодальный город в Иране в X—первой половине XI вв.

Процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, впрочем, далеко не законченный и протекавший менее резко, чем в Западной Европе, и рост товарного производства в IX—X вв. способствовали развитию города нового, феодального типа. Сложение феодального города — также характерный признак развитого феодального общества. Внешне процесс образования феодального города выразился в отмирании в большинстве городов шахристана (перс.; арабский синоним *медина*), т. е. старинной части города с усадьбами дехканской и арабской знати, и в переходе центра хозяйственной жизни города в рабад (араб.; персидский синоним *бирун*), т. е. торгово-ремесленное предместье или новый город. Отмирание шахристанов и рост рабадов изменили социально-экономическую, а вместе с тем и топографическую структуру городов Ирана. Аналогичный процесс в этот же период происходил и в городах Средней Азии. Там сложился тот же тип средневекового города, что и в Иране. Средневековый город в Средней Азии исследован советскими учеными В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовским, М. Е. Массоном, Б. Н. Заходером.

Города Ирана описываемого периода являлись центрами ремесла и торговли. Наиболее крупные города, с сотнями тысяч жителей, более значительные и населенные, нежели средневековые европейские города, лежали на путях караванной и морской торговли, связывавших страны Средиземноморья, Закавказья и Восточной Европы со Средней Азией, Аравией, Индией и Китаем. Самыми крупными и экономически наиболее важными городами Ирана в это время были Нишапур, Рей, Исфахан и Шираз. Важными, хотя и менее крупными, центрами ремесленного производства и торговли были также Херат, Тус, Балх, Кабул, Гурган, Амуль, Хамадан, Кум, Истахр, Фаса, порт Сираф на Персидском заливе, Казерун, Ахваз, Тустер и др.

В городах Ирана создавались ремесленные корпорации типа цехов, зачатки которых, впрочем, существовали еще при Сасанидах, и корпорации купцов. Так, в Нишапуре наиболее влиятельными являлись корпорации шапочников, веревочников, торговцев шелком-сырцом и торговцев шелковыми тканями.

Руководящая роль в городах Ирана принадлежала феодальным землевладельцам местной округи, из старинных иранских дехканов и потомков арабских завоевателей. Эти феодалы, раньше жившие преимущественно в своих замках, теперь жили чаще в городе, чем в своих имениях, где они не вели сами крупного господского хозяйства. Феодалы одновременно были связаны с крупными купеческими компаниями и с крупной оптовой внешней и транзитной торговлей. Часть своих доходов от феодальной ренты они передавали в виде вкладов крупным купеческим компаниям, а те возвращали этим феодалам их долю прибыли товарами, чаще всего текстильными. Такое сближение некоторых групп феодалов с крупным купечеством — характерное явление в истории Ирана и ряда соседних стран Востока. Поэтому здесь, в отличие от средневековой Западной Европы, крупное купечество не противопоставляло себя феодалам и не боролось с ними, а наоборот, совместно с феодалами боролось против движений ремесленников и городской бедноты.

В результате такой группировки общественных сил, ремесленные корпорации в городах Ирана были гораздо слабее, чем в городах Западной Европы. Они не смогли добиться цеховой монополии в городах и не

могли по своему желанию устанавливать рыночные цены на продукцию ремесла, как это было на Западе. Источники сообщают, что когда в городе Газне корпорация булочников пыталась установить новые цены на хлеб, султан Махмуд Газневид приказал бросить старшину корпорации под ноги слонам.

Городские власти — раис (градоначальник), казий (духовный судья и глава духовенства округа), имам соборной мечети, мухтасиб (цензор нравов, надзиравший за базарами, общественной жизнью и нравственностью горожан), асас (начальник ночной стражи) и др. выдвигались из местной знати. Общегородского самоуправления в Иране, как и других странах Передней и Средней Азии, не было, благодаря противодействию феодалов, поддерживаемых крупным купечеством. Самоуправление существовало в рамках отдельных кварталов городов, внутри ремесленных, купеческих и духовных корпораций, имевших своих выборных старшин, подчиненных городскому раису. Объединенные в корпорации ремесленники, состоящие из мастеров (уstad), подмастерьев (халифэ) и учеников (шагирд), юридически были свободны. Но в ряде городов они продолжали платить ренту-налог изделиями своего ремесла в пользу государства или местных феодальных владетелей.

Центром общественной жизни города был базар, точнее целый ряд базаров. Средоточием базаров был обычно покрытый куполом перекресток главных улиц, называемый чарсу (перс.; арабский синоним — *мунрабба'а*). Вокруг и вблизи чарсу происходила крупная оптовая торговля, в специальных зданиях — караван-сараях (перс.; греческий синоним — *фундук*). Караван-сарай служили одновременно гостиницами для приезжих и иногородних купцов, складами товаров и биржами оптовой торговли. В Исфахане в середине XI в., по словам крупного поэта и путешественника Насир-и Хосрова, только на одной улице было 50 больших караван-сараяев. Обычно каждая купеческая компания имела свой караван-сарай.

Так как возить с собой большие суммы денег купцам было трудно и небезопасно, — по дорогам орудовали разбойники, — то крупная оптовая торговля производилась обычно при помощи чеков. Самое слово «чек» персидского происхождения. Купец, уезжая в другой город, сдавал деньги на хранение одному из менял (араб. *сарраф*), получая от него чек, который оплачивался саррафами того города, куда купец прибывал. Писатель XI в. Абу Шуджа сообщает, что чеки, выданные известными богатыми купцами в Магрибе, учитывались в Средней Азии быстрее, нежели правители могли собрать харадж в казну. Упомянутый уже Насир-и Хосров описывает крупную оптовую торговлю так: приезжий купец сдавал привезенный им товар саррафу и получал от него расписку (т. е. чек), затем купец закупал нужные ему товары, оплачивая их стоимостью чеком, и за все время, пока находился в городе, пользовался только расписками менял, не прибегая к звонкой монете.

Мелкая розничная торговля местными ремесленными изделиями производилась на деньги. Ремесленные изделия в розницу продавались прямо в мастерских, служивших вместе с тем и лавками. Слово *дуккан* (араб.) означало поэтому и мастерскую ремесленника, и лавку. Чаще всего мастера одного и того же ремесла жили в особом квартале, и там же находились их дукканы; были кварталы шелкоткачей, шерстоткачей, медников, красильщиков, оружейников, гончаров, ювелиров, кожевников и т. д. Предметы продовольствия привозились на городские базары крестьянами из соседних рустав (сельских волостей). На базары Исфахана, например, ежедневно доставлялось и там продавалось до тысячи баранов и ста быков; ежегодно там же для засола продавалось до ста тысяч баранов. По этим цифрам можно судить о населенности города.

В X в. сложился тип мусульманской духовной школы — медресэ (араб. — *место, где ведется преподавание*), средней или высшей. В городах создавались сильные духовные корпорации мусульманских богословов и сейидов, со своими старшинами. Мечети и медресэ владели на вакфном праве лавками и даже целыми базарами и получали доход от ремесленников и торговцев.

Таким образом, в городе X—XII вв. было четыре основных центра общественной жизни: шахристан с дворцами и усадьбами феодальной знати; медресэ, мечети и другие мусульманские религиозные учреждения с духовными корпорациями; чарсу (мурабба'а) с караван-сараями, крупным купечеством и оптовой торговлей; наконец, кварталы ремесленников с их корпорациями и второстепенные базары с мелкой розничной торговлей.

Внешний облик ряда городов Ирана описан географами X в., особенно Истахри и Мукаддаси. Величайший город Ирана — Нишапур был расположен на площади 1 кв. фарсанга, т. е. около 40 кв. км. Согласно Мукаддаси, в Нишапуре было 44 квартала, и некоторые из них по площади равны были половине Шираза. Нишапур был обширнее Фустата (в Египте) и населеннее Багдада; это значило, что население его во всяком случае исчислялось в несколько сот тысяч человек. По словам того же автора, Нишапур был ярмаркой для Фарса, Синда и Кермана, складочным местом для товаров Хорезма, Рейя и Гургана. Город состоял из шахристана и рабада, больших улиц было около пятидесяти. Крупная оптовая торговля сосредоточивалась на двух главных базарах, находившихся в рабаде, «Большом базаре» (Мурабба'ат ал-кабира) к востоку от соборной мечети и «Малом базаре» (Мурабба'ат ас-сагира) к западу от нее. Оба эти чарсу были окружены фундаками (караван-сараями) с товарными складами. Но, описывая Нишапур, Мукаддаси говорит также: «Улицы грязны, ханы (т. е. караван-сарай) в беспорядке, баи нечистые, лавки скверные и стены неровные. Ему постоянно сопутствуют беды, и с ним водит дружбу дороговизна. В нем мало зелени для еды и дров, тяжелые заработки и дороговизна». Жалобы на антисанитарию и грязь, скученность и тесноту, дороговизну встречаются у Мукаддаси при описании Шираза и других городов. В городах было много деклассированных элементов из разорившихся крестьян, бедствовавших и перебивавшихся случайными заработками. Существовали корпорации нищих (гасийан).

О населенности городов мы имеем лишь немногие достойные доверия известия источников. Балх — город не из самых больших — к началу XIII в. насчитывал около 200 тыс. жителей. Четверть населения составляли духовные лица, богословы и законоведы с семьями и челядью, преподаватели и студенты медресэ. Второстепенный город Арраган в Фарсе в середине XI в. насчитывал до 40 000 жителей. Считавшийся малым город Пенджхир, по соседству с серебряными рудниками, в X в. имел 20 000 жителей.

§ 7. Государство Буидов. Азуд-ад-доулэ

Все три брата Буида вели свои завоевания (см. выше) в интересах своего дома в целом, были дружны между собой и добровольно признавали главенство старшего из них Имад-ад-доулэ Али. Территории же, завоеванные каждым из братьев, рассматривались как его удел и сохранялись за его потомками. Фарс был владением Имад-ад-доулэ Али, Ирак Арабский, Хузистан и Керман принадлежали Му'йыз-ад-доулэ Ахмеду, Рей, Хамадан, Исфахан с их областями были уделом Рукн-ад-доулэ Хасана. После смерти последнего из братьев — Хасана (976 г.) между

Буйдами второго поколения начались междоусобные войны. В этой борьбе выдвинулся сын Хасана — Азуд-ад-доулэ Фенна Хосров (правил в 949—983 гг.), который не только подчинил себе почти все владения других Буйдов, но и значительно расширил пределы Буйдского государства. При Азуд-ад-доулэ государство Буйдов достигло высшего могущества. От своего дяди, Али, Азуд-ад-доулэ получил во владение Фарс. В 977 г. он захватил принадлежавшие его двоюродному брату Ахваз, Керман и Ирак Арабский и вошел в Багдад. Имя его стало упоминаться в хутбе на пятничном богослужении после имени халифа. Азуд-ад-доулэ впервые после арабского завоевания принял старинный персидский титул шаханшаха. Его связи с халифом были закреплены женитьбой халифа на его дочери. Азуд-ад-доулэ подчинялись Ирак и весь Иран до Синда, кроме принадлежавших Саманидам Хорасана, Систана, Табаристана. В Аравии его влияние распространялось не только на Оман, но даже на далекий Йемен. В 981 г. посланное Азуд-ад-доулэ посольство было принято в Константинополе.

Средневековые феодальные историки видели в Азуд-ад-доулэ идеального правителя, считали его самым знаменитым среди правителей своего времени, энергичным и предприимчивым, способным полководцем, опытным государственным деятелем, вникавшим лично во все дела управления, покровителем поэтов и ученых, строителем дворцов и других зданий.

Вот как рисуют историки распорядок его дня. Азуд-ад-доулэ вставал рано утром, шел в баню, одевался и, совершив молитву, открывал прием. На приеме он подробно расспрашивал о выполнении везиром данных ему приказов, о текущих делах; после везира в приемной появлялся казначей. Затем прибывала государственная почта от наместников. Специальный секретарь распечатывал донесения и записывал соответствующие решения. После обеда Азуд-ад-доулэ снова занимался государственными делами.

Азуд-ад-доулэ расширил и украсил свою столицу Шираз, где построил для себя великолепный дворец из 360 комнат. Один большой зал был занят библиотекой, которая могла соперничать с библиотекой Саманидов в Бухаре, описанной Ибн Синой в его биографии. По словам Мукаддаси, Азуд-ад-доулэ собрал все известные тогда книги по всем отраслям науки; книги хранились не в сундуках, как в бухарской библиотеке, а в особых нишах длиной в человеческий рост и шириной в два метра, устроенных вдоль стен зала и представлявших комнатки из дерева с отдельными дверьми для каждой. Книги были сложены на досках, по-видимому — на полках; в каждой подобной комнатке были книги по какой-нибудь одной отрасли науки; иногда для одной отрасли было несколько комнаток. Сам Мукаддаси в своем сочинении довольно часто ссылается на рукописи, которыми он пользовался в ширазской библиотеке.

Хотя Багдад уже не являлся столицей и Ирак Арабский рассматривался как одна из провинций, Азуд-ад-доулэ много сделал для украшения этого города. Он построил там прекрасный госпиталь, одновременно выполнявший функции медицинского факультета. Во многих городах государства были возведены мечети, мавзолеи, общественные здания. В Багдаде по приказу Азуд-ад-доулэ были очищены заброшенные каналы и колодцы, а недалеко от Шираза, как сказано выше, возведена плотина на р. Кур.

Азуд-ад-доулэ был чужд религиозного фанатизма. При его дворе одинаковым покровительством пользовались ученые, поэты (например, гениальный арабский поэт Мутанабби), философы всех направлений. Ему была посвящена «Книга объяснений» крупнейшего грамматиста

Абу Али ад-Фариси. Во всей культурной строительной и благотворительной деятельности Азуд-ад-доулэ имел верного помощника в лице своего христианина—везира Насира ибн-Харуна, который, с разрешения халифа, воздвигал и восстанавливал христианские церкви и монастыри.

§ 8. Буиды после Азуд-ад-доулэ

По мере развития процесса феодализации проходил распад Буидского государства на отдельные уделы. Завоеванные тремя братьями территории, с самого начала не составившие единого централизованного государства и рассматривавшиеся как уделы каждого из них, затем дробились между его потомками. Члены династии в своих уделах были совершенно самостоятельны. Азуд-ад-доулэ только на короткий срок удалось подчинить своей власти владения других Буидов. Но сразу после его смерти началась междоусобная борьба между его тремя сыновьями. Пользуясь этим, их дядя Фахр-ад-доулэ сумел восстановить свою власть в Исфахане, Рейе, Хамадане и закрепить этот удел за своими потомками.

Общепризнанного главы династии Буидов больше не было. Борьба трех сыновей Азуд-ад-доулэ за преобладание в остальных владениях кончилась победой одного из них — Беха-ад-доулэ. После его смерти (1012 г.) его четыре сына, также воевавшие между собой, уже не смогли удержать Ирак Арабский. Слабость политических и экономических связей, рост феодальной раздробленности и междоусобия привели к полному распаду государства Буидов. Территории, находившиеся под властью отдельных буидских правителей, ослабевших экономически и политически, стали добычей других завоевателей. В 1029 г. грозный Махмуд Газневид захватил Рей, Хамадан и Исфахан. Остальные владения Буидов позже были завоеваны сельджуками.

§ 9. Хорасан под властью государства Саманидов

Около ста лет (900—999 гг.) Хорасан и другие области Восточного Ирана находились в составе таджикского государства Саманидов, центр которого был в Средней Азии. В Систане уцелели владения Саффаридов, но лишь как вассалов Саманидов.

Социально-экономическое развитие Восточного Ирана шло по тем же линиям, что и в Западном Иране. Первые четыре десятилетия X в. отмечены карматскими движениями в Хорасане, как и в Средней Азии. Движения эти доныне почти не изучены. Известным проповедником карматства здесь был Мухаммед Нахшеби. Карматство распространялось в среде ремесленников и крестьян, но это движение пытались использовать для достижения власти отдельные представители высших классов. Например, саманидский государь Наср II ибн Ахмед (правил в 914—943 гг.) вошел в сношения с карматами, задумав воспользоваться их поддержкой в целях борьбы с центробежными стремлениями феодалов и укрепления своей власти. Эта попытка, однако, привела лишь к тому, что Наср II лишился престола. Сын и преемник его Нух II (943—954 гг.), опираясь на «правоверное» (суннитское) духовенство и зная, открыл кровавые гонения на карматов. Карматское движение в Хорасане было подавлено.

Вторая половина X в. занята борьбой саманидского правительства с центробежными стремлениями хорасанских дехканов. Центральная власть пыталась противопоставить дехканам и дехканскому феодальному ополчению тюркскую гвардию гулямов и новую военную знать из верхушки гулямов. Но эта верхушка, после того, как ее наделили зем-

лями икта', вскоре заняла по отношению к центральной власти такую же позицию, как и старинная дехканская знать. Преодолеть феодальную раздробленность Саманиды, разумеется, не могли. Напротив, она еще усилилась благодаря распространению земель икта' за счет государственных земель.

Центральное управление в государстве Саманидов состояло из десяти ведомств-диванов. Такие же диваны областного значения были при саманидском наместнике Хорасана. Это были: диван везира; диван финансов, ведавший сбором налогов; диван внешних сношений; диван гвардии; диван начальника почты (сахиб-берида), ведавший также секретной агентурой; диван мушрифа (ведомство контроля); диван главного казия; диван главного мухтасиба;¹ диван собственных земель государевой фамилии; диван вакфов (имущество религиозных учреждений). Войско состояло из гвардии гулямов и феодального ополчения. При этом целый ряд крупных феодальных владений не вносили хараджа саманидскому государю и имели почти независимое внутреннее управление.

Военная знать из верхушки тюркских гулямов часто поднимала мятежи. В 962 г. полководец Алп-тегин, выходец из тюркских гулямов, владевший почти 500 селениями, на правах икта' или мульты, 1 000 000 голов овец и до 100 000 голов лошадей, мулов и верблюдов, попав в опалу при саманидском дворе, бежал в Газну и основал здесь фактически независимое княжество. Одним из преемников Алптегина в Газне был его бывший гулям тюрк Себук-тегин (правил в 977—997 гг.), который явился основателем династии Газневидов (977—1186 гг.). К концу своего правления Себук-тегин, пользуясь ослаблением Саманидского государства, занятого борьбой с наступающими с севера и северо-востока тюркскими племенами карлуков, ягма и др., объединившихся под властью династии Караханидов, распространил свою власть на большую часть нынешнего Афганистана и Хорасана.

§ 10. Газневидское государство

Хотя основание самостоятельного государства со столицей в Газне относится еще к 962 г. и связано с именем мятежного по отношению к Саманидам военачальника Алп-тегина, действительному могуществу своему и значению оно обязано Себук-тегину, а затем сыну последнего, Махмуду (998—1030 гг.).

Русскому и советскому востоковедению принадлежит заслуга изучения истории этого государства. Труды академика В. В. Бартольда, а затем А. Ю. Якубовского выяснен ряд наиболее важных вопросов, касающихся этого государства, как в политическом, так и в общественно-социальных отношениях.

Когда государство Саманидов прекратило свое существование под ударами караханидских тюрков (999 г.), прежние саманидские владения к северу и северо-востоку от р. Аму-Дарьи (Мавераннахр и др.) вошли в состав Караханидского государства, а области к югу и юго-западу от Аму-Дарьи (Хорасан, Табаристан, Систан и нынешний Афганистан) были захвачены Махмудом Газневидом и вошли в состав Газневидского государства. Усилившееся благодаря этому государство Газневидов стало играть важную роль в истории Ирана.

Махмуд воевал с ослабевшими Буидами, стремясь распространить свою власть и на области Западного Ирана. Он подчинил Рей и Исфахан с их областями, и местные правители вынуждены были признать его вер-

¹ О должностях казия и мухтасиба см. выше, стр. 139.

ховную власть. Кроме того, Махмуд завоевал горную область Гур в верховьях реки Хери-руда, которую не могли покорить ни арабские полководцы, ни правители Хорасана.

Большую часть своего тридцатилетнего правления Махмуд провел в военных походах. Основным объектом военных походов явились северная область Индии, где они проходили под лозунгом «священной войны» с индийскими «идолопоклонниками» и распространения ислама в Индии. Семнадцать походов, которые были совершены Махмудом в эту сторону, значительно расширили границы его первоначальных владений. Войны эти, как правило, сопровождались невиданным ограблением захваченных областей и вывозом в столицу Газну грандиозных богатств и сотен тысяч рабов. Награбленные богатства дали возможность Махмуду превратить ранее незначительный город Газну в одну из блестящих столиц того времени.

Успехам своим Махмуд был обязан в значительной мере организацией военной силы. Как и в Саманидском государстве, основу последней составляла гулямская гвардия из купленных тюркских рабов, среди которых, в отличие от гулямской гвардии халифата и Саманидского государства, Махмуд сумел поддерживать дисциплину на весьма высоком уровне. Гулямская гвардия явилась тем орудием, с помощью которого Махмуду удалось и осуществлять обширные завоевательные экспедиции и одновременно держать в повиновении народные массы в своих обширных владениях.

Наряду с гулямской гвардией, Махмуд сумел в полной мере использовать для своих захватнических и грабительских походов и добровольцев, так называемых газиев — «борцов за веру».

Как выяснено А. Ю. Якубовским, привлечение в качестве военной силы многочисленных «борцов за веру», имело не только военное значение, но явилось также выражением определенной социальной политики, проводившейся Махмудом. Привлекая обезземеленных крестьян в ряды газиев и обманывая их надеждами обогатиться из военной добычи, захваченной в Индии, из которой на самом деле на их долю доставались только крохи, правительство Махмуда стремилось затушевать классовые противоречия и ослабить недовольство народных масс. Движение газиев должно было служить тем отводным каналом, который отвлекал наиболее энергичные элементы эксплуатируемых трудовых масс города и деревни в безопасное для власти феодалов русло. Газии после походов или оставались на границах завоеванных областей, или же возвращались на родину с награбленным имуществом, становясь таким образом соучастниками этого узаконенного грабежа.

Что касается широких народных масс — трудового населения деревень и городов, то для них успехи оружия Махмуда и блеск его двора не только не принесли облегчения, а наоборот, ухудшили их положение. Как ни велика бывала добыча, привозимая из походов, она не могла покрывать громадные расходы на содержание войска, двора и удовлетворять выросшие аппетиты придворных кругов и всей военно-феодальной верхушки.

Тяжесть налогового бремени еще больше усилилась, ибо для подготовки и организации нападений на Индию постоянно взимались «чрезвычайные» налоги. Даже придворные летописцы вынуждены сообщать факты, когда при взимании налогов подданных «обдирали, как баранов». Увеличением размеров ренты-налога и имевшими место при взимании ее злоупотреблениями и вымогательствами чиновников следует объяснить и приводимые историками факты запустения многих деревень и даже целых районов, упадка оросительных систем. Общераспространенным в основных областях страны явлением стало сильное обесцене-

ние земли, что вообще редко наблюдалось в странах с интенсивными формами земледелия. Частым явлением были недороды, которые приводили к массовой гибели от голода жителей как в городах, так и в деревнях.

Махмуд, как выяснил В. В. Бартольд, с исключительной последовательностью проводил в жизнь феодальный принцип, согласно которому крестьяне и горожане рассматривались только как податное сословие. Согласно рассказу историка Абу-л-Фазля Бейхаки, жителям г. Балха было поставлено в упрек даже то, что они, в отсутствие Махмуда, оказали сопротивление нашествию внешнего врага — караханидского войска. Историк передает следующие слова, сказанные по этому поводу Махмудом: «Какое дело подданным до ведения войны? Естественно, что ваш город был разрушен, и что они (враги) сожгли принадлежавшее мне имущество, приносявшее столько дохода. Следовало бы взыскать с вас возмещение за убытки, но мы вас простим. Однако впредь не делайте этого. Если какой-нибудь царь оказывается сильнее и требует от вас податей и охраняет вас, то вы должны уплатить подати и этим спасти себя». Таким образом, население рассматривалось только как платежная сила.

Вместе с тем, на общем фоне политической жизни того времени Махмуд несомненно выделялся энергией и незаурядными качествами, как полководец и правитель. Блестящая столица его государства привлекала со всех сторон караваны купцов. Искусные ремесленники находили здесь приложение своему мастерству. Нельзя не отметить и то, что время правления Махмуда отмечено рядом общекультурных достижений. Впрочем, значение указанных положительных явлений никоим образом не следует переоценивать, ибо они характеризуют лишь фасадную сторону государственного устройства Газневидского государства в момент его высшего могущества. За этим фасадом скрывалось глубочайшее недовольство разорительным для трудовых масс управлением, обостренные социальные противоречия. Социальная слабость государственной системы, созданной Махмудом, обнаружилась очень скоро после его смерти, при сыне его Мас'уде (правил в 1030—1041 гг.).

Придя к власти в результате борьбы с другим претендентом за престол — братом Мухаммедом, Мас'уд оказался зависимым от той военной и чиновной придворной верхушки, которая поддержала его. Изнеженный и развращенный в молодости, Мас'уд и по восшествии на престол значительно больше занимался гаремом и пьянством, чем государственными делами. Вся власть в столице, и в провинции фактически оказалась в руках бездарных, но жадных чиновников. Продажный чиновничий аппарат очень скоро обнаружил в полной мере свое разлагающее влияние на ход государственной жизни и фактически привел государство к катастрофе.

О степени произвола, насилий и беззакония, которыми характеризуются годы правления Мас'уда, можно составить представление по положению, создавшемуся в Хорасане — важнейшей провинции Газневидской державы. В это время здесь в качестве наместника находился некий Абу-л-Фазль Сури. Характеристика этого наместника и вызванных его деятельностью последствий дана у Абу-л-Фазля Бейхаки. «Сури, — писал он, — был человеком свирепым и жестоким. Когда ему развязали руки по отношению к Хорасану, он уничтожил всех вельмож и раисов и забрал безмерное количество денег. Бедствие его гнета постигло слабых. Посылкой богатейших даров придворным чинам и самому эмиру он сумел снискать полное доверие со стороны последнего, и беспрепятственные жалобы на него не давали никаких результатов. Эмир (Мас'уд) не слушал ничьих речей, [направленных] против него (Сури), и смотрел

на эти дары, как на его излишек, пока Хорасан воистину не пропаде из-за его тиранства и жадности». Нет основания сомневаться, что и в остальных областях Газневидского государства положение было не лучшим.

Со смертью Махмуда мощь государства стремительно стала падать. Вскоре по воцелествии на престол Мас'уда отложился от газневидского государства Хорезм, отдельные правители Средней Азии (Мавераннахр) из династии Караханидов вторглись в области по верхнему течению Аму-Дарьи, принадлежавшие Газневидам.

Внутренние противоречия, разложение государственного аппарата, сепаратизм местных феодалов и ослабление военной мощи Газневидского государства послужили условиями, обеспечившими успех движению огузов под предводительством Сельджукидов.

§ 11. Огузы и образование государства Сельджукидов

Тюркские кочевые племена, носившие имя огузов, с древних времен занимали обширные степные районы в низовьях р. Сыр-Дарьи и между Аральским и Каспийским морями. Они упоминаются уже в VIII в. н. э. в китайских источниках. Огузов впоследствии стали именовать также туркменами; арабские авторы именовали их гуззами. Согласно сообщениям источников, в X в. у огузов наблюдается интенсивный процесс разложения первобытно-общинного строя и формирования классового общества.

Формирование классового общества у огузов шло, в основном, по тому же пути, что и у остальных тюркских кочевых объединений Средней Азии. Сперва древняя родовая кочевая община, в результате роста производительных сил, сменилась так называемой аульной кочевой общиной, которая владела сообща только землею (пастбищами), скот же находился в частной собственности отдельных семейств. Накопление поголовья скота у богатых кочевников, частью в связи с ростом производительных сил, частью в результате войн и захвата военной добычи, усиливало имущественное неравенство внутри племен и приводило к выделению кочевой знати. Влияние кочевой знати укреплялось благодаря тому, что она руководила организованными передвижениями кочевников со стадами, распределением пастбищных земель, охраною скота от нападений соседей и, наконец, организацией грабительских набегов на соседние племена или на земледельческие оазисы. Все это создавало почву для складывания классов и феодальной иерархии. Переход к знати прав распоряжения пастбищами был связан с возникновением феодальной собственности на землю и установлением зависимости феодального типа рядовых кочевников от кочевой знати. Рабство у тюркских кочевников не развилось в господствующий способ производства и осталось лишь в виде уклада. Эксплуатация рядовых кочевников знатью прикрывалась патриархальной оболочкой родоплеменных обычаев.

Во второй половине X в. среди огузов, карлуков и других тюркских кочевников стали складываться государственные объединения. Среди них наибольшее историческое значение имело Сельджукидское объединение огузов, названное так по имени полулегендарного вождя Сельджука из огузского племени кынык, ставшего родоначальником династии Сельджукидов; признававших власть этой династии огузов стали называть сельджуками. Во второй половине X в. сельджукские огузы, как и другие тюркские племена Средней Азии, приняли ислам. Это объяснялось тем, что феодализирующейся военно-кочевой знати нужна была новая идеология вместо прежнего примитивного шаманства. Поэтому ханы и

знать тюркских племен приняли религию соседних развитых феодальных обществ — ислам.

Феодализирующиеся кочевые аристократы, обладатели огромных стад, испытывали недостаток в пастбищах. Но не это одно, а главным образом стремление кочевой знати к захвату военной добычи и к завоеваниям земледельческих оазисов в целях феодальной эксплуатации их оседлого населения вызвало завоевательное и миграционное движение тюркских племен в земледельческие области Средней Азии (карлуков и других караханидских тюрков) и Ирана (огузов).

Сперва сельджукские огузы кочевали на нижней Сыр-Дарье. К концу X в. они откочевали в Мавераннахр, в район Нуратинских гор. Во главе этих огузов в то время стояли братья Тогрул-бек Мухаммед и Чагры-бек Давуд — внуки Сельджука.

Переход Мавераннахра под власть караханидских тюрков привел к столкновению их с сельджукскими огузами. Отношения между теми и другими настолько обострились к 20-м годам XI в., что огузы вынуждены были выселиться. Предводители их обратились к Махмуду Газнеvidу с просьбой разрешить им поселиться на территории Хорасана. Взамен они обещали нести военную службу. Махмуд дал разрешение огузам поселиться в районе между Серахсом и Абивердом, в Северном Хорасане. Речь шла о небольшой группе огузов, насчитывавшей 4000 семей. Но вслед за первой партией переселенцев двинулись и другие группы. Это принявшее очень скоро большой размах движение усилилось после смерти Махмуда.

Уже в первые годы правления Мас'уда на севере Хорасана появилось значительное тюркское (огузское) население.

Начались столкновения между воинственными кочевниками и мирным земледельческим населением. С каждым годом сельджукская военно-феодалная знать все более и более настойчиво требовала от Мас'уда уступки новых земель.

В 1035 г. положение в Хорасане стало очень напряженным. Против сельджукских огузов оказался вынужденным выступить в поход во главе отборного войска сам султан Мас'уд. Но после того, как крупный отряд войска Мас'уда был разбит сельджуками, Мас'уд согласился передать им для поселения районы Несы, Феравы и Дехистана. Но эти уступки не надолго удовлетворили сельджукскую знать. Вскоре она потребовала себе также район Мерва. В ответ Мас'удом было выслано новое войско, но и на этот раз оно потерпело полное поражение, после чего сельджуками без боя был занят Нишапур, где на имя Тогрул-бека и была прочтена хутба в мечетях.

1038 год, когда произошло это событие, считается началом образования государства Сельджукидов, хотя борьба их с Газневидами еще не была завершена. Вскоре Мас'уду удалось вытеснить сельджуков из Нишапура. Вслед за этим Мас'уд во главе многочисленного войска, которому были приданы слоны, выступил против сельджуков. Громоздкое феодальное ополчение Мас'уда, в котором не было внутреннего единства и нужной дисциплины, еще до встречи с сельджуками находилось в состоянии полного развала. В мае 1040 г. в однодневной битве под Данданаканом оно оказалось разбитым наголову сельджуками. Сам Мас'уд едва спасся бегством.

Эти военные неудачи объясняются внутренней слабостью государства Газневидов. Ненависть народных масс к правительству Мас'уда сделала его положение еще более непрочным. После битвы при Данданакане Хорасан полностью оказался в руках Сельджукидов; Тогрул-бек сел на престол в Нишапуре, а Чагры-бек — в Мерве. Под властью Газневидов осталась только часть нынешнего Афганистана и Пенджаба.

Еще до того, как окончательно выяснился исход борьбы за Хорасан между Газневидским государством и сельджуками, отдельные отряды огузов стали проникать на запад, в глубь Ирана (с 1021 г.). Движение это первоначально происходило стихийно. Во главе каждой группы кочевников стоял предводитель, действовавший на свой страх и риск. После того, как Хорасан перешел в руки сельджукских предводителей, завоевательное движение на запад приняло более организованный и систематический характер. Предводительствовали сельджукскими ополчениями Тогрул-бек и его дядя Ибрахим Янал. В Хорасане в качестве «владельца Востока» остался Чагры-бек.

К этому времени на западе Ирана не было политической и военной силы, которая могла бы противостоять продвижению туркменских отрядов. Между 1040 и 1050 гг. сельджукскими предводителями были завоеваны центры Ирана — Рей, Исфахан, Хамадан и другие. Рей на время стал столицей Тогрул-бека.

Одновременно под властью Сельджукидов оказались на севере Хорезм, на востоке Херат, на юге Систан и Керман. Несколько позже был захвачен Фарс. Особенно многочисленные группы огузов двинулись в сторону Азербайджана и вторглись в Верхнюю Месопотамию и Армению, где их привлекали великолепные нагорные пастбища. Важным этапом в распространении владычества Сельджукидов явился захват в 1055 г. Тогрул-беком Багдада. Падение этой последней твердыни буидской династии открыло дорогу сельджукам в Хузистан. Весь Иран был занят войсками Сельджукидов. После захвата Багдада Тогрул-беком на его имя была провозглашена халифом хутба. Тогрул-бек понудил халифа Каима дать ему титул султана и женился на внучке халифа. За халифом осталась по-прежнему призрачная духовная власть.

Движение на запад с взятием Багдада не приостановилось. Сельджукидам вынуждена была подчиниться Верхняя Месопотамия, они начали производить грабежи и захваты и во владениях Византии — в Армении и Малой Азии.

В 1059 г. умер Чагры-бек, и Тогрул-бек до конца жизни (1063 г.) оставался единственным главой Сельджукидского государства, границы которого в это время простирались от Аму-Дарьи до Евфрата. Продолжались завоевания и при племяннике Тогрул-бека, Алп-Арслане, сыне Чагры-бека (1063—1072 гг.), провозглашенном султаном, в виду отсутствия мужского потомства у Тогрул-бека. Важнейшим событием его правления был разгром византийского войска при Маназкерт (греч. Манцикерт) в Армении (1071 г.). После этого в течение десяти лет сельджуки захватили не только Армению, но и почти всю Малую Азию. Сельджуками были захвачены также Азербайджан, Ширван, Восточная Грузия, Сирия, Палестина.

Воинственной политики придерживался Алп-Арслан и по отношению к владениям Караханидов в Мавераннахре. В 1072 г. Алп-Арслан из Мерва двинулся во главе мощного войска в сторону Бухары. Однако поход этот не был завершен вследствие убийства Алп-Арслана, сразу же после переправы через Аму-Дарью, пленным комендантом одной из караханидских крепостей. Войско вернулось в Мерв.

Временем высшего политического могущества Сельджукидского государства считается двадцатилетие правление Мелик-шаха (1072—1092 гг.), сына Алп-Арслана. Ему удалось подчинить и обложить данью владения Караханидов Мавераннахра. Границы империи Сельджукидов достигли к концу его правления Средиземного и Мраморного морей на западе и Кашгара на востоке, Аральского моря, Главного Кавказского

хребта и Черного моря на севере, Персидского залива и Сирийской пустыни на юге.

§ 13. Государство Сельджукидов и Низам-ал-мульк

Не имея опыта управления большими культурными странами, сельджукидские султаны вынуждены были организовать административный и финансовый аппарат из тех кадров чиновников, по преимуществу иранского происхождения, которые в результате распада прежних государств — Газневидов и Буидов — остались не у дел. Иранская чиновная и духовная знать быстро примирилась с владычеством сельджукидских султанов. Мало того, поскольку огузская военная знать, получив земли икта', стала проявлять центробежные стремления, султаны стали опираться на иранскую чиновную знать, связанную с центральным государственным аппаратом и заинтересованную в существовании сильной султанской власти.

Наиболее замечательной фигурой среди иранской чиновной знати и ее идеологом был знаменитый везир султанов Алп-Арслана и Мелик-шаха, Абу Али Хасан Туси, получивший почетный титул «Низам-ал-мульк». Вдохновитель внешней политики Алп-Арслана и Мелик-шаха, он одновременно являлся организатором всего гражданского управления и финансов в государстве.

Для суждения о характере его политики особое значение имеет широко известный политический трактат «Сийасет-намэ» («Книга о правлении»), авторство которого приписывается самому Низам-ал-мульку.¹

В этом сочинении Низам-ал-мульк выступает убежденным сторонником иранской традиции централизованного государства, образцами которого в недалеком прошлом он считал государства Газневидов, Саманидов и Буидов, а в более отдаленном — державу Сасанидов. Он представлял внутреннюю политику этих государств в идеализованном виде и резко выступал против феодальной раздробленности. Но централистская политика Низам-ал-мулька шла вразрез с закономерным процессом феодального развития и потому оказалась неудачной.

Время султанов Алп-Арслана и Мелик-шаха, при которых Низам ал-мульк управлял государством, наполнено было острой борьбой именно с сепаратистскими стремлениями как отдельных членов династии, так и ряда наиболее видных военачальников и предводителей некоторых огузских племен. Эти высшие представители огузской военной знати стремились превратить свои земельные владения — икта' в почти самостоятельные княжества. Под давлением этих кругов Низам-ал-мульк и был отстранен, незадолго до смерти, от своего поста везира.

§ 14. Распад Сельджукидского государства

Сельджукиды могли лишь на короткое время объединить страны и области со слабыми экономическими связями и с этнически разнородным населением. Они не могли остановить закономерный процесс роста феодальной раздробленности. Уже при Тогрул-беке образовался особый Керманский Сельджукидский султанат (1041—1187 гг.), в котором правили потомки Каверда, племянника Тогрул-бека. Особый Сельджукидский султанат, так называемый Румский, образовался в Малой Азии (1077—1307 гг.). Здесь утвердились потомки Кутулмышы, двоюродного брата Тогрул-бека.

Смерть Мелик-шаха (1092 г.) вызвала острую междоусобную борьбу членов династии за власть.

¹ О Низам-ал-Мульке см. в § 2 настоящей главы.

Междоусобица длилась в течение более чем двух десятилетий. После смерти двух главных претендентов—Махмуда и Баркйарука, сыновей Мелик-шаха, в 1118 г. оставшиеся в живых сыновья Мелик-шаха Синджар (или Санджар по другому чтению) и Мухаммед договорились о разделе государства. В восточных областях Ирана власть досталась Синджару (султанат Великих Сельджукидов). Западный Иран и Ирак Арабский остались за Мухаммедом (Иракский Сельджукидский султанат, 1118—1194 гг.).

В обоих сельджукидских султанатах центробежные тенденции получили полный простор. В частности, на ряд княжеств, во главе которых иногда оказываются лица, даже не принадлежавшие к династии Сельджукидов, распался Западный Иран.

В своем султанате (Хорасан, Систан, Хорезм, Мервский оазис) Синджар правил с 1118 до 1157 г. Верховная власть Синджара признавалась также и в Мавераннахре, где на престоле Караханидов находились вассалы Синджара. Благодаря этому султан Синджар имел возможность часто вмешиваться во внутренние дела Мавераннахра.

Одним из последствий этого вмешательства в дела Мавераннахра и явилось роковое для государства Синджара столкновение с появившимся в пределах Средней Азии новым кочевым народом — каракитаями, иначе киданями. Вытесненные из Северного Китая, которым они владели с начала X до начала XII в., эти кочевники, не то тунгусского, не то монгольского происхождения, около 1128 г. отняли у Караханидов области Восточного Туркестана (ныне Синьцзян) и Семиречья и образовали там крупное государство. По просьбе караханидского самаркандского хана, Синджар двинул на помощь ему большое войско. В решающей битве в Катванской степи вблизи Самарканда войска Синджара и Караханидов потерпели сокрушительное поражение, потеряв 30 тыс. воинов. Синджар спасся бегством. Мавераннахр для Сельджукидов был потерян. Поражение Синджара уронило его престиж в глазах мусульманских подданных, так как победителями его оказались «неверные» — немусульмане.

Этим поражением не замедлили воспользоваться вассальные правители в собственных владениях Синджара. В 1141 г., вскоре после Катванской битвы, наследственный владетель Хорезма (области, которая первоначально была только крупным леном — икта' Сельджукской империи), хорезмшах Атсыз, напал на Мерв и Нишапур и объявил себя независимым. С большим трудом Синджару удалось принудить Атсыза формально признать снова верховную власть сельджукского султана. Однако фактически Хорезм для Сельджукидов был потерян.

§ 15. Восстание балхских огузов

Централистская политика Мелик-шаха и его преемников, стремившихся опереться на иранскую чиновную и духовную знать, вызвала разрыв прежних тесных связей между Сельджукидской династией и кочевыми племенами огузов.

К 50-м годам значительные массы огузских кочевых племен (арабоязычные источники называли их гуззами) оказались сконцентрированными на восточной границе Хорасана, по преимуществу в районах, прилегающих к верхнему течению Аму-Дарьи, где они находились в подчинении балхского наместника, правившего от имени Синджара.

Настойчивые попытки чиновного аппарата балхского наместника распространить на этих огузов налоговую систему, практиковавшуюся в оседлых районах, вызывали неоднократные конфликты и вооруженный отпор со стороны огузов. Балхских огузов заставили ежегодно постав-

лять 24 000 баранов для стола султана. Вымогательства чиновников привели к общему восстанию огузских племен, кочевья которых находились в области Балха (1153 г.).

Султанское войско было разгромлено огузами, и сам Синджар был захвачен в плен. Огузы подвергли страшному разграблению Хорасан. Особенно пострадали города Мерв и Нишапур, где было перебито множество жителей, а здания сожжены. Время это осталось в памяти жителей, как страшное лихолетье.

Не преминул воспользоваться этими событиями хорезмшах Атсыз, снова объявивший себя независимым. Внутренние несогласия в среде предводителей огузских племен, поднявших восстание, помогли Синджару бежать из плена (1156 г.). Но пользоваться возвращенной властью Синджару пришлось недолго: в 1157 г. он умер. С его смертью кончилась династия «Великих Сельджукидов» в Хорасане и начались феодальные междоусобия. Почти тридцатилетняя борьба вождей огузов, хорезмшахов, Гуридов Афганистана и других феодальных владетелей за обладание Хорасаном окончилась победой хорезмшаха Текеша.

§ 16. Иسمайлиты в Иране

Сельджукское завоевание и связанный с ним рост феодальной эксплуатации вызвали обострение классовой борьбы в Иране. В XI—XII вв. оппозиция против сельджукского владычества нашла свое проявление под религиозной оболочкой учения исмайлитов,¹ которое являлось одной из сект шиизма и, с точки зрения суннитов, считалось отвратительной ересью. Вопрос о социальной основе исмайлитского движения в Иране в XI в. до сих пор не изучен исследователями. Все же есть основание предполагать, что вначале исмайлиты здесь опирались на ремесленников, городскую бедноту и крестьян горных районов.

Основателем особой исмайлитской секты в Иране был эмиссар исмайлитских халифов Египта Хасан ибн Саббах. В 1090 г. исмайлиты захватили неприступный замок Аламут («Орлиное гнездо»), расположенный в горах Эльбурса близ города Казвина (северный Иран) и целый ряд других хорошо укрепленных высокогорных крепостей в горных районах — Дейлеме, Кухистане, Рудбаре, Фарсе, а также в Сирии — в Ливанских горах, по соседству с владениями крестоносцев. Так образовалось теократическое исмайлитское государство, с центром в Аламуте и с чресполосными владениями в Иране и Сирии.

Вскоре исмайлиты Ирана порвали всякую связь с фатимидскими халифами Египта. Хасан ибн Саббах стал духовным главой исмайлитов Ирана и Сирии и одновременно государем, управлявшим всеми исмайлитскими владениями. Резиденцией «горного старца», как называли Хасана ибн Саббаха, а затем его преемников, стал Аламут.

Секта исмайлитов Аламута являлась тайной организацией, членом которой связывала железная дисциплина, обязанность безоговорочного выполнения всех приказов «горного старца». Духовный авторитет главы исмайлитов еще больше возрастал благодаря тому, что принадлежность к секте, ее политические цели и религиозная догматика хранились в глубочайшей тайне от непосвященных.

Мусульманин, тонко и осторожно подготовленный исмайлитским проповедником, лишь после идеологической обработки и долгой проверки проходил первую ступень посвящения в секту. Всех степеней посвящения было семь, и лица, достигшие высших степеней, становились ближайшими помощниками «горного старца». Высших степеней посвящения

¹ Об исмайлитах см. в главе III.

достигали немногие, рядовые исмаилиты не поднимались выше первой-второй степеней посвящения.

После захвата укрепленных крепостей и создания гибкой и сильной организации исмаилиты начали вести борьбу против крупнейших представителей господствующего класса Сельджукидского государства и против других феодальных владетелей Ближнего Востока. Не имея достаточных военных сил, исмаилиты стали практиковать метод индивидуального террора. По приказу «горного старца», посланный им убийца-фидай (т. е. «жертвующий собой»), скрываясь под обликом купца, нищего, слуги, дервиша умел проникнуть всюду — во дворец правителя, ставку военачальника, в мечеть, на городской базар и вонзить свой смертоносный кинжал в намеченную жертву. Исмаилиты готовили свои убийства в глубокой тайне, а совершали их всегда публично, рассчитывая на большой политический эффект. Руководители секты вербовали убийц-фидаев из молодежи — крестьян, ремесленников, городской бедноты, в которых призыв к истреблению знати находил горячий отклик.

Исмаилитам Аламута молва приписывала употребление наркотика из конопли — хашиша, с целью вызывать сонные грезы с видениями райских садов, красавиц-гурий и т. д. Исмаилитов Аламута поэтому стали называть «журильщиками хашиша» (по-арабски *хашишишун*). Это слово в искаженной крестоносцами форме «ассассин» вошло во французский и итальянский языки в значении «убийца».

Низам-ал-мульк понимал социальное значение исмаилизма и ту опасность, какую он представлял для феодального государства Сельджукидов. По его признанию, исмаилитов или людей, заподозренных в симпатии к ним, подвергали мучительной казни — сожжению заживо. Мусульманское духовенство, действуя в интересах господствующего класса, старалось раздувать ненависть мусульман-суннитов к исмаилитам, как к еретикам.

Жестокое преследование не могли остановить деятельность исмаилитов. В 1092 г. ими был убит сам Низам-ал-мульк, а позднее его сын. Список жертв исмаилитов велик: он включает одного фатимидского халифа, двух халифов — Аббасидов, ряд лиц из среды высшего мусульманского духовенства, эмиров, вождей крестоносцев в Сирии и других представителей господствующего класса.

Со временем в Аламутском государстве исмаилитов произошли значительные изменения, выразившиеся в росте феодальных отношений. Правящие круги исмаилитов завладели землями вблизи укрепленных замков, обязали сидевших на этих землях крестьян и даже горожан нести феодальные повинности, стали активно участвовать в караванной торговле с соседними владениями. Исмаилитские верхи превратились в обычных феодалов, которым были уже чужды интересы секты и исмаилитская догматика. К началу XIII в. Аламутское государство исмаилитов превратилось в обычное феодальное государство.

§ 17. Атабеки и хорезмшахи в Иране

В Иракском Сельджукидском государстве султаны вынуждены были уступить уделы наиболее видным представителям тюркской кочевой знати, в руках которых находилась военная сила. Иракский султанат Сельджукидов, следовательно и Западный Иран, распался на ряд фактически самостоятельных владений, наследственные правители которых чаще всего именовались атабеками. Происхождение этого слова, получившего значения титула, связано с практикой, установившейся в Сельджукидском государстве: при передаче в удел царевичу той или

иной области султан приставлял к нему видного военачальника—эмира в качестве воспитателя, «дядьки», который фактически управлял уделом данного царевича от его имени. Такой эмир именовался атабеком, что по-тюркски значит «отец-князь».

В основе этого процесса распада государства Сельджукидов лежало значительное расширение и углубление при Сельджукидах военной системы икта¹, благодаря которой владельцы крупных ленов фактически становились почти независимыми от центральной власти. На территории Ирана наиболее важные атабекства образовались в Азербайджане,¹ Фарсе и Луристане, где укрепились атабекские династии — Ильдегизидов (1136—1225 гг.; в Азербайджане), Салгуридов (1148—1287 гг.; в Фарсе), Хазараспидов (1148—1339 гг.; в Луристане).

Еще при жизни Синджара стала независимой горная область Гурк востоку от Херата. Здесь образовалась династия Гуридов (1148—1215 гг.). Гуриды взяли и разрушили город Газну (1150 г.), после чего они распространили свою власть на весь нынешний Афганистан и Северную Индию, вытеснив оттуда Газневидов.

Среди этих владетелей во второй половине XII в. выделились хорезмшахи, о борьбе которых против Сельджукидов выше уже упоминалось. Рост могущества Хорезма, этой древней области высокой ирригационной культуры и развитого земледелия, объяснялся его экономическим процветанием в XI—XII вв., благодаря положению на узле караванных путей. Транзитная торговля создавала огромные материальные средства для хорезмшахов.

При преемниках хорезмшаха Атсыза, особенно при Текеше, принявшем титул султана (1172—1200 гг.), Хорезм стал играть руководящую роль в политической жизни Хорасана, а затем и всего Ирана. В 1187 г. Текеш овладел столицей Хорасана Нишапуром, а через несколько лет хорезмшахи оказались в состоянии вмешаться в дела и Западного Ирана. В это время в Западном Иране (Иракском Сельджукидском султанате) происходили следующие события.

Воспользовавшись распадом государства Сельджукидов, багдадские халифы восстановили в Нижней Месопотамии свою светскую власть, которой со времени Буидов они были полностью лишены. Халифат возродился как государство, хотя и в небольших размерах (1132 г.). Халиф Насир (1180—1225 гг.) проявлял большую политическую активность и подчинил себе Хузистан. Последний сельджукский султан Ирака Тогрул III (1177—1194 гг.) пытался вернуть себе потерянную власть. Это вызвало конфликт между ним и управлявшим от его имени Иракским султаном атабеком Азербайджана Кызыл Арсланом Ильдегизидом. Последнего поддержал халиф Насир. Кызыл Арслан низложил Тогрула III, запер в крепость и провозгласил себя султаном (1191 г.). Но вскоре Кызыл Арслан был убит, как предполагают, исмаилитами. Тогрул III бежал из плена и снова сумел подчинить себе значительную часть Западного Ирана, однако не надолго: в 1194 г. в сражении с войсками хорезмшаха Текеша близ Рейя сельджукидское войско Тогрула III было разгромлено, Тогрул III погиб, и власть Сельджукидов в Иране пала. Победа хорезмшаха Текеша у Рейя привела к захвату им Западного Ирана. Противником хорезмшаха выступил халиф Насир. В 1196 г. между их войсками произошло столкновение.

При преемнике Текеша — султани Мухаммеде хорезмшахе (правил в 1200—1220 гг.) государство хорезмшахов расширило свои пределы, разгромив кара-китаев и присоединив Мавераннахр, Херат и нынешний Афганистан и подчинив Азербайджанское атабекство Ильдегизидов. Го-

¹ Южном, иначе Иранском.

сударство хорезмшахов объединило весь Иран, кроме Хузистана, входившего в состав халифата.

В 1217 г. хорезмшах Мухаммед предпринял поход на Багдад. Однако гибель значительной части войска во время зимнего похода через горы Загрос принудила Мухаммеда к отступлению.

Хорезмшахи Текеш и Мухаммед пытались вести централистскую политику и устранить владетелей крупных уделов. Но этим они только раздражили военно-феодалную знать Ирана. К тому же крупнейших вассалов — Салгуридов Фарса и Хазараспидов Луристана хорезмшахи не решились тронуть.

§ 18. Феодалные отношения в Иране во второй половине XI—XII вв.

В XI—XII вв. в Иране продолжались рост земель икта' за счет государственных земель и ослабление центральной власти и усиление феодалной раздробленности. При Сельджукидах учреждения центрального государственного аппарата пришли в упадок. В связи с установлением удельной системы управления важнейшие раньше учреждения, как, например, центральное финансовое ведомство (диван хараджа) утратили прежнее значение. Сбор хараджа перешел в руки атабеков, владетелей икта' и других местных феодалов. Появились более или менее случайные учреждения, к которым приписывались доходы с отдельных областей. Характерными для этого времени являются такие приказы придворного ведомства, каковы «приказ умывальников», «гардеробный приказ» и другие; к ним приписывались земли — икта'.

При Сельджукидах институт икта' распространился на всей территории Ирана, причем значительно видоизменился. Развитие института икта' нашло весьма наглядное отражение в трактате «Сийасет-намэ» («Книга о правлении»), приписываемого Низам-ал-мульку. В специальной главе, посвященной икта', автор, видя невозможность отказаться от этой системы, настаивал на том, чтобы статут икта' оставался в рамках прежнего временного бенефиция. Одновременно автор ратовал за то, чтобы центральная государственная власть сохранила юридический контроль над владетелями земель икта' и над сидевшими на этих землях крестьянами. Приводимый ниже отрывок из указанной главы дает представление о точке зрения Низам-ал-мулька и бросает определенный свет на действительное положение вещей.

«Мукта',¹ владеющим икта', — говорится в «Сийасет-намэ», — надлежит знать, что по отношению к райятам у них нет иного приказа, кроме как собирать законную подать добрым способом, которая им дана. Когда же они это собрали, то и личности, и имущества, и жены и дети [райятов] должны быть в безопасности, также их орудия труда и земельные участки, и у мукта' не должно быть к ним доступа. А если райяты захотят отправиться ко двору, чтобы изложить свои дела, то пусть им в этом не препятствуют. Каждому мукта', который поступит иначе (т. е. окажет препятствие), пусть укоротят руки, и икта' его пусть отберут и накажут, чтобы дать пример другим. Им надлежит знать, что и земля, и крестьяне принадлежат султану, а мукта' и правители поставлены над ними как бы наместниками, дабы они с райятами вели себя подобно тому, как государь с другими, чтобы райяты были довольны, а они сами были бы избавлены от наказаний и пыток в загробной жизни».

Из других мест книги видно, что действительное положение дел было совершенно иным, обратным тому, чего требовал автор. При Сельджукидах икта' из бенефиция превратилась, если еще не юридически, то на практике, в наследственный лен (феод).

¹ Владетель икта' (араб.; перс. синоним. — *икта'дар*).

Арабский историк Макризи сохранил следующие слова, сказанные одним из владельцев военных ленов времени Сельджукидов (XII в.) в Сирии: «Икта' — наша собственность, каковую унаследуют потомки наши, сын от отца, и мы готовы сражаться за нее». Слова эти верно отражают процесс эволюции икта'.

Из источников видно, что некоторые земли икта' оставались в руках одной и той же феодальной фамилии в течение столетий. Установление наследственности икта' имело большие последствия в первую очередь для крестьянства. Владельцы наследственной икта', — в отличие от прежних чиновников — сборщиков налогов на государственных землях и временных владельцев икта' раннего типа, для которых главная забота состояла в том, чтобы выкачать как можно больше хараджа, в своих интересах должны были проявлять заботу о сохранении на известном материальном уровне хозяйства сидевших на землях икта' крестьян.

Тем не менее полная зависимость райятов от владельцев наследственных икта' неизбежно вела к ухудшению положения крестьян. В XI—XII вв. появляется целый ряд новых, специфических феодальных повинностей и податей в пользу владельцев: обязательные подношения крестьян по случаю рождения сына, свадьбы, различные сборы, связанные с выполнением владельцем икта' своих вассальных обязанностей, например, поборы на подковы лошадей, которые производились, когда владелец икта' должен был принять участие в походе. К сожалению, в полной мере система податей и повинностей этого времени пока остается малоизученной.

Жизнь городов Ирана в XI—XII вв. также почти не изучена. Археологически средневековые города Ирана мало обследованы. Свидетельства письменных источников позволяют, однако, сделать вывод, что происходивший в предшествующие века рост торгово-ремесленных предместий, рабадов, продолжался весьма интенсивно и в рассматриваемое время. Наиболее важные общественные здания строились именно в рабадах. Памятники материальной культуры, дошедшие до нашего времени, также свидетельствуют о том, что основные отрасли средневекового ремесла — зодчество, выделка металлических изделий, ковров, тканей, особенно керамических изделий в эти века достигли высокого развития как в техническом, так и в художественном отношении.

Развитие международной торговли в XI—XII вв. продолжалось. Об этом говорит появление мощных купеческих объединений, которые вели торговлю в международном масштабе.

Международной торговлей в эти века оказались охваченными почти все страны Старого света. При этом в связи с крестовыми походами заметно усилилась роль в ней ряда европейских стран, особенно Италии. Главные пути караванной торговли, как и прежде, проходили через Иран, что благоприятно отражалось на развитии городов Ирана.

Ремесленное население городов находилось в зависимости от феодалов, купеческих компаний и ростовщического капитала. На ремесленников городов распространялся целый ряд феодальных поборов и повинностей. Источники неоднократно упоминают случаи произвольного обложения налогами ремесленников как отдельных отраслей, так и целых городов. Однако система налогообложения ремесленников в деталях не изучена. В этот период в Иране, как и в других странах Ближнего Востока, существовали ремесленные корпорации (цехи). Последние часто находились под влиянием дервишеских братств. Особым влиянием на ремесленников пользовалось братство ахив, иначе «ахл-и футувва» (арабск. *футувва* — «юность, молодечество, благородство»), под религи-

озной оболочкой выражавшее оппозицию политике феодальных верхов. Ахьи допускали убийство тиранов. Много внимания они уделяли взаимопомощи, устраивали братские трапезы.

Социальные противоречия в XI—XII вв. достигли большого напряжения. Источники не дают сведений о крупных восстаниях крестьян, подбных восстаниям VIII—начала X вв., но сообщают об обострении классовой борьбы в городах между феодалами и купечеством, с одной стороны, и ремесленниками и окрестными крестьянами, с другой.

Классовая борьба в городах внешне облекалась в форму столкновений на религиозной почве — между суннитами (знать и купечество) и шиитами (крестьяне и ремесленники), или же между отдельными суннитскими толками, объединявшими определенные слои населения. Споры отдельных религиозных группировок, как правило, переходили в вооруженные стычки, убийства, поджоги враждебных кварталов. Нередко они приводили к полному опустошению целых городов (как было в Рейе, Тергеране). В эти столкновения, обычно начинавшиеся в городах, втягивалось и окрестное сельское население.

§ 19. Идеологические системы X—XII вв.

Идеологией господствующего класса продолжал оставаться «правоверный» (суннитский) ислам. В данный период завершилось развитие суннитского ислама, как религии развитого феодального общества. В X в. произошло отделение суннитского богословия от законоведения, чего не было в первоначальном исламе. Оформилось духовенство, точнее сословие богословов и законоведов, которого также не было в раннем исламе. Как и в средневековом христианстве, в исламе теперь получил распространение культ многочисленных святых, их гробниц и реликвий.

В X в., наряду со старыми суннитскими богословскими толками (мазхаб), сложилась система нового «правоверного» богословия (калам), с гораздо более сложной догматикой, нежели в раннем исламе. Основоположником калама был арабский богослов Аш'ари (умер в 935 г.), а полное развитие калам получил уже к началу XII в. в сочинениях имама Мухаммеда Газали, перса (умер в 1111 г.). Характерными чертами калама были: отрицание антропоморфизма (приписывания богу человеческих свойств и образа), столь явного в раннем исламе; введение в богословие понятий и терминов, заимствованных из греческих философских систем — платонизма, аристотелизма и неоплатонизма, хотя и без прямых ссылок на Аристотеля и других философов, — философию Аш'ари и Газали пытались превратить в служанку богословия; попытка примирить кораническое учение о предопределении с философским учением о свободе воли. Газали, сверх того, сблизил официальное суннитское богословие с мистицизмом (суфизмом). Главное сочинение Газали «Ихья улум ад-дин» («Оживление богословских наук»), написанное по-арабски, получило признание среди суннитов. Другое сочинение Газали «Тахафут ал-фаласифа» («Падение философов»), направленное против философов-рационалистов, было переведено еще в средние века на русский язык, хотя и не прямо с арабского.

Система калама не сразу была принята официальными суннитскими богословами. Еще при Тогрул-беке Сельджукском последователи Аш'ари подверглись преследованию. Но уже в XII в. система Аш'ари—Газали была официально признана господствующими верхами.

По мере своего развития суннитский ислам становился все более и более фанатичным и нетерпимым по отношению к христианам, иудеям и зороастрийцам, еще более — к мусульманским «еретикам» — шиитам

разных толков, хариджитам и му'тазилитам,¹ а также к зиндикам² и представителям независимой светской науки. Зиндики и философов усердно преследовали сельджукские султаны.

В указанный период ислам стал уже, бесспорно, религией большинства населения Ирана. Но в народной среде ислам в ряде случаев распространялся не в «правовой» суннитской форме, а в форме исламских «ересей»: шиитства разных толков (секты имамитов, зейдитов, исмаилитов и близких к ним карматов, а также — главным образом в Сийстане — хариджитов). Зороастрийцев еще в X в. было довольно много (особенно в Фарсе), но в последующие столетия число их резко уменьшилось, и начиная с XI в. источники редко упоминают о них. Христиане и иудеи встречались в городах Ирана, как более или менее значительное меньшинство. В городах те и другие должны были жить в особых кварталах, отдельно от мусульман.

Умеренные шиитские секты — зейдиты и имамиты — выработали свою догматику, в общем близкую к мутазилитской (резкое отрицание антропоморфизма и учения о предопределении) и свое право. Сельджукские султаны преследовали шиитов, и те должны были скрывать свою веру.

В рассматриваемый период в Иране широко распространилось — сначала среди суннитов, а позднее и среди шиитов-имамитов — мистическое течение в исламе — суфизм («тасаввуф»)³. Как и всякий мистицизм, суфизм утверждал возможность для каждого человека достигнуть личного общения с божеством. Средство для достижения этого суфии видели в нестяжании, самоотречении и в долгой созерцательной и аскетической жизни под руководством наставника — «старца» (по-арабски *шейх* или *муришд*, по-персидски *пир*). На последней стадии мистического «пути» (араб. *тарикат*,) суфии считали возможным достигнуть даже полного слияния с божеством. Необходимым условием для этого считалась «фана» (араб. *уничтожение, исчезновение*), т. е. полное отречение от своей личности, «умерщвление» и «растворение» ее в божестве.⁴

Суфизм зародился к концу I в. х., позднее испытал на себе влияние неоплатонизма,⁵ прошедшего раньше обработку христианских (сирийских) мистиков IV—VII вв. В Иране суфизм был известен уже в IX в., но особенно широко распространялся с XI в. В Иране (в Хорасане) в XI в. действовали наиболее известные представители персидского суфизма — шейхи Абу-л-Хасан Хараканский и Абу Са'ид Мейхенейский, а

1 Му'тазилиты — школа богословов-рационалистов, учивших, что Коран не вечен, а сотворен, и в резкой форме отрицавших антропоморфизм и учение о предопределении, характерные для раннего ислама.

2 Зиндики — общее название, которое мусульмане давали манихеям, маздаkitам, хуррамитам (см. о них в главах II—III), а также философам-рационалистам и атеистам.

3 Слово «тасаввуф» (от арабского корня *суф* — «шерсть»), как предполагают, произошло от названия грубой шерстяной одежды, в которую одевались последователи суфизма — дервиши.

4 Некоторые исследователи пытались сблизить суфийское учение о фана с буддийским учением о нирване. Но сходство здесь только поверхностное. В отличие от суфизма, буддизм не знает идеи единого бога творца. Суфийское учение об «излучении» (эманации) мира из бога и о добровольном обратном слиянии личности с богом чуждо буддизму. Суфизму же, в свою очередь, чуждо буддийское учение о перерождениях, лежащее в основе идеи нирваны, как избавления от цепи перерождений.

5 Школа мистической философии, возникшая в Римской империи в III в. н. э. на базе истолкованного в мистическом духе идеализма Платона (IV в. до н. э.) и рассматривавшая все существующее как разные ступени излучения (эманации) божества. Неоплатонизм позднее оказал сильное влияние на мистицизм христианский и мусульманский, как и на догматику исмаилитов. Сочинение основоположника неоплатонизма — Плотина (III в.) «Эннеады» было в IX в. частично переведено на арабский язык.

также авторы ряда трактатов по суфизму — Джувейни, по прозвищу Имам ал-Харамейн,¹ Кушейри, Джуллаби-Худжвири. Главными распространителями суфизма были мусульманские аскеты-дервиши (перс.), иначе факиры (араб.). Возникали дервишеские обители (*ханэках*, перс.), управляемые шейхами. С XII в. стали складываться дервишеские братства или ордена (старейший орден кадирийе, XII в.), с разными уставами. Дервишество в Иране, как и в других мусульманских странах, играло роль, до известной степени подобную роли монашества в христианских странах, хотя дервиши, в отличие от монахов, не давали обета вечного безбрачия.

Рост влияния суфизма в XI—XII вв. в известной степени был отражением недовольства народных масс своим бесправием и бедностью и тяжелым гнетом сельджукского государства. Чтобы понять это, следует вспомнить слова Фр. Энгельса о том, что в средние века оппозиция против феодализма обычно выступала либо под оболочкой мистики, либо под оболочкой сектанства, либо в виде вооруженного восстания.² Суфийская проповедь о нестяжании и воздержании, о бедности, как об идеальном состоянии для «спасения души», осуждение суфиями «недозволенного», т. е. нажитого «неправедным путем», богатства воспринимались с сочувствием народными массами, особенно ремесленниками. В ряде случаев установилась тесная связь между ремесленными корпорациями и дервишескими братствами.

Однако было бы ошибкой думать, будто все течения суфизма в Иране отражали настроения народных масс. Социальный состав последователей суфизма был очень пестрым, и некоторые течения суфизма вполне приспособились к интересам феодальной знати. Суфии этого типа, вместо осуждения стяжания и богатства и оправдания бедности, проповедовали отказ от общественной борьбы и практической деятельности, уход в замкнутую созерцательную жизнь, необходимость терпения и покорности, непротivления насилию. Дервишеские шейхи этого типа находили усердных покровителей из феодальной верхушки, которая жертвовала этим шейхам и их обителям богатые вакфы — земли с зависимыми крестьянами, доходные угодья и т. д. Таким образом, суфизм не был единой системой. Это были различные течения мистицизма, с разной социальной базой. Одни течения суфизма признавались «правоверными», другие «еретическими». «Еретический» суфизм стал идеологией ремесленников.

Суфийская идея об «излучении» мира из бога, о том, что весь мир есть проявление божественной силы, единственно реальной в мире, придавала суфийскому мировоззрению более или менее явно выраженный пантеизм. Пантеистическое мировоззрение наиболее ясно выражено в сочинениях арабского мистика Ибн ал-Араби (1165—1240 гг.), идеи которого были приняты большинством суфиев Ирана и Средней Азии.

Суфизм, начиная уже с XI в., стал оказывать сильное влияние на персидскую поэзию. Но суфийская форма и суфийская фразеология, допускавшая различные толкования, нередко была только прикрытием для религиозного вольномыслия или просто воспевания радостей жизни. Поэт обычно не смел бесхитростно воспевать любовь к возлюбленной, вино и опьянение, опасаясь обвинений со стороны мусульманского духовенства в «нечестии» и «ереси». Но те же самые сюжеты и образы становились дозволенными, когда поэт давал понять, что он пользуется ими как аллегориями для выражения суфийских идей: слова «вино», «опья-

¹ Т. е. «Имам обоих священных городов» — Мекки и Медины.

² См.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 34—37; Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 656.

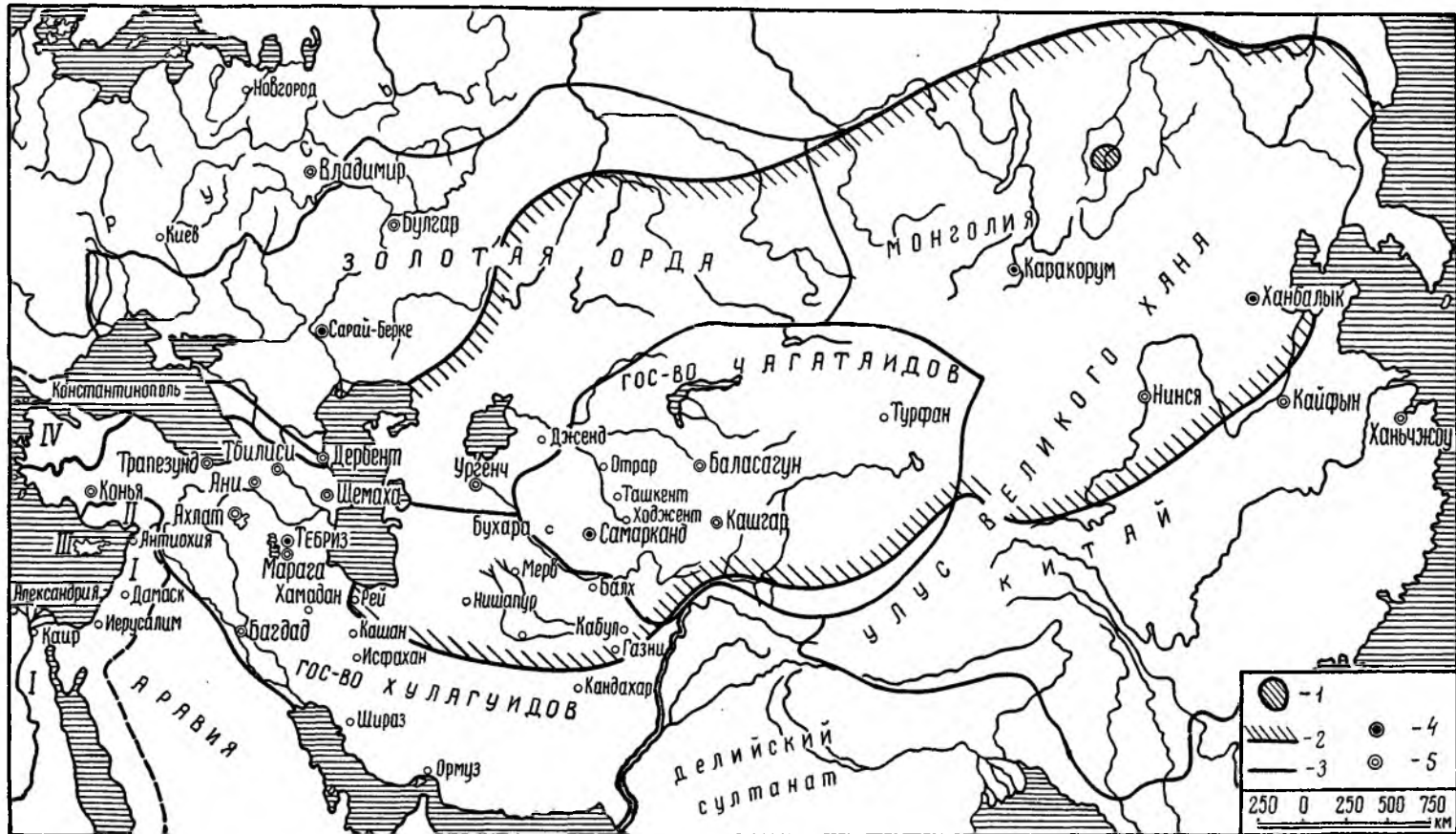

Рис. 2. Иран после монгольского завоевания и его соседи (XIII — первая половина XIV вв.).

1 — примерный район кочевий и ранней деятельности Чингис-хана; 2 — примерная граница завоеваний Чингис-хана ко времени его смерти (1227 г.); 3 — граница монгольских государств, завоеванных монголами; 4 — столицы монгольских государств; 5 — столицы государств, завоеванных монголами. На карте не подписаны государства: I — Египетский султанат; II — Киликийское армянское царство; III — Королевство Кипр (крестоносцы); IV — Византия.

нение» выражают якобы понятие «мистический экстаз»; «харчевня» — «место радений дервишей»; «гуляка» — «дервиш», а слова «друг», «возлюбленная», «чаша любви», «продавец вина», «кабатчик» и т. д. — понятие «бог». Суфийская форма давала поэтам возможность избегать сестей мусульманских инквизиторов.

§ 20. Культура Ирана в VIII—начале XIII вв.

Развитие архитектуры и живописи в Иране было задержано арабским завоеванием, поскольку ислам враждебно относился к доисламской художественной традиции персов, живопись вообще запрещал. Но вполне убить живопись в Иране ислам не смог. Она сохранилась в виде росписи тканей, сосудов и т. д. Источники упоминают о стенной росписи дворцов, особенно в Хорасане, в X—XI вв., образцы которой до нас не дошли.

Среди сохранившихся памятников архитектуры Ирана данного периода преобладают культовые здания — мечети и медресе. Среди них исследователи различают два типа. Первый тип, более ранний, был, видимо, привнесен арабскими завоевателями. Этот тип воспроизводит тот же план и те же характерные части мечетей, какие были свойственны ранним арабским мечетям Сирии, Египта, Ирака Арабского (VII—X вв.). Как там, так и в Иране, такие мечети представляют в плане квадратный или прямоугольный двор, обрамленный арками на колоннах, к которому со стороны кыблы (направление к Мекке) примыкает прямоугольный колонный, вытянутый в ширину, молитвенный зал, с михрабом, обращенным в сторону Мекки. Мечети этого типа в Иране — мечеть халифа Махди (конец VIII в.) в Рейе (от нее сохранился лишь фундамент), мечеть Тарик-ханэ в Дамгане (IX в.), соборная мечеть (масджид-и джум'а) в Найине (X в.), мечеть в Демавенде (XI в.).

Другой тип культовых зданий продолжал иранскую архитектурную традицию времени Сасанидов. Мечеть такого типа представляет собой небольшое квадратное или восьмиугольное здание без колонн, покрытое куполом, с портиком под аркой и михрабом внутри. Этот тип получил преобладание с XI в. Таковы соборные мечети в Нейризе, Гульпайгане, Казвине, Ардистане, Исфахане и др. Гораздо позднее этим мечетям были приданы квадратные или прямоугольные дворы с аркадами и с четырьмя высокими порталами на арках. Уже в XI—XII вв. получила преобладание стрельчатая форма арки.

Из дошедших до нас светских зданий следует отметить многогранные башнеобразные мавзолеи, покрытые шатровыми куполами. Наиболее замечательный памятник этого типа — башня-мавзолей Кабуса в Гургане (начало XI в.). Главным строительным материалом для монументальных зданий в Иране, как и в Средней Азии, был жженный кирпич. Здания, снаружи и внутри, украшались орнаментами из разного жженого кирпича и резного штука (алебаstra). К концу рассматриваемого периода стали применять также орнаментовку зданий при помощи мозаики из цветных блестящих фаянсовых плиток, или многоцветной росписи по штукатурке (по алебаstrу).

В X—XII вв. высокого расцвета в Иране достигло художественное ремесло — росписи тканей, орнаментальное золотое и серебряное шитье, ковроткачество, производство холодного оружия, разных сосудов и других изделий из серебра, бронзы и меди, с орнаментальной резьбой. Но исключительного мастерства достигло в XI—XII вв. иранское керамическое производство, в частности производство фаянсовых изделий.

Лучший фаянс производился в городах Рейе и Кашане. Славилась глазурованные фаянсовые изделия. Керамика покрывалась глазурью —

стекловидной массой, прозрачной или непрозрачной, разных цветов, полученной путем обжига минералов, с последующим их охлаждением. Особенно любили персы бирюзовую голубую глазурь; применялась также кобальтовая синяя и оловянная белая глазурь. Распространены были также пятнистые глазури, одноцветная и многоцветная надглазурная и подглазурная роспись.

Высшим достижением иранского керамического искусства была известная с XII в. надглазурная роспись люстром, золотистым с металлическим отблеском разных цветов. Люстр — сложный красочный состав из серебра, золота, марказита, меди, мышьякового песка, нитриола, растворенных в виноградном уксусе и подвергнутых обжигу в течение 24 часов, в двух печах. До нас дошел персидский рецепт изготовления люстра в «Книге о камнях и благовониях» жителя Кашана Абу-л-Касима Абдуллаха ибн Абу Тахира (XIII в.). Блестящий люстр применялся для росписи блюдов, ваз, сосудов, а также в архитектурной керамике для покрытия люстром фаянсовых плиток (изразцов), предназначенных для декорации зданий, особенно их порталов и куполов. Великолепны люстровые михрабы в мечетях. Древнейший дошедший до нас люстровый изразец относится к 1217 г. н. э., но нет сомнения, что такие изразцы производились уже в XII в. Иран был родиной люстровой керамики. Она была неизвестна в Европе и в странах Дальнего Востока.¹

Арабское завоевание и распространение ислама вызвало перерыв в развитии персидской письменности. После арабского завоевания литература в Иране долгое время развивалась исключительно на арабском языке, игравшем в мусульманских странах роль такого же международного языка, как латинский язык в странах Западной Европы. С VIII в. в Иране распространилось так называемое шу'убитское течение, представлявшее оппозицию политическому и культурному господству арабов. Название «шу'убийя» произошло от арабского слова «шу' уб» (множ. число от *ша'б* — «народ»), которым в Коране (сура XLIX, стих 13) обозначены неарабские народы, принявшие ислам. Шу'убиты выражали взгляды феодальной верхушки и отчасти горожан из покоренных арабами народностей, в их числе и персов. Они стремились показать культурное превосходство этих народностей над завоевателями. Однако сами шу'убиты продолжали писать научные сочинения по-арабски.

Выдающимся культурным деятелем, близким к шу'убитам, в VIII в. был перс Ибн ал-Мукаффа', собиратель и переводчик на арабский язык ряда памятников среднеперсидской литературы. Им, в частности, был выполнен не дошедший до нас перевод сасанидского исторического свода «Хвадид-намак». Ибн ал-Мукаффа' был казнен по подозрению в принадлежности к «еретикам»-зиндикам.

В IX в. сложился, как сказано, литературный язык «дари» (придворный), иначе «фарси» или новоперсидский, близкий к разговорным языкам двух родственных народов — персов и таджиков. Написанные на нем произведения вошли в литературный фонд и персов, и таджиков. Сперва на новоперсидском языке писали только поэтические произведения, но со второй половины X в. на новоперсидском языке стали появляться и научные сочинения. Одним из первых научных сочинений на этом языке был знаменитый труд по фармакологии Абу Мансура Муваффака ал-Херви (около 970 г.).

На новоперсидском языке писали в Иране, Средней Азии, даже в Азербайджане и в сельджукской Малой Азии, а также в мусульманских государствах Индии.

¹ Прекрасные образцы прикладного искусства Ирана, в частности металлические и керамические изделия, находятся в Эрмитаже в Ленинграде.

На новоперсидском языке складывались *самостоятельные* литературы персов, азербайджанцев и других народностей.

Из поэтов, писавших на новоперсидском языке, прежде всего должен быть назван Абу-л-Касим Фирдоуси (934 — ок. 1025 гг.) — поэт, чьи произведения имеют мировое значение. Произведения Фирдоуси персы и таджики в равной степени считают своими.

Грандиозная поэма Фирдоуси «Шах-намэ» («Книга царей») представляет поэтическую обработку богатейшего фольклорного материала героического эпоса и официальной истории времени Сасанидов — «Хвадай-намак» («Книга владык»). В «Шах-намэ» Фирдоуси дает изложение в поэтической форме истории Ирана и Средней Азии с древнейших времен до арабского завоевания. Поэма проникнута пафосом героики и патриотизма, любовью к родине, ненавистью к арабским завоевателям и к захватчикам из тюркских кочевников. Поэма изобилует любовными эпизодами — любовь Бижана и Манижэ, любовь Залы и Рудабэ, царя Хосрова II и его жены, сирийки Ширин, и другими. Фирдоуси прославлял героическое прошлое иранского «рыцарства» — дехканства, будучи сам выходцем из мелких дехканов. Ярче всех дана в поэме фигура богатыря Рустама, горячего патриота, доблестного бойца за родину, верного долгу, но вместе с тем строптивого и независимого по отношению к царю. Прославляя доблесть иранских дехканов, Фирдоуси все же с чувством невольного уважения рисует вождя народного восстания в Иране — Маздака.

За свою поэму Фирдоуси подвергался преследованию со стороны султана Махмуда Газневида, при дворе которого в Газне Фирдоуси в то время жил и которому посвятил было поэму. Поэт вынужден был бежать и около двадцати лет прожил в нищете, скрываясь и часто меняя место жительства, чтобы не быть обнаруженным шпионами султана. Причины преследования Фирдоуси султаном Махмудом источники объясняют различно. Интересное объяснение дает анонимная «История Систана» (XI в.): султану, проводившему политику централизации и опиравшемуся на войско из тюркских гулямов, очень не понравилась политическая тенденция поэмы Фирдоуси, воспевавшего старинную дехканскую знать с ее независимым духом и центробежными тенденциями, особенно непокорного и строптивого вассала Рустама.

Мусульманское суннитское духовенство ненавидело Фирдоуси и после смерти отказало ему в религиозном погребальном обряде: мало того, что Фирдоуси был «еретик»-шиит, он был противником арабского завоевания и прославлял «нечестивых», «языческих» героев Ирана до мусульманского времени.

Крупными поэтами Ирана в XI в. были: Фаррухи, сын раба, тонкий лирик и мастер пейзажа; жизнерадостный Минучихри; Фахр-ад-дин Гургани, автор поэмы «Вис и Рамин», являющейся обработкой старинного романа, сюжет которого напоминает сюжет западноевропейского романа, о любви Тристана и Изольды (любовь молодой жены престарелого царя к его юному брату).

Поэтом-философом мирового значения, идеологом средних городских слоев, замечательным мастером стиха и вольнодумцем был Омар Хайям (умер около 1123 г.), мастером торжественной оды — Анвари (умер 1191 г.). С XI в. в персидскую поэзию проникает влияние суфизма, являвшегося у некоторых поэтов, вышедших из горожан, формой оппозиции против официальной мусульманской церковности. Крупнейшими поэтами-суфиями были Сенаи (умер около 1150 г.) и Ферид-ад-дин Аттар (1119 — около 1220 гг.), выразитель взглядов городских низов.

Из произведений художественной прозы выделяется персидский феодальный домострой «Кабус-намэ» — наставление престарелого феодала

из фамилии Зийаридов юноше-сыну, дающее яркую картину жизни, нравов и быта феодальной среды XI в.

Выразителем народных антифеодальных тенденций был поэт Баба Кухи Урйан (умер около 1020 г.), писавший на народном лурском диалекте.

Города Ирана были центрами культуры. Нишапур, Рей, Исфахан, Шираз славились своими библиотеками. В X в. пользовалась известностью обсерватория в Ширазе. В Нишапуре при взятии его огузами было сожжено восемь ценных библиотек. В Мерве в начале XIII в. было двенадцать библиотек высокой ценности. Во всех значительных городах в X в. возникли школы среднего и высшего типа (медресэ).

При дворах буидских правителей в Рейе, Хамадане и Исфахане долгие годы жил великий ученый того времени, уроженец Бухары Абу Али ибн Сина (Авиценна, как называли его в Западной Европе; 980—1037 гг.). После падения государства Саманидов (999 г.) он был вынужден эмигрировать из Бухары в прикаспийские области, а затем во владения Буидов, в Хамадан. Последние годы жизни он провел в Исфахане, скончался в Хамадане.

Ибн Сина, как и большинство ученых того времени, был энциклопедистом: медиком, философом, знатоком естественных наук, поэтом и выдающимся музыковедом.

В истории мировой культуры Ибн Сина занимает выдающееся место. Его произведение «Ал-Канун фи-т-тиб» («Канон медицины») было лучшим сочинением по медицине, служившим в течение шести веков (с XII до середины XVII вв.) руководством и учебным пособием для медиков всей Европы. «Ал-Канун» много раз публиковался в Европе на латинском и других языках.

Из философских сочинений Ибн Сины наиболее известна «Китаб-аш-шифа» («Книга исцеления»), трактующая о логике, естествознании, метафизике и математике.

Ибн Сина был философом рационалистом. Он придавал большое значение опыту, критической проверке истины фактами, практикой. В освоении наследия античных философов, особенно Аристотеля, Ибн Сина не был простым последователем, но пытался творчески развивать их идеи. Передовые взгляды Ибн Сины, противоречащие закоснелым догматам ислама, и при жизни, и после смерти Ибн Сины вызывали нападки мусульманского духовенства.

ГЛАВА V

ИРАН ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ МОНГОЛЬСКИХ ХАНОВ (1220—1336)

§ 1. Общая характеристика периода

Образование Монгольской империи в центрально-азиатских степях имело всемирно-историческое значение. Монгольские завоевания распространились на обширнейшие территории Азии — Китай, Тибет, Восточный Туркестан (ныне Синьцзян), страны Средней Азии, Иран, страны Закавказья и Передней Азии, также на Дешт-и Кыпчак (Половецкая степь)¹ и на страны Восточной Европы и Русь.² Как и для всех этих стран, для Ирана монгольское завоевание было настоящей катастрофой. Не только разрушения, вызванные завоеванием, но и хищническая эксплуатация страны верхушкой завоевателей вызвала резкий упадок производительных сил. К этому периоду относится также рост военно-ленной системы и усиление влияния военной кочевой знати (в данный период ведущей группы класса феодалов) в стране, усиление феодальной эксплуатации непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, бесправное положение и жестокое угнетение которых было доведено до крайних пределов. Но угнетенные народные массы Ирана вели героическую освободительную войну, которая в конечном итоге расшатала господство завоевателей-кочевников.

§ 2. Основные источники по истории периода

Хотя монгольское завоевание оказало неблагоприятное влияние на развитие культуры Ирана XIII—XIV вв., оно все же не привело к полному ее упадку. Некоторые отрасли культуры после трех-четыре десятилетий упадка снова пережили подъем.

В частности, высокого подъема в XIII—XIV вв. достигла персидская историография. Подъем ее был подготовлен веками предшествовавшего развития. Теперь в исторической литературе господствовал персидский язык, арабский язык был почти вытеснен из нее. Персидские историки XIII—XIV в., в отличие от своих предшественников, в ряде случаев вводили в свои труды документы и официальные материалы.

Монгольские ханы, правившие в Иране, были заинтересованы в прославлении своих побед и деяний и поэтому покровительствовали историкам. Обычно историограф-перс, писавший свой труд по заказу хана, совмещал эту работу с занятием придворной или административной

¹ Под этим именем в источниках подразумевались степи Северного Причерноморья, низовья Дона и Волги и большая часть нынешнего Казахстана.

² См. карту на стр. 159.

должности: благодаря этому он бывал хорошо осведомлен о внешних и внутренних делах государства и имел доступ к государственным архивам. Вместе с тем, положение придворного историографа, щедро оплачиваемого ханом за свои сочинения, обращало ученого в лыстивого царедворца, который, прославляя Чингис-хана и его потомков, нередко терял чувство меры.

Подъем историографии в XIII—XIV вв. отчасти объясняется тем, что в связи с крестовыми походами, созданием Монгольской империи, ростом средиземноморско-азиатской караванной и морской торговли росли политические, экономические и культурные связи Ирана. Это расширило кругозор ряда персидских историков и позволило им использовать новые материалы, в частности по истории монгольских и тюркских народов. По своему отношению к завоевателям историки XIII—XIV вв. делятся на две группы — врагов завоевателей и их панегиристов. К первой группе относятся следующие авторы.

Ибн ал-Асир (1160—1234 гг.)¹ в XII томе своего огромного исторического свода, написанного по-арабски, дал рассказ о нашествии монгольских войск, в значительной части на основании рассказов очевидцев. Каково было общее впечатление от нашествия войск Чингис-хана, можно судить по следующей выдержке из Ибн-ал-Асира: «Если бы сказали, что с тех пор, как бог сотворил Адама, до настоящего времени мир не видел такого испытания, то это было бы справедливо, ибо история не сообщает ничего подобного и близкого. Самое большое бедствие, которое описывает история — поступок Навуходоносора с израильянами, как он избил их и разрушил Иерусалим. Но что значит Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые? И что такое сыны Израиля в сравнении с теми, которых они² перебили? Ибо жители даже одного из разрушенных ими городов были многочисленнее всех израильян. Может быть, люди и не увидят подобного события до скончания мира, исключая разве Гога и Магога.³ Даже антихрист (аддаджжал) пощадит тех, кто ему подчинится, и погубит [только] тех, кто будет ему сопротивляться.⁴ А эти⁵ не щадили никого, убивали женщин, мужей и младенцев, распарывали животы у беременных женщин и убивали зачатых детей!»

Рассказ Ибн-ал-Асира о монгольском завоевании отличается живым ярким изложением, полным драматизма.

Мухаммед ибн Ахмед *Несеви* (*Нисави*), перс, мелкий феодал из Хорасана (владелец замка Хорендиз), был секретарем последнего хорезмшаха Джелал-ад-дина и участником борьбы с монгольскими завоевателями. В 1241/2 г., через десять лет после гибели хорезмшаха, Несеви составил на арабском языке «Сират ас-султан Джелал-ад-дин Менгуберти» («Жизнеописание султана Джелал-ад-дина Менгуберти»), в котором подробно описал события 1218—1231 гг. н. э., связанные со вторжением войск Чингис-хана. Труд содержит богатый материал о состоянии областей Ирана этого времени. Труд этот издан по единственной известной рукописи в Париже в 1891—1895 гг. ученым О. Уда в двух томах (арабский текст и французский перевод).

В 1930 г. в Иране было издано еще одно, ранее неизвестное сочинение Несеви на персидском языке — «Нафсат ал-масдур» («Раздавшийся

¹ Подробнее о нем см. в § 2 главы IV.

² Т. е. монгольские ханы.

³ Согласно библейской легенде, принятой и Кораном, Гог и Магог — свирепые варварские племена севера; в данную эпоху их отождествляли с кочевыми племенами Центральной Азии.

⁴ Легенда о пришествии антихриста в конце мира перешла к мусульманам от христиан.

⁵ Т. е. полководцы Чингис-хана.

сеист ветра»¹).¹ Сочинение это было подготовлено к печати задолго до 1930 г. по единственной, после утраченной, рукописи известным персидским филологом Риза-кули-ханом Хидайатом (1800—1871 гг.).² «Нафсат ал-масдур» — мемуары автора, содержит рассказ о злоключениях и скитаниях автора после гибели Джелал-ад-дина; рассказ изобилует картинами ужасов и страданий жителей в областях, разоренных монгольскими войсками. Этот труд был написан еще в 1234/5 г. н. э.

Оба труда Несеви проникнуты враждой к завоевателям и не свободны от идеализации Джелал-ад-дина, но эта идеализация — искренняя: оба труда написаны после гибели Джелал-ад-дина и его сторонников, и Несеви не мог рассчитывать получить награду за свой труд. Оба труда написаны в тяжелом, вычурном, условно риторическом стиле, пересыпаны арабскими стихами.

Минхадж-ад-дин Осман ибн Сирадж-ад-дин Джужджани родился около 1193 г., служил султанам из династии Гуридов; спасаясь от нашествия войск Чингис-хана, Джужджани бежал в Индию, где и прожил до конца жизни. Около 1260 г. он закончил свой труд, типа краткой всеобщей истории, на персидском языке, посвященный султану Индостана Насир-ад-дину Махмуд-шаху I, почему и самый труд был озаглавлен «Табакат-и Насири» («Насиры разряды»)³. В этом труде дано описание вторжения войск Чингис-хана в Хорасан со многими подробностями. Джужджани использовал не дошедшие до нас первоисточники. К Монгольской империи он относится резко враждебно, осуждая завоевателей проклятиями и не скрывая своего отвращения к ним. Полностью труд Джужджани до сих пор не издан. В Индии издана часть персидского текста «Табакат-и Насири» — части («разряды») XI и XVII—XXIII (Калькутта, 1863—1864, изд. Nassau Lees). Опубликован также неполный английский перевод Раверти, «разряды» VII—XXIII, два тома, Лондон, 1881.

Абдуллах ибн Омар *Байдави*, родом из Фарса, знаменитый арабоязычный комментатор Корана, XIII в.,⁴ наряду с прочими сочинениями по суннитскому богословию и метафизике, составил также по-персидски краткую всеобщую историю «Низам-ат-таварих» («Порядок исторических сочинений»)⁵, в большей своей части компилятивную. В ней интересны известия об атабеках Фарса, о монгольском же владычестве в Иране сказано мало. «Низам-ат-таварих» издан.

К числу историков, состоявших на службе у монгольских ханов и писавших по прямому их заказу или лойяльных по отношению к завоевателям, относятся нижеследующие авторы, писавшие все на персидском языке.

Ала-ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед *Джувеини* (1226—1283 гг.) происходил из фамилии старинной персидской чиновной знати, из округа Джувеин в Хорасане, служившей хорезмшахам, а потом перешедшей на службу к монгольским ханам. Баха-ад-дин Джувеини при монгольских

¹ Под этим заглавием известно несколько сочинений разных авторов, посвященных описанию массовых бедствий. В переносном смысле «Нафсат ал-масдур» означает также «Вздох души».

² Риза-кули-хан ошибочно прочел в рукописи имя автора, как «Мухаммед Зейдери». Известный персидский историк и филолог проф. Мирза Мухаммед-хан Казвини в статье, вышедшей в том же 1930 г., доказал, что вместо «Зейдери» следует читать «[Х]орендизи» (Хорендиз — замок Несеви). Авторство Несеви, указывает Мирза Мухаммед-хан Казвини, ясно вытекает из того, что оба труда — персидский и арабский — в отдельных частях текстуально или по содержанию совпадают и что в обоих трудах автор сообщает о себе и о своей деятельности одно и то же.

³ Этот труд известен также под заглавием «Тарих-и Минхадж-и Сирадж».

⁴ Годы рождения и смерти точно неизвестны; разные авторы дают разные даты смерти Байдави: 1286, 1292, 1316 гг. н. э.

⁵ В смысле систематизации их известий.

ханах был везиром Хорасана, сын его Шамс-ад-дин Мухаммед Джувейни сахиб-диван был главным везиром трех первых монгольских ханов в Иране в течение более двадцати лет (1262—1284 гг.), а брат последнего историк Ата Малик Джувейни в те же годы был наместником монгольских ханов в Багдаде и его области, где провел восстановительные работы после разрушений времени завоевания. Ата Малик Джувейни умер внезапно, от паралича сердца (март 1283 г.), когда узнал, что семья Джувейниев попала в опалу, имущества ее конфискованы, а членам семьи грозит тюрьма и казнь.

Большой исторический труд Ата Малика Джувейни «Тарих-и джехангушай» («История миропокорителя»)¹ закончен был около 1260 г. Первый том этого труда содержит историю Монгольской империи, начиная от первых походов Чингис-хана до смерти Гуюк-каана; второй — историю государства хорезмшахов, а также историю монгольских наместников в Иране до 1258 г. н. э.; третий — историю похода Хулагу-хана в Иран (1256—1258 гг.), а также историю исмаилитов Аламута и их государства (1090—1258 гг.); последняя написана на основании не дошедшего до нас первоисточника — «Сергузешт-и сейидна» («Повествование о господине нашем»)².

Труд Джувейни содержит много ценного исторического материала. Несмотря на то, что общая направленность труда промонгольская, в нем не замалчиваются темные стороны владычества монгольских ханов — опустошения городов и областей, безудержный грабеж и хищническая налоговая политика монгольских наместников. Синтаксис труда Джувейни, всю жизнь вращавшегося в среде монголов, очень своеобразен.

Персидский текст «Тарих-и джехангушай» издан в трех томах в серии памяти Гибба (Лейден—Лондон, 1912—1937) с историческим введением и примечаниями проф. Мирзы Мухаммед-хана Казвини. В некоторых рукописях содержится также дополнительная глава о завоевании монголами Багдада, составленная современником Джувейни, знаменитым астрономом и математиком Насир-ад-дином Туси. В двух парижских рукописях содержатся также рисалэ (приложение) с биографией Джувейни, с массой социально-бытового материала.

Упомянутому уже *Насир-ад-дину Туси* (умер в 1277 г.), строителю обсерватории в Мараге, состоявшему на службе у Хулагу-хана монгольского, в числе прочих сочинений, приписывают авторство весьма краткого трактата о государственных финансах (без заглавия); в трактате отмечены изменения в системе налогового обложения, введенные монгольскими ханами. Трактат недавно издан персидским ученым Миновим и кембриджским профессором В. Ф. Минорским (персидский текст, английский перевод и примечания).

Величайшим средневековым персидским историком является *Рашид-ад-дин* Фазлуллах ибн Абу-л-Хейр Али *Хамадани* (1247—1318), ученый медик и суннитский богослов, вместе с тем и политический деятель, бывший везиром монгольских государей Газан-хана и Ольджайту-хана между 1298 и 1317 гг. Благодаря покровительству этих ханов, Рашид-ад-дин стал крупным феодальным землевладельцем. Он имел свыше 80 тыс. га орошенной пахотной земли в разных областях государства, а также множество садов, финиковых рощ, оросительных каналов и больших стад (250 тыс. баранов, 30 тыс. лошадей, 10 тыс. верблюдов и т. д.). Он скопил также громадное состояние — 35 млн. динаров, большая часть которого была вложена в виде долей в товарищества крупных

¹ Т. е. Чингис-хана.

² Исмаилитская биография Хасан ибн Саббаха, основателя Аламутского исмаилитского государства. Эта же биография в большей степени использована в историческом труде Рашид-ад-дина (см. о нем ниже).

оптовых торговцев. При хане Абу Са'иде, в результате интриг придворных кллик, Рашид-ад-дин был вынужден уйти в отставку. Вслед за тем он был ложно обвинен в отравлении Ольджайту-хана и в июле 1318 г. казнен. Имущество его было частью конфисковано, частью расхищено, причем погибла его богатая библиотека в Тебризе (60 тыс. томов) и часть рукописей его сочинений. Через девять лет его память была реабилитирована.

Написанный Рашид-ад-дином, по поручению Газан-хана, обширный исторический труд «Джами'-ат-таварих» («Сборник летописей») занимает исключительное положение среди средневековых персидских исторических сочинений. Рашид-ад-дин отказался от давней традиции арабских и персидских историографов — рассматривать «всеобщую историю», как историю одних только мусульманских стран. Рашид-ад-дин считал, что всеобщая история должна быть действительно всеобщей историей всех известных тогда народов, от «франков» на западе до китайцев на востоке. В частности, перед Рашид-ад-дином стояла задача — впервые создать историю монголов с древнейших времен. Выполнить труд, столь грандиозный по плану, было не под силу одному человеку. Поэтому Рашид-ад-дин привлек в качестве сотрудников знатоков языков и истории отдельных народов; среди них были два перса, два китайца, индус из Кашмира и, по-видимому, французский католический монах. В составлении истории монгольских и тюркских племен Рашид-ад-дину помогали монголы — знатоки монгольской старины и преданий; среди этих знатоков был и сам Газан-хан.

Работа над «Джами'-ат-таварих» была начата при Газан-хане в 1300 г. и закончена при Ольджайту-хане в 1310/11 г. Труд делился на три тома. Первый том, названный в честь Газан-хана «Тарих-и Газани» («Газанова история»), включает в себе обзор истории монгольских и тюркских племен; историю правления Чингис-хана и его ближайших преемников и историю улусов, выделившихся из Монгольской империи; историю монгольских ханов в Иране (улус Хулагуидов) до смерти Газан-хана (1304 г.). Во второй том вошла история немусульманских народов и государств — Китая, древних евреев, «франков» (западно-европейских государств), римских пап, «римских» (византийских и священной-римских, т. е. германских) императоров, государств Индии. Третий том должен был заключать географическое описание «семи климатов»¹ мира. Предполагают, что этот том или никогда не был написан, или погиб при расхищении библиотеки Рашид-ад-дина после его казни.

Наибольшую ценность имеет первый том — «Тарих-и Газани». В части, посвященной истории тюркских и монгольских кочевых племен их социальный строй, быт, обычное право и предания изложены с такой полнотой и точностью, какой нет ни в одном другом источнике, не исключая монгольских и китайских. Особенно важен этот том, как источник по истории Ирана и Азербайджана, отчасти и других стран XIII в. С наибольшей полнотой изложена история правления Газан-хана. В нее включены — в копиях или в сокращенном изложении — ярлыки (указы) Газан-хана. Том изобилует данными о социально-экономической истории Ирана и Азербайджана в XIII в.

В течение более столетия в России и за рубежом публиковались отдельные части «Тарих-и Газани» (персидский текст, переводы и комментарии) — французами Катрмером и Э. Блоше, русским И. Н. Березиным, Карлом Яном (в 40-х годах XX в.). Издание полного русского перевода «Тарих-и Газани», а также сводного (на основании научно-

¹ О значении термина «климат» см. в § 2 главы III.

критического сличения семи старейших рукописей) персидского текста проводится Институтом востоковедения АН СССР.

Том второй, имеющий гораздо меньшую ценность, до сих пор не издан, кроме немногих отрывков.

Бесьма важным историческим источником является также переписка Рашид-ад-дина («Муншаат-и Рашиди» или «Мукатебат-и Рашиди»), собранная его секретарем Мухаммедом Аберкухи. Она содержит 53 письма (одно без начала), в их числе 4 письма к Рашид-ад-дину от разных лиц, остальные — письма самого Рашид-ад-дина к своим сыновьям, бывшим наместниками разных областей Ирана, а также к сановникам, высшим представителям мусульманского духовенства и разным знатым людям. В переписке приведено много данных о налоговой политике, о тяжелом положении крестьянства, о торговле, о строительстве оросительных каналов и т. д. Особенно интересно приведенное в одном из писем (№ 36) завещание Рашид-ад-дина, с перечислением его имений и имущества. Из переписки можно составить представление о хозяйстве такого крупного феодала, каким был Рашид-ад-дин.

Переписка Рашид-ад-дина («Мукатебат-и Рашиди») издана в Пакистане проф. Хан Бахадуром Мухаммедом Шафи (Лахор, 1947, персидский текст и примечания).

Язык Рашид-ад-дина, сравнительно простой, является лучшим образцом классического языка новоперсидской прозы.

Социальное лицо Рашид-ад-дина выявляется и в «Джами'-ат-таварих», и в его переписке. Он — представитель одной из групп класса феодалов — гражданской бюрократии, тесно связанной с мусульманским духовенством, поэтому враждебен к тенденциям феодальной раздробленности и к ее наиболее упорному носителю — монгольской кочевой знати. Рашид-ад-дин старался поддерживать сильную центральную власть в лице монгольских ханов, в которых, однако, он хотел видеть наследников и продолжателей «хосроев Ирана», носителей сасанидской государственной традиции с ее централистской политикой. К сторонникам и восхвалителям монгольских ханов Рашид-ад-дина можно причислить лишь условно. Восхваляя Чингис-хана и его потомков, Рашид-ад-дин лишь выполнял данный ему заказ, но души в эти панегирики не вкладывал. Он не скрывал ни зверств войск Чингис-хана, ни темных сторон созданной завоевателями государственности. И только идеализация Газан-хана у Рашид-ад-дина видимо искренна, что объясняется позицией Газан-хана: он опирался на ту группу феодалов, интересы которой выражал Рашид-ад-дин.

Абу Сулейман ибн Давуд *Бенакети*, родом из Бенакета в Средней Азии (умер около 1329 г.), в 1317 г. составил сокращенное изложение «Джами'-ат-таварих» Рашид-ад-дина, включив сюда и отрывки по истории немусульманских стран. Труд этот известен под именем «Тарих-и Бенакети», не издан.¹

Абдуллах Кашани, один из сотрудников Рашид-ад-дина при составлении «Джами'-ат-таварих», после осуждения и казни последнего пытавшийся обвинить его в плагиате и присвоить авторство всего труда себе, составил «Тарих-и Ольджайту-хан» — труд по истории правления Ольджайту-хана. Труд не издан.²

Шихаб-ад-дин 'Абдуллах ибн Фазлуллах Ширази, известный под прозвищем «Вассаф ал-хазрет» («Панегирист его величества»), или попросту *Вассаф*, родом из Шираза, состоял при дворе ильханов, выдвинулся благодаря покровительству Рашид-ад-дина, под начальством ко-

¹ Хорошая рукопись (список XVI в.) есть в коллекции Института востоковедения АН УзССР (Ташкент).

² Ценная рукопись есть в Национальной библиотеке в Париже.

торого служил по финансовому ведомству. Других биографических сведений о нем нет. Он написал большой исторический труд по-персидски, с арабским заглавием — «Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар» («Разделение областей и распределение веков»), более известный под именем «Тарих-и Вассаф» («История Вассафа»). Первые четыре части этого труда были закончены и поднесены Ольджайту-хану при посредстве Рашид-ад-дина в 1312 г., пятая же часть была закончена в 1328 г. Труд задуман был как продолжение труда Джувейни и охватывает время с 1257 до 1323 г. Источниками Вассафа были труды Джувейни, Рашид-ад-дина и др., официальные документы, в частности документы финансового ведомства, собственные воспоминания и рассказы очевидцев.

Первая часть труда Вассафа охватывает историю правления великих ханов Хубилай-каана и Тимур-каана и историю государства Хулагуидов до 1284 г. н. э.; вторая часть — историю Фарса от завоевания его сельджуками до восстания луров в 1291 г.; третья часть — продолжение истории государства Хулагуидов до смерти Газан-хана; четвертая — историю правления Ольджайту-хана; пятая — окончание правления Ольджайту-хана и правление Абу Са'ида Бахадур-хана, а также экскурс о налоговых притеснениях в Фарсе и о тяжелом состоянии этой области в правление этого хана.

«Тарих-и Вассаф» содержит много очень интересного материала как по политической, так и по социально-экономической истории Ирана XIII — начала XIV в., много сведений, каких нет в других источниках. Ценность данного источника поэтому очень велика. Но пользование им затруднено из-за напыщенной манеры изложения и цветистого и вычурного языка, со множеством метафор и других поэтических образов, аллегорий, хронограмм, каламбуров, стихотворных загадок и т. д.; при этом содержание всецело подчинено литературной форме. О стиле Вассафа можно судить, например, по следующему отрывку: «Когда ювелир предопределения¹ претворил реку Дербендскую² в некий слиток серебра,³ когда закрывщик зимней шубы скроил горностаевую мантию,⁴ соразмерно длине и ширине, локатости холмов и долин, и когда гладь речной поверхности на один дротик вглубь затвердела подобно камню, тогда войско монгольское, которое было отвратительнее злых духов и многочисленнее дождевых капель, по повелению Берке-огула, подобно сгню и ветру прошло по сей замерзшей реке».

Известный исследователь Рьё, автор описания персидских рукописей Британского Музея, говорит об «Истории» Вассафа, что она «содержит достоверный, современный событиям, обзор значительного периода, но ее несомненная ценность в сильной степени уменьшается благодаря недостаткам метода его изложения и еще более благодаря высоко искусственному характеру и утомительному многословию его стиля. К несчастью, он был взят за образец и оказал губительное влияние на позднейшие исторические сочинения в Персии».⁵

Политическая направленность труда Вассафа такая же, как у Рашид-ад-дина. Как и Рашид-ад-дин, Вассаф, вместе с лстивыми и цветистыми панегириками монгольским ханам, показывал их зверства, насилия и губительные последствия их налоговой политики для земледелия и городской жизни областей Ирана, особенно Фарса, о состоянии которого Вассаф писал по личным впечатлениям.

¹ Т. е. мороз.

² Терек.

³ Т. е. сковал реку льдом.

⁴ Т. е. зима покрыла снегом.

⁵ Ch. Rieu. Catalogue of Pers. MSS in Brit. Museum I, p. 162.

Полное литографированное издание персидского текста труда Вассафа вышло в Бомбее в 1269 г. х. = 1853 г. н. э.; это издание содержит также ферхенг, т. е. толковый словарь малоупотребительных, архаических и специфических выражений и терминов, встречающихся во множестве у Вассафа. Часть труда Вассафа (только первый том) издал вместе с немецким переводом Хаммер—Пургшталь (Вена, 1856).

Хамдуллах ибн Абу Бекр Мустоуфи Казвини (родился около 1281 г., год смерти неизвестен) происходил из старинной знатной фамилии Мустоуфиев, с XI в. занимавшей наследственно пост начальника казначейства (мустоуфи) Казвинского вилайета. Хамдуллах Мустоуфи Казвини пользовался покровительством Рашид-ад-дина и занимал видные должности по финансовому ведомству и одно время управлял финансами Казвина и ряда соседних вилайетов.

Исторический труд Хамдуллаха Казвини «Тарих-и гузидэ» («Избранная история») был закончен в 1330 г. и посвящен сыну Рашид-ад-дина, везиру Гийас-ад-дину Мухаммеду Рашиди. В этом труде, типа «всеобщей истории», XII раздел IV главы содержит сжатую историю монгольских ханов в Иране; VI глава дает подробное описание родного города автора — Казвина. Изложение доведено до 1329 г. н. э.

«Тарих-и и гузидэ» издана Эдуардом Г. Броуном в серии памяти Гибба в двух томах — перс. текст (факсимиле списка половины XV в.) и сокращенный английский перевод (Лейден—Лондон, 1910—1913 гг.). В рукописи, изданной Броуном, имеется добавление — история династии Музаффаридов, составленная около 1420 г. *Махмудом Кутуби*.

В некоторых рукописях «Тарих-и гузидэ» содержатся продолжения: а) составленное самим Хамдуллахом Казвини и доведенное до 1344 г. н. э.; б) написанное его сыном *Зейн-ад-дином Мустоуфи Казвини* и излагающее события в Иране до 1392 г. н. э.

Около 1335 г. Хамдуллах Казвини закончил огромную (75 000 бейтов) стихотворную летопись-поэму «Зафар-намэ» («Книга победы»), задуманную как продолжение «Шах-намэ» Фирдоуси. Изложение событий в «Зафар-намэ» доведено до 1331/2 г. н. э. Здесь сообщены некоторые факты и датировки, которых нет в других источниках. Особенно ценен драматический рассказ о взятии монгольскими войсками города Казвина и о произведенной ими там всеобщей резне в 1220 г., написанный на основании рассказа прадеда автора.

Третье сочинение Хамдуллаха Казвини — законченный около 1340 г. н. э. труд по космографии и географии — «Нузхат ал-кулуб» («Услада сердец»). Наибольшую ценность представляет третья часть этого труда, содержащая подробное географическое описание Ирана и государства Хулагуидов. Автор использовал большое число первоисточников; правда, данными более ранних географов он пользовался довольно скупно и критически; благодаря этому анахронизмы встречаются у него сравнительно редко. Только описание Фарса составлено почти целиком на основании «Фарс-намэ» Ибн-ал-Балхи (XII в.), однако, не без критического подхода к фактическому материалу последнего. В большей же своей части сведения по экономической географии Ирана современны автору; автор использовал как источник податные списки (дафтары) государства Хулагуидов, к которым он, как сановник финансового ведомства, имел доступ. Описание каждого вилайета построено по единому плану: приводятся координаты широты и долготы, сведения о природных условиях, о видах орошения, о земледелии и растительных культурах, о городах, о религиозной принадлежности населения; почти по всем вилайетам приведены цифры налоговых поступлений и по многим вилайетам — цифры селений. Напротив, сведения о ремесле, торговле и городской жизни крайне скудны. Отдельно описаны реки с оросительными кана-

ламн, рудники и маршруты караванных путей, пролежавших через Иран.

Хамдуллах Казвини, как и Рашид-ад-дин и Вассаф, выражал политические идеи чиновной знати, тесно сросшейся с центральным государственным аппаратом и поддерживавшей централистские традиции староперсидской государственности против феодальной раздробленности.

Полное литографское издание текста «Нузхат-ал-кулуб» (Бомбей, 1311 г. х. = 1894 г. н. э.) крайне неудовлетворительно. Научно-критическое издание географической (третьей) части «Нузхат-ал-кулуб» выпущено Ле Стренджом в серии памяти Гибба (Лейден—Лондон, 1915, 2 тт. — персидский текст и английский перевод).

Мухаммед ибн Али *Шебангарэи*,¹ поэт и историк, составил по-персидски краткую и сухую «всеобщую историю» — «Маджма'-ал-ансаб» («Собрание генеалогий»). Вторая, улучшенная версия этого труда закончена автором в 1342/3 г. н. э.; до этого времени доведено и изложение. Источник этот представляет интерес преимущественно при описании событий 20—начала 40-х годов XIV в.

Труд Шебангарэи не издан. В коллекции Института востоковедения АН СССР (Ленинград) имеется рукопись Шебангарэи — автограф.

Произведений региональной историографии в описываемый период создано несколько. Из них наиболее ценным является «Тарих намэ-и Херат»² («Книга истории Херата») *Сейфа* ибн Мухаммеда *Хереви*, более известного под нисбой *Сейфи*. Автор родился в Херате в 1282 г., год смерти неизвестен. Сейфи был высокообразованным человеком, находился в числе придворных поэтов хератских меликов из династии Куртов³ (1245—1389 гг.), вассалов монгольских ханов. В числе многих произведений, поэтических и прозаических, Сейфи составил, по поручению хератского мелика Гийас-ад-дина I Курта, обширный труд по истории города Херата и его области, под указанным выше заглавием.

Труд Сейфи охватывает период от первого вторжения войск Чингисхана в Хорасан (1220 г.) до 1321 г. н. э., — даты окончания труда. Сейфи использовал в качестве первоисточников труды Джужджани, Джувеини и Рашид-ад-дина, а также не дошедшие до нас труды по истории Херата, диалогические документы, наконец многие рассказы стариков и очевидцев. Труд обильно пересыпан стихами. Главное внимание в труде Сейфи уделено политической истории Хератского княжества и местной династии Куртов, однако в труде приведено и много деталей относительно внутренней жизни города Херата и его сельской округи. Сейфи выражал интересы местной, провинциальной феодальной знати, враждебно относился к монгольскому владычеству и многие события освещал иначе, нежели они освещены в трудах Рашид-ад-дина, Вассафа и других представителей придворной историографии монгольских ханов. Труд Сейфи Хереви сохранился в немногих рукописях.⁴ Он издан недавно профессором Калькутского университета Мухаммед-Зубейром Сиддики — персидский текст с введением (Калькутта, 1944).

Из монгольских источников важнейшими является «*Юань-чао-би-ши*» («Сокровенное сказание о поколении монгол»), составленное в Монголии около 1240 г. До нас дошел монгольский текст, транскрибированный китайскими иероглифами, и два китайских перевода. По содержанию оно представляет цепь эпических сказаний типа «богатырского эпоса», отно-

¹ Родом из Шебангарэ, в юго-восточной части Фарса.

² В некоторых рукописях заглавие — «Тарих-и Херат» и «Тарих-и Курт».

³ Династийное имя Куртов, или Куртидов, разными исследователями читается различно: Курт, Карт и Керт. В нашем издании принято чтение В. В. Бартольда и Э. Г. Броуна — Курт.

⁴ Есть рукопись (дефектная) в ИВ АН СССР; имеется рукопись и в коллекции проф. Б. Н. Заходера (Москва).

сящихся ко времени Чингис-хана, переработанных в духе идеологии монгольских кочевых феодалов. Эта переработка была проведена с целью создать официальную хронику первых Чингисидов — Чингис-хана и его сыновей. «Сокровенное сказание», помимо рассказа, эпическим стилем, по годам, о политических событиях в Монголии конца XII — начала XIII вв., рисует широкую картину социальных отношений и кочевого быта монголов.

«Сокровенное сказание» было открыто в середине XIX в. одним из крупнейших русских китаистов — Кафаровым (архимандрит Палладий). Им же был подготовлен к изданию текст памятника, который, однако, ему не удалось опубликовать. Но Палладий Кафаров издал прекрасный русский перевод «Сокровенного сказания»,¹ сделанный с дошедшего до нас построчного китайского перевода.

Советским монголистом С. А. Козиньим подготовлен и издан новый русский перевод «Сокровенного сказания», вместе с монгольским текстом в транскрипции, глоссариями и введением в изучение памятника (М.—Л., 1941).

В Китае вышли два научных издания китайской транскрипции текста «Сокровенного сказания»: издание Е-Де-Хой (Пекин, 1908) и издание Общества «Коммершел пресс» (Шанхай).² В Западной Европе вышли издания того же памятника, подготовленные двумя крупнейшими специалистами по Дальнему Востоку, — издание Эриха Хёниша (ч. I, текст, Лейпциг, 1937; ч. II, немецкий перевод, Лейпциг, 1941)³ и издание П. Пеллио (монгольский текст полностью и французский перевод первых шести глав, Париж, 1949). «Сокровенное сказание» переведено на ряд языков.⁴

Помимо «Сокровенного сказания», существовала другая официальная монгольская летопись — «Алтан дебтер» («Золотая книга»). Ею пользовался Рашид-ад-дин при составлении своего большого исторического свода. Эта летопись до нас не дошла.

Так называемая *Великая Яса* (или *Ясак*) Чингис-хана, представлявшая кодификацию монгольского обычного права, переработанного в духе интересов и идеологии феодализованной монгольской кочевой знати, полностью до нас не дошла. Частично содержание ее передано персидским историком XIII в. Джувейни,⁵ арабо-египетским историком XV в. Макризи и другими авторами.

Немаловажное значение для истории монгольского завоевания и монгольского государства Хулагуидов имеют армянские источники. Особенно ценны труды авторов XIII — начала XIV вв. Среди них надо отметить *Кириакса Гандзакского* (Гандзакеци, т. е. родом из Гянджи), автора «Истории армян», очевидца монгольского завоевания, побывавшего в плену у монголов;⁶ *Григория Акнерци* (умер в 1335 г.), автора весьма содержательной «Истории народа стрелков» (монголов),⁷ в которой приведено много ценных сведений о быте и языке монголов, а также о си-

¹ В «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866.

² Новое издание (год издания не указан).

³ В числе работ Хёниша, посвященных «Сокровенному сказанию», отметим его словарь к данному памятнику (Лейпциг, 1941).

⁴ Важное значение для научной критики разных изданий текста и переводов «Сокровенного сказания» (в частности, перевода С. А. Козина) имеет новейшая работа: A. Mostaert, Sur quelques passages de l'Histoire Secrete des Mongols. Harvard Journal of Asiatic studies, тт. 13, 14, 15, 1950—1952.

⁵ В I томе «Тарих-и джехангушай».

⁶ Имеется издание армянского текста (Тифлис, 1909) и французский перевод М. Броссе (СПб., 1870).

⁷ Автором этого труда до последнего времени считался инок Магакян; под его именем изданы армянский текст (СПб., 1870) и русский перевод К. Патканова (СПб., 1870). Перевод К. Патканова устарел и далек от точности.

стеме управления и податей монгольских завоевателей; *Вардана Великого* (или Бардзрбердского), автора «всеобщей истории»,¹ *Степанноса Орбеляна* (1258—1304 гг.), митрополита сюннийского,² происходившего из рода сюннийских князей Орбелянов,³ автора весьма ценной «Истории княжества Сисакан» (Сюнии), доведенной до 1299 г. и содержащей много материала по социально-экономической истории времени.⁴ Все названные авторы сообщают богатый материал о разрушениях времени монгольского завоевания. Тем не менее политическая направленность трудов Вардана Великого и Степанноса Орбеляна — промонгольская, что в значительной степени объясняется тем покровительством, какое первые монгольские ильханы Хулагуиды-язычники, отчасти даже и мусульманин Газан-хан, оказывали христианскому духовенству и армянским и грузинским феодалам-христианам.

Ряд сведений о монгольском завоевании и управлении содержится в грузинском своде летописных сочинений по истории Грузии «Картлис цховреба» («Жизнь Картлии»), изданном акад. М. Броссе (грузинский текст и французский перевод).

Из сирийских авторов важное значение имеет Григорий *Абу-л-Фарадж*, по прозванию *Бар Эбрайя*⁵ (1226—1286 гг.), деятель монофизитской церкви (мафриан, т. е. заместитель патриарха) и историк, автор большой «Всеобщей истории» на сирийском языке, в трех частях;⁶ из них собственно политическая история дана в первой части.⁷ По просьбе своих арабских друзей, Абу-л-Фарадж составил на арабском языке вариант первой части своего труда, под заглавием «Мухтасар тарих ад-дуваль» («Сокращенная история династий»), где обильно использованы арабские и персидские источники.⁸ Труд содержит много сведений о монголах и, в частности, сокращенное изложение «Великой ясы» Чингис-хана.

Интересным произведением XIV в. является также анонимная сирийская биография *мар Ябалаха III*, патриарха-католика несторианской церкви, по происхождению тюрка (уйгура) из северного Китая (умер в 1317 г.).⁹ Источник этот содержит много подробностей относительно политической истории государства Хулагуидов и быта монголов, а также характеристики ильхана Аргун-хана и его преемников. В данное сочинение включен также дневник путешествия в Европу раббана Саумы, широко образованного несторианского монаха, уйгура, родом из Пекина, посланного Аргун-ханом в 1287—1288 гг. в качестве посла к римскому папе, в Генуэзскую республику и к королям французскому и английскому.

Разные сведения о социально-экономическом состоянии Ирана и сопредельных стран под властью монголов, а также о самих монголах содержатся в записках европейских путешественников: католических мона-

¹ Имеется издание армянского текста (1861) и русский перевод (М., 1861).

² Сюник, Сюния, иначе Сисакан — область на юго-востоке нынешней Армянской ССР.

³ Фамилия эта грузинского происхождения (Орбели); одна ветвь ее, получившая от Сельджукидов в XII в. в ленное владение Сюнию, арменизовалась (Орбеляны).

⁴ Имеется издание армянского текста (М., 1861) и французский перевод М. Броссе (СПб., 1864).

⁵ Т. е. «Сын еврея» (по-арабски Ибн-ал-Ибри, по-латыни Ваг Нebraeus; по-русски иногда: Бар-Эбрей); он был сыном врача-еврея, принявшего христианство монофизитского толка.

⁶ Так называемая *Chronicon Syriacum*. Лучшее издание текста — П. Беджана (Париж, 1890); есть английский перевод.

⁷ Вторая и третья части содержат историю сирийской церкви.

⁸ Издания текста Э. Пококка, с латинским переводом (1663); новое научное издание Антуана Сальхана (Бейрут, 1890).

⁹ Текст издан П. Беджаном в Париже дважды: в 1888 г. и 1895 г. (исправленное изд.); французский перевод издан Ж. Б. Шабо в Париже в 1895 г.

хов францисканского ордена *Плано Карпини* (путешествовал в 1246—1247 гг.) и *Вильгельма Рубрука* (путешествовал в 1253—1255 гг.), венецианца *Марко Поло* (путешествовал в Азии в 1271—1295 гг., умер в 1323 г.), францисканского монаха *Одорики из Порденоне* (путешествовал в 1321 г.). Все эти записки изданы. Записки первых трех авторов имеются в русских переводах.

Ценные сведения о монголах, их социальном строе и быте, их завоеваниях оставили китайские историки и путешественники. Но непосредственно к восточному Ирану и Средней Азии относятся лишь путевые записки даосского монаха *Чан-Чуня* (1223—1224).¹

§ 3. Образование монгольской державы и начало монгольских завоеваний

В начале XIII в. кочевые племена, вышедшие из глубин Центральной Азии, завоевали огнем и мечом большую часть культурного мира своего времени и установили свою власть над огромной территорией, простиравшейся от Тихого океана до Черного и Средиземного морей. Это движение кочевников, получившее название монгольского, или татарского, завоевания, имело всемирно-историческое значение.

Для понимания международной обстановки, сложившейся в Азии в первой четверти XIII в., а также причин завоеваний вновь созданной Монгольской империи, распространившихся и на Иран, необходимо остановиться на состоянии и развитии монгольского общества к началу XIII в.

В XI—XII вв. обширную территорию от верховьев р. Иртыша на западе до верховьев р. Амура и хребта Большой Хинган занимали племена, говорившие на разных наречиях одного общего языка, позднее названного монгольским; они еще не имели общего наименования. Крупнейшими улусами, т. е. племенными объединениями, были: найманы, кочевавшие в верховьях р. Иртыша и в Алтайских горах, кераиты — по рр. Орхон и Тола, меркиты — в лесистых районах между р. Селентой и озером Байкал, тайчиуты — по рр. Онон и Керулен, татары — к юго-востоку от пустыни Гоби, на границе с Китаем, онгуты — вдоль Великой Китайской стены.

По имени самого могущественного племени татар соседи называли также и остальные монгольские племена татарами или «черными татарами», в отличие от собственно татар, иначе «белых татар». Наименование «монголы» тогда еще не было известно. Вот почему арабские и персидские, равно как и армянские, грузинские и русские, источники первой половины XIII в. говорили только о татарах. Происхождение имени «монголы» не вполне ясно. По мнению акад. В. П. Васильева, оно — искусственного, книжного происхождения, из китайской формы «мэн-гу». Это имя было введено официально только после образования державы Чингис-хана, когда понадобилось общее имя для всех монголоязычных племен.

Монгольские племена делились на лесных, занимавшихся звероловством и рыболовством, и степных, занимавшихся кочевым скотоводством. Последние кочевали со своими стадами зимою по степям, летом по горным пастбищам. Они разводили крупный рогатый скот, овец, коз, коней. В больших круглых войлочных юртах, поставленных на колеса и запряженных быками, люди передвигались с места на место, по несколько раз в год меняя пастбища. Все необходимое для жизни им давали скотоводство и охота.

¹ Имеется русский перевод Палладия Кафарова в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866.

В прошлом монгольские племена находились на стадии первобытно-общинного строя. Род, еще не дифференцированный, кочевал вместе, и на стойбище юрты устанавливались кругом, наподобие кольца, а юрта главы рода уподоблялась точке в середине круга. Этот способ кочевания назывался куренным, ибо слово «курень» означало «кольцо».

Постепенно, между XI и XII вв., из рода начали выделяться отдельные знатные и богатые семьи, владевшие обширными стадами и составлявшие большесемейные общины (айлы). Куренный способ кочевания сменился теперь айльным. Процесс дифференциации рода все усиливался и вел к тому, что бедные члены рода попадали в зависимость от знатных и богатых. К началу XIII в. в монгольской степи уже сложилось классовое раннефеодальное общество. Оболочка родового строя со всеми его признаками — экзогамией, агнатным родом, кровной мстью, родовым культом и родовыми обычаями — сохранялись, но под этой патриархальной оболочкой теперь создавались новые общественные отношения — феодальные.

Большая часть кочевников имела в своем владении скот, вела айльное хозяйство, но распорядителем основного средства производства — пастбищ — сделался кочевой феодал — нойон, в пользу которого простой монгол-кочевник должен был нести феодальные повинности под патриархальной оболочкой родовой помощи. Основной феодальной повинностью рядовых кочевников-аратов была обязанность пасти стада феодалов (отработочная рента). Кроме того, араты предоставляли господам мелкий скот на убой, отправляли в ставки феодалов на срок известное число дойных кобылиц и служили загонщиками зверя в облавных охотах.

Между монгольскими родами и племенами шла непрерывная борьба в целях захвата пастбищ, скота, пленников-рабов и прочей военной добычи. Победенные род или племя становились феодально-зависимыми от племени и рода победителя.

Были у монголов и рабы-пленники, но рабство не составляло основы производства.

Всю сложную структуру монгольского общества рисует ценный монгольский источник — анонимная хроника «Сокровенное сказание».

Вокруг удачливого кочевого феодала-хана, нойона, баатура группировались нукеры, первоначально дружинники, позже превратившиеся в вассалов, которые несли военную службу своему хану и вместе с тем эксплуатировали зависимых от них аратов. Нукеры вместе со своим ханом ходили на охоту, бились в набегах, участвовали в дележе военной добычи, служили для него охраной, участвовали в его пирах, присматривали в мирное время за его скотоводческим хозяйством, давали хану советы при важных решениях.

Сложившиеся ранее племенные объединения (улусы) в этот период превратились в государственные образования. Кроме больших племенных объединений — «белых» татар, кераитов, тайчиутов, меркитов, найманов, было довольно много небольших улусов. Стоявшие во главе этих улусов ханы были орудиями классового господства кочевой знати над аратами. Между улусами происходили постоянные войны.

Таким образом, к XIII в. феодальные отношения в Монголии находились в начальной стадии. Полная победа феодализма и превращение зависимых аратов в крепостных произошли позже, уже после образования Монгольской империи.

Монгольские племена находились на неодинаковом уровне культурного развития. Самыми отсталыми были лесные племена. Своей письменности у монголов еще не было. Наиболее культурное племя — найманы приняли уйгурскую письменность. Соседи найманов — тюркоязычные

уйгуры, жившие в Восточном Туркестане (ныне Синьцзян), в то время обладали сравнительно высокой культурой; у них была письменность и алфавит сирийского (арамейского) происхождения.

Религией основной массы монголов был шаманизм. Главным божеством признавалось «вечное синее небо», поклонялись также божеству земли, разным духам. Монголы верили, что колдуны-шаманы могут входить в общение с духами, заклинать их и получать от них помощь и защиту в опасности. Но часть найманов приняла буддизм или христианство несторианского толка от уйгуров, среди которых были распространены обе эти религии. Знатная верхушка племени кераитов приняла христианство несторианского толка, опять-таки при посредстве уйгуров, еще в начале XI в.

В начале XIII в. междоусобная борьба в Монголии закончилась победой разноплеменной группировки феодализованной кочевой знати во главе со степным вождем Темучином, которая разгромила старые племенные улусы один за другим.

Темучин родился около 1155 г., в семье кочевого феодала Есугей-баатура, из знатного рода Борджигин, племени тайчиутов. Осиротев десяти лет, он со своими братьями попал в бедственное положение, так как нукеры Есугея покинули вдову и малолетних детей. Став юношей, Темучин, благодаря покровительству Ван-хана кераитского и личным дарованиям, усилился и начал собирать вокруг себя нукеров, которые составляли главную силу кочевого феодала. Созданный им улус постепенно стал крупной политической силой. Разгромив сперва, в союзе с Ван-ханом кераитским, улусы «белых» татар и меркитов, Темучин затем напал на своего прежнего союзника Ван-хана кераитского и разгромил его улус. После того Темучин разгромил улус найманов. Остатки разгромленных улусов влились в улус Темучина. Последний из старых соперников Темучина, степной вождь Джамуха, сплотивший вокруг себя мелкие племена, был разбит, взят в плен и казнен.

В 1206 г. на реке Ононе в Монголии, на курултае (съезде кочевых феодалов) пятидесятилетний Темучин был провозглашен великим ханом всей Монголии и принял почетный титул Чингис-хана; значение этого титула до сих пор не выяснено.

Так сложилось Монгольское государство. Благодаря этому усилилось развитие феодальных отношений. Образование единого государства способствовало и процессу формирования монгольской народности.

Монгольское государство имело следующую структуру. Во главе государства стоял великий хан. Его называли также каан.¹ Им был Чингис-хан, а после него его потомки — Чингисиды. Отдельные улусы еще при жизни Чингис-хана распределялись между членами ханского рода, которые становились вассалами самого великого хана, а их вассалами были, в свою очередь, все кочующие на данной территории нойоны со своими нукерами и крепостными аратами. Чингис-хан правил с 1206 по 1227 г.

Все это феодально-иерархическое общество являлось одновременно и военной организацией, так как, согласно старинному обычаю тюрков и монголов, было разбито на тумены, тысячи, сотни и десятки, т. е. на военно-административные единицы, поставлявшие в войско соответственно до 10 тысяч, тысячу, сто и десять воинов каждая. Под именем туменов, тысяч и т. д. продолжали существовать старые племена, колена и роды, наследственные вожди которых были в то же время начальниками туменов, тысяч и т. д.

¹ Раньше кааном (монг., у тюрков — хаган, каган) монголы и тюрки называли китайского императора.

Сознательно поддерживая кочевую знать и аристократические традиции в монгольском обществе, Чингис-хан возвел в незыблемый закон нерасторжимость связи между рядовым кочевником и его господином, являвшимся для него одновременно и феодалом, и военачальником.

Чингис-хан дал очень четкую организацию тем феодальным элементам, которые уже существовали до него в монгольском обществе. Рядом с феодальным ополчением стояла знаменитая десяти тысячная гвардия (кешик) Чингис-хана, укомплектованная юношами из знатных семейств. Эта феодально-аристократическая гвардия занимала привилегированное положение; из нее черпались кадры высшего командного состава для армии и, позднее, администраторов для покоренных областей. Основным законом государства была Великая Яса — обычное право, переработанное в духе интересов знати, которое под патриархальной оболочкой освещало крепостнические отношения и суровую военную дисциплину.

Политическое объединение Монголии создало могучую военную силу, которая была использована Чингис-ханом для обширных завоеваний. Завоевательная политика Чингис-хана определялась интересами феодализованной кочевой знати. Исстари доходы этой знати составлялись не только от эксплуатации аратов, но и в неменьшей степени от грабительских войн между соседними улусами. Так как с объединением Монголии внутренние войны в ней прекратились, кочевая знать, не желая лишиться военной добычи, стремилась к внешним завоеваниям. Поскольку для успеха этих войн нужна была сильная ханская власть и крепкая воинская дисциплина, монгольская знать верно служила Чингис-хану. Из среды этой знати вышли способные полководцы: Джебэ, Субутай, Мухули, Шики-Хутуху и другие.

Успех монгольских завоеваний объяснялся отчасти крепкой и четкой организацией и дисциплиной и исключительной подвижностью конных кочевых ополчений, что давало монголам преимущества перед недисциплинированными и малоподвижными ополчениями оседлых феодалов соседних земледельческих стран. Но решающее значение имело то, что в государствах, ставших объектом завоевания, господствовали феодальная раздробленность, не было внутреннего единства. Зачастую правители этих государств боялись вооружить и двинуть против завоевателей свои народные массы, не доверяя им.

В 1209—1210 гг. Чингис-хан подчинил и обложил данью тангутское государство Си-Ся (в нынешней китайской провинции Ганьсу) и государство уйгуров. Между 1211 и 1215 гг. монгольскими войсками была страшно опустошена и покорена большая часть Северного Китая (Цзиньская империя). Завоевание Северного Китая, а вслед за тем и Южного Китая (Сунская империя) было завершено уже при преемниках Чингис-хана. Одержав решительный успех в Китае, Чингис-хан двинул главные свои военные силы на запад. Захватив в 1218 г. Восточный Туркестан и Семиречье, он в 1219 г. обрушился на государство хорезмшахов, в состав которого входили Средняя Азия и почти весь Иран. Завоевание культурных областей передало в распоряжение монголов большие материальные ресурсы и самую передовую военную технику.

В состав монгольского войска вошли китайские катапультщики, оружейники, строители стенобитных машин. С давних времен Монголию посещали китайские и мусульманские купцы; вместе с торговыми караванами приходили и разнообразные ремесленники, которые оставались при ставках крупных монгольских феодалов и прививали верхушке кочевого общества культурные достижения Китая и среднеазиатских государств.

Таково было состояние монгольского государства перед вторжением монголов на Запад.

§ 4. Вторжение войск Чингис-хана в Среднюю Азию и Иран

Чингис-хан тщательно готовился к походу на Запад. Военным действиям предшествовала глубокая разведка сил врага, проведенная с помощью состоявших на службе у Чингис-хана мусульманских купцов из Средней Азии, ведших караванную торговлю с Китаем; они же являлись проводниками монгольских армий. Осенью 1219 г. с берегов Иртыша Чингис-хан двинул свое войско в поход против государства хорезмшаха Мухаммеда.

Для одновременного нанесения ударов по важнейшим центрам государства хорезмшаха Чингис-хан разделил свое войско на части. Оставив часть своих войск осаждать Отрар, он послал отряды вверх и вниз по течению р. Сыр-Дарьи, а сам с главными силами устремился к Бухаре.

Монгольские войска, посланные в города, лежавшие по Сыр-Дарье, встретили упорное сопротивление в Ходженде. Неравной борьбой с монголами руководил Тимур-Мелик, который с горстью храбрецов укрылся на острове близ города и мужественно отбивался от полчищ завоевателей.

Бухара была взята Чингис-ханом после двенадцатидневной осады в феврале 1220 г. Город был разгромлен, население частью перебито, частью обращено в рабство. В марте 1220 г. Чингис-хан подошел к Самарканду, защите которого хорезмшах придавал большое значение и поэтому сосредоточил там сильный гарнизон. Но и Самарканд подвергся участи Бухары. После монгольского разгрома в нем не осталось и четверти его жителей. И Бухара и Самарканд пали из-за предательства части феодальной знати. К маю 1220 г. весь Мавераннахр был завоеван.

Хорезмшах Мухаммед не сумел оказать сопротивления завоевателям, хотя его силы намного превышали монгольские. Он не доверял ни своим полководцам, ни своим вассалам и феодальному ополчению и, боясь сосредоточить его в одном месте для решающего боя, рассылил на мелкие отряды, которые были уничтожены войсками Чингис-хана порознь. Сам Мухаммед и его старший сын Джелал-ад-дин бежали в Иран. В погоне за хорезмшахом был послан монгольский отряд под начальством Джебэ и Субутая. Спасаясь от преследования, Мухаммед переправился на пустынный остров на Каспии и умер там в одиночестве в декабре 1220 г. Печальная участь постигла и мать его Туркан-хатун. Она, вместе со всем гаремом хорезмшаха, попала в плен к Чингис-хану, была увезена в Монголию, где и умерла.

Всадники Джебэ и Субутая, преследовавшие Мухаммеда, были первыми монгольскими отрядами, появившимися в Хорасане. Пройдя через Северный Иран и сильно разорив его, этот отряд вступил в пределы Кавказа, опустошил Ширван и часть Грузии, разгромил кыпчаков (половцев) и вторгся в южно-русские степи, где в 1223 г. на Калке разбил полки русских князей. Обойдя Каспийское море с запада, отряд присоединился к главным силам Чингис-хана, возвращавшимся в Монголию. В Казвине, Хамадане и других городах жители оказали завоевателям героическое сопротивление.

После смерти хорезмшаха Мухаммеда Джелал-ад-дин прискал в Хорезм, но, встреченный враждебно местной знатью, был вынужден уйти в свой удел — город Газну.

По взятии Самарканда Чингис-хан вновь разделил свои войска на несколько отрядов и послал их на завоевание крупнейших городов Средней Азии и Хорасана. Три старшие царевича — Джучи, Чагатай и Угэдэй — были направлены к Ургенчу. После 6 месяцев осады и ожесточенных уличных боев город был взят (апрель 1221 г.), его население истреблено или уведено в рабство. Монгольские войска разрушили плотину на

Аму-Дарье, и вода затопила весь город; кто случайно спасся от всеобщей резни, тот утонул в воде или погиб под развалинами.

В Хорасан был послан младший сын Чингис-хана — Тулуй. Авангард его войска взял Несу и Себзевар. Первой операцией Тулуя был штурм Мерва, который пал, несмотря на оказанное жителями сопротивление. Затем страшному разрушению подвергся Нишапур; территория этого города была вспахана и засеяна ячменем. В обоих городах была произведена всеобщая резня населения. Этим же отрядом был разрушен Тус и занят Херат, Тулуй взял и разрушил Таликан.

Сам Чингис-хан в конце 1220 г. направился в Термезу, в котором после сдачи население было вырезано. Жители Балха не оказали никакого сопротивления и сдались на милость монголов. Но Чингис-хан все же велел разрушить Балх и вырезать все население, не желая иметь у себя в тылу укрепленный город. Бамиан был стерт с лица земли. Всюду, где появлялись войска Чингис-хана, они разрушали цветущие города и селения, уничтожали сотни тысяч людей, уводили в полон и рабство женщин и детей, а также ремесленников. В результате этого нашествия Хорасан был страшно опустошен.

Феодалы боялись вооружить народные массы на борьбу с завоевателями. Знать в большинстве стремилась к капитуляции и соглашению с монголами. Крестьянство было распылено и безоружно. Зато жители городов, в первую очередь ремесленники, оказывали героическое сопротивление врагу.

Нашествия кочевников, будь то арабы-бедуины, тюрки-огузы и другие, на оседлые земледельческие области вообще были опустошительны, но при этом опустошения обычно носили стихийный характер. Но Чингис-хан и его полководцы ввели в практику приемы организованного опустошения земледельческих областей и городов и массовой резни населения. Эта система, автором которой был сам Чингис-хан, вызвана была тем, что монгольских войск, общая численность которых, по вычислению акад. В. В. Бартольда, не превышала 200 тыс. человек, было слишком недостаточно, чтобы удержать в повиновении огромные захваченные территории. Массовым уничтожением способных к сопротивлению людей и системой террора Чингис-хан хотел запугать и ослабить покоренные народности и предотвратить восстания на местах против завоевателей. Не все близкие к Чингис-хану люди одобряли эту систему. Как сообщают источники, ее противниками были даже два сына Чингис-хана — Джучи и Угэдэй. Но большинство монгольских кочевых феодалов одобряло чингисову систему, ибо она облегчала им грабежи в небывалых до того масштабах.

§ 5. Борьба народов Ирана с монгольскими завоевателями

Народные массы Ирана в ряде случаев оказали завоевателям героическое сопротивление. Но оно не имело единого руководства, и разрозненные очаги сопротивления гасли под ударами завоевателей один за другим. Попытку объединить и возглавить борьбу с завоевателями предпринял последний хорезмшах Джелал-ад-дин (1220—1231). Вскоре под его знаменами было уже около семидесяти тысяч человек, во главе которых он вышел навстречу врагу. Бой произошел в Перванской степи, недалеко от Кабула. После двухдневной кровопролитной битвы большое монгольское войско во главе с полководцем Шики-Хутуху было разбито и обращено в бегство. Это было первое поражение монгольских войск со времени их вторжения в Среднюю Азию и Иран. При вести об этой победе Херат, Мерв и другие города восстали и перебили гарнизоны завоевателей. Но Джелал-ад-дин недооценил значение участия народных масс

в борьбе и все свои надежды возложил на феодальное ополчение, состоявшее в большинстве из тюркских кочевников (огузов и халаджей). Вскоре его военачальники из тюркской кочевой знати, поссорившиеся между собой из-за раздела добычи, покинули его. После поражения при Перване все монгольские силы под предводительством самого Чингис-хана были направлены против Джелал-ад-дина. Решающая битва произошла на берегу реки Инда в ноябре 1221 г.; войска Джелал-ад-дина были разбиты, а он сам с трудом спасся, бросившись вместе с конем в воды Инда. Вместе с Джелал-ад-дином спасли свою жизнь и нашли убежище в Индии лишь около четырех тысяч воинов; среди них был и славный герой ходжендской обороны Тимур-Мелик.

В погоню за Джелал-ад-дином был послан двадцатитысячный монгольский отряд, который вторгся в Индию, разграбил города Мультиан и Дели, но вернулся обратно, не выполнив своей задачи.

Вскоре Чингис-хан возвратился в Самарканд. Завоевание Средней Азии и Хорасана было закончено. Хорезмской империи больше не существовало, сопротивление, оказанное Джелал-ад-дином, было сломлено. Огромная территория от Тихого океана до берегов Каспийского моря была включена в состав Монгольской империи.

Главные военные силы Чингис-хана вернулись на родину. В покоренных областях Восточного Ирана остались небольшие отряды завоевателей со своими семьями и скотом. Цветущие недавно оазисы были превращены в пастбища. Монгольское нашествие, сопровождавшееся чудовищным истреблением людей и разорением городов и деревень, повергло в ужас весь мусульманский Восток. Казалось бы, для борьбы с завоевателями должны были сплотиться все разрозненные, непрерывно враждовавшие между собой феодальные владетели. Но этого не произошло.

После ухода Чингис-хана в Монголию Джелал-ад-дин возвратился из Индии в Иран. Его власть была признана в Фарсе, Кермане и Ираке Персидском. Человек огромной личной храбрости, энергичный и непримиримый боец, Джелал-ад-дин не обладал талантом политического деятеля. Вместо того, чтобы попытаться создать союз государств Закавказья и Передней Азии для общей борьбы с империей Чингисидов, он, желая увеличить территориальную базу для этой борьбы, сам выступил в роли завоевателя. В течение шести лет (1225—1231) он вел непрерывные войны: завладел Азербайджаном, взял Ахлат, вступил в войну с багдадским халифом, стремился подчинить Грузию и Армению. Его пребывание на Кавказе ознаменовалось ограблением городов и селений. Тбилиси, взятый штурмом, подвергся ужасающему разгрому. Джелал-ад-дин не встретил поддержки со стороны господствующего класса, а в силу своей классовой оприличенности не захотел опереться на народные массы, среди которых (особенно среди городских низов) воля к борьбе с монгольскими завоевателями была несравненно сильнее, нежели среди феодалов и крупного купечества. Христианские народности — армяны и грузины — Джелал-ад-дин оттолкнул своим мусульманским фанатизмом, а среди мусульман-азербайджанцев был непопулярен из-за прабирельской деятельности своих наместников. Джелал-ад-дин не видел иного пути к усилению своей военной мощи, кроме раздачи своим военным чинам городов и селений в ленные владения (икта). Новые владельцы, чувствуя в условиях монгольского нашествия непрочность своей власти, стремились как можно быстрее и полнее обратить подвластное население. В результате насилий и грабежей в областях, занятых хорезмийцами, вспыхивали народные восстания и создавались заговоры знати.

Особенно мощным было народное восстание в Гяндже (1231), движущей силой которого были ремесленники и городская беднота. Пода-

вление этого восстания ослабило силы Джелал-ад-дина. В то же время против него создалась коалиция, в состав которой вошли Грузия, сельджукский султанат Рум и Ахлатский эмират.

В 1228 г. войско Джелал-ад-дина при содействии городского ополчения одержало победу над монголами под Исфаханом, но при этом понесло большие потери и не смогло преследовать врага. Между тем, в 1229 г. в Иран вступило новое монгольское войско под командованием воеводы Чормагуна и начало борьбу с Джелал-ад-дином. В 1231 г. наконец обессиленный Джелал-ад-дин отступил с остатками своих войск в Южный Курдистан. Вскоре он погиб одиноким беглецом в горах близ г. Амида (ныне Диярбекир).

§ 6. Монгольская империя после смерти Чингис-хана

Так как, согласно Великой Ясе Чингис-хана, все покоренные земли и народы считались собственностью ханского рода, Чингис-хан завоеванные при нем территории разделил на уделы между своими сыновьями. Старшему сыну — Джучи достались Дешт-и-Кыпчак (Половецкая степь) и Хорезм. В его удел должны были быть включены также все земли на западе, которые еще предстояло завоевать. Второй сын — Чагатай получил Мавераннахр, Семиречье и южную часть Восточного Туркестана. Уделом третьего сына — Угэдэя стала северная часть Восточного Туркестана. К младшему сыну Тулугу по монгольскому обычаю переходил коренной юрт отца — Центральная Монголия, а также Северный Китай. Главой всей империи — великим ханом (кааном) Чингис-хан наметил Угэдэя, отличавшегося выдержкой, мягкостью и тактом. Угэдэй проводил политику возрождения земледелия и городов и сближения с оседлой знатью покоренных народов.

Чингис-хан умер в 1227 г., в возрасте семидесяти двух лет. В 1229 г. на курултае на берегах Керулена Угэдэй был провозглашен великим ханом.

В правление Угэдэй-каана (1229—1241) продолжались завоевания. В 1231—1234 гг. было закончено завоевание Цзиньской империи (Северный Китай) и началась длительная борьба, продолжавшаяся до 1279 г., с южно-китайской империей Сунов. В 1241 г. была подчинена Корея. Самыми крупными военными мероприятиями при Угэдэе был поход на Русь и в Европу (1236—1242) под предводительством Батыя, сына Джучи, и Субутая.

В 1246 г. на курултае монгольской знати на престол великого хана был возведен сын Угэдэя — Гуюк-каан (1246—1248).

Несмотря на огромные разрушения, вызванные монгольским завоеванием в странах Азии и Европы, торговые связи между этими странами не прекратились. Завоеватели в военно-стратегических целях заботились о постройке удобных дорог с целой сетью почтовых станций (ямов). По этим дорогам ходили и караваны, в частности из Ирана в Китай. В своих выгодах монгольские великие ханы покровительствовали крупной оптовой караванной торговле, находившейся в руках мощных мусульманских (среднеазиатских и иранских) торговых компаний, члены которых именовались уртаками (старотюркск.: «товарищ в доле», «компаньон»). Великие ханы, особенно Угэдэй-каан, охотно вкладывали средства в компании уртаков и покровительствовали им. Это была оптовая международная торговля дорогими тканями и предметами роскоши, обслуживавшая преимущественно знать.

Монгольские завоевания привели к расширению и дипломатических сношений стран Азии и Европы. Особенно старались установить связи с монгольскими ханами римские папы. Они стремились собрать сведения

о монголах, внушавших ужас государствам Западной Европы, постараться использовать монголов в качестве союзников в борьбе крестоносцев в Сирии и Палестине против мусульманских государств, особенно Египта; наконец, римские папы не теряли надежды склонить монгольских ханов к принятию христианства по католическому обряду. Поэтому в 1246 г. в ставку каана в Каракоруме в Монголии папой был послан монах Иоанн де Плано Карпини. В 1253 г. туда же был послан монах Вильгельм Рубрук. Путевые записки этих авторов служат ценным источником по истории монголов.

Монгольские ханы — шаманисты, которые приписывали сверхъестественную власть духовенству всех религий, отнесли добродушно к посланникам папы. При отъезде из Каракорума Плано Карпини была вручена ответная грамота для папы Иннокентия IV, в которой Гюк-каан требовал, чтобы папа и короли Европы признали себя вассалами монгольского великого хана. Грамота эта была написана по-персидски и скреплена монгольской печатью, которую изготовил для Гюка русский пленный мастер Кузьма.

После смерти Гюка среди монгольской знати началась острая борьба за кандидатуру на престол великого хана. Лишь в 1251 г. с помощью золотоордынского улусного хана Батыя на престол был возведен сын Тулуя — Мункэ-каан (1251—1259).¹

Китайские летописцы дают высокую оценку правлению Мункэ-каана. Он старался возродить земледелие и ремесло, покровительствовал крупной оптовой торговле. В этих целях Мункэ-каан издал указ, имевший в виду упорядочить систему налогообложения и несколько облегчить положение крестьян и горожан. В Иране, однако, указ этот остался мертвой буквой. Завоевательные походы в Китай и на Запад продолжались и при нем.

Созданная завоеваниями монгольская империя-конгломерат объединила под своей властью многие племена и народности, страны и государства с совершенно различной экономикой и культурой. Как единое целое она долго существовать не могла. После смерти Мункэ-каана (1259) она окончательно распалась на несколько монгольских государств (улусов), во главе которых стояли улусные ханы — потомки Чингис-хана. Этими государствами были: Золотая Орда, которая включала Северный Кавказ, Крым, Южно-Русские степи, Нижнее Поволжье и находилась под властью потомков Джучи; Чагатайское государство, охватившее Среднюю Азию и Семиречье и получившее свое имя от сына Чингис-хана — Чагатая; государство Хулагуидов, созданное в Иране братом Мункэ-каана Хулагу-ханом; государство в Монголии и Китае (удел великого хана), в котором правил брат Мункэ — Хубилай-каан, — это государство получило китайское официальное имя империи Юань. Развитие этих государств пошло разными путями.

§ 7. Состояние Ирана в 30—50-х годах XIII в.

После смерти Джелал-ад-дина монголы истребили остатки его отрядов и завоевали Азербайджан, Арран, Ширван, Грузию и Армению (между 1231 и 1239 гг.). В то же время продолжались монгольские завоевания в Иране. В 1237 г. был взят и опустошен Исфахан. Тогда же была завоевана Джезира (Верхняя Месопотамия). Монгольские войска грабили и опустошали соседние области и государства и на Западе; в 1231—1236 гг. монгольскому разгрому подверглись города Мосул, Нисибин, Мардин, Дийарбекр, Бидлис. В начале 40-х годов XIII в. удар

¹ Или Менгу, по другому чтению.

монголов направился на Сельджукский Румский султанат, расположенный в Малой Азии (1077—1307). В 1243 г. в битве у Кёсе-дага был разбит сельджукский султан Рума — Гийас-ад-дин Кейкубад II. Султан заключил с монголами мир с условием вносить в виде дани ежегодно 1000 динаров, коня, невольника, невольницу и охотничью собаку. Изъявил покорность великому хану и Хетум, царь Киликийской Армении — государства (1080—1375), основанного у юго-восточного побережья Средиземного моря армянами, которые эмигрировали из Армении под натиском сельджуков.

К 50-м годам XIII в. в руках монгольских завоевателей были Хорасан, Систан, Мазендеран, Ирак Персидский и Азербайджан. Юг и юго-запад Ирана не подверглись столь опустошительным монгольским вторжениям. На этой территории находилось несколько владений, различных как по своему происхождению, так и по своему отношению к монгольским ханам.

Керманом владела династия из кара-китаев. Ее основатель Бурак хаджиб после гибели государства кара-китаев в Семиречье присоединился к Мухаммеду хорезмшаху, а во времена монгольского вторжения завладел Керманом и всей его областью. От монгольского хана он получил ярлык на свое владение и титул «кутлуг-хан», который сохранился и за его потомками.

Фарс находился во власти атабека Абу Бекра (правил в 1230—1260 гг.) из династии Салгуридов. Салгуриды способствовали росту и украшению своей столицы — Шираза, воспитанной ее уроженцем, великим поэтом Са'ди (1184—1291).

Луристан с начала X в. делился на две части: юго-восточную, или Большой Лур (атабекская династия Хазараспидов), и северо-западную, или Малый Лур. Малым Луром правила самостоятельная династия атабеков.

К западу от Луристана находились владения багдадского Аббасидского халифата, занимавшие сравнительно небольшую территорию в междуречье Тигра и Евфрата.

Монгольское нашествие не коснулось исмаилитского Аламутского государства (1090—1256). По-прежнему в Иране, Малой Азии, Сирии, Мавераннахре и даже в далеком Каракоруме правители и их везиры боялись посланных «горным старцем» из Аламута убийц, и многие из правителей платили ему дань. Грабежи исмаилитов на больших дорогах не только затрудняли торговые сношения, но угрожали коммуникациям между Хорасаном и западными областями, подчиненными или вассальными Монгольской империи.

В эти десятилетия в особом положении оказался Хорасан. Перед первым монгольским наместником — Чинтимуром были поставлены задачи: извлечь у местного населения возможно больше денег, ценностей, продуктов и наладить систематическое взимание податей и налогов. Чинтимур жестокими пытками заставлял жителей сознаваться, где находятся спрятанные ими богатства. Для налаживания административного и в первую очередь налогового аппарата он стал привлекать к себе на службу местных иранских чиновников. Чинтимур, а позднее его преемники, были ответственны перед монгольским ханом за бесперебойное поступление в ханскую казну налогов и податей. А это было возможно только при обложении населения налогами высокими, но не разоряющими окончательно, т. е. дающими возможность хотя бы простого воспроизводства сельского хозяйства.

Наместники Хорасана стали принимать меры к восстановлению разрушенных в период завоевания городов и деревень. Так, преемник Чинтимура — Куркуз восстановил и сделал своей постоянной резиденцией

г. Тус. Был восстановлен Херат. Наместники Хорасана и окружающие их монгольские феодалы стали сближаться с местными уцелевшими от разгрома оседлыми феодалами, воспринимать иранскую культуру.

Эта политическая линия, направленная к сближению завоевателей с верхушкой покоренных, столкнулась с другой линией, проводимой большей частью монгольской знати. Это были поклонники кочевых традиций, враждебно относившиеся к оседлому населению и не желавшие слышать ни о каком сближении с ним.

Кроме насилий, пленения жителей, монгольские военачальники стали захватывать земли. Армянский историк Вардан передает, что монголы «вторглись в пределы Грузинского царства и разделили по жребию все известные местности и области и все неприступные крепости между главнейшими своими начальниками, которых называли нойонами. Они немедленно вступили во владение местечками, доставшимися по жребию на долю каждого из них». То же было и в Иране.

В захваченных таким путем владениях эти монгольские феодалы стали держать себя, как самостоятельные правители; собранные с населения налоги они употребляли на собственные нужды. Они стремились к неограниченной эксплуатации местного трудового населения, к обложению его в произвольных размерах и нисколько не заботились о возрождении земледелия, ремесла и торговли. Никаких связей с местным населением и даже с местными феодалами они не устанавливали.

Эти две противоположные политические линии, возникшие в среде монгольских феодалов в 30—40-х годах XIII в., проходят красной нитью в истории монгольского владычества в Иране. Между представителями этих двух линий шла острая борьба. И Куркуз, и сменивший его в 1244 г. Аргун-ака, делали неоднократно попытки установить точные размеры обложения народа, ограничить произвол монгольских феодалов, заставить их вносить в казну собранные с населения налоговые суммы.

Существование в Иране двух непокоренных владений — Багдадского халифата и исмаилитского государства, — с которыми не могли справиться находившиеся в Иране монгольские войска, необходимость лучшего освоения уже завоеванных территорий и стремление к дальнейшему расширению границ империи, — поставили перед Монгольской империей вопрос о посылке на запад новых военных сил.

Хотя первоначально Иран должен был войти в состав улуса Джучидов (Золотая Орда), в действительности до 50-х годов XIII в. Ираном управляли наместники великого хана.

§ 8. Поход Хулагу-хана в Иран

На курултае 1251 г. в Монголии, на котором на престол великого хана был возведен Мункэ-каан (1251—1259), было решено ускорить завоевание всех оставшихся еще не завоеванными монголами земель на Ближнем и Дальнем Востоке. Для этой цели были посланы два больших ополчения: в Китай под руководством Хубилай-хана и в Иран под главенством Хулагу-хана, братьев Мункэ-каана. Для Хулагу-хана был намечен определенный план действий: уничтожить мощь исмаилитов, привести к покорности багдадского халифа и завершить покорение стран Ближнего Востока.

В 1252 г. началась подготовка к походу, который являлся общеимперским предприятием. Из войск всех монгольских улусов было выделено по два человека из каждого десятка, иначе говоря, пятая часть всех монголов (ведь у кочевников каждый взрослый мужчина был воином) вместе с семьями, и было передано в распоряжение Хулагу-хана. Из Китая вызвали до тысячи мастеров-камнеточков, огнеточков и арбалетчи-

ков. Общее количество войск, которыми располагал Хулагу, по свидетельству армянского историка XIII в. инок Магакии, доходило до 70 тыс.

Территория, по которой должно было двигаться войско Хулагу, одновременно очищалось от кочевых орд; для переходов через реки строились мосты, исправлялись дороги, по пути население заготавливалось продовольствие и фураж. В 1253 г. Хулагу выступил из Каракорума в поход на Иран, но двигался крайне медленно, и лишь в 1256 г., пройдя через Семиречье в Среднюю Азию, перешел р. Аму-Дарью.

В 1256 г. монгольские войска осадили ряд исмаилитских замков. Хулагу потребовал от «горного старца» полной капитуляции и разрушения всех исмаилитских крепостей. В это время среди правящих кругов исмаилитов происходила внутренняя борьба, которая изменила соотношение сил в пользу монголов. «Горный старец», ярый враг монголов, был убит. Заговор против него возглавил его сын Рукн-ад-дин Хуршах, которого поддерживала группировка, проводившая промонгольскую политику. Под давлением этой группировки, среди которой был ученый астроном Насир-ад-дин Туси и другие, втайне враждебные исмаилитам, Хуршах согласился на подчинение монголам при условии сохранения за ним исмаилитских владений. На попытку Хуршаха затянуть переговоры и отсрочить капитуляцию монгольское войско ответило штурмом. После недолгой осады монголами крепости Меймундиз Хуршах вышел из нее и явился к Хулагу-хану. Несмотря на обещание Хулагу-хана сохранить жизнь Хуршаху, он был послан в Каракорум к Мункэ-каану и в пути убит.

Вскоре монголами была взята и разрушена твердыня исмаилитов неприступная крепость Аламут (в конце 1256 г.), а затем еще около 40 крепостей. Крепость Гирдкух около Дамгана сопротивлялась 3 года.

Историку Ата Малику Джувейни, который сопровождал Хулагу-хана в этом походе, было поручено лично ознакомиться с богатым книгохранилищем Аламута. Рукопись «Сергузашт-и сейидна», посвященная жизни основателя Аламутского государства Хасана ибн Саббаха, была использована Джувейни в его истории.

На следующий год Хулагу-хан повел свои войска на Багдад. Багдадский халифат был в то время сравнительно небольшим феодальным владением, но религиозный авторитет халифа, как главы всех суннитов, сохранялся в полной мере. Халиф Муста'сим (правил в 1242—1258 гг.) управление своими владениями передоверил придворным, среди которых велись упорная борьба за власть и постоянные интриги.

Перед угрозой монгольского наступления борьба между окружающими халифа лицами не прекратилась, и каждый из них предлагал различную тактику по отношению к Монгольской империи. Халиф, проявлявший крайнюю нерешительность, приказал собирать войско, но когда это было выполнено, пожалел денег для выплаты жалованья войску и велел его распустить. Предложенная Хулагу капитуляция была халифом отвергнута.

В декабре 1257 г. монгольские войска со всех сторон устремились к Багдаду. После короткого штурма монголы ворвались в город. В течение двадцати дней продолжался потрог Багдада, население было вырезано без различия пола и возраста. Пожарены были, впрочем, христиане и евреи, на которых Хулагу-хан смотрел как на своих сторонников, поскольку в прежних мусульманских государствах они были бесправны и угнетаемы. Библиотеки, произведения искусства и культуры были уничтожены. 10 февраля 1258 г. сдался халиф Муста'сим. Через несколько дней Хулагу-хан въехал в Багдад и приказал халифу указать скрытые в тайных казнохранилищах сокровища Аббасидов. Дрожавший от страха

халиф едва нашел ключи от хранилищ; он был принужден признаться в существовании тайных складов, полных золотом и ценностями.

Все, что в течение нескольких столетий было собрано Аббасидами, горами нагромодили вокруг ханской ставки. По приказу Хулагу халиф был казнен (его затоптали конями). Вместе с ним были умерщвлены все члены мужского пола фамилии Аббасидов, женщины же обращены в рабынь. Так, Аббасидский халифат, просуществовавший свыше пяти столетий, был уничтожен монголами.

Дальнейший удар монгольские войска направили на Сирию. Они захватили и разбили Алеппо, Дамаск и другие города (1260). Но затем движение монгольских войск приостановилось, так как были получены вести о смерти Мункэ-каана. Сам Хулагу-хан поторопился возвратиться в Азербайджан. Временная остановка монгольского наступления была использована Египтом для организации сопротивления. Вскоре монгольские войска были разбиты египтянами и ушли из Сирии. В 1260 г. в Каире в торжественной обстановке был восстановлен Аббасидский халифат.¹ Беглец из Багдада, выдававший себя за одного из членов фамилии Аббасидов, уцелевшего от монгольской резни, был провозглашен халифом.

Разгром Багдада и казнь халифа вызвали печаль и гнев во всем мусульманском мире. Этим воспользовался золотоордынский хан, принявший ислам, Берке (правил в 1256—1265 гг.), который под предлогом защиты ислама выслал против Хулагу на Кавказ тридцатитысячное войско. Истинной же причиной послышки войска было стремление Золотой Орды расширить свои границы к югу и включить в свои владения по крайней мере Азербайджан и Грузию, поскольку золотоордынские ханы считали, что эти страны, по завещанию Чингис-хана, должны были войти в их улус. В 1262 г. войска Хулагу и Берке встретились у Дербента. После ряда сражений, хотя войска Хулагу были разбиты на Тереке, золотоордынцы отошли за Кавказский хребет. Поход 1262 г. явился первым в длительной серии войн между Золотой Ордой и Хулагуидами, которые цепко удерживали Азербайджан как Южный (Иранский), так и Северный (Арран и Ширван) в своих руках.

§ 9. Государство Хулагуидов и его соседи

Хулагу-хан со всеми своими войсками остался в Иране. Хулагу-хан самовольно создал здесь для себя и своих потомков особый монгольский улус. В 1261 г. великий хан Хубилай-каан прислал ему инвеституру на все вновь завоеванные территории и старые владения монголов в Иране и титул ильхана.²

Государство Хулагуидов, началом существования которого можно считать 1258 г., занимало огромную территорию. На севере Кавказский хребет являлся стабильной границей с Золотой Ордой. В Закавказье Грузия и государство ширваншахов были вассалами Хулагу-хана. На Черноморском побережье государству Хулагу платила дань Трапезунтская империя — небольшое греко-грузинское владение, образовавшееся в 1204 г. На западе, в Малой Азии, Румский султанат Сельджукидов также находился в вассальной зависимости. Вассальную зависимость от Хулагуидов признало Киликийское Армянское царство (1080—1375) на юго-востоке Малой Азии. Оно в дальнейшем стало опорой Хулагуидов в борьбе с Египетским султанатом. Река Евфрат была границей с Сирией. Персидский залив являлся естественной границей на юге. На юго-востоке сухопутная граница с индийскими княжествами шла от

¹ Как чисто духовное учреждение, без светской (политической) власти.

² Букв. «хан племени», в значении улусного хана.

моря к Аму-Дарье, несколько восточнее Термеза. В нынешнем Афганистане, с центром в Херате, находилось вассальное Хулагу, владение Куртов. На востоке Аму-Дарья была границей с монгольским государством Чагатаидов. На севере, южнее Ургенча, до восточного берега Каспия шла граница с Золотой Ордой. Каспийское море омывало государство Хулагу с севера, только небольшая, труднодоступная прибрежная область Гилян долго сохраняла свою независимость.

Золотая Орда, государство Чагатаидов и так называемый мамлюкский султанат Египта и Сирии были враждебны государству Хулагуидов. Египет, находившийся под властью султанов, выдвигавшихся из верхов гвардии мамлюков, представлял экономически самое развитое на Ближнем Востоке и относительно централизованное феодальное государство.

В 1261 г. мамлюки подчинили Сирию; в 1291 г. ими были завоеваны последние владения крестоносцев в Палестине, после чего Каир и Александрия стали посредниками в торговле между Западом и Востоком, что явилось для Египта одним из источников благосостояния, не иссякавшим около двух веков.

В поисках союзника в борьбе против Хулагуидского государства, стремившегося захватить Сирию, Египетский султанат завязал сношения с Золотой Ордой. Мамлюкские султаны умело использовали принятыми на себя роль «защитников ислама» против «неверных» (монголов и крестоносцев).

Борьба с Египтом вызывала длительные сношения Хулагуидов с крестоносцами Сирии и с христианскими государствами Европы, особенно с Францией и Генуей. Уже при первых ильханах между ними, с одной стороны, и Францией, Англией и римским папой — с другой, происходил обмен посольствами, который имел целью заключение общего союза против мамлюков для «освобождения гроба господня», т. е. совместного завоевания Сирии и Палестины, которые Хулагуиды обещали передать своим христианским вассалам-крестоносцам.

Такова была международная обстановка, в которой создавалось и жило Хулагуидское государство. Непрерывные и дорого стоявшие войны, проводимые почти на всех границах, оказали значительное влияние на внутреннюю политику Хулагуидского государства.

§ 10. Организация Хулагуидского государства

Государство Хулагуидов было организовано по тому же образцу, что и Монгольская империя. Высшая власть в государстве принадлежала ильхану. Монгольские царевичи, нойоны, эмиры являлись вассалами хана. В силу своей принадлежности к господствующему классу они получали от хана в уделы большие территории или отдельные города, доходы с которых поступали в их пользу. Все владетели этих уделов не жили в своих владениях и не ведали их управлением. Оно находилось в руках государственных чиновников. Тюркские и монгольские кочевые феодалы являлись военачальниками монгольских войск, сохранявших родовое и племенное деление, и обязаны были по призыву хана являться со своими воинами для несения военной службы.

Ильхан и вся монгольская знать продолжали вести кочевую жизнь, в которой облавные и соколиные охоты и пышные пиры чередовались с военными походами. Ильхан не жил в определенном месте: часть года он проводил в Багдаде и в Тебризе, остальное время на кочевках — летом в горах, зимою в степи. Азербайджан с его прекрасными пастбищами особенно полюбился монгольским завоевателям.

Старые местные династии в Грузии, Руме, Луристане, Фарсе, Кермане, Йезде, Херате, Афганистане и др., которые при вступлении Хулагу

в Иран выразили свою покорность, оставались его вассалами, но могли управлять своими владениями только под контролем представителей ильхана (монг. *баскак*, перс. *шихна*). Большей самостоятельностью пользовалось Киликийское армянское государство.

Для управления огромной территорией с оседлым населением, которое по своей экономике, языку, религии и культуре было совершенно чуждым кочевникам-завоевателям, монгольскому господствующему классу нужно было создать административный и, в первую очередь, налоговый аппарат. Не имея для этого собственных культурных сил, монголы были вынуждены привлечь к управлению государством местные иранские силы.

Нужные монголам кадры имелись среди иранской служилой знати, жившей в городах. Во многих городах Ирана сохранялись старинные иранские семьи, которые принадлежали к гражданской бюрократии и духовенству и одновременно являлись крупными землевладельцами — феодалами округи, получавшими со своих земель денежную и продуктовую ренту. Эта служилая знать, бывшая ранее на службе и у Сельджукидов и у хорезмшахов, охотно пошла на службу к монгольским ильханам. Одной из таких старинных иранских семей, привлеченных Хулагу к управлению государством, была фамилия Джувеиниев. Служба ильхану в административно-финансовом аппарате управления стала давать гражданской бюрократии колоссальные доходы. Так, ежедневный доход всесильного везира Шамс-ад-дина Мухаммеда Джувеини, брата историка, равнялся одному туману (десяти тысячам серебряных динаров), что составляло 360 туманов в год и превышало 20% всех доходов государства Хулагу.

Мусульманское духовенство — сейиды, улемы, шейхи дервишеских орденов — сумело при монголах сохранить свое положение и свою экономическую мощь. Монголы-шаманисты, вообще отличавшиеся веротерпимостью, быстро учли тот огромный морально-религиозный авторитет, которым у народных масс страны пользовалось мусульманское духовенство. Часть вакфных имуществ была за ним сохранена. Как и в прежнюю эпоху, вакфные владения включали большие земельные территории, а также ремесленные мастерские, лавки, базары, караван-сарай, доходами с которых распоряжались духовные феодалы. Духовная и чиновная знать была тесно связана с торговлей, как с местной, так и с транзитной, караванной. Члены мощных купеческих компаний — уртаки — часто действовали как контрагенты ханов, царевичей, ханш и крупных владетельных феодалов. Ссуженные им денежные суммы уртаки возвращали вывозимыми ими из арабских стран, Индии, Китая и стран Запада товарами. Шелковые и парчовые одежды, доспехи, оружие, суна, фарфор, драгоценные камни, золотые и серебряные изделия высоко ценились при феодальных дворах.

Иранская служилая знать была нужна завоевателям, так как являлась основным помощником и агентом в эксплуатации покоренного населения города и деревни. Таким образом, в государстве Хулагуидов господствующий класс феодалов составил из четырех социальных групп, отличных друг от друга по своему этническому происхождению, языку, религии и образу жизни: 1) из военной кочевой знати — монгольской, тюркской, курдской; 2) гражданской бюрократии, преимущественно из персов; 3) высшего духовенства — мусульманского, а в странах Закавказья, Малой Азии и Ираке Арабском также и христианского; 4) местной иранской провинциальной знати, не связанной с центральным государственным аппаратом. Политически ведущая роль принадлежала монгольской и тюркской кочевой знати. Из местной иранской знати уцелела только часть, другая часть была уничтожена, и земли ее перешли

либо к государству, либо к монгольской кочевой знати. Последняя не оставляла кочевого образа жизни, но, завладев обширным фондом обработанных земель, превратилась в феодальных эксплуататоров массы крестьян, сидевших на этих землях. Между этими группами господствующего класса, внутри его, существовали порой резкие противоречия.

Все государственное управление было направлено на получение максимального количества доходов с населения. Главую гражданско-управления был везир великого дивана (или сахиб-диван), ведавший всей казной, сбором налогов, государственными доходами и расходами, всем делопроизводством и кадрами низовой администрации. В ведение везира входили также ремесленные мастерские (перс. *карханэ*, мн. ч. *карханат*), обычно принадлежавшие лично хану или его родне; в этих мастерских работали ремесленники, при завоевании обращенные в рабство, или их потомки. В отдельных областях и крупных городах сидели финансовые чиновники, ответственные перед центральной властью за своевременное и бесперебойное поступление собранных налоговых сумм в казну. Обычно сбор налогов отдавался на откуп, и откупщик мог совершенно бесконтрольно обирать податное население. Сбор налогов с города или области проводился чрезвычайно жестокими мерами и напоминал собой военный поход в миниатюре. Суммы, выколачиваемые с населения, составляли колоссальные средства. По словам Хамдаллаха Казвини, ежегодный доход государства около 1295 г. составлял 1700 туманов,¹ сверх того, не малые суммы оседали в руках чиновников, откупщиков и феодальных владельцев, так как налоги с областей, являвшихся уделами феодалов, хотя и собирались государственными чиновниками, но поступали не в государственную казну, а в распоряжение феодалов.

Кроме «высочайшего дивана» — центрального ведомства были еще другие диваны, среди них диван инджу ведал личным имуществом — движимым и недвижимым — самого хана и его родни. Огромные средства, стекавшиеся в ханскую казну, шли на содержание ставок хана и его родни, на расходы царевичей и ханш, пышные пиры и охоты, а также на содержание войска.

Войско Хулагу-хана включало ополчения монгольских и тюркских кочевников, пришедшие вместе с ним, а также ополчения, находившиеся в Иране еще с 30-х годов XIII в. По старой традиции кочевников ополчения строились по племенам. Организационное деление войска на десятки, сотни, тысячи и туманы (тумены) совпадало с подразделениями родов, с коленами и ветвями племен. Главы кочевых племен и их колен — монгольских и тюркских — занимали в войске высшие командные должности эмиров тысяч и туманов.² Одновременно эти нойоны, эмиры или беки являлись крупными феодалами, которые, на основе ленного держания (икта'), владели землями и крестьянами и были обязаны вместе с кочевниками своих племен нести военную службу. Военачальники и их воины вели кочевую жизнь, летом кочевали на отведенных им «юртах», большей частью пограничных, в Азербайджане, Закавказье, Хорасане, а на зиму съезжались в ставку ильхана или царевичей. Вместе с войсками перекочевывали их семьи, стада и рабы. Рядовые воины ополчений первоначально не получали ленов (икта'), а получали только содержание — «обмундирование» (джамэги), «кормовые» (улуфэ) и фураж (алафэ).

Монголо-тюркская кочевая знать крепко стояла за сохранение Великой Ясы Чингис-хана и кочевого традиций, не переходила к оседлости

¹ Вассаф сообщает близкую цифру — 1800 туманов.

² В государстве Хулагуидов все военачальники именовались эмирами, иначе беками; титул нойона был присвоен эмирам туманов.

я не смешивалась с иранской оседлой знатью. Более того, к оседлой мусульманской культуре и исламу военно-кочевая знать долгое время была настроена враждебно. Для нее чистота отстаиваемой ею монгольской традиции связывалась с язычеством, буддизмом или христианством несторианского толка. Две последние религии получили распространение среди монгольских племен еще до объединения их Чингис-ханом — через уйгуров. Вокруг Хулагу-хана и его первых шести преемников шла острая борьба между представителями разных религий, упорно стремившихся обратить ханов в свою веру и занять руководящее положение при дворе. Борющиеся группы не стеснялись в средствах для борьбы со своими противниками.

Борьба внутри правящего класса, между тюркско-монгольской военно-кочевой знатью, с одной стороны, и оседлыми иранскими феодалами — с другой, не исчерпывалась религиозным вопросом. Она особенно остро проявлялась в отношении к ханской власти, к централизации государства, к управлению оседлым населением и приемам феодальной эксплуатации, мусульманской культуре и исламу.

Иранская гражданская бюрократия, стоявшая во главе аппарата управления, стремилась к созданию сильного централизованного государства, образцом которого ей представлялись халифат и государство Газневидов, в свою очередь бравшие пример с Сасанидского государства. Она добивалась укрепления власти хана, принятия им ислама, упорядочения налоговой системы, точной фиксации размеров ренты и налогов, укрепления государственной казны, боролась против преобладающего влияния монголо-тюркской кочевой знати, против ее центробежных стремлений, против расточительности ханской родни. В отношении райятов (крестьян) и горожан гражданская бюрократия вела курс на эксплуатацию, хотя и жестокую, но не доводящую до полного разорения крестьян и истощения производительных сил.

Тюрко-монгольской кочевой знати все эти стремления были совершенно чужды. Имея опору военную в своих племенах и экономическую в своих земельных владениях, кочевые феодалы являлись крупной политической силой, стремившейся к децентрализации государства.

Борьба этих двух диаметрально противоположных линий продолжалась на протяжении всей истории государства Хулагуидов.

Своеобразной фигурой был первый ильхан Хулагу-хан. Он родился в 1216/17 г. в Монголии и был одним из любимых внуков Чингис-хана. Его молодость прошла в военных походах. Став повелителем Ирана, Хулагу не изменил своего образа жизни и привычек кочевого феодала. Вместе со своей ставкой (орду) он продолжал по несколько раз в год перекочевывать с места на место. Соколиные и облавные охоты и пышные пиры были его любимыми развлечениями. Монгольские кочевые традиции и Великая Яса являлись для него основным руководством в государственной и личной жизни. Как и Чингис-хан, Хулагу-хан умел использовать в своих интересах противоречия и борьбу в стане врага.

Сам Хулагу был шаманистом, но отличался большой веротерпимостью. Особым его покровительством пользовались христиане. Это объясняется не только тем, что и его мать, и его главная жена и советчица Докуз-хатун, происходившие из племени кераитов, были христианками, но и тем, что в борьбе против султана Египта, выступавшего в роли защитника ислама, Хулагу-хан стремился использовать христианских феодалов — грузинских и армянских — и с их помощью, а также с помощью крестоносцев, покорить Сирию. Хулагу-хан брал к себе на службу нужных ему людей, независимо от их религиозной принадлежности. Главою гражданского управления он сделал мусульманина, перса Шамс-ад-дина Мухаммеда Джувеини; придворным врачом его был китаец.

Оставаясь кочевником, Хулагу занимался строительством. На Ала-даге им был построен дворец, в Хойе — буддийский храм, в Хабушане — марханэ. Самым замечательным его сооружением была обсерватория, выстроенная в 1259 г. в Мараге под руководством великого персидского математика и астронома Насир-ад-дина Туси. При ней была большая библиотека и работали астрономы не только персидские и арабские, но и китайские и индийские. В практических целях Хулагу-хан поощрял ученых-математиков, медиков и т. д., назначал им содержание и из тщеславия украшал свой двор их присутствием. В то же время он, как и все почти ильханы, был крайне суеверен. Гадатели, прорицатели, астрологи и духовные лица всех религий пользовались его благосклонностью и сопровождали каждое его действие. Он собрал при своем дворе астрологов, а также алхимиков, которые выманивали у него деньги, обещая открыть «философский камень» и с его помощью искусственно приготавливать золото. По словам Рашид-ад-дина, алхимики сожгли множество снадобий в котлах, но пользы от их стряпни не было. Награбленные во время войн сокровища Хулагу-хан поместил в казнохранилище в построенном им замке на горе Шахи на озере Урмия. Там он и был погребен. Впоследствии во время землетрясения гора обрушилась, и сокровища погибли в озере.

§ 11. Хулагуидское государство при первых преемниках Хулагу-хана (1265—1295)

При ближайших преемниках Хулагу-хана политическое руководство по-прежнему находилось в руках монголо-тюркской военно-кочевой знати.

После смерти Хулагу-хана на курултае на престол был возведен его сын Абака-хан (1265—1282). При Абака-хане внешняя политика ильханов велась в тех же направлениях, что и при Хулагу. Продолжались военные действия с Золотой Ордой на территории Кавказа. Враждебные отношения и с Чагатайским улусом в Средней Азии. В 1270 г. чагатайский царевич Борак вторгся в Хорасан. Но около Херата чагатайское войско попало в ловушку и было разгромлено. В 1273 г. Абака, желая отомстить Бораку за его вторжение, послал войско в Бухару, Бухара подверглась ужасающему опустошению, большему, чем при взятии ее Чингис-ханом. В течение семи лет она была совершенно необитаема.

Враждебные отношения Хулагуидов с мамлюкскими султанами Египта продолжались. Монгольские войска неоднократно вторгались в Сирию, но закрепить за собой эту область ильханам не удалось. Хулагуидское войско дважды было разгромлено египтянами (в 1260 и 1277 гг.). Египтяне опустошили Киликийскую Армению — государство, находившееся в вассальной зависимости от Хулагуидов, и постепенно завоевали владения их союзников-крестоносцев Сирии (к 1291 г.).

При Абака-хане завязались сношения римских пап и государств Западной Европы с ильханами. В Западной Европе, где энтузиазм к крестовым походам давно погас, были крайне обрадованы образованием у границ Сирии нового государства, враждебного мамлюкам Египта. Короли Франции и папы были заинтересованы не столько в обращении ильханов в христианство, сколько в их участии в борьбе с Египтом за обладание Сирией и Палестиной. С этой целью и были отправлены к Абака-хану послания от папы Климента IV, от английского короля Эдуарда I. В городах Ирана появились католические монахи-миссионеры.

После смерти Абака-хана различными группировками монгольской кочевой знати были одновременно выдвинуты два кандидата на ханский

престол: брат Абака-хана — Токудар и сын Абака-хана — Аргун. На время одержал верх Токудар (1282—1284).

Токудар первым из ильханов принял ислам и мусульманское имя Ахмед. Им был взят курс на исламизацию государства и установление дружеских отношений с мамлюками. В одном из первых своих указов Ахмед обратился к жителям Багдада — бывшего центра Аббасидского халифата — с извещением о принятии им ислама и обещанием покровительства мусульманам.

Токудар-Ахмед-хан направил в Египет два посольства с предложением дружбы и установления торговых связей. Политика исламизации, проводимая Ахмедом, вызвала сильное недовольство той части монгольских кочевых феодалов, которые придерживались старинных монгольских традиций и были враждебны исламу. Все большее количество монгольских феодалов и войск стало переходить на сторону Аргуна. Потерпев поражение в междоусобной войне, Ахмед обратился в бегство, но был пойман и казнен; ему сломали спинной хребет, ибо, по монгольскому обычаю, потомков Чингис-хана и знатных людей принято было казнить без пролития крови.

В правление Аргун-хана (1284—1291) происходили мятежи и восстания монгольских кочевых феодалов, которые, опираясь на подчиненные им племенные ополчения и базируясь на принадлежавшие им земельные владения, перестали подчиняться центральной власти и открыто противопоставляли себя ей.

Происходила и борьба феодальных кланов за влияние и власть в государстве, временами прикрытая религиозной оболочкой. При Хулагу-хане и Абаке-хане в гражданской администрации огромным влиянием пользовалась фамилия Джувейниев: глава ее, Шамс-ад-дин Мухаммед, был сахиб-диваном, сын его Беха-ад-дин — правителем Исфахана, брат его, историк Ата Малик, — правителем Багдада, прочие члены фамилии занимали другие посты. Богатства этой фамилии были огромны: сахиб-диван Шамс-ад-дин, более 20 лет управляя финансами государства, забрался и о личном обогащении; он скупил на 40 млн. динаров мусульманских имений, его движимое имущество, стада и конские табуны оценивались в 20 млн. динаров. Фамилия Джувейниев стояла во главе мусульманской группировки при дворе. Джувейниев ненавидела монгольская кочевая знать. К концу правления Абака-хана фамилия Джувейниев с трудом избежала падения и осуждения, но при Ахмед-хане, покровителе мусульман, она снова вошла в силу. Вступление на престол Аргун-хана, язычника и врага мусульман, покровителя буддистов, христиан и иудеев, вызвало немедленную отставку и казнь сахиб-дивана Шамс-ад-дина Джувейни, имения его и его семьи были конфискованы.

После этого огромной власти в государстве достиг монгольский эмир Букай из племени джелаиров, который сосредоточил в своих руках управление военными делами и казной. Власть его была настолько велика, что и в провинции, и в Тебризе приказы Аргун-хана выполнялись только в том случае, если они были скреплены печатью Букая. Большинство административных должностей занимали его родичи и ставленники.

Могущество эмира Букая создало ему много врагов и соперников при дворе. Когда при дворе положение Букая поколебалось, он, дабы удержать в своих руках власть, составил заговор; он желал низложить Аргун-хана и посадить на его место его троюродного брата, но последний выдал Букая Аргун-хану. Букай был казнен.

Аргун-хан, желая сломить влияние иранской мусульманской бюрократии, которой он не доверял, задумал заменить персов в государственном аппарате иудеями и христианами. В 1289 г. Аргун-хан назначил

везиром еврейского купца Са'д-ад-доулэ, который раньше служил по финансовому ведомству. Са'д-ад-доулэ, с согласия Аргун-хана, назначил на гражданские и финансовые должности своих родичей и ставленников евреев. Са'д-ад-доулэ сделал попытку укрепить финансы государства и ослабить ограбление населения. Он, под страхом наказания палками, запретил монгольским феодалам бесконтрольно требовать от населения продовольствие и фураж. Во все области государства он послал верных ему людей для борьбы с злоупотреблениями чиновников, упорядочения сбора налогов и пополнения казны. Благодаря его деятельности уже через год в пустую казну было собрано 1000 туманов.

Мероприятия Са'д-ад-доулэ вызвали ненависть и вражду со стороны монгольской военно-кочевой знати. Мусульманское чиновничество, боясь потерять прежнее положение и влияние, вело агитацию среди мусульманского населения городов против Са'д-ад-доулэ и евреев. Са'д-ад-доулэ ложно приписывали замысел открыть гонение на мусульман в Иране и план организации похода на Мекку с целью обратить главный мусульманский храм Ка'бу в «канище идолопоклонников». Во время предсмертной болезни Аргун-хана против Са'д-ад-доулэ был составлен заговор знати, и в 1291 г. он был казнен, его имущество разграблено, его родичи и ставленники перебиты либо проданы в рабство. Падение Са'д-ад-доулэ явилось поводом к погромам и избиению евреев по всей стране и вызвало радость мусульманской бюрократии.

Гораздо серьезнее для судеб государства, чем заговор Букая, было восстановление монгольского эмира Ноуруза из племени ойратов в Хорасане в 1289 г. Сын Аргуна-аки, бывшего в 30—50-х годах монгольским наместником Хорасана, эмир Ноуруз являлся представителем той части монгольских феодалов, которые приняли ислам и были сторонниками сближения с верхами оседлого мусульманского населения. Антимусульманская политика Аргуна-хана вызвала недовольство этих феодалов.

Сношения ильханов с Западной Европой продолжались и при Аргуне. В 1287—1288 гг. в Рим, Геную, Францию и Англию было отправлено посольство Аргуна, во главе которого стоял несторианский монах раббан¹ Саума, по происхождению уйгур из Китая. В ответ последовал ряд посланий римского папы к Аргун-хану с призывом обратиться в христианство и принять участие в крестовом походе против мамлюков. В 1289 г. генуэзец Бюскарель де Гисульф привез письма Аргун-хана папе Николаю IV, английскому королю Эдуарду I и французскому королю Филиппу IV Красивому. Это письмо, написанное на монгольском языке уйгурскими буквами и снабженное печатью с китайскими иероглифами, сохранилось во французских архивах. Аргун-хан сообщал о своей готовности идти в поход в «Святую землю», а также заготовить в Малой Азии для западно-европейского крестоносного войска 20—30 тыс. коней и необходимые запасы продовольствия и фуража. Папа отвечал Аргуну, что он уже возвестил свой призыв к крестовому походу. Но все эти переговоры не привели ни к каким результатам. В 1291 г., как сказано, египетский султан Ашраф завершил завоевание всех владений крестоносцев в Сирии и Палестине.

Неудача попыток создания военного союза Хулагуидского государства с западно-европейскими государствами объясняется тем, что после первых четырех крестовых походов военно-колониционное движение рыцарства и городов Запада в Сирию и Палестину ослабело. В конце XIII в. в Западной Европе уже почти не находилось желающих отправиться в новый крестовый поход, казавшийся опасным и бесплодным предприятием.

¹ Сирийск. «учитель».

Больше сделано было в области расширения торговых связей. Добрые отношения с Хулагуидами установила Генуя, тогда как ее торговая соперница Венеция большей частью находилась в дружеских отношениях с Египтом. Около 1288 г. генуэзский сенат при посредстве Вильгельма Адама, впоследствии католического архиепископа в Султанийэ, предложил Аргун-хану следующий проект: монгольский военный флот должен перехватывать все торговые корабли, шедшие из Индии, не допуская их двигаться по пути Красное море — Египет, а заставляя идти в порт Ормуз в Персидском заливе. Таким образом, вся индийско-средиземноморская торговля направлялась бы по пути: Индия — Ормуз — Исфахан — Султанийэ — Эрзерум — Константинополь, иначе говоря, через Иран. При этом все выгоды от этой торговли перешли бы к Хулагуидской державе и к генуэзским купцам, а транзиту через Египет и Венецию был бы нанесен решающий удар. Но Хулагуиды не смогли осуществить этот проект, не располагая достаточно сильным флотом.

Несколько позднее, в начале XIV в., в Тебризе, Султании и некоторых других городах Ирана появились небольшие общины генуэзских и венецианских купцов во главе с консулами. Появились также католические миссионеры. В Султанийэ — новом городе, строительство которого было начато Аргун-ханом и который позднее стал столицей Хулагуидов, было даже учреждено католическое архиепископство, просуществовавшее до начала XV в.

В 1291 г. Аргуна разбил паралич. Уже во время его болезни между различными группировками эмиров началась борьба за власть. В Луристане произошло восстание против монгольского владычества. Восставшие заняли Исфахан, перебив в нем ильханских чиновников и гарнизон. Восстание было подавлено.

После долгой борьбы в среде монгольской знати на престол в 1291 г. был возведен сын Абака-хана — Кейхату-хан (1291—1295). Кейхату-хан прежде всего постарался установить мир между религиозными группировками.

Кейхату-хан старался укрепить свой авторитет путем щедрых подарков ханшам, царевичам, эмирам. Скоро новый везир, мусульманин Садр-ад-дин Ахмед Халиди, оказался перед фактом полного опустошения казны. Так как вводить новые чрезвычайные налоги на вконец разоренное население было совершенно невозможно, то было решено прибегнуть к выпуску бумажных денег — чао. За образец были взяты деньги, выпущенные великим ханом Хубилай-кааном, и распространенные по всему Китаю. Садр-ад-дин рассчитывал, что вся внутренняя торговля будет вестись на бумажные деньги, а золото скопится в казне. В 1294 г. в Тебризе были выпущены бумажные деньги, и население под страхом смерти должно было их принимать. Но уже через неделю после выпуска чао в Тебризе закрылись все базары, невозможно было купить ничего съестного, нарушилась караванная торговля, с городов перестали поступать налоги. Чао пришлось отменить, казна оставалась пустой. Ильхан дал Садр-ад-дину титул «Садр-и джехан», т. е. «Садр (опора) мира», народ же прозвал его «бумажным садром».

Вскоре против Кейхату-хана поднял восстание его двоюродный брат Байду, прежний наместник Малой Азии, бывший втайне врагом мусульман и сторонником христиан. На сторону его перешла часть монгольской знати. Лишившись своих сторонников, Кейхату-хан бежал, но был пойман и задушен арканом.

На престол вступил Байду-хан, царствование которого продолжалось полгода (апрель — октябрь 1295 г.). Он погиб в борьбе с сыном Аргун-хана Газаном, наместником Хорасана.

§ 12. Социально-экономическая жизнь Ирана при первых шести ильханах (1256—1295)

Еще до похода Хулагу-хана в Иран монгольские военачальники, как сказано, стали захватывать в завоеванных ими областях земли, принадлежавшие местным феодалам. После образования Хулагуидского государства монгольская правящая верхушка проводила ту же политику захватов земель у местных феодалов и передачи доходов с них либо в казну (если земли стали государственными), либо монгольским феодалам (если земли стали собственностью последних). Земли, принадлежавшие ранее хорезмшахам и их родственникам, и отчасти вакфные земли, стали собственностью Монгольского государства и ильханской фамилии. Земли в Хулагуидском государстве официально делились на следующие категории: 1) государственные земли — дивани; 2) земли инджу, или хасс инджу, принадлежавшие хану и его родственникам; 3) земли частновладельческие (мульк), принадлежащие как монгольским, так и местным феодалам; 4) вакфные земли. Доходы с земель дивани шли на покрытие государственных расходов, доходы с земель инджу покрывали расходы по содержанию хана, его родственников и, возможно, войско. Доходами с вакфов распоряжалось мусульманское духовенство. Сбор налогов с райятов, живших на землях дивани и инджу, либо проводился непосредственно через финансовый аппарат «высочайшего» дивана или дивана инджу, либо отдавался на откуп (муката'а) феодалам и крупным купцам, что было особенно тяжело для податного населения. Значительная часть земель дивани находилась в условном владении монгольской знати на ленном праве (икта'). Вся политика ильханов была направлена на извлечение максимального количества доходов с местного населения. Поэтому за время монгольского господства резко усилилась феодальная эксплуатация крестьян. Крестьяне обязаны были выплачивать и выполнять от пятнадцати до тридцати видов различных податей и повинностей.

Одним из основных налогов был маль, или харадж, поземельная подать, взимавшаяся в виде доли урожая натурой или, в пригородных районах, в деньгах. Размер хараджа был неодинаков в разных районах, иногда к нему начислялась надбавка — фар' в размере 10% хараджного сбора. Завоевателями введена была подать купчур, первоначально взимавшаяся только с кочевников в размере 1% с поголовья стад, а позднее распространенная в денежной форме на крестьян и горожан как подушная подать. Размеры ее были в разное время неодинаковы. Подушная подать, которая вопреки шарияту взималась теперь не только с христиан, зороастрийцев и иудеев, но и с мусульман, казалась для последних особенно оскорбительной. Помимо перечисленных податей, с крестьян и взималась еще целая группа разных сборов деньгами и натурой, называвшихся ихраджат (арабск. *издержки, расходы*), шедших на содержание эмиров, войска, сановников, казенных гонцов (ильчи) и др. Крестьянство должно было также поставлять фураж для лошадей и продовольствие для войска (эти поставки носили название алафэ и улуфэ), выполнять особые сборы зерном и напитками (так называемый тагар) и др.

Тяжесть феодальной эксплуатации, усиленная завоевателями, усугублялась еще более самой системой взимания податей. Размеры податей и хараджной доли урожая обычно были произвольны. Чиновники, или откупщики налогов, действовали совершенно бесконтрольно, они присваивали или растрачивали уже собранные ими податные суммы, а когда казна требовала с них внесения этих сумм, они принимались во второй и третий раз собирать те же подати с райятов. Сбор податей обычно

сопровождался истязаниями и пытками крестьян. На крестьянские хозяйства ложились неоплатные, все возрастающие недоимки. В 50—60-х годах XIII в. неоплатных недоимщиков и их семьи продавали в рабство.

Помимо многочисленных поборов, взимавшихся в казну, при монголах широко практиковалась раздача царевичами, ханшами, эмирами и чиновниками бератов — ассигновок, которые давали право на получение жалованья или пенсии из сумм налогов с той или иной области или селения. Рашид-ад-дин рассказывает о том, какими методами взыскивались с крестьян эти суммы. Один человек, явившись в деревню за получением известной суммы по берату, нашел деревню совершенно пустой — все крестьяне разбежались, и только на площади он встретил группу воинов, которые нещадно били палками трех подвешенных вниз головой крестьян, стараясь вырвать у них признание, куда девалось население деревни, с которой надлежало получить средства по бератам. Эту экзекуцию проводил человек, также имевший берат на эту деревню.

Не менее тяжелы для крестьян были многочисленные натуральные повинности в пользу государства, как, например, почтовая повинность (улаг), связанная с поставкой лошадей и ослов для почтовых станций — ямов, для казенных гонцов (ильчи) и военных чинов; бигар — принудительная работа по восстановлению и очистке каналов, по постройке крепостей, дворцов, прокладке дорог. При выполнении этих работ тысячами гибли и люди и животные, труд был непроизводителем. Поэтому все попытки первых шести ильханов строить города и дворцы до конца не доводились.

Настоящим бедствием для крестьян была постоянная повинность (нузуль). Любой знатный монгольский эмир или сановник, останавливаясь на постой в каком-либо городе или в селении, занимал для себя и своей свиты и челяди до сотни домов. Нукеры этого эмира тащили у хозяина все, что попадалось под руку; женщин насиловали, над хозяевами издевались. Чтобы избежать постоя, крестьяне и горожане старались нарочно держать свои дома в полуразрушенном виде. Но и это плохо помогало, обычно после ухода одних постояльцев их немедленно сменяли другие.

Положение крестьян при монголах было самым тяжелым и бесправным за всю многовековую историю Ирана. С временем монгольского владычества связан вопрос о прикреплении крестьян к земле. Мусульманское право не признавало крепостного состояния и крепостной зависимости. Податное сословие — крестьяне и горожане юридически считались людьми лично свободными. Зависимость райятов от феодалов существовала фактически в силу земельного держания, с правом地主 землевладельца взимать в свою пользу целиком или частью харадж. При этом налог превращался в ренту. Таким образом, в мусульманских государствах Передней и Средней Азии домонгольского времени феодальная зависимость не принимала формы крепостного состояния.

Новые нормы были принесены монголами. При Чингис-хане, еще в Монголии, рядовой воин-кочевник, харачу (не раб), считался крепостным и был прикреплен к своему наследственному господину — кочевому аристократу, к его кочевьям и к его тысяче, сотне или десятку. Связь между господином и крепостным считалась нерасторжимой, и Великому Ясую Чингис-хана эта связь была возведена в незабываемый закон. Яса же со всеми ее постановлениями была обязательна не только для монголов, но и для всех без исключения завоеванных ими народов. Режим прикрепления был распространен и на оседлое население деревень. Но крепостнические мероприятия ильханов не были только механическим перенесением правовых норм Монголии на почву Ирана. Закрепо-

шение было закономерным следствием процесса общего развития феодального общества.

Положение крестьян было неодинаковым на землях разных категорий. По показанию источников, на частновладельческих землях оно было несколько лучшим, чем на землях диванских или инджу, так как феодал был более заинтересован в сохранении способности своих райятов хотя бы к простому воспроизводству, чем чиновник или откупщик на государственных землях, назначенный на краткое время и торопившийся обогатиться за счет крестьянина, обирая его до нитки. К концу XIII века, в результате хищнической эксплуатации монголов, целые области пришли в полное запустение, население их разбежалось. По словам Рашид-ад-дина, в ряде областей только десятая часть земель обрабатывалась, остальные запустели.

Города, разрушенные при завоевании, восстанавливались крайне медленно. Попытки монгольских наместников, а позднее первых ильханов, частично восстанавливать города или строить новые давали незначительные результаты. Вследствие общего разорения и упадка сельского хозяйства, все усиливавшегося к концу XIII в. благодаря налоговой политике ильханов, город лишался того рынка, каким была для него область. Монгольскими властями городское население, так же, как и сельское, облагалось огромными налогами. Основным налогом с городов, который являлся одним из главных доходов казны, была тамга.

Тамга (монг.) взималась с ремесленных мастерских, с торговли, — как крупной оптовой, так и с мелкой розничной вплоть до торговли предметами продовольствия и дровами, привозимыми на городские базары окрестными крестьянами, — а также со всех видов городских промыслов. Тамга была впервые введена монгольскими ханами, раньше ее не было. Размеры тамги в разное время были различны, но в общем они были высокими, и взимание тамги пагубно отражалось на ремесле и торговле. Тяжелым был так называемый тарх, по которому как крестьяне, так и ремесленники обязаны были поставлять для казны товары и продукты по цене ниже рыночной; под этим же термином понималась и принудительная покупка купцами и ремесленниками по ценам, в четыре-пять раз превышавшим рыночные, различных предметов продовольствия, которые ранее были собраны с райятов в виде подати. За провоз товаров взималась пошлина — бадж. Вся тяжесть налогов падала на ремесленников. Крупные оптовые купцы — уртаки, торговавшие под покровительством ильхана, пользовались податными льготами. Кроме того, ремесленники поставляли часть своей продукции казне или феодалам и выполняли разные принудительные работы: участвовали в строительстве общественных зданий, в украшении города к приезду ильхана, царевичей и др.

Еще хуже было положение ремесленников, обращенных в рабство и помещенных в казенных мастерских, где изготовлялось оружие, одежды, снаряжение для войска. Карханэ появились в Иране еще в 30-х годах XIII в. Они являлись собственностью казны ильхана, или разных царевичей, а работавшие в них ремесленники оставались из поколения в поколение на положении рабов.

Монгольское завоевание привело к временному возрождению рабовладельческого уклада. Труд рабов снова применялся довольно широко в кочевом скотоводстве, в ремесле и сельском хозяйстве. И при Хулагу, и в начале XIV в. пленных, в качестве рабов, сажали на землю, заставляя заниматься земледелием. Так, в двух садах Рашид-ад-дина близ Тебриза работало 1200 рабов обоего пола; среди них были греки, грузины, абиссинцы, негры. Кадры рабов пополнялись, главным образом, из военнопленных, но также покупались у работорговцев, привозивших

рабов из Крыма, Руси, Кыпчакской степи, Индии, Африки, Египта, Рума. Неоплатный должник и недоимщик также мог быть обращен в рабство.

Тяжесть эксплуатации населения усиливалась благодаря широкому распространению ростовщичества, центром которого являлись ставки монгольских ханш и царевичей. Они охотно вступали в компанию с купцами и ростовщиками, ссужали их деньгами и становились соучастниками торговых и ростовщических операций. Покровительствуемые монгольской знатью, привилегированные купцы-уртаки в разъездах по своим торговым делам требовали от населения продовольствие, фураж, предоставления перевозочных средств наравне с государственными послами и гонцами. Податное население, которое не было в состоянии выплатить все причитающиеся с него налоги, поборы, недоимки, было принуждено обращаться к ростовщикам и легко попадало в долговую кабалу к ним.

Завоеватели своей хищнической эксплуатацией истощали производительные силы страны. К концу XIII в. Хулагуидское государство переживало тяжелый экономический упадок. Вконец разоренное крестьянское население массами разбегалось, бросая свои хозяйства. Большая часть земель оставалась необработанной и заброшенной. Государственная казна была совершенно опустошена, так как собирать подати и налоги было почти не с кого, а с трудом собранные суммы не вносились в казну и растрчивались на местах феодалами, откупщиками и чиновниками. Местная торговля сильно сократилась. Ощущалась острая нехватка денег (серебра), вызванная хищнической эксплуатацией рудников.

§ 13. Правление и реформы Газан-хана

Тяжелое состояние экономики и финансов государства, центробежные стремления и мятежи монголо-тюркской кочевой знати, а также прекращение внешних завоеваний, приносивших раньше богатую военную добычу, — все это вместе побуждало центральную власть в лице ильхана искать выхода. Новый ильхан — Газан-хан (правил в 1295—1304 гг.), сын Аргун-хана, счел необходимым принять ислам, дабы сблизиться с иранской мусульманской чиновной и духовной знатью, и затем провел ряд реформ, в общем соответствовавших политической линии этих групп класса феодалов, заинтересованных в существовании и укреплении сильной центральной власти и в реформе податной системы.

Первоначально Газан-хан, чтобы одержать победу над Байду-ханом, вынужден был использовать поддержку части монгольской кочевой знати, к тому времени уже принявшей ислам. На сторону Газан-хана стал эмир Ноуруз из племени ойратов, еще в 1289 г. поднявший мятеж против Аргун-хана в Хорасане. Ноуруз согласился поддержать Газан-хана под условием принятия последним ислама. Газан-хан, ранее бывший буддистом, теперь принял ислам и мусульманское имя Махмуда.

Таким образом, ислам снова стал государственной религией. Под давлением эмира Ноуруза был опубликован указ о разрушении тех церквей и синагог, которые были построены в Тебризе, Хамадане, Мараге и других городах во время правления ильханов-язычников.¹ В ряде городов имели место погромы христиан и евреев. Очень скоро Газан-хан, утягивая жалобы армянских и грузинских христианских феодалов, в поддержке которых он очень нуждался в связи с войной против мамлюков Египта, отменил меры против христиан и иудеев, установив для них режим веротерпимости. Газан-хан даже отменил восстановленную было

¹ Мусульманское право не допускало постройки новых церквей и синагог, можно было лишь сохранять и исправлять старые, существовавшие еще до ислама.

подать для немусульман — джизью. Но «идолопоклонники» — буддисты были поставлены вне закона, их обязали либо принять ислам, либо покинуть государство; все их храмы были разрушены.

Принятие ислама обеспечивало поддержку Газана как со стороны всех групп оседлых мусульманских феодалов, так и со стороны той части монгольской кочевой знати, которая, подобно Ноурузу, обратилась в ислам, а также тюркской кочевой знати. В октябре 1295 г., на курултае монгольской знати, Газан был провозглашен ильханом. В качестве мусульманского султана Газан-хан перестал даже номинально признавать над собой власть сидевшего в Китае монгольского великого хана-язычника.

Молодой монгольский хан (Газан-хан вступил на престол в возрасте двадцати четырех лет) был выдающейся личностью. Оставаясь монгольским патриотом и одним из лучших знатоков преданий своего народа, Газан в то же время был знаком с культурой Ирана, которую высоко ценил. Он интересовался медициной и естественными науками; во время охоты собирал растения, установил факт существования в Иране многих целебных трав, которые раньше привозились из Китая, Индии и Туркестана. Из языков, он, по-видимому, хорошо знал только свой родной, монгольский, отчасти персидский и тюркский, несколько знаком был с арабским, хинди, кашмирским, китайским и франкским (французским). Он входил сам во все мелочи государственного управления, много времени проводил за документами о государственных доходах и расходах, внося в них свои заметки и поправки.

В первые годы своего царствования Газану пришлось подавить ряд заговоров царевичей, стремившихся лишить его престола и занять его место. Значительно более трудной была для Газан-хана борьба с правителями отдельных областей, которые поднимали восстания и мятежи в разных концах государства с целью освобождения от центральной власти.

В поисках поддержки своих сепаратистских тенденций мятежники часто обращались к соседним, враждебным Хулагуидам, государствам или к их крупнейшим вассалам. Внутренняя борьба с феодалами шла одновременно с почти непрерывными внешними войнами и требовала большого напряжения всех сил государства. В 1295 г. на территорию Хорасана и Мазендерана вторглись войска Дува-хана чагатайского, которые хотя и были вскоре изгнаны, успели сильно разграбить обе эти области и увели оттуда до двухсот тысяч жителей в рабство.

Труднее была борьба с эмиром Ноурузом, который сначала активно помог Газан-хану в его борьбе за престол, но обманулся в своих надеждах стать всемогущим временщиком. В 1298 г. эмир Ноуруз поднял восстание в Хорасане, стремясь стать независимым правителем этой области. В бою с ханскими войсками, посланными для подавления мятежа, войско эмира Ноуруза было разбито, и он сам бежал в Херат, Владелец Херата, мелик Фахр-ад-дин Курт, вассал ильхана, сперва сказал эмиру Ноурузу гостеприимство, а потом выдал его Газан-хану. Эмир Ноуруз был казнен. Произошло антимонгольское восстание и в Грузии (1297). В 1299 г. в западной части государства, в Руме, поднял восстание эмир Суламыш, которому удалось собрать пятидесятитысячную армию и заручиться поддержкой Египта. Мятеж был разгромлен ханскими войсками.

В своей борьбе с монгольскими кочевыми феодалами Газан-хан имел союзников в лице иранских, мусульманских оседлых, духовных и светских, феодалов, которые так же, как и монгольское правительство, были заинтересованы в централизации и укреплении государства и боялись развязывания феодальной анархии.

Рис. 3. Иран в составе государства Тимуридов (конец XIV — начало XV вв.).
 1 — Границы государства Тимура ок. 1405 г.; 2 — области, временно занятые войсками Тимура.

Между 1299 и 1303 гг. Газан-хан провел три похода в Сирию. Войска его на время заняли Халеб, Дамаск и другие города Сирии, но в конечном счете потерпели неудачу и должны были удалиться. Франция, Арагония и другие христианские государства Западной Европы обещали Газан-хану военную помощь против Египта, но обещаний не выполнили.

В разработке проводимых Газан-ханом внутренних реформ руководящую роль сыграл Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани — врач, ученый-энциклопедист, богослов и опытный финансовый чиновник. Войдя в милость к Газан-хану, Рашид-ад-дин вызвал опалу и казнь прежнего везира, «бумажного садра» Садр-ад-дина Халиди, после чего стал ближайшим советником и одним из двух везиров Газан-хана. Официально пост первого везира и хранителя государственной печати занимал Са'д-ад-дин Саведжи, фактически же в течение двадцати лет (1298—1318) всеми делами государства управлял Рашид-ад-дин. Помимо своей государственной деятельности, Рашид-ад-дин, как сказано выше,¹ прославился как крупнейший персидский историк средних веков.

Из переписки Рашид-ад-дина видно, что в основу реформ Газан-хана были положены политические идеи везира-историка: необходимость для ильхана и монгольской верхушки сближения с иранской феодальной знатью и усвоения традиций иранской государственности, укрепления центральной власти, борьбы с центробежными стремлениями монголо-тюркской кочевой знати, обуздания ее мятежей и своеволия; необходимость твердой фиксации размеров ренты-налога и оздоровления финансового аппарата в целях облегчения положения крестьян и горожан и поднятия их податной платежеспособности; возрождение разрушенных ирригационной системы и сельского хозяйства, ремесла, торговли и городской жизни.

При Газан-хане руководящая политическая роль от монголо-тюркской военной кочевой знати перешла к иранской чиновной и духовной знати, проводником политической линии которой и был Рашид-ад-дин. Кочевой знати Газан-хан не доверял и многих из ее представителей казнил. Но все же он вынужден был делать и ей значительные уступки (массовая раздача земель икта' и т. д.).

Так как одной из главных причин оскудения казны являлись хищения чиновников и откупщиков и трата огромных средств на личные нужды ханской родни, то особым указом были установлены строго фиксированные размеры хараджа и купчура с каждой области в деньгах или в долях урожая. Все эти податные расписания, скрепленные печатью, подлежали хранению в Тебризе, а в каждой области и даже деревне податная роспись, написанная на железных листах, каменных плитах или стенах мечетей, должна была быть выставлена на видном месте для всеобщего сведения. Строго запрещалось требовать с населения чего-либо сверх зафиксированного в списках.

Ханшам, царевичам и частным лицам было запрещено посылать по своим поручениям гонцов. Отныне гонцов отправляли лишь по государственным делам, и им давали необходимые на дорогу средства. Постойная повинность была отменена.

Была запрещена раздача ассигновок — бератов. Уже не откупщик, а государственный чиновник, отчитывавшийся перед казной, производил с населения сбор налогов, размер которых был зафиксирован. Были отменены многочисленные поборы с населения в пользу хана и царевичей, войск, эмиров и т. д. и ограничены расходы по их содержанию. Сокращались средства, отпускаемые на царскую охоту. Все деньги и ценности,

¹ См. в § 2 настоящей главы.

поступавшие в казну, тщательно записывались, запечатывались, хранились несколькими доверенными лицами, и какие-либо суммы могли быть выданы из хранилища только на основании письменного указа самого Газан-хана.

Стремление монгольских военных чинов к приобретению земель с крестьянами вынудило Газан-хана провести массовую раздачу монгольским воинам земельных наделов (икта'). До этого, как было уже сказано, простые воины получали «обмундировочные» (джамэгийат) и натурой продукты питания (улуфэ), которые собирались с крестьян. При огромных злоупотреблениях крестьяне страдали от этого налога, а собранные средства и продукты частично разворовывались чиновниками, не доходя до воинов. Необеспеченность рядового состава монгольского войска была одной из причин поражения войск Газан-хана в войне с мамлюкским султаном в Сирии в 1303 г. Чтобы удовлетворить требования монгольских военных людей, Газан-хан в 1303 г. издал указ о наделении землями на ленном праве (икта') всех без исключения монголов, включенных в списки феодального ополчения (черик). Целые округа отдавались в лен эмирам тысяч, т. е. вождям ветвей монгольских племен, поставлявших в ополчение до тысячи всадников. Эмир тысячи, получив тот или иной округ, делил его путем жеребьевки на десять долей между эмирами сотен. Таким же образом — жеребьевкой — эмиры сотен делили свои территории между эмирами десятков, а те — между рядовыми воинами, каждый из которых получал в икта' небольшой надел — деревню или часть ее с крестьянами.

Земли икта' формально причислялись к государственным, фактически же составляли особую категорию земель, поскольку они не эксплуатировались непосредственно государством через его аппарат.

Согласно указу, земли икта' не могли быть проданы; за плохую службу они могли быть отняты; икта' переходила от отца к сыну или другому родичу и таким образом юридически превратилась в наследственный лен. Особенно много земель в икта' было роздано в Азербайджане, недалеко от удобных летних и зимних пастбищ, так как монгольские воины продолжали вести кочевое хозяйство. С крестьян, живших на землях икта', взимались все налоги и подати, которыми они облагались и ранее, но поступали они уже не в казну, а в пользу владельца икта'. Тот от себя выплачивал государству лишь очень небольшой сбор.

Газан-хан подтвердил прикрепление крестьян к земле, которое существовало уже при первых ильханах. Крестьянам было запрещено покидать земли, к которым они были приписаны; землевладельцам запрещалось давать у себя убежище беглым крестьянам. Устанавливался тридцатилетний срок, в течение которого можно было искать беглого крестьянина и в принудительном порядке возвращать на покинутую им землю.

Использование труда рабов в сельском хозяйстве также сохранялось. Рабы-пленники обрабатывали принадлежащие феодалам земли. В дошедших до нас письмах Рашид-ад-дин, который, как сказано, являлся крупнейшим землевладельцем, сообщал своим сыновьям, что на принадлежащих ему землях четыре деревни уже заселены рабами и просил прислать ему еще партию греческих рабов для заселения пятой деревни.

В целях поощрения к возделыванию заброшенных и запустевших земель Газан-хан обещал податные льготы тем землевладельцам, которые взялись бы обработать и заселить эти земли. В результате раздачи икта' войску и отдачи в обработку пустующих земель, выделяемых из фондов земель дивани и инджу, значительно увеличился фонд частно-

владельческих земель, что в известной мере способствовало повышению производительных сил в стране.

При Газане был значительно увеличен также фонд вакфных земель. Ревностный мусульманин, Газан-хан делал мусульманскому духовенству большие земельные и денежные пожертвования. Довольно скоро, впрочем, распорядители вакфных земель сумели обратить их в свои наследственные владения.

Реформы Газана внесли также существенные изменения и в городскую жизнь. При предшественниках Газан-хана большой вес в государстве имели крупные купцы. Они занимались не только торговлей, но вели широкие ростовщические операции и одновременно почти повсеместно держали на откупе все налоги государства, в том числе и городскую подать (тамга). Крупные купцы пользовались особым покровительством верхушки господствующего класса и налоговыми льготами. Ставки ханских жен и царевичей являлись как бы конторами торговых-ростовщических операций. Но положение мелких и средних купцов было тяжелым из-за налога тамги. В городе ростовщичество всей своей тяжестью обрушилось на ремесленников и городскую бедноту. Невыплаченный налог, на который набегали колоссальные проценты, приводил должника к пожизненной и наследственной кабале. Ростовщичество приняло настолько угрожающие размеры, что Газан-хан, несмотря на сопротивление влиятельных слоев и придворных кругов, издал специальный ярлык, запрещающий ростовщические ссуды и освобождавший должников от уплаты как процентов, так и взятой суммы. В дальнейшем правительство было вынуждено пойти на уступки и установить предельный размер процентов, выше которого ростовщики требовать не имели права.

В целях облегчения положения ремесленников и торговцев Газан-хан в ряде городов отменил сбор тамги, в других же городах уменьшил размеры тамги наполовину. Газан-ханом была проведена также денежная реформа. Вместо разнообразных денег, чеканившихся в различных областях, им была введена единая для всего государства серебряная монетная система. Денежной единицей являлся дирхем, весивший 2,15 грамма серебра. 6 дирхемов составляли серебряный динар. 10 тыс. динаров составляли счетную единицу — туман. Эта единая монетная система оказалась настолько удобной, что вскоре была введена и в государстве Чагатаидов. Была установлена единая для всей страны система мер и весов.

Газан-ханом было изменено также положение ремесленников-рабов, работавших в карханэ. Злоупотребления чиновников, ведавших карханэ, растраты ими отпускаемых на содержание ремесленников пайков привели к тому, что мастерские, занятые изготовлением оружия, седел, одежды и т. д., почти перестали давать продукцию. Ремесленники, работавшие в карханэ на положении пленников-рабов, не были заинтересованы в своей работе. Рабский труд поэтому оказался нерентабельным. Газан-хан отменил выдачу пайков и перевел ремесленников-рабов в карханэ на оброк.

Газан-хан много сделал для украшения и расширения столицы — Тебриза. В предместье Тебриза — Шам (иначе Шамб-и Газан) Газан при жизни построил себе мавзолей, купол которого своей высотой превышал купол мавзолея султана Сийджара в Мерве, считавшийся самым высоким зданием мусульманского мира. Своей богатой и нарядной отделкой, сделанной искусными персидскими строителями, мавзолей Газан-хана вызывал всеобщее восхищение. Около мавзолея было построено два медресэ, госпиталь, обсерватория, подобная той, что Хулагу-хан выстроил в Мараге, библиотека, архив, бани, водоем. Для содержания

этих учреждений был создан специальный вакф, с доходом в 185 тыс. динаров. У каждого городских ворот были построены караван-сарай, базар и баня. Газан поощрял своих придворных строить дворцы и здания в любимой им столице.

Рашид-ад-дин владел в Тебризе целым кварталом, вероятно четвертью города. Квартал этот, называвшийся Руб'-и Рашиди, был застроен им на собственные средства. В этом квартале, по описанию самого Рашид-ад-дина, было будто до 30 тыс. домов (т. е. семейств жителей; цифра эта маловероятна), 24 караван-сарая, 1500 лавок, ткацкие, красильные, бумажные мастерские, много садов, бань, складов, мельниц и монетный двор.

Среди ремесленников было много искусных мастеров, переселенных из разных городов и стран; была в Руб'-и Рашиди «улица улемов», заселенная богословами, муэззинами, чтецами корана. В тамошних медресе обучалось от 6 до 7 тысяч студентов. Был замечательный госпиталь, в котором работали 50 медиков из Индии, Китая, Египта и Сирии, среди них находились лучшие окулисты, хирурги и костоправы, обучавшие каждый по пяти юных рабов Рашид-ад-дина. Была в Рашидовом квартале библиотека из 60 тыс. книг по точным наукам, истории, поэзии и мусульманскому богословию. Среди них было 1000 списков Корана, выполненных наиболее прославленными каллиграфами эпохи. Для орошения квартала был проведен большой канал, называемый Рашиди. Богатства Рашид-ад-дина являлись исключительными даже для его среды и эпохи. Этот квартал был конфискован после казни Рашид-ад-дина (1318 г.).

Положение Тебриза на узле караванных дорог, его значение ханской столицы способствовало увеличению его населения и территории. До Газан-хана городская стена имела всего 6 тыс. шагов в окружности; новая стена, построенная Газан-ханом, удлинилась до 25 тыс. шагов (около 24 км). Богатство и многолюдность города, разнообразие товаров на его рынках вызывали восхищение современников.

В результате реформ Газан-хана значительно пополнилась государственная казна. Хамдуллах Казвини, давший в своем географическом труде ценные сведения о состоянии финансов при ильханах, сообщает, что при предшествующих монгольских ханах вся сумма поступлений в казну составляла 1700 туманов (по Вассафу — 1800 туманов), а при Газане эта сумма увеличилась до 2100 туманов, т. е. почти на 25%.

Государственный аппарат был укреплен и значительно ограничен произвол чиновников, благодаря чему население в известной мере было избавлено от их злоупотреблений и незаконных поборов. Газан-ханом были подавлены ослаблявшие государство мятежи и восстания феодалов.

В основу реформ Газан-хана, как сказано, был положен принцип точной фиксации ренты и налогов и устранения произвола при их взимании. Реформы эти были проведены не в интересах податного населения, а в интересах феодального государства. Необходимо было наладить хотя бы простое воспроизводство в сельском хозяйстве и обеспечить феодалам и феодальному государству бесперебойное поступление ренты и налогов. Однако, сравнительно с прежним террористическим режимом произвольных поборов и повального грабежа райятов, новый порядок принес известное облегчение для крестьян и горожан. Источниками, особенно Рашид-ад-дином, Хамдуллахом Казвини и Хафиз-и Абру, засвидетельствован известный подъем в земледелии, которое, однако, не достигло того уровня, на каком оно находилось до вторжения войск Чингис-хана.

§ 14. Правление Ольджайту-хана

Газан-хан умер в 1304 г., назначив преемником своего брата Ольджайту-хана, носившего также мусульманское имя султана Мухаммеда Худабенде (1304—1316 гг.).

Правительство Ольджайту-хана не отказалось от старых планов завоевания Сирии. В поисках союзников в борьбе с султаном Египта Ольджайту-хан в 1304 г. направил во Францию двух послов с письмом к французскому королю Филиппу IV Красивому. Это письмо, написанное по-монгольски уйгурскими буквами, дошло до нашего времени. Подобные же письма были вручены английскому королю Эдуарду II и римскому папе Клименту V. Оба короля и папа не скупились на обещания военной помощи, но практически ничем не помогли. Правительство Ольджайту-хана должно было прекратить, в конце концов, попытки завоевать Сирию.

В течение всего правления Ольджайту-хана враждебные отношения с Чагатаидами и Золотой Ордой продолжались, но государственные границы между ними оставались неизменными.

В 1307 г. к государству ильханов был прочно присоединен Гилян, находившийся под властью дюжины мелких полусамостоятельных владетелей.

В области внутренней политики при Ольджайту-хане продолжался курс, начатый Газан-ханом; проведенные им реформы оставались в силе. Два монгольских военачальника — эмиры Кутлугшах и Чобан вели военными делами и являлись главами монгольского улуса. Во главе гражданского управления стоял номинально везир Са'д-ад-дин, а фактически Рашид-ад-дин, который при Ольджайту-хане сохранил всю полноту своей власти. Са'д-ад-дин пытался погубить Рашид-ад-дина ложными доносами, но Рашид-ад-дину удалось добиться казни самого Са'д-ад-дина, после чего Рашид-ад-дин взял к себе в товарищи по везирату купца-уртака Тадж-ад-дина Алишаха Гиляни, который позднее стал соперником и врагом Рашид-ад-дина.

В 1305 г. Ольджайту-хан возобновил постройку нового города Султанийэ, заложенного, но не dokonченного Аргун-ханом. Местоположение на караванных путях и близость кочевков монголов способствовали расцвету города, ставшего вскоре летней столицей ильхана; зимней оставался Багдад. Придворные Ольджайту-хана соперничали между собой в украшении новой столицы. Как и в Тебризе, в Султанийэ целый квартал, содержавший более тысячи домов, был построен на личные средства Рашид-ад-дина. Выполнение заказов двора и торговля с близлежащими летними кочевьями монголов давали сборному пестрому торговому и ремесленному населению Султанийэ заработок и доход. Население Султанийэ состояло из выходцев из разных областей, говоривших на разных языках, последователей разных религиозных толков. Строительство города было закончено в 1313 г.; окружавшая его стена имела в окружности 30 тыс. шагов. Ольджайту-хан, в детстве окрещенный своей матерью-христианкой, потом принявший ислам в суннитской форме, в конце концов склонился к шиизму. Но попытка этого ильхана сделать шиизм государственным исповеданием кончилась неудачей благодаря решительному сопротивлению иранской духовной и чиновной знати, твердо державшейся суннизма. При Ольджайту-хане вновь стали взимать джизью с немусульман.

§ 15. Начало распада государства Хулагуидов

Абу-Са'ид Бахадур-хан, сын Ольджайту-хана, вступил на престол в двенадцатилетнем возрасте и, естественно, не мог управлять государ-

ством. Фактическим правителем государства стал эмир Чобан, из монгольского племени сулдуз, улусный эмир и главнокомандующий. Ряд областей был отдан в управление монгольским эмирам. Везир Тадж-ад-дин Алишах усилился благодаря поддержке эмира Чобана. Алишах лишил Рашид-ад-дина, уже семидесятилетнего старика, которому было трудно бороться с придворными интригами, всякого влияния на государственные дела. Не удовлетворившись отставкой Рашид-ад-дина, Алишах ложно обвинил Рашид-ад-дина в отравлении Ольджайту-хана, которого Рашид-ад-дин лечил, как врач. Кочевая знать, ненавидевшая Рашид-ад-дина за его участие в реформах Газан-хана, рада была случаю свести с ним счеты. Рашид-ад-дин был осужден и в июле 1318 г. казнен: его разрубили мечом пополам, как некогда загубленного им Садр-ад-дина. Огромное имущество Рашид-ад-дина было конфисковано в казну. Построенный им в Тебризе квартал был разгромлен, учрежденные им вакфы и многочисленные благотворительные заведения были уничтожены.

Усиление монгольской кочевой знати, которая захватила все важнейшие области государства и поставила на главные гражданские должности своих ставленников, очень скоро привело к ликвидации мероприятий Газан-хана, направленных к устранению произвола чиновников и обузданию кочевых феодалов.

Кочевые феодалы, почувствовав слабость центрального правительства, стали поднимать мятежи и восстания. Борьба с ними затруднялась тем, что она проходила одновременно с войнами с соседними государствами. В 1317 г. в Хорасане поднял восстание чагатайский царевич Ясавур, изгнанный из Средней Азии и нашедший убежище в Хорасане. В то же время войска золотоордынского хана Узбека, продолжая давнюю борьбу за Азербайджан, вторглись в район Дербенда. Пока эмир Чобан вел войны с золотоордынцами, эмир Ясавур опустошил Мазендеран, часть Хорасана и Систана. Только в 1320 г. было подавлено это восстание.

Огромная власть эмира Чобана вызвала зависть и соперничество многих монгольских кочевых феодалов, безуспешно пытавшихся оклеветать его перед ильханом Абу-Са'идом. Против него был составлен заговор. Во главе недовольных стал эмир Иринчин из племени кераитов, и заговор против временщика разросся в мятеж против самого ильхана Абу-Са'ида. После упорной борьбы в Азербайджане мятеж был подавлен в 1319 г., эмир Иринчин казнен.

В 1320 г. египтяне совершили опустошительное вторжение в Килийскую Армению, находившуюся в вассальной зависимости от ильханов. Стремясь прекратить военные действия у своих западных границ, Абу-Са'ид начал переговоры с мамлюкским султаном Египта Насиром Мухаммедом, и в 1323 г. между государством Хулагуидов и Египтом был заключен мирный договор. Абу-Са'ид и Насир стали обмениваться дружественными посольствами.

В 1332 г. в Малой Азии (Рум) поднял мятеж родной сын эмира Чобана — эмир Тимурташ. Эмир Чобан лично выступил на его подавление, но позднее добился прощения сына. Военные действия против Золотой Орды на Кавказе продолжались.

Власть Чобанидов усиливалась все больше. В 1324 г. умер везир Алишах, единственный из всех везиров ильханов умерший своей смертью. Опека Чобанидов стала тяготить уже возмужавшего ильхана. Бесчинства в Тебризе и насилия над его жителями, которые чинил сын Чобана Димишк-ходжа, вызывали общее недовольство. В 1327 г. Димишк-ходжа был казнен. В ответ эмир Чобан поднял мятеж в Хорасане,

но был разбит и бежал в Херат, владетель которого сперва дал ему убежище, а потом, в угоду Абу-Са'иду, велел его задушить.

Мятежи феодальных клик, частые битвы и переходы войск по территории оседлых районов, ограбление феодалами жителей в захваченных ими районах, возросшие с новой силой злоупотребления чиновников, стихийные бедствия (в 1318—1320 гг. была страшная засуха, налет саранчи и невиданный град) привели к голоду и вконец истощили оседлое сельское население. Люди покидали свои жилища и разбегались. Кризис, несколько приостановленный реформами Газан-хана, опять усилился.

Попытка в какой-то мере оградить население от произвола феодалов связана с именем везира Гийас-ад-дина Мухаммеда Рашиди, сына Рашид-ад-дина, занявшего эту должность в 1328 г., после падения эмира Чобана. Он старался вести внутреннюю политику в духе реформ Газан-хана. По его совету Абу-Са'идом были изданы указы для защиты населения от незаконных и разорительных поборов. До нас дошел один из таких указов, выбитый на стене мечети в городе Ани в Армении.

Ильхан Абу-Са'ид умер в конце 1335 г. во время похода против Золотой Орды.

Политическая линия везира Гийас-ад-дина Рашиди вызвала сильное противодействие со стороны монголо-тюркской кочевой знати. Эта знать усилилась в связи с расширением фонда земель икта'. Вообще в первой половине XIV в. происходил процесс роста земель икта', мульковых и вакфных за счет фонда государственных земель, находившихся в распоряжении центральной власти и непосредственно эксплуатировавшихся ею через аппарат чиновников. Это вызвало ослабление центральной власти в лице ильхана. Поэтому попытки Гийас-ад-дина вести централистскую политику не могла иметь успеха. В то же время происходил процесс концентрации земель в руках крупных феодалов, отнимавших у мелких землевладельцев мульковые земли то путем прямого насилия и захвата, то путем судебных процессов, пользуясь тем, что во время войн и смут у многих землевладельцев погибли документы, удостоверявшие их право собственности на землю. Если к началу XIII в. кое-где в Иране еще сохранялись свободные крестьяне, то теперь все они превратились в крепостных. Сельская община сохранилась не везде, но и там, где она оставалась, она была несвободной и зависимой от феодалов.

Рост земельных богатств крупных феодалов, особенно кочевой знати, привел к усилению ее политического влияния и вызвал острую борьбу за власть в государстве между феодальными кликами.

§ 16. Народно-освободительные движения в XIII—начале XIV вв.

Огромный рост феодальной ренты и налогов, крепостническая политика и гнет завоевателей вызвали обострение классовой борьбы в стране. Одним из проявлений этой борьбы были массовые побеги крестьян, временами же эта борьба выливалась в форму восстаний. Восстания эти до сих пор еще слабо изучены исследователями.

В 1265 г. в Фарсе произошло грандиозное народное восстание во главе с сейидом Шереф-ад-дином, направленное против монгольского владычества. Оно было жестоко подавлено ильханскими войсками. В 1275 г. на ильхана Абака-хана, охотившегося со свитой в Арране (северный Азербайджан), открыто напала толпа местных жителей, вооруженных саблями и дротиками, и едва не убила его. Нападение это так напугало Абака-хана, что он велел собрать феодальное ополчение со

всей области, ожидая общего восстания. В 1291 г. вспыхнуло мощное восстание иранского кочевого племени луров, занявших на время даже Исфахан.

В 80—90-х годах XIII в., во время глубокого упадка экономики Ирана, развернулось массовое крестьянское повстанческое движение, принявшее характер широкой партизанской войны. Движение это подробно описано Рашид-ад-дином. Правда, он, как феодальный историограф, называет участников этого движения разбойниками, но из его описания ясно видно, что это была борьба крестьян и других эксплуатируемых и угнетенных против чужеземного ига и жестокой крепостной эксплуатации. По словам Рашид-ад-дина, укрывавшиеся в горах и лесах партизанские отряды, которые он называет разбойничьими, состояли из беглых крестьян, беглых рабов, городских «подонков и черни» (рунуд ва оубаш), т. е. городской бедноты, и обедневших кочевников — курдских, лурских, арабских и даже монгольских. Примечательно, что бедные монголы выступали рука об руку с народными массами Ирана.

В каждом селении и кочевье у этих повстанцев были друзья, укрыватели и лазутчики. При помощи сельских старост в деревнях заготавливали для повстанцев продовольствие и все необходимое. В городах у них также были свои люди, у которых они могли находить пристанище. Повстанческие отряды нападали на усадьбы и ставки знатных эмиров и грабили их. Эти же повстанческие отряды нападали на караваны купцов-уртаков, расправлялись с богатыми и знатными, забирали их товары и имущество как законную военную добычу, согласно понятиям того времени.

Повстанцы были окружены общим сочувствием народных масс. Повсюду их охотно принимали, укрывали и кормили, прославляли их подвиги. Никто не хотел доносить на них, а властям было чрезвычайно трудно бороться с ними. А когда кого-нибудь из них ловили и вели казнить, в народе все возмущались, говоря: «Как можно казнить такого бахадура (героя)!»

Повстанческое движение было подавлено войсками Газан-хана.

В 1303 г. какие-то сектанты во главе с пиром (шейхом) Я'кубом, выдававшие себя за дервишеский орден, но которых Рашид-ад-дин называл маздакитами, пытались поднять восстание, связав его с попыткой царевича Алафранга, сблизившегося с ними, захватить власть. Но их планы были раскрыты, главари арестованы и казнены. Пира Я'куба сбросили с вершины горы.

Рашид-ад-дин, называя этих сектантов маздакитами, без сомнения, хотел этим сказать, что их социальная программа была такая же, как у древних маздакитов — установление социального равенства и передача всех земель сельским общинам. Наиболее крупные движения крестьян и ремесленников под лозунгами социального равенства развернулись в Иране позднее, между 30-ми и 80-ми годами XIV в.

§ 17. Итоги периода

Время монгольского владычества было одним из самых тяжелых в истории иранского народа. Оно принесло с собой гибель сотен тысяч людей, разорение сел и городов, усиление феодальной эксплуатации. Временный экономический подъем при Газан-хане, процветание двух-трех городов, являвшихся резиденциями ильханов, не меняет общей картины разорения страны. Караванная торговля, хотя и соединяла государство ильханов со многими дальними и ближними странами, обслуживала почти исключительно нужды господствующего класса и не спо-

собствовала появлению в Иране ни новых культурных влияний, ни новых идей.

После смерти ильхана Абу-Са'ида (1335 г.) центробежные стремления крупных феодалов, борьба за власть между феодальными кланами и вновь развернувшиеся народно-освободительные движения привели к тому, что созданное монгольскими завоевателями государство ильханов Хулагуидов распалось (между 1336 и 1353 гг.).

Монголы в Иране постепенно ассимилировались частью с жившими здесь тюрками, частью же и с иранцами.

ГЛАВА VI

ИРАН В ПЕРИОД РОСТА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ И НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ (30-е годы XIV — конец XV вв.)

§ 1. Общая характеристика периода¹

В данный период формы феодальной собственности на землю и воду (институт наследственного лена — союргал, продолжение института икта'), а также иммунитеты (налоговый и судебно-административный), феодальная иерархия, как и формы феодальной зависимости крестьян в Иране, достигли наиболее полного развития. Данный период отличается ростом и торжеством феодальной раздробленности в Иране, особенно после распада монгольского государства Хулагуидов (между 1336 и 1353 гг.). Распад этого государства не означал еще падения монгольского ига на всей территории Ирана, ибо в ряде областей власть осталась в руках монгольской и тюркской военно-кочевой знати, сохранившей чингисханову Великую Ясу и приемы управления и феодальной эксплуатации, сложившиеся после монгольского завоевания. Обострение классовых противоречий и стремление народных масс освободиться от иноземного ига и хищнической эксплуатации вызвало в Иране, как и в сопредельных странах (Средняя Азия, Азербайджан, османская Турция) ряд народных восстаний между 30—80-ми годами XIV в. и в первой половине XV в.

§ 2. Основные источники по истории периода

В данный период персидская историография представлена сочинениями многих авторов. Некоторые из них старались подражать Рашид-ад-дину Хамадани.

Прежде всего следует отметить школу придворной историографии, сложившуюся уже в XV в., при дворе тимуридских султанов в г. Херате в XV в. Предшественниками этой школы были придворные историографы *Низам-ад-дин Шами* (родом из Шама, или Шамба, предместья г. Тебриза) и *Шереф-ад-дин Йезди*, составившие, по официальным заказам, труды по истории правления и завоеваний Тимура. Труд Шами окончен в 1404 г., труд Йезди — в 1424 г.; оба труда носят одинаковое заглавие «Зафар-намэ» («Книга победы»). Оба труда, составленные на основании не дошедших до нас официальных первоисточников, конечно, тенденциозны и рисуют деятельность Тимура и его окружения в идеализованном виде, Шами — в меньшей степени, Йезди — в несравненно большей. Тем не менее, оба эти труда являются ценными источниками по истории Ирана конца XIV — начала XV вв.; к труду Йезди приложено было введение» (мукаддаме), с изложением истории Ирана и

¹ См. карту на стр. 201.

Средней Азии от времени Чингис-хана до Тимура (сохранилось лишь в некоторых рукописях).¹ Труд Шами написан простым языком, труд Йезди — тяжелым и безвкусным языком, в цветистом стиле.

Около 1414 г. было составлено сочинение по «всеобщей истории», открытое В. В. Бартольдом и условно названное им «Анонимом Искендера», ибо оно было написано для царевича Искендера, внука Тимура, наместника Фарса. Позже было выяснено имя автора сочинения — *Му'ин-ад-дин Натанзи*. Его труд основан главным образом на не дошедшем до нас тюркоязычном первоисточнике. В труде Натанзи много тюркских и монгольских слов, чувствуется влияние кочевой тюркоязычной среды. В труде изложена военная и дипломатическая история монгольских государств и империи Тимура. Сочинение не издано.²

Самым выдающимся представителем тимуридской историографии был *Хафиз-и Абру*. Он состоял на службе у Тимура, потом у сына его, султана Шахруха, при дворе которого в г. Херате и писал свои труды (умер в 1430 г.). Хафиз-и Абру составил: а) в 1420 г. подробное географическое описание в двух томах Ирана и других стран Ближнего Востока в начале XV в., с историческими экскурсами и с обильным материалом экономического характера (состояние земледелия и т. д.); этот ценный источник дошел до нас в неполном составе, в немногих рукописях³ и до сих пор не издан; б) историческую компиляцию «Маджму'э» («Сборник»), состоящую из персидского перевода Табари (X в.) и исторических трудов Рашид-ад-дина и Низам-ад-дина Шами, вместе с «Продолжениями» трудов этих двух авторов, написанными уже самим Хафиз-и Абру;⁴ в) большой труд по «всеобщей истории» — *Маджма'ат-таварих* («Собрание летописей»; известен также под именем «Зубдат-ат-таварих» — «Сливки летописей»), в четырех томах; сочинение это не издано.⁵ Сочинения Хафиз-и Абру отличаются простым языком, обширным использованием первоисточников, точностью и лаконичностью изложения, обилием сведений социально-экономического характера.

Продолжателем Хафиз-и Абру был *Абд-ар-реззак Самарканди* (1413—1482 гг.). Он составил огромный исторический труд «*Матла'-ас-са'дайн ва маджма'-ал-бахрайн*» («Место восхождения двух счастливых светил и место слияния двух морей») в двух томах. До описания событий 1426 г. сочинение это является компиляцией, основанной больше всего на «Маджма'ат-таварих» Хафиз-и Абру,⁶ а остальная часть (до изложения событий 1470 г.) носит оригинальный характер. Труд Абд-ар-реззака Самарканди отличается цветистым изложением, обилием све-

¹ Труд Шами (персидский текст) критически издан Ф. Тауэром в Праге в 1937 г. Труд Йезди (персидский текст) издан Мухаммедом Илахдадом в Калькутте в 1887—1888 гг. в 2 томах; издание это имеет много ошибок и других дефектов. Есть французский перевод Пети-де-ля-Круа (Париж, 1722), сильно устаревший.

² Известно всего три рукописи этого сочинения — в Ленинграде (ИБ АН СССР), Лондоне и Париже.

³ Рукописи есть в хранилищах Ленинграда и Ташкента; сочинение не имеет заглавия.

⁴ Изданы части этой компиляции: «Продолжение» (Зейль) «Джами'ат-таварих» («Сборника летописей») Рашид-ад-дина, издано в 1937—1938 гг. (не полностью — только до событий 1381 г.) проф. Ханбаба Байяни (отдельно персидский текст и французский перевод); «Продолжение» — «Зафар-намэ» Низам-ад-дина Шами, издано Ф. Тауэром в Праге в 1934 г. (персидский текст).

⁵ В хранилищах СССР есть только I и II тома, компилятивные и малоценные, оригинальный и наиболее ценный IV том известен лишь в двух рукописях, обе находятся за рубежом.

⁶ Поскольку III и IV тома сочинения Хафиз-и Абру для нас практически пока недоступны, труд Абд-ар-реззака Самарканди является для советских историков ценным источником.

дений социально-экономического характера; датировки часто неточны. Это ценное сочинение издано недавно в Пакистане (два тома).¹

К той же школе принадлежал *Фасихи* Хафский, посвятивший тимуридскому султану Шахруху свой исторический труд «Муджмал-и Фасихи» («Фасихов конспект [по истории]») в 1442 г. Труд этот по форме близок к хронике, события излагаются по годам; изложение отличается простотой языка и лаконичностью. Источник этот ценен благодаря точности хронологии событий, а также биографиям и характеристикам поэтов и политических деятелей XIV—XV вв. Фасихи использовал не дошедшие до нас первоисточники. Труд не издан и сохранился лишь в немногих рукописях.²

Из представителей той же школы наибольшей известностью (превыше своих подлинных заслуг) на Востоке, а долгое время также и в Европе, пользовался Мухаммед ибн Хавендшах, по прозвищу *Мирхонд* (правильнее Мирханд, 1433—1498 гг.). Он принадлежал к литературно-ученому кружку, созданному в Херате великим староузбекским поэтом и везиром тимуридского султана Хусейна Байкары — Алишером Навои. Мирхонд — автор огромного труда по «всеобщей истории» — «Раузат-ас-сафа» («Сад чистоты») в семи томах,³ с введением и заключением. Только часть VI тома и VII том, излагающие события второй половины XV в., оригинальны и являются первоисточником для нас; остальные тома — компиляция, основанная на многих более ранних первоисточниках, персидских и арабских. Но так как среди этих первоисточников Мирхонда есть и такие, которые теперь утрачены, то и первые тома труда Мирхонда (особенно IV и V) имеют еще некоторую ценность для исследователя. Цветистое и напыщенное изложение⁴ и обилие занимательных рассказов создали Мирхонду незаслуженную славу в феодальных литературных кругах. Но по достоверности материала и точности сведений Мирхонд стоит много ниже Хафиз-и Абру и 'Абд-ар-резака Самарканди.

Труд Мирхонда в полном объеме выдержал на Востоке много изданий (литографских) и в персидском подлиннике и в турецком переводе, некритических и далеко не удовлетворительных.⁵ В Европе же издавались только отдельные части труда Мирхонда (в персидском подлиннике и в переводах), притом именно из первых томов, компилятивных и малоценных.⁶ В XIX в. в Европе, когда выпускались эти издания, компилятивный характер труда Мирхонда еще не был выяснен, потому его и переоценивали. Позднее, по мере того, как выявлялись и издавались первоисточники труда Мирхонда, сам труд Мирхонда все больше терял значение (кроме V—VII томов). Научно-критического издания Мирхонда до сих пор нет.

¹ Лахор, 1360—1368 гг. х. = 1941—1949 гг. н. э. Рукописи труда Абд-ар-резака Самарканди есть в хранилищах Ленинграда и Ташкента. Французский перевод части II тома издан с обширным терминологическим комментарием Катрмером в серии «Notices et extraits de la Bibliothèque du roi (Nationale)», т. XIV (Париж, 1841).

² Хорошая рукопись имеется в Ленинграде, в хранилище ИВ АН СССР.

³ VII том, доведенный до 1521 г., закончен и обработан уже внуком Мирхонда, историком Хондемиром (1475—1536).

⁴ Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 6 июня 1853 г. отмечает, что Мирхонд, как и многие другие персидские авторы-прозайки, пользуется «очень образным, но совершенно бессодержательным языком» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 495—496).

⁵ Из них лучше шахские тегеранские литографские издания 1266—1272 гг. х. = 1850—1856 гг. н. э. и 1270—1274 гг. х. = 1852—1856 гг. н. э. (всего около 1500 страниц in folio), но они без пагинации, поэтому цитирование по ним невозможно.

⁶ Полный перечень восточных изданий труда Мирхонда и европейских изданий, отрывков из него см.: А. Е. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. III, № 1—2.

Сотрудником и продолжателем Мирхонда был его внук *Хондемир*, правильнее Хандемир, собственно Гийас-ад-дин Хусейни (1475—1536), принадлежавший к литературному кружку Алишера Навои. После разгрома Тимуридской державы кочевыми узбеками (1507) Хондемир одно время находился на службе у основателя династии Сефевидов в Иране, шаха Исмаила I, а под конец жизни жил в Индии, при дворе основателя империи «Великих моголов» — Тимурида Бабура, где и умер. Помимо завершения VII тома «Раузат-ас-сафа», о чем уже сказано, Хондемир был автором трехтомного свода по всеобщей истории «Хабиб-ас-сийяр» («Друг жизнеописаний»), в большей своей части компилятивного и лишь в части III тома оригинального. В труде проведена противутирудская и просефевидская точка зрения. Изложение доведено до 1524 г. Это — один из главных источников по истории Ирана конца XV — начала XVI вв. Имеются литографские издания текста «Хабиб-ас-сийяр» (Тегеран, Бомбей) и переводы некоторых отрывков.¹ Научно-критического издания до сих пор нет. Другой труд Хондемира — «Хуласат-ас-сийяр» («Экстракт известий [по истории]»), представляющий в основном сокращение «Раузат-ас-сафа», не издан.

Для истории государства Ак Коюнлу, помимо трудов Мирхонда и Хондемира, большое значение имеют хроники: «Тарих-и Гийаси» *Абдуллаха ал-Багдади ал-Гийаси* и «Тарих-и Амини» *Фазлуллаха ибн Рузбихана* — труды авторов второй половины XV в. Оба труда до сих пор не изданы, их рукописей в хранилищах СССР не имеется.

В Херате жил и *Доулетшах*, автор «Тазкират-аш-шу'ара» («Памятная записка о поэтах») — сборника биографий персидских поэтов (1487). В датировках и фактах Доулетшах очень неточен и ненадежен; зато в его книге приведено много социально-бытового материала (о феодальном землевладении, эксплуатации трудящихся масс, быте и нравах разных групп феодалов), которого нельзя измыслить. Этим-то труд Доулетшаха и ценен как источник.²

По своей политической направленности почти все перечисленные историки в большей или меньшей степени являлись сторонниками империи Тимуридов, прикрашивали политику тимуридских султанов и чернили их врагов. Из этих историков относительно объективны Хафиз-и Абру и Абд-ар-реззак Самарканди, — насколько это возможно для придворных историков, писавших по заказу тимуридских султанов. Напротив, Йезди и Мирхонд писали о деяниях Тимура и его потомков в стиле панегирика. Большинство тимуридских историков XV в. были выразителями интересов и идеологии одной из групп класса феодалов — иранской оседлой духовной и чиновной знати, сторонниками централистской политики и, в большей или меньшей степени, относились недружелюбно к другой группе класса феодалов — монгольской и тюркской военнокочевой знати. Это особенно заметно у Хафиз-и Абру, Абд-ар-реззака Самарканди и Доулетшаха. К народным движениям все эти авторы относились враждебно.

Следует упомянуть также представителей персидской историографии, писавших труды по истории отдельных областей и городов. Из них наибольшее значение имеют: а) *Му'ин-ад-дин Исфизари*, автор «Раузат ал-джаннат фи-тарих мединат ал-Херат» («Райский сад в истории города Херата»), — неизданной истории г. Херата и его области, доведенной до 1470 г., в большей своей части компилятивной (основана на «Истории Херата» Сейфи Хереви и других первоисточниках) и лишь в

¹ Перечень рукописей изданий персидского текста и переводов отрывков см. у Storey, ч. II, вып. I, стр. 101—109.

² «Тазкират ал-шу'ара» Доулетшаха издан Э. Г. Броуном в 1901 г. (персидский текст).

последней части оригинальной; в труде Исфизари есть также географическое описание Хератской области в XV в.;¹ б) *Захир-ад-дина Мар'аши*, автор «Тарих-и Табаристан ва Руйян ва Мазендеран», доведенной до 1476 г.;² и «Тарих-и Гилян ва Дейлемистан».³

Представители местной (локальной) историографии (кроме, впрочем, Исфизари) обычно были выразителями интересов и политической линии местных династий и третьей группы класса феодалов — местной иранской провинциальной знати, не связанной с центральным государственным аппаратом; отсюда их нелюбовь к централистской политике Хулагуидов, Тимуридов и др., вражда к чужеземным завоевателям и к монгольской и тюркской военно-кочевой знати. Историки этой группы часто дают иное освещение фактов, чем историки промонгольской и протимуридской ориентации.

Крупных географических сочинений, кроме упомянутого труда Хафиз-и Абру, в данном периоде не было.

Из документальных источников следует отметить: составленный около 1361 г. в правлении джелаиридского султана Увейса *Мухаммедом ибн Хиндушахом Нахчевани* сборник официальных документов «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца относительно установлений чинов»). В сборнике приводятся образцы писем к разным чинам и вассалам султана, султанских грамот о назначениях и пожалованиях земли, о взыскании налогов и о налоговых льготах, жалобы райятов на тяжесть податей и на притеснения со стороны чиновников и отдельных феодалов, приказы о возвращении беглых крестьян на места приписки и т. д.⁴ К документальным источникам относится также открытый В. В. Бартольдом сборник официальных документов (инша) — ярлыков, жалованных грамот и др. XV—XVI вв. (начиная от правления султана Шахруха — 1405—1447 гг.).⁵

Все рассмотренные выше сочинения написаны, как сказано, на персидском языке, хотя чаще всего, по традиции, с арабскими заглавиями. К XIV в. в Иране арабский язык уже почти полностью был вытеснен из исторической литературы персидским.

Для данного периода можно назвать лишь один арабоязычный труд, имеющий значение важного источника по истории Ирана XV в. Сирийский араб из Дамаска *Ахмед ибн Арабшах* (около 1388—1450 гг.), взятый в плен войсками Тимура и долго живший в Самарканде, написал по-арабски «Аджаиб ал-макдур фи-ахбар Тимур» («Чудеса предопределения в известиях о Тимуре») — труд по истории правления Тимура. Ибн Арабшах относится к Тимуру и его внешней и внутренней политике резко враждебно, и пользование его трудом дает возможность исследователям отнестись критически к лживому и тенденциозному изображению деяний Тимура у Шереф-ад-дина Йезди и других историографов Тимура. В этом главное значение труда Ибн Арабшаха.⁶

Из армянских историков для истории Ирана важен *Товма Мецопеци* (Фома Мецопский, XV в.), автор труда «История Лангтемура (Ти-

1 Рукописи труда Исфизари есть в хранилищах Ленинграда и Ташкента.

2 Персидский текст издан акад. Б. Дорном в серии «Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstländer des Kaspischen Meeres», т. I, СПб., 1850.

3 Персидский текст издан французским ученым Рабино в г. Реште (Иран), в 1330 г. х. = 1912 г. н. э.

4 Единственная в СССР рукопись этого сборника находится в Ленинграде, в хранилище ИВ АН СССР (копия венской рукописи, составленная В. Г. Тизенгаузенем).

5 Рукопись (список конца XVI в.) находится в хранилище ИВ АН СССР в Ленинграде.

6 Арабский текст труда Ибн Арабшаха издан в Каире в 1285 г. х. = 1868/9 г. н. э.) — Имеется также английский перевод Сандерса (Лондон, 1936), далеко не удовлетворительный.

мура) и его преемников», в котором дана независимая трактовка истории правления Тимура и его сына Шахруха и приведен ряд сведений по истории Западного Ирана.¹

Из сообщений европейских путешественников значение ценных источников имеют описание путешествия кастильского (в Испании) посла *Клавиho*, сдвигшего через Иран в Самарканд ко двору Тимура (в 1403—1405 гг.),² а также записки венецианских послов при дворе Узун Хасана Ак Коюнлу, государя Западного Ирана и Азербайджана — *Катерино Зено* (1471—1473 гг.), *Иосафата Барбаро* (1471—1478 гг.), *Амвросия Контарини* (1474—1476 гг.).³ Во всех этих записках находятся данные об экономике и социальных отношениях Ирана XV в.

Важное значение также имеет «Хождение за три моря» — записки русского купца из Твери (ныне г. Калинин) *Афанасия Никитина*, побывавшего по торговым делам в Азербайджане, Иране, Индии и Турции (1466—1472 гг.). В Иране Афанасий Никитин был в 1467—1469 гг. (в гг. Амуль, Кашан, Йезд, Керман, Лар, Ормуз) и в 1472 г. (на обратном пути из Индии, проездом через Ормуз, Лар, Шираз, Йезд, Исфахан, Кум, Султанйе и Тебриз). Описание у Афанасия Никитина очень сжато, но отличается точностью и насыщено ценным материалом. Афанасий Никитин — первый русский, описавший путешествие по Ирану и сопредельным странам; он хорошо владел тюркским (староузбекским) и, видимо, также персидским языками.⁴

§ 3. Распад империи Хулагуидов

Внутренняя политика Газан-хана и его реформы, хотя и обеспечили относительный хозяйственный подъем страны, могли лишь задержать, но не предотвратить распад государства Хулагуидов. Государство это относилось к типу средневековой империи-конгломерата разных стран, племен и народностей, не имевших прочных экономических, этнических и культурных связей и объединенных лишь на время завоеванием. Рост натуральнохозяйственных тенденций в XIII в. ослабил экономические связи отдельных областей Ирана. Несмотря на известный подъем при Газан-хане, экономика Ирана в первой половине XIV в. далеко не достигла того уровня, на котором она находилась в начале XIII в., перед чингисхановым нашествием. Отсюда и рост феодальной раздробленности.

Централистская политика Газан-хана не находила прочной опоры в тенденциях феодального развития общества. Эта политика встречала упорное сопротивление со стороны монгольской и тюркской военно-кочевой знати, не связанной службой центральному правительству. Поэтому политика Газан-хана не могла быть и строго последовательной и в конечном

¹ Имеется издание армянского текста 1870 г., также французский перевод (неполный) Нев (F. Nève), Париж, 1855.

² Среди изданий дневника путешествия Клавиho имеется издание испанского текста с постраничным русским переводом под редакцией И. И. Срезневского, СПб., 1881.

³ Записки Катерино Зено, Иосафата (Джозафа) Барбаро, Амвросия (Амброджо) Контарини и других итальянских путешественников по Ирану XV—XVI вв. (Анджолелло, также анонимного венецианского купца) изданы в подлиннике в сборнике: Ramusio. Delle navigazioni et viaggi, Венеция, 1606, 2-е изд. — Записки тех же авторов (а также венецианца д'Алессандро, XVI в.) изданы и в английском переводе в серии Hakluyt Society, т. 49, Лондон, 1873. — Записки Контарини есть и в русском переводе, 1836.

⁴ Имеется ряд изданий «Хождения за три моря». Из них назовем издание 1853 г. (Полн. собр. русск. летописей, т. VI), с примеч. А. Казембека, также издание АН СССР под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, со статьями и комментариями, М.—Л., 1948.

счете оказалась неудачной: под давлением военно-кочевой знати пришлось усилить раздачу военных ленов — икта', а это должно было привести к торжеству феодальной раздробленности.

Уже при ильхане Абу-Са'иде Бахадур-хане происходили большие междоусобные войны военно-кочевой знати (восстание эмиров Иринчина, Курмиши и др. — 1319 г.) и стали складываться сильные местные феодальные группировки. Если при первых ильханах военно-кочевая знать нуждалась в сильной власти, то теперь, когда завоевания новых территорий прекратились, сильная ханская власть была уже не нужна для военной знати.

Поэтому после смерти ильхана Абу-Са'ида Бахадур-хана (30 ноября 1335 г.) не было ильхана, власть которого признавалась бы во всем государстве. Крупные феодальные группировки возводили на престол ильханов из потомков Чингиз-хана, власть которых, и то чисто номинальная, признавалась только на территории, захваченной этими феодальными группировками. Эти марионеточные ильханы были простыми орудиями в руках военно-феодальных групп.¹

§ 4. Западный Иран

После смерти ильхана Абу-Са'ида, не оставившего сыновей, группировка сторонников везира Гийас-ад-дина Мухаммеда Рашиди — сына Рашид-ад-дина, состоявшая главным образом из иранской гражданской бюрократии и пыгавшаяся управлять в духе реформ Газан-хана, провозгласила ильханом Арпа, потомка Арик-буга, брата Хулагу-хана. Враждебная группировка кочевых эмиров во главе с вождем монгольского племени ойрат эмиром Али-падшахом выдвинула другого марионеточного ильхана — Хулагуида Муса (внука Байду, шестого ильхана). В битве близ Мараги (29 апреля 1336 г.) сторонники Гийас-ад-дина Мухаммеда Рашиди были разбиты, а сам он был казнен вместе с подставным ханом Арпа. Но и сторонники Мусы были разбиты и уничтожены в двух битвах (на Алатаге в 1336 и при Мараге в июне 1337 г.) группировкой военно-кочевой знати, возглавляемой Хасаном Большим, вождем монгольского племени джелаир, выдвигавшей своих марионеточных ильханов из Хулагуидов. Этой джелаиридской группировке пришлось вести междоусобную войну с третьей группировкой военно-кочевой знати — чобанидской, возглавляемой эмиром Хасаном Малым, внуком эмира Чобана, вождем монгольского племени сулдуз; эта группировка также действовала от имени марионеточных ильханов. В двух битвах (при Нахчеване в 1338 г. и при Мараге в 1340 г.) чобанидская группировка знати разбила джелаиридскую. После этого династия Чобанидов утвердила свою власть в Азербайджане, Армении и Северо-Западном Иране (с гг. Султанийэ и Казвин), а династия Джелаиридов — в Ираке Арабском. Вскоре главы обеих династий прекратили выдвигать марионеточных ильханов (Хасан Большой Джелаирид — уже с 1340 г., а Хасан Малый Чобанид — с 1344 г.) и стали управлять как независимые государи.

§ 5. Хорасан

В Северном и Западном Хорасане власть захватила группировка монгольской и тюркской кочевой знати, во главе которой стоял эмир Аргуншах из фамилии Джани-Курбани, внук эмира Ноуруза, из мон-

¹ Имена всех этих ильханов мы не приводим, ибо большинство их не имело никакой реальной власти. Имена их приведены у Лэн-Пуля (Мусульманские династии, стр. 181—184).

гольского племени ойрат. Владения этой фамилии охватывали обширную территорию с гг. Серахс, Абиверд, Неса, Тус, Мешхед, Нишапур и др. Группировка хорасанских эмиров провозгласила ильханом Тугай-Тимур-хана, который был потомком даже не Чингис-хана, а брата его Отчигина. Власть Тугай-Тимур-хана номинально признавалась во всем Северном и Западном Хорасане, но реальной властью он пользовался только в Гургане. Орда его кочевала зимой на берегу г. Гургана (Гюрген), а летом на лугах Радкана. Тугай-Тимур-хан держался в Гургане до 1353 г. Это был единственный из преемников Абу-Са'ида-Бахадур-хана, пользовавшийся реальной властью, хоть и на небольшой территории. Эмиры из фамилии Джани Курбани были известны исключительно жестокой эксплуатацией райятов в своих владениях и снискали репутацию жестоких тиранов (Доулетшах).

В Восточном Хорасане еще при Хулагуидах образовалось большое вассальное княжество местной династии Куртов (1245—1389 гг.) (или Картов по другому чтению) с центром в г. Херате. При Хулагуидах Курты правили под контролем монгольского наместника (шихна, иначе баскак) в Херате (последний раз упоминается в 1314 г.). Тем не менее хератские князья (мелики) не всегда были покорны хулагуидским ильханам, и те посылали против них карательные экспедиции; Херат осаждался монголами и трижды был занят и разгромлен ими (в 1270, 1306 и 1312 гг.).

После смерти Абу-Са'ида Курты добились фактической независимости. Под их верховной властью находилась вся восточная часть Хорасана до Мервского оазиса на севере, с горными областями Гарчистан (в верховьях р. Мургаба) и Гур (в верховьях р. Хери-руда), с плодородным Систаном, Забулистаном (верхнее течение р. Хильменда) и со всем Афганистаном до Сулеймановых гор — всего девять туманов.¹ Но это большое, на первый взгляд, государство было только формальным военно-административным объединением множества феодальных владений. Под непосредственной властью династии Куртов находился Хератский оазис и горный округ Гур. Сильнейшими вассалами-данныками Куртов были мелики гарчистанский, исфизарский, хафский, ферахский, систанский и др. Но и у них были свои вассалы — за'имы и а'йяны, а у последних — рядовые ленники, сипахии. У мелика хафского было 3 горных замка, тысяча воинов конного ополчения — сипахией и много селений.

История княжества Куртов в XIII—XIV вв. подробно изложена: 1) в не дошедшей до нас стихотворной поэме «Курт-намэ» Раби'и Бушенджи (до начала XIV в.); 2) в прозаической «Тарих намэй-и Херат» Сейфи Хератского (доведена до 720 г. х. = 1321 г. н. э.), обильно использовавшего труд Раби'и Бушенджи²; 3) в труде Муин-ад-дина Исфахари (доведена до 875 г. х. = 1470/71 г. н. э.); 4) в труде Фасихи Хафского.³ Все эти сочинения — персоязычные.

В Западном Хорасане образовалось Сербедарское государство.

§ 6. Южный Иран

После распада государства Хулагуидов в Южном Иране сделались фактически независимыми прежние вассалы Хулагуидов: атабеки Большого Лура (Луристана) из династии Хазараспидов, столицей которых

¹ Туман — военный округ, который мог выставить до 10 000 воинов феодального ополчения.

² Персидский текст издан в Калькутте в 1944 г. проф. Мухаммед-Зубейром Сиддики.

³ О двух последних трудах см. выше, в обзоре источников.

был г. Идадж, владевшие и частью Хузистана; атабеки Малого Лура; владетели Фарса — Инджуиды (1336—1357 гг.), сыновья Махмуд-шаха Инджу, бывшего ильханского наместника Фарса, завладевшие также Исфаханом; атабеки Шебангарэ—Фазлуиды; владетели Ормуза (собственно Хормуз).

Старый Ормуз лежал на материке, у выхода из Персидского залива в Индийский океан. Уже в XIII в. Ормуз был главным пунктом посреднической торговли с Индией для Ирана и сопредельных стран. Грабительские нападения так называемой Никудерийской орды монголов, кочевавшей в Афганистане и не признававшей власти хулагуидских ильханов, принудили ормузского владетеля перенести город и порт на пустынный, безводный, знойный и голый островок Джераун (20 км от Старого Ормуза). Благодаря огромным оборотам посреднической торговли с Индией и Китаем и доходам от богатых жемчужных ловель Персидского залива владетели Нового Ормуза располагали большими материальными средствами, наемными войсками и военным флотом (свыше 300 кораблей). Владетели Ормуза, арабского происхождения, подчинили себе острова Персидского залива — Кайс, Кишм, Бахрейн и др., многие пункты на побережье Кермана и Фарса и весь аравийский берег Персидского залива с Калхатом и Оманом. Некоторые подробности об Ормузской морской державе содержатся в неизданном персоязычном сочинении по всеобщей истории Джа'фари.¹

В половине XIV в. на юге Ирана сложилось новое феодальное государство — объединение во главе с династией Музаффаридов (1313—1393 гг.). Музаффариды, иранизованные потомки арабских завоевателей Ирана, сперва были землевладельцами в Хорасане. Во время монгольского нашествия они переселились в район Йезда и поступили на службу к йездскому атабеку; в конце XIII в. они были владетелями небольшого города Мейбуд близ Йезда и верными вассалами монгольских ильханов. Из Музаффаридов выдвинулся эмир Мубариз-ад-дин Мухаммед (1313—1359 гг.). Юношей он наследовал своему отцу в Мейбуде, в 1319 г. получил от Ольджайту-хана наместничество в Йезде, потом женился на монгольской царевне. До получения наместничества и после того он продолжал заниматься, между прочим, грабежами караванов. В житии дервишеского шейха Сефи-ад-дина Ардебильского (умер в 1334 г.) приводится следующий рассказ. Караван купцов из Серава (в Южном, или Иранском, Азербайджане), возвращавшийся из Индии, близ Кермана был задержан нукерами (военными слугами) эмира Мубариз-ад-дина, потребовавшими выкупа. Купеческие старшины отправились для переговоров к Мубариз-ад-дину, поднесли ему сахар и шерстяную одежду и обещали за освобождение каравана 5000 динаров по золотому курсу. Но Мубариз-ад-дин, узнав, что купцы эти — муриды (последователи и ученики) пользовавшегося громкой известностью дервишеского шейха Сефи-ад-дина, освободил их без выкупа, удовольствовавшись подарками, и выдал купцам пропускную грамоту, дабы его люди не притесняли их.

По сообщению Мирхонда (XV в.) и других историков, Мубариз-ад-дин был деспотичным и жадным правителем, соединял ханжескую показную набожность с садической жестокостью. Нередко он отрывался от чтения Корана, чтобы своей рукой зарубить приведенного к нему «преступника», а потом опять, как ни в чем не бывало, принимался за чтение

¹ Рукопись труда находится в Ленинградской Публичной библиотеке (Персидская новая серия № 201); о ней подробно: В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов (с отрывками перс. текста). Записки ИВ АН СССР, т. V, 1935, стр. 5—42.

священной книги. За годы своего правления он казнил не менее восьми-сот человек.

В 1340 г. Мубариз-ад-дин завоевал город Керман, в 1353 г. отнял Шираз у эмира Абу Исхака Инджу. В 1354 г. часть знати в Ширазе восстала, дабы восстановить власть Инджуидов. Восстание было подавлено, после чего Мубариз-ад-дин завоевал весь Фарс, вслед за тем подчинил владетелей Луристана (1356 г.), наконец, в 1357 г. завоевал Исфахан; взятый в плен Абу Исхак Инджу был казнен. Государство Инджуидов было разрушено, и весь юг Ирана вошел в состав государства Музаффаридов, являвшегося таким же непрочным военно-административным объединением мелких феодальных владений, как и все другие государства Ирана.

Основным источником по истории Южного Ирана в XIV в. и государства Музаффаридов служит «История Музаффаридов», составленная *Махмудом Кутуби* (начало XV в.)¹ на основании неизданной рукописи Му'ин-ад-дина Йезди; оба эти труда необъективны и написаны в тоне панегирика Музаффаридам.

§ 7. Государства Чобанидов и Джелаиридов

Утвердившийся в Ираке Арабском эмир Хасан Большой с 1340 г. стал именовать себя султаном и положил начало династии Джелаиридов (1340—1410), с перерывом на время нашествия Тимура. Судя по дошедшему до нас персоязычному сборнику официальных документов «Дастур-ал-катиб» Мухаммеда ибн Хиндушаха Нахчевани, первые Джелаириды — Хасан Большой и его преемник Увейс (1356—1375) пытались продолжать политику Газан-хана. Напротив, их враги Чобаниды — Хасан Малый и Мелик Ашраф — в своих владениях проводили линию нефиксированной и ничем не ограниченной жесткой эксплуатации райятов. Опираясь исключительно на монгольскую и тюркскую кочевую знать, Чобаниды притесняли и оседлую землевладельческую знать, отнимая у нее земли. Представители местной оседлой знати обратились за помощью к Джаныбек-хану золотоордынскому, который, придя с войском, занял г. Тебриз и покончил с государством Чобанидов (1356 г.). Всеми покинутый Мелик Ашраф, которого источники рисуют как одного из самых мрачных тиранов средневекового Востока, бежал, увозя с собою награбленные им богатства — золото, серебро, драгоценности и ткани — на 400 «цепочках» мулов и 1000 «цепочках» верблюдов (всего 2800 мулов и 7000 верблюдов с минимальным грузом до двух миллионов килограммов). Он был схвачен и казнен по приказу Джаныбек-хана, к великой радости горожан Тебриза, так долго угнетаемых им. Из-за волнений в Золотой Орде Джаныбек-хан с войском ушел в свои владения.

После его ухода Ирак Персидский и Южный Азербайджан с г. Тебризом захватил Музаффарид Мубариз-ад-дин Мухаммед (1357 г.). Но он вскоре был свергнут с престола, ослеплен и заключен в темницу собственным сыном Шах Шуджа, который стал править после него (1359—1384) в государстве Музаффаридов. Затем Тебриз был захвачен Джелаиридом султаном Увейсом. В состав Джелаиридского государства теперь входили: большая часть Ирака Персидского с гг. Хамадан, Казвини и Султания, а из неперсидских областей — Курдистан, Южный Азербайджан, Карабаг, Армения и Ирак Арабский. Государ-

¹ Он издан, как продолжение «Тарих-и гузидэ» («Избранной истории») Хамдуллаха Казвини, в серии памяти Гибба (персидский текст и сокращенный английский перевод).

ство было феодально раздробленным; формы управления оставались такие же, как в государстве Хулагуидов во времена Газан-хана. Резиденциями султана были Тебриз и Багдад.

Главными источниками по истории государства Джелаиридов служат «Продолжение Сборника летописей» (составленного под редакцией Рашид-ад-дина в начале XIV в.) историка начала XV в. Хафиз-и Аbru, а также упомянутый сборник официальных документов «Дастур-ал-ка-тиб».

§ 8. Народные движения в Иране в XIV в.

Данный этап (30—80-е годы XIV в.) истории Ирана, как сказано, отмечен обострением классовой борьбы, что явилось результатом возвращения местных феодальных владетелей к догазанхановым методам феодальной эксплуатации и прямого грабежа крестьян и ремесленников со стороны феодалов во время междоусобных войн. Боровшиеся друг с другом феодальные группировки стремились использовать в своих целях, для своей поддержки, недовольных крестьян и ремесленников.

Обострение классовой борьбы в феодальном обществе Ирана на данном этапе выявилося уже не только в массовых побеггах и в действиях разрозненных крестьянских повстанческих отрядов, как это было при первых шести ильханах в XIII в., но и в больших народных восстаниях с широким радиусом действия. Не только Иран, но весь Ближний и Средний Восток в XIV—XV вв. пережили полосу народных восстаний, ибо политика закрепощения и рост феодальной эксплуатации в эти столетия были общим явлением для целого ряда стран.

Особенность народных восстаний в Иране в XIV в. заключалась в том, что в них участвовали, вместе с крестьянами, также ремесленники и городская беднота; участвовали и беглые рабы, но они не играли большой роли в этих движениях. На первой ступени народные движения добивались низвержения господства монголо-тюркской кочевой знати и установленных ею порядков — чингисхановой Ясы и т. д. На этой ступени эксплуатируемые классы — крестьяне и ремесленники — выступали совместно с мелкими иранскими феодалами, которые тоже страдали от насилий монголо-тюркской кочевой знати и особенно от захватов последней земельных владений, принадлежавших мелким землевладельцам. Там, где народные движения имели успех, как в Хорасане и Мазендеране, образовались государства так называемого сербеदारского типа.

На второй ступени народных движений внутри них развивалась борьба между мелкими феодалами, добивавшимися только устранения монголо-тюркской кочевой знати, и крестьянами, ремесленниками и городской беднотой, добивавшимися освобождения от феодального гнета, а нередко — социального равенства и уравнительного распределения средств потребления. Но крестьянство, как класс неорганизованный, не могло выделить своих подлинно крестьянских вождей и нередко подчинялось руководству выходцев из класса феодалов, смотревших на союз с крестьянами лишь как на средство завоевать власть для себя. Крестьянские массы Ирана не понимали классовой природы феодальной монархии и не в состоянии были выдвинуть какой-либо новой государственной формы, кроме традиционной исламской монархии, основанной на шариате.

§ 9. Идеология народных движений XIV в.

Народные движения, как это нередко бывало с народными движениями в феодальном обществе, проходили под идеологической оболочкой религии — мусульманского сектантства и мистицизма. «Революционная оппозиция против феодализма, — говорит Ф. Энгельс, — проходит

через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».¹ Но эта религиозная идеологическая оболочка народных движений нисколько не меняет их характера как формы классовой борьбы. По словам Ф. Энгельса, эта религиозная окраска классовых движений «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной его потребностью, — как думает Фейербах, — но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие».²

Еще акад. В. В. Бартольд отметил, что шиитская форма ислама в Иране в средние века была распространена преимущественно в деревенской среде и нередко служила идеологической оболочкой народных движений. Это положение нуждается в оговорке. Шиитство зародилось не в крестьянской среде и само по себе не было выражением интересов крестьянства. Но в шиитской идеологии были некоторые элементы, вызывавшие симпатии крестьянства. Прежде всего во всех феодальных государствах Ирана господствующим исповеданием был суннизм, а шиизм был гонимым исповеданием. Далее, основная шиитская идея о том, что законным главою мусульманской общины может быть лишь потомок Алиа, толковалась массами в духе непризнания законности династий, правивших в Иране, как и господствовавшего суннитского шариата. В шиизме большое место занимал культ мученичества (мученики Али, Хусейн и другие имамы). Этот культ пришелся по сердцу угнетенным крестьянам, жизнь которых нередко была сплошным мученичеством. Наконец, больше всего для народных масс казалось привлекательным ожидание пришествия мессии — Махди. Под Махди шииты имамитского толка, самого распространенного в Иране, понимали двенадцатого шиитского имама Мухаммеда Мунтазара, пропавшего без вести около 875 г. н. э. Шииты верили, что имам Махди жив и рано или поздно появится, сокрушит несправедливые порядки, установленные суннитами, и восстановит ислам в его первоначальном виде. Предполагалось, что пришествие имама Махди приведет к отмене податей и повинностей, не основанных на шариате, и к установлению справедливости и социального равенства всех мусульман. Таким образом, имам Махди мыслился как избавитель от нужды, тирании и горя. Поэтому ожидание второго пришествия имама Махди занимало видное место в народных движениях Ирана XIV—XV вв. Так, по свидетельству географа Якута Хамави, еще в начале XIII в. в шиитском городе Кашане городские старшины ежедневно на заре выезжали на конях за городские ворота, ведя на поводу разубранную и оседланную белую лошадь — для имама Махди, пришествия которого ждали каждый день.

С шиитской «ересью» переплетался суфизм, или мусульманский мистицизм, основой которого было учение о возможности для каждого человека добиться личного общения с божеством. Суфизм имел свою организацию — дервишеские ордена или братства. Суфизм не был чем-то вполне единым, в нем были разные течения; естественно, и социальная среда, в которой находили себе последователей эти течения, была неоднородна. Некоторые суфийско-дервишеские ордена опирались на феодалов, другие были связаны с ремесленными цехами, самая организация которых строилась по типу дервишеских братств. Дервиши последнего типа нередко порицали богатство и тех, которые ели «недозволенную пищу», т. е. кормились от эксплуатации и угнетения «рабов божих». Нередко суфийская форма выражения идей служила только прикрытием

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 656.

для вольномыслия, даже для атеизма, или для критики господствующего строя. Персидский поэт Са'ди Ширазский в своем «Гулистане» (глава 7, рассказ 20) рассказывает, что однажды встретил некоего «дервиша только по наружному виду», который «развернул тетрадь жалоб» и горячо обвинял богатых и сильных мира сего, утверждая, что они не способны на добрые дела. Бывало, что под видом суфизма проповедывалось старинное маздакитское учение об общем владении землями и об отрицании частной собственности на землю. Историк Рашид-ад-дин говорит, что руководители восстания Алафранга (1303 г.) проповедовали «образ мыслей Маздака». Хамдуллах Казвини в своем географическом труде также упоминает о последователях маздакитства в Ираке Персидском. Едва ли в XIV в. маздакитство могло сохраниться как религиозная секта. Вероятно, оба названных источника под маздакитством понимали социальную программу маздакитов — передачу всех земель крестьянам в общинное владение.

§ 10. Начало сербедарского движения в Хорасане

Основным источником истории сербедаров Хорасана была анонимная «История сербедаров». Она не дошла до нас, но обильно использована историками XV в. — Хафиз-и Абру, Абд-ар-реззакком Самарканди, Му'ин-ад-дином Исфизари и Мирхондом, а также историком начала XVI в. Хондемиром. Они передают в основном одну и ту же версию, с небольшими вариантами. Эта версия изображает историю сербедаров с точки зрения умеренного крыла движения — мелких феодалов — и относится враждебно к более радикальному крылу движения, выражавшего интересы ремесленников и крестьян. Другую версию истории сербедаров, независимую от первой, передает автор сборника биографий персидских поэтов — «Тазкират-аш-шу'ара» Доулетшах (конец XV в.). Версия Доулетшаха отличается от первой версии в передаче отдельных фактов, но имеет ту же политическую направленность, что и первая версия. Некоторые подробности о сербедарах сообщает также арабский путешественник Ибн Баттута.

Идеологом движения источники называют дервишеского шейха Халифэ, мавендеранца по происхождению. В юности он был учеником ряда дервишеских шейхов, но, неудовлетворенный их учениями, оставил их и пришел в Семнан к знаменитейшему из тогдашних суфийско-дервишеских шейхов Рукн-ад-дину Семнани. Тот спросил Халифэ, к какому из четырех правоверных (суннитских) мазхабов (богословских школ) примыкает он. «О, шейх, — ответил Халифэ, — то, чего я ищу, гораздо выше этих мазхабов!» Эти «еретические» речи раздражили шейха, и он разбил свою чернильницу об голову Халифэ. Потом Халифэ стал шейхом, по видимому самозванным, ибо источники не сообщают, чтобы он получил это звание от кого-либо из других дервишеских шейхов. Придя в г. Себзевар в округе Бейхак в Западном Хорасане, он поселился при соборной мечети и стал проповедовать там собственное учение. В чем оно заключалось, источники, враждебные шейху Халифэ, не сообщают. Известно лишь, что суннитские факихи (богословы) Себзеvara обвинили шейха Халифэ в том, что его учение противно шариату и что под видом суфизма он проповедовал «новшества» и «мирские идеи». Есть основание думать, что он по существу и не был суфием, но лишь использовал суфийскую фразеологию и внешнюю форму дервишеского братства для проповеди и подготовки восстания против угнетателей.

Место для проповеди — Себзевар — было избрано удачно. Городские низы Себзеvara и окрестные крестьяне были страстными шиитами и противниками существующей власти. Здесь сохранялись и староиран-

ские героические предания: на мейдане г. Себзеvara показывали место, где, согласно легенде, происходил поединок Рустама и Сухраба, героев «Шах-намэ». Себзеvar был одним из очагов иранского патриотизма, монгольское владычество здесь было ненавистно.

Много горожан и почти все окрестные крестьяне и мелкие земледельцы, особенно молодежь, увлеченные проповедью шейха Халифэ, объявили себя его муридами (учениками). Суннитские факихи, напуганные проповедью шейха Халифэ, составили о нем фетву (богословско-юридическое заключение, основанное на шариате): «такой-то обитает в мечети, а проповедует новшества (в другой версии «мирское»); ему это запрещают, он же не слушается и упорствует; дозволено ли казнить такого человека или нет?» Большинство факихов ответило на этот вопрос: «да, дозволено». Фетву послали на утверждение ильхана Абу-Са'ида Бахадур-хана, но тот, лицемерный ханжа, ответил, что он не из тех людей, которые облагают руки в крози дервишей; если же себзеvarские власти могут установить, что этот шейх — еретик, то пусть распорядятся сами под свою ответственность. Себзеvarская знать и суннитское духовенство попытались было схватить шейха Халифэ, но потерпели неудачу в столкновении с его последователями. Тогда враги шейха Халифэ решили отделаться от него путем тайного убийства. Однажды утром ученики шейха Халифэ, придя в соборную мечеть, нашли его повешенным на кольце, на одной из колонн во дворе мечети (22 раби'-ал-аввала 736 г. х. = 9 ноября 1335 г. н. э.). Это было несомненное убийство, хотя городские власти распустили слух, что шейх повесился сам.

Среди учеников шейха Халифэ выделялся энергией и умом Хасан Джури, по происхождению, как кажется, крестьянин из селения Джур. Он успешно прошел курс медресэ и получил звание мударриса (лектора в медресэ), но, увлеченный проповедью шейха Халифэ, отказался от своего звания и от официального (суннитского) учения. После трагической гибели шейха Халифэ Хасан Джури объявил себя шейхом и ушел в г. Нишапур, где стал проповедовать учение шейха Халифэ. И там успех проповеди был громадный, и большая часть окрестных крестьян приняла это учение. И шейх Халифэ, и потом шейх Хасан Джури придали организации своих последователей внешнюю форму дервишеского ордена: имя каждого, вступившего в число муридов, записывалось; каждый из них приносил присягу, обязываясь пока скрывать свою принадлежность к братству, держать наготове оружие и выступить по первому призыву шейха. Из этого видно, что проповедь шейхов Халифэ и Хасана Джури заключалась в призыве к восстанию и в подготовке его. Восстание направлялось против монгольской власти и тех местных крупных феодалов, которые ее поддерживали. Эта проповедь восстания и прикрывалась оболочкой суфизма с шиитской окраской. В течение трех лет шейх Хасан Джури проповедовал в Нишапуре, Мешхеде, Абиверде, Херате, Балхе и других городах Хорасана, побывал и в Средней Азии, в Кермане и Ираке Персидском, всюду скрываясь и подвергаясь преследованиям. Наконец, глава монгольской военно-кочевой знати Хорасана эмир Аргуншах Джани Курбэни из племени ойратов схватил Хасана Джури с группой из 60—70 учеников на пути из Мешхеда в Кухистан; «мятежный» шейх был заключен в крепость Так в округе Языр. Это произошло уже после того, как восстание вспыхнуло.

§ 11. Восстание сербедаров в Хорасане

Восстание вспыхнуло стихийно, раньше, чем предполагал шейх Хасан Джури. В селение Баштин (округ Бейхак) прибыл ильханский чиновник — монгол и, остановившись на постой в доме двух братьев,

местных крестьян, потребовал у них сперва вина, потом — привести красивую женщину. Один из братьев возразил, что публичных женщин в селении нет. «А коли так, — заявил распоясавшийся чиновник, — веди ко мне свою жену!» Возмущенные братья убили его. Ильханский везир Хорасана Ала-ад-дин Мухаммед Хинду потребовал у жителей Баштина выдать убийц чиновника, грозя расправой. Тогда сельчане открыто восстали.

Во главе восстания стал сын местного землевладельца, из иранизированной фамилии, арабского происхождения, сейидов — потомков Алия, по имени Абд-ар-реззак. Он был учеником Хасана Джури. Согласно «Истории сербедаров», это был необузданный и страстный юноша, отличавшийся редкой физической силой. Узнав о происшедших в Баштине событиях, он решительно стал на сторону крестьян. В ту же ночь он убил явившегося в селение для суда племянника везира Ала-ад-дина Хинду (по другой версии — местного раиса) и призвал крестьян к восстанию.

Толпа молодых смельчаков, считавших себя, по словам источников, ничем не хуже богатыря Рустама, вооружилась и выбрала Абд-ар-реззак своим предводителем. Вскоре они обратили в бегство прибывший к ним тысячный карательный отряд, посланный везиром Хорасана.

Согласно большинству источников, восстание в Баштине произошло 12 ша'бана 737 г.х. = 16 марта 1337 г. Согласно Доулетшаху, эта дата относится к более позднему событию — гибели везира Ала-ад-дина Хинду, который был захвачен отрядом восставших и казнен ими. Судя по тому, что восстание вспыхнуло вскоре после смерти ильхана Абу-Са'ида, оно могло произойти весной 1336 г.

Восставшие называли себя сербедарами. Версия источников, основанная на «Истории сербедаров», толкует это имя, как «головы для виселицы», т. е. «обреченные на виселицу», «висельники», «отчаянные», и объясняет происхождение этого имени так: восставшие говорили, что каждому из них в тысячу раз лучше видеть голову свою (перс. *сер*) на виселице (перс. *дар*), чем погибнуть позорно, как не мужчине. По словам Хафиз-и Абру, Абд-ар-реззак на сходке крестьян сказал: «Люди, ставшие властителями, творят много насилий. Если бог всевышний дарует нам помощь, мы прекратим тиранию и устраним тиранов, а если нет, пусть наши головы будут на виселице, но терпеть насилие и притеснение мы больше не будем!» Доулетшах иначе объясняет происхождение клички «сербедары»: восставшие воздвигли виселицу, повесили на ней чалмы и шапки и стали сбивать их стрелами и камнями. Возможно, что эти рассказы — позднейшее осмысление клички, которая позднейшим поколениям стала непонятна.

§ 12. Основание сербедарского государства в Хорасане

Разбив военные силы везира Ала-ад-дина Хинду, сербедары сперва вели партизанскую войну в горах. Вскоре они взяли Себзевар (в августе 1337 г.) и сделали этот укрепленный город своей штаб-квартирой, производя оттуда набеги на окрестных феодалов. Они завоевали гг. Исфераин, Джаджерм и др. Вскоре (по разным версиям, в феврале или в июле 1338 г.) Абд-ар-реззак был убит собственным братом Веджих-ад-дином Мас'удом. Все источники приводят такой рассказ: Абд-ар-реззак захотел насильно жениться на дочери везира Ала-ад-дина Хинду, красавице-вдове, и послал брата захватить ее. Веджих-ад-дин Мас'уд исполнил поручение, но затем, сжалившись над слабостью и слезами женщины, отпустил ее с миром. Узнав об этом, Абд-ар-реззак упрекнул

брата, сказав ему: «Ты не мужчина!» Тот возразил: «Это тебя не годится звать мужчиной и мусульманином, ибо ты положил в основу дел своих насилие». Вскоре братья извлекли мечи, и Веджих-ад-дин Мас'уд, защищаясь от удара, сбросил брата с крепостного вала. Рассказ этот не заслуживает доверия. Дело в том, что большая часть источников идеализирует Веджих-ад-дина Мас'уда, стараясь объяснить совершенное им братоубийство благородными мотивами, а Абд-ар-реззак, напротив, всячески чернит. На самом деле такое отношение источников к братьям объясняется классовыми мотивами: ведь Абд-ар-реззак, несмотря на свое знатное происхождение, судя по рассказам тех же источников, до конца оставался вождем крестьянской массы, тогда как Веджих-ад-дин Мас'уд во время своего правления показал себя представителем умеренного земледельческого крыла сербедаров.

Веджих-ад-дин Мас'уд в 1338 г. принял титул султана. Он разбил наголову ополчение монголо-тюркских и примкнувших к ним местных феодалов во главе с эмиром Аргуншахом Джани Курбани. Идеализирующие Веджих-ад-дина Мас'уда источники согласно уверяют, что под его начальством сербедары, имея всего 1 тыс. всадников и 2 тыс. пехотинцев, в один день разбили порознь три феодальных ополчения — Аргуншаха с 30 тыс. войска и двух других эмиров (цифры войск их называются разные) и, таким образом, совершили дело, какого «от времени Адама до того времени никто не совершал». Подробности боя несомненно приукрашены источниками, но факт разгрома феодальных ополчений хорасанской группировки кочевых эмиров (хотя, вероятно, и не в один день) — подлежит сомнению. Сербедары освободили от власти монголов гг. Нишапур и Джам. Затем ополчение Веджих-ад-дин Мас'уда разбило кочевников самого ильхана Тугай-Тимур-хана на берегу р. Атрека.

По словам источников, сербедары хотели добиться того, «чтобы впредь ни один тюрк (кочевник) до страшного суда не смел разбивать шатра в Иране».

Веджих-ад-дин Мас'уд стремился только к свержению монгольского ига. Видимо, он отменил подати, не основанные на шариате. Доулетшах сообщает о существовании «сербедарской знати» («бузурган-и сербедар»). Видимо, уже Веджих-ад-дин Мас'уд роздал часть отнятых у монголов земель своим соратникам, создав, таким образом, новую землевладельческую знать. Чтобы привлечь на свою сторону крестьян, Мас'уд включил 12 тыс. из них в ополчение, обеспечив их постоянным жалованьем натурой («улуфе» — «кормовые»), а чтобы сохранить свой авторитет в массах, решил освободить и сделать своим орудием шейха Хасана Джури, который продолжал томиться в крепости. Так, во владениях эмиров Джани Курбани. Мас'уд пошел на эту крепость, взял ее и освободил шейха Хасана Джури. По другой версии шейх был освобожден своими муридами. К сербедарам примкнул знаменитый поэт Ибн-и Йамин.

Сперва Мас'уд и шейх Хасан Джури действовали сообща, но вскоре между ними возникли разногласия, ясно выявившие существование в среде сербедаров двух течений — умеренного, опиравшегося на «сербедарскую знать», и радикального, опиравшегося на ремесленников и крестьян и стоявшего за установление социального равенства; последнее было представлено дервишами ордена шейхов Халифэ и Хасана Джури.

Мас'уд предпринял поход на Херат и у г. Завэ дал битву хератскому мелику Му'изз-ад-дину Курту. Во время боя пал шейх Хасан Джури. Большинство источников утверждает, что он был убит одним из сербедаров, по тайному приказанию Веджих-ад-дина Мас'уда, который

задумал отделаться от шейха, увидев, что тот держался независимо и не пожелал стать простым орудием в руках Мас'уда. Смерть шейха вызвала панику в войске сербедаров, они были разбиты и бежали. После этого Мас'уд предпринял поход в Мазендеран и занял часть этой области, но в лесистых горных ущельях попал в засаду, устроенную ему ополчением местных феодалов. Мас'уд и большая часть его войска погибли (1344 г.). Но эти неудачи не подорвали силы Сербедарского государства, которое к этому времени простиралось от Дамгана на западе до Джама на востоке (около 550 км.) и от Хабушана на севере до Туршиза на юге (свыше 200 км). Столицей был город Себзевар. В неизданном географическом труде Хафиз-и Абру говорится, что за 45 лет сербедарской власти Себзевар стал многолюдным благоустроенным городом с богатыми базарами, равным величайшим городам Ирана. Это указывает на прогрессивное значение Сербедарского государства в истории Хорасана.

§ 13. Внутренняя борьба в Сербедарском государстве

После гибели Веджих-ад-дина Мас'уда в Сербедарском государстве сменилось еще десять правителей, являвшихся ставленниками то умеренного, то радикального крыла сербедаров; в борьбе между этими двумя течениями одни правители низлагались и сменялись другими. Эти правители формально действовали как заместители малолетнего сына Веджих-ад-дина Мас'уда, Лютфуллаха, считавшегося наследником султана. Самым замечательным правителем был ходжа Шамс-ад-дин'Али (1347—1353 гг.), представитель радикального крыла сербедаров. Представители феодальной историографии относятся к нему крайне враждебно, хотя и признают его исключительно талантливым деятелем.

Источники не сообщают подробно, каков был общественный строй Сербедарского государства при ходже Шамс-ад-дине'Али (как и при его преемниках), сообщают только, что он был «сотоварищем ремесленников Себзеvara», другом дервишей ордена Хасана Джури, что при нем «райяты (крестьяне) жили в полном довольстве и спокойствии», что он искоренил практику выплаты жалованья служилым людям ассигновками (берат), выписанными на местные казначейства, которые обычно перекладывали оплату их на плечи райятов. Жалованье служилым людям выплачивалось наличными, а число лиц, получавших его, было доведено до 18 000. Знатных людей он казнил одного за другим. Его авторитет в массах был огромен.

Он был убит, вероятно, по политическим мотивам, и место его занял Яхья Кераби (или Керрави, правил в 1353—1358 гг.), из сербедарской знати, ставленник умеренного крыла, но стремившийся к компромиссу с дервишами ордена Хасана Джури, т. е. с представителями радикального крыла. Он, впрочем, как и его преемники, чтобы завоевать себе популярность у народных масс, одевался в простые одежды из грубой шерстяной ткани и одевал так же своих нукеров (военных слуг). В его доме ежедневно устраивалась общая трапеза, на которую мог являться всякий — и знатный, и бедняк. В этом можно видеть влияние уравнительных идей радикального крыла. Число военных людей, получавших жалованье от государства, было доведено до 22 000 человек. Феодальная эксплуатация существовала в смягченных формах: крестьяне отдавали лишь $\frac{3}{10}$ своего урожая, а сверх того не платили ни одного динара. Такой режим сохранился и при последующих правителях.

При Яхье Кераби пределы Сербедарского государства расширились. У эмиров Джани Курбани сербедары отняли Тус и Мешхед. Так как эти районы были вконец разорены хищнической эксплуатацией крестьян

эмирами Джани Курбани, то там были проведены большие оросительные работы и восстановлены каризы.

Монгольский ильхан Тугай-Тимур-хан, державшийся в Гургане, предложил эмиру Яхья Кераби принести вассальную присягу ему, ильхану, и прибыть в его орду для заключения мирного договора. Яхья Кераби прибыл туда с 300 сербедарами (по другим данным, с тысячью). Три дня в орде продолжался пир. Тугай-Тимур-хан рассчитывал, напоив сербедаров и усыпив их бдительность, перебить их. Но Яхья Кераби предупредил его намерения. В конце третьего дня, когда в большом ильханском шатре начали разносить чаши с вином, Яхья Кераби положил себе руку на голову. По этому условному знаку один из сербедаров, вытащив из-за голенища сапога нож, убил ильхана, а прочие сербедары бросились на монголов с обнаженными мечами; монголы были частью перебиты, частью бежали, охваченные паникой. Весь лагерь с большими богатствами стал военной добычей сербедаров (декабрь 1353 г.). Астерабад был присоединен к Сербедарскому государству.

Так погиб последний остаток государства ильханов. Но падение государства ильханов не означало полной ликвидации монгольского господства во всем Иране: в феодальных государствах Ирана в большей или меньшей степени сохранились монгольские государственные традиции и приемы управления, особенно там, где монголо-тюркская военнокочевая знать сохранила руководящее положение, как в государстве Джелаиридов и во владениях Джани Курбани в Северном Хорасане.

В государстве Сербедаров внутренняя борьба возобновилась при правителе пехлеване Хасане Дамгани (правил в 1360—1364 гг.) из сербедарской знати, представителе умеренного крыла, который захватил власть, убив «султана» Лютфуллаха, сына Веджих-ад-дина Мас'уда. Тот после достижения совершеннолетия правил лишь немногим больше года.

В Тусе и Мешхеде произошло восстание представителей радикального крыла сербедаров во главе с дервишами ордена Хасана Джури, из которых особенно выделялся энергичный и страстный дервиш Азиз, ученик Хасана Джури. Только через полгода пехлеван Хасан Дамгани подавил это восстание, а дервиша Азиза изгнал из Сербедарского государства. Вскоре возмутился ходжа Али Муайяд, из сербедарской знати, задумавший сам стать правителем. Он понимал, что сможет захватить власть только при поддержке народных масс. Поэтому он притворился сторонником радикального крыла, вызвал из Исфахана дервиша Азиза и вместе с ним пошел на Себзевар. Жители открыли им ворота. Тем временем пехлеван Хасан Дамгани осаждал восставший город Шаган. Ходжа Али Муайяд послал к его военачальникам письма, в которых обещал им амнистию в том случае, если они пришлют ему голову пехлевана Хасана Дамгани. Те так и сделали.

Захватив власть, Али Муайяд решил отделаться от дервиша Азиза и его сторонников, — теперь они были ему уже не нужны. Дервиш Азиз организовал поход на Херат, владение мелика Му'изз-ад-дина Курта. Али Муайяд притворно согласился на этот поход, дал дервишу Азизу войско, но тайно приказал военачальникам во время похода покинуть лагерь дервиша. Те так и поступили. Тогда дервиш Азиз собрал несколько сот своих сторонников и направился в Ирак Персидский. Понимая, что он, окрепнув, непременно вернется, Али Муайяд послал за ним погоню с приказом не возвращаться без головы дервиша Азиза. Погоня настигла дервиша Азиза на привале, в пустыне у колодца; он и его товарищи были убиты, голова дервиша была доставлена в Себзевар и выставлена на городских воротах.

Али Муайяд крутыми репрессиями разгромил радикальное крыло сербедаров. Сохранив шиитское исповедание, бывшее господствующим в Сербедарском государстве с самого его основания, Али Муайяд запретил орден дервишей шейхов Халифэ и Хасана Джури; мавзолеи этих шейхов были разрушены, а на их местах устроены отхожие места для базарных торговцев. Эти меры обеспечили Али Муайяду долгое, но бесславное правление (1364—1381). Лишившись поддержки широких народных масс, Али Муайяд в борьбе с меликом хератским потерял свои восточные владения, даже Нишапур. С запада ему угрожал эмир Вели, сын одного из кочевых эмиров последнего монгольского ильхана Тугай-Тимур-хана, захвативший власть в Гургане и Астерабаде. Эмир Вели вел постоянную войну с Али Муайядом, который на время вернул Астерабад, потом опять его потерял. В 1378 г. в Себзеваре вспыхнуло восстание сербедаров радикального крыла под руководством дервиша Руки-ад-дина. Это восстание Али Муайяд смог подавить лишь с помощью эмира Вели, — пред лицом народного восстания враги временно объединились. Но вслед за тем эмир Вели снова напал на Али Муайяда и осадил самый Себзевар. Али Муайяд, всеми оставленный, обратился за помощью к среднеазиатскому завоевателю Тимуру (1381 г.).

§ 14. Народные движения в Гиляне и Мазендеране

В Мазендеране было несколько феодальных владений, управляемых местными династиями. Самой сильной из них была династия Бавенди-дов, верных вассалов монгольских ильханов. Эта династия была ненавистна народным массам. В конце 40-х годов XIV в. глава дервишей ордена Хасана Джури сейид Изз-ад-дин Мар'аши, считавшийся потомком третьего шиитского имама Хусейна, следовательно Алидом, отправился из Себзеvara в Мазендеран для пропаганды. Он умер в пути, но сын его сейид шейх Кавам-ад-дин, прибыв в Сари, стал во главе народного движения. По его имени движение это историки называли сейидским. По своему социальному составу и по идеологии оно ничем не отличалось от сербедарского движения. Дервиши сейида шейха Кавам-ад-дина Мар'аши были выразителями радикального крыла движения, опиравшимися на ремесленников и крестьян и проповедовавшими уравнивание имуществ. Было здесь и умеренное крыло, имевшее поддержку мелких землевладельцев. Представитель его, военачальник Афрасиаб Челеби, возглавил народное восстание, свергнул и убил последнего Бавендида Фахр-ад-доулэ Хасана и захватил власть в Амуле, Сари и других районах Мазендерана (1350 г.).

Разумеется, Афрасиаб мог править только в союзе с дервишами; он принял их устав, одевался в простые одежды и ввел у себя в доме общую трапезу. Но дервиши требовали установления всеобщего равенства. Вскоре между Афрасиабом и дервишами произошел разрыв. Афрасиаб схватил и посадил в тюрьму главу дервишей, сейида шейха Кавам-ад-дина Мар'аши, объявив его еретиком. Это вызвало народное восстание; толпа разгромила тюрьму и освободила шейха Кавам-ад-дина. Попробовал было Афрасиаб снова схватить шейха, но вооруженная толпа умертвила самого Афрасиаба. Теперь и духовная, и политическая власть соединилась в руках сейида шейха Кавам-ад-дина. В Мазендеране образовалось «сейидское» государство с центром в г. Амуле, такого же типа, как и Сербедарское в Хорасане.

Мы не имеем достаточных сведений об этом государстве. Несомненно лишь, что подати и повинности, не основанные на шари'ате, были отменены. Старинные крупные местные феодалы были устранены. Проводилось оживление запустевших земель и большое строительство: был

вновь отстроен г. Сари (1370 г.), разрушенный при монгольском владычестве. Государство сейидов Мар'аши просуществовало до вторжения Тимура (1392 г.).

Аналогичное народное движение, во главе с дервишами и шиитскими сейидами произошло в Гиляне. Оно пока не изучено. Народная масса вела здесь борьбу с местными крупными феодалами. Гилянские дервишеские шейхи обратились за помощью к мазендеранским шейхам (около 1370 г.). С их помощью в восточной части Гиляна образовалось сейидское государство с центром в г. Лахиджане. Оно просуществовало более двух столетий (1370—1592 гг.), превратившись затем в обычное феодальное государство.

Главным источником по истории народного движения в Мазендеране и Гиляне является «История Табаристана, Руйяна и Мазендерана», на персидском языке, написанная потомком шейха Кавам-ад-дина Мар'аши, Захир-ад-дином Мар'аши в последней четверти XV в., отчасти по не дошедшим до нас первоисточникам, и «История Гиляна и Дейлемистана» того же автора.

§ 15. Сербедарское восстание в Кермане

В государстве Музаффаридов при Шахе Шуджа' (1359—1384) происходили непрерывные династические междоусобия и феодальные войны, от которых сильно страдали крестьянство и низы горожан. В 1373 г. в г. Кермане произошло восстание городских низов; во главе движения стал пехлеван Асад. Захватив власть в Кермане, он частью казнил, частью посадил в тюрьму местных крупных феодалов и конфисковал их икта', земли и богатства. Между прочим, он арестовал чиновников царя-матери, управлявших ее имениями, и пытками заставил их открыть ее тайные казнохранилища и сокровищницы, отравил крупнейшего из владельцев икта' Керманской области и конфисковал его имущество. Али Муайяд прислал из Себзеvara отряд хорасанских сербедаров на помощь пехлевану Асаду. Только в декабре 1374 г., после девятимесячной осады, героическое сопротивление горожан было сломлено, и Керман был взят войсками Шах Шуджа'. Пехлеван Асад был казнен, город подвергнулся разорению.

§ 16. Завоевания Тимура в Иране

В сложившемся в 1370 г. в Средней Азии государстве Тимура сохранились традиции монгольской государственности. Тимур возводил на престол марионеточных ханов из потомков Чингис-хана, управляя формально от их имени, фактически же полновластно. Тимур, как и последние чагатайские ханы Средней Азии (Кебек, Тармаширин, Казан), старался примирить интересы кочевой монголо-тюркской и оседлой таджикской знати. Он прекрасно понимал, что эта знать только тогда откажется от междоусобных войн и будет лояльно поддерживать сильную центральную власть, если последняя сумеет организовать грабительские и завоевательные войны широкого масштаба, дабы феодальная знать могла получить в результате этих войн новые земельные владения и богатую военную добычу.

Стремление удовлетворить интересы класса феодалов, особенно ведущей группы его — монголо-тюркской военно-кочевой знати, побудило Тимура принять план широких завоеваний в сторону Золотой Орды, Ирана, Индии, Кавказа и стран Передней Азии. В этом отношении Тимур действовал по рецепту всех вождей завоевательных движений кочевых племен, в частности Чингис-хана; только ареал тимуровых завоеваний,

соответственно его военным силам, был значительно меньше ареала чингисхановых завоеваний.

Были во внешней политике Тимура и новые черты, которых не было в политике Чингис-хана и Чингисидов. Прежде всего, за счет ограбления завоеванных стран Тимур стремился развить производительные силы Заамударья (Мавераннахра). Награбленные во время войн средства он использовал для проведения оросительных систем, строительства и украшения городов. Из покоренных стран он привозил в Мавераннахр ремесленников. Все это делалось, конечно, в интересах класса феодалов. Тимур хотел установить контроль над караванными путями европейско-азиатской торговли, что должно было обеспечить его правительству огромные доходы. Поэтому он стремился завладеть Ираном, Ираком Арабским, странами Закавказья и Передней Азии, через которые пролегла большая часть этих караванных путей. А северные караванные пути, пролежавшие через причерноморские и прикаспийские степи, где Тимур не рассчитывал установить свою прочную власть, он желал закрыть для торговли; для этого он разрушил города, лежавшие на этих путях (Ургенч, Сарай Берке, Астрахань, Азов и др.). После этого лет на тридцать вся европейско-азиатская торговля направлялась по транс-иранским караванным путям.

По отношению к Ирану Тимур выступил не только как иноземный завоеватель, но и как кровавый палач и усмиритель народных движений и вместе с тем как реставратор монгольских государственных традиций. Понятно, что в своих походах в Иран Тимур встретил поддержку со стороны части класса феодалов, особенно монголо-тюркской кочевой знати, которая не могла справиться с народными движениями в стране своими силами. В целом политика Тимура и его окружения носила глубоко реакционный характер.

Еще до сложения Тимурова государства Тимур вместе с эмиром Хусейном, во главе среднеазиатского феодального ополчения, состоявшего главным образом из кочевой знати, уничтожил сложившееся было Сербедарское государство в Самарканде и его области (1365—1366 гг.) и подавил сербедарское движение в Мавераннахре. Укрепившись в Средней Азии, Тимур в 1381 г. предпринял первый поход в Хорасан. Весною этого года он подчинил государство хератских меликов Куртов. Обращение правителя Сербедарского государства в Хорасане Али Муайяда, боявшегося и эмира Вели гурганского, и народных масс своего государства, за помощью к Тимуру, дало последнему повод вмешаться в дела Сербедарского государства; это обращение Али Муайяда было по существу предательством по отношению к своему государству. Поставив в Херате и Себзеваре своих наместников и обложив жителей их районов огромной контрибуцией, Тимур оставил Гийас-ад-дина Курта хератского и Али Муайяда себзеварского номинальными государями их владений, но не отпускал их туда, а держал при своем дворе; через несколько лет он отделался от обоих, умертвив их без всякого повода с их стороны.

В 1383 г. в Себзеваре и его районе произошло восстание сербедаров против власти Тимура. В конце октября 1383 г. войско Тимура взяло Себзевар и разрушило его мощную крепость. Расправа Тимура с восставшими сербедарами была страшной: 2000 человек он замуровал живыми в стенах воздвигнутых им башен — связанных людей складывали в штабели, как дрова, перекладывая кирпичом и глиной. В том же году Тимур покорил Систан и Кандахар, подверг их опустошению и построил всюду башни из черепов тысяч убитых людей. Население Систана оказало героическое сопротивление, но было побеждено численно превосходившими силами Тимура. В 1384 г. Тимур покорил Гурган, уничтожив

государство эмира Вели. В 1385 г. Тимур покорил Северный Иран, от Дамгана до Султанийе.

Государство Джелаиридов, раздираемое внутренними междоусобиями, не могло сопротивляться Тимуру, тем более что и Тохтамыш-хан золотоордынский, опасаясь перехода стран Закавказья и Западного Ирана под власть Тимура, предпринял сюда в 1385 г. опустошительное вторжение. Войско Тохтамыша заняло Тебриз и, разгромив его, ушло обратно, увезя с собою 90 000 пленников и унеся богатую добычу; среди пленников был знаменитый таджикский поэт Камаль Ходженди. В 1386 г. Тимур сам занял Тебриз, в свою очередь ограбив его и переселив оттуда в Самарканд лучших ремесленников. Султан Ахмед Джелаирид, ненавидимый населением за проводимую им тяжелую налоговую политику, деспотизм и насилия над райятами (наезды на их дома и похищение их жен и дочерей эмирами султана и даже им самим), убежал, оставив свои владения тимуровым войскам.

После опустошительного вторжения в страны Закавказья Тимур выступил против государства Музаффаридов и в 1387 г. занял Исфахан и наложил на него тяжкую контрибуцию. Она взималась сборщиками Тимура с таким произволом и беспощадностью, что в городе произошло восстание ремесленников и городской бедноты под предводительством одного молодого кузнеца. Восстание было подавлено Тимуром. Город был отдан на разграбление; каждому из тимуровых воинов было приказано принести определенное число отрубленных голов. Были воздвигнуты башни (минареты) из 70 000 черепов убитых исфаханцев. Завоевание Тимуром владений Музаффаридов в Южном Иране затянулось до 1393 г. Еще раньше (1392 г.) Тимур подавил народное движение в Гургане и разрушил так называемое государство сейидов в Мазендеране, возникшее в результате народного движения (см. выше). К 1393 г. завоевание полчищами Тимура всего Ирана было закончено.

Конечно, эти завоевания и сплочение части феодалов Ирана вокруг Тимура, ради подавления народных движений, привели к временному усилению центральной власти Тимура. Тимур роздал своим военным чинам и перешедшим на его сторону крупным феодалам Ирана многоземель в ленное владение (союргал), поселил в Северном Иране и Азербайджане тюркоязычные кочевые племена, приведенные им из Средней Азии, и создал в Иране два больших наместничества для своих сыновей: Хорасан с Гурганом, Мазендераном и Систаном, с центром в Херате, для Шахруха, и Западный Иран с Азербайджаном и Арменией, с центром в Тебризе, для Мираншаха.

Период завоеваний и владычества Тимура в Иране отмечен большими разрушениями и новым ростом эксплуатации иранского крестьянства, за счет ограбления которого Тимур старался развивать производительные силы Средней Азии.

§ 17. Преемники Тимура. Султан Шахрух

Следующий этап в истории Ирана (1405—1499) отмечается ослаблением центральной власти, дальнейшим ростом феодальной раздробленности и завершением процесса развития военно-ленной системы (институт союргал), новым обострением классовой борьбы и новыми народными движениями.

После смерти Тимура (февраль 1405 г.) его огромная империя, не имевшая единой экономической базы, стала быстро распадаться. Из-за верховной власти и титула султана в Хорасане велась междоусобная война между сыном Тимура Шахрухом и внуком Тимура (сыном Мираншаха) юным Халил-султаном, кончившаяся победой первого (правиль

в 1405—1447 гг.). В то же время в Западном Иране и Азербайджане велась борьба за власть между Мираншахом и его сыном Омаром, осложненная еще возвращением бежавшего ранее султана Ахмеда Джелаирида с его союзником Кара Юсуфом, вождем одного из объединений кочевых племен западных огузов — Кара Коюнлу («Чернобаранного»), кочевавшего в Южной Армении. В этой борьбе Мираншах погиб (1408 г.), и государство Джелаиридов было восстановлено, но уже в 1410 г. султан Ахмед поссорился со своими союзниками — огузами Кара Коюнлу и погиб в борьбе с ними. В Азербайджане, Армении и Ираке Арабском утвердилось государство Кара Коюнлу (1410—1468 гг.), вставшее во враждебные отношения с Тимуридами.

Ко двору султана Шахруха приезжали китайские посольства. В 1420 г. Шахрух сам отправил посольство в Китай. Описание пути этого посольства дано у историка Абд-ад-резака Самарканди. В 1441—1442 гг. Шахрух направил Абд-ар-резака Самарканди с посольством в Индию, поручив ему объехать столицы важнейших государств Индии. В историческом труде Абд-ар-резака Самарканди приведено подробное описание морского пути из Ормуза в Индию и ряда городов самой Индии. Значительных результатов эти посольства не имели, кроме некоторого оживления торговых сношений.

Государство Тимуридов теперь было ограничено Средней Азией и собственно иранскими областями (до р. Сефид-руд и гор Пушт-и кух на западе). Султан Шахрух сделал столицей Тимуридского государства Херат, который в XV в. превратился в крупнейший торгово-ремесленный город и центр культурной жизни. Султан Шахрух, в отличие от Тимура, старался опираться не на монголо-тюркских кочевников, а на оседлую иранскую (таджикскую и персидскую) знать, преимущественно на гражданскую бюрократию и духовенство. Эти группы класса феодалов играли руководящую политическую роль. Этим объясняется тот факт, что историки XV в., отражавшие точку зрения названных групп класса феодалов, — Хафиз-и Абру, Фасихи, Абд-ар-резак Самарканди, Доулетшах и Мирхонд — идеализируют и всячески расхваливают личность Шахруха, рисуя его исключительно мудрым и справедливым правителем, всегда победоносным, идеальным мусульманским государем. Шахрух не заслужил этих похвал: он отличался лишь средними государственными способностями; совсем не воинственный, даже трусливый, он не совершил никаких военных подвигов; в личных отношениях он был не лишен черт лицемерия, коварства и мстительности. Однако, опираясь на иранскую оседлую знать, он довольно круто изменил внешнюю и внутреннюю политику Тимура.

Шахрух отказался от новых завоеваний и старался удержать в своих руках лишь Иран и Среднюю Азию. Он вел три оборонительных войны с Кара Коюнлу, стремясь не допустить их дальнейшей экспансии в Иран. В конце концов одолев их (1435 г.), он удовлетворялся вассальным подчинением их государя Джеханшаха Кара Коюнлу (правил в 1436—1467 гг.) и миром с ними. Он установил дипломатические отношения с османской Турцией, государствами Индии и империей Мин в Китае. Внутренний распад государства Тимуридов Шахрух думал предотвратить, создав несколько наместничеств во главе со своими сыновьями, племянниками и внуками, которым подчинены были местные феодалы. Эта мера не помогла. Сидевшие в разных уделах царевичи из семьи Тимуридов вполне оправдывали средневековую арабскую поговорку: «Для архамы бейна-л-мулук» («нет родственных связей между царями»); их частые мятежи и междоусобия, которые Шахруху приходилось подавлять, лишь ускорили распад государства Тимуридов.

Великим везиром и фактически соправителем Шахруха был сын его

Байсункур-мирза (умер в 1433 г.), отличавшийся значительными государственными способностями. Он собрал при хератском дворе многих поэтов и ученых и был известен как крупнейший библиофил: он создал в Херате придворную мастерскую переписчиков книг и составил обширную библиотеку.

Правительство султана Шахруха, как сказано, опиравшееся на иранскую чиновную и духовную знать, старалось возродить производительные силы Ирана. Так, был восстановлен г. Исфахан. С этой целью, а также дабы успокоить крестьянство, Шахрух вернулся к газанхановой политике точной фиксации феодальной ренты. Доулетшах, со свойственным представителям тимуридской историографии пристрастием, говорит, что «от времен Адама до этих дней райяты ни в какое время и ни в какую эпоху не видели такого успокоения и освобождения от забот, какое они обрели в дни державы его (Шахруха)».

На самом деле сделанные правительством Шахруха уступки крестьянству были лишь полумерами и не могли вполне удовлетворить райятов. Сам же Доулетшах приводит следующий рассказ, показывающий, с какой ненавистью райяты относились к сборщикам податей. Поэт Хасан Селими был сборщиком податей в Себзеваре, где сохранились сербедарские настроения в массах. Однажды Селими вручил берат (ассигновку на сверхсметный сбор) некоей старухе. Та подняла крик, говоря: «Эй, человек, этот несправедливый берат ты выписал на меня по чьему приказу?» — «По приказу сейида Фахр-ад-дина, везира царства». — Старуха возразила: «Эй, тиран, если в день страшного суда я ухвачусь за подол твоей одежды (=принесу на тебя жалобу богу), скажешь ли ты, что притеснял меня по приказу сейида Фахр-ад-дина? И примет ли в тот день всевышний бог от тебя эти речи (в оправдание) или нет?» Селими был потрясен словами старухи, он воскликнул: «Нет, клянусь богом, нет!» Выйдя на улицу, он разбил о камень свою чернильницу, сломал тростниковое перо и дал клятву, что пока жив, не будет заниматься греховным делом — исполнением обязанности сборщика податей.

§ 18. Народные движения в первой половине XV в. в Иране

В первой половине XV в. Иран пережил новую полосу народных восстаний. Уже в 1405 г. произошло новое восстание сербедаров в Себзеваре, подавленное войсками Шахруха с трудом. В 1406 г. произошло восстание такого же типа в Мазендеране, и там было восстановлено сейидское государство; впоследствии оно постепенно переродилось в обыкновенное феодальное княжество.

Особенностью народных движений XV в. было то, что теперь крестьяне и ремесленники уже не выступали вместе с мелкими иранскими феодалами. Народные движения XV в. происходили под идеологической оболочкой уже не умеренных шиитов имамитского толка, как в XIV в., а под оболочкой так называемых «крайних» (арабск. *гали*, множ. число *гулат*) шиитских сект. Общей чертой «крайних» шиитов была вера в периодические воплощения божества в людях; такими воплощениями считались: Моисей, Иисус, Мухаммед, Али, шиитские имамы и основоположники «крайних» шиитских сект. «Крайние» отвергали большую часть догматов и обрядов правоверного (суннитского) ислама, у них замечен был резко выраженный уклон к пантеизму. В среде «крайних» проповедовались идеи общности владения землею, утопии социального равенства.

Среди «крайних» шиитских сект в XV в. выделилась секта хуруфитов, сложившаяся еще в конце XIV в. в Хорасане. Ее основоположником был азербайджанец Фазлуллах, по прозванию Хуруфи, плодовитый пи-

сатель, критиковавший правоверный ислам. Отрицая догматику правоверного ислама, он создал своеобразное учение о развитии человечества; мистическим обозначением циклов этого развития, по мнению Фазлуллаха, служили буквы арабского алфавита: отсюда и название секты — хуруфиты, т. е. «буквенники» (арабск. *харф* — «буква», множ. число *хуруф*). Деятельность секты вскоре получила антифеодалную направленность. Тимур сослал Фазлуллаха Хуруфи в Азербайджан, где сын Тимура Мираншах умертвил его своими руками (1401 г.). Хуруфиты ненавидели Тимура и особенно Мираншаха, называя его Мараншахом (Змеиным царем) и антихристом (ад-даджаль). Секта хуруфитов вскоре распространилась на широком пространстве — в Иране, Азербайджане, Сирии и османской Турции — среди ремесленников и городской интеллигенции. Выдающимися последователями хуруфитов были азербайджанский поэт Несими, казненный в 1417 г. как еретик (с него содрали кожу) в сирийском городе Алеппо (Халеб), и крупный поэт Касим-и Анвар («Распределитель светочей»), писавший стихи на языках азербайджанском, гиланском, персидском, долго живший в г. Херате (умер в 1434 г.); ему приписывали учение об общности имуществ.

21 февраля 1427 г. на жизнь султана Шахруха было совершено покушение в соборной мечети г. Херата неким Ахмедом Луром, учеником Фазлуллаха Хуруфи. Султан был тяжело ранен в живот, покушавшегося изрубили султанские слуги, а по найденному в кармане его одежды ключу особой формы удалось разыскать дом, где он снимал помещение, и установить его личность. Следствием было выяснено, что покушение было организовано тайным хуруфитским кружком, собиравшимся в этом доме, во главе которого стоял маулана Ма'руф, известный каллиграф; подозрение пало и на Касим-и Анвара, которого, ввиду его громкой славы, казнить не решились, ограничились лишь высылкой из Хорасана.

По мнению некоторых исследователей (В. А. Гордлевский и др.), в XV в. образовалась другая, позже очень распространенная в Иране и сопредельных странах среди кочевников, крестьян, ремесленников и городских низов, тайная секта «крайних» шиитов — «ахл-и хакк» («люди истины»), иначе «али илахи» («алибожники», «обожествляющие Али»).

В 1441/2 г. произошло народное восстание в Хузистане. Во главе его стал сейид Мухаммед, по прозванию Муша'ша' (араб. «Блестящий»), основатель особой секты «крайних» шиитов, называвший себя предтечей Махди и проповедовавший скорое пришествие Махди и установление царства всеобщего равенства и справедливости на земле. Под его знаменем собралось, по словам историка Джа'фари, до 10 000 «невежд, бродяг и воров» (этими и подобными эпитетами феодальные историографы Ирана обычно называют городскую бедноту и крестьян), которые подняли восстание в местности между Хувейзой и Шуштером. Они свергли и уничтожили династию местного феодального владетеля (эмира). Знатных людей и духовных феодалов (шейхов и сейидов) они истребили, их дома и имущество были разделены. Джа'фари называет последователей Муша'ша' фидаями (добровольцами, готовыми жертвовать жизнью), также «философами и иома'илитами» («фаласифа ва исма'илийя»); этими прозваниями часто именовали сторонников радикальных течений в народных движениях.

Восстание народных масс в Хузистане вызвало тревогу у феодальной знати соседних областей. Против повстанцев Муша'ша' выступил ширазский шейх-ал-ислам с феодальным ополчением Фарса. По словам историка Джа'фари, «когда оба войска сошлись, произошла великая битва. И так как та община (последователи Муша'ша') были фидаи, обрекшие себя на смерть, они держались мужественно, и войско ширазское пред ними обратилось в бегство». Муша'ша' осадил г. Хувейзу. Тогда местные

феодалы обратились за помощью к одному из царевичей Кара Коюнлу, Исфенду, который, придя с войском из кочевников, в кровопролитной битве одержал победу над восставшими и рассеял их, опустошив затем Хузистан. Но через несколько лет Муша'ша' вернулся, восстание вспыхнуло снова, и восставшим удалось создать в районе Хувейзы небольшое государство сербедарского типа, просуществовавшее до начала XVI в. История этого движения пока совсем не изучена.

§ 19. Западный Иран и сопредельные области во второй половине XV в.

Самым сильным из государей Кара Коюнлу был Джеханшах (правил в 1436—1467 гг.). При жизни султана Шахруха он признавал себя вассалом последнего и довольствовался своими владениями в Южном Азербайджане, Армении и Ираке Арабском. Но после смерти Шахруха, воспользовавшись династическими междоусобиями в Хорасане, Джеханшах сам принял титул султана, иначе говоря, независимого государя, и между 1453 и 1457 гг. завоевал Ирак Персидский, Хузистан, Фарс и Керман. Это новое завоевание Западного Ирана кочевниками сопровождалось кровавыми опустошениями; особенно пострадали гг. Султанийэ и Исфahan. В первом осталось только семь тысяч жителей, и он никогда больше не возродился, а в Исфahanе к концу XV в. было не более 50 тыс. жителей, и он вплоть до конца XVI в. утратил всякое хозяйственное значение. Джеханшах занял было и Хорасан с Хератом (1458 г.), но наступление тимуридского султана Средней Азии Абу Са'ида и известие о феодальном мятеже в Азербайджане заставили Джеханшаха спешно очистить Хорасан. Между султаном Абу Са'идом и Джеханшахом был заключен договор, по которому Великая Иранская пустыня (Дешт-и Кевир) была признана границей их владений; между ними был заключен военный союз, позволивший им обоим бороться с междоусобиями и народными движениями в своих государствах (1459 г.).

Джеханшах, тонко образованный деспот и меценат, отличался крайней подозрительностью, и многих из своих эмиров и «столпов государства» он по простому подозрению заключал в тюрьму.

Турецкий арабоязычный историк XVII в. Мюнеджжим-башы приводит, на основании не дошедших до нас первоисточников, следующую характеристику Джеханшаха: «Это был распутный, безнравственный, кровожадный тиран, склонный к ереси и безбожию, не следовавший священному шариату; ночи до рассвета он проводил в пьянстве и разврате, а днем спал, как собака». Он пытался вести централистскую политику, вызвав тем недовольство кочевой знати, а его религиозное «вольнодумство» и попытки опереться на шиитов, растущую популярность которых в народных массах он хотел использовать в своих целях, навлекли на него ненависть суннитского духовенства.

Объединение огузских кочевых племен Кара Коюнлу еще с конца XIV в. вело постоянные войны, из-за обладания территорией, пастбищами и из-за военной добычи, с другим объединением огузских кочевых племен — Ак Коюнлу («Белобаранное»), кочевавших в верховьях р. Тигра и между гг. Диярбекиром и Сивасом. Ведущим племенем Ак Коюнлу было племя баяндур. Огузы Ак Коюнлу были союзниками Тимура, а после него Шахруха в борьбе против огузов Кара Коюнлу, пока, как сказано, Джеханшах Кара Коюнлу не заключил союз с тимуридским султаном Абу Са'идом (1459 г.). Огузы Ак Коюнлу часто враждовали и с османской Турцией и поддерживали тесные союзные отношения с греческой Трапезунтской империей (1204—1461 гг.); Трапезунт служил торговым портом для владений Ак Коюнлу.

Султан Хасан-бек Ак Коюнлу (правил в 1453—1478 гг.), прозванный за свою высокую и худощавую фигуру Узун Хасаном («Длинный Хасан», тюркск.), отвоевал от Кара Коюнлу все высокое Армяно-Курдистанское нагорье. В ноябре 1467 г. ополчение Ак Коюнлу в Южной Армении разгромило ополчение Кара Коюнлу. Узун Хасан отослал голову убитого Джеханшаха к его союзнику Абу Са'иду, а голову сына Джеханшаха — к османскому султану Мехмеду II. Весною 1468 г. войско Ак Коюнлу заняло Южный Азербайджан с Тебризом, который Узун Хасан сделал своей столицей. Так пало государство Кара Коюнлу, и на месте его утвердилось государство Ак Коюнлу, в состав которого вошли теперь, кроме Армяно-Курдистанского нагорья, Ирак Арабский, Азербайджан—Южный (Иранский) и часть Северного до р. Куры, а также Ирак Персидский, Хузистан, Фарс и Керман, иначе говоря весь Западный Иран. На этой территории государство Ак Коюнлу просуществовало с 1468 г. до 1502 г. Остатки племен Кара Коюнлу влились в состав племен Ак Коюнлу.

Тимуридский султан Абу Са'ид, опасаясь роста могущества государства Ак Коюнлу, предпринял поход с большим войском в Азербайджан, рассчитывая в случае успеха присоединить Западный Иран и Южный Азербайджан к своим владениям. Но тимуридское войско не имело успеха. На зимовке в Муганской степи тимуридское войско потеряло почти всех лошадей,¹ а затем было блокировано войсками Ак Коюнлу и войсками их союзника — ширваншаха. Эта блокада обрекла тимуридское войско на голод, достигший таких размеров, что войско разбежалось; султан Абу Са'ид бежал, но был схвачен войсками Ак Коюнлу и казнен.

По своему внутреннему строю государство Ак Коюнлу ничем не отличалось от государств Кара Коюнлу и Тимуридов. Узун Хасан, опираясь главным образом на кочевую знать, старался привлечь на свою сторону и оседлую иранскую знать.

Главным врагом государства Ак Коюнлу была Османская империя (Турция), ведшая большие завоевательные войны и на западе (на Балканском полуострове и в Северном Причерноморье, а также против Венгрии и Венеции), и на востоке (в Малой Азии и на Армяно-Курдистанском нагорье). Для борьбы с османской экспансией правительство Узун Хасана заключило тесный союз с главным врагом Турции на западе — Венецией и стремилось заключить союз с Венгрией, Польшей и другими западными государствами.

При дворе Узун Хасана в Тебризе постоянно находились венецианские послы — Катерино Зено, Барбаро, Контарини, появлялись послы Венгрии и Польши и посол русского государя Ивана III итальянец Марко Росо; последний вел переговоры о совместных действиях Руси и Ак Коюнлу против Золотой Орды. Государство Ак Коюнлу вошло в антиосманскую лигу, в которую входили также римский папа, Венеция, королевства Неаполь, Венгрия и Кипр. Антиосманская лига не оправдала тех ожиданий, какие на нее возлагались: слишком различны были интересы входивших в ее состав государств и слишком разьединены они были территориально, чтобы могли действовать дружно и сплоченно, по единому плану. Венеция пыталась было организовать доставку огнестрельного оружия Узун Хасану, но помощь эта дала лишь незначительные результаты; венецианские пушки по пути следования были захвачены частью османскими турками, частью курдскими феодалами.

¹ Большинство арабских и персидских географов сообщают, что в некоторых местностях Муганской степи трава в определенное время становилась ядовитой и непригодной для корма скота. Тимуридское войско, пришедшее с востока, этого не учло и потеряло почти все свое конское поголовье.

Военные действия государства Ак Коюнлу против османской Турции, в конечном счете, были неудачны. Войско Узун Хасана было разбито османскими турками в битве при Терджане, в верховьях реки Евфрата (1473 г.). Причинами неудачи были недостаток артиллерии, а также устаревшие формы организации войска Ак Коюнлу, которое являлось, в сущности, только ополчением кочевых племен, выступающих в поход с семьями, рабами и скотом, причем поход был одновременно перекочевкой.

Экономический упадок был замечен уже при Узун Хасане. Венецианский посол Контарини был поражен слабой населенностью и бесплодием сельских местностей Южного Азербайджана и Ирака Персидского, а также дороговизной «жизненных припасов». Так как главной причиной деградации сельского хозяйства был рост податей в предшествующие десятилетия, Узун Хасан провел податную реформу. Был издан новый податный устав — «Канун-намэ». Текст его до нас не дошел. Известно лишь, что были установлены точно фиксированные ставки земельной подати; по-видимому, размер ее был понижен до $\frac{1}{6}$ доли урожая. Известно также, что размер тамги был установлен в 5% стоимости товаров (1 динар с каждых 20 динаров). Но после смерти Узун Хасана финансовые чиновники мало считались с установленными нормами.

При сыне Узун Хасана, султани Я'кубе, его воспитатель и советник казий Сейф-ад-дин Иса пытался провести новую финансовую реформу. Так как сокращения доходов казны было следствием не только упадка сельского хозяйства, но и ростом союргалов и иммунитета (см. ниже в § 21) за счет государственных земель и доходов казны, то казий Иса составил план отмены прежних пожалований наследственных ленов — союргалов духовной и военной знати, а вместе с тем велел составить новое кадастровое описание земель, для новой податной оценки (1489 г.). Духовные и военные феодалы резко воспротивились этим мерам. Внезапная смерть султана Я'куба от яда (1490 г.) положила конец проведению реформы казия Исы. Он был предан казни своим врагом, главнокомандующим, тюркским эмиром Суфи Халимом.

При преемниках Узун Хасана обнаружилась внутренняя слабость государства Ак Коюнлу в результате роста феодальной раздробленности и отсутствия прочных экономических связей между отдельными областями. Начались нескончаемые междоусобия кочевых феодалов, выдвигавших в качестве кандидатов на султанский престол разных царевичей из потомков Узун Хасана, дабы затем управлять от имени этих подставных падишахов. За четверть века сменилось десять падишахов.

Один из султанов Ак Коюнлу, Ахмед-падишах (1497 г.), пытался предотвратить распад государства путем ослабления мощи и влияния тюркских кочевых феодалов — главных носителей феодальной раздробленности. Он казнил некоторых из них и отменил все сделанные его предшественниками пожалования ленов (союргалов). В борьбе с кочевой знатью Ахмед-падишах опирался на другую группу класса феодалов — иранскую гражданскую бюрократию. Желая обеспечить себе сочувствие крестьянской массы, Ахмед провел налоговую реформу, сохранив только те подати, которые прямо были основаны на шариатском праве (харадж, 'ушр, закят, джизья), и отменив разные другие подати и повинности, особенно тяжелые для крестьян. Все эти меры раздражили кочевых феодалов. В Ираке Персидском и Фарсе они подняли мятеж, и Ахмед-падишах погиб в битве с этими мятежниками близ Исфахана, после семимесячного правления. Все его указы были немедленно отменены победителями. После новых междоусобий владения Ак Коюнлу были разделены между двумя претендентами: Альвенд получил Азербайджан и Армению, а султан Мурад — Ирак Арабский, Ирак Персидский и Фарс (1500 г.).

После смерти султана Шахруха (1447 г.) в государстве Тимуридов снова начались междоусобные войны, — члены династии боролись за султанский престол. Победу одержал законный наследник, талантливый ученый Улугбек, при жизни своего отца Шахруха управлявший Мавераннахром (Средней Азией). Однако уже через два года он был свергнут и умерщвлен близ Самарканда собственным сыном Абд-ал-Латифом (1449 г.). Последнего поддерживали дервиши ордена накшбендиев, недовольные светским настроением двора Улугбека. Во время междоусобий в Хорасане произошло народное восстание против власти Тимуридов. После смерти султана Абу Са'ида (правил в 1451—1469 гг.), опиравшего преимущественно на кочевую знать, империя Тимуридов фактически распалась на два отдельных султаната, управляемых разными ветвями династии Тимуридов, — Хорасанский с центром в Херате и Среднеазиатский с центром в Самарканде. В состав Хорасанского султаната входили также Систан, Мазендеран, Гурган (Астерабад) и Хорезм.

Начало правления преемника Абу Са'ида — хорасанского султана Хусейна Байкары (правил в 1469—1506 гг.) было ознаменовано восстанием городских низов в Херате, вызванное непосильными налогами, введенными чиновниками дивана финансов. Напуганный размерами восстания султан Хусейн направил к восставшим для переговоров друга своей юности Алишера Навои (1441—1501 гг.), впоследствии великого староузбекского поэта и государственного деятеля, с поручением расследовать дело и успокоить народ. Алишер Навои, прибыв в Херат, велел прочесть с кафедры соборной мечети указ об отмене незаконных податей и приказал арестовать и предать суду чиновников, вызвавших народное восстание своими поборами. Вслед за тем ремесленники и крестьяне Хератского округа были на два года освобождены от чрезвычайных налогов и сборов на содержание войска, ложившихся тяжелым бременем на податное сословие (горожан и крестьян). Такими мерами Алишер Навои добился ликвидации восстания в стольном городе Херате, не прибегая к репрессиям (1470 г.).

Утвердившись на престоле, султан Хусейн назначил Алишера Навои эмиром дивана финансов, а потом везиром. Алишер занял второе место (после эмира — главы тюркизованного монгольского кочевого племени барлас, из которого происходила династия Тимуридов) среди сановников султана. Как государственный деятель, Алишер Навои проводил те же принципы, которые в свое время были положены в основу реформ Газан-хана: точная фиксация налогов и феодальной ренты, недопущение незаконных поборов, разорявших крестьян и горожан. Вскоре вражда и интриги финансовых чиновников, обогащавшихся благодаря взяткам и незаконным поборам с райятов, вынудили Алишера Навои отказаться от должности везира. Но до конца жизни он сохранил значительное влияние на султана Хусейна. Алишер Навои проводил большую строительную деятельность: были построены несколько медресе и библиотека в Херате, оросительный канал длиной в 70 км близ Туса и Мешхеда, работы (караван-сарай), больницы, бани, мосты, водоемы (хоузы) в разных местностях.

В последней четверти XV в. отмечается рост налогов. При этом собранные с райятов средства оседали в карманах эмиров, финансовых сановников и придворных и лишь в небольшой части поступали в казну центрального правительства. Пользуясь апатией и безразличием к государственным делам одряхлевшего и преданного пьянству султана Хусейна, финансовые сановники беззастенчиво грабили податное население и казну. Когда везир Маджд-ад-дин, главный враг Алишера Навои,

был смещен и отдан под суд за взяточничество и казнокрадство; следователи, производившие опись его имущества, были поражены огромным богатством его — множеством золота, серебра, драгоценных камней, фаянса, шелковых ковров и палаток, редких книг, породистых лошадей и прочего, не говоря уже о земельных владениях.

Борьба феодальных кланов при султане Хусейне переросла в 1497 г. в открытый мятеж части феодалов, преимущественно кочевых, во главе с сыном султана Хусейна — Бади'-аз-заманом, наместником Балха. Мятеж был подавлен войском султана Хусейна, но установившаяся затем феодальная анархия подготовила распад Хорасанского султаната Тимуридов, ускоренный войной с кочевыми узбеками Белой Орды (улус Шейбанидов в нынешнем Казахстане). Последние в 1499—1500 гг. овладели землями Среднеазиатского султаната Тимуридов, а в 1507 г., вскоре после смерти султана Хусейна, разгромили и Хорасанский султанат Тимуридов.

§ 21. Феодальные отношения в Иране во второй половине XIV—XV вв.

Формы феодальной земельной собственности, феодальная иерархия, развитие иммунитета и военно-ленной системы достигли в данный период наиболее полного развития. Наиболее развитой формой лена (феода), как категории феодальной условной собственности на землю и воду, закономерным развитием и продолжением института икта', был сююргал.

Первые упоминания о сююргале появились в источниках в половине XIV в. Сююргальные земли были распространены как на западе Ирана (в государствах Джелаиридов, а после них Кара Коюнлу и Ак Коюнлу), так и на востоке Ирана (в государстве Тимуридов). Сююргал (по-монгольски «пожалование») был наследственным пожалованием со стороны султана его вассалам территорий разного размера (от области до одной деревни). Владелец сююргала (сахиб-и сююргал) обязан был нести военную службу государю и поставлять в феодальное ополчение определенное число вооруженных всадников, из числа феодально-зависимых людей сююргала. Отличие сююргала от икта' заключалось в том, что наследственный владелец сююргала, помимо налогового иммунитета (му'афи), предоставлявшегося раньше и владельцам икта', получал теперь еще и право судебно-административного иммунитета: все должностные лица на территории сююргала назначались владельцем сююргала и зависели исключительно от него. Чиновникам центрального государственного аппарата был запрещен доступ на территорию сююргала. Это запрещение в сююргальных грамотах выражалось персидской формулой: «кālām vā kādām kūtah vā kāshidē darānd vā pirāmūn nāgār-dānd» — «пусть они (чиновники) укоротят и уберут перья и ноги¹ и пусть не околачиваются в окрестности [сююргала]».

Административный иммунитет передавал владельцу сююргала верховенство в суде и военном деле, а налоговый иммунитет давал право взимать в свою пользу с райятов все те подати, которые раньше взимались в казну центральной власти; при этом налог превращался в феодальную ренту. Если в сююргал передавалась целая область, то владелец ее получал право распоряжаться земельным фондом и раздавать уже от себя, на правах сююргала, земли своим вассалам. У владельцев крупных сююргалов появились свои феодальные ополчения и свои штаты чиновников. Сююргалы передавались как военной, так и духовной знати.

Другие категории феодальной собственности на землю в данный период оставались те же, что и в прежние периоды. Но фонд государствен-

¹ Т. е. пусть не заводят деловой переписки с владельцем сююргала и не вступают в его земли.

ных земель очень сократился, а мульк (безусловная наследственная собственность типа аллода) и вакф (собственность религиозных и благотворительных учреждений) существенно изменили свой характер, ибо многие мульки пользовались правом налогового иммунитета («мульк-и хурр» — «свободный мульк»). Иммунитет предоставлялся теперь и многим вакфам.

Процесс концентрации земель в руках крупных землевладельцев, верхов класса феодалов, начавшийся еще в предыдущий период, продолжался и теперь. Вот некоторые примеры. Эмир Баба Хаджи Каверди получил от Кара Юсуфа Кара Коюнлу в сюргал 600 больших и малых селений. Эмир Шемс-ад-дин, глава курдского кочевого племени рузеки, получил от того же Кара Юсуфа в сюргал четыре больших округа в Южной Армении. Земли икта' (т. е. сюргалы) тимуридского царевича Байсункура в разных округах Гургана, Хорасана, Ирака Персидского и Фарса оценивались в 600 туманов (6 млн. динаров¹). Вакф медресе Мансурийе в Ширазе, пользовавшийся правом налогового иммунитета, состоял из 50 селений в Фарсе с годовым доходом в 242 тыс. динаров. Большой земельный фонд в округе Херата принадлежал поэту Абд-ар-рахману Джами, который мог ежегодно тратить «на свои обычные расходы» по 100 тыс. динаров. Политическое влияние феодалов измерялось не только количеством и доходностью их земель, но и числом их нукеров, т. е. вассалов, большею частью мелких феодалов, обязанных военной службой вышестоящему феодалу. В конце XV в. сильнейшим вассалом тимуридского султана Хусейна был эмир Хосров (Хусрау), владевший на правах сюргала округами между р. Аму-Дарьей и горами Хиндукуша. От него зависело около 30 тыс. нукеров (воинов-ленников, его вассалов), составлявших его феодальное ополчение.

Распространение иммунитета в государствах Тимуридов и Ак Коюнлу в течение XV в. очень ослабило центральную власть, лишая ее податных сборов и передавая верховенство в суде и в военном деле целиком в руки местных феодальных владетелей. Раздача земельных пожалований и иммунитетов только формально исходила от центральной власти (султанов). Фактически султаны вынуждены были удовлетворять требования класса феодалов. Получил сильное распространение институт тарханов — феодалов, больших и малых, пользовавшихся, помимо иммунитета, разными личными привилегиями: преимуществом при разделе военной добычи, свободой от судебной ответственности до девяти проступков и т. д. Тимуридский царевич Захир-ад-дин Бабур в самом начале XVI в. задумал уволить со своей службы тархана Баки Чаганиани, которым был недоволен. Тот возразил: «Пока я не совершу девять проступков, с меня не должны взыскивать». Тогда Бабур напомнил ему, один за другим, одиннадцать его проступков и отпустил его с семьей, нукерами и имуществом, позволив удалиться в Индию.

В данный период, как и раньше, класс феодалов состоял из четырех основных групп: военной знати кочевых племен — монгольских, тюркских, курдских («ахл-и шемшир» — «люди меча»);² местной оседлой провинциальной знати, не связанной службой государству; высшего мусульманского духовенства; гражданских чиновников («ахл-и калам» — «люди пера»); феодалы последних трех категорий были чаще всего персы и прочие иранцы.

¹ Динар содержал около 2 мискалей (9 гр.) серебра и стоил около 50 коп. серебра по курсу до первой мировой войны.

² Следует помнить, что кочевые феодалы эксплуатировали не только подвластные им племенные группы кочевников, но и оседлых крестьян, живших на землях, которые принадлежали на разных основаниях (сюргала, мулька) кочевым феодалам.

Во второй половине XV в., после подавления крестьянских восстаний, в Иране отмечается снова усиление феодальной эксплуатации крестьянства. В одной из жалованных грамот перечислено 27, в другой — 31, в третьей — 16 названий, лежавших на крестьянах податей и повинностей, составлявших в совокупности феодальную ренту, права на которые переходили от казны султана к феодалам, в результате предоставления им права иммунитета. Источники отмечают тяжелое положение крестьянства в конце XV в., но не приводят таких подробностей, какие известны нам от историков начала XIV в.

§ 22. Культура Ирана в XIII—XV вв.

Монгольское завоевание отразилось неблагоприятно на культурной жизни Ирана, но не могло привести к полному ее падению.

Монгольские ильханы, начиная с Хулагу-хана, не понимали и не ценили персидской поэзии, но охотно брали на службу ученых: математиков они использовали в финансовом ведомстве и на строительных работах, медиков — как врачей, астрономов — как придворных астрологов (звездочетов), историкам давали заказ — восхвалять завоевания и деяния Чингис-хана и его потомков. Так, по поручению Хулагу-хана крупнейший математик и астроном Насир-ад-дин Туси (умер в 1277 г.) построил обсерваторию в Мараге с большой библиотекой. Здесь работали астрономы не только местные, но и индийские и китайские. Около 1260 г. Ата Мелик-и Джувейни составил на персидском языке большой исторический труд «История миропокорителя» (Чингис-хана).

На рубеже XIII и XIV вв. везир (министр) Газан-хана Рашид ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247—1318 гг.) составил по-арабски не дошедшую до нас энциклопедию по естественным наукам, а вслед за тем по-персидски большой исторический труд «Джами'-ат-таварих» («Сборник летописей»), важнейший исторический источник.¹

В Ширазе родился и провел юношеские и старческие годы гениальный персидский поэт, тонкий мастер стиха Муслих-ад-дин Са'ди (1184—1291 гг.), автор всемирно известных сборников дидактических рассказов — «Бустан» («Плодовый сад») и «Гулистан» («Цветник»), а также четырех сборников газелей (лирических стихотворений), элегии на взятие Багдада Хулагу-ханом и др. Он отразил темные стороны феодального общества и господства монгольских ханов.

В XIII в. жил Низари Кухистанский — поэт, воспевавший вино, любовь и радости жизни.

В XIV в. творили поэт-панегирист и лирик Сальман Саведжи и лирик Хаджу Керманский, продолжавший традиции Низами.

Одним из величайших персидских поэтов был Хафиз (около 1300—1389 гг.), живший в Ширазе и умерший там же в нищете. Стихи Хафиза отличаются несравненным мастерством формы и тонким лирическим чувством. Тематика его стихов — красота и любовь, свобода чувства, цветы, вино, радости жизни, скорбь об унижении человека, страдание неразделенной любви, горе разлуки, обличение ханжества и лицемерной официальной морали. Любовные газели Хафиза ревнители мусульманства пытались истолковать как аллегории «мистической любви к богу», но эти попытки не находят почвы в творчестве Хафиза.

Народная, антифеодальная тенденция в персидской поэзии представлена крупным поэтом, участником сербедарского движения, Ибн-и Йамином (умер в 1368 г.) и Убейдом Закани (умер в 1370 г.), в своих сатирах гневно обличавшим растленные нравы и паразитизм феодальной знати («Этика аристократии» и др.), ханжество и лицемерие духовенства. В

¹ См. о нем в § 2 главы V.

стихах Закани ясна атеистическая тенденция. Закани изобразил народное восстание против феодалов в аллегорической поэме о восстании мышей против угнетавших и пожиравших их длинношерстных котом.

Хуруфитские уравнилельные тенденции отразились в творчестве крупного поэта XV в. Касим-и Анвара.

В XV в. жил поэт-крестьянин Ибн Хусам Кухистанский. Во время пахоты в поле он писал стихи на лопате.

Разруха и ужасы монгольского и тимурова нашествий и беспросветный гнет завоевателей — монгольской и тюркской кочевой знати — благоприятствовали росту влияния суфизма (мистицизма), с его проповедью «бегства от мира», отказа от общественной деятельности, ухода к аскетизму и к замкнутой созерцательной жизни. Крупнейшим из мистических поэтов был живший в Малой Азии, но писавший по-персидски дервишеский шейх Джелал-ад-дин Руми (1207—1273 гг.), тонкий лирик и мастер стиля. Однако в стихах Руми мистицизм и пантеизм переплетаются с гуманистической проповедью свободы мысли, веротерпимости, с протестом против угнетения человека человеком. Суфийские теории в стихах излагали крупные поэты — Шабистари (XIV в.), Аухади (XIV в.), талантливый Магриби (умер в 1406 г.), сейид Шах Ни'метуллах Кермани, основатель впоследствии очень влиятельного в Иране дервишеского ордена ни'метуллахийе. Эти теории отразились также в творчестве великого поэта таджиков и персов — Джамии (1414—1492 гг.).

Иранская архитектура данного периода дала ряд образцов высокого искусства. По-видимому, к XIII в. относится недатированный мавзолеем Алидов—Гумбад-и 'Алавийан в Хамадане, квадратный снаружи, восьмигранный внутри; стрельчатый портал и внутренние стены его богато декорированы тонкой резьбой по алебастровой штукатурке, звездчатыми и растительными орнаментами, без фаянсовых плиток. В XIII — начале XIV вв. были построены башнеобразные многогранные мавзолеи с пирамидальными покрытиями в Мараге, Салмасе, Радкане, Исфахане (мавзолеем Имамзаде Джа'фар) и других городах.

На рубеже XIII и XIV вв. проводилось интенсивное строительство в Тебризе: постройки Рашид-ад-дина в принадлежавшем ему квартале Руб'-и Рашиди;¹ постройки Газан-хана в пригороде Шамб-и Газан, среди них: мавзолеем этого ильхана с самым высоким куполом в Иране; обсерватория, госпиталь и др.; украшенная мрамором мечеть везира Тадж-ад-дина 'Алишаха Гиляни. Все эти здания были разрушены во время османско-сефевидских войн XVI — начала XVII вв. и ныне не существуют.

К началу XIV в. относятся дошедшие до нас постройки: восьмигранная купольная мечеть-мавзолеем Ольджайту-хана в Султанийе; соборная мечеть в Верамине близ Тегерана со стройным стрельчатым порталом и куполом, декорированными цветными глазурованными изразцами крестчатой и звездчатой формы; мавзолеем Пир Бекран близ Исфахана с грандиозным порталом и очень изящным резным михрабом внутри; великолепный резной михраб Ольджайту-хана, с тончайшим орнаментом (1310 г.), в старинной соборной мечети (Масджид-и Джума) г. Исфахана.

В XIV в. построены также: мавзолеем Баба Касим с красивым фаянсовым михрабом внутри в Исфахане; медресе при Масджид-и Джума там же; восьмигранный, с куполом в виде многогранной призмы, мавзолеем Алида 'Али ибн Джа'фара в Куме.

К XV в. относится носящая имя супруги султана Шахруха, Гаухар-Шад, соборная мечеть в Мешхеде, декорированная мозаиками из глазу-

¹ Подробнее см. в главе V.

рованных изразцов, — один из лучших памятников персидского зодчества, построенный в 1418 г. великим персидским архитектором Кавам-адином Ширази. По заказу той же царицы Гаухар-Шад была воздвигнута еще более красивая Мусалла¹ в Херате, теперь лежащая в развалинах; от нее, однако, сохранились минареты, обложенные лиловато-синими глазурованными изразцами. Султаном Шахрухом построена в Херате мечеть-мавзолей Гузаргах, с очень высоким порталом, внутри отделанная фаянсовыми плитками, обнаруживающими китайское влияние. Султан Хусейн Байкара построил в Херате медресе, от которого сохранилось только четыре минарета. Везир этого султана, великий табузбекский поэт Алишер Навои, реставрировал старинную соборную мечеть (Масджид-и Джума²) в Херате, построенную еще около 1200 г.

В половине XV в. Джеханшахом Кара Коюнлу были построены великолепная Синяя мечеть в Тебризе, облицованная голубым и синим фаянсом, в наши дни лежащая в развалинах, и мавзолей Дарб-и Имам в Исфахане. К концу XV в. относится красивый портал Дарб-и Кушк в Исфахане, украшенный сталактитами и мозаикой из разноцветной глазури, — остаток разрушенного здания.

В описываемый период при декорровке зданий, наряду со старинным способом применения резных орнаментов по алебастру, все больше и больше применялась облицовка зданий как религиозного, так и светского назначения разноцветными глазурованными люстровыми³ и другими фаянсовыми плитками. Эта архитектурная керамика была трех видов: изразцы (майолики); рельефные изразцы; мозаики из изразцов. Изразцовая облицовка Синей мечети в Тебризе была одним из лучших образцов персидского искусства архитектурной керамики. Великолепен большой михраб упомянутого уже мавзолея Алида, Али ибн Джа'фара в Куме, в форме высокой тройной ниши, облицованной рельефными изразцами из кашанского люстрового фаянса с кораническими надписями (XIV в.).⁴ Высокохудожественные персидские блюда и вазы из люстрового фаянса XIII в. хранятся в Эрмитаже.

Главными центрами производства фаянса (каши) в Иране в тот период были Кашан, Верамин и Султанабад. Продукция других отраслей прикладного искусства — изделия из стекла и горного хрусталя, эмали, украшенное оружие, бронзовые изделия с инкрустациями из серебра и золота, расписные шелковые ткани с серебряными и золотыми нитями, ларча, шелковые и шерстяные ковры также отличались высокими качествами.

Долгое время исследователи считали, что до XIII в. искусства миниатюры в Иране не существовало. В наши дни это мнение опровергнуто: открыты иллюстрированные миниатюрами персидские рукописи XII в. Персидская миниатюра XIII—XIV вв. обнаруживает черты китайского влияния. Монгольские ильханы привели с собою в Иран китайских астрономов, математиков, врачей, художников и мастеров художественного ремесла. До нас дошли персидские рукописи XIV в., иллюстрированные замечательными миниатюрами. Таковы 111 миниатюр одной из рукописей «Сборника летописей» Рашид-ад-дина,⁵ миниатюры рукописи 1314 г. того же труда,⁶ работы мастера Мухаммеда ибн Махмуда Багдади, миниатюры рукописи «Шах-намэ» 1332 г.⁶ Помимо художественной

¹ Иначе говоря, «Праздничная» мечеть (Намазгах), в которую собиралось население всего города в дни двух главных мусульманских праздников.

² О глазури и люстре см. в главе IV, § 21.

³ Михраб этот ныне хранится в Музее в Тегеране.

⁴ Хранится в Парижской национальной библиотеке.

⁵ Хранится в музее Королевского Азиатского Общества (Royal Asiatic Society) в Лондоне.

⁶ Хранится в Ленинградской Публичной библиотеке.

ценности миниатюры XIII—XIV вв. имеют большое значение для изучения истории костюма персов и монголов. Костюмы монгольских ханов, их жен, царевичей и других монголов, изображенных на этих миниатюрах, этнографически правильны и вполне соответствуют описанию китайского автора XIII в. Мэн Хуна в его «Записке о монголо-татарах».

К концу XIV в. относятся рукописи поэмы Хаджу Кермани, выполненная знаменитым каллиграфом Мир Али Тебризи и иллюстрированная миниатюристом Джунейдом Султани. У него изображение ландшафта, чисто персидское, производит пленительное впечатление.

На рубеже XIV и XV вв. сложилась новая, так называемая тимуридская, или хератская, школа художников-миниатюристов. Основателем этой школы восточные авторы называют мастера (устада) Гунга. Имя это, по-видимому, китайского происхождения. Произведения его и его ближайших учеников до нас не дошли. Особенность живописи этой школы — введение особых приемов композиции, идущей от китайского искусства. Влияние тимуридской школы миниатюры распространилось на Хорасан и на Среднюю Азию, которые при Тимуридах были политически объединены. Главным центром деятельности этой школы был Херат. При султани Шахрухе по инициативе его сына — царевича Байсункура здесь была создана академия книжного искусства, сыгравшая важную роль в развитии миниатюры и каллиграфии, а также техники книжного дела в Иране.¹ Из этой академии выходили богато оформленные и иллюстрированные рукописные книги. Такова, например, «Мирадж-намэ» (книга о «вознесении» Мухаммеда), в которой сочетание цветов красного, голубого и золотого создает сильный эффект. С начала XV в. большой прогресс был достигнут в развитии рисунка. Живое чувство природы, красота композиции, живость и грация фигур, четкость рисунка — отличительные черты искусства хератской школы.

Величайшим мастером персидской миниатюры был Бехзад (Бихзад, родился после 1455 г., умер в 1533 или в 1536 г.). Бехзад довел приемы тимуридской школы до совершенства и дал направление дальнейшему развитию персидской живописи. Бехзад был первым мастером пейзажа в Иране. Цветущие персиковые деревья, ряды стройных кипарисов, сады с бассейнами спокойной воды на фоне голубого неба или лунной ночи, — все это у Бехзада полно очарования. Его произведения отличались мастерством рисунка и линии, а также очень индивидуальным изображением фигур и лиц. Его произведения производят впечатление гармонии, мягкости и спокойствия. Он не любил изображать военные действия, он был художником мирной жизни, весны и мягких ландшафтов.

В числе произведений Бехзада — миниатюры в рукописи «Зафар-намэ» (1467 г.),² миниатюры в двух рукописях «Хамсэ» Низами,³ в рукописях «Хамсэ» Хосрова Дехлеви, в частности в рукописи «Лейла и Меджнун» Хосрова Дехлеви (1495 г.).⁴ Среди портретов, приписываемых Бехзаду, находятся портреты тимуридского султана Хусейна Байкары, пленного тюркского князя, задумавшегося дервиша, османского царевича (копия с картины итальянского художника Джентиле Беллини, жившего в Константинополе при дворе османского султана Мехмеда II); копией с картины Беллини считается и портрет пишущего молодого человека. Последние десятилетия жизни Бехзад провел в Тебризе при дворе шаха Исмаила I Сефевидя.

В ряде центров, в частности в Херате, процветало искусство каллиграфии, высоко ценимое в Иране. Из мастеров каллиграфии особенно

¹ Академия существовала до 1507 г.

² Хранится в Бостонском Музее изящных искусств (США).

³ Одна из них, 1494 г., находится в Британском Музее, в Лондоне.

⁴ Хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде.

известны ходжа Мир Тебризи (жил на рубеже XIV и XV вв.), изобретатель почерка наста'лик, впоследствии ставшего самым распространенным из персидских почерков, Султан Али Мешхеди (умер в 1520 гг.), придворный каллиграф султана Хусейна Байкары, «кыбла каллиграфов», автор стихотворного трактата о познании стиля, почерков и правил каллиграфии.¹

Главными центрами культурной жизни Ирана в XIII—XIV вв. были Тебриз, Исфахан и Шираз, в XV в. — Херат и Тебриз.

---

¹ Перевод отрывка этого трактата см.: Казимехмед. Трактат о каллиграфах и художниках 1596 г. Введение, перевод и комментарий проф. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1947, стр. 111—130.

ГЛАВА VII

ИРАН В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВА СЕФЕВИДОВ (XVI в.)

§ 1. Общая характеристика периода

Феодалные отношения этого периода представляют мало своеобразия по сравнению с XIII—XV вв. Новым важным моментом в истории Ирана XVI в. было политическое объединение страны в рамках Сефевидского государства. Новыми моментами были также известный рост государственных земель и, в связи с этим, возрождение централистской тенденции к концу XVI в. В этот период заметно расширились торговые сношения и усилились дипломатические связи Ирана с Россией и, в меньшей степени, со странами Западной Европы.

§ 2. Основные источники по истории периода

XVI в. и последующие столетия исключительно богаты историческими сочинениями на персидском языке. В большей своей части это — произведения придворной историографии, тенденциозные, с просефевидской исторической направленностью. Но излагаемые в них события обычно трактуются обстоятельно и подробно. Часто автор говорит об изображаемых событиях, как очевидец, и, если он занимал пост придворного историографа (меджлис невис), приводит копии шахских ферманов, дипломатическую переписку и другие документы. Персидская историография XVI—XVIII вв. в общем мало изучена, несравненно меньше, нежели историография предшествующих периодов. Акад. В. В. Бартольд отмечает, что исследователь, изучающий историю периодов XVI—XVIII вв., «испытывает затруднения не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания».¹

Для времени образования Сефевидского государства (конец XV — начало XVI в.) наиболее важными персидскими источниками являются: анонимная «Тарих-и шах Исма'ил-и Сефевид»² и четвертая часть III тома большого труда по всеобщей истории, написанного Хондемиром (1475—1536 гг.), внуком и продолжателем историка Мирхонда,³ под заглавием «Хабиб ас-сийяр» («Друг жизнеописаний»)⁴. Оба эти труда очень тен-

¹ См.: В. В. Бартольд. Мир Али Шир и политическая жизнь. В сборнике «Мир 'Али Шир», Л., 1928, стр. 100.

² Рукописей этого труда в СССР нет. Весь труд не издан. Обширный экстракт опубликовал Денисон Росс (перс. текст, английск. перевод и комментарий, 1896).

³ О Мирхонде и Хондемире см. в § 2 предыдущей главы.

⁴ Перечень рукописей и литографированных (восточных) изданий персидского текста см. у Storey, т. II, вып. 1, стр. 104—109. Текста научно-критического издания нет.

дендиозны, написаны с точки зрения сторонников Сефевидов. Труд Хондемира написан в тяжелом цветистом стиле. По богатству фактов труд Хондемира — один из самых важных.

Яхья Казвини (1481—1555) составил труд типа всеобщей истории «Лубб ат-таварих» («Сердцевина летописей»), состоящий из четырех разделов (кысм); из них последний посвящен правлению шаха Исмаила I. Направленность труда — просефевидская, но не переходит в льстивый панегирик, как у двух предыдущих авторов. Труд очень сжатый, но насыщен фактами. Этот труд — первое персидское историческое сочинение, ставшее известным в Европе и переведенное на западноевропейские языки.¹ Персидский текст до сих пор не издан, но рукописей труда известно много.²

Хуршах ибн Кубад *ал-Хусейни*, перс, долго жил в Индии, где состоял на службе у султанов из династии Низамшахов, правившей в Ахмеднагаре. В качестве посла от своего султана Хуршах в 1546 г. прибыл в Иран, где и остался надолго; умер он в Индии в 1565 г. Хуршах составил большой труд, типа всеобщей истории, «Тарих-и ильчи-йи Низамшах» («История посла Низамшаха»). Труд разделен на шесть частей (макалэ); события первой половины XVI в. изложены в шестой части. Направленность труда — просефевидская и шиитская, однако, в умеренной форме. Труд содержит ряд подробностей, которых нет в других источниках. Труд не издан. Обширный экстракт из шестой части опубликован Ш. Шефером.³ Рукописей труда Хуршаха в хранилищах СССР нет, или они пока не выявлены.

Тазкирэ-и шах Тахмасп — памятная записка о событиях времени правления шаха Тахмаспа I, составление которой приписывали ему лично западные иранисты (Тейфель, Хорн, опубликовавший текст и немецкий перевод «Тазкирэ»). Русский иранист В. А. Жуковский, выступив с критикой издания Хорна, доказал, на основе анализа петербургской рукописи «Тазкирэ»,⁴ что это сочинение — не мемуары или дневник шаха Тахмаспа I, а протокол беседы этого шаха с турецкими послами, прибывшими в Иран в 1561 г. В «Тазкирэ» изложены события, так или иначе связанные с сефевидско-османскими отношениями, о турецком султане упоминается в почтительном тоне, совсем не свойственном персидской историографии этого периода. Язык сочинения простой, разговорный, изложение событий очень далеко от объективности.

Помимо Хорна,⁵ текст «Тазкирэ» издан известным персидским ученым XIX в. Мухаммед-Хасан-ханом Марагэи Сани'-ад-доулэ (1885 г.);⁶ имеется еще два издания.

Казвинский казий Ахмед ибн Мухаммед *ал-Гаффари* ал-Казвини, законовед и историк, является автором двух исторических сочинений: «Нигаристана» («Картинная галерея», 1562 г.) — сборника более 300 хикайатов и исторических анекдотов, относящихся к различным династиям мусульманского Востока и содержащих ряд фактов, которых нет в других источниках, и «Нусах-и джеханарай» («Списки мироукрашателя»)⁷ — хроники типа всеобщей истории, доведенной до 1564/5 г. н. э., —

¹ Итальянский перевод сделан Пьетро делла Валле (1623 г.), вывезшим рукопись данного труда, вместе с другими персидскими рукописями, из Ирана. Два латинских перевода с персидского вышли в Париже в 1690 г. и в Халле в 1783 г.

² Имеются рукописи в хранилище ИВ АН СССР.

³ Ch. Schéfer, *Chrétomatie Persane*, т. II, стр. 55—104.

⁴ Рукопись Ленинградской Публичной библиотеки.

⁵ ZDMG, тт. 44—45 (1890). Издание неудовлетворительно.

⁶ Во втором томе его «Матла'-аш-шамс» («Место восхода солнца») — историко-географического описания Хорасана (1302 г. х. = 1885 г. н. э.).

⁷ Сочинение это Гаффари посвятил шаху Тахмаспу I, к которому и относится эпитет «мироукрашатель».

ценного источника по истории Ирана XVI в., в частности по региональной истории.

«Нигаристан» Гаффари сохранился в большом количестве рукописей, имеющихся и в хранилищах СССР. Есть восточные литографские издания текста (Бомбейское 1275 г. х. = 1859 г. н. э. и др.). Другое, более важное сочинение Гаффари — «Нусах-и джеханарай» до сих пор не издано. Известно сравнительно небольшое число рукописей этого сочинения.¹ В хранилищах СССР этих рукописей нет, или они пока не выявлены.

Будак Казвини составил сжатый труд по всеобщей истории «Джавахир ал-ахбар» («Перлы известий»), доведенный до 1576 г. Оригинальный характер носит лишь последняя часть, посвященная правлению двух шахов из династии Сефевидов. Труд сохранился в единственной рукописи, не издан.²

Одним из важнейших источников по истории Ирана и сопредельных стран в XVI в. является труд по всеобщей истории *Хасан-бека Румлу*, знатного эмира из азербайджанского кызылбашского кочевого племени румлу. Труд его, на персидском языке, но с арабским заглавием «Ахсан ат-таварих» («Лучшая из летописей»), был составлен в 12 больших томах, но из них до нас дошли (или пока выявлены) только томы XI и XII (содержащие описания событий 1405—1493 и 1494—1578 гг.), да и те в небольшом числе рукописей.³ Из них издан только т. XII.⁴ Труд Хасана Румлу написан простым языком; изложение очень подробное, строго хронологическое, по годам; под каждым годом даны ценные биографические сведения о политических деятелях, богословах, ученых и поэтах, умерших в этом году. В труде дано много сведений о внутренней истории отдельных областей Ирана, в частности о народных восстаниях, а также о кочевых племенах в Иране, о земельных пожалованиях и т. д. Главное внимание, впрочем, уделено военной истории, как и во всех произведениях персидской средневековой историографии. Политическая направленность труда — просефевидская. Тем не менее, автор не скрывает ошибок, недостатков и слабостей сефевидских шахов и их сановников и не льстит им, сохраняя известную долю объективности по отношению к врагам Сефевидов. Только говоря о народных восстаниях, классово враждебный им автор теряет свою обычную сдержанность и осыпает участников этих восстаний бранью.

Важнейшим источником по истории Ирана, курдского народа и сопредельных стран XVI в. является «Шереф-намэ» *Шереф-хана Бидлиси*. Автор — курд, потомок наследственных вождей курдского кочевого племени рузеки, бывших в свое время феодальными владельцами округа Бидлис (Битлис) в Южной Армении, лишенных своего эмирата османской Турцией и эмигрировавших в Иран. Шереф-хан родился и воспитывался в Иране при дворе Сефевидов и долго им служил. Опала и междоусобия в Иране в 80-х годах XVI в. побудили Шереф-хана перейти на службу к Турции, от которой он вновь получил свой наследственный эмират — Бидлис. Там он и составил в 1596 г. свой большой труд «Шереф-намэ» (два тома). Том первый содержит историю курдских кочевых племен и курдских династий, а также подробное географическое опи-

¹ Перечень рукописей см. у Storey, т. II, ч. 1, стр. 116.

² Рукопись хранится в Ленинградской Публичной библиотеке.

³ Перечень рукописей см.: Storey, т. II, вып. 2, стр. 307—308. Большинство рукописей содержит только т. XII. Одна из немногих рукописей, содержащих оба тома (XI и XII), находится в Ленинградской Публичной библиотеке (в коллекции Б. Дорна, № 287).

⁴ Издан в Индии (в Бароде) Седдоном — персидский текст (1931), английский перевод и комментарий (1934).

сание и историю Бидлисского эмирата,¹ том второй содержит подробную летопись событий, происходивших в Иране, Турции, Средней Азии с 1290 по 1596 г. н. э. События XVI в. изложены наиболее подробно, здесь много оригинального материала, в частности сведений о внутренней истории Ирана, которых нет в других источниках.² Труд содержит немало данных о феодальных отношениях в Иране и Курдистане, о налоговой системе и т. д. Шереф-хан придерживался турецкой ориентации, вынужденный к тому своим официальным положением вассала Турции, но без энтузиазма, скорее поневоле; поэтому по отношению к Сефевидскому государству и к его политике он оказывается в достаточной мере объективным. Отсутствие в его труде официальной шиитско-сефевидской точки зрения, господствующей во всех упомянутых выше трудах, делает «Шереф-намэ» особенно ценным источником.

Кроме перечисленных, в XVI в. было написано еще немало других исторических сочинений, правда для нас имеющих меньшее значение.

Для изучения истории Ирана XVI в., в частности ее политического развития, государственного строя и финансов, а также внешнеполитической истории Сефевидского государства, большое значение имеют записки европейских, преимущественно итальянских, купцов, путешественников и дипломатов. Для внешнеполитической и отчасти внутренней истории Ирана на рубеже XV и XVI вв. важным источником являются «Дневники» («Diarii») венецианского хрониста Марино Сануто, который с начала 1496 г. до сентября 1533 г. изо дня в день вел подробные записи событий мировой политики на основании официальных дипломатических документов и известий.³ Из других европейских авторов сведения об экономике и внутреннем строе Ирана дают анонимный венецианский купец (1514; у него подробное описание г. Тебриза), венецианцы Дж. Минадои (1558 г.), В. д'Алессандри (1571 г.) и другие, английские купцы Дженкинсон (1561 г.), Джонсон (1565—1566 гг.), Эдуардс (1568—1569 гг.), Дэкэт (1568—1574 гг.) и др. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Ираном в XVI—XVII вв. изданы (три тома) русским востоковедом Н. И. Веселовским в конце XIX в.

§ 3. Иран около 1500 г.

К началу XVI в. Иран не представлял единого политического целого. Около 1500 г. владения Ак Коюнлу были разделены между Альвендом и султаном Мурадом; первый правил в Азербайджане и Армении, второй — в Ираке Персидском. В Фарсе, Йезде, Кермане, Ираке Арабском и Дийярбекре правили другие царевичи Ак Коюнлу, фактически независимы от султана Мурада. В Хузистане правила арабская шиитская династия Муша'ша. В Аберкухе, Кашане, Семнани, Систане сидели независимые правители. Мазендеран был разделен по крайней мере между десятью местными династиями. В Гиляне было два эмирата (ханства) — Лахиджанский (Бийэ пиш) и Рештский (Бийэ пас). Талыш был особым ханством. На востоке Хорасан (с нынешним Афганистаном и Туркменией) составлял государство тимуридского султана Хусейна Байкары (правил в 1469—1506 гг.) со столицей в Херате; в Балхе и Кандахаре сидели особые правители, номинально зависимые от султана Хусейна. Почти у каждого из перечисленных более или менее независи-

¹ Другого, подобного «Шереф-намэ», источника по средневековой истории курдов нет.

² Персидский текст «Шереф-намэ» издан В. Вельяминовым-Зерновым, в двух томах (СПб., 1860—1862). Есть также новое издание персидского текста — каирское (1931). Имеется французский перевод Ф. Шармуа, в двух томах (СПб., 1868—1875).

³ Дневники Марино Сануто изданы в 38 томах in folio (Венеция, 1879—1902).

мых государей были свои вассалы, наследственно управлявшие отдельными округами. Все крупные и мелкие династы Ирана этого периода могут быть разделены на три категории: 1) династы, происходившие из местной иранской феодальной знати; 2) династы, являвшиеся одновременно главами кочевых племен, преимущественно тюркских, на западных окраинах также и курдских; 3) шиитские династы, сейиды, утвердившиеся при помощи народных движений XIV—XV вв., быстро превратившиеся в обычных феодальных владетелей (в Хузистане и прикаспийских областях). Из перечисленных государств наиболее сильными считались державы Ак Коюнлу и хорасанских Тимуридов. Но оба эти государства к концу XV в. были ослаблены внутренними междоусобиями. Обоим этим государствам угрожали сильные противники: государству Ак Коюнлу — Османская Турция, хорасанским Тимуридам — кочевые узбеки, под предводительством Мухаммед-хана Шейбани (Шейбек-хана), завладевшие уже землями среднеазиатских Тимуридов (1499—1500 г.).

§ 4. Сефевиды и кызылбаши до начала XVI в.

Образование Сефевидского государства связано с движением так называемых кызылбашей, во главе которых стояла феодальная фамилия Сефевидов. Возвышение этой фамилии связано со значительным распространением суфизма и дервишеских орденов в Иране в XIII—XV вв. Суфийско-дервишеский орден Сефевийэ, во главе которого стояли наследственные «старцы» (арабск. *шейх*, перс. *пир*) или «муршиды» (арабск. *«ведущие по пути»*) из фамилии Сефевидов, сложился еще при монгольском владычестве. Имя ордену и фамилии шейхов дал почитавшийся святым шейх Сефи-ад-дин Исхак (1252—1334 гг.), ученик и зять известного дервишеского шейха Захида (умер около 1300 г.). Шейх Сефи-ад-дин и его преемники, Сефевиды, жили в южно-азербайджанском городе Ардебиле. Источниками по ранней истории ордена Сефевийэ являются две биографии шейха Сефи-ад-дина, написанные во второй половине XIV в. *Афлаки*¹ и дервишем *Ибн Баззазом*.² В них, наряду с легендарными рассказами о «чудесах святого шейха», имеется много ценного социально-бытового материала, которого нет в повествовательных источниках.

Дервишеская среда, в которой на рубеже XIII и XIV вв. сложился орден Сефевийэ (как и некоторые другие дервишеские ордена того же времени), сначала в какой-то степени была связана с народными движениями периода. Ибн Баззаз рассказывает, что ширваншах³ обвинил шейха Захида в том, что он смущает крестьян и отвращает их от земледельческих работ. Среди послушников (араб. *мурид*, в тюркской форме *мурид*) ордена было немало ахиев (братьев), связанных с ремесленными корпорациями. Но уже через 2—3 десятилетия в ордене взяли верх элементы, связанные с феодалами. Среди муридов ордена появились представители феодальной верхушки, как, например, везир Рашид-ад-дин (известный историк), сын его, везир Гийас-ад-дин Мухаммед Рашиди, и сам ильхан Абу Са'ид. Шейх Сефи-ад-дин, сначала владевший только одним плужным участком земли (джуфт-и гав, равный 6—7 га), к концу жизни стал довольно крупным землевладельцем, которому принадлежало свыше двух десятков деревень.

¹ Рукописи имеются в хранилищах Ленинграда и Ташкента. Издан французский перевод К. Юарта.

² Ценная рукопись находится в Ленинградской Публичной библиотеке, в коллекции Дорна (№ 300).

³ Государь Ширвана (в Северном, ныне советском Азербайджане).

Согласно новым исследованиям, шейх Сефи-ад-дин был суннит и не приписывал себе происхождения от четвертого халифа Али.¹ Видимо, желание сохранить влияние на народные массы побудило шейха Садр-ад-дина, сына и преемника шейха Сефи-ад-дина, примкнуть к умеренному шиитскому толку имамитов («поклонников двенадцати имамов»): шиитство в XIV—XV вв. было распространено среди крестьян и городской бедноты. Вероятно, тогда же сложилась легенда о происхождении шейха Сефи-ад-дина в двадцать первом поколении от седьмого шиитского имама Мусы Казима (умер в 799 г.), потомка Али и Фатимы в пятом поколении. Легенда эта впоследствии пригодилась Сефевидам для обоснования их политических притязаний.

Первые шейхи Сефевиды жили в Ардебиле. Их родным языком был азербайджанский. Их влияние было велико, и у них были муриды не только в Азербайджане, но и в Западном Иране (в Исфахане, Ширазе и т. д.), особенно же в Руме (Малой Азии). Третий преемник шейха Сефи-ад-дина шейх Ибрахим Шейхшах (1427—1447 гг.) был уже феодальным владетелем Ардебиля и его округа.²

В XV в. главной опорой Сефевидов стали тюркские кочевые племена, говорившие на азербайджанском языке. Они были разного происхождения, большая часть их откочевала в Азербайджан и Иран из Малой Азии, из вражды к османским султанам и их централистской политике. Первоначально таких племен было семь: шамлу, румлу, устаджлу, теке-лю, афшар, каджар, вулкадар, из них только племена шамлу и румлу подчинились Сефевидам в полном составе. Эти племена позднее (во второй половине XV в.) получили общее прозвание — «кызылбаши» (азерб. «красноголовые», ибо эти воины — кочевники стали носить, как отличительный знак, чалму с двенадцатью пурпуровыми полосками, в честь двенадцати шиитских имамов).³ Кызылбаши брили бороду, отпускали длинные усы, а на бритой голове оставляли чуб. Они отличались боевым шиитским фанатизмом. Кызылбашские племена, со своими кочевыми феодалами (эмирами), зависели от Сефевидов и в духовном, и в политическом отношении. Кызылбаши признавали сефевидского шейха своим духовным главой, сами именовались его «муридами», «дервишами» и «суфиями», а в то же время были его вассалами и составляли его феодальное ополчение. При этом и самый орден Сефевийэ из мирного дервишеского братства, каким он был в XIV в., превратился в своего рода духовно-рыцарский орден.⁴ Под предлогом «войны за веру», сефевидские шейхи, стоявшие во главе кызылбашских племенных ополчений, со второй трети XV в. стали систематически, из года в год, организовывать набеги на немусульманские страны — на Дагестан, на страну черкесов,⁵ на Грузию, на греческое Трапезунтское царство. Прикрытые религиозной оболочкой, эти экспедиции было не что иное, как грабительские набеги, приносившие воинственным кочевникам богатую добычу, особенно коней, скот и пленников обоего пола. Пленников обращали в рабов и часть их, по свидетельству венецианского посла Катерино Зено, продавали на невольничьем рынке в Ардебиле. Опираясь на кызылбашей, сефевидские шейхи Джунейд и после него Хейдер стремились к обширным завоеваниям, и в шиитстве

¹ Напомним, что халиф Али (умер в 656 г.) — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, согласно взглядам шиитов — первый имам.

² Как Сефевиды стали владетелями Ардебиля, в точности не выяснено.

³ Впоследствии число кызылбашских племен увеличилось благодаря присоединению к ним других тюркоязычных племен.

⁴ В это время орден Сефевийэ весьма напоминал христианские духовно-рыцарские племена времени крестовых походов, каковы тамплиеры (храмовники) и др.

⁵ В XV в. большая часть Дагестана и черкесы еще не приняли ислама и держались частью христианства, частью местного язычества (анимизма).

видели идеологическое орудие для достижения этой цели. Сефевиды стремились использовать в своих целях симпатии к шиитству народных масс Азербайджана, Ирана и Малой Азии — ремесленников, крестьян и беднейших кочевников и не скупились на демагогические обещания им.

Постоянно нападая на Грузию, Дагестан, Черкессию, кызылбаши каждый раз проходили через владения ширваншаха. Ширваншахи, — сунниты и союзники Грузии, — считали, не без основания, эти походы кызылбашей опасными для своего государства и порою старались преградить им дорогу. В результате и шейх Джунейд (после 1459 г.),¹ и шейх Хейдер (1488 г.) погибли в битвах с ополчениями ширваншахов, которых поддерживали султаны Ак Коюнлу. Старший сын шейха Хейдера, шейх Али, погиб в битве с ополчением Ак Коюнлу, которое заняло и самый Ардебиль (1495 г.).

Но разгромленные кызылбаши, однако, оправились, воспользовавшись междоусобиями в среде своих врагов Ак Коюнлу. Юный Исмаил, младший сын шейха Хейдера, скрывавшийся в Гиляне, вернулся в Ардебиль и стал во главе кызылбашей (1499 г.). Он разбил врага Сефевидов ширваншаха Фаррух-Ясара и подверг опустошению Ширван (1500—1501 гг.), хотя и не смог прочно завоевать его. Затем он разбил Альвенда Ак Коюнлу, завладел южным Азербайджаном и занял Тебриз, сделал его своей столицей и приняв здесь титул шаханшаха Ирана (1501 г.). В 1503 г. шах Исмаил I (правил в 1501—1524 гг.), разбив наголову близ Хамадана и обратив в бегство султана Мурада, завладел всем Ираком Персидским. Государство Ак Коюнлу перестало существовать. В 1503 г. кызылбаши овладели также Семнаном и Фарсом со столицей Ширазом, а в 1504 г. — Йездом. Между 1502 и 1509 гг. шаху Исмаилу I подчинились династы Хузистана, Курдистана, Гиляна, Мазендерана и остальных частей западного Ирана. Завоевание Ирана кызылбашами было облегчено взаимной враждой и войнами между отдельными династиями.

Весь Западный Иран был в руках кызылбашей. В 1504 г. султан Хусейн Тимурид, теснимый узбеками, прислал к шаху Исмаилу I посла для переговоров. Но так как письмо султана Хусейна не содержало заявления о подчинении Исмаилу, последний отверг переговоры. Между тем, вскоре после смерти султана Хусейна, войска Мухаммед-хана Шейбани узбекского завладели большей частью Хорасана (1507 г.), и кызылбашам пришлось иметь дело с новым противником на востоке. В планы Мухаммед-хана Шейбани входило завоевание Ирана. По словам персидского историка Хондемира, Шейбани написал шаху Исмаилу письмо, в котором иронически сообщал о своем намерении совершить хаджж в Мекку и ради этого двинуться с войском в Ирак и Азербайджан. В ответном письме шах Исмаил в том же ироническом тоне сообщал о своем желании совершить хаджж в Мешхед, к гробнице восьмого шиитского имама Али-Ризы, и ради этого двинуть войска в Хорасан. Решительная битва между узбеками и кызылбашами произошла близ Мерва в 1510 г. Узбекское войско потерпело поражение, сам Шейбани-хан был убит во время бегства, окруженный погнавшимися за ним кызылбашами. Из черепов убитых узбеков Исмаил воздвиг минареты. Хорасан до р. Аму-Дарьи, кроме Балхской области, достался кызылбашам. Значение этой победы было очень велико, без нее господство Сефевидов в Иране не было бы упрочено. Кызылбаши пытались завоевать и Среднюю Азию, но были разбиты наголову узбеками близ Карши.

Завоевания кызылбашей развивались и в западном направлении. Отправленное турецким султаном Баязидом II Дервишем посольство к Исмаилу с поздравлением по поводу его успехов и с дружественными

¹ По новым исследованиям, Джунейд был еще жив в 1459 г. Год смерти его неизвестен. Дата, указанная у Мирхонда и других авторов (1456 г. н. э.), неверна.

предложениями (1504 г.) не остановило движения кызылбашей. К 1507 г. кызылбаша заняли Армению, Курдистан, Диярбекр. В 1508 г. они взяли Багдад и овладели Ираком Арабским. В Турецкой Малой Азии было много шиитов, готовых восстать против турецкого султана и помогать кызылбашам. По сообщению Марино Сануто, $\frac{4}{5}$ турецкого населения Малой Азии было шиитами и сочувствовало Сефевидам.

В конце правления султана Баязида II в Малой Азии вспыхнуло восстание кочевников и крестьян под лозунгами шиитства и поддержки шаха Исмаила. Во главе восстания стал кызылбаш из племени текелю Хасан-оглу, называвший себя Шах-кулу («раб шаха»). Это прозвище сунниты и сторонники Османов переделали в «Шейтан-кулу» («раб сатаны»). Восстание малоазиатских шиитов оказалось очень опасным для Османской империи. Для подавления его понадобилось собрать большое феодальное ополчение. В битве с повстанцами на р. Кыюк-чай, между Кайсери и Сивасом, пали турецкий великий везир и, по некоторым данным, сам Шах-кулу. После подавления восстания малоазиатских шиитов уцелевшие повстанцы бежали в Иран. Правительство шаха Исмаила I не выступило на помощь малоазиатским шиитам и не поддержало их. Это объясняется тем, что среди малоазиатских шиитов было много «крайних» шиитов, идеологов крестьянства и ремесленников, проповедников идеи всеобщего равенства. Хотя они и возлагали надежды на шаха Исмаила I, но феодальная верхушка кызылбашей и сам шах испугались народного характера этого движения и не хотели помочь ему. Кроме того, шахское правительство не желало доводить дела до открытого разрыва с османской Турцией и не использовало ее тяжелого положения: в Турции, одновременно с восстанием шиитов, началась междоусобная война между престарелым султаном Баязидом II и его сыновьями.

Овладев турецким престолом, сын Баязида II, султан Селим I Грозный (правил в 1512—1520 гг.), изменил внешнюю политику Турции. В течение всего XV в. Турция вела завоевательные войны с государствами Балканского полуострова, а также с Венгрией, с Венецией и другими европейскими государствами. Селим I строил планы широких завоеваний в Передней Азии. Он подготовил поход в сторону Ирана под лозунгом защиты «правоверного (суннитского) ислама» против «еретиков-шиитов». Расчистив для себя тыл путем умерщвления сорока тысяч активных малоазиатских шиитов, по заранее составленным тайными агентами султана спискам, Селим I начал войну с Сефевидским государством. Турецкое войско, в то время обладавшее большим артиллерийским парком, которого не было у кызылбашей,¹ разбило последних наголову на Чалдыранской равнине в южном Азербайджане (23 августа 1514 г.). Кызылбаша отступили столь поспешно, что даже шахский гарем попал в руки турецкого султана. Последний занял было Тебриз, но не использовал своей победы из-за волнений турецких янычар, в среде которых было немало втайне шиитствующих. Поэтому, а также из-за нового наступления кызылбашей, Селим отступил. Южный Азербайджан и Ирак Арабский остались за Сефевидским государством. В странах Закавказья власть Сефевидов удержалась; в 1517 г. шах Исмаил подчинил восточную Грузию.

§ 5. Сефевидское государство

Вновь созданное государство стали называть Ираном, как раньше называли иногда и монгольское государство Хулагуидов, но часто назы-

¹ Первые огнестрельные орудия (радд андаз) в Иране появились еще при Тимуре около 1387 г.; в конце XV в. в Херате изготовлялись примитивные пушки, но они были низкого качества, мало эффективны и в войсках их было мало.

вали просто Сефевидской или Кызылбашской державой (доулет-и Кызылбаш).

Зарубежные историки-востоковеды нередко видели и видят в Сефевидской державе иранское национальное государство, сложившееся в результате борьбы иранцев с тюркскими завоевателями. Это неверно, прежде всего потому, что в Иране XVI в. еще не было элементов разложения феодализма и зачатков капиталистического развития, иначе говоря, не было необходимых предпосылок складывания нации. Помимо этого, в Сефевидском государстве XVI в. персидская народность не заняла господствующего положения. Самый титул «шаханшах Ирана», принятый Исмаилом I Сефевидом, не был указанием на какое-либо усиление политической роли иранского элемента. Дело в том, что с титулом шаханшаха («царя царей») Ирана в Передней и Средней Азии еще со времен Сасанидской державы связано было представление об универсальной «всемирной» монархии, подобно тому, как в средневековой Европе такое же представление было связано с титулом римского императора, а на Дальнем Востоке — с титулом китайского императора.

Держава Сефевидов была создана главным образом усилиями тюркских кочевых племен. Действительно, при шахе Исмаиле I и его ближайших преемниках, вплоть до конца XVI в., руководящая роль в государстве принадлежала азербайджанской (кызылбашской) кочевой знати; именно из ее рядов назначались главные придворные сановники, наместники областей и военачальники. Войско составлялось из ополчений тех же кочевых племен и в меньшей степени из ополчений оседлых феодалов.

При дворе и в войске долгое время господствовал азербайджанский язык, понятный всем тюркским племенам Ирана, и сам шах Исмаил I писал стихи на этом языке под псевдонимом Хатаи; лишь в официальной переписке, согласно старой феодальной традиции, употреблялся персидский язык, как это было и при Сельджуках, и при монгольских ханах. В состав державы Сефевидов, помимо Ирана, входил ряд стран с персидским населением — Азербайджан, Армения, Южная Туркмения, Афганистан. Центр государства до половины XVI в. находился не в Иране, а в Южном Азербайджане — в Тебризе.

Поэтому в Сефевидском государстве скорее можно видеть такую же империю — конгломерат разных племен и народностей, связанных завоеванием, какими были прежние средневековые государственные образования на территории Ирана. Лишь позднее, с конца XVI в. роль иранского элемента в Сефевидском государстве стала более значительной.

Первые Сефевиды создавали, что поддержать единство ряда стран и областей с разным этническим составом и разной экономикой нелегко. Они хотели поддержать это единство, навязав разноплеменному мусульманскому населению своей державы одно государственное исповедание — шиитское, именно толк умеренных шиитов-имамитов. Уже шах Исмаил I, заняв в 1501 г. Тебриз, издал указ, «дабы на площадях [люди] распустили языки для поругания и проклинания Абу-Бекра, Омара и Османа, а всякому, кто стал бы противиться, отсекали бы голову».

Кровавые гонения на суннитов, а также на «крайних» шиитов, происходили повсюду, где утвердилась власть Сефевидов. Гонениям подвергались также «еретические» течения суфизма и всякое свободомыслие, следовательно светская наука и философия. Мрачный фанатизм могущественного шиитского духовенства, а также прекращение связей со Средней Азией и другими суннитскими странами тяжело отозвались на развитии поэзии, философии и всей умственной жизни Ирана XVI—XVIII вв.

Класс феодалов, как и в предшествующий период, составлялся из четырех основных групп: 1) военной знати кочевых племен, среди которой первое место занимали эмиры кызылбашских племен; 2) старинных иранских династов и местных оседлых феодалов в областях; 3) высшего мусульманского (шиитского) духовенства; 4) пражданских чиновников. Последние лишь с конца XVI в. стали играть значительную политическую роль; они стояли ниже первых трех групп. Главы кочевых племен (мир-и иль) не только управляли своими племенами, но нередко становились наследственными владетелями пожалованных им в кормление округов и феодалыными эксплуататорами живших там оседлых крестьян. Земли, пожалованные шахом главам кочевых племен, носили разные названия: *юрт* (монг.), *оджаклык* (тюрк.), *джа у мака* (перс.-араб.). Такие же пожалования давались и отдельным представителям военно-кочевой знати (эмирам). Так, в 1553 г. шах Тахмасп I пожаловал Хамил-хану, главе курдского племени Сийях Мансур, округа Абхар, Зенджан и Султанийе с тем, чтобы он приводил в шахское войско три тысячи воинов своего феодалыного ополчения. «Юрты» кочевых племен (*иль*, мн. ч. *иллят*, тюркск.), помимо обработанных земель с оседлыми райями, включали также пастбища — летние (*айлаг*, тюрк.) в горах и зимние (*кышлаг*, тюрк.) на равнинах. Земли эти формально отдавались племенам, фактически же находились в распоряжении племенных глав, однако, те не могли продавать эти пастбища или обращать их в свою личную собственность. У кочевых племен сохранялись, как и раньше, патриархально-феодалыные отношения: феодалыные повинности рядовых кочевников по отношению к кочевой знати были прикрыты патриархальной формой «родовой помощи»; сохранялось деление на племена и роды, давно исчезнувшее у персов и других оседлых народностей.

Помимо «юртов» кочевых племен, в Иране XVI в. существовали те же категории феодалыной собственности на землю и воду, что и в предшествующие периоды: государственные земли (дивани), земли шахской фамилии (хассе), аллодиалыные земли (мулк), земли религиозных и благотворительных учреждений (вакф), наследственные лены (союргал), обусловленные службой государству. Но, поскольку после образования Сефевидского государства земельный фонд большей части перешел к новым хозяевам (государству и кызылбашской знати), соотношение между землями разных категорий изменилось. Увеличился фонд земель диванских, хассе и особенно «юртов» кочевых племен (иначе говоря, кызылбашских эмиров — ханов и султанов). Уменьшилось число земель мульковых и союргалыных. Сефевидские шахи, сохранив часть прежних союргалов, избегали раздавать новые, ибо с ними были связаны слишком обширные права владетелей их (сахиб-и союргал), в ущерб центральной власти.

Сефевиды предпочитали раздавать знати и служилым людям пожалования, известные под именем тиула (тюрк.). О тиуле впервые упоминается в начале XV в. (у Абд-ар-резака Самарканда), но широкое распространение этот институт получил с XVI в. Под тиулом понималось пожалование феодалыной ренты — целиком или частью — с определенных земель. Одни тиулы были прикреплены к тем или иным должностям и давались на время отправления их, другие давались за личные заслуги, персонально и пожизненно, но не наследственно и без права административного иммунитета. Таким образом, тиул был попыткой со стороны центральной власти возродить институт икта' в его старой форме (временного бенефиция), существовавшей во времена владычества халифата. Тиулы выделялись из фонда государственных (диванских) земель.

Все местные династы, будь то главы кочевых племен или старинные иранские владетели, считались шахскими «хакимами» (правителями), т. е. чиновниками, назначаемыми и смещаемыми шахом. На деле это были наследственные местные феодалы. Вожди кочевых племен носили титулы хана и султана,¹ местные оседлые владетели — титул мелика. Одни из меликов были подчинены шахским наместникам областей — беглербегам, другие зависели непосредственно от шаха и именовались «вали», как, например, цари Картлии и Кахетии, владетели Луристана, Курдистана и Арабистана (Хузистана).

Положение кочевников (илятов), составлявших ядро феодальных ополчений, было значительно легче положения крестьян-земледельцев (райятов). Огромное большинство райятов находилось в тяжелой феодальной зависимости от владельцев земель, а на землях государственных или хассэ — от разных управителей, являвшихся еще более жесткими эксплуататорами, нежели частные владельцы. Положение иранского райя этого периода изучено пока слабо. Известно, что он платил владельцу ренты (на государственных землях совпадавшую с налогом), чаще всего натурой (зерном, рисом, шелком-сырцом); основу ренты составлял харадж (иначе малъ у джехат) — доля урожая. При шахе Исмаиле I, которому надо было привлечь на свою сторону крестьянство, харадж был понижен до $\frac{1}{6}$ доли урожая. Но наряду с хараджем вносились также и другие сборы, как в пользу владельца, так и в пользу государства. Большое место занимали натуральные повинности в пользу государства — *бигар* (перс.) или *сухрэ* (араб.) — работы по сооружению крепости, проведению дорог, каналов и т. д. Сохранялись повинности, существовавшие до Сефевидов: улуфэ и алафэ — поставка провианта и фуража для войск, коналга — постоянная повинность, шикар — участие в звериных гонах во время охоты феодала. Какие размеры принимала последняя повинность, видно из того, что для участия в зверином гоне во время большой охоты на волков, устроенной шахом Аббасом I в густых лесах Гиляна, было согнано десять тысяч крестьян. Повинности работой в пользу собственников земель, напротив, были незначительны, так как феодалы почти не вели собственного крупного хозяйства.

§ 7. Внутренняя и внешняя политика Сефевидского государства при шахе Тахмаспе I

Шах Тахмасп I (правил в 1524—1576 гг.) вступил на престол десятилетним мальчиком. Первое время он был игрушкой в руках кызылбашской кочевой знати — ханов и султанов. Знать эта поддерживала шахскую власть лишь постольку, поскольку последние выполняла ее волю и раздавала ей земельные пожалования, высокие посты и доходные должности; кызылбашские племена часто поднимали мятежи. В 1525 г. главы кызылбашских племен румлу и устаджлу заспорили о том, кому из них быть векилем, т. е. регентом и «воспитателем» малолетнего шаха; между племенами началась междоусобная война. В 1526 г. произошло восстание племени устаджлу, в 1531 г. восстание племени текелю, разграбившего Тебриз.

Помимо междоусобиц кызылбашской знати, шахской власти в первой половине правления Тахмаспа I пришлось бороться с восстаниями местной иранской знати в отдельных областях. В 1529 г. возмутился владетель Кальхура Зулфикар-бек, из лурской кочевой знати, осадил и взял Багдад, вслед за тем завладел и всем Ираком Арабским, подчи-

¹ При Сефевидях титул хана считался выше титула султана; ханы и султаны именовались также эмирами.

жившись турецкому султану Сулейману I и введя в мечетях чтение хутбы на его имя. Шаху пришлось предпринять поход для отвоевания Багдада (1530 г.).

В 1535 г. в Гиляне возмутился Амирэ Дубадж, хан Гиляна Бийэ пас. В 1538 г. Астерабад захватил некий Мухаммед Салих битикчи, из местной знати, провозгласивший себя местным государем и призвавший на помощь хана узбеков Хорезма. В 1540 г. произошло восстание в Рустемдаре, в 1541 г. — в Хузистане.

Все эти восстания шахской власти удалось подавить. Социальная природа этих восстаний до сих пор не изучена. В некоторых случаях на стороне местной знати против шахской власти выступали и народные массы, как это было, по-видимому, в астерабадском восстании 1538 г. Возмущения кочевой знати чаще всего происходили при помощи только данного кочевого племени и не имели никакой опоры в остальном населении. Некоторые восстания носили явно выраженный народный характер. Таково было восстание ремесленников, городских низов и крестьян в г. Херате и его округе, вызванное поборами и насилиями шахского беглербеге, его чиновников и военных слуг, в 1535 г. Но как бы ни была различна классовая природа восстаний, они показывают, что шахской власти не удавалась политика централизации. Даже кызылбашские племена, считавшиеся главной опорой Сефевидов, не раз восставали, и шахской власти приходилось покупать их покорность раздачей кочевой знати земель и доходных должностей.

Шах Тахмасп I завоевал в Северном Азербайджане государства Ширван (1538 г.) и Шеки (1551 г.). Для укрепления своего владычества в Восточной Грузии (в царствах Картлия и Кахетия) шах Тахмасп I не раз предпринимал туда опустошительные походы.

Войны с узбекскими ханствами Средней Азии продолжались при шахе Тахмаспе I почти непрерывно. Узбекские ханы Мавераннахр почти ежегодно совершали походы в Хорасан и в район Астерабада, не раз брали важный г. Херат. В 1528 г. кызылбашии нанесли Убейдуллах-хану Узбекскому тяжелое поражение при Турбет-и шейх Джам, но как только кызылбашское войско удалилось, Убейдуллах-хан снова одержал верх и занял, правда на время, Мешхед и Херат (1529 г.).

В последующие годы военные действия кызылбашей против узбекских ополчений носили пассивно-оборонительный характер. В узбекско-сефевидских войнах главным объектом борьбы был богатый Хорасан,¹ с его развитой ирригацией, плодородными оазисами и большими торговоремесленными городами (Мешхед, Херат и др.). Успехи узбеков в Хорасане иногда облегчались тем, что притеснения и вымогательства кызылбашской кочевой знати вызывали к ней ненависть со стороны населения.

В 1535 г., после народного восстания против шахской власти в Херате, узбеки заняли этот город. Уже в 1536 г. они были вытеснены из Хорасана, но походы ополчений узбекских ханов в Хорасан продолжались и в последующие годы (1543, 1549, 1550, 1556, 1560, 1567 гг. и т. д.).

Борьба с узбекскими ханствами осложнилась для шахской власти восстанием в районе Астерабада в 1550 г. туркменского племени йака, во главе которого стал знатный юноша Аба (1550 г.). Восстание это было подавлено только в 1558 г. после предательского убийства Аба. Борьба Сефевидского государства с узбекскими ханами протекала под идеологической оболочкой религиозной борьбы шиитов с суннитами.

В течение всей первой половины XVI в. (1514—1555 г.) продолжалась непрерывная война с Турцией за обладание странами Закавказья, Курдистаном и Ираком Арабским, важными в стратегическом и хозяй-

¹ В то время Хорасан включал часть Афганистана и Туркмении.

ственном отношении; через них проходили пути европейско-азиатской караванной торговли. По мере того, как военная экспансия Турции в Венгрию, Австрию и другие европейские страны встречала все возрастающее сопротивление, Турция проявляла все большую активность в попытках завоеваний в Передней Азии. Борьба Сефевидского государства с османской Турцией также происходила под оболочкой религиозной борьбы между шиитами и суннитами. Турция делала попытки, и не без успеха, опираться на суннитски настроенную часть знати в Курдистане и Ираке Арабском. Турецкий султан Сулейман I (правил в 1520—1566 гг.) в 1533 г. вторгся в Азербайджан, в 1534 г. занял Тебриз и Султанийе, потом повернул к югу на Багдад и занял его. Из Азербайджана турецкие войска были вытеснены, но Ирак Арабский так и остался за Турцией; в 1538 г. турецкие войска завладели г. Ваном и бассейном оз. Ван (Южная Армения). Восточная Грузия почти постоянно служила театром военных действий между кызылбашами и османскими турками. Сефевидское государство с его слабой центральной властью, отсталой войсковой организацией и допотопной военной техникой вынуждено было все время ограничиваться обороной.

Наступательные действия Турции были облегчены опасным для шахской власти мятежом Алкас-мирзы, родного брата шаха Тахмаспа I, назначенного им наместником (беглербегом) Ширвана после завоевания этой области (1538 г.). В 1547 г. Алкас сделал попытку отложиться и создать из Ширвана самостоятельное государство. Правда, кызылбашским эмирам удалось было добиться примирения между шахом и Алкасом. Последний обязался ежегодно отсылать 1000 туманов деньгами в шахскую казну и 1000 ширванских всадников ко двору. Но вскоре в Тебризе началась междоусобная борьба кызылбашских племен афшар и зулкадар, вызванная борьбой эмиров этих племен за должности и земли; эта междоусобица была прекращена лишь благодаря вмешательству шаха. Воспользовавшись волнениями, Алкас-мирза снова отложился в Ширване, велел чеканить монету от своего имени и читать в мечетях хутбу с поминованием своего имени; то и другое считалось правом самостоятельного государя. Дважды разбитый шахскими войсками, Алкас бежал к крымскому хану, потом в Стамбул к турецкому султану. Султан Сулейман I счел выгодным поддержать его притязания и в 1548 г. предпринял большой поход в Южный Азербайджан и занял Тебриз. Султанское войско проникло вглубь Ирана и временно заняло Исфахан. В последующие годы военные действия продолжались с переменным успехом.

В 1555 г. был заключен мир в г. Амасья (в Малой Азии), по которому Иран сохранил за собой Азербайджан, Восточную Армению и Восточную Грузию. Область г. Карса была признана нейтральной территорией; эту область решено было опустошить и совершенно обезлюдить. Западная Грузия и Западная Армения, а также Ирак Арабский остались за Турцией. Таким образом был закреплен раздел Грузии и Армении между давно уже терзавшими эти страны Османской империей и Сефевидским государством. Договором 1555 г. завершилась первая полоса осmano-сефевидских войн.

В 1559 г. сын турецкого султана Сулеймана I Баязид, возмущившийся против отца и потерпевший неудачу, искал убежище в Иране у шаха Тахмаспа I. Возможность иметь под рукою претендента на турецкий престол сулила выгоды шахскому правительству, но трусливый и корыстолюбивый шах Тахмасп предпочел продать подороже своего гостя султану Сулейману. Шах включил воинов Баязида в ряды своих ополчений, а самого изгнанника, после двухлетних переговоров, выдал турецкому султану, получив от него за это предательство 400 тысяч золотых (1561 г.).

Юго-восточными границами (в Афганистане) Сефевидское государство примыкало к владениям индо-мусульманского государства великих моголов. Кандахар и некоторые другие пункты переходили из рук в руки. В 1544 г. Тимурид Хумайюн, второй государь империи великих моголов, вытесненный из своих владений восстанием, искал убежища в Иране. Шах Тахмасп принял его благосклонно и счел выгодным поддерживать военной силой попытки Хумайюна вернуть себе власть в Индостане; за эту помощь Сефевидское государство получило Кандахар.

Установление английскими купцами морского пути в Россию через Белое море (1553 г.) и завоевание Иваном IV Грозным Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) открыли новый этап в сношениях Ирана с европейскими государствами. Последним, так же как и Ирану, казалось очень выгодным установить непосредственные торговые сношения, минуя Турцию. Освоение волго-каспийского торгового пути Россией пытались использовать в своих целях и английские купцы. Агент английской «Московской» купеческой компании Антоний Дженкинсон прибыл в Россию (1557 г.), был принят царем Иваном IV Грозным и послан им с поручениями, касавшимися укрепления торговых сношений, сперва к узбекам в Бухару (1559 г.), потом и в кызылбашский Иран (1561—1563 гг.). По пути в Иран Дженкинсон был благосклонно принят в Шемахе сефевидским беглербегом Ширвана Абдуллах-ханом, из племени устаджлу; при его содействии в Шемахе была основана английская торговая фактория, с целью, главным образом, вывоза шелка (сырца и тканей) в Англию через Россию. Дженкинсон прибыл в шахскую резиденцию Казвин и представился шаху, приняв на себя роль официального английского посла, каким он на деле не был. К несчастью для Дженкинсона, шах Тахмасп, только что получивший от султана Сулеймана крупную сумму за выдачу царевича Баязида, надеялся сохранить надолго хорошие отношения с Турцией и не проявил желания вступить с Англией и с Россией в отношения, которые могли бы быть направлены против Турции. Дженкинсон не только не добился ничего, но шах даже подумывал отослать голову англичанина в Стамбул. Однако Абдуллах-хан устаджлу, заинтересованный в вывозе ширванского шелка, не допустил этого, и благодаря его влиянию Дженкинсон, хотя и не добился соглашения с шахом, все же вернулся невредимым в Москву. Сношения английской купеческой компании с Ширваном по волго-каспийскому пути и вывоз шелка наладились было, но в начале 80-х годов XVI в. сократились, из-за новых вторжений турецких войск в прикаспийские области. В последней четверти XVI в. наладились дипломатические сношения Сефевидского государства с Россией. Заметно усилилась русско-иранская торговля.¹

В 1571 г. двор шаха Тахмаспа I посетил венецианский посланник д'Алессандри с целью заключения военного союза против Турции, которая в то время вела войну с Венецией и другими европейскими государствами и отняла у Венеции остров Кипр, на который Турция напала без объявления войны. Миссия д'Алессандри не имела успеха, — шах Тахмасп I считал мир Ирана с Турцией прочным и отверг союз с Венецией.

§ 8. Иран в конце правления шаха Тахмаспа I. Народное восстание в Гиляне

Шах Тахмасп I не был даровитым правителем, хотя, достигнув совершеннолетия, старался входить во все дела управления сам. Он отличался расчетливостью и скупостью, а вместе с тем мелочностью и недалек-

¹ О русско-иранской торговле в XVI—XVII вв. см. подробно в следующей главе.

новидностью. Без его разрешения везиры его не смели выдать никому даже 1 фельса (мелкая монета). Не заботясь о поднятии производительных сил страны, шах Тахмасп и его сановники не видели иных средств для увеличения дохода казны, кроме повышения налогов. Были введены большие надбавки (тоуфир, тафавут) к хараджу и другим налогам. Эта налоговая политика тяжело отразилась на экономике Ирана. Последние 14 лет своего правления этот шах совсем не платил жалования войску. Такими мерами он добился того, что после его смерти в его главном казнохранилище в крепости Кахкахэ (эта крепость служила также государственной тюрьмой) оказалось 380 тысяч туманов в золотой и серебряной монете, 600 золотых и серебряных слитков, весом по 3 тысячи мискалей каждый, 200 харваров шелка,¹ 30 тысяч одежд из дорогих тканей, полное вооружение на 30 тысяч всадников и т. д. Все эти сокровища лежали мертвым грузом в казнохранилище. Зато государственный доход, доходивший до 5 млн. золотых в середине XVI в. (согласно Минадои, 1558 г.), упал до 3 млн. золотых (согласно д'Алессандри, 1571 г.).

Шах был непопулярен в народных массах. Близость турецкой границы и враждебное отношение горожан Тебриза к шаху Тахмаспу I побудили его перенести свою резиденцию подальше к востоку в Казвин (1548 г.). Но и здесь он ни от кого из райятов не принимал жалоб и не любил показываться перед глазами народа. Он двадцать лет не садился на коня и одиннадцать лет не выходил из своего дворца.

В последние годы правления Тахмаспа I внутреннее положение Ирана было тяжелым. По словам д'Алессандри, дороги были небезопасны из-за нападений разбойников и междоусобий феодалов. Из-за этого важные караванные пути на запад в Алеппо (Халеб, в Сирии) и на юг к порту Ормуз были заброшены. Чиновники, не чувствовавшие над собой твердой руки центральной власти, творили, что хотели. Феодалы, в особенности кочевая знать, были полными хозяевами судеб крестьянства и городских низов. Обнищание крестьянства усиливалось из-за того, что в 1571 г. Иран посетили чума и сильный недород. В стране царил голод, местами дело доходило до людоедства. Хорасан все время подвергался нападениям узбекских ханов и их кочевых ополчений.

Положение райятов, несколько облегченное при шахе Исмаиле I, снова стало очень тяжелым к концу правления шаха Тахмаспа I. В стране происходили восстания крестьян и ремесленников. История этих народных восстаний почти не изучена. Особенно упорным было восстание в Гиляне. Экономически эта область была тогда мало связана с центральным Ираном. Шахская власть там была слаба. После усмирения возмущения Амирэ Дубаджа, хана Бийэ пас (рештского), шах отдал его владения в управление Хан-Ахмед-хану, владельцу Бийэ пиш (лахиджанскому, правившему в 1536—1568 и 1578—1592 гг.), из династии Кийя. Когда в 1568 г. шах пожелал вернуть ханство Бийэ пас Джемшид-хану, сыну Амирэ Дубаджа, возникли споры из-за разграничения земель, послужившие поводом для возмущения Хан-Ахмед-хана лахиджанского против шаха. Хан-Ахмед-хан был разбит, низложен и заключен в крепость Истахр близ Шираза. Но народные массы Гиляна упорно обороняли свою самостоятельность. В 1569 г. они собрали восемнадцатитысячное ополчение и провозгласили ханом одного из членов низложенной династии. Восстание было подавлено, наместником Гиляна назначен был седьмой сын шаха Махмуд-мирза, земли в Гиляне были разделены между эмирами племени устаджлу и других кызылбашских кочевых племен (1570 г.).

¹ Мискаль — 4,6 г. Туман — 10 тыс. динаров. Курс динара к концу XVI в. настолько упал, что 200 динаров равнялись 1 мискалю серебра. Харвар (букв. «ослиный выюк») на деле равнялся 100 манам тебризским = 295 кг.

Притеснения и насилия этих эмиров вызвали восстание «гилянское простонародье, черни, сброда и подонков», как официальные источники называют крестьян и городскую бедноту. Кызылбашские эмиры и шахские чиновники были частью перебиты, частью изгнаны (1571 г.). Вся область оказалась в руках восставших. Борьба гилянцев с шахскими войсками шла с переменным успехом, и только в 1572 г. сильное феодальное ополчение из воинов устаджу и других кызылбашских племен, посланное шахом в Гилян, смогло, наконец, подавить восстание.

§ 9. Восстание в Тебризе

Ярким показателем недовольства народных масс политической властью шаха Тахмаспа I было восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571—1573 гг. Тебриз, насчитывавший в начале XVI в. до 300 тыс. жителей, узел путей транзитной европейско-азиатской караванной торговли, ее перегрузочный пункт и центр ремесленной промышленности — шелкоткацкой, шерстоткацкой, хлопчатобумажной, сафьяновой, оружейной и т. д., оставался крупнейшим городом Сефевидского государства и после перенесения шахской резиденции в Казвин.

О тебризском восстании мы находим подробный рассказ у Хасанбека Румлу и краткое известие у историка XVII в. Искендера Мунши. Оба они проявляют классово-враждебное отношение к восстанию, но сообщают интересные факты. Об этом же движении говорит и венецианский посланник д'Алессандри. Рассказ его, лутанный и неясный, видимо, основан на тенденциозных сообщениях шахского двора.

Персидские авторы не дают полного освещения обстановки в Тебризе и непосредственной причины тебризского восстания, они говорят только, что ближайшим поводом к восстанию были притеснения тебризского правителя Аллах-кули-бека устаджу. Д'Алессандри сообщает, что в Тебризе давно происходила борьба двух группировок, из которых одна господствовала в четырех кварталах города, другая — в пяти.¹ Можно лишь предполагать, что в борьбе этих факций отразились противоречия между городской знатью (феодалами и купцами) и городскими низами.

О классовом характере восстания ясно говорят имена, какими называли участников движения Хасан Румлу и Искендер Мунши, — это «простонародье» (аджлаф), «чернь» (аджамирэ), «сброд» (рунуд) и «подонки» (оубаш), т. е. слова, которые у персидских средневековых историков обычно обозначают крестьян, ремесленников и городскую бедноту. Хасан Румлу называет в числе руководителей движения представителей ремесленников и мелких торговцев: упоминаются сукновал, сапожник, зеленщик, сын изготовителя шальвар, погонщики верблюдов. По словам д'Алессандри, активную роль в движении играл цех мясников. Кроме того, видное участие в руководстве движением принимали пехлеваны (буквально *богатыри, борцы, атлеты*, перс.). Так назывались профессиональные атлеты, выступавшие на аренах спортивных игр (зур-ханэ) перед зрителями. Пехлеваны составляли особый цех. Пехлеван Яри был главным руководителем восстания.

По рассказу историков, когда правитель (даруга) Аллах-кули-бек не хотел допустить погребения казненного им участника волнений городской бедноты в квартале Дерджуйэ, беднейшие горожане восстали. Дома правителя и знатных людей, сейидов, духовных лиц и богачей были раз-

¹ Названия этих группировок приведены у д'Алессандри в столь искаженной форме (как и все персидские имена у него), что в них можно только угадывать названия соперничавших дервишеских орденов хейдериев и ниметуллахиев, видимо, стоявших во главе факций.

громлены, их семьи подверглись насилиям. «И на каждой улице, — говорит Хасан Румлу, — кто-нибудь из того простонародья поднял знамя своей власти: пехлеван Яри в квартале Синджаран, Нашми в квартале Дерджуйэ, пехлеван Аваз на Мейдане,¹ Шереф, сын хромого Мустафы, в квартале Серв, сын изготовителя шальвар (шальвардуз) в [квартале] Мехад Махан, Ага Мухаммед в квартале Ноубар, Мирза Меликани и Гёкча в квартале погонщиков верблюдов (Шутурбанан) и Алай-и Хасан-Джан в квартале Шеш-Гилян». Вся власть в городе перешла в руки восставших.

Знатные люди и «столпы державы» не раз настаивали, чтобы шах Тахмасп I послал войско для усмирения «тебризской черни». Но шах медлил и колебался, отговариваясь тем, что ему «жаль разорять такую важную область». Настоящей причиной колебаний шаха было крайне тяжелое внутреннее состояние Сефевидского государства: войско (феодальное ополчение) много лет уже не получало жалованья и было ненадежно, а Гилян был охвачен восстанием. Поэтому шах назначил правителем Тебриза Юсуф-бека уstadжлу, считавшегося опытным и тактичным администратором, и поручил ему вступить в переговоры с восставшими. Юсуф-бек так и поступил. Ему удалось убедить старшин (кедху-дайн) городских кварталов прекратить борьбу со знатью. Соглашение было скреплено клятвами. Никто из восставших не подвергся наказанию.

Но, по-видимому, беднейшие горожане не были удовлетворены соглашением, заключенным городскими кедхулами с Юсуф-беком. Через некоторое время произошло столкновение между военными слугами Юсуф-бека и сторонниками пехлевана Яри. Пролилась кровь. После этого ряд городских кварталов снова был охвачен восстанием.

Юсуф-бек просил помощи у шаха. Авторитетные шиитские богословы составили фетву, в которой объявили избиение тебризской «черни» делом законным и соответствующим шариату. Шах приказал Сохраб-беку, сыну наследственного владельца Карадага, оказать помощь Юсуф-беку. Сохраб-бек с феодальным ополчением вступил в Тебриз и занял Сахибабадский мейдан. Юсуф-бек со своим ополчением присоединился к нему. Им обоим удалось окружить кварталы, охваченные восстанием. Видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, руководители и активные участники восстания укрылись в различных потайных убежищах. Юсуф-бек обыскал дома, открыл убежища скрывавшихся и арестовал много народа.

«И главари черни, — повествует Хасан Румлу, — были повешены, как, например, Гёкча, Нашми, Шереф, Шунджи сукновал, Хасан сапожник, Хаджжи Дераз, Шах-Али Чартак, Мирза Баба Кухи и Хусейн зеленщик (сбазэ форуш). И кроме них было казнено сто пятьдесят человек». Пехлеван Яри, пехлеван Аваз и Алай-и Хасан-Джан были также схвачены. Сохраб-бек, движимый корыстолюбием, хотел было пощадить их. Но Юсуф-бек настоял на том, чтобы и они были ему выданы и также казнены. Головы их были выставлены на тебризском Мейдане.

По рассказу Хасана Румлу, тебризское восстание было подавлено только через два года, т. е. в 1573 г. Источники не сообщают, выдвигали ли восставшие какие-либо определенные требования. Размах восстания так напугал шаха Тахмаспа, что он удовольствовался казнью 10—15 руководителей и 150 более активных участников движения и не допустил массовой расправы и разграбления города, обычных на средневековом Востоке в подобных случаях. Мало того, очевидно, дабы успокоить население огромного города и не допустить новых волнений, шах дал городу Тебризу значительные льготы. Сперва он «простил» тебризцам сбор на-

¹ Главная городская площадь.

лога с ремесла (мал-и мухтарифэ), а затем освободил город и от уплаты всех податей в диван (казну), иначе говоря, город получил привилегию налогового иммунитета (му'афи).

В последние годы правления шаха Тахмаспа I, еще до тебризского восстания, была проведена важная реформа: был отменен навсегда сбор тамги, т. е. налога с торговли (в частности, и с мелкой розничной), с ремесла и со всех городских промыслов и занятий. Тамга была впервые введена в XIII в. монгольскими завоевателями. Взимавшаяся в течение более трехсот лет тамга обогащала казну феодального государства, но наносила опрометный ущерб городской жизни. По словам анонимного венецианского купца (1514 г.), в Тебризе всякий, у кого была лавка на базаре, должен был платить ежедневно, в зависимости от своего состояния и дохода, от двух аспр до одного дуката (золотая монета). Это и была тамга. Она взималась независимо от ввозных и вывозных пошлин (бадж), которые взыскивались с мусульман в размере 5% стоимости товаров, а с христиан, евреев и прочих иноверцев — 10%.

Отмена тамги в указе шаха Тахмаспа I была объяснена указанием «свыше», полученным шахом во время вещего сна. Истинной же причиной отмены тамги был упадок городской жизни во второй половине XVI в., принявший угрожающие размеры. Шахское правительство оказалось вынужденным облегчить положение горожан и отменить разорительную и ненавистную всем тамгу. С тех пор тамга больше не восставлялась. Вместо нее был введен сравнительно небольшой налог с ремесла (мал-и мухтарифэ). Ввозные, вывозные и транзитные пошлины (бадж) были сохранены.

§ 10. Иран при преемниках Тахмаспа I

Смерть шаха Тахмаспа I (1576) вызвала смятение среди кызылбашской знати и высшего шиитского духовенства. По словам историка Хасанбека Румлу, сейиды, казии и улемы дрожали за свою жизнь, опасаясь «подонков и черни» (рунуд ва оубаш), т. е. народного восстания. Тахмасп оставил двенадцать сыновей, из которых каждый, по кызылбашскому обычаю, имел «воспитателя» — «лялэ» среди феодальной знати одного из кызылбашских кочевых племен и считался «воспитанником» данного племени. Эмиры племени устаджлу провозгласили шахом своего «воспитанника» Хейдер-мирзу, пятого сына Тахмаспа, поддержанного также грузинской гвардией дворца. Но эмиры племен афшар, каджар, румлу, варсак и др. не признали Хейдер-мирзу. В Казвине произошла кровавая резня, во время которой Хейдер был убит. Эмиры племени афшар добились возведения на престол своего «воспитанника» Исмаил-мирзы, которого подозрительный отец, шах Тахмасп I, в течение двадцати лет держал в заключении в крепости Кахкахэ.

Шах Исмаил II (правил в 1576—1577 г.), неспособный и жестокий правитель, пытался укрепить свою власть массовыми казнями и, в частности, убийством своих шести братьев, проживавших в Казвине. Он разослал также приказы об умерщвлении и остальных родичей, находившихся в областях. Но эти приказы не были приведены полностью в исполнение, так как Исмаил II внезапно умер, приняв слишком сильную дозу опиума, в доме своего халваджы-баши (начальника дворцовых кондитеров), быть может, отравленный им. По другим данным, Исмаил II был убит в гареме заговорщиками, переодетыми в женское платье. «Высокий совет» (диван-и'али) эмиров и знати решил провозгласить шахом старшего сына Тахмаспа I, Султан Мухаммеда, по прозванию Худабендэ («раб божий»), который раньше не считался претендентом на престол из-за болезни глаз. Шах Султан Мухаммед Худабендэ (правил в 1577—

1587 г.), безвольный ханжа, был орудием в руках своей жены Махд-и Ульйэ, матери его двух сыновей Хамзэ и Аббаса, опиравшейся на иранскую оседлую чиновную знать и пытавшейся при ее помощи вести политику укрепления центральной власти. За это она была убита позже по наущению недовольных ею кызылбашских кочевых эмиров. Шах Мухаммед вынужден был сразу заплатить войску жалованье за четырнадцать лет.

В 1578 г. Турция возобновила войну с Ираном. Одной из задач Турции на этот раз был захват стран Закавказья и западного каспийского побережья, отчасти для того, чтобы овладеть волго-каспийским путем, превратившимся в важную торговую артерию. Еще турецкий султан Селим II (правил в 1566—1574 гг.) пытался соединить Дон и Волгу каналом (1568 г.) и при помощи крымского хана предпринять поход на Астрахань (1569), но эти попытки потерпели неудачу. Тогда правительство султана Мурада III (правил в 1574—1595 гг.) решило овладеть странами Закавказья. В 1578 г. турецкие войска, восстановив, вопреки договору 1555 г., цитадель г. Карса, вторглись в Восточную Грузию, Восточную Армению и Азербайджан, сея повсюду смерть и разрушение. Их продвижение было остановлено Хамзэ-мирзой, способным и смелым наследником престола, войска которого одержали две блестящие победы над турками в Южном Азербайджане. Но турецкие войска были поддержаны частью курдской суннитской знати. Хамзэ-мирза был убит в результате заговора кызылбашской кочевой знати. В 1585—1588 г. турки овладели всем Северным и Южным Азербайджаном, овладели и Тебризом и разорили его вконец.

Между тем, в Хорасане еще в начале правления шаха Мухаммеда восстали кызылбашские племена устаджлу и шамлу. Номинальным заместником Хорасана считался младший сын шаха Мухаммеда, Аббас-мирза, родившийся в 1571 г. Его «воспитатель» (лялэ) Али-кули-хан шамлу в союзе с Муршид-кули-ханом устаджлу, оба поддержанные своими племенами, решили провозгласить шахом Аббас-мирзу (1581 г.), дабы самим управлять от имени мальчика. Еще в 1578 г. они отказались вернуть ребенка отцу и матери под предлогом того, что во дворце их «воспитаннику» якобы угрожает опасность, а позднее, после долгих переговоров, начали открытую войну с шахом Мухаммедом. Узнав об убийстве Хамзэ-мирзы, единственного сильного противника, оба хана пошли на Казвин и заняли его (1587 г.). Шах Мухаммед, занятый в то время подавлением народного восстания в Фарсе, был покинут своим войском. Вскоре после того он умер.

§ 11. Итоги периода

К концу 80-х годов XVI в. Иран переживал серьезный экономический упадок, главным образом благодаря налоговой политике шахского правительства и росту размеров феодальной ренты. Положение Сефевидского государства, осложненное народными восстаниями, феодальными междоусобиями и неудачной войной с Турцией и узбекскими ханствами, было исключительно опасным и тяжелым.

ГЛАВА VIII

ИРАН В XVII в.

§ 1. Общая характеристика периода

В экономике Ирана с начала XVII в. до 90-х годов заметен определенный подъем как в земледелии, так и в городской жизни: значительно выросло товарное производство, товарно-денежные отношения, торговля, в частности внешняя торговля, усилилась роль города, как центра торговли и ремесленного производства, расширился внутренний рынок. Обратной стороной развития товарного производства и роста денежных отношений в условиях господства феодализма был рост размеров феодальной ренты и налогов, развитие ростовщичества, обнищание крестьянства. Этому процессу способствовали те черты отставания, которые наметились в сельском хозяйстве Ирана еще с XIII в. Все это вместе привело к концу XVII в. к победе реакционной тенденции развития, и феодальное общество Ирана с конца XVII в. вступило в полосу загнивания и упадка.

С XVII в. история стран Востока определялась не только внутренними факторами, но и в некоторой мере влиянием европейских стран, особенно тех, в которых уже произошли буржуазные революции (Англия и Голландия), или тех, в которых в феодальном обществе сложился капиталистический уклад (Франция и др.). Начиная с XVII в., страны Востока становятся источником первоначального накопления для европейских стран. И хотя ни в XVII в., ни в XVIII в. Иран еще не превратился в зависимую страну или полуколонию, однако отставание Ирана от европейских стран в социально-экономическом отношении становилось все более и более заметным.

§ 2. Основные источники по истории периода

Исторических сочинений на персидском языке по истории Ирана XVII в. имеется много (свыше 25, не считая трудов по истории отдельных областей и сочинений типа «всеобщей истории», в которых истории Ирана уделялось лишь одно из мест, наряду с историей других мусульманских стран). Большая часть этих трудов не издана, не переведена и мало исследована. В данной главе отмечены лишь наиболее важные источники.

Самым замечательным из историков данного времени был *Искендер-бек Туркеман*, по прозванию Мунши (секретарь), родом из азербайджанского кочевого племени туркеман. Он родился в 1560 г., умер после 1633 г., служил сперва в гвардии, потом в центральном аппарате правительства шаха Аббаса I. Пользуясь доступом к государственным архи-

вам и являясь очевидцем и участником ряда политических событий, Искендер Мунши в 1629 г. составил историю правления шаха Аббаса, под заглавием «Тарих-и алем арай-и Аббаси» («Мироукрашающая история Аббасова»). Этот огромный труд состоит из: а) введения (мукаддама), в котором компилятивно, на основании первоисточников XVI в. (Хасана Румлу и др.) изложена история Ирана при первых Сефевидях до 1571 г. н. э.; б) отдела (сахифэ) первого, где подробно изложена история Ирана от 1571 до 1587 г., т. е. от рождения Аббаса I до вступления его на престол; в) отдела второго, состоящего из двух частей (максад), первая из которых описывает события первых тридцати лет правления шаха Аббаса I (1587—1616 гг.), а вторая — события периода с 1616 до начала 1629 гг., т. е. до смерти шаха Аббаса I. Кроме введения, весь труд является источником первоклассной ценности для истории Ирана последней трети XVI в. и первой трети XVII в. Труд сохранился в большом количестве рукописей.¹ Имеется тегеранское литографированное издание.² Научно-критическое издание текста вышло в Тегеране в 1956 г. Переводов персидского текста нет. Литература об этом труде не велика, и он все еще мало использован исследователями.

По традиции, в труде Искендера Мунши первое место занимает военная история. Но много места уделено внутреннему управлению, финансам и налоговым мероприятиям. В разных местах труда содержится много сведений о категориях земельной собственности, о кочевых племенах и их эмирах, о феодальной раздробленности и о местных феодальных владетелях и т. д. В труде отведено много места местной истории отдельных областей и народным движениям, к которым автор проявляет классово враждебное отношение.

Труд Искендера Мунши получил общее признание еще при жизни автора, и он получил официальное предложение написать продолжение «Тарих-и алем арай». Начав этот труд, Искендер Мунши довел изложение до 1633/4 г. н. э.; дальнейшая работа была прервана его смертью. Этот неоконченный труд — «Зейл-и тарих-и алем арай-и Аббаси» имеется в критическом издании персидского ученого Сухейли Хансари.³

Из других трудов по истории Ирана времени правления шаха Аббаса I имеют большое значение: труд мунаджжима (астролога) *Джелал-ад-дина Мухаммеда Йезди* «Тарих-и Аббаси» («Аббасова история»), охватывающий время с 1571 до 1611 г. н. э.,⁴ и труд *Мирза-бека Джунабади* «Раузат ас-Сефевийэ» («Сад Сефевидов») — история Ирана от начала правления Сефевидов до смерти шаха Аббаса I.⁵ Оба труда не изданы.

Мухаммед Ма'сум ибн Ходжаги Исфাহани составил историю правления шаха Сефи (1629—1642 гг.). Известны всего две рукописи этого труда.⁶ Они не изданы.

Мухаммед Тахир Вахид, придворный историограф шаха Аббаса II, составил хронику его царствования, доведенную до 1656 г. под загла-

¹ Перечень рукописей см. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 310—312. Есть ряд рукописей в хранилищах Ленинграда и Ташкента. Между рукописями значительные расхождения в отдельных частях.

² 1314 г. х. = 1896/7 г. н. э. — Между литографированным изданием и рукописями значительные расхождения в отдельных местах текста.

³ Тегеран, 1317 г. х. солн. (1938 г. н. э.).

⁴ Труд сохранился в немногих списках, все за границей; в СССР рукописей нет.

⁵ Известно всего несколько рукописей этого труда. Одна из них имеется в СССР — в Ташкенте (ИБ АН УзССР).

⁶ В Лейдене и Ленинграде (в Ленинградской Публичной библиотеке, коллекция Дорна). — В Ленинградской рукописи труд Мухаммеда Ма'сума объединен под общим заглавием «Хуласат ас-сийяр» («Экстракт жизнеописаний») с упомянутым выше продолжением «Тарих-и алем арай-и Аббаси» Искендера Мунши.

вием «Тарих-и шах Аббас-и Сани» («История шаха Аббаса Второго»).¹ Труд написан цветистым языком; изложение очень подробное. Главное внимание автора направлено на описание придворной жизни, сражений и т. д., но в разных местах труда разбросано много интересного материала относительно земельных пожалований, налоговой политики и т. д., а также по локальной истории отдельных областей. Труд этот приобрел известность в Иране, сохранился в значительном числе рукописей,² не издан.

Мухаммед Юсуф Казвини Валих, брат предыдущего, составитель шахской корреспонденции, был автором громадного труда по «всеобщей истории» — «Хульд-и барин» («Рай»). Труд состоит из восьми томов («роузэ» — «сад»), из которых последний содержит историю Ирана три Сефевидов. Труд доведен до 1667/8 г. н. э. Рукописей этого труда в СССР нет. Нет и полного издания текста, лишь в 1938 г. персидский историк Сухейли Хансари опубликовал часть шестую тома VIII труда Мухаммеда Юсуфа,³ содержащую окончание истории правления шаха Сефи (с 1634 до 1642 г. н. э.).

Шейх Хусейн ибн шейх Абдал Захиди, потомок суфийско-дервишеского шейха Захида Гиляни (умер в 1300 г.), учителя шейха Сефи-ад-дина, предка династии Сефевидов, составил уже к старости, в правление шаха Сулеймана (1666—1694 гг.), биографию шейха Сефи-ад-дина и генеалогию Сефевидов, под арабским заглавием «Сильсилат ан-насаб-и Сефевийэ» («Родословная фамилии Сефевидов»). Биографические данные о шейхе Сефи-ад-дине взяты из жития этого шейха «Сафрат ас-сефа» («Чистота чистоты»), составленного дервишем *Ибн Баззасом*⁴ во второй половине XIV в., и из прочих источников. Главная ценность «Сильсилат ан-насаб» заключается в приведенных там копиях жалованных грамот 1488—1600 гг. н. э., относящихся к земельной собственности и налоговой системе, а также к хозяйственной деятельности отца автора, шейха Абдала Захиди, бывшего в начале XVII в. мутаваллием (попечителем) вакфных имений ардебильской мечети Сефевидов. Труд этот известен в немногих рукописях.⁵ Есть критическое издание персидского текста.⁶

Для второй половины XVII в. — начала XVIII в. важен большой труд *Мухаммеда Мухсина* «Зубдат-ат-таварих» («Сливки летописей»), донныне не изданный. В хранилищах СССР рукописей этого труда не имеется. Труд этот служил главным источником для известной «Истории Персии» английского историка начала XIX в. Малькольма.

Все перечисленные авторы придерживались просефевидской политической ориентации и, в большей или меньшей мере, официальной шиитской идеологии.

Из сочинений XVII в. по истории отдельных областей наибольшую ценность представляет труд *Абд-ал-Фаттаха Фумени*, состоявшего на шахской службе в Гиляне и составившего «Тарих-и Гилян» — труд по истории Гиляна с 1517 до 1629 г. Труд этот содержит много подробностей по местной истории Гиляна, в частности по феодальным отношениям. Очень интересны сообщения Фумени о положении крестьян на

¹ Известна также под заглавиями «Аббас-намэ» и «Тарих-и Тахир-и Вахид».

² Перечень рукописей см. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 315—316. Прекрасный список, возможно автограф, хранится в Ленинградской Публичной библиотеке (коллекция Дорна).

³ В одной книге с упомянутым выше продолжением «Тарих-и алем арай-и Аббаси».

⁴ См. о нем в § 2 главы VII.

⁵ Перечень рукописей см. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 318. Одна рукопись хранится в Ленинградской Публичной библиотеке (коллекция Ханыкова).

⁶ Публикация в серии «Ираншехр», Берлин, 1343 г. х. (1924 г. н. э.).

землях шахской фамилии и о народных движениях. Особенно важен подробный экскурс о народном восстании в Гиляне в 1629 г. Автор — сторонник Сефевидов о народных движениях говорит в крайне враждебном тоне, но приводит много интересного фактического материала о них. Персидский текст труда Фумени издан акад. Б. Дорном.¹

В недавние годы в круг научного исследования вошел недоступный ранее персидский источник с арабским заглавием «Тазкират ал-мулук» («Памятная записка для царей»). Это — общий обзор сефевидской администрации, составленный неизвестным автором из высших гражданских сановников Ирана. Хотя этот труд написан в 1725 г., он является источником по внутренней истории Ирана главным образом XVII в. Единственная рукопись этого труда, хранившаяся в султанской библиотеке в Стамбуле, была после первой мировой войны изъята английскими оккупационными властями, как трофей и передана в Британский Музей.²

«Тазкират-ал-мулук» состоит из пяти глав: 1) о духовных сановниках, 2) об эмирах (о военной знати), 3) о мукаррабах (придворных сановниках); 4) о финансовых чиновниках, с экскурсами о придворных ведомствах и дворцовых ремесленных мастерских и о штате ведомства великого везира, 5) об администрации столичного города Исфахана. Кроме того, в Заключении приведены сведения о жаловании и доходах с земель сановников центральной администрации, о доходах и контингентах феодальных ополчений наместников (беглербегов) областей и местных феодальных владетелей, о приходном и расходном бюджете Сефевидского государства. Ценность этого источника в том, что он дает достаточно цельное представление о государственном аппарате и отдельных его звеньях, а также о финансах державы Сефевидов. Приведен обильный цифровой материал. Труд составлен на основании официальных документов и архивов и по личным воспоминаниям автора.

Помимо нарративных (повествовательных) источников, по истории Ирана XVII, а также XVIII вв., сохранилось немало и документальных источников (архивные материалы, шахские фирманы и другие официальные документы).

Из отдельных сборников официальных документов XVII в. отметим сборник «Маджма'-ал-инша» («Собрание писем»),³ составленный при шахе Аббасе II Хейдер-беком Ивоглы, церемониймейстером (эшыкагасы) двора шаха Аббаса I. Сборник состоит из двух томов (джуз): первый содержит письма, жалованные грамоты и прочие документы государей XI—XVI вв. н. э., второй — такие же документы времени первых семи Сефевидов. Сборник не издан, сохранился в немногих рукописях. В хранилищах СССР рукописей этого сборника нет.

Богатые коллекции персоязычных сефевидских официальных документов (шахских ферманов, жалованных грамот, купчих, прошений на имя шаха и т. д.) находятся в Государственном хранилище Армянской ССР «Матенадаран» в г. Ереване и в Государственном музее Грузинской ССР в г. Тбилиси.⁴ Отдельные персоязычные официальные документы находятся в архивохранилищах Ташкента, Баку, Тбилиси и других городов СССР.

¹ В серии «Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstländer des Kaspischen Meeres», ч. III, СПб., 1858.

² Tadhkirat al-muluk (в двух томах: ч. I — персидский текст в фотокопии рукописи, ч. II — английский перевод, с введением, обширным комментарием и приложениями В. Ф. Минорского) в «Серии памяти Гибба (Gibb memorial series), новая серия, т. XVI, Кембридж, 1943.

³ См. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 317.

⁴ Часть сефевидских документов Музея Грузинской ССР издана М. Н. Хубау (Тбилиси, 1953).

Для истории Сефевидского государства и Ирана XVII в. имеют значение также армянские нарративные (повествовательные) источники. Из них особенно ценен обширный труд эчмиадзинского ученого монаха *Аракела Тебризского (Даврэжаца)* «Гирк патмутянц» («Книги историй»), законченный в 1662 г. В основном труд посвящен истории армянского народа под властью Сефевидов с 1601 до 1662 г., с обширными экскурсами по истории сопредельных стран, в частности Азербайджана и Ирака Персидского. Автор сообщает много фактов социально-экономического порядка, а также данных о налоговой системе как сефевидской, так и османо-турецкой. В этом, а также в независимости изложения от официальной сефевидской точки зрения на события и заключается ценность данного источника. Следует отметить точность сведений Аракела Тебризского; в ряде случаев известия Аракела вполне совпадают с известиями Искендера Мунши, хотя оба автора не знали друг друга. О многом Аракел пишет как очевидец, а к известиям, слышанным от других лиц, он относится осторожно и критически.

Благодаря широким связям армянского Эчмиадзинского монастыря с европейскими армянскими колониями, труд Аракела Тебризского уже в 1669 г. был напечатан по-армянски в Амстердаме. Есть также французский перевод акад. М. Броссе.¹

В связи с расширением дипломатических и торговых связей Ирана с европейскими странами от XVII в. сохранилось очень много записок европейских путешественников, купцов, дипломатов и христианских (католических) миссионеров, побывавших в Иране и сопредельных странах. Эти записки дают в общем обширный материал, касающийся состояния земледелия, аграрных отношений, феодальных повинностей крестьян, особенно описания городов, товарного производства и торговли, а также сефевидской администрации, наконец религии, быта и обычаев населения Ирана. Наиболее содержательные записки составили: итальянец *Пьетро делла Валле* (1617—1627 гг.),² англичанин сэр *Томас Херберт* (1627—1629), немцы *Адам Олеарий* (1636—1638 гг.)³ и *Энгельберт Кемпфер* (1684 и след. гг.),⁴ французы — купец *Тавернье* (J. B. Tavernier, 40-е—60-е гг. XVII в.), купец *Жан Шарден* (J. Chardin, 1664—1670 и 1671—1677 гг.),⁵ католические монахи — миссионеры *Рафаэль дю Ман* (Raphael du Mans, пробыл в Иране свыше 50 лет, 1645—1696 гг.) и *П. Сансон* (P. Sanson, 1683—1691 гг.). Из русских путешественников наибольшее значение имеет записка купца *А. Ф. Котова* «О ходу в Персидское царство» (1623 г.), а также донесения русских дипломатов XVII в. Все эти записки изданы.

Ценность сообщений европейских путешественников не одинакова — различие культурного уровня и интересов путешественников отражалось на их описаниях. Образованные европейцы-путешественники нередко применяли мерки и трафареты европейских общественных отношений и европейской культуры к Ирану. Записки миссионеров, да и не одних только миссионеров, не свободны от тенденциозно-пренебрежительного отношения к учреждениям, культуре и быту Ирана. Одни из путешественников довольно хорошо владели персидским языком (например, Кемпфер, Рафаэль дю Ман), другие даже пользовались персидскими

¹ В сборнике переводов армянских историков М. Brosset, *Colléctions d'histoires Arméniens*, т. I, СПб., 1874.

² Даты здесь и ниже означают годы пребывания в Иране.

³ «Путешествие в Московию и Персию». Имеется полный русский перевод И. Барсова, М., 1870.

⁴ На латинском языке: *Amoenitates exoticae*, изд. 1712 г.

⁵ Лучшее издание L. Langles, Париж, 1811 (в 10 томах с альбомом рисунков in folio).

письменными источниками (Шарден). Их записки приводят подробные данные об экономике и общественном строе Ирана XVII в. и наиболее ценны для нас. Важные сведения дает Олеарий.

Некоторые описания Ирана XVII в. представляют компиляции из записок разных авторов и путешественников. Такое описание «Персидского царства» составил голландец *де Лет* (de Laet).¹ Особое место занимает описание Ирана, составленное по-испански *дон Хуаном Персидским*. Так прозвали азербайджанца Урудж-бека, из кызылбашского племени байят, прибывшего в Испанию в 1599 г. в качестве секретаря иранского (сефевидского) посольства. Он принял христианство и пожелал навсегда остаться в Испании. Составив свое описание Ирана для европейских читателей, дон Хуан Персидский использовал не только свои собственные знания и записи, но и европейские источники (записки дипломатов и путешественников).²

§ 3. Состояние Ирана в начале правления шаха Аббаса I

В начале правления шаха Аббаса I (правил в 1587—1629 гг.) внутреннее положение Ирана, как и внешнеполитическая обстановка, были исключительно тяжелыми. Войска узбекского государства Мавераннахра овладели всем Хорасаном, с городами Мервом, Хератом, Мешхедом и Нишапуром (1587—1588 гг.). Восточная Армения, Азербайджан и западная окраина Ирана были заняты турецкими (османскими) войсками. Население было разорено войнами и массами угонялось османами в рабство. Религиозный фанатизм давал оправдание грабительским приемам войск турецкого султана: хотя шариатом обращение мусульман в рабство, даже и во время войны, строго запрещалось, турецкое суннитское духовенство объявило дозволенным обращать в рабство и продавать «нечестивых» шиитов. Потому-то при взятии турками Тебриза даже местные сейиды были угнаны в рабство и проданы «франкским» и еврейским купцам в Стамбуле.

Внутри страны происходили междоусобная борьба феодальных кланов и народных восстания. Как сказано в предыдущей главе, шаха Аббаса I возвела на престол одна из кланов кызылбашской военно-кочевой знати во главе с Муршид-кули-ханом, главою племени устаджлу, и Али-кули-ханом, главою племени шамлу. Оба хана рассчитывали сделать юного шаха (ему было только 17 лет) орудием достижения своих целей. Затем между прежними союзниками началась борьба за власть. Муршид-кули-хан одолел. Но вскоре шах Аббас отделался от стеснительной опеки Муршид-кули-хана путем убийства. Тогда же шах Аббас стал опираться на ту группировку класса феодалов, которая одна лишь была заинтересована в существовании сильной центральной власти — на гражданских чиновников (бюрократию), почти сплошь персов. Опираясь на них, шах отдавал предпочтение иранскому оседлому элементу перед азербайджанским кочевым элементом.

Правительство шаха Аббаса I предложило правительству России начать совместные военные действия против Турции, дабы вырвать из ее рук недавно захваченное ею кавказское побережье Каспийского моря и богатый шелководческий Ширван. За военную помощь Сефевидскому государству против Турции посол шаха Аббаса I Хади-бек³ обещал уступить России города Дербенд и Баку с их районами. Правитель-

¹ De Laet. Persia seu regni Persici status, Лейден, 1633 (на латинском языке).

² Relaciones de don Juan de Persia, Вальядолид, 1604. — Есть новый английский перевод Ле Стренджа (1926).

³ В русских официальных документах: Анди-бек.

ство царя Федора Ивановича добивалось формального подтверждения этой уступки. Посол шаха Аббаса долго уклонялся от этого, ограничиваясь устными обещаниями, наконец, получил от шаха полномочия дать письменное обязательство. Но Россия, ослабленная долгой ливонской войной и находясь под угрозой войны со Швецией, Польшей и крымским ханом, не могла развернуть большую войну против столь сильной военной державы, какой была тогда Османская империя, и вынуждена была ограничиться военными действиями местного значения у рубежей Дагестана.

В 1590 г. Сефевидское государство вынуждено было заключить тяжелый для него мир с османской Турцией, уступив ей Восточную Грузию, Восточную Армению, Курдистан, весь Северный и Южный Азербайджан (кроме Ардебиля и Талыша) и часть Луристана.

Еще раньше в ряде областей вспыхнули восстания местных феодальных владетелей, которые иногда были поддержаны и народными массами, страдавшими от тяжести налогов, установленных центральным правительством в 70—80-х годах XVI в.: по свидетельству Искендера Мунши, размеры некоторых налогов возросли в пять раз.

В 1588 г. восстал Шах-верди-хан, владетель Луристана, в 1589 г. в Хорасане возмутился и пытался овладеть Систаном родственник шаха царевич Рустам-мирза. В Фарсе восстало кызылбашское кочевое племя зулькадар, в Кермане — кызылбашское племя афшар. Эти восстания были подавлены. В Исфахане поднял восстание местный правитель Юли-бек; шаху не удалось взять цитадель и пришлось пойти на соглашение с Юли-беком (1590 г.).

В Гиляне Хан-Ахмед-хан лахиджанский, бывший владетель Гиляна Бийэ-пиш, восстановленный в своих владениях шахом Мухаммедом Худабенде, вступил в переговоры с Турцией, а затем и открыто отложился от Сефевидов (1590 г.). Он был разбит шахскими войсками и бежал (1592 г.). Шах обратил Гилян в свой собственный домен (хассэ). Связанное с этим повышение налогов вызвало восстание «гилянской черни», т. е. народных масс, которое шахские войска подавили с большим трудом (1593 г.).

В том же году были подавлены народные восстания в Талыше и Луристане, в 1596 г. восстание сейида Мубарека в Арабистане. После того шах Аббас предпринял поход в Мазендеран и, низложив четыре династии местных владетелей, обратил эту область в свой собственный домен (1596 г.). Подавление восстаний производилось Аббасом I с большой жестокостью: в Гиляне, например, было вырезано поголовно племя джик, позднее такая же участь постигла курдское племя мукри, кызылбашское племя текелю.

§ 4. Реформы шаха Аббаса I

Правительство шаха Аббаса I использовало мир с Турцией как необходимую передышку для борьбы с узбеками и проведения некоторых реформ. Войско Аббаса I одержало успехи в войне с узбеками Мавераннахра, отвоевав у них весь Хорасан с гг. Нишапуром, Мешхедом, Хератом и Мервом (1597 г.).

Правительство шаха Аббаса, опиравшееся, как сказано, на гражданскую бюрократию, понимало, что причины успехов турецких войск коренились отчасти в превосходстве их военной организации и в отсталости войсковой организации Сефевидской державы. Турция, наряду с феодальным ополчением, имела и постоянное войско, в частности, прекрасную артиллерию и янычарскую пехоту; войско Сефевидов, кроме гвардейского корпуса конных лучников (курчиев), составлялось из конных

ополчений кочевников, сохранявших свою племенную организацию и нередко выступавших в поход с семьями и стадами, и отчасти из ополчений местных феодалов. Как курчии (6 тыс. человек), так и воины феодального ополчения (мулазимы) в большинстве своем были кочевники-кызылбашы.¹ Все кызылбашские племена (в конце XVI в. их было 15) насчитывали до 200 тыс. военнообязанных, но в войске больше 60 тыс. кызылбашей никогда не было. На это количество государство и отпускало жалование. Вдобавок кызылбашские племенные ополчения часто оказывались непокорными.

Шахское правительство предприняло реорганизацию войска, поручив ее знаменитому впоследствии полководцу Аллах-верди-хану и предприимчивым английским авантюристам братьям Антонию и Роберту Шерли, прибывшим в Кавказ в 1598 г. и поступившим на службу к шаху. Английские буржуазные исследователи, основываясь на сообщениях самих братьев Шерли, преувеличивают их роль в военной реформе шаха Аббаса. Судя по персидским источникам, братья Шерли играли здесь очень скромную, чисто техническую роль. Было создано постоянное войско, в составе которого были двенадцатитысячный корпус мушкетеров (туфенгчиев) и десяти тысячный конный корпус гулямов; гулямов в подражание янычарам Турции вербовали впоследствии из грузинских и армянских юношей, воспитанных в Иране и принудительно обращенных в ислам; были заведены артиллерийский парк (топханэ) и артиллерийские части (топчи-пушкари). Туфенгчии и топчи вербовались из персов по специальным наборам.

Благодаря английскому буржуазному историку Малькольму, который пользовался сообщением источника первой половины XVIII в. — «Зубдат-ат-таварих» Мухаммеда Мухсина, в исторической литературе надолго утвердилось мнение, будто шах Аббас I официально уничтожил организацию кызылбашских племен, а вместо нее создал новую военную организацию — шахсевенов («любящих шаха»), в которую могли вступать выходцы из разных кочевых племен. Сейчас можно считать установленным, что это сообщение — легенда, созданная позднее. Источники времени шаха Аббаса I (Искендер Мунши и др.) ничего не говорят о подобных мероприятиях шаха Аббаса. Напротив, из сообщений Искендера Мунши и других авторов видно, что объединение кызылбашских племен продолжало существовать.² Только одно из кызылбашских племен — племя текелю, часто поднимавшее мятежи, было почти поголовно вырезано, согласно указу шаха (1596 г.), и перестало существовать. Но число мулазимов из кызылбашских племен, получавших жалование из казны, было сокращено до 30 тыс. Всего при шахе Аббасе I в войске числилось до 120 тыс. человек: 44 тыс. человек постоянного войска (журчии, туфенгчии, топчии и гулямы; при преемниках шаха Аббаса I число постоянного войска было сильно сокращено) и 75 тыс. феодального ополчения (30 тыс. кызылбашей, остальное — ополчение туркменских, курдских, лурских и других кочевых племен и оседлых иранских феодальных владетелей).

Согласно источникам, шахсевеном при шахе Аббасе I называли всякого, кто добровольно поступал на службу к шаху. Только позднее, во второй половине XVII в., шахсевенами стали называть привилегиро-

¹ Позже курчиями обычно называли всех воинов из кызылбашских племен.

² По списку 1629 г., приведенному у Искендера Мунши, кызылбашские племена поименованы в следующем порядке: шамлу, уstadжлу, зулкадар, кадждар, афшар, туркеман, асирлу, румлу, карадаглу, байят, талыш, алпаут, джагирлу, казахлу, бай-бурду. Во главе этих племен стояли 35 эмиров (ханов и султанов). Талыши были единственным иранским «племенем» (на самом деле народностью), допущенным в объединение кызылбашских племен еще в XVI в.

ванную корпорацию, составленную из частей тех же кызылбашских племен.

Военная реформа шаха Аббаса I имела не только организационно-техническое, но и политическое значение. Мощь и влияние кочевых кызылбашских племен, доставлявших своими притязаниями и междоусобиями столько затруднений шахской власти, была если и не уничтожена, то основательно подорвана. Создание кадров постоянного войска уменьшило значение феодальных ополчений и ослабило политическую роль военной знати кочевых феодалов кызылбашских и иных тюркских племен.

Вместе с тем при шахе Аббасе I была укреплена центральная власть и усилилась роль гражданской бюрократии, кадры которой составлялись в основном не из тюрков, а из иранцев. Вообще, со времени шаха Аббаса I иранский элемент начинает играть гораздо более важную роль в управлении государством, хотя и роль тюркского кочевого элемента все еще оставалась значительной, особенно в войске. Языком войска и двора остался тюркский (азербайджанский) язык; названия военных и придворных чинов также остались тюркские. В лице гвардейцев-гулямов усилилась роль также грузинского элемента. Шах Аббас I перенес столицу в г. Исфахан в центральном Иране (1598 г.), что также способствовало усилению хозяйственного и политического значения иранских областей в системе государства Сефевидов. Центральной областью Сефевидского государства был теперь уже не Азербайджан, а внутренний Иран.

§ 5. Внешняя политика Сефевидского государства при Аббасе I

Готовясь к новой войне с Турцией, шах Аббас I позаботился об установлении политических связей с европейскими государствами, враждебными Турции. Еще в 1602 г. в Иран прибыли послы германского императора Рудольфа II (Какаш и Тектандер) и посол короля Испании и Португалии Филиппа III (Гувеа). Аббас I отправил Антония Шерли и Хусейн-Али-бека послами в Европу, поручив им посетить дворы московский (русский), германский императорский, римский папский и испанский.

В 1603 г. Аббас I начал войну с Турцией; в этой войне впервые за целое столетие государство Сефевидов наступало, а Турция оборонялась. В 1603 г. был взят Тебриз. Особенно успешным был период между 1603 и 1607 г., когда Луристан и часть Курдистана, Азербайджан, Восточная Армения и Восточная Грузия были вновь завоеваны иранскими войсками. Особенно отличились в эту кампанию войска Аллах-верди-хана. Победа Сефевидского государства была следствием не только военной реформы Аббаса I, но и тяжелого внутривнутриполитического состояния Турецкого государства. Его мощь была подорвана хозяйственным упадком, военными неудачами в Европе, феодальными междоусобиями и большим восстанием так называемых джелалиев в Малой Азии, в котором приняла участие крестьянская масса. Турецкое войско было настолько деморализовано, что отдельные части его переходили на службу к шаху Аббасу. По миру в Стамбуле 1612 г. Сефевидское государство сохранило свои завоевания, но шах обязывался посылать ежегодно по 200 харваров (59 тыс. кг) шелка-сырца турецкому султану как бы в виде компенсации за утрату Турцией шелководческих районов.

В 1616 г. сефевидско-османская война возобновилась, но Турция не добилась успеха, и в 1618 г. был заключен мир в Сараве (в Южном Азербайджане), подтвердивший условия стамбульского мира, только размер ежегодного взноса шелком турецкому султану был понижен до

100 харваров (29 тыс. кг). В 1623 г. война возобновилась. Шах Аббас I, воспользовавшись мятежом Бекира-субашы в Багдаде против турецкого султана Мустафы I, осадил и взял Багдад и занял весь Ирак Арабский (1623—1624 гг.). При этом были присоединены гг. Мосул и Басра и священные для шиитов места Неджеф и Кербела с гробницами имамов Али и Хусейна.

Шах Аббас I не раз требовал через своих послов от «великого могола» Индии Джехангира возвращения занятого его войсками важного г. Кандахара, но не добился ничего. Саравский мир с Турцией и укрепление мирных отношений с узбекскими ханами Мавераннахра (Бухары) позволило Аббасу предпринять поход на восток и завоевать Кандахар (1622 г.).

Шах Аббас вел войну также с португальцами. На толом острове Ормуз (правильнее Хормуз) в Персидском заливе, против иранского порта Гомбруна, находилась знаменитая гавань, служившая в начале XIV в. складочным местом и биржей транзитной караванно-морской торговли с Индией, отчасти с Китаем, Аравией и странами Европы. Еще в 1507 г. португальцы, открывшие незадолго до того морской путь в Индию вокруг Африки, завладели Ормузом и отклонили требование шаха Исмаила I об уплате ему дани, но затем потеряли остров. В 1515 г. адмирал Альфонсо д'Альбукерке, известный мореплаватель и вице-король португальских владений в Индии (Гоа и др.), вновь завладел Ормузом, истребил здесь сторонников кызылбашей вместе с раисом, но оставил местного владетеля Тураншаха на правах вассала-данника Португалии. Португальцы сильно укрепили Ормуз, поместили там свой гарнизон, позже завели там инквизицию. В течение XVI в. в Ормузе сложилась важная португальская торговая фактория, и он еще более разбогател.

Ормузский порт был важен для шаха Аббаса в связи с вопросом о вывозе иранского шелка в Европу, бывшем монополией шахской казны. Шах был заинтересован в том, чтобы шелк вывозился в Европу не караванным путем через враждебную Ирану Турцию, взимающую высокие пошлины за провоз, а морским путем через Ормуз вокруг Африки; провоз шелка по этому пути стоил бы дешевле, нежели через Турцию или по Волго-Каспийскому пути, и доставил бы шаху более высокую прибыль.

Переговоры шаха о вывозе шелка через Ормуз с Филиппом III, королем Испании и Португалии,¹ при посредстве Роберта Шерли, не дали благоприятных результатов. В то же время с португальцами стали успешно соперничать другие колонизаторы — англичане. В 1600 г. была основана английская купеческая корпорация — Ост-Индская компания. Она стремилась вытеснить португальцев с их баз в Индии. Интересы шахского правительства в то время отчасти совпали с интересами английской Ост-Индской купеческой компании: покупка иранского шелка непосредственно в Иране обходилась английским купцам на 50% дешевле покупки того же иранского шелка в сирийском городе Алеппо, главном шелковом рынке Турции. Уже в 1614 г. шах издал ферман, благоприятный для торговых судов Ост-Индской компании, а в дальнейшем еще больше сблизился с нею. Испано-португальское посольство 1618 г. было принято Аббасом благосклонно, но не добилось от него гарантий безопасности для Ормуза.

В 1620 г. военные суда Ост-Индской английской компании одержали победу над португальским флотом у Джаска в Персидском заливе.

¹ Между 1580 и 1640 гг. Испания и Португалия имели общего короля, хотя сохраняли особые правительственные учреждения и законы.

В 1623 г. Ост-Индская компания предоставила свой флот шаху Аббасу для завоевания Ормуза. Имам-кули-хан, сын Аллах-верди-хана, правитель Фарса, командовал шахским войском, перевезенным к Ормузу на английских судах. Совместными усилиями сефевидских войск и англичан Ормуз был взят, португальцы изгнаны.

Не располагая флотом для защиты острова Ормуза шах Аббас велел разрушить его укрепления, а торговый порт перенес на материк, в Гомбрун, переименованный в Бендер Аббас («гавань Аббаса»). Английские союзники шаха были вознаграждены привилегиями, в частности правом беспошлинной торговли, правом на получение доли из доходов таможни в Бендер Аббасе, а также разрешением основать английскую торговую факторию в Бендер Аббасе. Но англичане рассчитывали на гораздо большее, — на право экстерриториальности для английских подданных в Иране (такое право было предоставлено венецианцам, французам, англичанам в Турции) и на получение монопольного вывоза шелка из Ирана в Европу. Не получив всего этого, они были недовольны шахским правительством, тем более, что вскоре в Бендер Аббасе появилась и голландская торговая фактория, получившая от шаха такие же привилегии и соперничавшая с английской факторией.

Шах Аббас не раз обменивался посольствами также с Россией, Голландией, Францией, Испанией, германским императором, римским папой. Купцы ряда европейских стран также получили привилегии в Иране. Однако эти привилегии представлялись европейским купцам взамен тех выгод — политических и экономических, — какие шахское правительство извлекало из договоров с европейскими государствами. Ни при шахе Аббасе I, ни при его преемниках Иран не стал зависимой от европейских государств страной.

§ 6. Внутренняя политика шаха Аббаса I

Сефевидское государство при шахе Аббасе стало относительно более централизованным государством, нежели при первых Сефевидах. При шахе Аббасе I были увеличены фонды земель государственных (дивани) и личных шахских (хассэ). Шаху Аббасу удалось уничтожить некоторые непокорные ханства и меликства, но далеко не все. Вполне преодолеть феодальную раздробленность центральное правительство ни при Аббасе I, ни при его преемниках было не в состоянии.

Во внутренней политике Аббаса I заметно стремление развить производительные силы центральных областей Ирана и обогатить их за счет ограбления и усиленной эксплуатации завоеванных стран. Например, после завоевания Ширвана (1607 г.) шах пытался собрать с этой разоренной турецкими захватчиками страны огромную сумму в 50 тысяч туманов (500 млн. динаров), но больше 30 тыс. туманов собрать не смог, с Луристана было собрано 10 тыс. туманов и т. д. В то же время, вернувшись после заключения мира с Турцией 1612 г. в Исфахан, шах освободил население его на три года от уплаты податей на сумму 15 тыс. туманов. В Ираке Персидском, т. е. в центральной области Ирана, был отменен налог на скот («чобан-беги»), ложившийся тяжелым бременем на райатов. Увеличенные в 70—80-х годах XVI в. налоговые ставки были снижены до прежнего уровня. Эти меры должны были стимулировать известный подъем экономики Центрального Ирана. Напротив, с окраинных областей центральная казна усиленно выкачивала средства в виде налоговых сборов, и экономика их приходила в упадок. Войны и ограбление завоеванных стран обогащали не только шахскую казну, но и феодальную знать. Курчи-башы (начальник корпуса курчиев) Аллах-кули-бек

Каджар из военной добычи составил себе крупное состояние в 20 тыс. туманов (200 млн. динаров).

Правительство шаха Аббаса I покровительствовало развитию торговли и ремесла. Путем беспощадной борьбы с разбойниками оно обеспечило безопасность торговых путей, строило караван-сарай, прокладывало новые дороги; среди новых дорог была широкая шоссейная дорога, выложенная каменными плитами, вдоль Каспийского побережья в Мазендеране, протяжением до 270 км. Дошедшие до нас ферманы Аббаса I показывают, что он предоставлял некоторым городам права налогового иммунитета (му'афи), освобождая горожан от всех видов податей.

Политика шаха Аббаса, направленная к усилению хозяйственного значения центральных областей Ирана, объяснялась переходом руководящей политической роли от азербайджанских кочевых феодалов к иранской гражданской бюрократии, тесно связанной с государственным землевладением, с внешней торговлей и с верхами иранского купечества. Эта политика ярко проявилась в разрушении армянского г. Джульфы (Джулах) на р. Араксе и в принудительном переселении джульфинцев в Исфахан, что имело целью перенести центр международной торговли шелком, какой была Джульфа, в Иран и проложить пути караванной шелковой торговли через Исфахан и Бендер Аббас к Персидскому заливу. Для джульфинских армян шах Аббас построил около Исфахана пригород Новую Джульфу, предоставив ей самоуправление и свободу от податей. При переселении армян из старой Джульфы в Исфахан из 15 тыс. семейств до Исфахана добралось всего 3 тыс. Остальные погибли в пути от голода, эпидемий и нападений кочевников. Джульфинские крупные коммерсанты — армяне, которые были контрагентами шаха в экспортной торговле шелком и в сношениях с европейскими странами, получили ряд привилегий. Шелк (сырец и ткани) оставался главным предметом вывоза из Ирана.

Лично равнодушный к религии, шах Аббас I из политических соображений продолжал старую традицию Сефевидов, поддерживая шитство и преследуя суннитов, в которых он видел сторонников Турции или узбекских ханств. Зато он дал ряд привилегий христианскому духовенству — армянским епископам и монастырям, как и европейским католическим монахам, поселившимся в Иране (Исфахане и др.); в тех и других шах видел полезных для себя агентов для укрепления экономических и политических связей с европейскими государствами.

Желая увеличить население Ирана, шах Аббас переселял сюда ремесленников и земледельцев из Азербайджана, Армении, Грузии. Эта мера имела целью также подавить сопротивление в неиранских областях государства Сефевидов и ослабить эти области. В 1605 г. из Нахчеванского края было выселено до 70 тыс. армян и азербайджанцев. Большинство их погибло по дороге в Иран. Это был так называемый «великий сургун» (тюрк., «великая выгонка»). Предприняв кровавую карательную экспедицию в Восточную Грузию (Картлию и Кахетию), шах Аббас из одной только Кахетии вывел и переселил в Иран до 100 тыс. жителей. Массовое переселение повторилось и после подавления шахскими войсками народного восстания под предводительством Георгия Саакадзе в восточной Грузии (1623—1624 гг.). В 1618 г. из Азербайджана и Армении было выселено 50 тыс. человек. Каменщики были направлены в Исфахан на строительные работы, а земледельцев выселили в «краю подобный» Мазендеран, где переселенцы тысячами гибли от голода, малярии и непривычного для них влажного субтропического климата.

Строительная деятельность при шахе Аббасе I достигла местами грандиозных размеров. Столица Исфахан была перестроена Аббасом; она к середине XVII в. превратилась в огромный город, до 38 км в ок-

ружности, с 600 тыс. жителей (в конце XVI в. было всего 80 тыс.). К большому «Царскому майдану» (Мейдан-и шах) длиною свыше 500 м, с ристалищем для игры в поло, примыкали высокохудожественные архитектурные ансамбли: с юга «Царская мечеть» (Масджид-и шах) с мощными арками порталов и куполом, выложенными блестящей цветной глазурью, — один из наиболее ярких образцов иранской архитектуры; с юго-запада — шахский дворец с замечательным портиком А'ла-капу и павильоном «Чихиль сутун» («Сорок колонн») со стенной росписью, с парками Чарбаг и Хашт-бехишт. Через р. Зиндэ-руд был построен прекрасный мост Аллах-верди-хана, соединявший город с предместьем — Новой Джульфой. Для себя шахом были построены дворцы в Ферахабаде и Ашрафе, в Мазендеране и в других местах. Проводились и значительные оросительные работы.

При шахе Аббасе была сделана попытка введения единой монетной системы в государстве. Монетная единица нового чекана называлась «аббаси», она должна была содержать 1 мискаль (4,6 г.) серебра и равнялась 200 динарам; 1 туман = 10 тыс. динаров или 50 аббаси.¹ Если вспомнить, что при Газан-хане в начале XIV в. 1 динар² содержал около 3 мискалей серебра, а в XVII в. 3 аббаси, т. е. 600 динаров, также содержали 3 мискаля серебра, то станет ясно, что за 300 с лишним лет ценность динара упала в шестьсот раз. Установить хождение единой монеты на всей территории государства не удалось. В XVII в. в Иране, наравне с аббаси, продолжали ходить монеты разной чеканки и ценности, включая турецкие и европейские монеты; курс их в разных областях был не одинаков.

Ни до, ни после шаха Аббаса I Сефевидское государство не достигало такой политической мощи, какой достигло при нем. Персидские историки XVII в. идеализировали личность шаха Аббаса I. Несомненно, он отличался энергией, смелостью, настойчивостью в проведении намеченной политической линии, лично был чужд религиозного фанатизма, проявлял большой интерес к технике и материальной культуре европейских стран. Но было бы неправильно переоценивать значение его личности в истории Ирана. Политическая линия его правительства была следствием влияния иранской гражданской бюрократии. Военные успехи в его правление в большей мере объяснялись ослаблением противников Сефевидского государства и действиями даровитых полководцев — знаменитого Аллах-верди-хана, армянина по происхождению, и Карчигай-Мухаммед-хана. Шах Аббас I был капризным, мнительным и жестоким деспотом. Он велел убить своего старшего сына Сефи-мирзу, способного юношу, испугавшись его популярности, позднее ослепил двух сыновей, четвертый же сын вовремя умер. Лишившись всех сыновей, шах передал престол малолетнему внуку, неспособному Сефи I. С тех пор у Сефевидов установился обычай воспитывать юношей из своей семьи в гареме взаперти, дабы растить их изнеженными, безвольными и безопасными для царствующего шаха, при малейшем же подозрении их ослепляли. Аббас I умер в январе 1629 г. от дизентерии.

§ 7. Феодалные отношения в Иране в XVII в.

Класс феодалов по-прежнему состоял из четырех основных групп: военной знати, мусульманского (шиитского) духовенства, гражданской бюрократии и местной провинциальной знати. Но военная знать теперь

¹ Туманы и динары теперь были не монетами, а только счетными единицами; 1 аббаси — 4 шахи, 1 шахи — 2 сияхпуль.

² Тогда чеканились монеты по 1 динару.

состояла не только из кочевых феодалов, как в XVI в.; появились новые кадры военной знати из выслужившихся шахских гулямов (грузин и армян), которых шах старался противопоставить старой военно-кочевой знати. Ослабление влияния последней, особенно знати кызылбашских племен ясно видно из сравнения двух списков эмиров (ханов и султанов, т. е. верхушки военной знати) 1576 г. и 1628 г., приведенных у Искендера Мунши. В первом списке приведены имена 114 эмиров; все они были кочевыми феодалами и почти все из кызылбашских племен. По списку 1628 г. было всего 90 эмиров, из них только 35 кызылбашей, 34 эмира было из кочевых, но не кызылбашских, племен (большей частью иранских — курдских и лурских), и 21 эмир — из шахских гулямов, «отличенных из среды себе равных», наделенных, как и все прочие эмиры, земельными пожалованиями (*элке*, азерб., в перс. произношении *улька*) и имевших, как и все эмиры, свои феодальные ополчения (*кошун*, монг.). Руководящая политическая роль в XVII в., как сказано, принадлежала иранской гражданской бюрократии.

В XVII в. в Иране продолжали существовать те же категории феодальной собственности на землю и воду, что и раньше.¹ Но после реформ, проведенных при шахе Аббасе I, соотношение между категориями земель изменилось. Прежде всего, очень вырос фонд государственных или диванских земель. Управление этим фондом и составляло основу могущества гражданской бюрократии. Необычайно сильно увеличился также фонд собственных доменов шахской фамилии (хассэ, хассэ-и шерифэ-и падишахи, халисэ). Эта категория земель в Иране существовала издавна, со времен Сасанидов (земли хассэ, инджу при монгольских ханах). Но никогда фонд земель хассэ не был так велик, как в XVII в.: теперь в фонд этих земель включались не только округа (Исфахан, а также наследственный домен фамилии Сефевидов Ардебиль), но и целые области (оба Гиляна — Бийэ-пиш и Бийэ-пас).

Рафаэль дю Ман (1660 г.) говорит, что в Сефевидской державе государственных земель было много, а мульковых мало. Но надо иметь в виду, что в XVII в. диванскими землями считались и те, что были переданы на разных основаниях (на правах тиула и т. д.) в кормление представителям гражданской и военной знати; сильно расширились территории (юрты), отданные в кормление кочевым племенам и находившиеся фактически в распоряжении наследственных племенных глав (мир-и иль) племенной знати, эксплуатировавших как кочевников (илятов) своего племени, так и — в гораздо большей степени — живших на этих территориях оседлых крестьян (райятов).

Вырос в XVII в. и фонд земель религиозных учреждений (вакф). Так, в вакф большой мечети Сефевидов в Ардебиле входило в начале XVII в. 650 плужных участков (джуфт-и 'авамиль), обрабатываемых издольщиками (4—5 тыс. га орошенной и обработанной земли). В 1671 г. среди вакфных имуществ той же мечети числилось 40 селений в одном только южном Азербайджане, не считая других областей; в г. Ардебиле — 200 домов, 9 бань, 8 караван-сараев, вся базарная площадь — мейдан, большой крытый рынок оптовой торговли (кайсериэ), 100 других лавок и право на пошлину (бадж) со всех торговцев; в г. Тебризе — 100 домов и 100 лавок; в г. Казвине — несколько караван-сараев и бань; земли и доходные статьи на Мугани, в Гиляне и Гургане.

Из условных форм феодальной собственности (обусловленных службой государству) — сюргала и тиула (или тийюля)² и в XVII в.

¹ См. подробно в соответствующих разделах глав VI и VII.

² См. о них в главе VII.

шахское правительство предпочитало жаловать тиулы, ибо они не были наследственными и давали меньше прав их владельцам, служилым людям, нежели сюргалы; следовательно, пожалование тиулов меньше ослабляло центральную власть, нежели пожалование сюргалов. Согласно «Тазкират ал-мулук», общий годовой доход владельцев сюргалов всего Сефевидского государства составлял 367 778 800 динаров, а общий годовой доход владельцев тиулов (тиулдаров) — 3 753 663 000 динаров,¹ т. е. в десять раз больше. Это указывает на то, что тиулов было гораздо больше, нежели сюргалов. В теории и тиулы, и сюргалы причислялись к государственным землям, но это была фикция.

Как и в XVI в., пожалования тиулов были двух видов: а) персональные, пожизненные; б) закрепленные за определенной должностью, дававшиеся лишь на время исполнения этой должности. Высшим сановникам передавались в тиул целые округа. Так, согласно «Тазкират-ал-мулук», за должностью курчи-башы (начальника курчиев — в то время начальника феодального ополчения кызылбашских племен) был закреплен, на правах тиула, округ Казерун с годовым доходом в 13 917 200 динаров; за должностью туфенгчи-башы (начальника корпуса туфенгчиев-мушкетеров) — округ Аберкух с доходом 7 115 300 динаров; за должностью куллар-агасы (начальника гвардейского корпуса гулямов, преимущественно грузин) — округ Гульпайган,² с нефиксированным доходом; за должностью топчи-башы (начальника артиллерии) — округ Шифт с доходом в 5 млн. динаров и т. д. Львиная доля тиульных пожалований доставалась эмирам (т. е. военной знати) и высшим гражданским и духовным сановникам. Годовой доход с тиулов этих категорий феодалов, согласно «Тазкират-ал-мулук», составлял 3 495 004 300 динаров из общей суммы доходов всех тиулов 3 753 663 тыс. динаров.³ Позднее (в XVIII в.) тиулы фактически превратились в такие же наследственные лены, как и сюргалы.

Низшим служилым людям давали либо мелкие тиулы с малым доходом, либо «хамэ салэ». Так называлось пожалование, в награду за службу, определенной суммы ренты-налога (деньгами или натурой), с определенной территории, но без права управления ею. Суммы хамэ-салэ получались служилыми людьми по ассигновкам (хавалэ, берат), выписанным на казначейство данного округа, по предъявлении удостоверения о том, что они в том году действительно находились на службе.

В разных источниках XVII в. упомянуты 35 названий податей и повинностей, лежавших на райятах. Но не все эти подати и повинности существовали одновременно и во всем государстве; некоторые из них существовали только в отдельных областях, некоторые были введены лишь в конце XVII в.

При шахе Аббасе I, как сказано, размеры ряда податей были снижены и были отменены надбавки на эти подати, введенные в 70—80-х годах XVI в., а некоторые подати, особенно в центральных областях Ирана, были отменены. Но при преемниках шаха Аббаса I размеры податей снова стали постепенно повышаться, а в самом конце XVII в. (1698 г.) размеры податей резко увеличились и были введены новые ви-

¹ По официальной оценке; согласно «Тазкират ал-мулук», действительный доход с тиулов и сюргалов в большинстве округов был вдвое выше, в округе Исфাহана — в 5 раз, в округах Кашана и Шираза — в 6 раз, в некоторых округах — в 8 раз выше официальной оценки.

² Этот округ был отчасти заселен грузинами, насильно выведенными шахом Аббасом из Восточной Грузии. Куллар-агасы обычно назначался из грузинской знати.

³ Все приведенные цифры доходов по официальной оценке, т. е. много ниже действительного дохода.

ды налогового обложения.¹ Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, в связи с ростом товарно-денежных отношений, государство и феодалы нуждались в средствах и стремились увеличить свои доходы; с другой стороны, около 1640 г. прекратились войны с Турцией и с узбекскими ханствами, приносившие в течение всего XVI в. и первых четверти десятилетий XVII в. постоянную военную добычу.

Главной податью, как и раньше, была поземельная подать — харадж (чаще называемый теперь «мал-у-джихат» или «маллият», взимавшийся чаще всего натурой в виде доли урожая от 15 до 20% его). В некоторых местностях вместо доли урожая взимался постоянный сбор с плужного участка (джуфта) в деньгах. Налог с садов составлял 10% урожая, с шелковичных садов и с хлопковых посевов 30%. Скотоводы (кроме живших в Ираке Персидском) платили подать «чобан-беги»: $\frac{1}{7}$ сострижки шерсти и с приплода овец, а с жеребят и ослят $\frac{1}{3}$ их стоимости. За орошение полей и садов взимался особый сбор. На содержание разных сановников (великого везира и др.) взимались сборы, известные под общим названием «ихраджат». Весьма часто с райятов взимали чрезвычайные сборы (авариз). Тяжелы для крестьян были поставки фуража и провианта (алафэ ва улүфэ) на содержание войска (феодалного ополчения), почтовая повинность (улаг), постоянная повинность (коналга), повинности работой (строительная, по очистке каналов и каризов и т. д.) в пользу государства или феодалов (бигар). С немусульман (христиан, иудеев, зороастрийцев) взималась джизья — в среднем с каждого взрослого мужчины от 20 до 50 лет по 1 мискалю (4,6 г) золотом в год. Кроме того, все райяты обязаны были ежегодно подносить в строго установленных размерах «подарки» (пишкеш), «поздравительные» (саламанэ) и «праздничные» (иди) властям и своему землевладельцу, натурой или деньгами.

Для разных категорий земельной собственности существовали в основном одни и те же подати; в зависимости от категории земли эти податные сборы поступали либо целиком в пользу государства (с диванских земель), либо целиком в пользу землевладельцев (с земель союргальных, вакфных и юртов кочевых племен), либо делились между государством и землевладельцами в известной пропорции (с мульковых земель). Если землевладелец получал от государства право налогового иммунитета (му'афи), право взимания всех податей переходило к землевладельцу. Таким образом, одни и те же податные поступления, в зависимости от категории земли, могли быть и налогом, и рентой.

Преобладающей формой феодальной эксплуатации, как и в прежние века, была издольщина (вид продуктовой ренты). За держание земли (обычно наследственное) крестьянин платил собственнику земли «господскую долю» (бахрэй-и маликанэ); на землях диванских, шахских (хассэ), вакфных, союргальных в эту долю включались и все вообще подати. Господская доля за держание земли и за пользование водою чаще всего устанавливалась в $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ урожая, с пахотных земель, с фруктовых деревьев в $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$. Доля повышалась, если крестьянин получал от собственника земли, кроме земельного участка и орошения, еще рабочий скот (волов) и семена. В таких случаях она могла подниматься до 80%, даже до 90% урожая (включая все подати).

По рассказу Кемпфера, в Исфаханском оазисе, где преобладали товарно-денежные отношения, рента с крестьян часто взималась в деньгах по 6 600 динаров (33 аббаси) с 1 джероба пахотной земли. На шахских же землях в Исфаханском оазисе применялись следующие нормы эксплуатации крестьян-издольщиков. Если шах, как собственник земли,

¹ Подробнее об этом в главе IX.

предоставлял крестьянину землю, воду (орошение) и семена, а быки (волы) принадлежали крестьянину, то последний отдавал шаху $\frac{2}{3}$ урожая, а из оставшейся ему доли платил подати в диван; кроме того, он обязан был отбывать принудительные работы (бигар). В том случае, когда шах предоставлял крестьянину-издольщику также волов, орудия пахоты и освобождал его от податей в диван, доля крестьянина падала до $\frac{1}{4}$ урожая; $\frac{3}{4}$ получал шах, как собственник земли. Если же, сверх всего этого, шах освобождал крестьянина от принудительных работ, то доля крестьянина падала до $\frac{1}{8}$ урожая, а $\frac{7}{8}$ получал шах.

Шарден говорит, что в богатом Исфаханском оазисе персидские крестьяне были более зажиточны, нежели крестьяне во Франции, но так было далеко не во всем Иране, а главным образом в пригородных районах. Зато, по словам Шардена, крестьяне Ирана жили в условиях полного беспорядка и произвола: шахские служилые люди и чиновники их избивали, если не получали того, что требовали; заставляли их работать бесплатно, брали подводы и лошадей для себя даром, останавливались в домах крестьян на столько дней, сколько хотели, кормились за их счет, а иногда еще требовали с них серебро.

Роль кочевников в социально-экономической жизни страны была почти так же значительна, как и тремя-четырьмя столетиями раньше. Статистических данных о численности кочевого населения в XVII в. в Иране у нас нет, но если даже в конце XIX в. в Иране до 30% всего населения составляли кочевники, то в XVII в. их должно было быть еще больше. Кочевники переходили к земледелию и оседлости только в незначительном числе и то лишь самые бедные, притом всегда поневоле, ибо для них это было невыгодно: положение оседлого крестьянина — райята, беспорядного и задавленного налогами и рентой, было не в пример хуже и тяжелее положения кочевника-илята: племенная организация давала ему известную защиту; патриархальная оболочка, в которую были облечены феодальные повинности, ставила пределы росту этих последних; иляты, как несшие службу в феодальном ополчении, получали долю военной добычи, и они были вооружены, тогда как райяты были безоружны и не были защищены от насилий со стороны самых мелких чиновников, воинов и даже челяди крупных феодалов.

В Иране сохранялось рабство и работорговля, но рабов использовали теперь главным образом, как домашнюю челядь и гаремных наложниц. Среди рабов различались пленники (асир), купленные на деньги (зархарид) и рожденные в доме (ханэ задэ);¹ положение последних было лучше — установился обычай (но не закон) — не продавать рабов, рожденных в доме. Рабов доставляли, главным образом, с Кавказа; их продавали в другие страны, большею частью в Турцию, Индию и арабские страны. Но применение труда рабов в производстве — в земледелии, ремесле и кочевом скотоводстве сократилось до незначительных размеров. Если в 30-х годах XVI в. в шахских шелкоткацких мастерских работали рабыни, то в XVII в. там работали уже исключительно свободные ремесленники, по найму, на определенном жалованье. Таким образом, сохранявшийся столь долго в феодальном обществе Ирана рабовладельческий уклад в XVII в. почти исчез.

§ 8. Состояние земледелия в Иране в XVII в.

Переход руководящей политической роли в государстве из рук тюркских кочевых феодалов в руки иранских оседлых феодалов (гражданской бюрократии) к началу XVII в., реформы времени шаха Аббаса I и, в частности, облегчение податного бремени при этом шахе, рост товар-

¹ Т. е. потомки рабов, рабы во втором или последующих поколениях.

но-денежных отношений, наконец, прекращение опустошительных войн с Турцией и узбекскими ханствами и длительный мирный период (1640—1722 гг.) стимулировали довольно значительный подъем производительных сил в Иране, в частности в земледелии (хотя и теперь экономика Ирана не достигла того уровня, на каком она находилась в начале XIII в., перед монгольским завоеванием). Подъем этот продолжался до последней четверти XVII в.

Путешественники XVII в. отмечают большие оросительные работы в Иране — строительство новых и восстановление старых каризов и каналов. Они отмечают наличие в Иране XVII в. тех же четырех видов ирригации, которые существовали и в раннем средневековье: горные ручьи, речные каналы, каризы, колодцы. «Нет, конечно, народности в мире, — говорит Шарден, — которая умела бы так хорошо вести подкобы и проводить подземные протоки, как персы». Шарден видел каризы длиной от 32 до 40 км и даже еще длиннее, проведенные от подошвы гор (где накапливаются обычно грунтовые воды) к низменным местностям, со смотровыми колодцами (служившими для спуска людей в каризы для очистки их) на расстоянии каждых 8 м; большинство каризов пролегалo на глубине 10—15 м, но некоторые были гораздо глубже.

Колодцы, по рассказу Шардена, приводились в движение животной силой (волами); вода поднималась вверх на веревках в больших бурдюках, вмещавших 200—250 фунтов воды; при помощи блока вода из бурдюков опрокидывалась в бассейн, откуда по канавам шла на поля и в сады.

Каризное и колодезное орошение было бесплатным, за орошение полей и садов водой ручьев и речных каналов с каждого джериба взимался сбор в размере 20 су (немного больше 1 аббаси) в год (Шарден). Согласно Шардену, главный мираб (начальник оросительной сети) Исфаханского оазиса получал от этих сборов 4 тыс. туманов (40 млн. динаров) в год, не считая того, что его помощники собирали для себя.

Путешественники XVII в. отмечают экономический рост отдельных сельскохозяйственных районов, особенно пригородных, где были достаточно развиты товарно-денежные отношения и где сельскохозяйственная продукция шла на городской рынок или на вывоз. По рассказам Кемпфера и Шардена, Исфаханский оазис был густо заселен и обработан. Если по описанию 1329 г. в Исфаханском оазисе, на площади приблизительно в 4500 кв. км числилось до 800 больших и малых селений, то в 70-х годах XVII в. здесь находилось до 1500 селений.

Пшеница и ячмень сеялись повсюду в Иране. По словам Шардена, в Персии было много пшеничного хлеба, и его можно было найти везде по дешевой цене; хлеба здесь было гораздо больше, нежели в Индии. Рис также сеялся в большом количестве. Культура хлопка, которая еще в XIV в. сосредоточивалась в отдельных районах, в XVII в. распространилась по всему Ирану, почти вытеснив культуру льна, и хлопковые поля можно было видеть повсюду. Очень расширилось возделывание растений красильных (марена, хенна, шафран), лекарственных и пряных, как и овощеводство, которое в раннем средневековье было сравнительно мало развито. Культура опийного мака, которая хотя и проникла в Иран в XII в., но была мало развита, в XVII в. распространилась во многих районах. Лучший опийный мак разводили в Ленджане, в Исфаханском оазисе; поля здесь были сплошь покрыты им. Новой культурой для Ирана был табак, который здесь стали разводить на рубеже XVI и XVII вв. В 70-х годах XVII в. табак разводили уже по всему Ирану; лучшие сорта разводились в Хузистане, Хамадане, Кермане и Хорасане.

Плодоводство и виноградарство, после периода упадка, вновь пережило в XVII в. большой подъем. Плодовые деревья (особенно абрикосы, персики, груши, айва, миндаль, гранаты и винные ягоды), виноград и дыни разводились повсюду. По словам Шардена, в течение 4 месяцев сезона дынь, их доставляли в Исфахан в таком громадном количестве, что за один день их там съедали больше, чем за один месяц во всей Франции. Культура финиковой пальмы была очень развита в Хузистане, низменных местностях Фарса, Систане, но особенно в Кермане. В XVII в., как и раньше, персидские финики по качеству считались лучше иракских и аравийских; лучшие финики шли из Джахруна. Персидские финики в большом количестве вывозились в Индию и в другие страны, засахаренными, в гроздьях и оторванными, часто в сосудах или в больших тыквах, весом в 15—20 фунтов, засахаренными в их собственном соку. За границу вывозились финики из Кермана, гранаты из Йезда и Шираза, апельсины — из Мазендерана, крупный и сладкий лук — из Хорасана. Апельсины были очень распространены в прикаспийских областях. Оливку (маслину) разводили в Хузистане и в Мазендеране, но оливковое масло было низкого качества. Цветоводство, по словам Шардена, в Иране было более развито, нежели в Европе. Изготовлением розового масла и эссенций из махровой розы по-прежнему славился Фарс. Виноделие было распространено повсюду; им занимались христиане (армяне и европейцы), евреи и зороастрийцы. Лучшие вина изготовлялись в Грузии, Армении, Гиляне, Ширазе и Йезде.

Путешественники отмечают дешевизну предметов продовольствия в Иране.¹ В Хузистане в 70-х годах XVII в. на один аббаси можно было купить 144 фунта ячменя или 54 пшеничных хлеба, или 18 баранов.

В XVII в. шелководство (культура шелковичного червя на тутовых деревьях) в Иране достигла такого высокого уровня, какого оно никогда не достигало ни раньше, ни позднее. По словам Олеария, в государстве Сефевидов ежегодно производилось 20 тыс. тюков шелка-сырца; по словам Шардена, — 22 тыс. тюков весом по 276 фунтов каждый. По Шардену, Гилян давал 10 тыс. тюков шелка-сырца, Мазендеран — 2 тыс., Хорасан — 3 тыс., Мидия (Южный Азербайджан) — 3 тыс., Карабаг (в Северном Азербайджане) — 2 тыс., Грузия — 2 тыс. Из этого количества не более тысячи тюков оставалось в Иране, весь остальной шелк-сырец вывозился в Индию и Европу. Одни только пошлины с вывоза шелка-сырца достигали 4 тыс. туманов (40 млн. динаров) в год. Лучший шелк-сырец получали в Ширване и Гиляне (лахиджанский сорт).

В связи с развитием товарно-денежных отношений, крестьяне Ирана в XVII в. во множестве занимались сбором и сбытом на рынок продукции дикорастущих деревьев — чернильного ореха (особенно в Хузистане), мастики, камеди, смолы ладанного дерева (особенно в Кермане), ассафетиды и т. д.

Судя по рассказам путешественников, скотоводство в Иране, как козовое (особенно в горных районах), так и оседлое, переживало в XVII в. подъем. Олеарий говорит об огромном количестве овец, в частности курдючных, породы которых были лучше европейских. Спутники Олеария вывели к себе в Голштинию несколько овец лучших пород. Шерсть высшего качества давали овцы бухарской породы. Козьих стад также было множество, многие из них давали по 25 фунтов сала. Молочных продуктов было изобилие: они составляли, вместе с хлебными лепешками, пло-

---

¹ Во второй половине XV в., во время экономического упадка, Барбаро и Контарини, напротив, жаловались на дороговизну предметов продовольствия в Западном Иране.

дами и овощами, основное питание трудового населения Ирана. Верблюдов в Иране также было очень много, как одnogорбых, так и двугорбых. При развитом караванном транспорте, хозяйственное значение верблюда было очень велико. Путешественники говорят о «великом множестве» лошадей в Иране в то время; возможно, их тогда там было больше, чем в наши дни. Упоминаются многие породы верховых лошадей — арабские, туркменские и др. По сообщениям Олеария и «Тазкират ал-мулук», у шаха были большие собственные конские заводы в местностях, где находились лучшие пастбища — зимние на равнинах и летние в горах. Олеарий говорит о «множестве мулов» и «неисчислимом множестве» ослов в Иране.

Таким образом, есть все основания говорить о подъеме сельского хозяйства в Иране в XVII в. Однако, сравнивая данные источников XVII в. с данными источников IX — начала XIII вв., можно видеть, что даже в XVII в. сельское хозяйство (за исключением одной отрасли его — шелководства и кроме хозяйства некоторых районов, например Исфахана) не достигло того уровня, на каком оно находилось до монгольского завоевания.

Развитие товарно-денежных отношений в XVII в. побуждало феодалов и феодальное государство увеличивать размеры ренты и налогов. Рост феодальной эксплуатации обгонял рост производительных сил в сельском хозяйстве. Это губительно отразилось на положении деревни. В условиях позднефеодального общества господство кочевой знати, жестокая эксплуатация крестьян, закрепощение и крайнее их бесправие оказывали пагубное влияние на сельскохозяйственную экономику. Старые производственные отношения становились явным тормозом для развития производительных сил в деревне.

Развитие товарно-денежных отношений вело в несравненно больших размерах, нежели раньше, к процветанию ростовщичества, разорявшего деревню. К. Маркс указывает: «При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»,¹ ростовщичество «консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния».²

Упадок в сельском хозяйстве стал явным на рубеже XVII—XVIII вв., но первые признаки были заметны уже в 70-е годы XVII в., если не раньше. Вдумчивый наблюдатель — Шарден отметил, что число действующих оросительных сооружений, особенно каризов, в Иране уменьшилось. Всюду, писал Шарден, где находят воду и есть подземные каналы (каризы), земля очень плодородна. Но для того чтобы находить и выводить из земли на поверхность воду в достаточном количестве, не хватало рабочих рук. Недостаток людей в Персии — не от бесплодия страны, а напротив, как и в Османской империи, бесплодие страны — от недостатка людей. Причиной уменьшения населения Шарден верно считал дурное управление (жестокую эксплуатацию) и произвол завоевателей (тюркской и монгольской военно-кочевой знати) за последние столетия. Крестьяне массами эмигрировали, особенно с юга Персии, в Индию, где крестьянам жилось легче. Из-за уменьшения населения плодороднейшие земли оставались неорошенными и необработанными. Даже $\frac{1}{12}$ часть территории страны, — отмечал Шарден, — не была заселена и обработана. Часто, отъехав каких-нибудь 2 льё (8 км) от большого города, путешественник затем мог проехать 20 льё (80 км), не видя никаких признаков поселений.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, М., Госполитиздат, 1949, стр. 611.

² Там же, стр. 623.

§ 9. Город, ремесло и торговля в XVII в.

Общий экономический подъем, о котором говорилось выше, наступил в начале XVII в., после длительной полосы упадка, отразился и на развитии городов. Не случайно то, что источники XVII в. упоминают о ремесленных цехах (*синф*, мн. ч. *аснаф*, арабск.) гораздо чаще, нежели источники предшествовавших веков. Цехи играли теперь большую роль, чем прежде. Цех утверждал квалификацию мастера (устад). Существовали степени ученика (шагирд), подмастерья (халифэ) и мастера; существовал и обряд посвящения в степень мастера. Цехи имели своих выборных старшин, признанных в этом звании городскими властями. «Тазкират ал-мулук» сообщает: «Люди каждого квартала, каждого селения и каждого ремесленного цеха (*синф*) назначают из них самих человека, которого они считают надежным и достойным доверия, составляют для него свидетельство и определяют жалованье для него. Этот документ, заверенный печатью накиба, они приносят к калантару¹ и получают от него удостоверение (*та'ликэ*) и почетную одежду для их избранника, который после того начинает заниматься их делами». Без разрешения цехового старшины никто не мог открыть ремесленную мастерскую.² У цеховых мастеров бывали свои собрания. В первые три месяца каждого года калантар города созывал у себя в доме собрание всех цеховых старшин и вместе с ними устанавливал разверстку между отдельными цехами сумм налога на ремесло (*буничэ*). Этот порядок указывает на рост значения цехов в жизни города. По сообщениям источников времени сельджуков и ильханов, в те времена финансовые чиновники облагали ремесленников налогом по своему усмотрению, не совещаясь с цехами и не считаясь с ними. В XVII в. одни цехи поставляли в казну в натуре определенное число изделий своего ремесла, другие вместо того уплачивали налог деньгами, согласно Шардену, от 10 до 20 су (в год) с каждой лавки (ремесленной мастерской), т. е. немногим более $\frac{1}{2}$ или 1 аббаси.³ Цехи были тесно связаны с дервишескими орденами хейдериев и ни'метуллахиев, пользовавшихся в XVI—XVIII вв. большим влиянием в городах Ирана.

Привилегированными ремесленниками были мастера дворцовых мастерских. Как сказано выше, в дворцовых мастерских XVII в. работали уже не ремесленники — рабы, как раньше (даже еще в первой половине XVI в.), а свободные ремесленники по найму. «Тазкират ал-мулук» сообщает, что так как назначение работников (*амалэ*) дворцовых мастерских (*буютат*) — дело, недостойное представления государю, то назначение этих работников производилось по приказу великого везира, после предварительного представления начальника этих мастерских (*назир-и буютат*) и главного казначея империи (*мустоуфи ал-мамалик*). Мастера дворцовых мастерских получали жалованье и, в конце года, установленные подарки. Оценка изделий дворцовых мастерских производилась назиром совместно с цеховыми старшинами.

Общегородского самоуправления в городах Ирана в XVII в., как правило, не было, как не было его и прежде. Во главе города стоял калантар — городской старшина, назначавшийся шахским правительством из местной знати — крупных феодалов данного округа, связанных с оптовой торговлей, реже из верхушки купечества. Права и обязанности калантара подробно описаны Кемпфером: калантар должен был защищать права и интересы горожан в суде, следить, чтобы губернатор (*даруга*) не притеснял горожан, чтобы налоги взимались с них правильно,

¹ Калантар — городской старшина, накиб — заместитель калантара.

² По-видимому, такого порядка не было в раннем средневековье.

³ 1 аббаси ($\frac{1}{50}$ тумана) равнялось 18 французским су.

производить разверстку повинностей в пользу государства и податных сумм между кварталами и цехами. Таким образом, формально калантар считался представителем и защитником горожан. На самом деле он был представителем интересов городской верхушки — местных землевладельцев, духовенства и крупных купцов. Жители Новой Джульфы — армянского купеческого пригорода Исфахана — пользовались правом самим избирать калантара из своей среды, именно из среды крупных купцов.

Существовало самоуправление внутри корпораций купеческих и духовных (общины сейидов, медресэ), ремесленных цехов (аснаф) и городских кварталов (махаллэ); все они пользовались правом избирать своих старшин, утверждавшихся калантаром.

Среди ремесел ведущее место занимало текстильное производство. После периода упадка оно заметно выросло в правление шаха Аббаса I. Появилось много больших мастерских, производивших шелковые ткани, парчу и бархат в Исфахане, Кашане, Йезде, Кермане, Ширазе, Мешхеде, Тебризе и других городах. По словам Олеария, большинство персидских ремесленников составляли ткачи и красильщики. Шелкоткацкая ремесленная промышленность обслуживала потребности знати и крупного купечества и работала на внешний рынок. Изготавливали шелковые ткани одноцветные (кимха) и многоцветные (кассаб), простые и с золотым и серебряным шитьем, парчу (зарбафт), бархат (махмаль) множества сортов. По словам Шардена, одной только парчи было до ста сортов; среди них выделялась двойная парча, не имевшая изнанки. Один из сортов этой парчи, по словам Шардена, стоил 50 туманов (2500 аббаси) за 1 гез (русский аршин); это была самая дорогая ткань в мире. Пять или шесть человек, писал Шарден, одновременно заняты в ремесле, изготавлившем эту дорогую ткань; для ее изготовления нужно от 24 до 30 ткацких челноков, тогда как для обычной ткани нужно не больше двух. Несмотря на невероятную цену этой драгоценной парчи, работники, которые трудятся над ней, зарабатывали не больше 15—16 су в день (т. е. меньше 1 аббаси). Шарден хвалил также персидские золотистые бархаты, особенно ворсистые, которые постоянно сохраняли свой цвет и блеск и никогда не изнашивались. Лучший бархат производили в Кашане, Йезде и Исфахане.

В Иране изготавливались ткани из верблюжьей шерсти (лучшие в Йезде, Кермане и Казвине), ткани из овечьей шерсти (больше всего в Мазендеране, а самые тонкие и лучшие в Доураке на берегу Персидского залива). Изготавливались войлоки, очень тонкие и легкие. Хлопчатобумажных тканей, большею частью грубых (кербас), для потребностей широких народных масс, изготавливалось множество. Славилась также персидские цыновки; самые тонкие и лучшие в мире, по словам Шардена, производились в Систане, из камыша.

Ковроткачество в Иране в XVII в. достигло высокого художественного мастерства. Иранские ковры во множестве вывозились в Западную Европу, через Багдад и Турцию, почему их в Европе ошибочно называли турецкими. В XVII в. в коврах Ирана преобладали растительные орнаменты; очень нередко были изображения цветущего сада, с водными бассейнами и протоками. Столь частые на коврах прежних веков сцены из быта феодалов, сцены конной охоты и звериных гоноч теперь постепенно исчезают. В коврах XVII в. больше свободы композиции, заметны черты народного творчества. Первое место среди ковров Ирана занимали великолепные керманские ковры, из овечьей или козьей шерсти, с тонким растительным орнаментом, с преобладанием зеленого и оранжевого тонов. Славилась еще кашанские ковры, шерстяные и шелковые, также с растительным орнаментом, с преобладанием красных, бирюзо-

вых, белых, кремовых тонов. Ширазские ковры, с геометризovanным растительным орнаментом, отличались преобладанием светлых оттенков зеленого, красного и синего цветов. Пользовались известностью также ковры хамаданские, фераханские, хорасанские. Все эти ковры отличались техническими и стилистическими особенностями. Довольно резко отличались по стилю от собственно иранских ковров ковры Южного Азербайджана (тебризские и ардебильские) и иранского Курдистана (из г. Сенне). Путешественники XVII в. хвалят преимущественно керманские ковры.

Заслуженной славой пользовался персидский фарфор, полуфаянс и фаянс. После долгого периода снижения производства, в XVII в. персидская керамика снова пережила расцвет. Возродилась, одно время почти исчезнувшая, роспись люстром, ангобом (Керман), раскраска кобальтом, покрытие бирюзовой и зеленой глазурью и т. д. Город Керман прославился на весь мир своими изделиями, сплошь покрытыми бирюзовой глазурью. Персидская художественная керамика XVII в. обнаруживала явное стремление к подражанию китайским образцам. Меньше всего китайское влияние заметно на сосудах, производившихся в Кермане. В Гомбруне, на берегу Персидского залива, изготавливались красивые фаянсы, с росписью темносиней краской, в стенах которых до обжига делались дырочки, заполнявшиеся затем глазурью и остававшиеся прозрачными. Славилась также покрытая глазурью разных цветов изразцы для облицовки куполов и фасадов зданий. Лучшие изделия персидской художественной керамики XVII в. изготавливались в Кермане, Ширазе, Мешхеде, Йезде, Кашане, Хаине, Исфахане. Изделия этих городов существенно разнились между собою в стиле, тонах и рисунках. Шарден признавал первенство за фаянсами Шираза.

Из других изделий ремесла славилась персидские изделия из кожи, особенно шагреновой (Казвин) и из сафьяна всех сортов и цветов (Тебриз и др.). Путешественники считали персидские луки и сабли лучшими в мире. По словам Олеария, лучшая сталь производилась на берегах озера Нейриз, а лучшие клинки в г. Куме, близ Казвина, и стоили от 4 до 20 рейхсталеров (16—80 аббаси). В русских описаниях вооружения XVII в. упоминается «сабля кызылбашская булатна, от черена по обе стороны до емана золотом наведена, верхней дол с перерывом, места золотом наведены». Высоким мастерством техники отличались также золотые, серебряные и бронзовые изделия, особенно филигранные изделия из серебра, а также изделия из слоновой кости.

Очень развито было производство красок: из ляпис-лазури (синяя), бразильского и японского дерева, из марены (красная), шафрана (желтая), индиго (синяя), граната, лимонного сока и т. д. Ляпис-лазурь привозилась из «страны узбеков», индиго и японское дерево — из Индии, бразильское дерево — из стран Европы.

По словам Шардена, производство стекла широко распространилось по Ирану на рубеже XVI и XVII вв. Но стекло чаще всего было невысокого качества, сероватое и пузырчатое; лучшее стекло производилось в Ширазе. Писчебумажное производство также было распространено по всему Ирану, но бумага была хуже не только европейской, но и среднеазиатской; последняя во множестве ввозилась в Иран. Было развито производство мыла; его изготавливали из бараньего сала и золы пахучих трав. Мыло это было дешево и служило для массового потребления. Знать же пользовалась лучшим мылом, привезенным из Алеппо (Халеб, в Сирии).

Путешественники, особенно Шарден, описывают приемы иранской торговли. Обменная оптовая торговля, существовавшая в раннем средневековье, была забыта в XVII в. Теперь торговля производилась только

на наличные деньги, в серебряной монете, как сефевидской, так и иностранной. При крупных оптовых торговых сделках расчет производился мешками, содержащими по 2 500 аббаси (= 50 туманов) каждый, содержание их проверялось по точному весу; Шарден уверял, что при этом обман был невозможен. Все крупные купцы имели разъездных приказчиков. По словам Шардена, в Иране были купцы, имевшие своих доверенных агентов (приказчиков) даже в таких отдаленных странах, как Швеция и Китай. Благодаря покровительству крупному купечеству со стороны господствовавшей в XVII в. группы класса феодалов — гражданской бюрократии, положение крупного оптового купца в Иране было весьма почетным. Внешняя торговля находилась в руках не персов, а христианских купцов (армян, в меньшей степени — голландцев, англичан и французов), торговавших с Россией и со странами Западной Европы, и индусов, торговавших с Индией и странами Дальнего Востока, подобно тому, как в Турции в то же самое время внешняя торговля находилась в руках христиан (греков, армян и европейцев) и евреев. Внутренняя же торговля в большей своей части находилась в руках мусульманских (персидских) купцов.

Среди армянских купцов из Новой Джульфы были богачи, обладавшие состоянием в 60—200 тыс. туманов. Компания крупных армянских купцов из Новой Джульфы пользовалась монополией на вывоз шелка из Ирана. Шах давал этим армянам дипломатические поручения в христианские государства, а также использовал их как своих контрагентов, сбывая при их посредстве в Европе шелковые ткани, парчу, бархат и другие изделия дворцовых мастерских. Армяне Новой Джульфы платили в казну податей на 580 туманов в год.

Кроме армянских купцов, только английская и голландская фактории имели право вывоза шелка-сырца. Голландцы очень успешно соперничали с англичанами. Во время английской буржуазной революции голландцы добились от шаха Аббаса II (в 1645 г.) исключительных прав для себя в вывозной торговле с Ираном. Любопытно, что как шахское правительство, так и московское царское правительство мотивировали конфликт с англичанами одинаково, именно тем, что англичане дерзнули казнить «своего законного короля Карла». После реставрации монархии в Англии (1660 г.) англичане в Иране могли занять в торговле шелком только второе место после голландцев. В 70-х годах XVII в. голландцы вывозили в Европу шелка-сырца на сумму от 500 до 600 тысяч ливров в год (приблизительно от 11 до 13 тысяч туманов).

Кроме шелка-сырца и шелковых тканей, из Ирана вывозили в страны Западной Европы сафьян, шагреновую кожу, верблюжью и овечью шерсть, ковры, фаянсовую посуду, золотые и серебряные изделия, драгоценные камни, в частности бирюзу.

В Россию из Ирана вывозили, прежде всего, всевозможные шелковые ткани. В описаниях русской утвари XVII в. перечисляются: атласы кызылбашские¹; бархаты кызылбашские; дороги (даругай—шелковая ткань с золотым или серебряным шитьем) гилянские, кашанские, кызылбашские; зуфь (суф—шерстяная ткань), изорбаф (зарбафт—парча), камка (кимха) есская (йездская), камка кызылбашская; кутня (кутни—полوشелковая полосатая ткань) кызылбашская; обьярь (абйяр—плотная шелковая волнистая ткань с золотыми и серебряными струями), фата (шелковый платок) кызылбашская и т. д. Вот примеры этих описаний: «бархат кызылбашской рытой, по серебряной земле травы и листья, шолк алый да вишневый», «бархат кызылбашской, по серебряной земле

¹ В России XVI—XVII в. Сефевидское государство называли обычно Кызылбашским, а всех жителей его — кызылбашами.

люди сидячие и барсы и звери, шолки разные»; «камка кызылбашская» полосата, по ней полосы алые, сизые, в полосах люди и птицы золотые да серебряные, меж их каёмки жолтые», «дороги зеленые гилянские»; «дороги кызылбашские алые, по ней травки мелкие золотные и серебряные»; «дороги кызылбашские, по брусничной земле, по ней деревца золотные с шолками» и т. д. Кроме того, из Ирана в Россию вывозили шелк-сырец, миткаль (плотная хлопчатобумажная ткань), бараны шубы, оружие — сабли кызылбашские, стрелы кызылбашские, луки кызылбашские, луки мешхедские, седла кызылбашские, жемчуг гурмыцкий (ормузский), бирюзу, краски, сушеные фрукты. Размеры торговли Ирана и Азербайджана с Россией в XVII в. очень сильно выросли. В Исфахане, Казвине и других городах Северного Ирана появились русские купцы, а в Шемахе постоянно проживало много русских купцов, имевших там свое подворье и церковь. Через Россию вывозились шелк и другие иранские товары в Польшу (Ляхистан), Германию и Англию.

В Турцию (через Багдад) из Ирана в XVII в. вывозили табак, чернильный орех, грубые ткани из овечьей шерсти, разные шелковые ткани, ковры, множество сафьяна, циновки, разную посуду, сталь, железо в брусках и обработанное, камыш, изделия из самшита; вывоз железа в любом виде из Ирана в Турцию был запрещен, тем не менее никогда не прекращался.

В Индию из Ирана вывозили в большом количестве лошадей, табак, фрукты всех сортов — сушеные, замаринованные, засахаренные, особенно финики и изюм, — мармелад из айвы, вина, фруктовые и цветочные эссенции, фаянсовые изделия, перья, сафьян всех сортов, рабов.

Из Индии в Иран ввозили тонкие хлопчатобумажные ткани, шелковые ткани, металлические изделия, слоновую кость, краски, пряности ароматные и лекарственные изделия, индиго, рабов, предметы транзита из стран Дальнего Востока. Опасным явлением для экономики Ирана, отмеченным путешественниками, было то, что в течение XVII в. баланс торговли Ирана с Индией становился все более и более пассивным; заметна была значительная утечка сефевидской серебряной монеты, а также золотых и серебряных предметов в Индию. При этом торговля с Индией и со странами Дальнего Востока перешла в руки индийских купцов. Во всех почти городах Сефевидского государства, даже в далеких Баку и Шемахе, в XVII в. появились поселения купцов — индусов, которых раньше не было или было очень мало; в Исфахане в последней четверти XVII в. проживало не менее 20 тыс. индусов.

Из России в Иран вывозили по волго-каспийскому пути, через Шемаху или Гилян всевозможные меха, кожевенное сырье, ситец (чит), сукна, полотна, железо, медь, металлические изделия, стекло и стеклянные изделия, шубы, писчую бумагу, сахар, мед, воск, водку, икру, рыбу, огнестрельное оружие; вывоз последнего без специального разрешения был запрещен, но производился нелегальным путем. Русские льняные полотна («кетан-и руси») упоминаются в персидских источниках, как имевшие хождение в Иране, еще в XIV в., но в XVII в. ввоз их намного увеличился. Купцы московские, казанские и «франкские» в портах Гиляна упоминаются около 1629 г.

Из стран Западной Европы в XVII в. вывозили в большом количестве: сукна и вообще текстильные изделия, из Англии, Голландии, Франции, Италии; стекла зеркальные и оконные из Венеции; металлические изделия; предметы роскоши; вина французские, итальянские и другие, сахар, лампы, бумагу писчую и оконную. Особым спросом пользовались английские сукна, так называемые «лондра»¹, т. е. «лондонские». Среди

¹ От итальянского Londra, французского Londres — Лондон.

самих персов появились специальные торговцы этими сукнами — «лондра форуш». В конце XVII в. в трех караван-сараях Исфахана торговали эти «лондра форуши». Таким образом, уже в XVII в. ввоз западноевропейских товаров, главным образом текстильных, был значителен, но еще не настолько, чтобы создать серьезную конкуренцию для иранской ремесленной промышленности. В Иране имели сбыт преимущественно те западноевропейские и русские товары, которые не производились в Иране, как, например, сукна.

Торжество реакционной тенденции в экономике Ирана к концу XVII в., о чем говорилось выше, и, в связи с этим, обнищание деревни и сужение внутреннего рынка, крайне тяжело отразились на состоянии ремесла и торговли в Иране. Рост налогов и торговых пошлин, тяжелый гнет феодального государства, особенно губительный для непривилегированных средних и мелких купцов и для ремесленников, произвол и господство феодалов в городах душили здесь те прогрессивные тенденции, какие появились в начале XVII в. Вот почему в городах Ирана не могло завершиться сложение единого рынка и зачатки нового капиталистического производства не стали господствующей формой производства. Энгельс писал: «... турецкое, как и всякое другое восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности».¹

Следует отметить еще как характерную черту экономического развития Ирана XVII в. то, что хозяйственный подъем наблюдался преимущественно в городах Центрального и Западного Ирана (Исфахан, Шираз, Казвин, Хамадан, Керман, Решт, Фумен, Лахиджан и др.) и Южного Азербайджана (Тебриз, Ардебиль). Напротив, города Хорасана, за исключением Мешхеда и Кандахара, обнаруживают в этот период черты застоя, что объясняется, главным образом, сильным сокращением экономических связей со Средней Азией.

§ 10. Государственный строй Сефевидской державы в XVII в.

Государственный аппарат, заложенный при первых Сефевидях и сформированный при шахе Аббасе I, окончательно сложился при шахе Султан Хусейне (правил в 1694—1722 гг.) Значительное разбухание центрального государственного аппарата (особенно финансового ведомства) было общей особенностью феодализма в Иране и во многих других странах Востока. В течение всего средневековья в этих странах шла борьба сторонников централизованного феодального государства и сторонников феодальной раздробленности — гражданской бюрократии и духовенства, с одной стороны, и местной провинциальной оседлой знати — с другой, опиравшихся на разные категории феодальной земельной собственности (первые на земли государственные, вторые на земли мульковые и ленные разных типов).

Как было сказано выше, на рубеже XVI и XVII вв. политическое руководство в Сефевидском государстве от военно-кочевой (кызылбашской) знати перешло к персидской гражданской бюрократии, опиравшейся на духовенство и крупное купечество. Причины этого переворота пока еще не вскрыты исследователями, что объясняется слабой изученностью истории экономики Ирана. Следствием же этого переворота, как сказано выше, было расширение фонда земель диванских, хассэ и вакфных и усиление централистской тенденции во внутренней политике. Эта цен-

¹ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 22.

тралистская тенденция, однако, не могла быть вполне последовательной и не могла привести к полной ликвидации феодальной раздробленности, потому что не находила достаточной опоры в экономическом развитии страны и потому что военно-кочевая и провинциальная знать все еще сохраняли известное влияние и в центре, и на местах и имели достаточно сил для сопротивления.

Можно сказать с уверенностью, что никогда в Иране государственный бюрократический аппарат не был таким громоздким, разбухшим, разветвленным и сложным, как в XVII в. Он подробно описан в «Тазкират ал-мулук». Значительные разъяснения относительно отдельных должностей и ведомств даны персидскими историками, каковы Искендер Мунши, Мухаммед Тахир Вахид и др., и европейскими путешественниками, особенно Шарденом, Кемпфером и Рафаэлем дю Ман. И все-таки остается еще немало неясного, — настолько сложен был этот бюрократический аппарат.

Власть шаха (или, точнее, шаханшаха), разумеется, считалась неограниченной. Совещательные права имел высочайший меджлис (меджлис-и а'ла), оказывавший большое влияние на дела государства. При шахе Аббасе I в состав высочайшего меджлиса входило семь «столпов державы» (аркан-и доулет): великий везир, меджлис-невис, диван-беги, курчи-башы, куллар-агасы, туфенгчи-агасы и эшых-агасы-башы. Главнокомандующий войсками всего Ирана (сипахсалар-и кулл-и Иран) приглашался в высочайший меджлис только при обсуждении дел, касавшихся войска, охраны границ или угрозы войны. В конце XVII в. в состав высочайшего меджлиса были введены еще три сановника: мустоуфи ал-мамалик, назир-и буютат и мир-шикар-башы.

Великий везир, иначе везир высокого дивана (везир-и диван-и али) или везир дивана империи (везир-и диван-ал-мамалик), именовался также «доверие державы» (и'тимад-ад-доулэ) и «правым везиром» (везир-и раст). Он был первым лицом после шаха, главою гражданской администрации и хранителем большой царской печати, называемой «мухр-и михр асар» («отмеченная милостью печать»). Без утверждения великого везира не мог иметь силы ни один акт, касавшийся податей, дворцовых ведомств, назначения высших и средних чиновников, пожалований титулов, союргалов и т. д.; он же контролировал исполнение бюджета и ведал внешними сношениями. В отличие от Турции, где великий везир был одновременно и главнокомандующим, в Сефевидском государстве должность великого везира была чисто гражданской. Как ни велика была власть великого везира, его, как и остальных сановников, в любой момент мог сместить и казнить шах.

Меджлис-невис (иначе ваки'э невис) был помощником великого везира, а в случае его отсутствия — его заместителем в верховном меджлисе. Он именовался еще «левым везиром» (везир-и чеп). Он вел также протоколы верховного совета, заведывал государственным архивом и был придворным историографом.

Диван-беги был верховным гражданским судьей. Со времен монгольского владычества в Иране суд уже не целиком находился в руках духовенства. В XVII в. диван-беги, вместе с великим садром — главою духовенства, выносил приговоры по политическим преступлениям (заговоры против шаха, государственная измена и т. д.), а также по уголовным преступлениям четырех категорий: убийство, изнасилование, членовредительство и ослепление. Кроме того, диван-беги два дня в неделю посвящал разбору дел на основании урфа (иначе адат — «обычай», законодательство, выходившее за пределы мусульманского права, в частности обычное право кочевников). Диван-беги также контролировал исполнение решений мусульманских духовных (шариатских) судов (ведавших

делами гражданскими и остальными уголовными) и духовных судов иноверцев (судов христианских епископов и еврейских раввинов). Наконец, диван-беги был высшей апелляционной инстанцией.

Мустоуфи ал-мамалик («казначей империи») был заместителем великого везира по дивану ал-мамалик. В его ведении находились весь налоговый аппарат, составление приходной и расходной частей бюджета, утверждение податных списков.

Курчи-башы был начальником гвардейского корпуса курчиев и феодального ополчения кызылбашей. Куллар-агасы (азерб.; букв. «начальник рабов»), почти всегда грузин, был начальником гвардейского конного корпуса гулямов, состоявшего в большинстве своем из грузин, юридически считавшихся личными рабами шаха.¹ Туфенгчи-агасы был начальником гвардейского корпуса туфенгчиев.

Сипахсалар-и кулл-и Иран был главнокомандующим всех видов войск. То обстоятельство, что он заседал в верховном совете только при обсуждении военных вопросов, было одним из последствий перехода руководящей роли к гражданской бюрократии.

Эшык-агасы-башы (азерб.; букв. «голова начальников порога [дворца]») был главным церемониймейстером шахского двора. Назир-и буютат был начальником всех хозяйственных учреждений шахского двора, в том числе и придворных ремесленных мастерских. Мир-шикар-башы был начальником шахской охоты; в его ведении находились ловчие, сокольничьи и др. Его значение определялось тем, что большие облавные охоты, в которых участвовали, помимо шаха и двора, десятки тысяч воинов, ополченцев и крестьян-загонщиков зверей, охватывавшие большое пространство, играли роль военных маневров и заменяли последние.

Из множества других должностей центрального аппарата следует выделить, по их значению, следующие: топчи-башы — начальник артиллеристов; даруга-и дафтар-ханэй-и хумаюн — начальник шахской канцелярии; мустоуфий-и диван-и хассэ — главный казначей (или начальник) дивана собственных доменов шаха; мустоуфий-и моукуфат — главный казначей вакфных имуществ.

Во главе мусульманского шиитского духовенства, точнее сословия богословов, стояли два великих садра (или садра садров — «садр-ас-судур»), один для областей дивана, другой для областей хассэ (см. ниже). В ведении великих садров находились духовные суды и вакфные имущества; им подчинялись богословы высшие (муджтехиды) и низшие (улема), а также областные шейх-ал-исламы и садры (заведывавшие вакфами областей) и местные казии (духовные судьи). В конце XVII в. была учреждена, специально для влиятельного муджтехида Мухаммед-Бакира Меджлиси, известного фанатика и реакционера, должность мулла-башы — верховного главы всего шиитского духовенства. Обычно шах, перед изданием указа, запрашивал муджтехидов относительно законности данного акта с точки зрения мусульманского права. Муджтехиды составляли краткое богословско-юридическое заключение (фетву), на котором затем и основался шахский указ.

Огромен был штат шахского двора. Кроме упомянутых уже назир-и буютат, эшык-агасы-башы и мир-шикар-башы отметим следующие придворные должности: михмандар-башы, заведывавший приемом послов и знатных гостей; два мир-ахур-башы, т. е. начальника конюших, из которых один, «передний», заведовал придворными конюшнями, а другой, «степной», — шахскими конскими заводами; кушчи-агасы — начальник сокольников; суфраджды-башы — начальник стольников; халваджы-

¹ Следует помнить, что юридически положение шахских рабов было далеко не то, что положение рабов частных лиц.

башы — начальник придворных кондитеров; шарабджы-башы — начальник виночерпиев; мунаджжим-башы — начальник придворных астрологов; амбардар-башы — начальник дворцовых складов, хаджэй-и сарай — главный евнух шахского гарема и др. Многие из этих должностей были только почетными синекурами.

У каждого из названных гражданских, военных, духовных и придворных сановников были свои канцелярии и штаты чиновников. Вознаграждение сановников складывалось из доходов от сюргальных и титульных земель, из «жалованья» (маваджиб) и из процентных отчислений от множества «подарков» (пишкеш), поступавших к шаху от вассалов и изю всех областей в обязательном порядке, в деньгах и натурой.

Вся территория государства делилась на две неравных части — области дивана и области хассэ.¹ В областях дивана преобладали государственные (диванские) земли,² и там не было вовсе собственных имений шаха. В области хассэ, напротив, преобладали земли шахской фамилии и не было государственных земель; мульковые и вакфные земли могли быть в областях обеих категорий. Области дивана находились в ведении упомянутого уже дивана ал-мамалик, области хассэ — в ведении особого диван-и хассэ. Эти диваны соответственно взимали подати (ренту-налог и налоги) с земель всех категорий (кроме земель, имевших право налогового иммунитета, каковы сюргалы, вакфы и т. д.), находившихся в областях дивана или хассэ.

Из податных поступлений, обязательных «подарков», ввозных, вывозных и транзитных пошлин и добычи рудников складывались доходы обоих диванов, иначе говоря, приходная часть бюджета государства. Ежегодный приход Сефевидского государства Олеарий (1639 г.) определяет в 8 млн. рейхсталеров, т. е. 640 тыс. туманов (6 400 млн. динаров), Шарден (1677 г.) в 32 млн. дивров или 700 тыс. туманов (7 млрд. динаров), «Тазкират ал-мулук» (1725 г.) указывает цифру 7 856 235 808 динаров (т. е. свыше 785 623 туманов); последняя сумма складывалась из поступлений с областей дивана — 6 086 523 403 динаров и из поступлений с областей хассэ — 1 769 712 405 динаров. Таким образом, на протяжении приблизительно 85 лет (1638—1725 гг.) ежегодный доход Сефевидского государства колебался между 640 тыс. и 785 тыс. туманов. Последняя и вместе с тем наибольшая из приведенных цифр была в 10 раз меньше ежегодного дохода Франции и в 2½ раза меньше ежегодного дохода Англии на рубеже XVII и XVIII в., несмотря на то, что Сефевидское государство и по территории и, вероятно, по количеству населения, было больше Франции, не говоря уже об Англии. Это сопоставление показывает, насколько Иран в XVII в. в экономическом развитии отставал от Франции и Англии.

Во главе управления областей дивана (преимущественно это были пограничные области) стояли беглербег, соединявшие в своих руках власть административную и военную — командование местными феодальными ополчениями. Областей, управляемых беглербегам, к концу XVII в. было тринадцать: Ширван, Карабаг и Ганджа, Азербайджан (Южный, т. е. Иранский), Чухур Са'д (область Еревана, т. е. Восточная Армения), Казвин, Каламров (Хамадан), Кух Гилуйэ (Фарс), Керман, Гурган и Астерабад, Мешхед, Херат, Мерв-и Шахджан, Кандахар.

В XVI в. беглербегства наследственно принадлежали главам кызылбашских кочевых племен: Карабаг и Астерабад принадлежали гла-

¹ Это разделение аналогично разделению России на «земщину» и «опричнину» при Иване Грозном. Слово «опричина» и есть, в сущности, хороший русский перевод слова «хассэ».

² Следует помнить, что формально тиулы, сюргалы и земли кочевых племен (юрты) причислялись к государственным (диванским) землям.

зам двух колен племени каджар, Фарс — главе племени зулкадар, Керман — главе племени афшар и т. д. В XVII шахское правительство пыталось ликвидировать наследственность в управлении беглербегствами, но это удалось только отчасти, в некоторых областях. В XVI в. власть беглербегов была очень сильна, и иногда они мало считались с центральной властью в лице шаха. Чтобы ограничить власть беглербегов, центральная власть при шахе Аббасе I окружила беглербегов чиновниками, назначенными из центра и подчиненными центру. При каждом беглербеге находились джанишин — заместитель беглербегга, следивший за его действиями и доносивший о них в центральный диван, областной везир, ведавший местными финансами, и др.

От беглербегов зависели хакиды округов области, это чаще всего были местные наследственные феодальные владельцы из кочевой или оседлой знати. Из их феодальных ополчений составлялось феодальное ополчение области. Ополчение всех беглербегских областей, согласно «Тазкират ал-мулук», насчитывали 51 379 воинов. Беглербег и хакиды имели свои местные бюджеты. Часть местных податных поступлений беглербег и хакиды присваивали себе. Их лихоимство и произвол вошли в поговорку. По словам Рафаэля дю Ман, персы, говоря о беглербеггах и хакимах, не спрашивали, кто управляет такой-то областью, а спрашивали, кто обедает такую-то область.

Области хассэ, располагавшиеся преимущественно внутри государства (как, например, Ардебиль, Гилян, Мазендеран, Исфahan) управлялись особыми везирами и амилиями с чисто гражданской властью, назначенными шахским правительством. По отношению к райятам их управление было не лучше управления беглербегов. Доходы с областей хассэ шли на содержание шахского двора, его штата и его ведомств.

Выше беглербегов по положению стояли валии. Так шахское правительство именovalo своих самых сильных вассалов, наследственных государей стран и областей, лежавших на окраинах Сефевидской державы. По достоинству валии (их было пять) располагались в таком порядке: валий Арабистана,¹ валий Луристана, валий (царь) Картлии, валий (царь) Кахетии,² валий Курдистана (Иранского). Валии имели свои собственные органы управления, своих вассалов, свои бюджеты, свое законодательство, свою особую податную систему, свои феодальные ополчения. Шахское правительство мало вмешивалось во внутренние дела их территорий. Их зависимость от шахского правительства выражалась, главным образом, в том, что они посылали к шахскому двору, вместо дани, «шахские караваны» с обязательными «подарками» (цари Картлии и Кахетии — вино и рабов обоего пола, валий Курдистана — масло и прочую продукцию скотоводства) и, в случае войны, поставляли в феодальное ополчение центрального правительства определенное число воинов (валий Курдистана — 1 400 воинов). Наследственные владельцы Систана и области бахтияров (иранское кочевое племя), хотя и не имели титула валиев, но, по сути дела, имели одинаковые с валиями права.

Что касается религиозной политики Сефевидов, то в течение всего XVI в. (кроме краткого правления шаха Исмаила II с 1576 по 1577 гг.) и в XVII в. при шахе Аббасе I шахское правительство преследовало мусульман — суннитов (их было много в Ширване, Курдистане, Афганистане, среди туркмен в Гургане и т. д.) и навязывало им шиитское испо-

¹ Валии Арабистана (т. е. Хузистана) происходили из потомков Муша'ша, вождя народного движения в Хузистане в XV в. (см. в главе VI), со временем превратившихся в феодалов.

² Валии Картлии и Кахетии были наследственными царями двух частей Восточной Грузии; под давлением шаха Аббаса они притворно приняли ислам шиитского толка, но не пытались навязать его христианскому населению Грузии.

ведение (имамитский толк). Эти гонения вызывались, главным образом, политическими соображениями: суннитов подозревали в сочувствии узбекским ханствам или Турции. Когда войны с этим суннитским государством прекратились (с 1639 г.), прекратились и гонения на суннитов. К иноверцам (христианам, иудеям, зороастрийцам, индусам) шахское правительство и в XVI и в XVII в. относилось с большей терпимостью, нежели к суннитам и другим мусульманским «еретикам».

Путешественники отмечали, что в 40—90-х годах все религиозные культы в стране были терпимы. Следует помнить, что в то же самое время в большинстве стран Западной Европы не было даже относительной свободы культов, и разрешалось исповедание одного только государственного культа.¹ Не удивительно, что француз Шарден, представитель протестантов-гугенотов, которых во Франции при Людовике XIV жестоко преследовали, удивлялся сравнительно широкой веротерпимости в Иране. Шарден писал: «Если исключить духовных лиц, которые здесь таковы же, как и в других странах, быть может и еще более нетерпимы... то вы найдете персов очень гуманными и очень справедливыми относительно религии, вплоть до того, что они позволяют людям, принявшим их религию, покидать ее и снова принимать свою прежнюю религию».

В самом конце XVII в., когда при шахе Султан-Хусейне усилилось влияние фатахитского шиитского духовенства, в частности упомянутого уже мракобеса Мухаммед-Бакира Меджлиси, шахское правительство вернулось к политике гонений на суннитов и стало притеснять христиан, иудеев и зороастрийцев.

§ 11. Народное восстание в Гиляне

Укрепление центральной власти дало возможность шаху Аббасу I подавить с большой жестокостью все восстания на местах. Но немедленно после его смерти народные восстания стали вновь угрожать державе Сефевидов. Эти восстания до сих пор почти не изучены.

Одним из самых мощных народных восстаний XVII в. было восстание в Гиляне в 1629 г., вызванное тяжестью налогов.² Оно хорошо описано в источниках — автором «Истории Гиляна» Фумени, Искендером Мунши (в его продолжении «Тарих-и алем арай-и Аббаси»), а также Олеарием. Сперва восстали (в апреле 1629 г.) немногие мелкие феодальные владетели Гиляна, которые увидели в смерти Аббаса I удобный случай для того, чтобы отложиться от Ирана и восстановить старинную независимость Гиляна. Они разыскали сына Джемшид-хана рещтского, из низложенной Аббасом I династии ханов Гиляна Бийз пас, Калинджар-султана, которого из страха перед шахом Аббасом воспитывали «в одежде бедности и бренности, в неизвестности и горести», в апреле 1629 г. провозгласили его государем (султаном), дав ему имя Адиль-шаха («справедливый царь»)³. Восставшая знать задумала использовать в своих целях недовольство крестьянских масс (гилянских и талышских) высокими налогами, введенными шахским правительством после превращения Гиляна в область личных доменов шаха — хассэ в 1592 г.

¹ Например, в некоторых католических государствах (Португалия, Испания и их колонии) протестантам грозил костер еще в XVIII в.; в протестантских государствах (Англия, Шотландия, Голландия, Дания, Швеция) тайное отправление католического культа наказывалось тюрьмой, а при рецидивах — виселицей, вплоть до второй половины XVIII в.

² Податные льготы, введенные при шахе Аббасе I в Центральном Иране, не распространялись на Гилян. Там налоговый гнет был даже усилен.

³ Сторонники шаха называли Калинджар-султана Гариб-шахом.

Знамя Калинджар-султана объединило «сборище обездоленных и толпу людей без имени и отличия». Общее число восставших доходило до 30 тыс. человек. Вскоре восставшие крестьяне стали действовать самостоятельно, мало считаясь с Калинджар-султаном и его эмирами. Восставшие феодалы перестали играть активную роль в движении. Шахский везир Гиляна Бийэ пас с частью местной знати, оставшейся верной шаху Сефи I, «вознамерился встретить битвой злополучное войско черни» на берегу реки Сийях-рудбар, но был разбит наголову. После этого везир, калантары городов и большая часть землевладельцев (арбаб) и знати (а'йян) бежали. Тогда «войско черни» заняло Решт, Фумен, Лахиджан и другие города, вся область оказалась в руках восставших.

В Реште восставшие разгромили казенные амбары, взяв оттуда 200 харваров (59 тыс. кг) шелка-сырца, собранного шахскими чиновниками в виде подати с крестьян, «раздарили его черни (аразиль) и подонкам (оубаш)», т. е. бедноте. Некоторые «из уважаемой и именитой части простонародья» (т. е. из среднего слоя горожан), пришли к Калинджар-султану и просили его принять меры к охране складов, говоря: «Ведь этот шелк идет для тебя». Эпизод этот указывает на противоречие интересов в рядах восставших. В Реште и Лахиджане были забраны также товары «купцов московских и франкских» (европейских), хранившиеся в казенных амбарах. В Фумене восставшие хотели предать огню дома калантара и знатных людей, но Калинджар-султану и верхушке восставших удалось отговорить их от этого. Действия крестьян и городской бедноты были лишь проявлением негодования, определенной программы и плана действий у них не было.

Правительство шаха Сефи I поручило подавление восстания Сарухану талышскому, прислав ему ферман и почетный халат. Собрав ополчение соседних ханов и гилянской знати, оставшейся верной шаху, Сарухан умело использовал неорганизованность и стихийность действий восставших и разбил их по частям. Из-за предательства сына одного из присоединившихся к восстанию феодалов, планы восставших стали известны Сарухану. Благодаря этому в битве близ Кучисфахана (17 июня 1629 г.) войско восставших было разбито ополчением ханов; восставшие потеряли убитыми 7870 человек. Остановившись в мятежном округе Лештэ-Ниша, «великие ханы» с войском захватили жен и дочерей жителей, как пленниц и рабынь, а «всякого из мятежников, кого схватывали и приводили, убивали, не щадя». Калинджар-султан был взят в плен и замучен. Восстание было подавлено, но отдельные отряды восставших укрылись в густых гилянских лесах и чащах и вели партизанскую войну. Напуганное настроением населения шахское правительство предписало Сарухану освободить мирных жителей, захваченных в рабство, и «победоносные воины, — как писал Фумени, — освободили всю толпу пленников, дабы они, отправившись в свои жилища, усердствовали в молитвах об устойчивости близкой к вечности державы [шахской]». Убытки шахской казны и знати исчислялись в 300 тыс. туманов. Шахские чиновники потом старались покрыть эти убытки, вымогая пытками деньги у людей, подозреваемых в участии в разгроме складов.

Гилянское восстание 1629 г. было ярким проявлением обострения классовых противоречий, характерного для периода позднего феодализма.

§ 12. Иран при преемниках Аббаса I

Шах Сефи I (правил в 1629—1642 гг.), изнеженный и болезненно жестокий юноша, оттолкнул от себя всех наиболее способных сотрудников Аббаса I. Он по пустому подозрению казнил самого даровитого из

них Имам-Кули-хана, завоевателя Ормуза. Внешнеполитическое положение Ирана при нем поколебалось. Натиск узбекских ханов на Хорасан удалось, правда, отразить, но Кандахар был захвачен великим моголом Шах-Джеханом. Турция, испытав ряд неудач в войнах в Европе, при султানে Мураде IV (правил в 1623—1640 гг.) стремилась снова к завоеваниям на востоке. Войско Мурада IV напало на Армению и Азербайджан. Война с Турцией возобновилась. В этой войне Сефевидское государство вынуждено было ограничиться обороной. Турецкие войска разрушили г. Хамадан, вырезав население его, заняли на время Ереван, сожгли Нахчеван и Тебриз, наконец, взяли Багдад (1638 г.). По миру 1639 г. граница между Сефевидской державой и Турцией в странах Закавказья осталась прежней, но Ирак Арабский с Багдадом так и остался в руках Турции.

В 1637 г. Иран посетил Бругман, посол Гольштинии, мануфактуры которой перерабатывали персидский шелк. Прибыв на обратном пути в Москву, Бругман представил московскому правительству план оккупации военными силами России прикаспийских областей, где находились главные шелководческие районы, с тем, чтобы Россия предоставила гольштинским купцам ряд привилегий по вывозу шелка. Московское правительство посмотрело тогда на этот план, как на авантюру, но впоследствии он был частично реализован Петром I. Сефи I наследовал сын его Аббас II (правил в 1642—1666 гг.), пьяница, чувственный и слабый юноша, подчинившийся влиянию придворной камарильи. При нем был отвоенан обратно Кандахар (1649 г.). Иран все еще переживал период хозяйственного подъема, и европейские путешественники, посетившие Иран, говорят о процветании страны.

При Аббасе II заметно укрепились торговые связи Ирана с Россией. Тогда же возник первый серьезный конфликт между Ираном и Россией. Ограбление каравана ширванских купцов, в котором шахское правительство обвиняло гребенских казаков (1650 г.), вызвало поход ополчений шахских беглербегов стран Закавказья на русскую крепость Сунженский городок (1653 г.). Русские купцы, находившиеся в Иране, были задержаны здесь, так же, как и иранские купцы в России. Конфликт был ликвидирован только в 1662 г. В 1667 г. прикаспийские области подверглись нападению казаков Степана Разина, вызвавшему серьезное беспокойство шахского правительства, предписавшего феодалным владетелям (ханам) каспийского побережья от Астарабада до Дербенда привести в готовность все свои боевые силы. В то же время, по рассказу хрониста Мухаммеда Тахир Вахида, иранское правительство прекрасно понимало, что поход «казаков-кафиров» Разина не был организован Московским государством и был предпринят ими без согласия «высокодостоинного падишаха урусов», царя Алексея, у которого в то время были хорошие отношения с Ираном. Есть основания думать, что шахское правительство опасалось, что казаки могут найти союзников среди населения каспийского побережья.

При Аббасе II до семи тысяч кочевых узбеков со своими эмирами и с одним из царевичей, вследствие междоусобий в Мавераннахре, искали убежища в Иране; они были приняты на шахскую службу; в странах Закавказья было принудительно набрано семь тысяч девушек, которых роздали этим узбекам в жены. Отношения Сефевидской державы с Турцией оставались мирными до 20-х годов XVIII в. Между обоими государствами установилось известное равновесие сил, и возобновление военных действий казалось обоим правительствам бесперспективным.

При Сефи I и Аббасе II усилилась роль европейских купцов в Иране. Сефи I заключил соглашение с английской Ост-Индской компанией,

обязавшейся ежегодно вносить шаху в виде «подарка» 1500 фунтов стерлингов и покупать шелка ежегодно на 60 тыс. фунтов стерлингов. Однако с половины 40-х годов XVII в. первое место в торговле с Ираном заняли соперники англичан голландцы, также получившие право беспошлинного вывоза шелка из Ирана. При Аббасе II привилегии даны были также французским купцам, фактории которых появились в Исфахане и Бендер Аббасе.

При шахе Сулеймане (иначе Сефи II; правил в 1666—1694 гг.), бывшем ничтожным орудием в руках придворной камарильи и евнухов, стали заметны уже первые признаки хозяйственного и политического упадка Ирана. Возобновились вторжения узбекских ханов в Хорасан, а голландцы завладели островом Кишм в Персидском заливе.

ГЛАВА IX

УПАДОК ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ИРАНЕ В XVIII в.

§ 1. Общая характеристика периода

Как сказано было в предшествующей главе, к концу XVII в. в экономическом развитии Ирана победила реакционная тенденция. Хозяйственный подъем к концу XVII в. сменился упадком. Непосредственной причиной этого упадка экономики Ирана был непомерный рост феодальной ренты и налогов, приведший к разорению деревни, к сужению внутреннего рынка, сокращению товарного производства и торговли, к сильнейшему обострению классовых противоречий. Вся история Ирана в XVIII в. отмечена крестьянскими восстаниями против усилившейся феодальной эксплуатации и освободительными движениями армян, грузин, азербайджанцев, курдов, афганцев, туркмен против ига ненавистного шахского государства, высасывавшего из этих народностей все соки. В то же время очень усилились и противоречия внутри класса феодалов, между отдельными его группами, боровшимися за власть и за перераспределение земель — источников уменьшившихся поступлений прибавочного продукта. Отсюда непрерывные феодальные междоусобия, красной нитью проходящие через всю историю страны в XVIII в. Знаком экономического упадка отмечен весь XVIII в. Упадок и все возрастающее отставание экономики Ирана от экономики европейских стран и его политическая слабость в конце XVIII в. подготовили почву для усиленного проникновения в Иран с начала XIX в. иностранного промышленного капитала и для превращения Ирана в дальнейшем в зависимую, а потом и в полуколониальную страну.

§ 2. Основные источники по истории периода

Персидская историография и в XVIII в. дала много трудов, имеющих для нас значение важных источников. Упадок культуры Ирана в XVIII в. сказался и на историографии. Содержание повествовательных исторических сочинений, за немногими исключениями, подчиняется теперь литературной форме «высокого стиля», и живое изложение конкретных событий заменяется условными и трафаретными панегириками и цветистыми, но часто бессодержательными описаниями подвигов шахов, ханов и полководцев. Из отдельных исторических сочинений на персидском языке наибольшее значение имеют нижеследующие.

Для первых четырех десятилетий XVIII в., как и для конца XVII в., источником важного значения является «Зубдат-ат-таварих» («Сливки истории»), составленный в 1741/2 г. *Мухаммедом Мухсином*, великим мустоуфием (главным казначеем или министром финансов) Надир-шаха.

по заказу последнего, для его сына Риза-кули-хана. Это труд типа всеобщей истории, со сжатым, но богатым фактами рассказом об упадке Сефевидской державы и о возвышении державы Надир-шаха. Труд этот тенденциозен, чернит последних Сефевидов и рисует деятельность Надир-шаха в идеализованном виде. Труд известен в немногих рукописях,¹ не издан; в хранилищах СССР рукописей его не имеется или они пока не выявлены.

Шейх *Мухаммед Али Хазин* (1692—1766), потомок упомянутого раньше шейха Захида Гиляни, известный ученый своего времени, автор трактатов по зоологии и биографического труда о поэтах — своих современниках, много путешествовал и около 1740 г. составил автобиографию или, точнее, мемуары. Эти мемуары, под заглавием «Тазкират ал-ахвал-и шейх Хазин, ке худ невиштэ аст» («Памятка жизненных судеб шейха Хазина, каковую он сам написал»), являются одним из ценнейших источников по истории Ирана 20—30-х годов XVIII в. Автор рисует картину хозяйственного упадка страны, бедственного состояния отдельных областей Ирана и Азербайджана во время турецкого и афганского вторжений, описывает народные движения, направленные против иноземных турецких и афганских захватчиков. Шейх Хазин сообщает много фактов и интересных деталей событий, очевидцем и внимательным наблюдателем которых он был. Шейх Хазин держался сефевидской ориентации. Имеется европейское издание его труда.

Специально о правлении и завоеваниях Надир-шаха написано в XVIII в. свыше двадцати исторических трудов на персидском языке, в Иране и Индии. Из этих трудов наиболее ценными являются сочинения *Мирзы Мехди-хана* и *Мухаммед-Казима*.

Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади происходил, по некоторым данным, из фамилии Сефевидов, что не помешало ему служить Надир-шаху в качестве личного секретаря (мунши). Мирза Мехди-хан — образованный филолог, знаток тюркских языков, автор узбекско-персидского словаря «Санглах», грамматики персидского языка, участник сделанного по приказу Надир-шаха перевода Евангелия на персидский язык. Мирза Мехди-хан составил большой труд по истории правления Надир-шаха, под заглавием «Тарих-и Надири» («Надинова история»). Труд этот снискал громкую славу, выше своих действительных достоинств, в странах Востока и Европы. Он выдержал двенадцать литографированных изданий на Востоке (в Иране и в Индии)² и сохранился во множестве рукописей в разных хранилищах мира,³ в частности в хранилищах СССР.⁴ Еще в XVIII в. вышло три перевода труда Мехди-хана на европейские языки.⁵ Есть и более поздние переводы.⁶ Но научно-критического издания персидского текста до сих пор нет.

Мехди-хан сознательно подражал персидскому историку начала XIV в. Вассафу, прославившемуся своим изысканным и вычурным стилем. Изложение Мехди-хана, пожалуй, в еще большей мере, нежели у Вассафа, отличается напыщенным языком, перегруженным метафорами,

¹ Перечень их см. у Storey, ч. II, вып. I, стр. 136.

² В том числе пять изданий в Тебризе, четыре — в Тегеране и по одному изданию в Калькутте, Бомбее и Лахоре.

³ Перечень рукописей и изданий см. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 322—324.

⁴ В Ленинграде (Публичная библиотека и ИВ АН СССР) и в Ташкенте (ИВ АН УзССР).

⁵ Вильямом Джонсом (W. Jones) выполнены и изданы были переводы на французский язык (издания 1770, 1799, 1807 гг., все три в Лондоне) и английский (Лондон, 1773); издан также немецкий перевод с французского перевода Джонса (Грейфвальд, 1773).

⁶ Новый английский перевод Guffar Syed (Ахмедабад, 1908); перевод на язык урду, 1268 г. х. = 1851/2 гг. н. э.

хронограммами, стихотворными загадками и различными словесными техническими трюками. Но, в отличие от Вассафа, у Мехди-хана литературная форма подавляет содержание. По изяществу языка и стиля труд Мехди-хана не имеет себе равных в персидской историографии XVI—XVIII вв., — это-то и создало ему столь громкую славу, — но он имеет значение скорее литературного, нежели исторического труда. Тем не менее, он сообщает ряд важных сведений по истории (преимущественно военной и политической) Ирана, закавказских стран и Афганистана времени правления Надир-шаха, также о народных движениях того времени; важно также то, что Мехди-хан отличается точностью в датировках событий. Труд Мехди-хана с начала до конца выдержан в стиле па-негирика.

Как доверенное лицо Надир-шаха, Мехди-хан был хорошо осведомлен обо всех политических событиях своего времени, хотя и излагал их очень тенденциозно.

Другой труд Мехди-хана — «Дуррэ-йи Надири» («Надинова жемчужина») является вариантом первого труда и по содержанию почти тождествен ему. Он также сохранился в значительном числе рукописей и выдержал шесть литографированных изданий в Иране и Индии.¹

Мехди-ханом составлен также сборник официальных документов («Инша»), вышедших из-под его пера, написанных в том же напыщенном и цветистом стиле. В эту коллекцию вошли некоторые указы Надир-шаха о назначениях сановников, дипломатические документы, вафные грамоты, донесения и письма. Автор подбирал документы не ради их содержания, а как образцы канцелярского литературного стиля. Поэтому составленная им коллекция не может претендовать на полноту. Есть литографское издание.²

Долгое время труды Мехди-хана рассматривались исследователями как основные источники по истории времени Надир-шаха. Акад. В. В. Бартольд ввел в научный обиход (1919 г.) новый источник по истории этого времени, значительно более ценный. Это огромный труд *Мухаммед-Казима*. В. В. Бартольд признавал труд Мухаммед-Казима фундаментальным источником, превосходящим по значению все остальные источники времени, не исключая и труда Мехди-хана.

Известна лишь одна единственная рукопись труда Мухаммед-Казима (возможно, автограф или выполненный по заказу автора список) в трех томах. Первоначально были обнаружены только два последние тома этой рукописи, поэтому и заглавие труда не было известно.³ Незадолго до Отечественной войны 1941—1945 гг. в Москве был обнаружен первый том той же рукописи,⁴ после чего стало известно и заглавие труда Мухаммед-Казима — «Алемарай-и Надири».⁵

Первый том труда Мухаммед-Казима излагает события истории Ирана до вступления на престол Надир-шаха, второй том — события 1736—1743 гг., третий том — события последних годов правления Надир-шаха (1743—1747).

Мухаммед-Казим, с юных лет состоявший на шахской службе (одно время он был везиром Мервской области), имел доступ к государственным архивам. Его труд «Алемарай-и Надири» обнаруживает хоро-

¹ Перечень рукописей и изданий текста см. у Storey, т. II, вып. 2, стр. 324. Последнее издание — лахорское, 1923.

² Выпущено в Тебризе в 1294 г. х. (1877 г. н. э.).

³ Предполагали, что труд назывался «Надир-намэ».

⁴ В настоящее время все три тома труда Мухаммед-Казима находятся в рукописном хранилище Ленинградского отделения ИВ АН СССР.

⁵ Букв. «Драгоценный мироукрашатель». Здесь игра слов: «Надири» — «драгоценный», но также и «надиров». Под «мироукрашателем» (или «мироустроителем»), конечно, понимается сам Надир-шах.

шее знакомство с документами, особенно с документами налогового ведомства и с состоянием финансов Ирана того времени. Конечно, Мухаммед-Казим выступает, как сторонник Надир-шаха, но, не в пример Мехди-хану, несравненно более последнего объективен в изображении событий. При всей своей лояльности по отношению к Надир-шаху, Мухаммед-Казим не отказывается от критики отдельных его мероприятий. В частности, налоговую политику Надир-шаха, ложившуюся тяжелым бременем на трудовое население, Мухаммед-Казим считал большой несправедливостью. Наряду с описаниями походов Надира, Мухаммед-Казим дает обильный социально-экономический материал. Его у него больше, чем у других персидских авторов XVIII в. Мухаммед-Казим приводит подробные описания народных восстаний, о которых он, представитель шахской бюрократии, говорит во враждебном тоне; однако это скорее принятая официально-условная манера изложения, нежели личное мнение автора, поскольку в некоторых случаях он подчеркивает, что эти восстания вызывались полной невозможностью для крестьян, кочевников и горожан внести наложенные на них подати в пользу казны.

Труд Мухаммед-Казима — наиболее ценный источник по истории Ирана первой половины XVIII в. Он не издан и не переведен.

Для истории феодальных междоусобий, наступивших в Иране после гибели Надир-шаха, источником служит «Муджмал-и тарих-и ба'д Надирийэ» («Конспект посленадировой истории») Абу-л-Хасана *ибн Мухаммед-Амина* Гулистанэ в двух томах. В первом томе изложены события 1747—1750 гг., во втором — история Ахмед-шаха Дуррани и основания Афганского государства. Есть европейское издание персидского текста.¹

Мирза *Мухаммед Садык Мусеви Нами*, происходивший из исфаханской знати (умер в 1790 г.), составил незаконченную официальную историю Керим-хана Зенда (1750—1779), под заглавием «Тарих-и гитигушай» («История покорителя вселенной»), иначе «Тарих-и Зендийэ» («Зендская история»). После смерти автора два продолжения его труда составили мирза *Абд-ал-Керим* и *Мухаммед Риза Ширази*, доведя изложение событий до 1794 г. н. э. Персидский текст «Тарих-и гитигушай» с упомянутыми продолжениями был издан в Иране.²

Али Риза ибн Абд-ал-Керим Ширази составил труд по истории Зендской династии от смерти Керим-хана (1779) до гибели Лютф-Али-хана (1794), также под заглавием «Тарих-и Зендийэ». Имеется значительное число рукописей.³ Есть и издание персидского текста.⁴

Абу-л-Хасан ибн Ибрахим Казвини составил «Фаваид-и Сефевийэ» («Мораль [рассказа] о Сефевидях») — труд по истории Ирана при Сефевидях, Афшарах, Зендах, до утверждения династии Каджаров, т. е. до 1796/7 г. Оригинальна та часть труда, которая излагает события конца XVII и всего XVIII в. Труд не издан, известен в небольшом числе рукописей.⁵ В СССР рукописей этого труда не имеется.

Абд-ар-реззак-бек Думбули (1762—1827), по происхождению курд из племени думбули, служил наследнику иранского престола Аббас-Мирзе (умер в 1833 г.). Составил «Маасир-и султаныйэ» («Памятники султанские») — труд по истории правления первых двух представителей Каджарской династии — Ага Мухаммед-шаха и Фатх-Али-шаха, доведенный до 1813/4 г. н. э. «Маасир-и султаныйэ» — важный источник по

¹ Издано в Лейдене Оскаром Манном (1891).

² Изд. проф. Нефиси, Тегеран, 1317 г. х. солн. = 1938 г. н. э. — Есть рукопись в Ленинградской Публичной библиотеке.

³ Перечень рукописей см. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 332.

⁴ Издатель Э. Беер, Лейден, 1888.

⁵ Перечень рукописей см. у Storey, ч. II, вып. 2, стр. 320.

политической истории Ирана конца XVIII — начала XIX в., автор — яркий сторонник Каджаров. Книга издана типографским способом в Тебризе (1241 г. х. = 1825 г. н. э.). Это одна из первых печатных иранских книг.

Тому же автору принадлежит сочинение по истории курдского племени думбули — «Тарих-и данабилэ» («История думбулийцев»). Оно не издано, в рукописях встречается крайне редко.¹

Из армянских источников для истории Ирана имеет некоторое значение хроника по истории Агвании (Албании, т. е. Карабага), составленная патриархом-католиком агванским *Исайей Хасан-Джалаляном* (Есай-католикос, умер в 1728 г.). В этом труде приведены подробности о налоговой политике шаха Султан-Хусейна. Есть два издания армянского текста² и французский перевод.³

Петрос ди Саргис Гиланец, армянин из Новой Джульфы, составил по-армянски красочный дневник осады Исфахана афганцами в 1722 г.⁴

Абраам Кретац, патриарх-католикос армянской церкви (в Эчмиадзине), пользовался благоволением Надир-шаха и по его приглашению участвовал в курултае на Мугани, собранном в 1736 г. для избрания Надира шахом. Подробности об этом курултае и картину хозяйственной разрухи при вступлении на престол Надир-шаха Абраам Кретац изобразил в своем дневнике, под заглавием «История моя и Натыра (Надира), шаха персидского». Имеется два издания армянского текста⁵ и французский перевод.⁶

Из русских источников наиболее важен дневник *Артемия Волынского*, известного русского государственного деятеля XVIII в., бывшего в течение 1715—1717 гг. послом в Иране. Дневник дает наглядную картину хозяйственного упадка Ирана при шахе Султан-Хусейне, разложения сефевидского государственного аппарата; сообщается много сведений о городах, торговле, народных и освободительных движениях начала XVIII в. Дневник полностью не издан.⁷

Менее содержателен, но также сообщает много фактов дневник *С. Аврамова*, русского посла при шахе Тахмаспе II. Дневник также не издан.⁸

Важна как источник книга «Описание Каспийского моря» *Ф. И. Соймонова*.⁹ Некоторое значение имеют «Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.» П. Г. Буткова.¹⁰ Труд этот основан на первоисточниках, в том числе и на не дошедших до нас. Эта книга содержит материал не только по истории кавказских стран, но и по истории Гиляна и Мазендерана; в ней приводится много данных по политической истории и экономике. Однако автор не делает ссылок на первоисточники и часто не указывает их; в его труде есть ляпсусы и фактические ошибки.

Записок западных путешественников, дипломатов и миссионеров об Иране XVIII в. много.

¹ Есть в государственном хранилище древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР (в Матенадаране) в Ереване.

² Издано в Шуше (1839 г.) и в Иерусалиме (1868 г.)

³ Перевод М. Броссе (M. Brosset) в серии «Collection d'historiens arméniens», т. II.

⁴ Есть русский перевод К. П. Патканова (СПб., 1870).

⁵ Издана в Калькутте (1796 г.) и в Вагаршапате (1870 г.).

⁶ Перевод М. Броссе в ук. серии (т. II).

⁷ Е. С. Зевакиным издана часть, относящаяся к Азербайджану (Баку, 1929). Рукопись дневника находится в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов (ф. Дела персидские); копия дневника хранится в Ленинграде.

⁸ Рукопись хранится в ЦГАДА (ф. Дела персидские).

⁹ Издано в С.-Петербурге (1703 г.).

¹⁰ Изданы в С.-Петербурге (1869, тт. I—III).

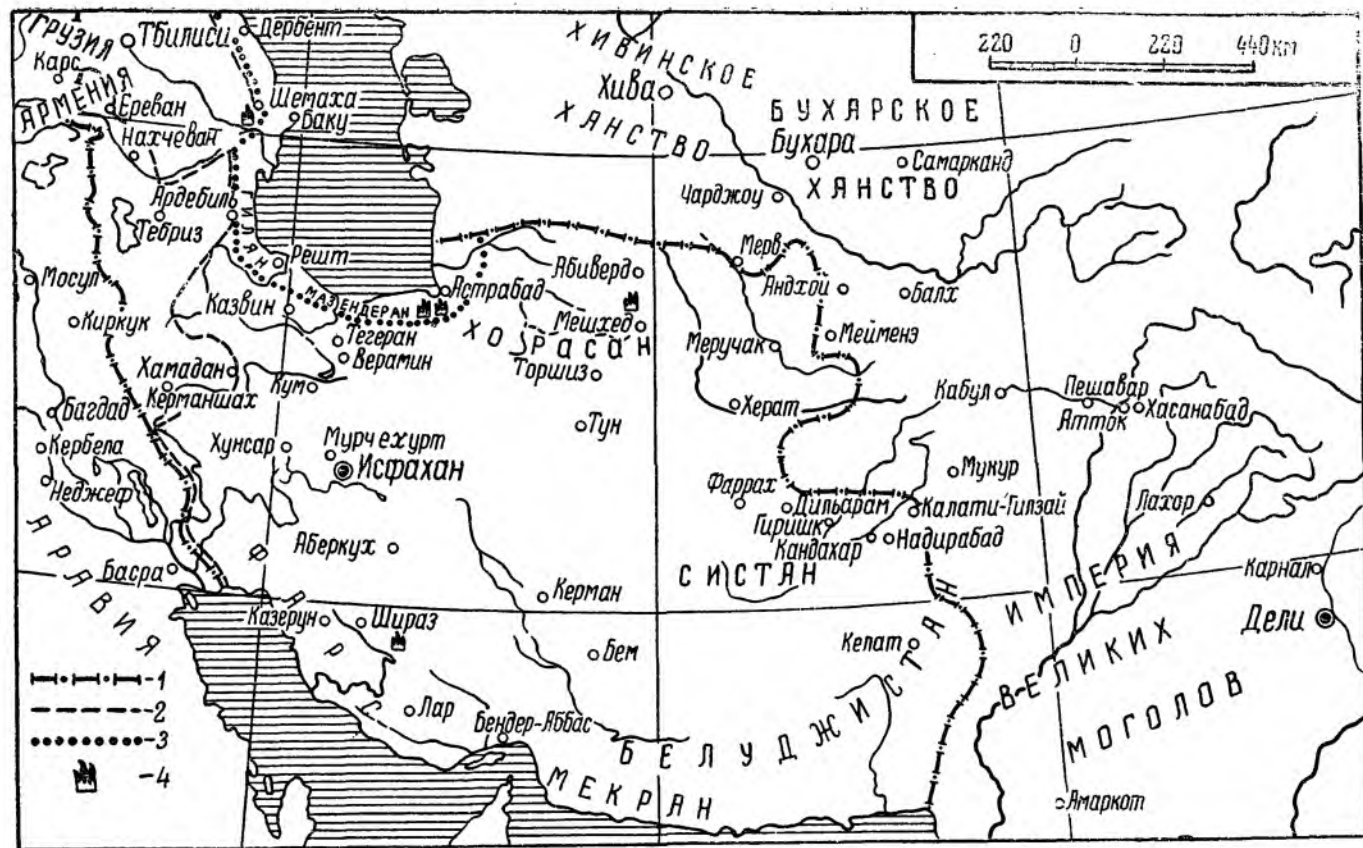

Рис. 4. Иран ок. 1722 г.

1 — государственные границы державы Сефевидов с начала XVIII в. до 1722 г.; 2 — границы территории, захваченной турками на Кавказе и в Персии в 20-х годах XVIII в.; 3 — границы территории, отходившей России по Петербургскому договору 1723 г.; 4 — очаги крестьянских восстаний и кочевых племен в 40-х годах XVIII в.

Иуда Фаддей *Крусинский* (Krusinski), поляк, католический миссионер ордена иезуитов в Исфахане, в своих записках «*Tragica vertensis belli Persici historia*» на латинском языке дал картину экономического и политического упадка Сефевидского государства, междоусобий и народных восстаний в Иране в 1711—1728 гг. Есть французский и английский переводы.¹ Труд содержит столько важного фактического материала, что вызвал интерес и в странах Востока. Был сделан перевод на турецкий язык, а с турецкого на персидский; оба перевода имеют заглавие «Басират-намэ дар истилай-и афган бар Исфахан» («Книга прозорливости о завоевании афганцами Исфахана»).

Значительный материал о событиях того же времени содержится у француза *Мами-Клерак*.²

Значение немаловажного источника имеют и записки Корнелия *Ле Брюн* о его путешествии по Ирану.³ Некоторый интерес для истории Ирана XVII—XVIII вв. представляют записи католической миссии ордена кармелитов в Исфахане⁴ и для истории XVIII в. донесения миссионеров ордена иезуитов.⁵

Обширный труд англичанина *Ханвел*,⁶ тенденциозный, написанный с точки зрения сторонника английской колониальной политики, врага России, интересен из-за содержащегося в нем богатого материала об экономическом состоянии Ирана 30—40-х годов XVIII в., о политике Надир-шаха и т. д.

§ 3. Состояние Ирана в начале XVIII в.

Выше уже говорилось о причинах экономического упадка Ирана в конце XVII в. Упадок этот повлек за собою обеднение крестьянства, а следовательно, и сокращение доходов феодального государства и отдельных феодалов. Между тем потребности бюрократического аппарата государства и феодальной знати не только не уменьшились, но, под влиянием развития товарно-денежных отношений в предшествующий период, еще увеличились. Для удовлетворения этих потребностей, шахское правительство знало и применяло только одно средство — увеличение налогового бремени. Чем больше нуждалась шахская казна, тем больше средств старалась она выжать из крестьян и горожан Ирана. Еще больше податной гнет ощущался на окраинах Сефевидского государства, с персидским населением.

Налоговая политика шахского правительства стала невыносимо тяжелой для крестьян и горожан при шахе Султан-Хусейне (правил в 1694—1722 гг.). Налоги с крестьян, ремесленников и купцов, в течение XVII в. повышавшиеся медленно, между 1698 и 1701 гг. были сразу увеличены в 2—3 раза. Размеры их казались современникам (Исайя Хасан Джалалян) баснословными. Введены были, кроме того, три новых податных сбора. Были резко увеличены податные сборы с кочевников, и если до конца XVII в. положение последних было сносным, то теперь оно должно было приблизиться к положению оседлых крестьян-райатов.

Мы не имеем сведений, как вводились новые налоги в Иране, но мо-

¹ Histoire de la revolution en Perse, Париж, 1736—1739; Father Krusinski. The history of the revolution of Persia, translated by du Cerceau, Лондон, 1728.

² Mamiye-Clairac. Histoire de Perse, Париж, 1750 (тт. I—III).

³ Voyages de Corneille Le Brun par Moscovie en Perse et aux Indes orientales, Амстердам, 1718.

⁴ A Chronicle of the Carmelites in Persia (английск. пер.), Лондон, 1939 (тт. I и II).

⁵ Choix des lettres édifiantes. ., t. V, Missions du Levant. Париж, 1809.

⁶ Hanvey. An historical account of the British trade over the Caspia sea. Лондон, 1753, тт. I—IV.

жем судить об этом по рассказу Исаяи Хасан-Джалаляна о том, как производилась перепись в Азербайджане и Армении с целью введения нового налогового обложения.

Эта перепись приняла характер массового бедствия. Везир Азербайджана в 1698 г. прибыл в Гянджу с 1100 чиновниками и нукерами, которые, рассеявшись по селениям, приступили к проведению переписи. Перепись производилась так: в каждом селении брали несколько человек из старост, духовных лиц и уважаемых людей, рассаживали их по разным помещениям и заставляли каждого порознь давать чиновникам сведения о людях, их хозяйстве, объектах обложения (полях, садах, виноградниках, маслособояках, рисовых мельницах, количестве скота и т. д.). Потом показания этих людей, записанные чиновниками, сличались. В случае несовпадения их сельчане, давшие, по мнению чиновников, неверные показания, подвергались избиению. Чиновники вымогали у них завышенные сведения о доходности хозяйств крестьян, дабы иметь возможность обложить селение как можно большей суммой податей.

Если, с одной стороны, введение этих повышенных налогов было следствием начавшегося процесса экономического упадка, то, с другой стороны, этот новый и притом резкий рост феодальной эксплуатации в свою очередь стимулировал дальнейшее разорение деревни и еще больше усилил состояние упадка. Теперь уже не могло быть и речи об отдаче крестьянами той или иной части прибавочного или даже необходимого продукта. Теперь с крестьян требовали зачастую больше, чем они производили. Шахские чиновники палками и истязаниями (подвешиванием и т. д.) заставляли крестьян отдавать последнее, и все же во многих районах крестьяне оставались вечными недоимщиками и дошли до грани нищеты. В то же время не развивалось и крупное хозяйство феодалов, прибыли с которого могли бы заменить падающий доход от мелких крестьянских хозяйств.

Налоговая политика шахского правительства подрывала в корне не только сельское хозяйство, но и ремесло и торговлю.

Как и можно было ожидать, эта политика вызвала массовый уход обедневших и спасавшихся от сборщиков податей крестьян со своих земельных участков; стал ощущаться недостаток рабочих рук и плательщиков налогов. Если в XVII в. прикрепление крестьян к земле и задержание права перехода в значительной мере утратили прежнюю силу и, по свидетельству путешественников (Шарден), в некоторых областях не применялись, то с начала XVIII в. возникла необходимость снова ввести этот режим.

В фермане шаха Султан-Хусейна, изданном в 1710 г., было подтверждено прикрепление крестьян к своим исконным местам поселения и объектам обложения. Райяты, самовольно переселившиеся в другие места, подлежали принудительному возвращению на свои прежние места поселения в течение 12 лет. По истечении этого срока их уже нельзя было разыскивать и возвращать, они должны были войти в податные реестры на новых местах.

Упадок сельского хозяйства вызвал понижение доходов не только шахской казны, но и отдельных феодалов. Один из современников этого смутного времени, шейх Мухаммед Али Хазин, сообщает, что из-за ухудшения условий жизни и беспорядков в разных местностях Гиляна, где находились наследственные поместья отца шейха, доходы с этих поместий с каждым годом падали, и, наконец, настолько сократились, что годового дохода не хватало на расходы одного месяца. Благодаря этому местные провинциальные феодалы также испытывали недовольство шахским правительством. Сильные феодальные владетели

в окраинных областях Сефевидского государства теперь стали стремиться к отделению от него.

Общий экономический упадок Ирана повлек за собою, с начала XVIII в., и политический упадок. Шах Султан-Хусейн, неумный, слабый и безличный, был бездарным правителем. Но, конечно, не его слабость и ошибки были основной причиной распада Сефевидского государства, как думали некоторые буржуазные ученые (Малькольм, Эдуард Браун, Локхарт), а общая хозяйственная разруха, усиление противоречий внутри господствующего класса и, в связи с этим, разложение всего государственного аппарата. Убожество шаха Хусейна и его окружения только ярче оттеняло этот процесс распада органов центральной власти. Русский посол Артемий Волинский писал в своем дневнике о шахе Хусейне: «... редко такого дурачка можно сыскать и между простых, не токмо из коронованных»; «Того ради сам ни в какие дела вступать не изволил, но на всем положился на своего Ехтма-Девлета (итимад-ад-доуля, великий везир), который всякого скота глупее, а однако у него такой фаворит, что шах у него изо рта смотрит, и что велит, то и делает. Того ради здесь мало поминается имя шахово, только его, прочие же все, которые при шахе были поумнее, тех всех изгнал».

Упадок внешней торговли стал замечен еще с 70-х годов XVII в. По словам Шардена, в первые шесть—семь лет правления шаха Сулеймана доходы таможен в портах Бендер Аббас и Конг, близ Ормуза, колебались от 400 тыс. до 500 тыс. ливров (примерно от 9100 до 1100 туманов), тогда как при шахе Аббасе II они доходили до 1 100 000 ливров (2 444 туманов). Причинами упадка внешней торговли были: переход торговли со странами побережья Индийского океана в руки голландских и индийских купцов и сокращение транзита по трансиранским караванным путям. В течение XVII в. европейскими странами полностью освоен был открытый еще в 1498 г. морской путь из Европы в Индию вокруг берегов Африки. Благодаря этому значение сухопутных караванных путей в течение XVII в. все более падало, и посредническая торговля Ирана сократилась.

Желая увеличить доходы от внешней торговли и ослабить влияние голландских купцов (Голландская Ост-Индская компания), добивавшихся монополии на торговлю Ирана со странами Европы, правительство шаха Хусейна заключило с Францией два торговых договора (1708 и 1715 гг.), которые устанавливали для французских купцов значительно большие льготы и привилегии, чем те, которые были предоставлены голландским купцам. Французским купцам была предоставлена не только свобода от пошлин и таможенного осмотра, но они были поставлены под особое покровительство шахских властей и получили право экстерриториальности: судить французов, находившихся в Иране, мог только консульский суд, а тяжбы между французами и подданными шаха должны были разбираться сообща шахским судьей и французским консулом. По существу это был тот же режим капитуляций, который в Турции был установлен для французов еще в 1535 г. Эти договоры могли, вопреки надеждам шахского правительства, принести выгоды не столько Ирану, сколько именно Франции. Но Франции не пришлось воспользоваться этими выгодами, ибо вскоре Иран стал ареной военных действий и междоусобий, и Сефевидское государство развалилось.

Разорение деревни повело к сокращению внутренней торговли и к ослаблению экономических связей между отдельными областями.

Несмотря на тесные связи Сефевидов с шиитским духовенством, в XVII в. последнее не занимало руководящего положения в государственных органах; ни один из представителей духовенства не входил в верхов-

ный меджлис. Но при шахе Хусейне, крайне фанатичном шиите, подпавшем под влияние известного мракобеса муджтехида Мухаммед-Бакира Меджлиси, управление государством перешло в руки шиитского духовенства и поддерживавшей его кучки придворной камарильи и дворцовых евнухов. При шахе Хусейне принадлежность к духовенству считалась достаточным основанием для занятия любого государственного поста. Этим шах раздражил и кочевую знать, и значительную часть гражданской бюрократии.

По внушению шиитских богословов шах Хусейн отказался от политики веротерпимости, проводившейся при его предшественниках, и открыл кровавое гонение на суннитов — на Кавказе, в Курдистане, Афганистане и других областях. В Ширване (Северный Азербайджан), где было много суннитов, суннитские мечети осквернялись или обращались в конюшни, духовенство подвергалось казни. Гонение распространилось и на «неправовых» дервишей-суфиев и на крайние шиитские секты, вызывавшие подозрения со стороны власти своими уравнительными тенденциями. Не одним только фанатизмом были вызваны эти гонения: шахское правительство опасалось, что суннитство, распространенное на восточных и западных окраинах государства, может стать знаменем для сепаратистских движений, что вскоре и случилось.

Придворная камарилья, несмотря на падение доходов казны, и не думала отказываться от роскошной жизни и обогащения. Расходы на двор все увеличивались, для шаха строились дворцы, выписывались из Европы зеркальные стекла, хрусталь и другие предметы роскоши. Шах был больше всего озабочен делами своего гарема, и правители областей, наперерыв стараясь угодить женолюбивому шаху, принудительно собирали среди подданных красивейших девушек для отсылки в гаремы шаха и его родичей.

§ 4. Народно-освободительное движение на окраинах Сефевидского государства

Тяжесть податного бремени, произвол шахских наместников и религиозный гнет особенно сильно чувствовались в окраинных областях Сефевидского государства, присоединенных при шахе Аббасе I или ранее. Неудивительно, что именно в этих областях ненависть к игу Сефевидов была всего сильнее и именно здесь произошел ряд народных восстаний. Так как в этих областях жили главным образом сунниты (в Дагестане, Ширване, среди курдов, афганцев и туркмен), подвергавшиеся прямым гонениям, или же христиане (армяне и грузины), поставленные в неравноправное положение и обложенные повышенными налогами, то движения покоренных народов приняли религиозную оболочку. Они проходили под лозунгами защиты гонимого суннизма и борьбы против «еретического» шиизма либо под лозунгами освобождения христиан от мусульманского ига.

На окраинах резче обозначались и противоречия внутри класса феодалов. Местная провинциальная оседлая знать, как и кочевая знать, отстраненная от участия в управлении и вынужденная уступить наибольшую долю дохода от эксплуатации райятов шахскому правительству, а также суннитское и христианское духовенство были недовольны политикой шахского правительства. Они стремились использовать движения широких масс угнетенных народов в своих целях, дабы, добившись независимости, самим стать у власти. Поэтому движения покоренных народов, обычно начинавшиеся как движения широких масс против владычества Сефевидов, нередко изменяли свой характер, когда руководство переходило к местным феодалам.

Подъем освободительного движения в начале XVIII в. наметился в Восточной Армении и Восточной Грузии, принадлежавших к числу наиболее развитых и в то же время наиболее угнетаемых областей Сефевидского государства. Армяне и грузины хорошо понимали, что им не удастся добиться освобождения без помощи и поддержки России. К тому времени экономические и культурные связи России с Грузией и Арменией окрепли. Армянское купечество, не только в самой Армении, но и в Иране, приняло активнейшее участие в освободительном движении армянского народа, возлагая все свои надежды на единоверную, экономически и политически растущую Россию.

Около 1700 г. армянские мелики (мелкие феодальные владельцы) и христианское духовенство Закавказья начали переговоры с правительством России, обещая ей поддержку закавказских христиан — армян и грузин в случае вступления русских войск в страны Закавказья. Переговоры эти велись при посредстве армянского патриота Израиля Ори. Сношения такого же рода завязала с Петром I и грузинская знать.

И среди связанных с торговлей горожан стран Закавказья, — не только армян и грузин, но и азербайджанцев все больше росла ориентация на Россию. Иезуит Крушинский писал: «Население, живущее около Каспийского моря, ни о чем так не молится, как о том, чтобы московиты как можно скорее пришли и освободили его от ига персидской монархии».

В 1709 г. произошло восстание горожан в Тебризе, о чем кратко упоминает А. Волынский.

В 1711 г. началось восстание лезгин и некоторых других дагестанских народностей. Местные феодалы во главе с Сурхай-ханом казикумукским и представителем суннитского духовенства Хаджжи Давудом сумели подчинить движение своим целям и придать ему завоевательный характер. В 1712 г. Сурхай-хан и Хаджжи Давуд захватили и разграбили Шемаху; при этом было убито до трехсот русских купцов и захвачено на 4 млн. руб. товаров. По этим цифрам можно судить, каких масштабов достигли торговые связи России с закавказскими странами. В дальнейшем Сурхай-хан и Хаджжи Давуд стали откровенными агентами османской Турции. Шахскому правительству удалось подавить лезгинское восстание, но в 1719 г. оно вспыхнуло с новой силой. В 1721 г. Сурхай-хан и Хаджжи Давуд снова захватили Шемаху, устроив здесь резню шиитов.

В 1715 г. началось восстание курдов, продолжавшееся и в следующие годы. Восставшие курды не раз угрожали самой столице Исфахану. Арабский владетель Маската захватил острова Персидского залива.

В Хератской области восстало афганское племя абдали (1716 г.), глава которого Асадуллах-хан вступил в союз с узбеками.

В 1717 г. восстали племена шахсенов на Мугани.

В 1722 г. началось восстание армян в Сюнике¹ под предводительством Давид-бека, продолжавшееся до 1731 г. В том же году восстала Восточная Грузия. Ставший во главе восстания царь Вахтанг VI, сторонник ориентации на Россию, двинул войско к Гяндже, осажденной отрядами Сурхай-хана и Хаджжи Давуда, и освободил город от осады.

Восстали также луры (1720 г.) и белуджи (1721 г.).

Владетель Систана, мелик Махмуд, возводивший свое происхождение к династии Саффаридов, открыто отложился от шаха и объявлял себя независимым государем. В 1723 г. он захватил Мешхед с его областью.

---

¹ На юго-востоке нынешней Армянской ССР.

§ 5. Восстание афганцев-гильзаев

Самым крупным из восстаний покоренных народов против Сефевидской державы было восстание сильного афганского полукочечевого племени гильзаев, жившего в Кандахарской области. Племя гильзаев было смешанного происхождения. Как думают некоторые исследователи, ядро этого племени составилось из тюркского кочевого племени халадж, или хильдж, игравшего заметную историческую роль в X—XIII вв.; часть этих хильджиев, поселившаяся в Афганистане, смешавшись с афганцами и усвоив их язык, как думают, стала именоваться гильзаями. На рубеже XVI—XVII вв. гильзаи находились на стадии разложения родового строя и сложения патриархально-феодалных отношений. Поскольку складывавшиеся феодальные отношения у гильзаев, как и у других афганских племен, были прикрыты оболочкой патриархальных обычаев и родовой помощи, племенная знать пользовалась сильным влиянием на массу. Поэтому, когда началось восстание гильзаев, племенной знати легко удалось подчинить его своему руководству. Гильзаи, как и все афганцы, были суннитами. В начале XVIII в. главою племени гильзаев и вместе с тем наследственным калантаром города Кандахара был энергичный Мир Вейс. Его влияние на массу гильзаев и деятельность не без основания показались опасными Гурген-хану Грузинскому (иначе Георгий XI, царь Картли, в мусульманстве Шахнаваз II), назначенному шахом беглербегом кандахарским и пытавшемуся крутыми мерами укрепить пошатнувшуюся шахскую власть в Афганистане. Гурген-хан арестовал Мир Вейса и отослал его в Исфахан на суд к шаху. Но хитрый Мир Вейс сумел убедить шаха Хусейна в своей невинности.

Прибытие в Исфахан упомянутого армянского патриота Израиля Ори уже в качестве официального посла России (1708 г.) крайне напугало шаха и его двор и вызвало у них подозрение в приверженности к России всех армян и грузин. Эти подозрения использовал Мир Вейс, чтобы вызвать недоверие шаха к Гурген-хану как грузину, скрытому христианину и предполагаемому русофилу. Мир Вейс был освобожден и отправился в хаджж в Мекку. Здесь Мир Вейс тайно получил от мекканских суннитских богословов фетву (богословско-юридическое заключение), объявлявшую восстание суннитов против государя — шиита делом богоугодным. Вернувшись на родину, Мир Вейс сумел подчинить своему влиянию начавшееся движение гильзаев. В 1709 г. гильзаи восстали. Под руководством Мир Вейса они неожиданно захватили Кандахар, вырезали шахский гарнизон, убили Гурген-хана и открыто отложились от шаха. Восстание гильзаев было поддержано соседними афганскими племенами, недовольными шахским правительством. Мир Вейс разбил два шахских войска, посланных против гильзаев (1711 и 1712 гг.), и оставался независимым правителем до своей смерти (1715 г.).

Преемник Мир Вейса Мир Абдуллах (правил в 1715—1717 гг.) готов был примириться с шахом при условии отмены налогов, введенных шахом Хусейном, и превращения кандахарского беглербегства в наследственное владение потомков Мир Вейса. Эти переговоры были восприняты массой восставших афганцев как предательство. Мир Абдуллах был убит, его место занял девятнадцатилетний сын Мир Вейса, энергичный и смелый Махмуд (правил в 1717—1725 гг.). Махмуд и поддерживавшая его знать, подчинив массу своему влиянию, использовали движение для организации грабительских и завоевательных походов.

§ 6. Поход гильзаев на Исфахан

Общий развал шахской державы позволил Махмуду предпринять первый поход в глубь Ирана, окончившийся, правда, неудачей (1720).

Шахский полководец Лютф-Али-хан, действовавший уже раньше с успехом против арабов Маската, разбил гильзаев и подготовил войско к походу на Кандахар. В этот ответственный момент бездарные советники шаха не нашли ничего лучшего, как распустить войско Лютф-Али-хана и сместить его самого ввиду его родства с и'тимад ал-доуле Фатх-Али-ханом, ложно обвиненным придворными интриганами в сношениях с восставшими курдами и лезгинами и в покушении на жизнь шаха (1721 г.).

Этим воспользовался предводитель афганцев-гильзаев Махмуд-хан и, собрав более 20 тыс. афганцев, в конце 1721 г. предпринял поход на Исфахан по наиболее короткой, но и наиболее трудной дороге через Систан и Керман. Махмуд не смог взять крепостей Кермана и Йезда, но не стал осаждать их и, не задерживаясь, подошел к Исфахану. И'тимад-ад-доуле Мухаммед-кули-хан предлагал выдержать осаду, указывая на пример неудачной осады афганцами Кермана и Йезда; верховный меджлис, однако, решил дать сражение афганцам.

В войске Махмуда не было тяжелой артиллерии, но были легкие пушки (кулеврины), которые везли на верблюдах. Эти орудия, так называемые зембуреки (перс.: «пчелки»), оказались очень эффективными в бою. Сражение при Гульнабаде (8 марта 1722 г.) закончилось полным поражением шахской армии, в бою погиб храбрый куллар-агасы, грузин Рустам (Ростом)-мирза, брат царя Картли Вахтанга VI, один из лучших полководцев шаха. Шахская тяжелая артиллерия (24 пушки) была захвачена афганцами во время атаки. После этого афганцы осадили и взяли Новую Джульфу, населенную армянами, и наложили на них огромную контрибуцию в 120 тыс. туманов, сниженную потом, ввиду явной невозможности собрать ее, до 70 тыс. Но все попытки взять укрепленный мост Аллах-верди-хана через реку Зиндэ-руд кончились неудачей, и Махмуд-хан предложил шаху Хусейну мир на условиях уступки гильзаем, помимо Кандахара, также Систана и Хорасана, уплаты контрибуции в 50 тыс. туманов и выдачи шахской дочери замуж за Махмуда. Шахский меджлис, вопреки осторожному мнению и'тимад ад-доуле, в резкой форме отверг эти предложения. Началась осада Исфахана афганцами, продолжавшаяся семь месяцев (с марта по октябрь 1722 г.). Царь Картли Вахтанг VI, занятый борьбой с лезгинским восстанием и ожидавший вступления в Закавказье войск Петра I, с которым он заключил союз, отказал в помощи шаху. Наследственный владетель Систана мелик Махмуд, как сказано, восстал и объявил себя независимым. Афганцы с большой энергией принялись за осаду Исфахана, и, несмотря на героическое сопротивление гарнизона, горожан и окрестных крестьян, довели столицу до голода и истощения. Попытка наследника престола Тахмасп-мирзы собрать на севере Ирана, в Казвине, войско для выручки столицы не удалось, и даже шехсевены отказались выступить на помощь шаху. Отсутствие единого плана защиты, раздоры внутри иранского правительства и его нелепые действия деморализовали защитников. В конце концов шах упал духом и вступил в переговоры с Махмудом, предлагая ему теперь 100 тыс. туманов и свою дочь в замужество и, кроме просимых раньше Махмудом областей, также Керман. Но Махмуд потребовал уже безусловной сдачи, заявив, что теперь все области и средства Ирана и без того попадут в его руки, а всех шахских дочерей и жен он раздает своим воинам, как рабынь.

После неудачной попытки бегства из столицы шах Хусейн со своими эмирами 22 октября 1722 г. отправился в лагерь Махмуда и передал ему город, свою власть и знаки шахского достоинства. Через два дня Махмуд со своим войском вступил в Исфахан и занял шахский престол. Часть сефевидских эмиров и военных чинов, а также сановники,

присягнули Махмуду. Он на первое время оставил многих персидских сановников на их местах, но ряд должностей, в числе их важный духовный пост казия исфаханского, предоставил афганцам-суннитам.

§ 7. Борьба персидского народа против афганских завоевателей

Афганцы-гильзаи захватили значительную часть внутреннего Ирана с гг. Кашан, Кум, Казвин, Гульпайган и др. Если в начале восстания афганцы-гильзаи боролись за освобождение от ига Сефевидов, то теперь афганская знать сама выступила в роли завоевателей. В Казвине афганский полководец Амануллах-хан наложил на горожан контрибуцию в 20 тыс. туманов и потребовал выдать афганцам красивых девушек. Сперва притеснения и грабежи его воинов вызвали восстания персидских крестьян в округе Казвина, затем в самом городе восстание городской бедноты и «людей базара» (авам ва мардум-и базар), т. е. ремесленников и торговцев. Горожане перебили часть афганцев и обратили в бегство остальных (январь 1723 г.).

Народные восстания произошли также в Кашане, в Хунсаре и в других местах. Геройски сопротивлялся город Йезд; афганцы так и не смогли его взять. Современник этих событий, шейх Мухаммед Али Хазин, подчеркивает, что главную роль в восстаниях играло «простонародье» (авам). Именно народные массы Ирана взяли на себя инициативу борьбы с завоевателями.

Согласно показаниям современников — шейха Мухаммед-Али Хазина и Крусинского, масса персидского народа — крестьяне, ремесленники, мелкое и среднее купечество, не в пример упавшей духом сефевидской знати, проявили высокий патриотизм и активно, в ряде случаев геройски, сопротивлялись захватчикам, защищая независимость своей родины. Многие селения в течение ряда лет вели партизанскую борьбу с завоевателями. Так, большое селение Бен Исфахан, близ города Исфахана, не покорилось афганцам ни во время осады столицы, ни после ее падения, разбив и отогнав все афганские отряды, посылавшиеся Махмудом против этого селения. Наконец, афганский начальник заключил с крестьянами Бен Исфахана почетный мир. Желая иметь повод для нарушения этого договора и кровавой расправы с жителями Бен Исфахана, Махмуд послал туда своих тайных агентов, поручив им побудить жителей нарушить договор первыми. Но крестьяне задушили агентов и трупы их отослали Махмуду. По словам шейха Хазина, были селения, которые отбивались от афганцев в течение семи лет и так и не подчинились.

В Исфахане положение афганцев также было непрочным, и подозрительный Махмуд-шах решил предотвратить здесь восстание персов крайне жестокими мерами. Уже в январе 1723 г. он, пригласив персидских сановников к себе на пир, перебил их, перебил также кызылбашских курчиев. Затем последовали казни и резня горожан. На город Исфахан была наложена тяжелая контрибуция: 4 тыс. кип парчи, 105 кип шитых золотом и серебром тканей и т. д. Но город был так разорен, что жители смогли собрать только половину. Еще раз наложили тяжелую контрибуцию на армян Новой Джульфы; их калантар был обезглавлен. Английские, голландские, французские и индийские купцы также должны были заплатить выкуп. Город был разорен.

Сильное сопротивление афганским завоевателям было оказано и на юге Ирана и также главным образом со стороны народных масс. Только преодолев героическое сопротивление горожан и гарнизона, афганским завоевателям удалось взять г. Шираз (1724 г.). Попытка афганцев захватить порт Бендер-Аббас кончилась неудачей. Махмуд

предпринял поход для покорения горной области Кух Гилуйэ на северо-западе Фарса, но встретил сильный отпор и удалился ни с чем.

Сопротивление персов завоевателям в этот период не имело еще своего центра. Сын низложенного Хусейна Сефевиды, с 1722 по 1732 г. номинально признаваемый в не покорившихся Махмуд-шаху Афганскому областях — Гиляне, Мазендеране и Южном Азербайджане законным шахом Тахмаспом II, держался пассивно, не решаясь возглавить массовое народное движение против завоевателей. Сефевидская знать боялась вооружения народных масс.

§ 8. Вмешательство России

Петр I, удачно закончив войну со Швецией (1721), использовал обстановку, сложившуюся в Иране, благоприятную для оккупации Россией прикаспийских областей. Правительство Петра I имело в виду занятие местностей по Волго-Каспийскому пути и основных шелководческих районов Каспийского побережья. Петр I также не мог не считаться с просьбами о помощи со стороны грузин и армян, которые, как сказано, к тому времени восстали; картлийский царь Вахтанг VI с ополчением три месяца ожидал близ Ганджи прихода русских войск. Но едва ли не главной причиной, побудившей правительство Петра I предпринять поход в страны Закавказья, было стремление не допустить захвата этих стран и побережья Каспийского моря османской Турцией, что оказалось бы серьезной угрозой для России и в военном, и в торговом отношении. Эта угроза была очень реальна, так как правительство султана Ахмеда III в Стамбуле явно готовило вторжение в страны Закавказья и в Иран. Таким образом, вмешательство России не было направлено против Сефевидов, а имело целью предупредить турецкую агрессию. Еще в июне 1722 г. Петр I выпустил манифест, в котором заявлял, что выступает не против правительства шаха Хусейна (который тогда уже и не мог рассматриваться как серьезный противник), а для обуздания Сурхай-хана и Хаджи Давуда, как сказано выше, перебивших во взятом ими г. Шемахе до трехсот русских купцов, и для защиты и освобождения христиан — грузин и армян.

Русские войска заняли гг. Дербенд (1722) и Баку (1723 г.). Гилянцы обратились к России с просьбой помочь им в борьбе против афганских завоевателей, и Петр I направил русские отряды в Энзели и Решт. Шах Тахмасп II, державшийся в Ардебиле, желая заручиться помощью России против Махмуд-шаха афганского, отправил в Россию опытного дипломата Исмаил-бека, который и заключил в С.-Петербурге 23 сентября 1723 г. договор. По договору Россия обязывалась помочь Тахмаспу II в борьбе с афганцами, за что получала прибрежную полосу Дагестана и Азербайджана, а также Гилян, Мазендеран и Астарабад. Но Тахмасп II заявил, что Исмаил-бек превысил данные ему полномочия, и петербургский договор не признал.

§ 9. Выступление Турции

Турция, которая долго сохраняла с Сефевидами мирные отношения (1639—1723 гг.), теперь спешила использовать развал державы Сефевидов. Еще в 1722 г. давние агенты Турции, предводители лезгин Сурхай-хан казикумухский и мударрис Хаджи Давуд, овладевшие Ширваном и частью Северного Азербайджана, формально признали над собой власть турецкого султана Ахмеда III. В Исфахан к Махмуд-шаху Афганскому был послан некий Осман, под видом турецкого посла, а в действительности со шпионскими заданиями, который, вернувшись в

Стамбул, изобразил положение дел в Иране в самых мрачных тонах. Правительство Ахмеда III решило напасть на страны Закавказья и Иран еще и потому, что желало победами и захватами поднять свой авторитет, пошатнувшийся в самой Турции. Турецкие войска уже в 1723 г. вступили в Армению и Восточную Грузию, захватив Ереван и Тбилиси. Угроза со стороны Турции побудила Тахмаспа II признать петербургский договор, формально уступить России западное и южное побережье Каспийского моря с Дербендом, Баку, Гиляном, Мазендераном. Россия обязывалась помочь правительству Тахмаспа II очистить Иран от афганских завоевателей. На основании договора Россия ввела войска в Гилян. Но Мазендеран и Гурган (Астерабад) никогда не были заняты русскими войсками.

Договор 1723 г. и вторжение турецких войск в страны Закавказья и в Керманшах сильно обострили отношения между Турцией и Россией. Дело едва не дошло до русско-турецкой войны. Однако Петр I, после двадцатилетней тяжелой войны со Швецией, не считая возможным втягивать свою страну в новую войну с Турцией, которую поддерживали Англия и Франция. При активном содействии Франции 24 июня 1724 г. в Стамбуле был подписан Константинопольский русско-турецкий трактат, по которому к России должны были отойти все прикаспийские области, перечисленные в Петербургском русско-сефевидском договоре 1723 г., а к Турции — все остальные территории стран Закавказья. Турция должна была получить также весь Западный Иран с городами Керманшахом и Хамаданом; округ г. Ардебил, как наследственный домен Сефевидов, оставлялся по трактату шаху Тахмаспу II (но на деле также был оккупирован Турцией). Обе державы обязались сообща добиваться от Тахмаспа II исполнения трактата 1724 г., в зависимости от чего ставилось признание его шахом. В случае неуступчивости Тахмаспа II обе державы условились посадить на шахский престол в Иране избранного ими сообща «достойнейшего из персиян», т. е. покорного исполнителя их воли.

Столь выгодные для Турции условия Константинопольского трактата объяснялись поддержкой, оказанной Турции со стороны Франции, которая боялась усиления России. Сейчас же после заключения трактата турецкие войска двинулись в Западный Иран, осадили и взяли Хамадан (1724 г.). Здесь, как и в других городах, персидские народные массы оказали активное сопротивление турецким завоевателям; последние, взяв Хамадан, частью вырезали, частью изгнали горожан. Турция и не думала довольствоваться территориями, упомянутыми в трактате 1724 г.; ее войска заняли Казвин (1725 г.). Не только персидские, но и азербайджанские народные массы активно боролись с турецкими захватчиками. «Простонародье», т. е. ремесленники и беднота героически обороняли Тебриз. В конце концов турки одолели, но защитники Тебриза выговорили для себя свободный выход из города с оружием и семьями. Об обороне Тебриза подробно рассказал шейх Али Хазин. Шах Тахмасп II пассивно держался в Мазендеране, при помощи Фатх Али-хана, беглербега астерабадского и главы племени каджар.

Тем временем Махмуд-шах, боясь восстания персов, велел перебить всех мужчин из семейства Сефевидов (39 человек), кроме бывшего шаха Хусейна (февраль 1725 г.). Эта резня была вызвана тем, что восстание бахтияров возглавил самозванец, называвший себя сыном шаха Хусейна, Сефи-мирзой. Соппротивление народных масс центральных областей Ирана завоевателям продолжалось. Среди самой афганской знати началась борьба группировок, в результате которой Махмуд-шах был низложен и умерщвлен, а на шахский престол был возведен двоюродный брат его, сын его дяди Мир-Абдуллаха — Ашраф.

Ашраф был несравненно более тонким политиком, нежели Махмуд. Понимая, что нельзя укрепить власть над Ираном, оставаясь только предводителем афганских племен, каким по сути дела был Махмуд, Ашраф старался держать себя как государь Ирана. Он установил дисциплину среди своего войска, прекратил грабежи и насилия над персами, старался привлечь на свою сторону знать Ирана и «некоторых» из людей Фарса и Ирака (т. е. коренных персов) охотой или неволею взять к себе на службу». Зато Ашраф оттолкнул от себя афганскую знать, которая хотела распоряжаться в Иране, как в завоеванной стране. Ашраф вступил в переговоры с Тахмаспом II, пытаясь завлечь его в ловушку, но Тахмасп II был вовремя предупрежден. Попытка Ашрафа заключить договор с Турцией не удалась, — Турция стремилась к захвату всего Ирана. Ашрафу пришлось воевать с Турцией. Ему удалось одержать победу над турками, подходившими уже к Исфахану (1726 г.). Тогда только Турция согласилась вести переговоры.

Не обольщаясь своим успехом, Ашраф заключил с Турцией договор (1727 г.) на следующих условиях: 1) Ашраф признавал турецкого султана Ахмеда III халифом всех мусульман-суннитов; 2) султан признавал Ашрафа государем Ирана, но в вассальной зависимости от Турции; в мечетях Ирана имя султана Ахмеда III должно было поминаться в хутбе прежде имени Ашрафа; 3) Ашраф уступал Турции не только области, перешедшие к ней по константинопольскому русско-турецкому трактату 1724 г., но и, сверх того, Хузистан, Зенджан, Казвин, Султанийэ и Тегеран (Тегеран) с их округами, т. е. добрых $\frac{2}{5}$ территории всего Ирана. Положение Ашрафа оставалось трудным из-за сопротивления народных масс Ирана, а также недовольства политикой Ашрафа со стороны афганской знати, поднявшей против него мятеж в Кандахаре. Мелик Махмуд Систанский вел борьбу и с Ашрафом и с шахом Тахмаспом II.

§ 10. Изгнание афганцев. Возвышение Надира

Сопротивление афганским и турецким завоевателям на севере Ирана усилилось, когда в Мазендеране определился центр движения. Во главе движения вскоре стал энергичный и талантливый полководец Надир-кули. Он происходил из азербайджанского (кызылбашского) племени афшар, часть которого еще шахом Исмаилом I была переселена из Азербайджана в Хорасан; здесь в 1688 г. и родился Надир-кули в незнатной и бедной семье, занимавшейся выделкой овчин. Восемнадцати лет от роду Надир-кули со своей матерью был угнан в рабство узбеками Хорезма. Надир бежал и, вернувшись в Хорасан, служил в ополчениях разных феодалов, в частности у мелика Махмуда Систанского, и со временем заслужил славу способного военачальника. Во время междоусобий, охвативших Иран с 1722 г., Надир сделался даже атаманом шайки разбойников. Позднее он собрал значительное ополчение из афшаров и курдов Хорасана, овладел здесь крепостью Келат, укрепил и сделал ее главной своей твердыней.

В 1726 г. Надир-кули поступил на службу к шаху Тахмаспу II, по приглашению его, и был назначен наместником Хорасана. Надир уговорил безвольного шаха Тахмаспа II дать приказ об умерщвлении влиятельного Фатх-Али-хана Каджара, деда основателя династии Каджаров, которого Надир считал главным своим соперником в борьбе за власть в Иране. Надир разбил мелика Махмуда Систанского и отнял у него Мешхед (1726 г.), подчинил Хорасан, разбил афганцев-абдали и захватил Херат (1729 г.). Надир, принявший имя Тахмасп-кули-хан (букв. «хан — раб Тахмаспа»), взял в свои руки управление всеми областями Тахмаспа II, превратившегося в простое орудие в руках своего «раба».

В 1729 г. Надир дважды разбил афганцев-гильзаев: при Михмандусте и в ущелье Деррэ-и Хар, в горах Альбруса. По возвращении в Исфахан Ашраф, опасаясь восстания горожан, казнил три тысячи из них, а остальных выселил из города и расселил по окрестным селениям. Несмотря на помощь, оказанную Ашрафу Турцией присылкой артиллерии, Ашраф был еще раз разбит Надиром при Мурчехурте (29 ноября 1729 г.), после чего Ашраф оставил Исфахан, разграбив базар, увез богатства и умертвив бывшего шаха Хусейна. Надир последовал за афганским войском в Фарс, в 1730 г. еще раз разбил его и рассеял. Сам Ашраф был убит во время бегства главою одного из белуджских племен. Успех Надира объясняется не только его военным талантом, но и, главным образом, той поддержкой, какую оказали ему народные массы, желавшие освобождения своей страны.

§ 11. Отношения с Россией и Турцией

Оккупация Россией прикаспийских областей, разоренных войной, не принесла ей ожидаемых выгод, а напротив, вызвала большие расходы, доставив много затруднений во внешнеполитических отношениях. Поэтому уже в 1725 г., после смерти Петра I, царское правительство приняло решение вернуть эти области Тахмаспу II, если он окажется в силах не допустить перехода их в руки Турции. В 1730 г. войско Надира разбило турецкие войска и очистило от них Хамадан, Керманшах и Южный Азербайджан. Пока Надир был занят подавлением восстания афганцев-абдали в Хорасане (1731 г.), шах Тахмасп II, опасаясь, что завоевание стран Закавказья войсками Надира еще больше усилит могущество последнего, решил выступить против турок сам, чем надеялся поднять свой авторитет, однако потерпел поражение и в 1731 г. вынужден был заключить с Турцией мир, по которому последняя удерживала за собою закавказские территории к северу от р. Аракса; кроме того, Ахмед-паша Багдадский получал в кормление (арпалык) девять округов в области Керманшаха. В 1732 г. был подписан русско-иранский договор в Реште. Россия возвращала Ирану Гилян немедленно, а земли к северу от р. Куры обязывалась вернуть в случае очищения закавказских территорий Турцией. Надир объявил договор шаха с Турцией позорным и не признал его. Он созвал собрание (*кенгеш*, тюрк., или *курултай*, монг.) ханов и знати, добился низложения Тахмаспа II и провозглашения шахом восьмимесячного сына Тахмаспа, Аббаса III (считался шахом с 1732—1736 гг.). Реальная власть осталась в руках Надира.

Вслед затем войска Надира разбили турецкие войска при Керкуке (1733 г.), очистили от них Северный Азербайджан, Восточную Грузию и Северную Армению (1734—1735 гг.). Тогда же (1735) Надир совершил свой первый поход против враждебных Ирану ханов и «вольных (патриархально-родовых) обществ» Дагестана, не давший, однако, больших результатов.

При завоевании стран Закавказья войска Надира грабили и опустошали страны Закавказья так же, как и турецкие войска, захватывая в рабство десятки тысяч человек из мирного населения.

При осаде занятых турками крепостей (Гянджи и др.) Надир пользовался помощью русских инженеров и артиллерии. Это обстоятельство не помешало Надире потребовать от России очищения прикаспийского побережья (Баку и Дербенда). Россия согласилась на это с условием, что Иран будет в союзе с Россией продолжать борьбу против Турции и не заключит с ней сепаратного мира (Гянджинский договор 1735 г.). Условие это было вскоре нарушено Надиром; в 1736 г. в Эрзеруме был

заключен мир с Турцией, по которому Турция возвращала Ирану все территории, принадлежавшие ему до 1722 г.

§ 12. Состояние Ирана в 30-х годах XVIII в.

Политическое объединение государства было закончено, территории с персидским населением, потерянные в 20-х годах XVIII в., вновь завоеваны. Но внутреннее состояние Ирана было крайне тяжелым. Владычество афганских и турецких захватчиков и войны разорили страну. Экономический упадок в правление шаха Хусейна сменился состоянием полной хозяйственной разрухи. Больше всего, конечно, пострадала деревня. В одном только Исфаханском оазисе было разорено и опустело около тысячи селений, т. е. две трети их. Плотины, каризы и другие оросительные сооружения были разрушены или приведены в негодность. В частности, знаменитая плотина Бенд-и Султан на р. Мургабе близ Мерва была разрушена. Множество крестьян было перебито вражескими войсками, угнано в рабство турками или погибло от голодовок и эпидемий — обычных спутников иноземных нашествий, войн и междоусобий. Состояние сельского хозяйства было тем более катастрофическим, что оно было уже раньше подорвано налоговой политикой шаха Хусейна.

О том, как жилось крестьянству в это время, можно судить по персидской надписи, высеченной над порталом мечети в селении Вананд в Нахчеванском округе, датированной 1145 г. х. (1732/3 г. н. э.). Там, между прочим, говорится: «Был сущий ад благодаря голоду и утеснению разными нуждами несчастливого времени, так что на протяжении одного года селение Вананд и ближние соседние [селения] три раза подвергались нападению и ограблению, и многие правоверные — мужчины и женщины — были убиты и угнаны в неволю, а прочие рабы божии, рассеявшись и перейдя реку Аракс, поселились в деревнях того берега. И в те дни неблагоприятного сочетания планет¹ торговля также была прекращена». Очевидец, армянский патриарх Абраам Кретацц, сообщает, что в 1735—1736 гг. голод господствовал повсюду в Восточной Грузии, Армении и Азербайджане; повсюду пшеница и ячмень резко поднялись в цене. Так было в странах Закавказья, но и в Иране было не лучше.

Города, особенно в Западном и Внутреннем Иране, также были разорены. Были разграблены Исфахан, Шираз, Казвин, Йезд, Тебриз. Эти города потеряли более двух третей своего населения. Очевидец, шейх Мухаммед Али Хазин, говорит, что, приехав в Тебриз, он нашел город в запустении и почти необитаемым. По его словам, подобную картину представлял собой весь Южный Азербайджан, когда-то многолюдный и богатый, а Ирак Персидский находился в состоянии такого опустошения и обнищания, что и описать невозможно. Резкое сокращение покупательной способности крестьян и горожан привело к упадку торговли и ремесла. Падение шелководства (в Гиляне, по данным Ханвея, выход шелка-сырца сократился более чем в шесть раз), разбои на караванных дорогах и отсутствие безопасности для иноземных купцов привели к тому, что и внешняя торговля замерла.

Хуже всего было то, что, невзирая на крайнюю хозяйственную разруху, ни турецкие, ни афганские захватчики, ни местные феодальные владетели, а потом Надир не думали об уменьшении податного бремени

¹ Согласно средневековым представлениям, всякое стихийное или общественное бедствие объяснялось астрологически неблагоприятным сочетанием планет и созвездий.

райятов и пытались взимать с них подати в прежних размерах. Взыскивать их полностью обычно не удавалось из-за бедности райятов, которых часто обдирали до нитки, но они все еще оставались в недоимщиках. Вот почему шейх Мухаммед Али Хазин говорит, что изгнание афганцев из Ирана не принесло облегчения народу. Тот же автор рассказывает, что в город Лар прибыл вновь назначенный Надиром хаким. Он нашел город разоренным; в городе было мало продовольствия, ибо из-за разбоев на дорогах подвоза из сельских местностей почти не было, и цены на него стояли очень высокие. И все же хаким взыскал с крайней строгостью с населения города и округа подати сразу за два года — текущий и следующий, в повышенном размере. Кончилось дело тем, что крестьяне и горожане восстали, и хаким был убит.

Еще со времени шаха Хусейна выпускалась порченная монета, с уменьшенным содержанием серебра. Махмуд-шах Афганский пытался восстановить чеканку полноценной монеты (1723 г.), но, в обстановке войны и общей разрухи, эта реформа не могла иметь прочных результатов. Порча монеты и общий недостаток продовольствия, в связи с упадком земледелия, привели к резкому уменьшению реальной стоимости денег, раз в 10—12, местами и более, по сравнению с концом XVII в.; соответственно возрастали цены. Так, по свидетельству Мухаммед-Казима, в начале правления Надира в округе Мерва 1 ман зерна стоил 200 динаров. По словам Абраама Кретацци, тогда же 1 ман зерна в Тебризе стоил 900 динаров.¹

§ 13. Курултай на Мугани

Надир (Тахмасп-кули-хан) ясно видел, что династия Сефевидов утратила не только реальную власть, но и авторитет среди большей части феодальной знати. Надир решил использовать свои военные успехи и свою славу «освободителя Ирана» для захвата шахского престола. Для этого Надиру нужна была поддержка феодалов и видимость одобрения и признания со стороны народных масс. Он решил созвать для этой цели большой курултай, состоящий не из одной только знати, военной, чиновной и духовной, но из городских и некоторых сельских старост, прекрасно понимая, что эти последние, не привыкшие к участию в государственных делах и запуганные, примут именно такое решение, какое им будет внушено приспешниками Надира.

Этот съезд был созван Надиром в январе 1736 г. в военном лагере Надира в Муганской степи и распущен в марте того же года. Описание этого курултая дано у Мирзы Мехди-хана и Мухаммед-Казима — тенденциозное, с точки зрения сторонников Надира; шейх Мухаммед Али Хазин и армянский патриарх-католикос Абраам Кретацци дают более объективное описание того же курултая, с независимой точки зрения.

На курултай были вызваны шиитские муджтехиды, имамы соборных мечетей и казии, армянский патриарх-католикос Абраам Кретацци, беглербег, ханы и другие владетельные феодалы, главы кочевых племен, калантары (городские старшины) и даже многие кедхуды (квартальные старосты городов и сельские старосты). Всего собралось до 20 тыс. человек, по официальным данным — даже 100 тыс. (вместе с челядью). Для собравшихся было воздвигнуто до 12 тыс. временных построек из камыша, в числе их мечети, бани и базары. Руководящую роль на курултае играли ханы, числом 54, прочие занимали положение простых статистов.

К празднику солнечного иранского (гражданского) нового года (ноуруз, 21 марта) Надир предложил «ханам, султанам, бекам, агам, почтенному халифэ армян (т. е. патриарху-католикосу), кедхудам, знатым лю-

¹ Тебризский ман — 2950 г.; нахчеванский ман около 13 кг.

дям и всем прибывшим» избрать из своей среды нового шаха, ибо Аббас III — ребенок и шах только по имени, сам же Надир утомился от дел и желает удалиться на покой. Конечно, Надир отказывался от власти притворно, и ни о каком свободном выборе шаха не могло быть и речи. Курултай с заранее подобранным составом не осмелился избрать никого иного, кроме самого Надира. Против Надира втайне было настроено шиитское духовенство, связанное прочными узами с династией Сефевидов. Но едва только мулла-башы (глава шиитского духовенства) высказались за сохранение династии Сефевидов, как был убит по приказанию Надира; после этого прочие улемы уже не осмелились выступить. Среди кочевой знати кызылбашских племен некоторые были настроены против Надира (не надо забывать, что Надир был хоть и кызылбаш из племени афшар, но не знатного происхождения) и за сохранение династии Сефевидов, которой они были обязаны своим возвышением, однако молчали, понимая, что реальная власть и военная сила — в руках Надира. Из кызылбашских эмиров только Угурлу-хан каджар, беглербег карабагский, открыто высказался за избрание шаха из семьи Сефевидов, за что позднее поплатился утратой двух третей своих владений.

Когда курултай «избрал» Надира шахом, последний сперва разыграл комедию отказа, заставив себя долго упрашивать, потом согласился, выставив, однако, ряд условий. В частности, шиитское исповедание имамитского толка официально должно было быть заменено исповеданием компромиссного характера.¹ Прежние шииты должны были составить, наряду с четырьмя суннитскими «правоверными» толками, пятый «правоверный» толк джа'фаритов, поставленный под особое покровительство святого имама Джа'фара Садыка. План соединения шиитов с суннитами имел для Надира, лично равнодушного к религиозным вопросам и совсем не фанатика, политическое значение: Надир видел, что преследование суннитов при Сефевидах служило поводом для восстаний в Курдистане, Северном Азербайджане, Дагестане, Афганистане и т. д. и для вмешательства Турции и узбекских ханств в дела Ирана. Надир хотел привлечь на свою сторону суннитскую знать из афганцев и прочих народностей. Кроме того, этой мерой Надир думал нанести удар влиянию шиитского духовенства, бывшему сильнейшей опорой низложенной шиитской династии Сефевидов. Присутствовавшее на курултае шиитское духовенство не осмелилось открыто защищать шиитское исповедание. Но скрытая оппозиция как шиитских, так и суннитских фанатиков этой мере была сильна; провозглашенная Надиром уния (соединение) шиитов и суннитов оказалась мертворожденной и существовала только на бумаге. Официальное исповедание — толк джа'фаритов не было признано «правоверным» ни в Узбекистане, ни в Турции.

После «выборов» новый шах роздал всем участникам курултая подарки, различные для разных чинов и званий. Ханы, например, получали в числе прочего халаты из золотой парчи, стоимостью по 5 туманов, кедхуды же всего по 1 туману деньгами; всем шах дарил также рабов и рабынь (грузин и армян). Низложенный четырехлетний шах Аббас III был отослан к отцу в Хорасан, где оба они позднее были умерщвлены. Династия Сефевидов окончательно пала, на ее месте утвердилась династия Афшаров.

§ 14. Внешняя политика НаDIR-шаха

Надир-шах (правил в 1736—1747 гг.) не ограничился восстановлением единства Ирана и даже отвоеванием ранее захваченных, а затем

¹ В частности, было отменено проклинание первых трех халифов — Абу Бекра, Омара и Османа, введенное при шахе Исмаиле I Сефевиде.

потерянных Сефевидами стран. Все его правление протекало в завоевательных и грабительских войнах. Основной причиной, побудившей Надир-шаха вести завоевательную политику, было стремление привлечь на свою сторону феодальную знать, кочевую и оседлую, и примирить ее с новой династией. Надир-шах давал возможность знати обогащаться за счет военной добычи. Завоевания и военная добыча нужны были Надир-шаху также для того, чтобы пополнить опустевшую казну и иметь возможность содержать сильное войско, которое трудно было набрать и еще труднее содержать в разоренном и опустошенном Иране. Войско же было необходимо Надир-шаху для укрепления его власти в Иране и для подавления народных восстаний и мятежей феодалов внутри страны. Наконец, завоевания должны были создать славу новой династии и обогатить ее членов.

В 1735 г. Надир-шах жестоко усмирил непокорных иранских кочевников-бахтияров, а в 1737—1738 гг. покорил племена афганцев. Надир-шах сумел отклонить от помощи афганцам узбекские ханства, уверив их в своей дружбе. Обезопасив себя со стороны узбеков, Надир-шах объявил войну державе «великих моголов» Индии, предоставившей убежище афганским повстанцам.

Надирово войско разбило войско «великого могола» Мухаммед-шаха, взяло его столицу г. Дели, которая была затем разграблена (1739 г.). Держава «великих моголов» обязалась уплатить огромную контрибуцию (по некоторым данным до 6 млн. рупий деньгами и на 500 млн. рупий драгоценными камнями, по данным европейцев — от 30 до 87 млн. фунтов стерлингов); в контрибуцию вошли знаменитый бриллиант «кух-и нур» («гора света») и усыпанный драгоценными камнями «павлиний трон». Военную добычу надирова войска оценивали, по меньшей мере, в 700 млн. рупий. При этом Надир-шах изъясил из военной добычи, пущенной в раздел войску, все драгоценные камни, оставив их для себя, что вызвало недовольство среди воинов.

В 1740 г. Надир-шах предпринял походы в узбекские ханства — Бухару и Хиву. Государь Бухары Абу-л-Фейз-хан (правил в 1711—1747 гг.) признал себя вассалом Надир-шаха; Хива (Хорезм) после упорного сопротивления также вынуждена была подчиниться. При этом Надир освободил из неволи в Хорезме 30 тыс. иранских рабов-пленников; русским пленникам, находившимся в рабстве в Хиве, он позволил вернуться на родину.

В 1741—1743 гг. Надир предпринял трудную экспедицию с целью покорения ханств и вольных обществ (патриархально-родовых общин) нагорного Дагестана, но потерпел неудачу, так как сопротивление дагестанских народностей вылилось в настоящую народную войну. Несмотря на отдельные победы, поход этот не дал прочных результатов. На обратном пути шахское войско страдало от морозов и голода, так что дорога от ущелья реки Самура до кочевий Муганской степи была покрыта трупами.

Дагестанская военная экспедиция была первой военной неудачей Надир-шаха. Так как этот поход не дал военной добычи и подорвал авторитет Надир-шаха, последний думал поправить дело, начав новую войну с Турцией с целью завоевать Ирак Арабский и захватить там богатую военную добычу.

Война с Турцией (1743—1746 гг.) велась с переменным успехом, но не сопровождалась прочными завоеваниями, отчасти из-за того, что в это время в Иране и в покоренных странах вспыхнули большие восстания, для подавления которых пришлось снять с театра военных действий часть войска. По мирному договору 1746 г. границы между Турцией и Ираном остались прежние. Надир-шахом были дважды (1737—1738 и

1741—1743 гг.) посланы войска для завоевания Омана в Юго-восточной Аравии, но прочных успехов эти походы не дали.

Таким образом, завоевательная политика Надир-шаха после 1740 г. оказывалась все более и более неудачной.

Она требовала огромных расходов и не приносила значительной военной добычи и новых завоеваний. Надир-шах явно переоценивал финансовые средства и военные силы своего государства, и его военные планы становились все более и более авантюрными.

Согласно некоторым источникам, Надир-шах думал о завоевании всего побережья Каспийского моря. Благодаря этому отношения с Россией, дружественные в начале правления Надира, затем испортились. Походы Надир-шаха в Дагестан и попытка строительства иранского флота на Каспийском море под руководством английского авантюриста Эльтона, представителя английской торговой компании (с 1743 г.), вызвали беспокорство у России. Русские военные силы были сконцентрированы в Кизляре, близ иранской границы.

§ 15. Внутренняя политика Надир-шаха

Деятельность Надира по объединению Ирана и изгнанию иноземных завоевателей в первый период его правления, до провозглашения его шахом, встречала поддержку персидского народа. Но в дальнейшем политика завоеваний и непрерывные войны легли тяжелым бременем на и без того разоренную страну. Завоевания Надира сопровождались ограблением покоренных стран, но не обогащали Ирана. При Надир-шахе мы не видим в Иране того подъема производительных сил, какой был при шахе Аббасе I и его ближайших преемниках. Взыскав огромную контрибуцию с державы «великих моголов», Надир на три года освободил своих подданных от уплаты податей. Но индийские сокровища частью были израсходованы на военные нужды, частью лежали в сокровищнице Надира в Келате и не были использованы для восстановления производительных сил Ирана. Затем Надир, нуждаясь в средствах и не получив их от дагестанского похода, отменил данную им же льготу и с 1743 г. приступил ко взысканию податей за те три года, когда подати не собирались.

Это взыскание податей сопровождалось пытками, истязаниями, ограблением райятов. По словам Мухаммед-Казима, неплательщиков податей лишали глаз и языка, а у тех, кто подстрекал народ к волнениям, отрезали уши, нос и язык, конфисковали все имущество. По словам того же автора, в некоторых областях «у всякого, кто не доставлял установленной суммы, жену и детей его продавали сборищу франков и купцам индийским». До таких жестокостей никогда не доходили сборщики податей при Сефевидах, даже при шахе Хусейне. Членовредительство и продажа в рабство за неплатеж податей были открытым нарушением положений мусульманского права. По словам того же Мухаммед-Казима, за эти 2—3 года было изувечено и посажено в тюрьму за неплатеж податей от 200 до 300 тыс. райятов. Мало того, с 1744 г. последовало новое, очень сильное увеличение податей. Например, Хойский округ, раньше плативший 3 тыс. туманов в год, должен был впредь давать 100 тыс. туманов; уплатить эту сумму округ был не в состоянии, и население восстало. По словам Ханвея, годовой доход империи Надир-шаха достигал 2950 тыс. туманов, но если учесть падение стоимости денег, эта сумма оказывалась вдвое меньше суммы годового дохода при последних Сефевидах.

Во второй половине 1743 г. в ряде областей начались восстания. Европейские путешественники отмечают, что к концу правления Надир-

шаха повсюду видны были следы разрушения, упадка земледелия и ремесел, запустения городов. Город Исфахан находился в развалинах и был почти пуст. Сблизившись с английскими купцами, Надир-шах покровительствовал попыткам английской торговой компании «Россия» захватить в свои руки весь вывоз шелка из Ирана, через Россию, в Западную Европу. В Реште и Мешхеде были основаны английские торговые фактории. Деятельность английских купцов и авантюриста Эльтона вызвала ответные меры правительства России, в результате которых вывоз шелка из Ирана по Волго-Каспийскому пути сократился еще в четыре раза.

Нельзя сказать, чтобы правительство Надир-шаха совсем не думало о восстановлении производительных сил Ирана. В некоторых, преимущественно в восточных, областях государства проводились строительные работы, восстанавливались оросительные системы (в частности, была восстановлена Султанбендская плотина на р. Мургабе), вновь заселялись запустевшие города и местности, путем принудительного переселения горожан, крестьян и кочевников. Но строительные мероприятия проводились бессистемно и непоследовательно, часто технически небрежно; нередко это было показное строительство, ради прославления имени Надир-шаха. Вдобавок это строительство проводилось в порядке принудительных работ, без оплаты, руками и без того разоренных райятов. Некоторые постройки нужны были для войн Надир-шаха, а не для восстановления экономики Ирана. Так, в Бушире на берегу Персидского залива был построен пушечный литейный завод, а близ Амуля в Мазендеране — железоделательный завод, производивший пушечные ядра. На берега Персидского залива строительный лес доставлялся из Мазендерана, при помощи дарового труда райятов, собранных из разных мест Ирана. При помощи дарового труда Надир-шах построил для себя на неприступной горной вершине в Хорасане крепость Келат, с дворцом и казнохранилищем. Глыбы мрамора для этого дворца весом до 50 харваров¹ доставлялись в порядке повинности азербайджанские крестьяне. Принудительный труд и насильственные переселения еще больше разоряли райятов и кочевников (илятов). Поэтому восстановительные мероприятия Надир-шаха не дали положительных результатов.

Надир-шах пытался проводить централистскую политику. Но если такая политика могла иметь некоторый успех при шахе Аббасе I и его ближайших преемниках, в условиях экономического подъема, то при Надир-шахе, в обстановке жестокой хозяйственной разрухи и ослабления связей между отдельными областями, была явной утопией. Стремясь, в целях укрепления центральной власти, увеличить фонд государственных земель, Надир-шах конфисковал большую часть вакфных земель, стоимостью на 1 млн. туманов. Он также урезал земельные фонды (юрты), принадлежавшие некоторым кызылбашским кочевым племенам, особенно племени каджар. Эти меры должны были ослабить влияние прежних владельцев этих земель — шиитского духовенства и кызылбашских кочевых феодалов, преданных низложенной династии. Но вместе с тем он озлобил эти влиятельные группы класса феодалов. Надир-шах посягнул также на обычай наследственности беглербегств и пытался изменить земельные пожалования высшим сановникам, военным и гражданским, денежным жалованьем.

Все эти меры вызвали сильное недовольство большей части феодалов Ирана внутренней политикой Надир-шаха. Неудачные войны 40-х годов XVIII в. усилили это недовольство. Зная об этом, Надир-шах пытался опереться на феодалов, преимущественно кочевых, восточных областей своей империи, именно на туркменскую, узбекскую и афганскую ко-

¹ Харвар тебризский — 235 кг.

чевую знать. Знать эта сильно обогатилась во время похода в Индию. Восточные области не были так разорены, как Внутренний Иран. Поэтому здесь Надир-шах и обосновался. Столицу он перенес из разоренного Исфахана в Мешхед. Поблизости находилось горное гнездо — убежище шаха — крепость Келат.

При слабости хозяйственных и этнических связей между отдельными частями империи Надир-шаха, эта империя — конгломерат племен и народностей, объединенных завоеванием, не могла быть прочным государством. Его единство центральная власть могла поддерживать только при помощи террористического режима. Поэтому в центральной политике Надир-шаха не было никаких прогрессивных тенденций.

§ 16. Народные восстания при Надир-шахе

Налоговая политика Надира была непосредственной причиной ряда восстаний крестьян и беднейших кочевников как в завоеванных странах, так и в самом Иране. Недовольная Надиром часть феодальной знати и шиитское духовенство стремились использовать народное недовольство в своих интересах, в ряде случаев примыкая к восстаниям и стараясь возглавить их. Еще в 1742 г. вспыхнули волнения в Хорезме и восстание в Балхе. В Ширване произошло два крестьянских восстания (в 1740 и 1743 гг.), во главе которых стояли самозванцы, носившие оба имя сефевидского царевича Сам-мирзы. Насколько жестоко расправлялись чиновники Надир-шаха с народными восстаниями, можно судить по тому, что после подавления второго восстания в Ширване, шаху были отосланы 14 батманов (около 42 кг) вынутых глаз «мятежников». Во главе народного восстания в Восточной Грузии (1743) стал Гиви Амилахвари, эристави (владелец) ксанский. В 1743—1744 гг. весь Фарс был охвачен восстанием кочевников и крестьян, принявшим грандиозные размеры; беглербег Фарса Таги-хан считал для себя выгодным присоединиться к восстанию и даже возглавил его.

В районе Астерабада в 1744 г. восстало кызылбашское племя каджар, во главе которого стал наследственный вождь племени, Мухаммед-Хасан-хан Каджар, отец которого Фатх-Али-хан, как сказано выше, был убит по воле Надира еще в 1726 г. К восстанию присоединилось туркменское кочевое племя йомуд, а вскоре также крестьяне и городская беднота областей Астерабада и Мазендерана. Уже после того, как восстание кочевых племен было жестоко подавлено, крестьяне Мазендерана и Астерабада продолжали бороться еще несколько месяцев. Правитель Астерабада, получив от шаха приказ казнить всех участвовавших в восстании, ответил, что это невозможно, так как тогда пришлось бы перебить всех жителей области. Все-таки, по рассказу Ханвея, правитель Астерабада некоторых участников восстания съел живьем, многих повесил, целые толпы крестьян ослепил, а жен их роздал в рабство воинам Надир-шаха.

В том же 1744 г. произошло восстание курдского кочевого племени думбули в округах Хой и Салмас. К восстанию присоединилась племенная знать, а также крестьяне. Мухаммед-Казим признает, что у думбулийцев не осталось иного выхода, кроме восстания, ибо они были не в состоянии уплатить наложенных на них огромных податей. Это восстание было подавлено с трудом.

Несколько раньше, в 1743 г., на турецкой территории, в районе Карса, беглецами из Ирана готовилось выступление самозванца, выдававшего себя за одного из сыновей шаха Хусейна Сефевиды, Сефи-мирзу. Этот мнимый Сефи-мирза был дервиш, который еще в 1730 г. возглавлял восстание городской бедноты (лути) в Шуштере, потом

укрывался в Турции. Теперь в его лагерь стеклось много беглых крестьян, кочевников и даже кочевых феодалов со своими ополчениями. Это опасное для Надир-шаха движение грозило охватить Азербайджан, Восточную Грузию и Дагестан. Но войскам Надир-шаха удалось разгромить его, а самого мнимого Сефи-мирзу схватить.

Не подлежит сомнению, что во всех этих восстаниях принимали широкое участие крестьяне, городская беднота и кочевники. Об этом ясно говорят источники, в частности Мухаммед-Казим.

Значительные размеры приняли также восстания арабских кочевников в Бахрейне и Маскате, временно занятых войсками Надир-шаха (1743—1744 гг.).

Между 1743 и 1746 гг. волна восстаний крестьян и кочевников прокатилась по Хорасану, Керману, области бахтияров и Луристану. Все они были подавлены войсками Надир-шаха.

В те же годы происходило массовое бегство крестьян в Индию, к узбекам, в арабские области, в Дагестан и т. д.

Народные движения не послужили уроком для Надир-шаха, и он не отказался от своей налоговой политики и от террористического режима. Между тем кровавые расправы с народными движениями еще больше углубили хозяйственную разруху страны и тем самым расшатали империю Надир-шаха.

Когда стало известно, что область Систан должна выплатить огромный налог на сумму в 500 тыс. туманов, там вспыхнуло народное восстание, к которому присоединились и местные феодалы (1747 г.). Надир-шах послал против восставших своего племянника Али-кули-мирзу с войском. Прибыв в Систан, Али-кули-мирза убедился в том, что режим Надир-шаха вызвал общую ненависть, и что подавить это грандиозное восстание будет очень трудно. Поэтому Али-кули-мирза решил использовать это восстание в своих целях, именно, пожертвовав Надиром, сохранить престол для себя и для династии Афшаров. Али-кули-мирза, присоединившись к восстанию, возглавил его и провозгласил себя шахом.

§ 17. Феодалные междоусобия в Иране

Политика централизации, которую проводил Надир-шах, вызвала всеобщую ненависть и оттолкнула от Надир-шаха большую часть феодальной знати. Покушение на его жизнь во время проезда через леса Мазендерана (1741 г.), в организации которого он заподозрил своего сына Риза-кули-мирзу, неудачи в Дагестане и в Турции, а больше всего восстания 1743—1747 гг. озлобили Надира и сделали его болезненно подозрительным. Он стал проявлять признаки ненормальной садической жестокости и прибег к массовым казням, казня также и знатных людей, особенно в свей резиденции Мешхеде. Против Надира составил заговор придворных, в числе их были даже афшарские ханы, и он был убит заговорщиками в своем шатре (1747 г.).

После его смерти в Иране начались междоусобия, борьба феодальных группировок за власть.

В 1747 г. в Хорасане (в Мешхеде) был провозглашен шахом племянник Надира, Али-кули-мирза Афшар под именем Адиль-шаха, но в 1748 г. был свергнут и ослеплен своим братом Ибрахимом, который в свою очередь был убит и заменен внуком Надира Шахрухом. Против последнего организовало мятеж шиитское духовенство г. Мешхеда, выдвинувшее своего претендента — муджтехида мирзу сейида Мухаммеда, родственника семьи Сефевидов по женской линии; Мухаммед свергнул и ослепил Шахруха, провозгласил себя шахом под именем Сулеймана II, но был свергнут и казнен полководцем Юсуф-Али-ханом, который вос-

становил Шахруха в качестве номинального шаха и стал управлять от его имени. Шахруха (1748—1796 гг.) признавали шахом только в Хорасане.

В Афганистане утвердился Ахмед-хан из племени абдали (дуррани). Он провозгласил Афганистан отдельным государством, принял титул шаха и завладел Хератом и Систаном. В Астерабаде и Мазендеране утвердился глава племени каджар Мухаммед-Хасан-хан, в южном Азербайджане — афганец Азад-хан, бывший сардар (полководец) Надира. Ханства Северного Азербайджана и Армении и царства Восточной Грузии фактически стали независимыми.

В Южном Иране у власти оказались Али-Мардан-хан, глава племен бахтияров, и Керим-хан, глава кочевого иранского (лурского) племени зенд. Город Исфахан они разделили на две части. Правила от имени выдвинутого ими же шаха Исмаила III, последнего Сефевида. Вскоре между обоими союзниками началась борьба, кончившаяся гибелью Али-Мардан-хана и торжеством Керим-хана Зенда. Он явился основателем династии Зендов, просуществовавшей с 1750 по 1794 г.

В дальнейшем борьба за овладение Ираном велась главным образом между тремя феодальными группировками, захватившими власть в Фарсе, Астерабаде и Южном Азербайджане и возглавлявшимися соответственно Керим-ханом Зендом, Мухаммед-Хасан-ханом Каджаром и Азад-ханом. Эта борьба кончилась решительной победой Керим-хана Зенда (к 1758 г.), но лишь к 1763 г. Керим-хану удалось объединить под своей властью весь Иран, однако, без Хорасана, где удерживался слепой шах Шахрух Афшар. Афганистан, ханства Северного Азербайджана и Восточной Армении и царства Восточной Грузии также остались независимыми.

§ 18. Правление Керим-хана Зенда

Керим-хан сделал своей столицей Шираз из-за близости его к кочевьям своего племени. Устранив подставного шаха Исмаила III, ставшего уже ненужным, Керим-хан стал управлять Ираном от своего имени, однако, не принимая шахского титула и довольствуясь званием великого (регента).

Керим-хан был первым после падения династии Бундов (1055 г.) правителем всего Ирана из иранцев, а не из тюрков или монголов. Он проявил себя способным и деятельным правителем. Происходя сам из кочевой знати, Керим-хан, однако, старался опираться не только на кочевых, но и на оседлых феодалов, а также на купечество; купцам, в частности армянам, он дал разные привилегии. Правительство Керим-хана Зенда пыталось возродить ремесло, создавало большие мастерские: фаянсовые, стекольные и другие. В Шираз были переселены ремесленники, увезенные Надир-шахом из Индии. Размер податей с райятов был уменьшен. Были изданы также указы, ограничивающие произвол землевладельцев по отношению к крестьянам. Частично была восстановлена оросительная сеть в Фарсе и на юге Ирана. Эти меры проводились в целях подъема производительных сил.

В своей столице Ширазе Керим-хан построил новые здания, базары, соборную мечеть, дворец. Керим-хан был необразованный кочевник, даже неграмотный, но он понимал значение образования и окружил себя образованными людьми. Он восстановил надгробные мавзолеи великих персидских поэтов Са'ди и Хафиза в Ширазе. Он старался быть популярным и ежедневно два-три часа отводил для приема всех, у кого были жалобы и просьбы. Керим-хан покровительствовал шиитству и шиитскому духовенству, но в то же время проводил политику веротерпимости.

Керим-хан предоставил ряд льгот английской Ост-Индской компании — исключительное право ввоза шерстяных товаров в Иран, освобождение от уплаты пошлин при ввозе и вывозе, право основания торговой фактории в Бушире. Английским купцам при этом было поставлено условие: не вывозить из Ирана золото и серебро, а взамен ввезенных английских товаров, преимущественно текстильных, приобретать иранские товары. Ввоз европейских товаров до конца XVIII в. был невелик, и Иран не превратился еще в зависимую страну или полуколоннию какого-либо европейского государства. В целях поднятия иранской внешней торговли Керим-хан отнял у Турции Басру (1775 г.), бывшую в то время главной гаванью Персидского залива.

Англичане нашли для себя невыгодными условия, поставленные им Керим-ханом Зендом и в 1770 г. перенесли свою торговую факторию из Бушира в Басру, на турецкую территорию. С английскими купцами успешно конкурировали голландские купцы. Они захватили остров Керрак (Харг) в Персидском заливе, укрепили его и стали контролировать морской путь из Басры в Бушир и Индию; голландцы основали в Харге торговую факторию и жемчужные ловли. Но уже через несколько лет остров этот был захвачен пиратом Мир Муханной (1776 г.).

§ 19. Новые междоусобия в Иране. Основание династии Каджаров

После смерти Керим-хана (1779) начались междоусобия среди членов династии Зендов. В правление сына Керим-хана, Абу-л-Фатх-хана, бывшего в течение 1779—1782 гг. номинальным государем, фактическую власть оспаривали братья и полководцы Керим-хана Садык-хан и Зеки-хан и их племянник Али-Мурад-хан и поддерживавшие их феодальные клики. После долгой борьбы одолел Али-Мурад-хан (правил в 1782—1785 гг.), его в свою очередь победил двоюродный брат его Джа'фар-хан (правил в 1785—1789 гг.), но правители ряда областей не признали его, и Иранское государство снова распалось.

Наиболее сильным противником династии Зендов оказался евнух Ага Мухаммед-хан, сын упомянутого Мухаммед-Хасан-хана, главы астер-абадской ветви тюркского кочевого племени каджар. После гибели отца в борьбе с Керим-ханом Зендом, Ага Мухаммед жил заложником при дворе последнего в Ширазе. После смерти Керим-хана он бежал в родной Мазендеран и стал во главе своего племени. Честолюбивый и энергичный, крайне озлобленный и садически жестокий Ага Мухаммед-хан (1779—1797 гг.) или, как его называли, Ахта-хан, проявил себя энергичным политиком и организатором. Ему и суждено было стать основателем шахской династии Каджаров.

Разбив Джа' фар-хана Зенда и отняв у него Исфахан, Ага Мухаммед-хан путем искусных переговоров объединил вокруг себя ханов и кочевую знать Северного Ирана. Столицей своей он сделал Тегеран (точнее Техран, расположенный близ развалин древнего Рейя), ввиду его близости к кочевьям своего племени, а также потому, что он находился на важном караванном пути. Разгромленный Джа'фар-хан Зенд бежал в Шираз, где погиб в результате заговора. В смене правителей из династии Зендов видную роль играл «делатель царей», калантар города Шираза Хаджжи Ибрахим, из местной знати, стараниями которого на престол был посажен сын Джа'фар-хана, юный Лютф-Али-хан (1789).

Борьба между ясно определившимися теперь двумя группировками феодальной знати Ирана — северной во главе с Каджарами и южной во главе с Зендами — кончилась победой каджарской группировки. Хаджжи Ибрахим, игравший руководящую роль в зендской феодаль-

ной группировке, изменил Лютф-Али-хану и передал Шираз Ага Мухаммед-хану Каджару, за что был вознагражден постом первого везира. Лютф-Али-хан некоторое время еще держался на юго-востоке, в Кермане, но благодаря предательству, попал в плен к Ага Мухаммед-хану, который лично ослепил его (1794 г.). Ага Мухаммед-хан с обычной для него садической жестокостью расправился с жителями Кермана за поддержку, оказанную ими Лютф-Али-хану: молодых женщин Кермана Ага Мухаммед-хан роздал своим войнам как рабынь, а всех мужчин велел ослепить; воины доставили деспоту 20 тыс. пар вынутых глаз.

Победа северной, кадjarской группировки феодалов в борьбе за власть в Иране не была делом случая. В течение XVIII в. ясно определилась первенствующая экономическая роль северных областей Ирана. Оттуда вывозили шелк-сырец и хлопок, через них проходили караванные пути, соединявшие Россию и Турцию с Ираном и Средней Азией, там находились гавани Каспийского побережья. Расширение торговых связей с Россией также имело очень большое значение для экономики Северного Ирана. Южные области Ирана, несмотря на все старания Керим-хана Зенда, не могли достигнуть того состояния, в каком они находились до афганского вторжения. Вывоз товаров из портов Персидского залива в то время имел меньшее значение, нежели торговля с Россией. Таким образом, северные феодалы были богаче и сильнее южных, и Ага Мухаммед-хан Каджар в борьбе с зендской группировкой феодалов мог располагать гораздо большими материальными средствами, а следовательно, и большей военной силой. С победой кадjarской группировки на престоле Ирана опять утвердилась тюркская династия.

Ага Мухаммед-хан принял меры к укреплению центральной власти, круто расправившись с непокорными ханами Курдистана, Фарса, Арабистана и т. д., и к восстановлению торговых связей, нарушенных междоусобной войной. Для райятов он установил террористический режим, но намного повысить подати не решился. Ага Мухаммед-хан придавал важное значение завоеванию стран Закавказья, ставших фактически независимыми после смерти Надир-шаха. Они могли стать источниками сырья и рынком сбыта для иранской ремесленной промышленности. В 1795 г. он совершил поход в Азербайджан и Армению, начав его с осады г. Шуши, так и не взятой им, и закончив взятием и разгромом г. Тбилиси и уводом из Грузии 22 тыс. мирных жителей обоего пола в рабство. Правительство Екатерины II, обещавшее помощь России ханам Северного Азербайджана и царю Картлии и Кахетии Ираклию II, не выполнило обещания.

В 1796 г. Ага Мухаммед-хан короновался в Тегеране, приняв титул шаха (точнее шаханшаха). Вскоре после того он завоевал Хорасан. Слепой Шахрух Афшар был взят в плен и, подвергнутый пытке, должен был выдать свои зарытые сокровища. Тем временем правительство России с большим запозданием послало в страны Закавказья отряд генерала В. Зубова (1796 г.), который, однако, был отозван после смерти Екатерины II и вступления на престол императора Павла, отказавшегося на время от активной политики в Закавказье. Благодаря этому весной 1797 г. Ага Мухаммед-шах мог еще раз беспрепятственно вторгнуться в Закавказье, заняв на этот раз город Шушу, который после этого он превратил в застенки. Он тысячами казнил своих действительных и мнимых противников: одних сажал на кол, других бросал в клетки к тиграм на съедение и т. д. Здесь же он был убит (май 1797 г.), ночью во время сна, в результате заговора некоторых придворных и ханов, трепетавших за свою жизнь; они захватили его богатства и бежали. Войско его отступило в Иран, где племянник Ага Мухаммед-шаха, Баба-хан, был провозглашен шахом под именем Фатх-Али-

шаха (правил в 1797—1834 гг.). Власть династии Каджаров в Иране была упрочена надолго (1796—1925 гг.).

§ 20. Культурная жизнь Ирана в XVI—XVIII вв.

В культурной жизни Ирана данного периода постепенно угасал тот творческий подъем, каким отмечена была культура Ирана X—XV вв. Причины этого явления еще не изучены вполне. Несомненно, однако, что суровый гнет фанатичного шиитского духовенства при Сефевидях, а также разрыв культурных связей со Средней Азией и другими странами Востока, в которых господствовали сунниты, уже в XVI—XVII вв. сказались неблагоприятно на умственной жизни страны. А в XVIII в. культурное отставание было неизбежным следствием почти непрерывных войн и междоусобиц и глубокого экономического упадка страны. Однако упадок проявился далеко не сразу и не одновременно во всех отраслях культуры; некоторые из них в течение указанного времени пережили свои периоды подъема и даже расцвета. Только к концу XVIII в. упадок стал более или менее всеобщим явлением.

Персидская архитектура XVI—XVII вв. еще представлена высокохудожественными памятниками. К XVI в. относится мечеть Сефевидов в Ардебиле, с мавзолеями шейха Сефи-ад-дина и других шейхов и шахов из этой фамилии. Городом высокого архитектурного искусства в этот период стал Исфахан. Здесь в XVI в. были воздвигнуты мавзолей Харун Вилает с мозаиками, мечеть Масджид-и Али с куполом оригинальной конструкции и другие здания.

При шахе Аббасе I Исфахан, как сказано выше, стал столицей Ирана и большим городом с более чем полумиллионным населением. Тогда же он был заново перепланирован. Широкие прямые улицы, уходящие вдаль перспективами, были обрамлены величественными зданиями, а на окраинах — парками. Посреди города была создана новая площадь — Мейдан-и Шах, представлявшая в плане прямоугольник, около 500 м длиной и 160 м шириной, окаймленный каналом. Канал был обнесен стенкой, оштукатуренной гипсом (ахак-и сийах — черная известь), и обсажен деревьями. Посреди площади возвышалась мачта, служившая мишенью для стрельбы, и две мраморных колонны, отмечавшие пределы поля для игры в поло (перс. *чоуган* — конная игра шарами). С юга к площади примыкает Масджид-и Шах («Шахская мечеть»), законченная в 1616 г., с четырьмя порталами, двором, обрамленным стрельчатыми арками в два яруса; центральное здание мечети имеет портал со стрельчатой нишей с двумя минаретами и высокий купол. Все здание мечети покрыто глазурованными плитками разных цветов. При шахе Сефи мечеть была украшена серебряными воротами и облицована ардистанским мрамором. Шахская мечеть — один из лучших памятников архитектурного искусства мира.

Напротив Шахской мечети к Шахскому мейдану прилегалo здание Царского базара (Кайсарийэ) с фаянсовым порталом и куполом; здесь продавались лучшие ткани. Большой шахский дворец прилегал к той же площади, выходя на нее портиком Ала Капи. К шахскому мейдану примыкает также мечеть Садра (теперь известная под именем мечети шейха Лютфуллаха) с высокохудожественной декорровкой — фаянсовой мозаикой и с самым красивым в Исфахане куполом (построена в 1602 г.). При шахе Аббасе II на Шахском мейдане был построен павильон с курантами, звонившими каждый час. В целом Шахский мейдан представляет один из лучших архитектурных ансамблей мира, воздвигнутый на полстолетия раньше знаменитого ансамбля Версаля. Итальянский путешественник Пьетро делла Валле, восхищаясь архитектурным ансам-

блем Шахского мейдана, отдавал ему преимущество перед прославленным ансамблем площади Навона в Риме.

Одним из лучших памятников Исфахана времени шаха Аббаса I является мечеть Максуд-бека. При том же шахе были проведены работы по реставрации и декорированию старой исфаханской соборной мечети (Масджид-и Джума¹). При шахе Аббасе I был воздвигнут также большой мост через р. Зиндэ-руд, названный мостом Аллах-вердихана, по имени своего строителя, известного полководца. Этот мост, на 33 арках, имеет около 300 м в длину и около 14 м в ширину. При том же шахе было застроено новое предместье Исфахана — Новая Джульфа, куда шахом были переселены армяне из старой Джульфы на р. Араксе. В Новой Джульфе заслуживает внимания армянская кафедральная церковь, центральнокупольная, в смешанном персидско-армянском стиле. В окрестностях Исфахана при том же шахе был построен мавзолей шейха Баба Руки-ад-дина, пятиугольный в плане, с куполом в виде многогранной пирамиды, покрытым мозаикой из фаянсовых плиток синего, белого и черного цветов, на общем бирюзовом фоне, а также загородные дворцы в парках Чахар-баг и Хазар-джериб, с павильонами и фонтанами.

Из памятников Исфахана, построенных при преемниках шаха Аббаса I, следует отметить группу мавзолеев Дарб-и Имам, воздвигнутых во второй половине XVII в. вокруг первоначального здания середины XV в. и построенное шахом Султан Хусейном в честь своей матери медресе Мадар-и Шах («Шахской матери»), оконченное в 1714 г., с высоким порталом и величавым куполом. По своим стройным пропорциям и красоте фаянсовой орнаментовки это медресе является одним из лучших памятников персидского зодчества. Ни один из памятников Исфахана не вызывал такого восхищения европейских путешественников, как это медресе. О нем французский писатель XIX в. П. Лоти писал: «Необузданная сложность в деталях (т. е. в орнаментовке), однако, приводит к тому, что в целом создается впечатление простоты и спокойствия: такова здесь, как и везде, великая тайна персидского искусства».

Из памятников строительного искусства времени шаха Аббаса I вне Исфахана выделяются шахские дворцы в Мазендеране — в Ферахабаде и в Ашрафе и большая шоссированная дорога вдоль южного берега Каспия, длиною до 270 км.

Во второй половине XVIII в. Керим-ханом Зендом были воздвигнуты дворец, мечеть и здания базара в Ширазе, а также мавзолей на могилах поэтов Са'ди и Хафиза в том же городе и мавзолей в Исфахана. Эти здания уже не столь совершенны, как памятники XVII — начала XVIII в. К концу XVIII в. упадок персидской архитектуры стал уже явным.

Искусство миниатюры в Иране пережило новый период расцвета в XVI — первой четверти XVII в. В XVI в. продолжала существовать сложившаяся в XV в. знаменитая хератская школа миниатюры, продолжавшая художественные традиции великого Бехзада. Сам Бехзад после образования Сефевидского государства переехал в столицу последнего — Тебриз и был поставлен шахом Исмаилом во главе созданной там художественной академии. Бехзад оставался придворным живописцем шахов Исмаила I и Тахмаспа I до своей смерти (1533 или 1536 г.). Бехзад и его талантливый ученик Ага Мирек положили основание тебризской школы живописи. Ага Мирек, между прочим, иллюстрировал миниатюрами рукописи произведений поэта XII в. Низами.¹ Лучшая миниатюра Ага Мирека — «Вознесение Мухаммеда» — одно из

¹ Хранятся в Британском музее.

замечательнейших произведений персидской живописи; в ней исключительно хорошо сочетание красок — ярко-синего неба, золотой почвы, темно-серебристых ручейков. Если у Бехзада редки женские образы, то в миниатюрах Ага Мирека образы женщин занимают большое место. Крупным мастером тебризской школы миниатюры был ученик Бехзада и Ага Мирека — Султан Мухаммед. Он принимал участие в иллюстрировании миниатюрами (всего 256 миниатюр) ценного списка «Шах-намэ» 1537 г. Ряд миниатюр Султан Мухаммеда хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Миниатюры Султан Мухаммеда полны жизни. Типы лиц чисто иранские. Особенно любил мастер изображать сидящих под цветущими деревьями юношей с поднятыми углами глаз, с тонким полукруглым изгибом бровей и с мягкой улыбкой, одетых в узкие элегантные одежды. Султан Мухаммед — художник счастливой беззаботной жизни иранской аристократии.

Ученик Султан Мухаммеда, мастер (уstad) Мухаммеда (вторая половина XVI в.), в противоположность своему учителю, любил сюжеты из народной жизни: крестьянин, пахущий на быках в поле, пастух с собакой, пляшущие скоморохи и т. д. Лица фигуры, образы природы на миниатюрах Мухаммеда отличаются жизненной правдой и глубоко реалистической трактовкой. Среди многих других художников тебризской школы известна женщина-живописец — Бибидже из Мерва. Живописцы тебризской школы не ограничивались областью миниатюры, они расписывали также лакированные переплеты книг и делали эскизы для ковров.

Ученик Бехзада, уstad Махмуд (первая половина XVI в.), положил основание бухарской школе живописи, переселившись в Бухару, где до того не было прочной художественной традиции.

В начале XVII в. на базе основанной шахом Аббасом I художественной академии в Исфахане сложилась исфаханская школа живописи. Впервые в истории Ирана шах Аббас I стал посылать учеников-стипендиатов в Рим для изучения итальянской живописи. То же делали преемники Аббаса I. Наиболее известным из этих стипендиатов был Мухаммед Заман, в 40-х годах XVII в. учившийся в Риме и там втайне принявший христианство. Он вернулся в Иран ко двору шаха Аббаса II, но вскоре перебрался в Индию, работал при дворе «великого могола» Шах Джехана и дворах других индо-мусульманских государей. Около 1675 г. Мухаммед Заман вернулся в Иран. Он иллюстрировал миниатюрами рукописи «Шах-намэ» и поэмы Низами, кроме того выполнил несколько копий с картин итальянских художников и переводил латинские сочинения на персидский язык.

Влияние «франкской» (по сути дела итальянской) живописи на творчество живописцев исфаханской школы сказалось не столько в художественных приемах, сколько в выборе новых для персидской живописи сюжетов — таких, как, например, «Слепые», «Оплакивание Христа»¹ и др. Величайшим художником исфаханской школы был Риза Аббаси-Старший, миниатюрист и каллиграф. Для него характерны тонкость линии и особая комбинация цветов — сопоставление красновато-фиолетового с голубым. Некоторые миниатюры Риза Аббаси стали известны и репродуцировались в Западной Европе уже в 30-х годах XVII в. Современником его был Мухаммед Риза из Тебриза (умер в 1627 г.), работавший и в Исфахане, и в Константинополе. Крупным художником той же школы был Муин Мусаввир, написавший, между прочим, портрет Риза Аббаси. Для исфаханской школы харак-

¹ Не надо забывать, что Иисус Христос в мусульманской религии признается одним из главных пророков.

терны портретные миниатюры, особенно портреты изящных юношей и молодых женщин, в аффектированных позах, в вычурных головных уборах (в частности, юношей в высоких чалмах) и костюмах, иногда подражавших «франкским» костюмам.

Начиная с конца XVII в. отмечается глубокий упадок искусства персидской миниатюры. Хотя ее художественные традиции сохранялись и в XVIII, и в XIX вв., но миниатюристы ограничивались рабским подражанием мастерам прежних веков, не создавая ничего нового.

Искусство каллиграфии в Иране в XVI—XVII вв. стояло еще высоко. Начиная с Махмуда Нишапури, придворного каллиграфа шаха Исмаила I, известен ряд искусных мастеров каллиграфии. В самом конце XVI в. казий Ахмед ибн Мир Мунши ал-Хусейни написал специальный трактат о каллиграфах и художниках.¹ В те же столетия сложилось искусство оформления книги (еще рукописной). Применяли покрытие фона золотой пылью (перс. *афшан* — «розбрызг»), золочение, орнаментовку, фронтиспис, кожаный переплет и т. д. В XVIII в. и это искусство пришло в упадок.

Искусство облицовки стен мозаиком из фаянсовых плиток еще в XVII в. процветало. Прекрасна фаянсовая облицовка павильона Чихиль Сутун в Исфахане: сцены с влюбленными юношами и девушками среди кипарисов и цветущих кустарников. В XVIII в. это искусство переживало резкий упадок.

В XVI—XVII вв. высоко стояло и ковровое искусство. Персидские ковры этого времени можно разделить на две группы: произведения придворных мастерских и произведения народного творчества (частью — мастерство кочевников). Замечателен огромный ковер, выполненный мастером Максудом Кашани для мечети Сефевидов в Ардебиле, с богатой растительной орнаментацией разных цветов по голубому фону. Известно несколько групп персидских ковров со стилизованными звериными или растительными орнаментами. Ковры из Южного Ирана XVI—XVII вв. носят на себе черты индийского влияния. Не чужды коврам Ирана этого времени и китайские мотивы.

Персидские фигурные ткани XVI—XVII в. отличались высокой техникой рисунка и богатством красок. На этих тканях чувствуется сильное влияние тебризской и исфаханской школ миниатюры. И эта отрасль прикладного искусства пришла в упадок в XVIII в.

Если в перечисленных выше отраслях искусства упадок начался только с конца XVII в. или в XVIII в., то в области художественной литературы упадок заметен уже с начала XVI в., вскоре после смерти последнего великого персидского поэта Джами. Правда, художественная традиция и технически совершенная форма стиха, выработанные поэтами прежних веков, сохранялись и в XVI—XVIII вв. Но эта форма омертвела и превратилась в самоцель. Развитие искусственности и вычурности формы сопровождалось крайним обеднением содержания и утратой оригинальности. Новых идей и сюжетов не было. Поэты давали перепевы образов и аллегорий суфийской поэзии, подражали старым мастерам поэзии XI—XV вв., заимствуя у них сюжеты, либо слагали длиннейшие гимны в честь шиитских имамов.

Из поэтов XVI в. наиболее известны Хатифи (умер в 1521 г.), автор поэмы о Тимуре, являющейся подражанием «Шах-намэ»; Хилали Астербади (умер в 1532 г.), автор поэмы «Шах у гада» («Царь и нищий») — вариации на старую суфийскую тему; Касими (умер после 1572 г.), автор поэм на сюжеты, уже разработанные многими прежними поэтами, —

¹ Русский перевод рукописи выполнен и издан проф. Б. Н. Заходером (Трактат о каллиграфах и художниках, М., 1947).

«Лейла и Меджнун» и др., а также поэмы о подвигах шаха Исмаила I — «Шах-намэ-йи шах Исмаил»; Зулали (умер в 1616 г.), автор семи поэм под общим заглавием «Саб' саййарэ» («Семь планет»), из которых лучшая седьмая — «Султан Махмуд (Газневи) и Айяз»; шейх Беха-ад-дин Бехаи Амили (умер в 1621 г.), известный сборником суфийско-дидактических рассказов «Кешкуль»;¹ Са'иб Исфাহани, автор многих газелей, в большей своей части подражательных, незаслуженно прославившийся Хафизом своей эпохи.

Персидская поэзия, однако, в то время еще нашла убежище в Индии. Там творили крупные персидские поэты Урфи, родом из Шираза (умер в 1591 г.), и Фейзи (умер в 1595 г.). В Иране же она в XVIII в. пришла в полный упадок.

Персидская историография до середины XVIII в. дала ряд ценных трудов, хотя и написанных большею частью напыщенным и безвкусно вычурным языком.² Во второй половине XVIII в. и в этой области замечен упадок.

В области точных наук — в математике, астрономии, медицине — уже с XVI в. не создавалось ничего нового. Единственный заслуживающий внимания факт в этой области — попытка, при шахе Исмаиле I, восстановления обсерватории в Мараге, построенной еще при Газапхане. В дальнейшем, под давлением религиозной реакции, в Иране постепенно было утрачено и то наследие прежних веков в области точных наук, какое еще сохранялось, и эти науки в XVIII в. почти исчезли. Их заменила убогая схоластическая литература официального шиитского богословия.

Конечно, в условиях религиозной реакции и полного оскудения точных наук не могла процветать и независимая светская философия. Она и преследовалась шиитским духовенством и в перспективе была обречена на угасание. Однако, прежде чем исчезнуть, персидская светская философия, даже в самой неблагоприятной обстановке, дала еще одну яркую вспышку в лице философа Садры Ширази (умер в 1641 г.).

Садра — глубокий и оригинальный мыслитель-вольнодумец, прикрывавший свое по существу чуждое исламу мировоззрение и радикальные выводы относительно господствующей идеологии и общественного строя труднодоступным языком и изложением. Большой труд Садры «Ал-асфар ал-арба'а» («Четыре книги») написан по-арабски. Он оказал впоследствии влияние на учение ранних бабидов. Ученик Садры Абд-ар-реззак Лахиджи популяризовал взгляды своего учителя, стараясь, однако, внешне примирить их с шиитским исламом, дабы избежать преследований.

§ 21. Итоги периода

В течение XVIII в. Иран пережил огромный экономический упадок, от которого лишь отчасти оправился при Керим-хане Зенде. В XVIII в. ясно определились отставание и упадок позднефеодального общества в Иране, с сохранившимся патриархально-феодальным укладом среди кочевников. Ясно определилась невозможность дальнейшего прогрессивного развития страны в рамках старых производственных отношений и при режиме военно-феодальной деспотии. Иран из некогда экономически и культурно высокоразвитой страны, стоявшей в IX—XII вв. намного выше европейских стран, к концу XVIII в. превратился в от-

¹ Кешкуль — чашка (чаще всего из кокосового ореха) для сбора подаваний у персидских дервишей.

² Об историографии см. подробнее в § 2 настоящей главы, а также в главах VII и VIII (§ 2).

сталую страну и уже ни в каком отношении не мог сравниться с европейскими государствами, в которых капиталистические отношения либо уже победили (Англия, Голландия, Франция), либо развивались как уклад (Россия). Эта слабость Ирана привела к тому, что с конца XVIII в. Иран стал подвергаться экономическому и политическому воздействию европейских государств, особенно Англии, страны промышленного капитализма. Таким образом, на историю Ирана стал оказывать влияние новый фактор, и поэтому конец XVIII в. можно рассматривать как начало новой истории Ирана. В течение XIX в. Иран постепенно стал зависимой страной, а затем и полуколонией европейских капиталистических государств.¹

---

¹ С новой и новейшей историей Ирана можно подробно ознакомиться по книге М. С. Иванова «Очерк истории Ирана», Госполитиздат, 1952.

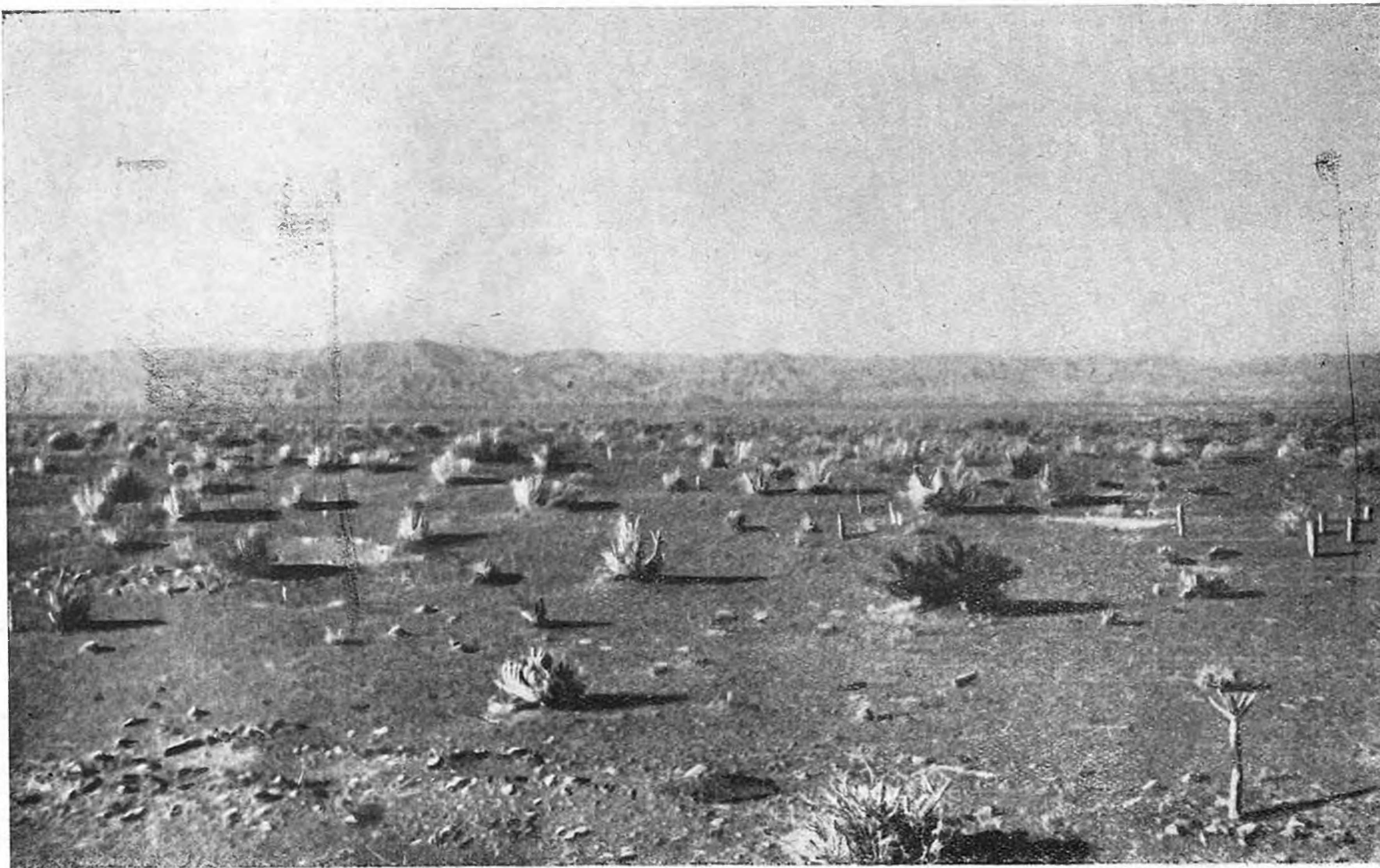

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Горный ландшафт в Иране на дороге Шираз—Бушир.
Фото Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Пустыня в Систане, на востоке Ирана.
Фото проф. М. С. Иванова.

Река Сафид-руд на севере Ирана.
Фото Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.

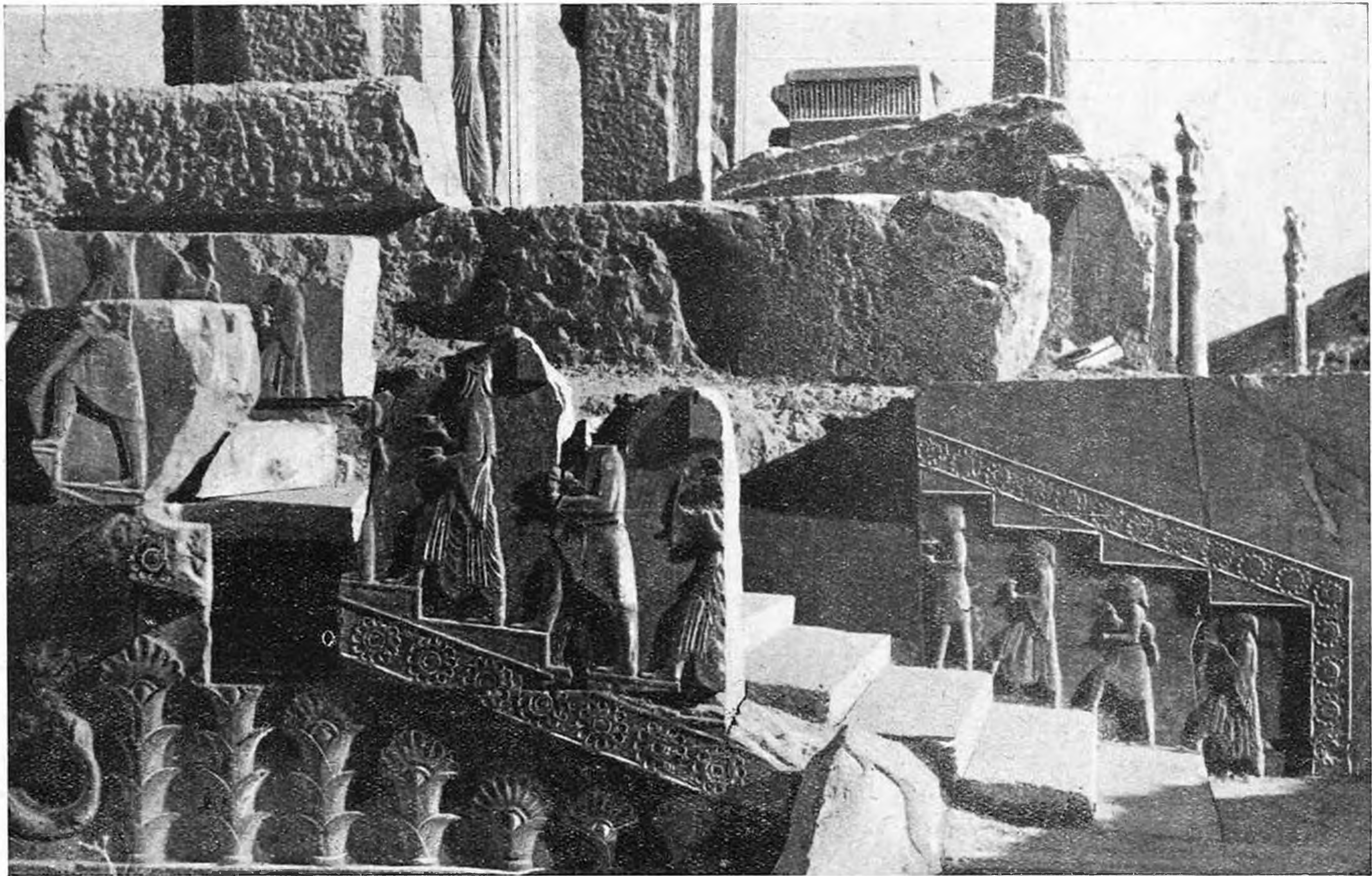
Финиковая роща на юге Ирана.
Фото Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Гробница Кира. VI в. до н. э.
фото проф. М. С. Иванова.

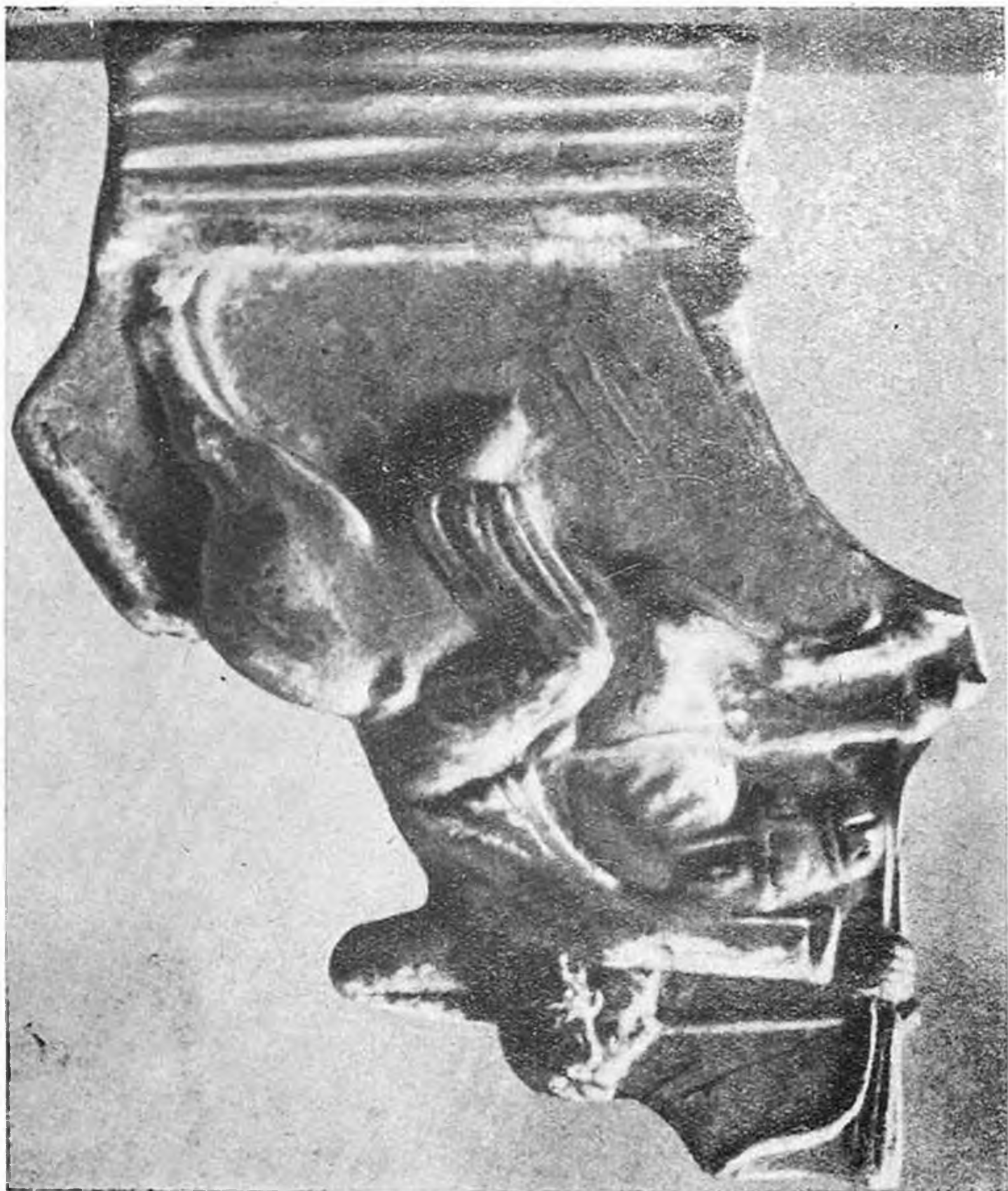

Барельефы во дворце Персеполя. VI в. до н. э.
Фото проф. М. С. Иванова.

Парфянский всадник (терракота).

Ахеменидский рельеф из Персеполя.
Фото Фр. Зарре.

Серебряная монета с изображением царя Арташира I.
Коллекция Эрмитажа.

Барельеф из Накш-и-Рустама, изображающий триумф сасанидского царя Шапура I
над римским императором Валерианом.

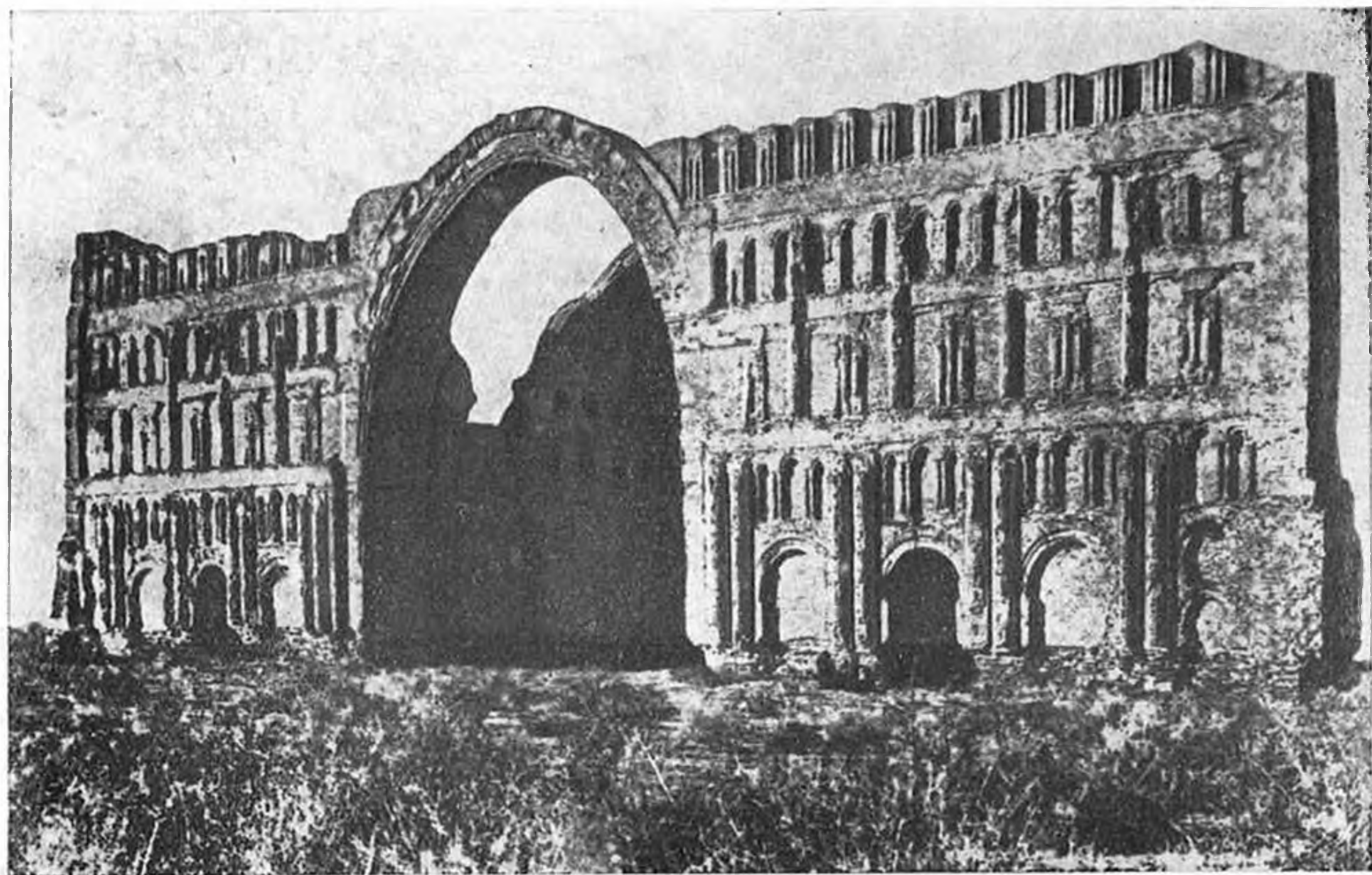

Серебряное блюдо, частично позолоченное, с изображением царя Шапура II на охоте.
Коллекция Эрмитажа.

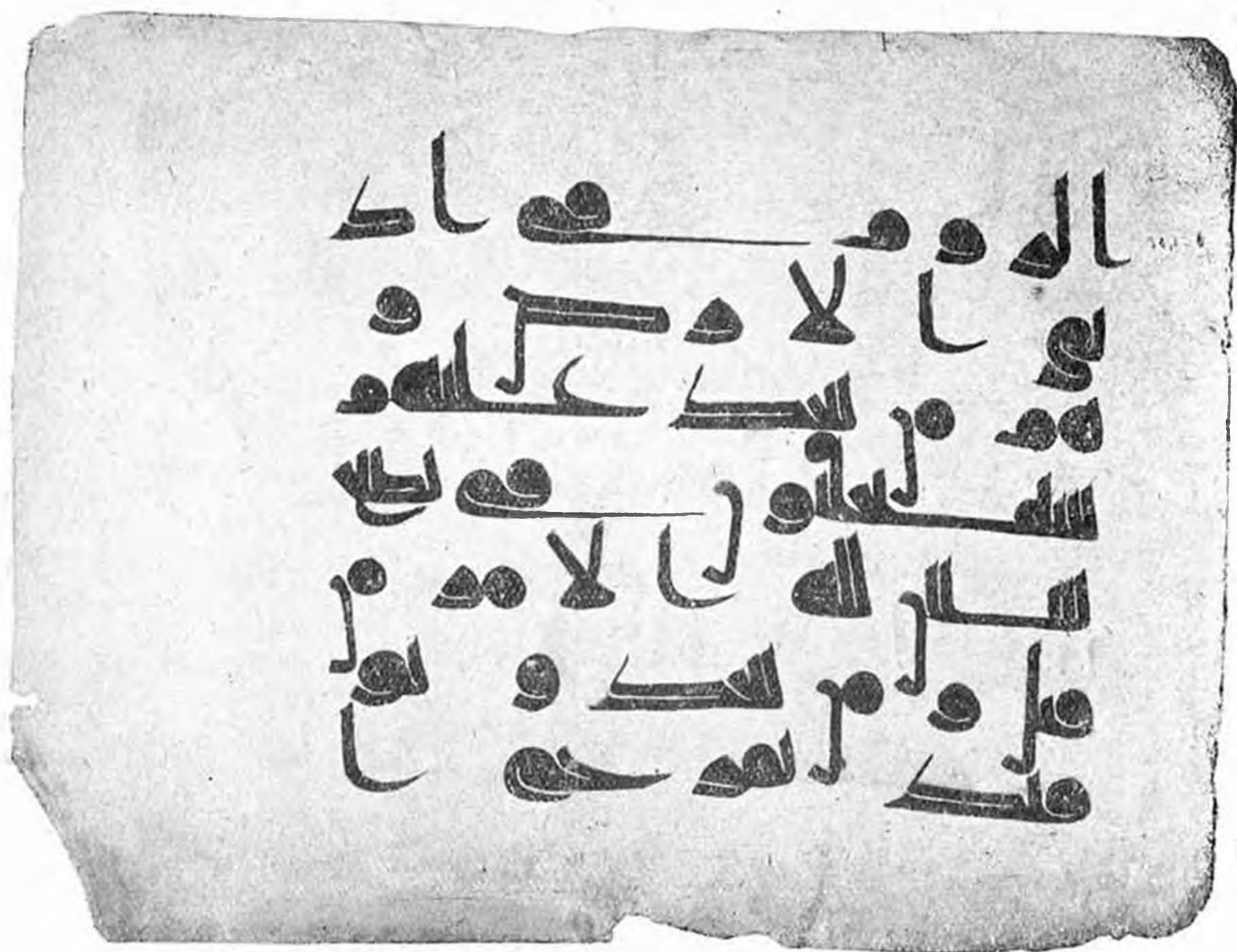

Серебряная драхма с изображением царя Хосрова II.
Коллекция Эрмитажа.

Главный фасад дворца в Ктесифоне.
Фото Эрмитажа.

Куфический Коран. VII—VIII вв.
Рукопись ИВ АН СССР.

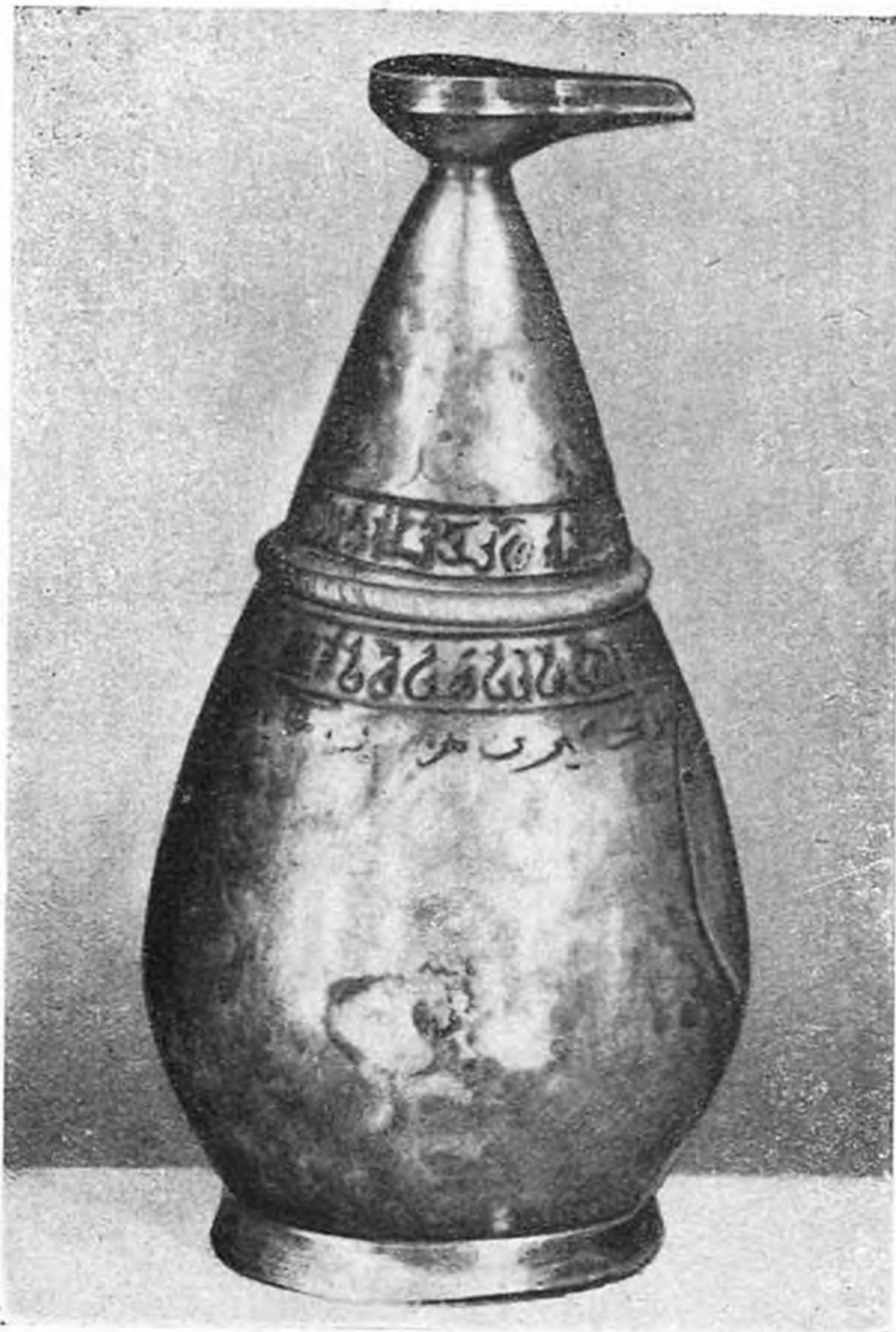

Арабская карта ал-Идриси. 1160 г.
Французская перерисовка Вивьен де Сент-Мартэн. Географический словарь.

Серебряный кувшин с куфической надписью, X—XI вв.

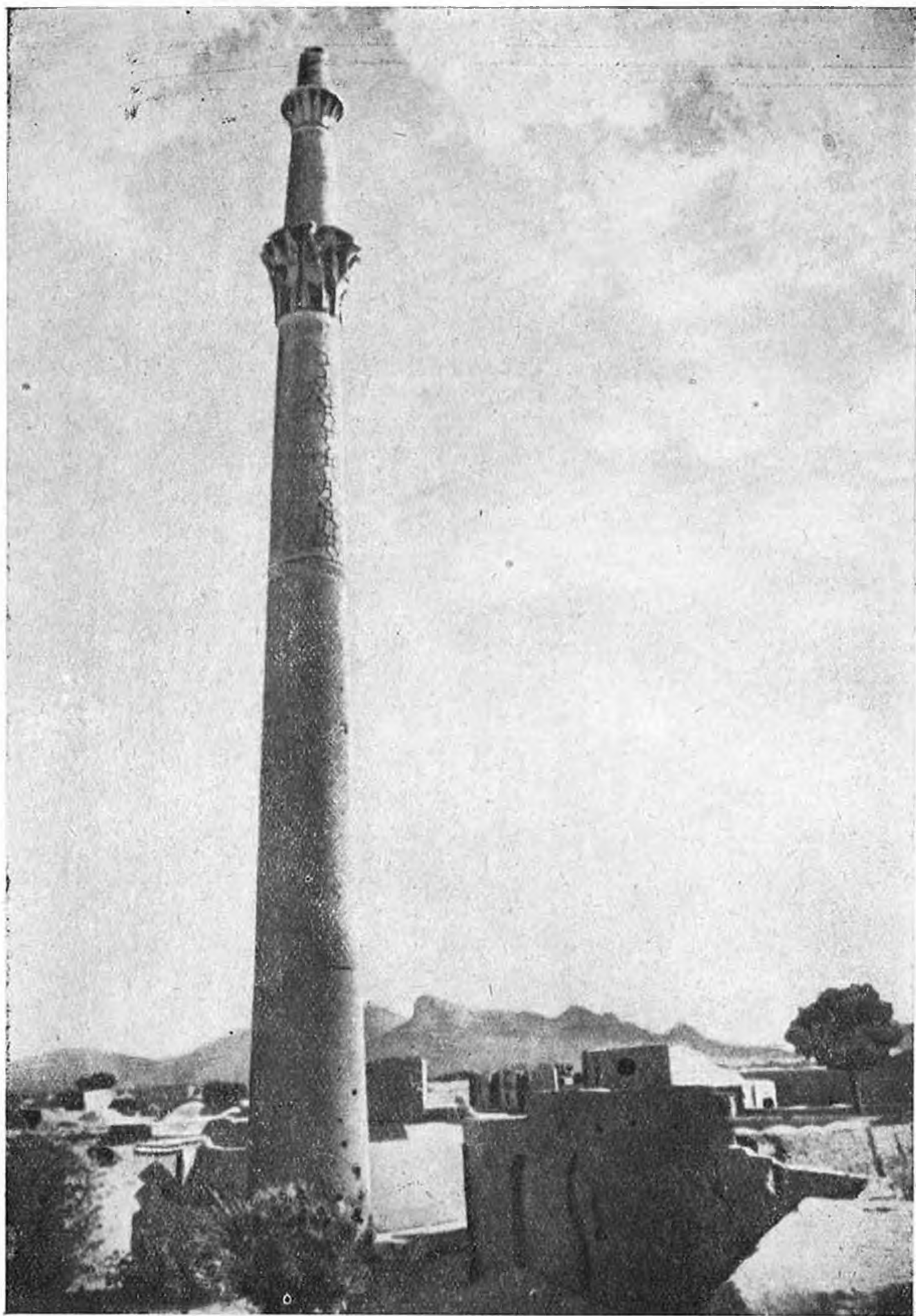

Плоское глиняное блюдо с рельефным раскрашенным узором. X—XI вв.

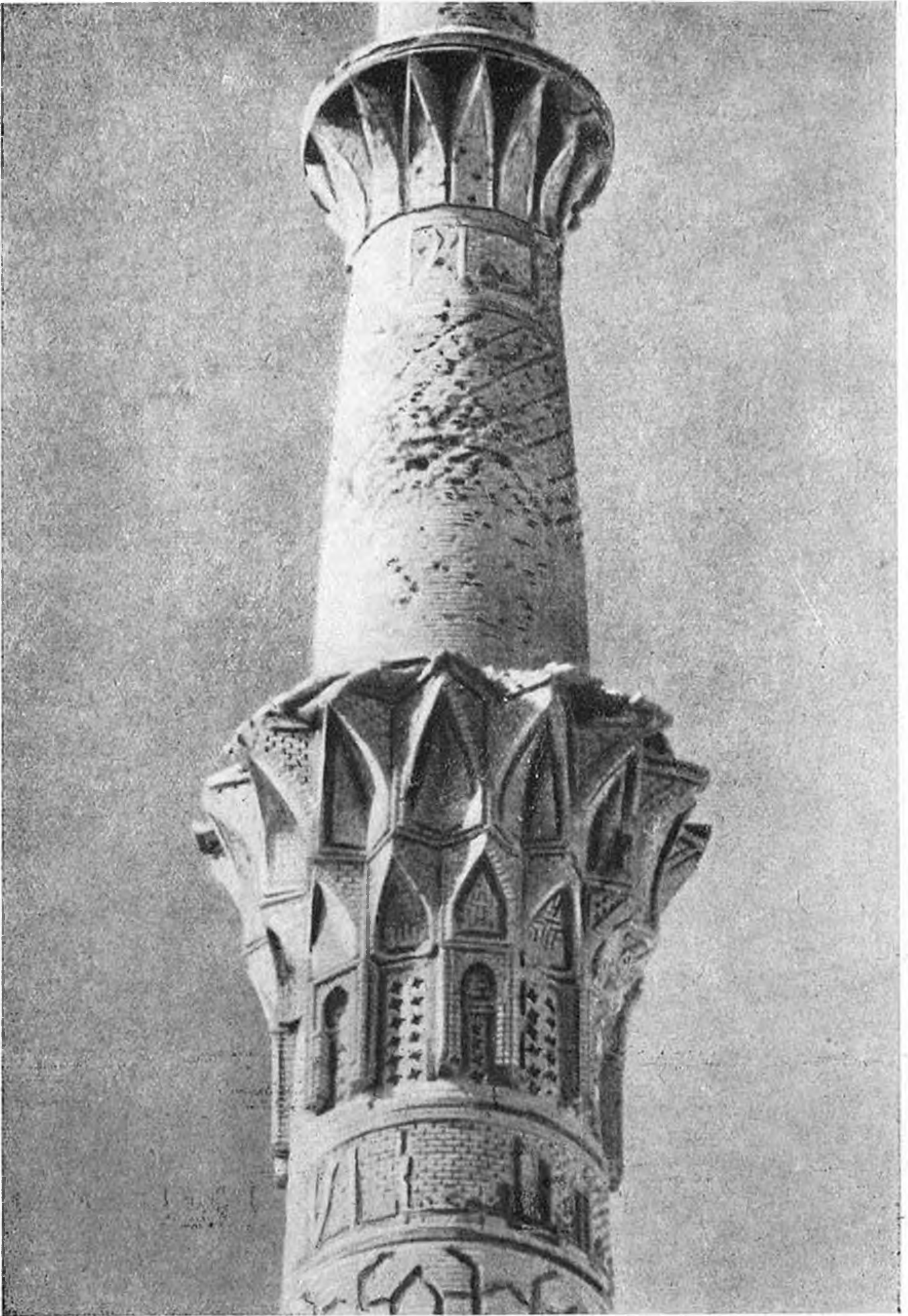
Расписной фаянсовый изразец с изображением героев „Шах-намэ“. Бахрам Гура и Азадэ. XIII в.

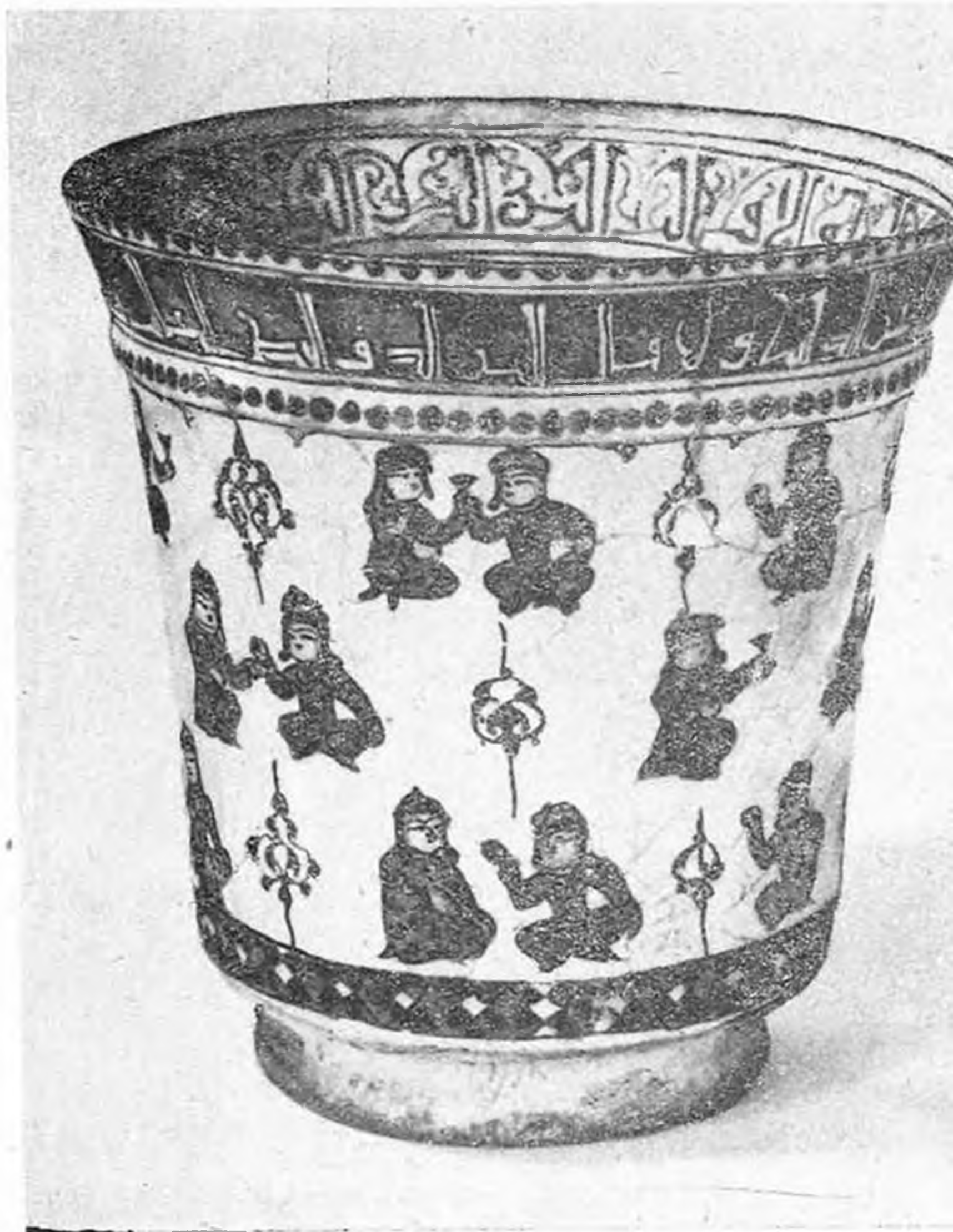
Минарет Сарабан в Исфахане. XII—XIII вв.
Фото М. Б. С м и т а.

Минарет Сарабан в Исфахане. Деталь верхней части.
Фото М. Б. С м и т а.

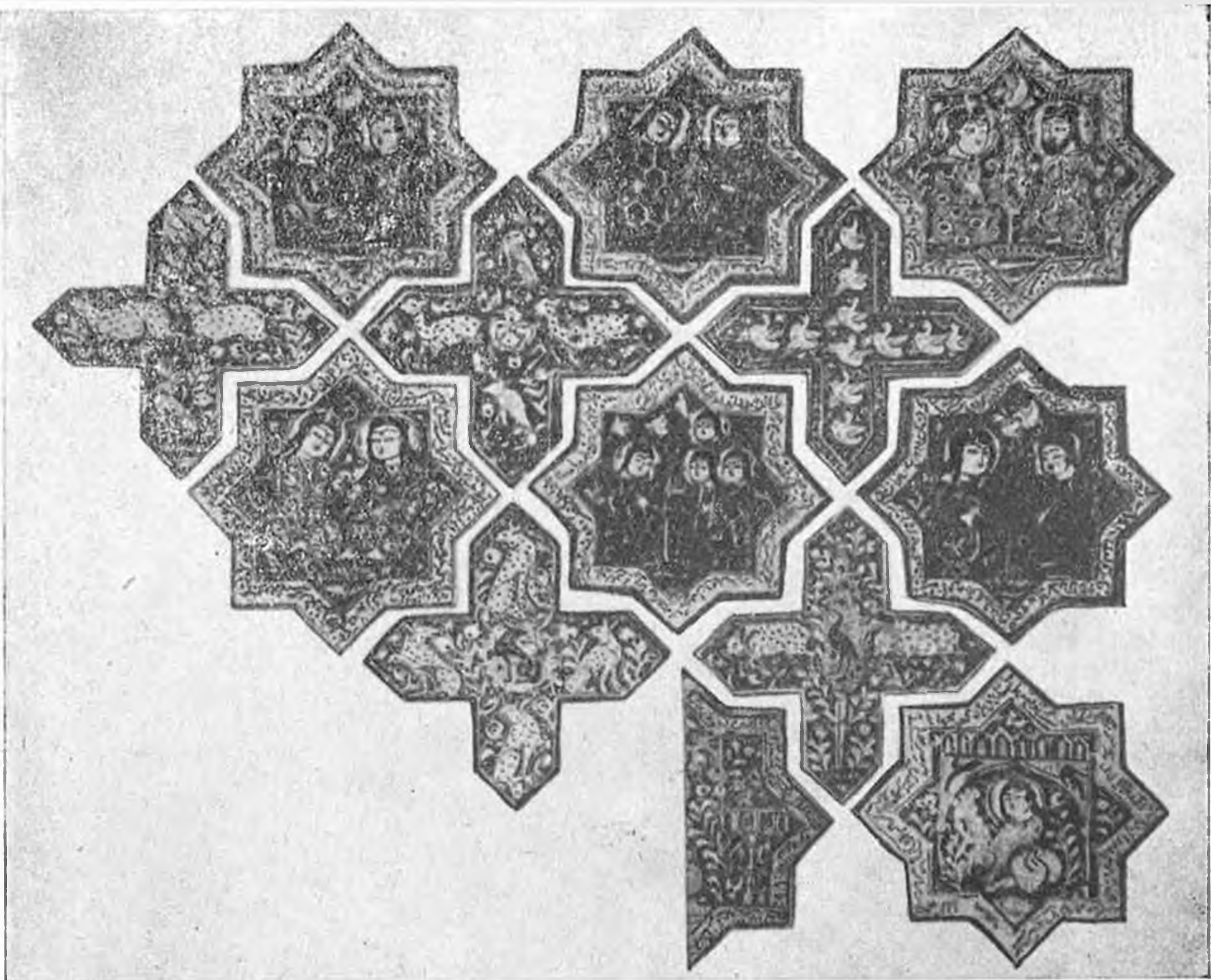
Фаянсовый стаканчик. XII—XIII вв.
Коллекция Эрмитажа.

Котелок бронзовый, гравированный серебром и золотом, из
Херата, с датой 559 г. х. (1163 г.).

Коллекция Эрмитажа.

Расписные фаянсовые изразцы из Дамгана. 1266 г.
Фото Мехди Бахрами.

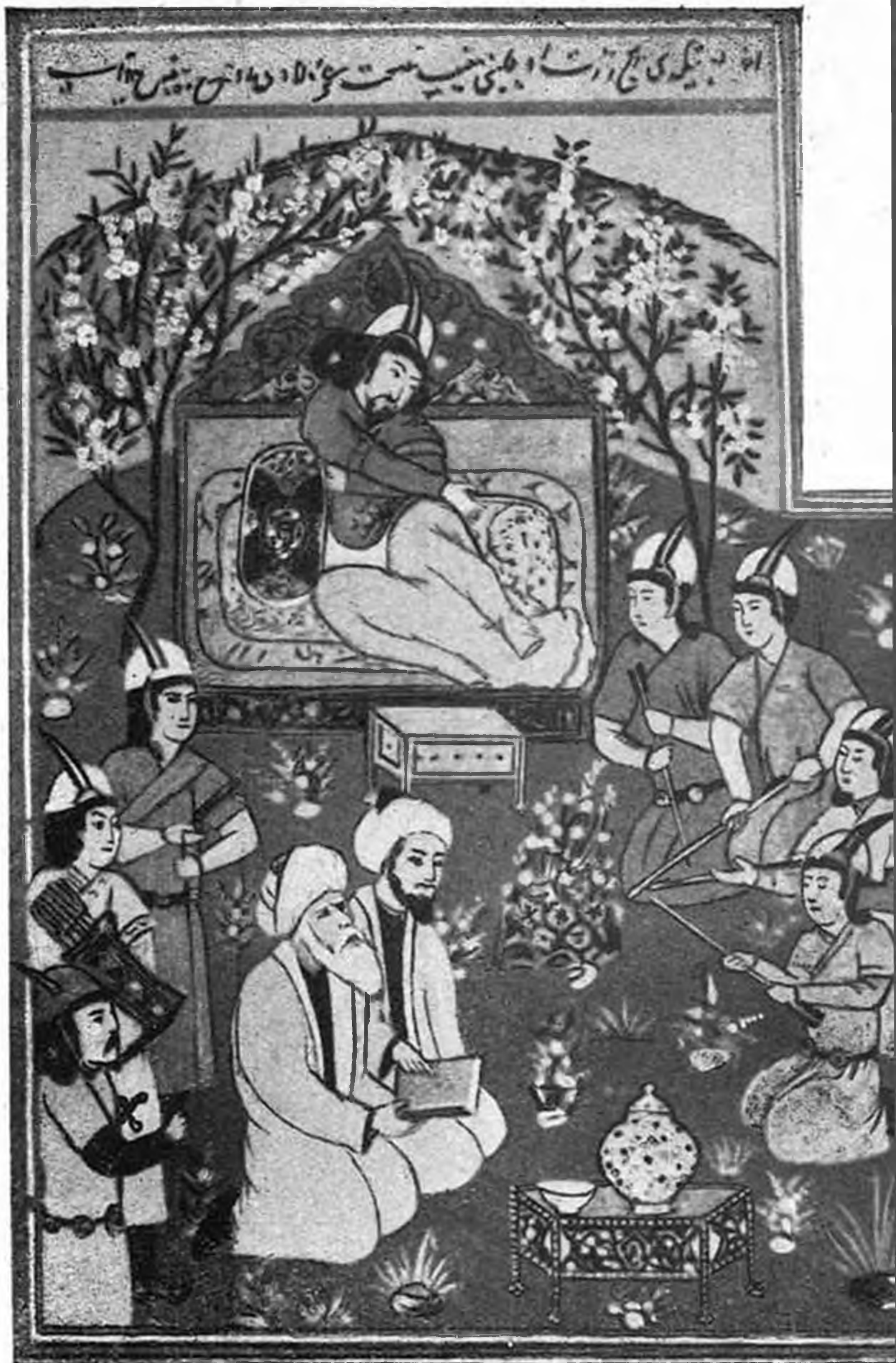
Иллюстрация к „Шех-наме“. XIII в.

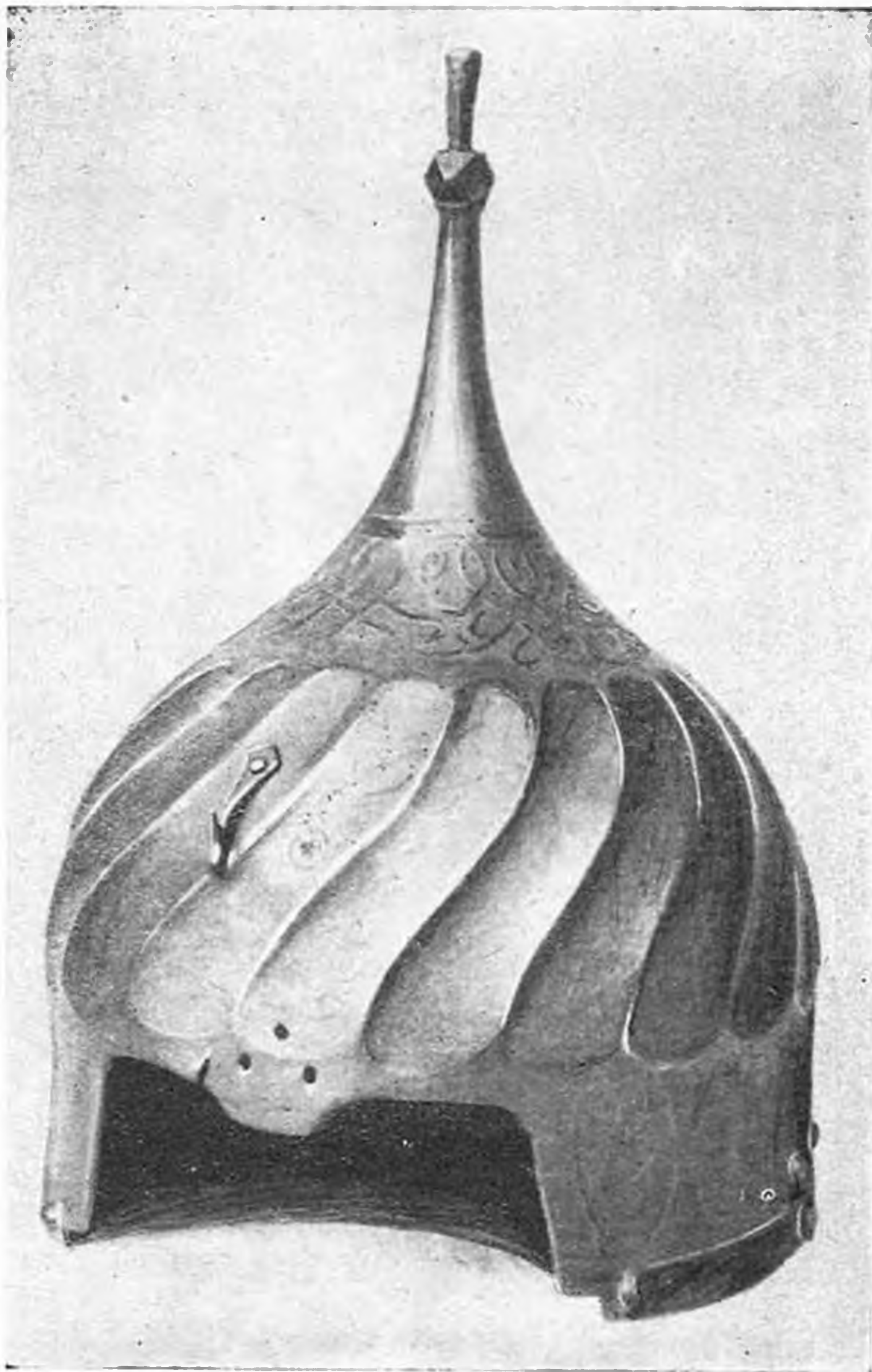

Ваза люстровая с орнаментом, изображающим игру в поло. XIII в.
Коллекция Эрмитажа.

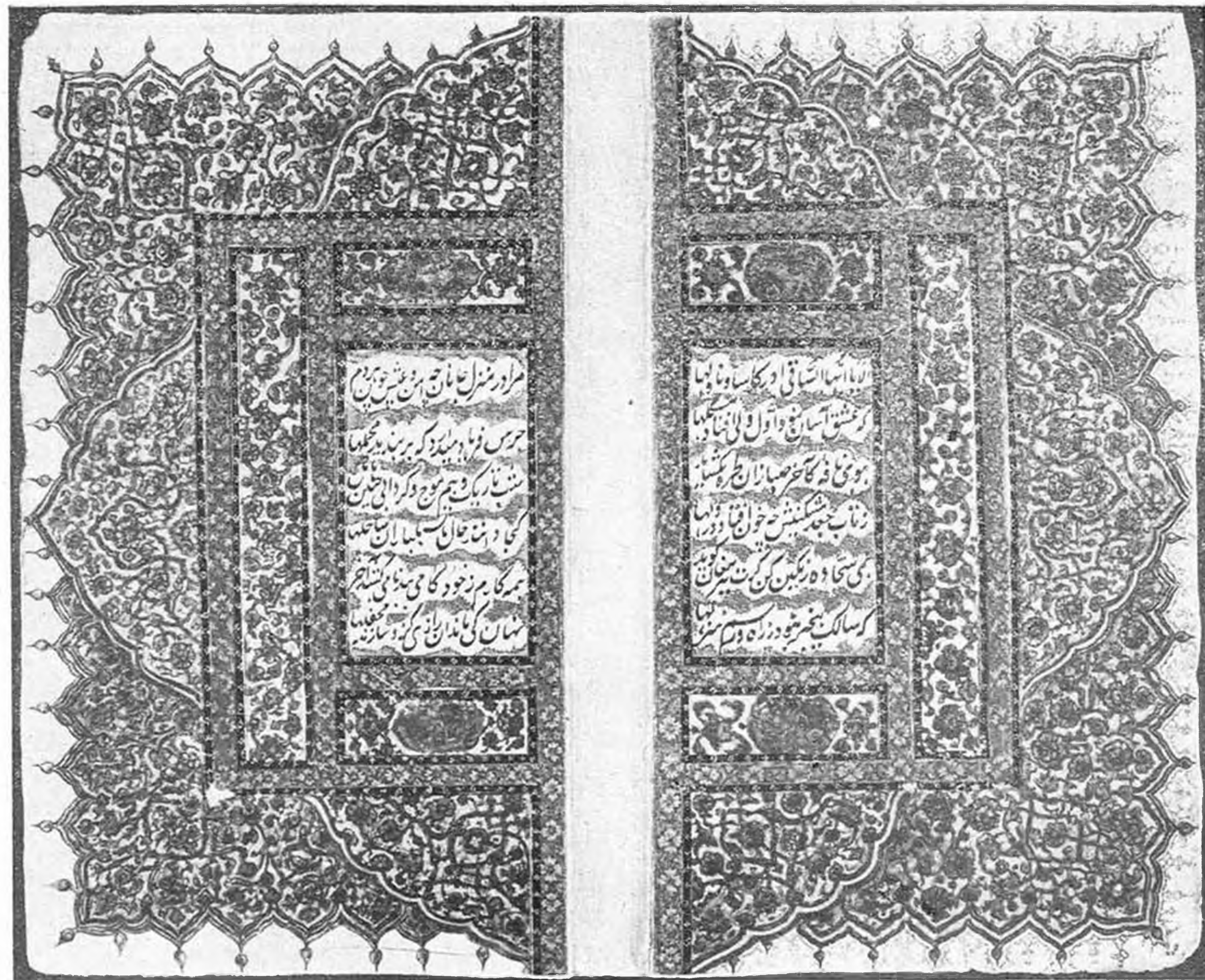

Чингис-хан на троне и его сыновья.
Чагатайская миниатюра.

Персидский шлем с золотой инкрустацией. Нач.
XIV в.

Страница из дивана поэта XIV в. Хафиза.
Рукопись ЛГУ.

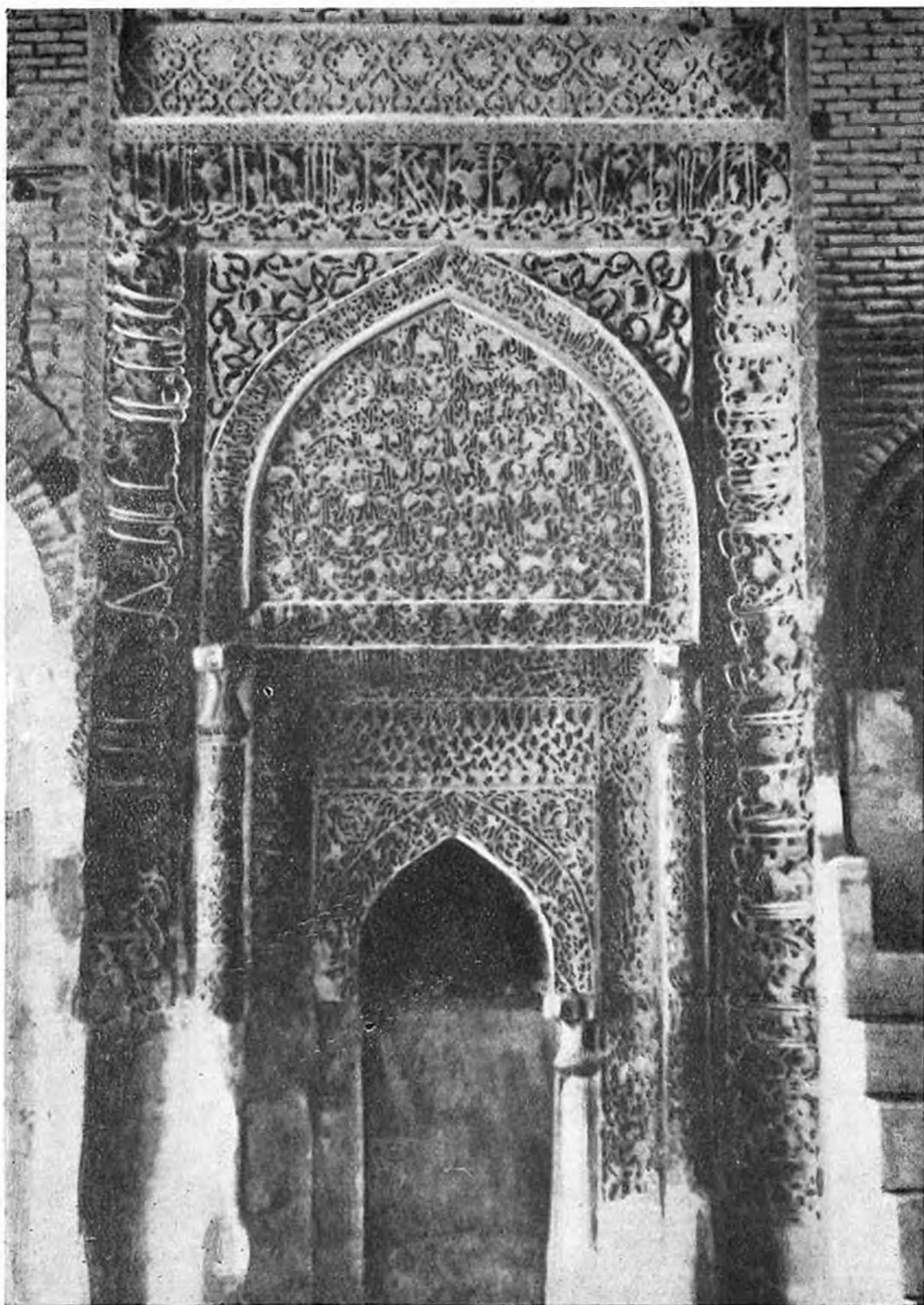
فصل فی بیان جلال کماله

محمد بن ابی سعد الجندی ضاعف الله جلالة است کی صاحب فرات به قرین است واقاب
رای به فلک تکلیف است و آسمان نامت او زمینست از آنکه خود بشند طالع زمینست ایات
جلال او بین است از آنکه غایات کمال او زمینست صاحب دلتی کی جلم و جیا و وقار و وفا
در ذات کریم او جمع است و معرفت و فتوت با سیاست اخلاص هم لبس علی الله بمستکران جمع
العالم فی واحد هر گاه کی بحاب ابر او در باریدن گیرد و طراوت جیا و کرم بر کل خضار
سبارک او چون قطره های آب بر رخسار کل ظاهر گردد و نوال او بر سوال ارباب حوائج
نماید در خواست بر چنین امید از آن درگاه او بدید باید گوئی که بیت لطیفه ایست از جلوه
بجلال او شمع **و** اذا ذکر حاجتی ام قد کفانی **ج** چاک از شمع الحیا
و چون کمال جلال او فور تر بیت او باعث و محض کماله است بر تالیف این کتاب و یک قسم بفرمود
قاهر ثبتهما الله با تمام پوست قسم دیگر از باب حیا ابتدا کرده شد از سر دفتر اخلاص و کرم
و بعد از این بقرین و حکایات شروع کنیم بحشیة الله و عونہ و الصلوة علی منتهی تحمد و الله

باب ششم در فضیلت جیا و ذکر آن **اول**

عواض از دریا در تفسیر معنی این بیت آورده اند کی افریقا کار تبارک و تعالی خبری دهد
از قصه زلیخا و یوسف علیه السلام قوله تعالی **و** انزلنا من السماء ماء و هم بها لولیان **و** ی برهان
آن بود که بتی بود در حجره زلیخا چون زلیخا قصد یوسف کرد و خواست که نشنکی در اسیر خود از
عجبه حیات دهان جانان تسلی دهد بتی در گوشه آن خانه نهاده بود زلیخا جامه بر روی
بت پوشید یوسف علیه السلام گفت چه می شنی گفت از وی شرم دارم کی پیش وی می میرم
یوسف گفت پس مرا اولیتر کی از نظری خارجه خداوند سچانه و تعالی شرم دارم و امید
قضا و طربان بازگشت معنی آنست که جیا کبریا حکمت یوسف از بی آبی از کتاب دلت

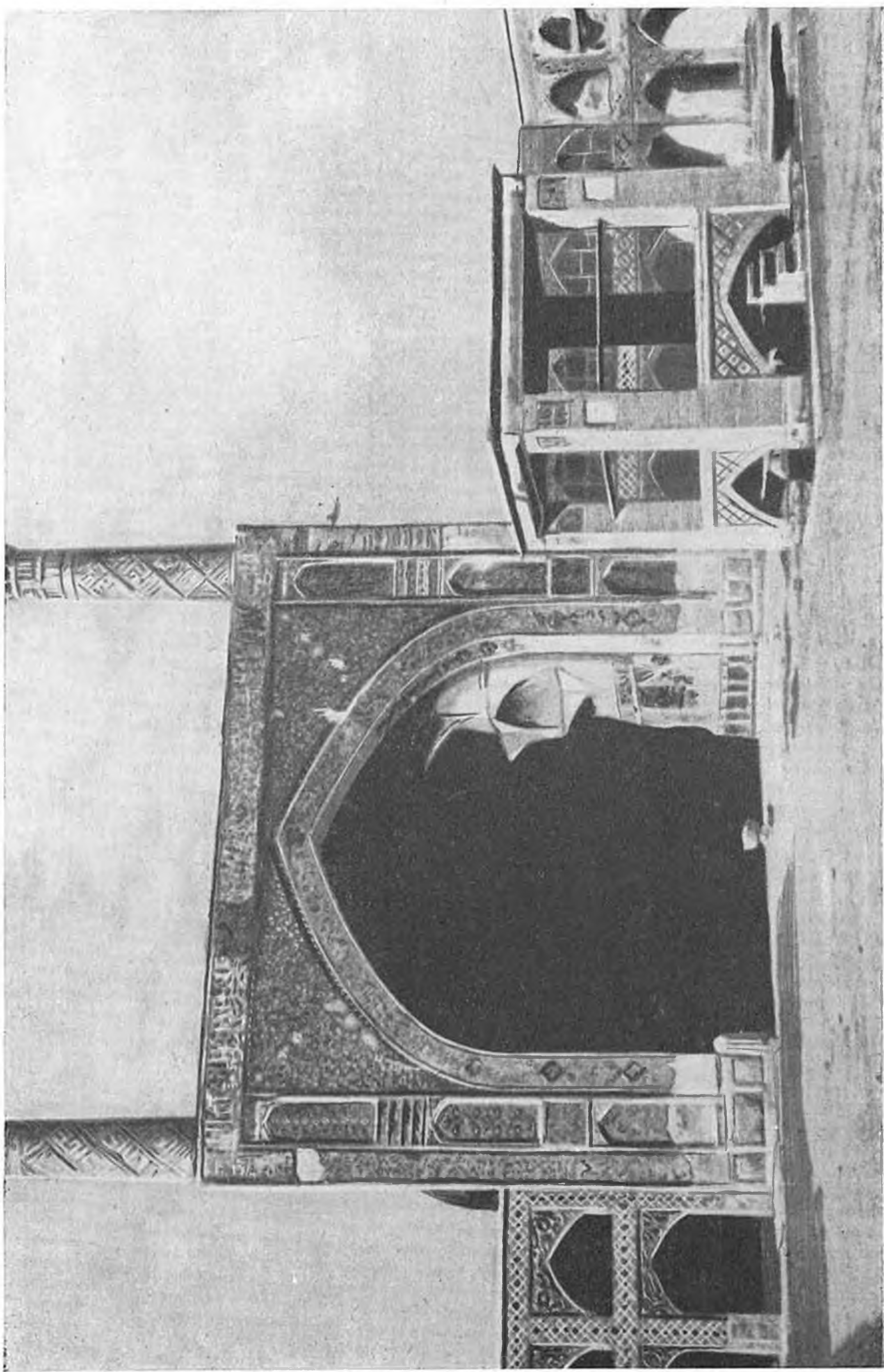
Исфахан. Мечеть Джума. Михраб, построенный ханом Олджайту в 1310 г.
Фото А. А. П о п а.

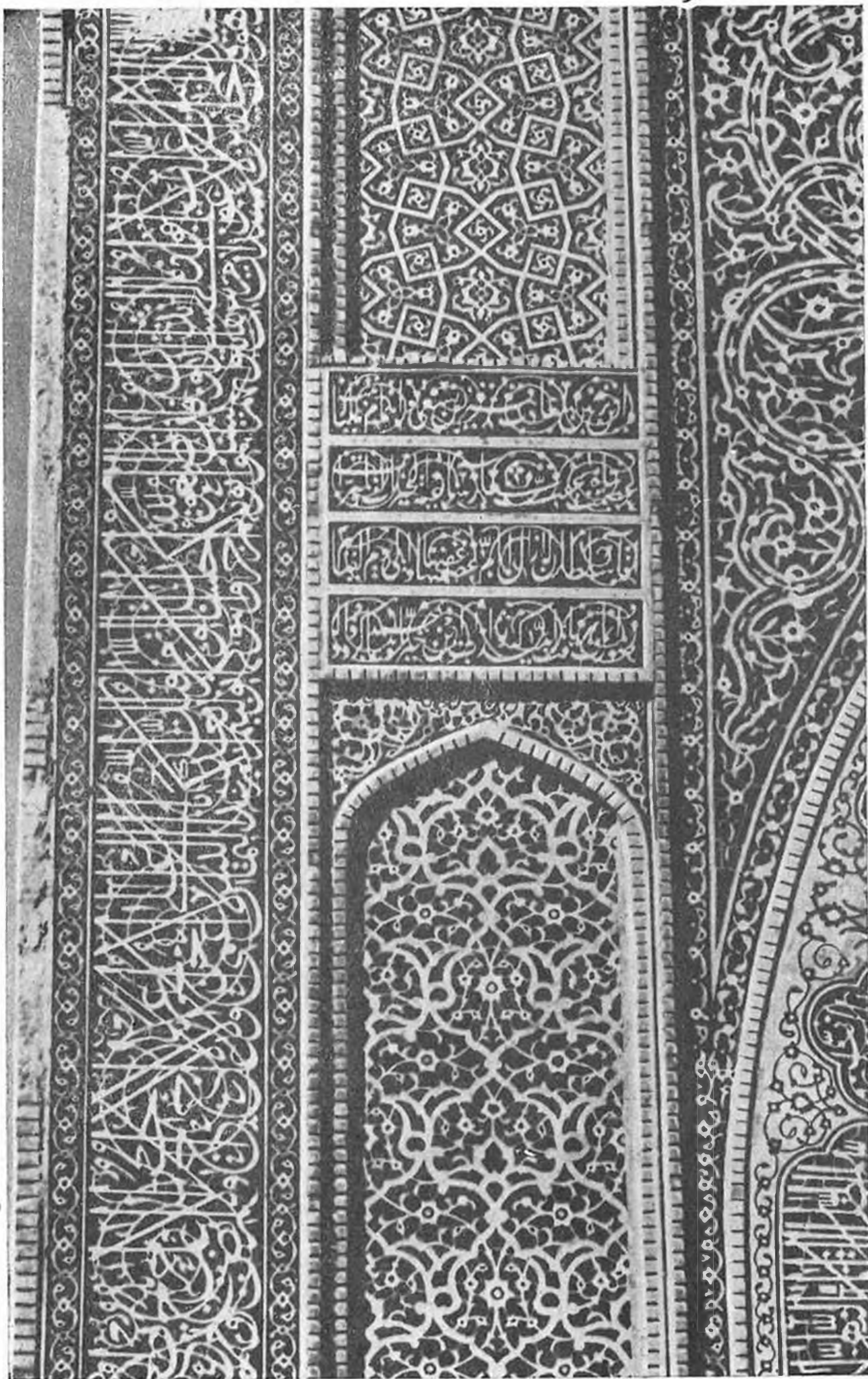
Исфахан. Мечеть Джума (XI в.), перестроенная Узун Хасаном Ак Коюнлу в 1475—1476 гг.

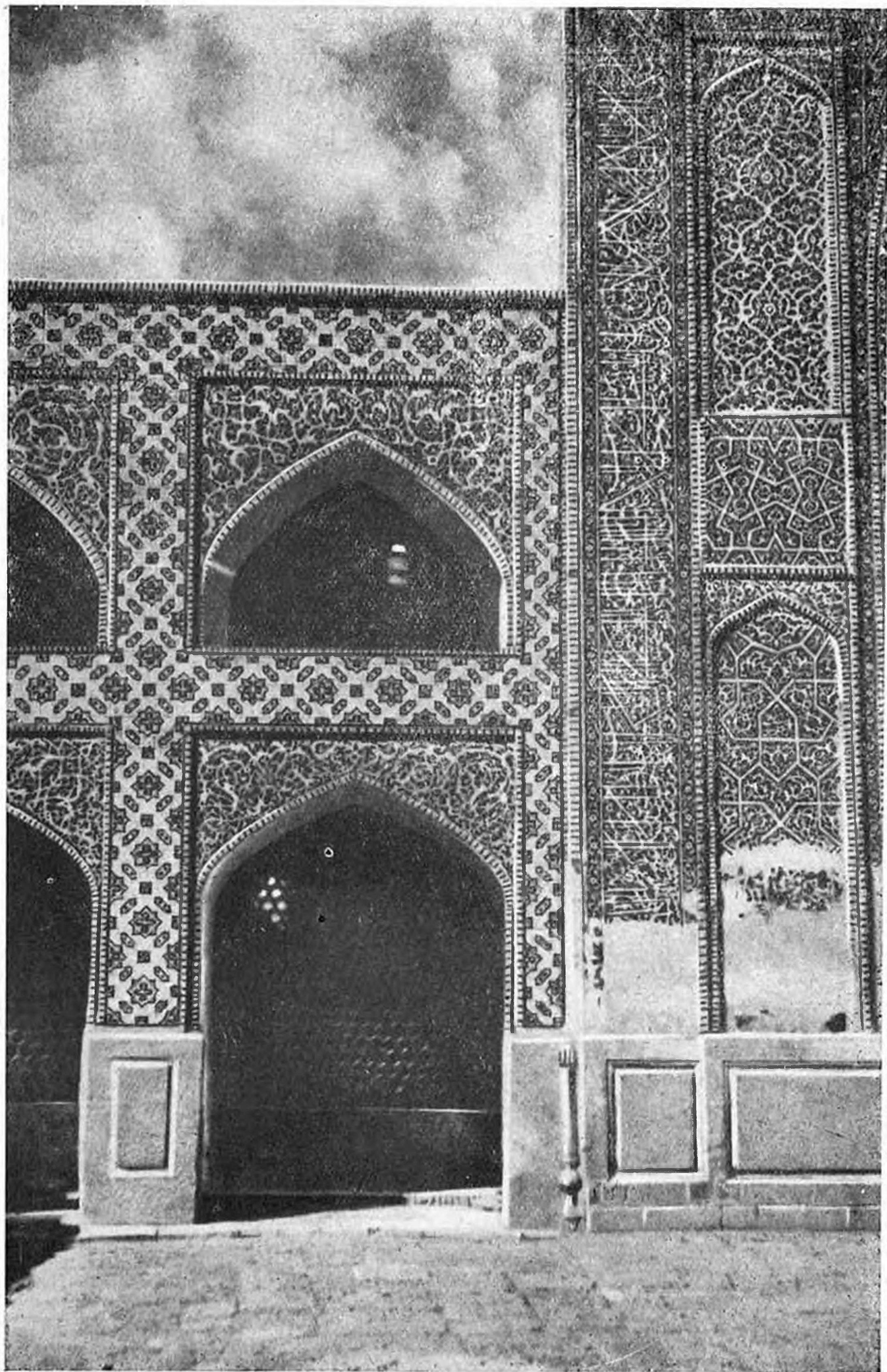
Исфахан. Мечеть Джума. Южный фсад,

Исфахан. Мечеть Джума. Деталь южного фасада.

Исфахан. Мечеть Джума. Изразцовая облицовка южного фасада со стороны двора.

Портрет художника.

Копия с работы Джентиле Беллини, приписываемая Бехзаду.

Принцесса.
Миниатюра. 1500 г.

Сефевідський принц, держащий сокола.
Мініатюра XVI в.

Страница из сочинения Искендера Мунши „Тарих-и-алем-ара-и Аббаси“ („Мир украшающая история Аббасова“). XVII в.

Рукопись ЛГУ.

Ткань бархатная с изображением Лейлы и Меджнуна. XVII в.
Коллекция Эрмитажа.

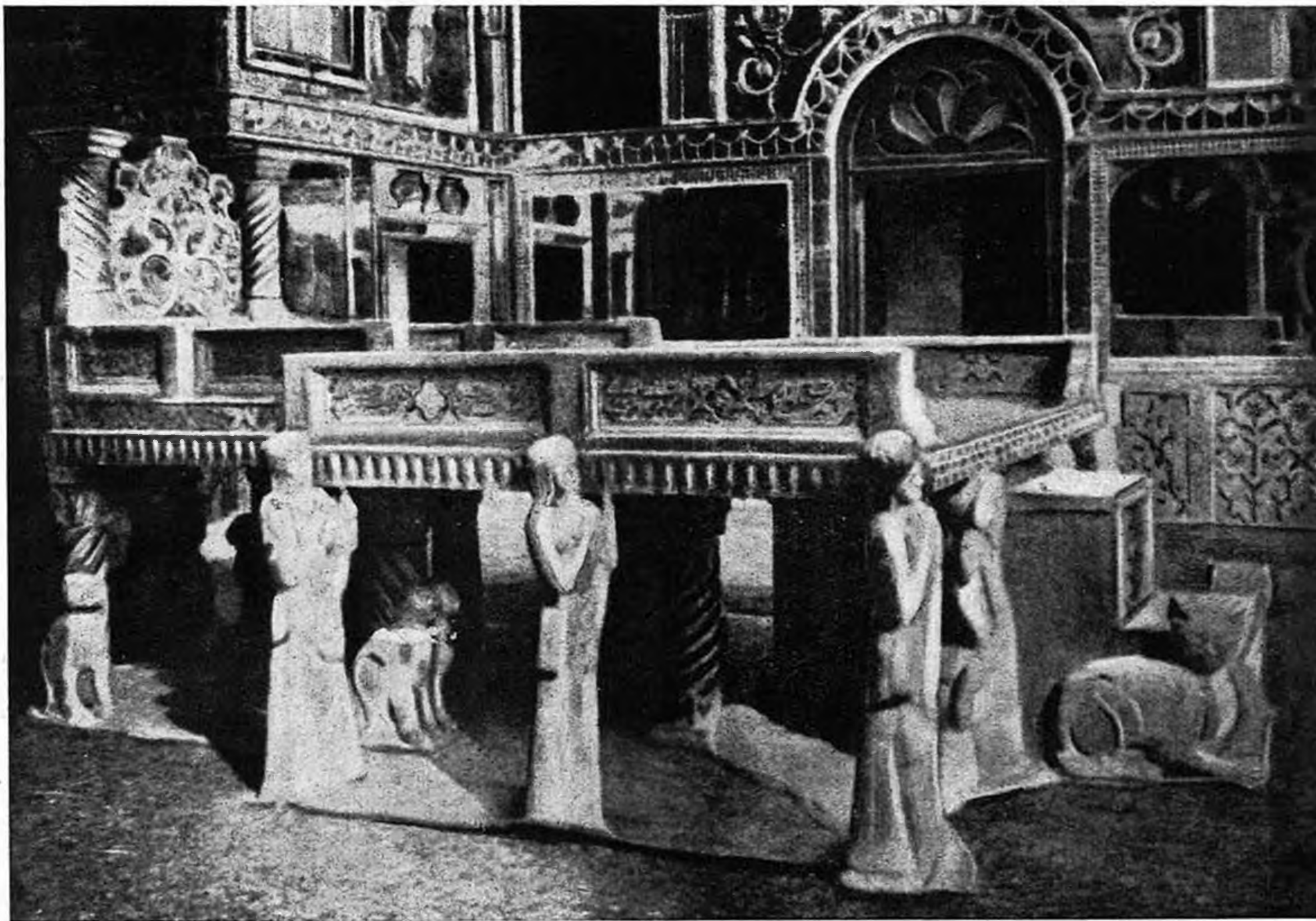

Изразец фаянсовый поливной. XVII в.
Коллекция Эрмитажа.

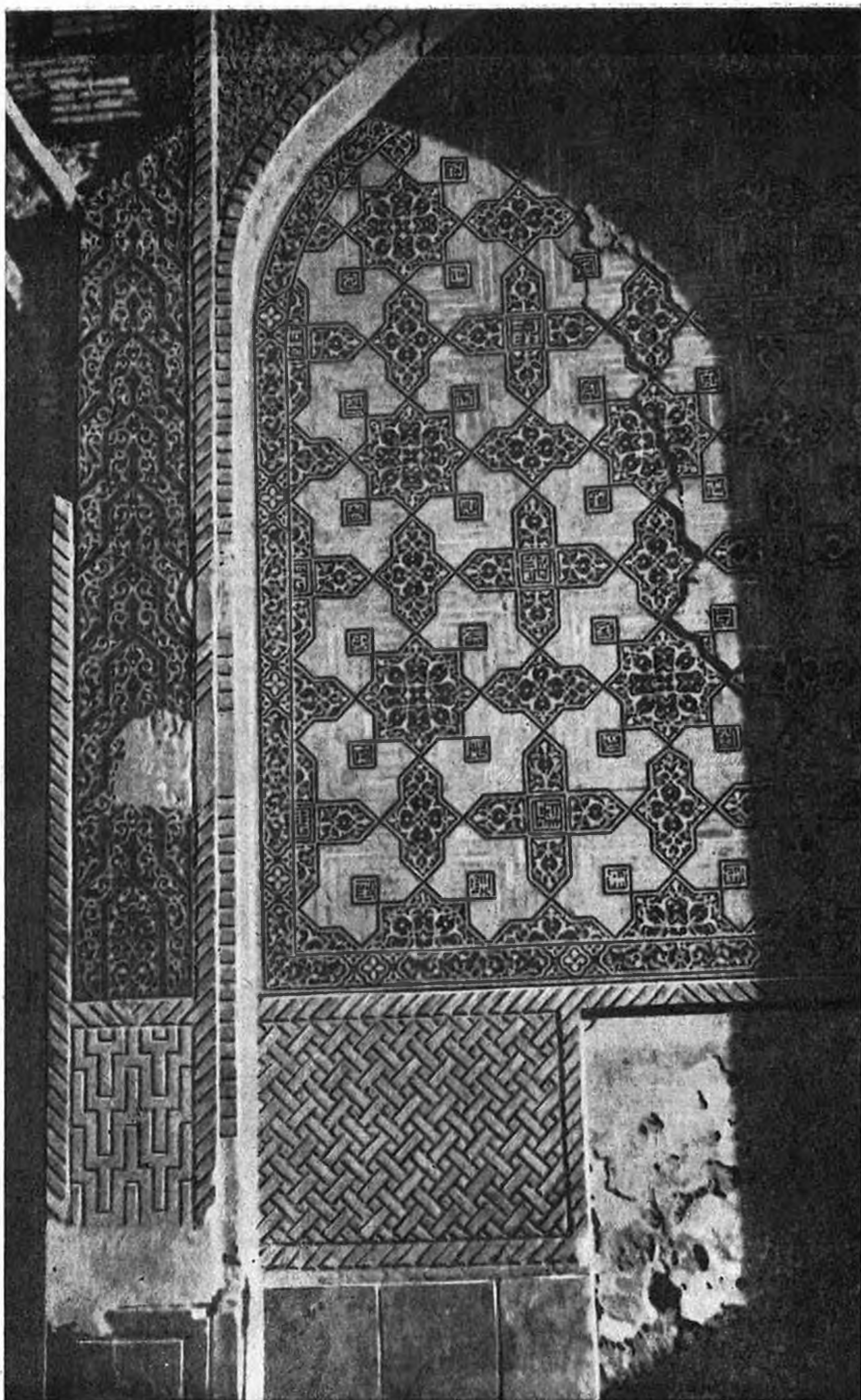
Чашка из кокосового ореха для подаяния нищему дервишу, инкрустированная золотом. XVII в.

Алебастровый трон во дворце Гулистан в Тегеране. XVIII в.
Фото Фр. Зарре.

Исфахан. Мечеть Али Исфаханского. Деталь фасада. Нач. XVI в.

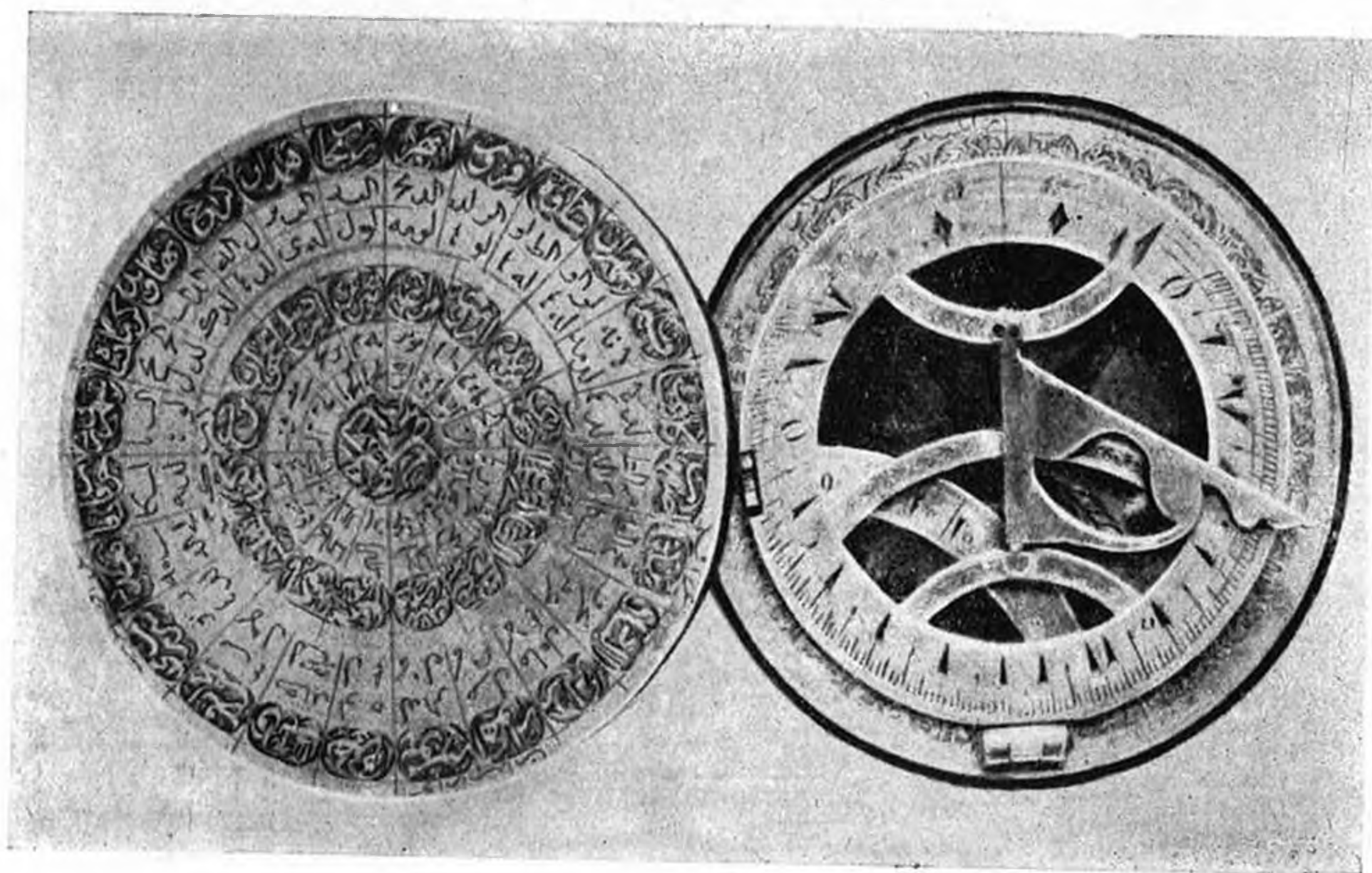
Женщина, прядущая шерсть.

Миниатюра. Ок. 1600 г.

Кувшин и таз, украшенные эмалью и золотом. XVIII—XIX вв.

Гравированный бронзовый компас. XVI в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, М., 1933, стр. 346—352.
- Маркс К. Капитал, тт. I—III. Госполитиздат, М., 1953.
- Маркс К. К критике политической экономии (предисловие). Госполитиздат, М., 1949.
- Маркс К. Национальности в Турции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, М., 1933, стр. 371—378.
- Маркс К. Объявление войны — мусульмане и христиане. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, М., 1933, стр. 5—13.
- Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. Госполитиздат, М., 1948, стр. 73—74.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, М., 1940.
- Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Госполитиздат, М., 1938, стр. 215—232; т. VI. Госполитиздат, М., 1939, стр. 169—208.
- Маркс К и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, М., 1933.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.
- Энгельс Ф. К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.
- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, М., 1952.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, М., 1931.
- Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, М., 1931, стр. 638—640.
- Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. Госполитиздат, М., 1948, стр. 74—76.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, М., 1948, стр. 160—310.
- Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.
- Ленин В. И. О государстве. Соч., т. 29, стр. 433—451.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 1—535.

2. Важнейшие источники

Арабские источники и их переводы

- Абу Юсуф Я'куб*. Китаб ал-харадж. Булак, 1302 г. х. (араб. текст).
- Абу Юсуф Я'куб*. *Abu Yousof Yakoub. Le livre de l'impôt foncier*, traduit par E. Fagnan. Paris, 1921 (франц. перевод).
- Белазури*. *Liber expugnationis regionum*. Ed. M. J. de Goeje, LB, 1863 (араб. текст).
- Бируни*. *Alberuni. Chronologie orientalischer Völker*, herausgegeben von E. Sachau. Lpz., 1878 (араб. текст).
- Бундари*. *Histoire des Seldjoudides de l'Iraq...* Publié par M. T. Houtsma. Leide, 1889 (араб. текст).
- Динавери*, *Абу Ханифа*. *Abu Hanifa ad-Dinaveri. Kitab al-akhbar at-tiwal*. Publié par Vladimir Guirgasse. Leide, 1888 (араб. текст).

- Ибн ал-Асир. Ibn al-Athiri Chronicon...* ed C. I. Tornberg, tt. I—XIV, LB, 1851—1876 (араб. текст).
- Ибн Арабишах. Аджаиб ал-макдур фи-ахбар Тимур. Канр, 1285 г. х. (араб. текст).*
- Ибн Баттута. Voyages d' Ibn Batoutah...* Ed. par C. Défremery et B. K. Sanguinetti, vol. I—IV, Paris, 1853—1859 (араб. текст и франц. перевод).
- Ибн Мискавейх. The eclipse of the Abbasid caliphate.* Ed. by N. T. Amedroz and D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Oxford, 1920—1931 (араб. текст).
- Ибн Хаукаль. Viae et regna.* BGA, t. II, LB, 1873, 2-е изд., LB, 1938 (араб. текст).
- Ибн Хордадбеж. Kitab al-masalik wa'l-mamalik...* BGA, t. VI, LB, 1889 (араб. текст).
- Истахри. Viae regnorum...* BGA, t. I, LB, 1870; 2-е изд., LB, 1927 (араб. текст).
- Мас'уди. Kitab at-tanbih...* Ed. M. J. de Goeje, BGA, t. VIII, LB, 1894 (араб. текст).
- Мас'уди. Les prairies d'or...* Ed. par. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, tt. I—IX, Paris, 1861—1877 (араб. текст и франц. перевод).
- Мукаддаси (Макдиси). Descriptio imperii Moslemici...* Ed. M. J. de Goeje, BGA, t. III, LB, 1872; 2-е изд., LB, 1906 (араб. текст).
- Нисави (Несеви). Vie de Djelal-ad-din Mancouberti...* Ed. O. Houdas, vol. I—II, Paris, 1891—1895 (араб. текст и франц. перевод).
- Са'алиби, Абу Мансур. Histoire des rois de Perse...* Ed. par. H. Zotenberg, Paris, 1900 (араб. текст и франц. перевод).
- Табари. Annales...* Ed. M. J. de Goeje, tt. I—XV, LB, 1879—1901 (араб. текст).
- Табари. Th. Nöldke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden...* Leyden, 1879 (немецк. перевод Табари, сер. I, т. II).
- Табари. Chronique de Tabari traduite selon la version persane de Bel'ami,* Ed. par H. Zotenberg, vol. I—IV, Paris, 1867—1874 (франц. перевод перс. версии Бал'ами).
- Утби. Китаб ал-йамини. Дели, 1847; то же, Лахор, 1883 (араб. текст).*
- Якуби, Ахмед ибн Вадих. Chronicon.* Ed. M. T. Houtsma. Leyden, 1883 (араб. текст).
- Якуби, Ахмед ибн Вадих. Kitab al-buldan,* BGA, t. VII, LB, 1892.
- Якут ар-Руми ал-Хамави. Jacut's geographisches Wörterbuch herausgegeben von F. Wüstenfeld, tt. I—VI. Lpz., 1866—1870 (араб. текст и указатели).*

[Персидские источники и их переводы]

- Бейхаки Абу-л-Фазль. The Tarikh-i Baihaqi...* Ed. by W. Morley, Calcutta, 1861—1862 (перс. текст).
- Бейхаки Абу-л-Фазль. Тарих-и Бейхаки. Тегеран, 1307 г. х. = 1890 г. н. э. (перс. текст).*
- Бейхаки Абу-л-Фазль. Тарих-и Бейхаки. Изд. Гани и Фейза, Тегеран, 1946 (перс. текст).*
- Васифи Зейн-ад-дин. Бадаи ал-вакаи'. Ркп. ИВ АН УзССР, № 3392.*
- Вассаф. Китаб-и Вассаф (Тарих-и Вассаф). Бомбей, 1269 г. х. = 1853 г. н. э. (литогр. изд. перс. текста).*
- Джувейни. The Tarikh-i Jahangusha...* Ed. by Mirza Muhammed ibn Abdal Wahhab Qazwini, vol. I—III, GMS, XVI₁₋₃, Leyden—London, 1912, 1916, 1937 (перс. текст).
- Джузджани. The Tabaqat-i Nasiri...* Ed. by W. Nassau Lees..., Calcutta, 1863—1864 (перс. текст).
- Доулетшах. The Tadhkirat-ash-shu'ara...* Ed. by E. G. Browne, London, 1901 (перс. текст).
- Ибн Исфендийар. Тарих-и Табаристан, изд. проф. Аббаса Икбала, тт. I—II, Тегеран, б. г. н. (перс. текст).*
- Искендер Мунши. Тарих-алемара-йи Аббаси. Тегеран, 1314 г. х. (литогр. изд. перс. текста); нов. изд., Тегеран, 1945.*
- Искендер Мунши. Зейл-и Тарих-и аламара-йи Аббаси. Изд. Сухейли Хансари, Тегеран, 1317 г. х. = 1938 г. н. э. (перс. текст).*
- Йезди, Шереф-ад-дин. The Zafar-nama. Ed. by Muhammad Iahdad, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888 (перс. текст).*
- Мар'аши Захир-ад-дин. Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандаран, MQ, т. I, herausgegeben von B. Dorn. SPb., 1850 (перс. текст).*
- Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади. Тарих-и Надири. Тегеран, 1262 г. х. = 1846 г. н. э. (также литогр. и печатн. изд. перс. текста — тебризское, бомбейское, калькуттское, лахорское и др.).*
- Мирхонд. Роузат ас-сафа. Бомбей. 1261 г. х. = 1845 г. н. э., 1264 г. х. = 1848 г. н. э., 1271 г. х. = 1854 г. н. э. Тегеран. 1266—1272 гг. х. = 1850—1856 гг. н. э., 1270—1274 гг. х. = 1852—1856 гг. н. э. Лукноу, 1300 г. х. = 1883 г. н. э., 1307 г. х. = 1890 г. н. э. Литогр. изд. перс. текста.*

- Муджмал-и Фасихи*. Ркп. ИВ АН СССР, № 709 (неизд.).
- Мухаммед Али Хазин*, шейх. Тарих-и ахвал-и шейх Хазин. Ed. by Belfour, London, 1831 (перс. текст), 1836 (англ. перевод).
- Мухаммед Багдади*. Китаб ат-тавассуль ила-т-тарассуль. Изд. Ахмеда Бахманиара. Тегеран, 1315 г. х. солн. = 1936 г. н. э. (перс. текст).
- Мухаммед-Казим*. Алемара-йи Надири, тт. I—III. Ркп. ИВ АН СССР, № D—430 (неизд.).
- Мухаммед ибн Хиндушах Нахчевани*. Дастур ал-катиб. Ркп. ИВ АН СССР, копия: венской ркп. F—185 (неизд.).
- Мухаммед Садык Нами*. Тарих-и гитигушай. Изд. Нефиси. Тегеран, 1317 г. х. солн. = 1938 г. н. э. (перс. текст).
- Мухаммед Тахир Вахид*. Тарих-и шах Аббас-и сани. Ркп. ЛГПБ, каталог Б. Дорна, № 303(2).
- Насир-и Хосров*. Sefer-nameh... Publié, traduit et annoté par Ch. Schéfer, ELOV, Paris, 1881 (перс. текст и франц. перевод).
- Насир-и Хосров*. Насир-и Хусрау, Сафар-намэ. Русск. перевод и статья Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1933.
- Низам-ал-мульк*. Siasset-nameh... Edité par Ch. Schéfer. Supplement. Traduction. ELOV, Paris, 1891—1897 (перс. текст и франц. перевод).
- Низам-ал-мульк*. Сийасет-намэ. Изд. Абд-ар-рахима Хальхали, Тегеран, 1313 г. х. солн. = 1934 г. н. э. (перс. текст).
- Низам-ал-мульк*. Сиасет-намэ, книга о правлении... Русск. перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949.
- Низами Арузи Самарканди*. The Sahar maqala... Ed. by Mirza Muhammad Qazwini. GMS, XI, Leyden—London, 1910 (перс. текст).
- Равенди*. The Rahat as-sudur... Ed. by Muhammad Iqbal, GMS, New Series, II, London, 1921 (перс. текст).
- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. История монголов. История Чингис-хана. ТВОРАО, тт. V, VII, XIII, XV. СПб., 1861—1888 (перс. текст и русский перевод И. Н. Березина).
- Рашид-ад-дин*. Histoire des Mongols de la Perse... par Rashid-Eldin... par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (перс. текст, франц. перевод и примечания части „Джами-ат-таварих“, история Хулагу-хана).
- Рашид-ад-дин*. Djami-et-tevarikh... Ed. par E. Blochet, t. II, GMS, XVIII/2, London, 1911 (история преемников Чингис-хана; перс. текст).
- Рашид-ад-дин*. Geschichte Gazan-khan... Ed. K. Jahn. GMS, London—Leyden, 1940 (перс. текст).
- Рашид-ад-дин*. Geschichte der Khane Abaga bis Gaihatu, kritische Ausgabe... von K. Jahn, Prag, 1941 (перс. текст).
- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. I, кн. 1—2. Изд. ИВ АН СССР. М.—Л., 1952 (русск. перевод А. А. Хетагурова и О. И. Смирновой); т. III, М.—Л., 1946 (русск. перевод А. К. Арендса).
- Рашид-ад-дин*. Мукабат-и Рашиди. Изд. проф. Хан-Бахадура Мухаммеда Шафи', Лахор, 1947 (перс. текст).
- Самарканди Абд-ар-реззак*. Матла'-ас-са'дейн, тт. I—II. Ркп. ИВ АН СССР. С—442, С—443, С—449.
- Самарканди Абд-ар-реззак*. Матла'-ас-са'дейн, тт. I—II. Лахор, 1326—1328 г. х. солн. = 1947—1949 гг. н. э. (перс. текст).
- Самарканди Абд-ар-реззак*. Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla as-saadein. Ed. par M. Quatremère, Notices et extraits de la Bibliothèque du roi, t. XIV, Paris, 1843 (франц. перевод части т. I).
- Сейфи-Херви*, *Сейф ибн Мухаммед*. Тарих-намэ-и Херат. Изд. проф. Мухаммед-Зубейра ас-Сидики. Калькутта, 1944 (перс. текст).
- Таваккуль ибн Базаз*. Сафват ас-сафа. Ркп. ЛГПБ, каталог Б. Дорна, № 300.
- Тазкират-ал-мулк*. Tadhkirat-al-muluk, a manual of Safavid administration, by V. Minorsky, GMS, New series, XVI, London, 1943 (факсимиле перс. текста; англ. перевод, введение и комментарий В. Минорского).
- Тарих-и Систан*. Изд. Малик-аш-шу'ара Бахара. Тегеран, 1314 г. х. солн. = 1935 (перс. текст).
- Унсур-ал-ма'али Кавус*. Кабус-намэ. Изд. Риза-кули хана Хидайата. Тегеран, 1285 г. х. = 1868 г. н. э. (последующие издания: Тегеран, 1307 г. х. = 1890 г. н. э., 1319 г. х. = 1902 г. н. э., Бомбей, 1314 г. х. = 1897 г. н. э., 1325 г. х. = 1907 г. н. э., (перс. текст).
- Унсур-ал-ма'али Кавус*. Кабус-намэ. Критич. изд. С. Нефиси. Тегеран, 1312 г. х. солн. = 1933 г. н. э. (перс. текст).
- Унсур-ал-ма'али Кавус*. Кабус-намэ. Русск. перевод, статья и примеч. Е. Э. Бертельса, М., 1953.
- Фирдоуси*. Шах-намэ. Le livre des rois. Ed. par J. Mohl, vol. I—VII, Paris, 1838—1878 (перс. текст); vol. I—VII, Paris, 1876—1878 (франц. перевод).

- Фумени. Geschichte von Gilan*, herausgegeben von B. Dorn, MQ, Bd. III, SPb., 1858 (перс. текст).
- Хамдуллах Мустоуфи Казвини. The geographical part of Nuzhat-ál-qulub...* Ed. by G. Le Strange. GMS, XXIII₁₋₂, London—Leyden, 1915 (перс. текст и англ. перевод).
- Хамдуллах Мустоуфи Казвини. The Tarikh-i guzida...* Ed. E. G. Browne, GMS, XIV₁₋₂, London—Leyden, 1910—1913 (факсимиле перс. текста и сокращ. англ. перевод).
- Хасан Румлу. A chronicle of the early Safawis being the Ahsan at-tawarikh.* Ed. by C. N. Seddon, Gaekwad's oriental series. № LVII (перс. текст), № LXIX (сокращ. англ. перевод), Varoda, 1931—1934.
- Хасан Фаса'и. Фарс-намэ-и Насири. Тегеран, 1313 г. х. = 1895 г. н. э. (литогр. изд. перс. текста).*
- Хафиз-и Абру. Chronique des rois Mongols en Iran.* Ed. par Kh. Bayani, vol. I (перс. текст), vol. II (франц. перевод), Paris, 1936—1937.
- Хафиз-и Абру. Географич. сочинение (без заглавия).* Ркп. ИВ АН Уз. ССР, № 5361 (не изд.).
- Хондемир. Хабиб-ас-сийар. Тегеран, 1271 г. х. = 1854 г. н. э. и Бомбей, 1273 г. х. = 1856/7 г. н. э. (литогр. изд. перс. текста).*
- Хусейн Захиди, шейх. Silsilat an-nasab-i Safawiye. Publications „Iranschahr“, № 6, Берлин, 1343 г. х. = 1924/5 г. н. э.*
- Худуд-ал-алем. Рукопись Туманского. Л., 1930 (фототипич. изд. перс. текста с введением В. В. Бартольда).*
- Худуд-ал-алем. Hudud al-alam, translated and explained by V. Minorsky, London, 1937 (англ. перевод и комментарий В. Минорского).*
- Шами Низам-ад-дин. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafar-nama...* Ed. par Felix Tauer, Praha, 1937 (перс. текст).
- Шереф-хан Бидлиси. Scheref-nameh...*, vol. I—II. Publié par V. Veliaminof-Zernof SPb., 1860—1862 (перс. текст).

Античные, византийские, сирийские, армянские и грузинские источники и их переводы

- Геродот. История в девяти книгах, тт. I—II. Русск. перевод с греч. Ф. Г. Мищенко, М., 1888.*
- Страбон. География Страбона. Русск. перевод с греч. Ф. Г. Мищенко, М., 1879.*
- Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, кн. I—II, русск. перевод с греч. С. Дестуниса. СПб., 1876—1880.*
- Иешу Стилит (Иисус Столпник). Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв., М.—Л., 1940 (русск. перевод сирийск. хроники Иешу Стилита).*
- Абу-л-Фарадж (Бар Эбрайя). Chronicon Syriacum. Ed. Budge, London, 1932 (сир. текст с англ. переводом).*
- Анонимная сирийская хроника. Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов. Записки ИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1939 (русск. перевод и статья).*
- Сирийские историки V—VI вв. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории СССР, М.—Л., 1941 (русск. перевод из Истории Иоанна Эфесского и Хроники Захарии Ритора).*
- Михаил Сириец. Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite...* Ed. par J. B. Chabot, Paris, 1899—1905 (сирийск. текст и франц. перевод).
- Мар Ябалаха III. Histoire de Mar Yabalaha III, patriarche des Néstorien et du moine Rabban Sauma...* Ed. par J. B. Chabot, Paris, 1895 (франц. перевод с сирийского).
- Вардан Великий. Всеобщая история, М., 1861 (русск. перевод с древнеармянского).*
- Григор Акнерци (Магакяц инок). История монголов инока Магакни. Русск. перевод с армянск. К. П. Патканова. СПб., 1871.*
- Григор Акнерци. Grigor of Akanc...* The armenian Text with English translation and notes. Ed. by K. P. Blake and R. N. Frye, Cambridge Massachusetts, Harvard University Press, 1954.
- Егише варданет. Война армян против персов. Русск. перевод с армянск. и примеч. Е. Диллена, Харьков, 1884.*
- Киракос Гандзакский. Histoire de l'Armenie par le vartabied Kirakos de Gantzak traduite par M. Brosset (франц. перевод с армянского).*
- Киракос Гандзакский. История Армении. Русск. перевод с армянск. Тер-Григоряна, Баку, 1954.*
- Лазарь Парпский. Lazare de Pharbe. Histoire d'Arménie...* Ed. par Dr. S. Gesarian, Paris, 1269 (франц. перевод с армянского).
- Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци). Моисей Хоренский. История Армении. Русск. перевод с армянск. Н. О. Эмина, М., 1858; 2-е изд., М., 1893.*
- Павстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. Русск. перевод с древнеармянск. М. А. Геворкяна, под ред. С. Т. Еремяна. Ереван, 1953.*

- Себеос*, История епископа Себеоса. Русск. перевод с 4-го исправл. армянск. изд. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939.
- Степаннос Орбелян*. Histoire de la Siounie par Stephannos Orbelian... Ed. par M. Brosset, SPb, 1864 (франц. перевод с армянского).
- Степаннос Таронский (Асог'ик)*. Всеобщая история Степанноса Таронского Асог'ика. Русск. перевод с армянск. Н. Эмина, М., 1864.
- Армянские историки XVII—XVIII вв.* Brosset. Collection d'historiens Armeniens, tt. I—II, SPb, 1874—1876 (Аракел Тебризский, Закария саркаваг, Есай католикос, История Давид-бега, Абраам Кретацци — франц. перевод с армянск.).
- Картлис цховреба*. Histoire de la Georgie... vol. I—II. Ed. par M., Brosset, SPb. (параллельные издания — груз. текст и франц. перевод грузинского летописного свода; об Иране см. хроники Парсадана Гиоргиджанидзе и Сехния Чхендзе).

Труды европейских путешественников и их переводы

- Афанасий Никитин*. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. АН СССР, под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М. — Л., 1948.
- делла Валле, Пьетро*. Viaggi, Brighton, 1843 (англ. перевод).
- Волинский А. П.* Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Журнал посланника Волынского 1715—1718 гг. Баку, 1929 (извлечения).
- Дон Хуан Персидский*. Relaciones de Don Juan de Persia... Engl. translation by G. Le Strange, The Broadway travellers, 1926.
- Итальянские путешественники XV—XVI вв.* A narrative of Italian travels in Persia in XV and XVI centuries. Hakluyt series (I), vol. 49, part 1—2, London, 1870 (Иосафат Барбаро, Амброджо Контарини, Катерино Зено, Анжолелло, анонимный венецианский купец, В. д'Алессандри, — англ. перевод с итальянск.).
- Кемпфер*. Amoenitates exoticae. Lemgoviae, 1712.
- Клавихо*. Рюи Гонсалес де Клавихо. Путешествие ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Испанск. текст, русск. перевод и примечания И. И. Срезневского, СПб., 1881.
- Котов*. Ф. А. Котов. О ходу в Персидское царство. Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. XV. М., 1852; новые издания 1907 и 1910 гг.
- Крусинский*. Krusinsky. Histoire de la révolution en Perse, Paris 1736—1739.
- Ле Брюн*. С. Le Brun's Travels. London, 1759 (англ. перевод с франц.).
- дю Ман, Рафаэль*. R. du Mans. Etat de la Perse en 1660. Ed. par Ch. Schéfer, Paris, 1890.
- Марко Поло*. И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Русск. перевод старофранцузск. текста, под ред. В. В. Бартольда, СПб., 1902; нов. изд. Л., 1940.
- Марко Поло*. H. Yule. The Book of Ser Marco Polo, 3 ed., revised by H. Cordier, London, 1903.
- Олеарий Адам*. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг... Полный русск. перевод с немецкого Павла Барсова, М., 1870.
- Тавернье*. J. B. Tavernier. Voyages en Turquie, en Perse et aux Indes, vol. I—VI, Paris, 1676.
- Ханвей*. Hanway. A historical account of British trade over the Caspia Sea, vol. I—IV, London, 1753.
- Шарден*. Voyages du chevalier Chardin en Perse... Ed. par L. Langlès, tt. I—X, Paris, 1811.

3. Пособия, исследования, справочные издания

Общие

- Абегян М.* История древнеармянской литературы, Ереван, 1944.
- Бертельс Е. Э.* Очерк истории персидской литературы. Л., 1928.
- Бартольд В. В.* Ислам. Общий очерк. Изд. „Огни“, Пг., 1918.
- Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е, Л., 1925.
- Бартольд В. В.* Культура мусульманства. Общий очерк. Изд. „Огни“, Пг., 1918.
- Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925.
- Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II (исследование). СПб., 1900.
- Гафуров В. Г.* История таджикского народа, т. I, изд. 2-е. Сталинабад, 1952.
- Дози Р.* Очерк истории ислама. Предисл. и примеч. А. Е. Крымского. СПб., 1904.
- Заходер Б. Н.* История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток), М., 1944.

- Заходер Б. Н. Средиземноморье и Ближний Восток в средние века. Изд. МГУ, М., 1940 (литогр.).
- Иванов М. С. Очерк истории Ирана. Госполитиздат, 1952.
- История народов Узбекистана, тт. 1—2. Ташкент, 1950; нов. изд., т. I, Ташкент, 1955.
- Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Избр. соч., т. I, М.—Л., 1955.
- Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.
- Крымский А. Е. История арабов и арабской литературы. М., 1911.
- Крымский А. Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, тт. I—III. М., 1909—1917 (3-е литогр. изд.).
- Лэн-Пуль, Стэнли. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ. с примеч. и дополн. В. В. Бартольда. СПб., 1899.
- Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР, вып. I. М.—Л., 1955.
- Мюллер А. История ислама, тт. I—III. Русск. пер. Н. Медникова. СПб., 1895—1896.
- Орбели И. А. Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Л., 1940.
- Патканов К. П. Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1880.
- Райт Г. Краткий очерк истории сирийской литературы. Пер. с англ. К. А. Тураевой, под ред. и с дополн. П. К. Коковцева. СПб., 1902.
- Ромаскевич А. А. Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв. Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. II. Изд. ИВ АН СССР, М.—Л., 1938.
- Ромаскевич А. А. Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X—XV вв. Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I. Изд. ИВ АН СССР, М.—Л., 1939.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Уз. ССР, тт. I—IV. Под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1953—1956.
- Якубовский А. Ю. Проблемы социальной истории Востока в трудах акад. В. В. Бартольда. Вестник ЛГУ, 1947, № 12.
- Becker C. H. Islamstudien, 2 Bände. Leipzig, 1924—1932.
- Berchem M. von. La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes. Geneve, 1886.
- de Boer T. J. Geschichte der Philosophie im Islam. Stuttgart, 1901.
- Bretschneider M. P. Mediaeval researches from eastern asiatic sources. London, 1910.
- Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur, 2 Bände und 2 Erg.-Bände. Weimar, 1898, 1902; Leiden, 1937, 1938.
- Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. Leipzig, 1901 (сокращенный очерк).
- Browne E. G. A Literary History of Persia, vol. I—IV, London, 1902, 1906; Cambridge, 1928.
- Caetani L. Annali dell'Islam, Milano, 1905—1907.
- Dietz E. Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915.
- Donaldson D. M. The shi'ite religion (A history of Islam in Persia and Irak), London, Luzac C°, 1953.
- Dorn B. Catalogue des manuscrits et xilographes orientaux de la Bibliothèque Publique de St-Petersbourg, Spb., 1852.
- Enzyklopädie des Islam (EI), hrsg. v. M. T. Houtsma u. a., Leiden, 1913, 1927—1936 (то же — параллельные издания на французском и английском языках). §
- Etessami I. Catalogue des manuscrits persans et arabes de la Bibliothèque du Madjless, Tehran, 1933.
- Ethé H. Neupersische Literatur. GIPh, II, Strassburg, 1896—1904.
- Goldziher I. Muhammedanische Studien, I—II, Halle, 1889—1899; то же, GIPh, hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, 1895—1901.
- Hammer I. Histoire de l'Empire Ottomane, trad. de I. Hellert, vol. I—XIV, Paris, 1836—1839.
- Heyd W. (G.). Histoire du commerce dans le Levant. Leipzig, 1923 (Neue Ausgabe in 2 Bd. Leipzig, 1936).
- Hitti Ph. K. History of the Arabs, 3-d edition. London, 1946.
- Horn P. Geschichte der Persischen Litteratur. Leipzig, 1901.
- Huart Cl. Histoire des Arabes, tt. I—II. Paris, 1912—1913.
- Lambton A. K. S. Landlord and peasant in Persia. Oxford University Press, 1953.
- Lammens H. Le Berceau de l'Islam. Rome, 1914.
- Laufer B. Sino-Iranica, Chinese Contribution to the History of Civilisation in Ancient Iran. Chicago, 1919.
- Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.
- Malcolm J. Histoire de la Perse., traduite de l'anglais par John Malcolm... Paris, 1821.

- Malcolm Sir J. The History of Persia from the Most Early Period to the Present Time, 2 vols. London, 1829.
- Marquart J. Eranschähr nach der Geographie des Pseudo-Moses Chorenaci... Berlin, 1901.
- Martin E. K. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey. London, 1912.
- de Morgan J. Feudalism in Persia, its Origin, Development and Present Condition. Smithsonian Institute Report, 1913.
- Nicholson K. A. The Mystics of Islam. London, 1914.
- Poliak A. N. La Feodalité islamique, REI, Paris, 1936.
- Poliak A. N. The Classification of Lands in the Islamic Law and its Technical Terms. American Journal of Semitic Languages and Literatures, 1940.
- Pope A. and Ackerman Ph. Ed. A Survey of Persian Art..., vol. 1—9. London—New York, 1938—1939.
- Rieu Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, vol. I—III, London, 1879—1883.
- Rieu Ch. Supplement to the Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1895.
- Rosen V. Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales décrits par le baron Victor Rosen. SPb., 1886.
- Sachau E. Muchammedanisches Recht nach schafiiitischer Lehre. Berlin, 1897.
- Sandjahi K. Essai sur l'économie rurale et le régime agraire de la Perse. Paris, 1934.
- Sarre F. Denkmäler persischer Baukunst, vol. I—VII. Berlin, 1901—1910.
- Sauvage M. H. Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes. Paris, 1885.
- Schacht J. The Origins of Muhammadan Jurisprudence. Oxford, 1950.
- Storey C. A. Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey. Section II, fasc. I. General history. Section II, fasc. 2. Special histories of Persia etc., London, 1935—1936.
- Taqi Bahrami, d-r. Tarikh-i kishawarzi dar Iran. Tehran, 1330 (1952; на перс. языке).
- Tischendorf P. A., von. Das Lehnwesen den moslemischen Staaten. Leipzig, 1872.
- Tornau N. Le droit musulman exposé d'après les sources. Traduit en français par M. Eschbach. Paris, 1860.
- Tyan E. Histoire de l'organisation judiciaire en pays d'Islam, 2 vols, Paris, 1938—1943.
- de Zambaur E. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam Hannover, 1927.

К главе I

- Авдиев В. И. История древнего Востока. Изд. 2-е, перераб. и дополн., М., 1953.
- Бартольд В. В. К истории персидского эпоса. ЗВРАО, 1915, т. 17, вып. 3—4.
- Дьяконов М. М. История древнего Ирана. „Вопросы истории“, 1946, № 1.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956.
- Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.
- Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.
- Струве В. В. История древнего Востока. Изд. 2-е, М., 1941.
- Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческого общества древнего Востока, М.—Л., 1934.
- Струве В. В. Родина зороастризма. „Сов. востоковедение“, т. V, М.—Л., 1948.
- Струве В. В. Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока. Вестник ЛГУ, 1947, № 11.
- Тураев Б. А. История Древнего Востока, т. I—II, под ред. В. В. Струве и И. Л. Сегирева. Л., 1936.
- Cameron G. G. A pre-Achaemenid History of Persia, the Land and its People. Chicago, 1936.
- Geldner K. F. Avestaliteratur. GlPh, II, Strassburg, 1896—1904.
- Ghirschmann K. L'Iran de l'origine à l'Islam. Paris, 1951.
- Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer. Tübingen, 1888.
- Herzfeld E. E. Archaeological History of Iran. London, 1935.
- Justi F. Geschichte des alten Persiens. Berlin, 1879.
- Meyer Ed. Geschichte des Altertums, Bd. 1—III. Berlin, 1925—1937.
- Spiegel F. Eranische Altertumskunde, 3 Bd. Leipzig, 1871—1878.
- Steele F. R. Nuzi Real Estate Transactions. Philadelphia, 1943.

- Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, вып. XI, СПб., 1908.
- Заходер Б. Н. Иран при Сасанидах. Исторический журнал, 1938, № 12.
- Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Крымский А. Е. История Сасанидов. М., 1905.
- Орбели И. А. и Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.
- Пигулевская Н. В. Анонимная хроника. Записки ИВ АН СССР, т. VII, стр. 63.
- Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. Византийский временник, т. VII, 1953.
- Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.
- Пигулевская Н. В. Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.
- Пигулевская Н. В. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана. Вестник древней истории, т. 1, М., 1937.
- Пигулевская Н. В. Маздакитское движение. Известия отделения истории и философии, 1944, № 3.
- Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940.
- Пигулевская Н. В. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. Византийский временник, т. X, 1956.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, Л., 1941.
- Тревер К. В. Сасанидский Иран в „Шах-Намэ“. Сб. „Фердовси“, М.—Л., 1934.
- Bartholomae, C. Zum sasanidischen Recht, I—V. Heidelberg, 1918—1920.
- Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922.
- Bulsara. Sohrab Jainshedjee. The Laws of the Ancient Persia as found in the Matikan-e Hezar Dastan. Bombay, 1937.
- Christensen A. Etudes sur le zoroastrisme de la Perse antique. KDVShfM, XV, 2, Copenhagen, 1928.
- Christensen A. L'Iran sous les Sassanides, 3-m ed. Copenhagen, 1936.
- Christensen A. Le regne du roi Kawadh I et le communisme mazdakite. KDVShfM, IX, 6. Copenhagen, 1925.
- Herzfeld E. Iran in the Anicent East. London — New York, 1941.
- Huart Cl. La Perse antique et la civilisation iranienne. Paris, 1925.
- Labourt J. Le christianisme dans l'Empire Perse sous la dynastie Sassanide. Paris, 1904.
- Marquart J. Eranschähr nach der Geographie des Pseudo-Moses Chorenaci. Berlin, 1901.
- Rothstein G. Die Dynastie der Lahmiden in al-Hira. Berlin, 1899.
- Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1922.
- Sarre F. und Herzfeld E. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910.
- West E. W. Pahlavi Literature. GilPh, II. Strassburg, 1896—1904.

К главе III

- Айни Садриддин. Исьёни Муканнаъ. Сталинабад, 1944 (на тадж. яз.).
- Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях. Хр. Восток, т. III, вып. 3, стр. 284—285.
- Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии. Сб. „Из далекого и недавнего прошлого“ в честь Н. И. Кареева, СПб., 1923.
- Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. Отчет Санкт-Петербургского университета за 1902 г.
- Кадырова Т. Восстание крестьян во главе с Хамзой ал-Хараджи на грани VIII—IX вв. Известия АН Уз. ССР, 1953, № 6, Ташкент.
- Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. Известия Гос. географ. общ. № 5, М.—Л., 1937.
- Крачковский И. Ю. К описанию рукописей Ибн Тейфура и ас-Сули, ЗВОРАО, т. XXI, СПб., 1912.
- Томара. Бабек, М., 1936.
- Якубовский А. Ю. Восстание Муканны. Советское востоковедение, т. V, 1948.
- Якубовский А. Ю. Ирак на грани VIII—IX вв. н. э. Труды первой сессии арабистов при АН СССР, Л., 1937.
- Якубовский А. Ю. Об испольных арендах в Ираке в VIII в. Советское востоковедение, т. IV, М.—Л., 1947.
- Amedroz H. F. Abbasid administration at its decay. JRAS, 1913.
- Becker C. H. Steuerpacht und Lehnwesen in den moslemischen Staaten. „Der Islam“, Bd. V, Heft I, 1914.
- Dennett D. C. Conversiont and the Poll Tax in Early Islam. Harvard University Press and Oxford University Press, 1950 (Harvard Historical Monographs, XXII).

- Gibb. The Arab Conquest in Central Asia. London, 1923.
- Kremer A., von. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Bd. I—II, Wien, 1875—1877.
- Kremer A. von. Über das Einnahmehudget des Abbasiden Reiches vom Jahre 306 H. (918—919). Wien, 1887.
- Kremer A., von. Über das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Hârdûn al-Raschid. Wien, 1887.
- Lammens H. Etudes sur le regne du calife omayyade Mo'awiya I. Beyrouth, 1906.
- Lammens H. Le Berceau de l'Islam. Rome, 1914.
- Le Strange G. Baghdad during the Caliphate. Cambridge, 1900.
- Lokkegaard F. Islamic taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950.
- Mez A. Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922.
- Muir W. The Caliphate, its rise, decline and fall. 3-d ed. London, 1899.
- Nöldeke Th. Der Chalif Mansur. Orientalische Skizzen, Berlin, 1892.
- Nöldeke Th. Ein Sklavenkrieg im Orient. Orientalische Skizzen, Berlin, 1892.
- Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leiden, 1879.
- Weil G. Geschichte der Chalifen, Bd. I—V. 1846—1852.
- Wellhausen J. Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902.

К главе IV

- Бартольд В. В. К вопросу о феодализме в Иране. Новый Восток, 1930, № 28.
- Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии. В сб. „Из далекого и недавнего прошлого“ в честь Н. И. Кареева, 1923.
- Бартольд В. В. Султан Санджар и гузы. ЗВОРАО, т. XX, СПб., 1912.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I (тексты); ч. II (исследование), СПб., 1898—1900.
- Бертельс Е. Э. К вопросу о происхождении языка дари. Раб. Хроника ИВ АН СССР, вып. 2, Ташкент, 1944.
- Бертельс Е. Э. Персидская поэзия в Бухаре X в. М.—Л., 1935.
- Бертельс Е. Э. Персидский — дари — таджикский. Советская этнография, 1950, № 4.
- „Бируни“ Сборник статей под ред. С. П. Толстова, М.—Л., 1950.
- Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Материалы по археологии России, вып. 18, СПб., 1894.
- Жуковский В. А. Человек и познание у персидских мистиков. Отчет Санкт-Петербургского университета за 1894 г.
- Завадовский Ю. Н. Ибн Сина и его философская полемика с Бируни. В кн. „Ибн Сина“, Материалы научной сессии АН Уз. ССР, Ташкент, 1953.
- Заходер Б. Н. Денданекан. Исторический журнал, 1934, № 3—4.
- Заходер Б. Н. Мухаммед Нахшеби. К истории карматского движения в Средней Азии в X в. Уч. зап. МГУ, вып. 41, М., 1940.
- Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства Сельджуков. Вопросы истории, 1945, № 5—6.
- Крачковская В. А. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. „Иран“, т. I, изд. АН СССР, Л., 1927.
- Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. Известия Гос. географ. общества, № 5, М.—Л., 1937.
- Крачковский И. Ю. Бируни и его роль в истории восточной географии. Сб. „Бируни“, М.—Л., 1950.
- Крачковский И. Ю. Вторая записка Абу Дулафа в географическом словаре Якута. Изб. соч., т. I, М.—Л., 1955.
- Крачковский И. Ю. Калила и Димна. Избр. соч., т. II, М.—Л., 1956.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Географический труд начала XIII в. на персидском языке. Уч. зап. ИВ АН СССР, т. IX, М., 1954.
- Миклухо-Маклай Н. Д. О происхождении „Дополнения“ к „Тазкират ал-оулийа“ Ферид-ад-дина Атгара. Краткие сообщения ИВ АН СССР, вып. 21, М., 1956.
- Орбели И. А. Мусульманские изразцы. Изд. Эрмитажа, Пг., 1923.
- Орбели И. А. Проблема сельджукидского искусства. „Третий Международный Конгресс по иранскому искусству и археологии“. М.—Л., 1939.
- Семенов А. А. К истории города Нисы в XII в. (по актам того времени). Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.
- Толстов С. П. См. „Бируни“.
- Якубовский А. Ю. Ибн Сина. В кн. „Ибн. Сина“. Материалы научной сессии АН Уз. ССР. Ташкент, 1953.
- Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства. Сб. „Фердовси“, Л., 1934.
- Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в. Изв. АН СССР (отд. обществ. наук), 1937, № 4.

- Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Изд. ИВ АН СССР, Л., 1933.
- Amedroz H. F. Three Years of Buwaihîd Rule in Baghdad, a. H. 389—93, being a Fragment of the History of Hilâl as—Sâbi. JRAS, 1901.
- Bowen H. The Life and Times of Ali ibn Isa the Good Vizier. Cambridge, 1928.
- Brown E. G. A Literary History of Persia, vol. I. From the earliest Times until Firdawsi; vol. II. From Firdawsi to Sa'di. London, 1919—1920.
- Kremer A., von. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Bd. I—II. Wien, 1875—77.
- Macdonald D. B. Iktâ', EI, vol. II.
- Massignon L. Tarika, EI, vol. IV.
- Schwarz P. Iran im Mittelalter, nach den arabischen Geographen, Bd. I—IX. Leipzig, 1896—1936.

К главе V

- Али-заде А. А. Земельная политика ильханов в Азербайджане (XIII—XIV вв.). Труды Ин-та истории АН Аз. ССР, т. I, Баку, 1947.
- Али-заде А. А. Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Термины „тарх“ и „копчур“. ССИА, вып. I, Баку, 1949.
- Али-заде А. А. Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Термин „харадж“. Изв. АН Аз. ССР, 1953, № 3.
- Али-заде А. А. Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Термин „тамга“. Изв. АН Аз. ССР, 1955, № 5.
- Али-заде А. А. К вопросу об институте икта в Азербайджане при ильханах XIII—XIV вв. Изв. Аз. ФАН, 1942, № 5, изд. 2-е ССИА, вып. I, Баку, 1949.
- Али-заде А. А. К вопросу об институте инджу. Изв. Аз. ФАН, 1943, № 8; изд. 2-е, ССИА, вып. I, Баку, 1949.
- Али-заде А. А. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане в X—XIV вв. Труды Ин-та истории и философии АН Аз. ССР, т. III, Баку, 1953.
- Бартольд В. В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5, СПб., 1911.
- Бартольд В. В. Рецензия на книгу Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols. „Мир ислама“, т. I. СПб., 1912.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, (тексты), ч. II—(исследование), СПб., 1898—1900.
- Беленицкий А. М. К вопросу о социальных отношениях в Иране. Советское востоковедение, т. V, 1948.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Изд. Гржебина, Берлин, 1922.
- Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950.
- Д'Оссон. История монголов. От Чингис-хана до Тамерлана. Пер. и предисл. Н. Козьмина. Т. I. Чингис-хан. Иркутск, 1937.
- Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерlane. СПб., 1875.
- Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагуидов. Советское востоковедение, т. V, 1948.
- Петрушевский И. П. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV вв. Уч. зап. ЛГУ, № 179 (СВН, вып. 4), Л., 1954.
- Петрушевский И. П. К вопросу о подлинности переписки Рашид-ад-дина. Вестник ЛГУ, 1948, № 9.
- Петрушевский И. П. Новый персидский источник по истории монгольского завоевания. Вопросы истории, 1946, № 11—12.
- Петрушевский И. П. О формах феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв. Советское востоковедение, 1955, № 5.
- Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд (вступ. статья к сборнику летописей „Рашид-ад-дин“. Пер. с перс. Л. А. Хетагурова, т. I, кн. I. Изд. ИВ АН СССР, М.—Л., 1952).
- Петрушевский И. П. Состояние сельского хозяйства в Иране в XIII—первой половине XIV вв. Уч. зап. ЛГУ, № 195 (СВН, вып. 6), Л., 1956.
- Петрушевский И. П. Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.
- Петрушевский И. П. Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина. Вопросы истории, 1951, № 4.
- Попов Н. И. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юан-чао-дзян-чжан. ЗБОРАО, т. XVII, СПб., 1907.
- Строева Л. В. Уничтожение монголами государства исмаилитов в Иране. Уч. зап. ЛГУ, № 179 (СВН, вып. 4), Л., 1954.

- Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. Византийский временник, Л., 1926.
- Якубовский А. Ю. Восстание Тараби в 1233 г. Труды ИВ АН СССР, т. XVII, 1936.
- Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Изд. ИВ АН СССР, Л., 1933.
- Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, deutsche Bearbeitung von Theodor Menzel, Berlin, 1935 (Beiband zu „Die Welt des Islams“, Bd. 14—17, 1932—1935).
- Bloch E. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. GMS, Leiden—London, 1910.
- Browne E. G. A History of Persian Literature under Tartar Dominion (1265—1502), Cambridge, 1920 (во 2-м издании то же под заглавием: A literary history of Persia, vol. III, Cambridge, 1924).
- Browne E. G. Account of a rare Manuscript—History of Isfahan. JRAS, 1901.
- Cahun L. Introduction à l'histoire de l'Asie, Turcs et Mongols, Paris, 1896.
- Déguignes J. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, ouvrage tiré des livres chinois, Paris, 1756—1768.
- Eqbal (Ikbal), Abbas. Tarikh-e mufasssal-e Iran, vol. I, Tehran, 1933 (на перс. яз.).
- Grousset R. Histoire de l'Asie, vol. III. Le monde Mongol, Paris, 1921—1922.
- Hammer-Purgstall J. Geschichte der Ilchane, 2 Bände. Darmstadt, 1841—1843.
- Lewicki M. Les inscriptions mongoles inédites en écriture carrée. Wilna, 1937 (Collectanea Orientalia, XII—China).
- Loewe H. M. J. The Mongols, Cambridge Mediaeval History, vol. IV, ch. 20, Cambridge, 1923.
- Minorsky V. A Mongol Decree of 720—1320 to the Family of Shaykh Zahid. BSOS, vol. XVI, part 3, 1954.
- Minovsky M. and Minorsky V. Nasir-ad-Din Tusi on finance. BSOS, vol. X, part 3, 1940 (текст и перевод памятника с введением).
- d'Ohsson C. Histoire des Mongols depuis Tchinghiz khan jusqu'à Timurbeg ou Tamerlan, vol. I—IV. La Haye, 1834—1835.
- Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Revue de l'Orient Chrétien, vol. XXIII, XXVIII, 1922, 1931.
- Poliak A. W. The Influence of Chinghiz-Khan's Yasa upon the General Organisation of the Mamluk State, 1940—1942.
- Riasanowsky V. W. Fundamental Principles of Mongol Law, Tientsin, 1937.
- Abel Remusat J. P. Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols, Mémoires de l'Académie des Inscriptions, vol. VI—VII, 1822—1824.
- Spuler B. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955.

К главе VI

- Айни Садриддин. Алишер Навои. Сталинабад, 1948 (на таджикск. яз.).
- Бартольд В. В. Новый источник по истории Тимуридов. Записки ИВ АН СССР, т. V, 1935.
- Бартольд В. В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сб. „Мир Али-Шир“, Л., 1928.
- Бартольд В. В. Народное движение в Самарканде в 1365 г. ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1906.
- Бартольд В. В. Улугбек и его время. Пг., 1918.
- Бартольд В. В. Хафиз-и Аbru и его сочинения. Сб. „Ал-Музаффарийэ“ в честь В. Р. Розена, СПб., 1897.
- Беленицкий А. М. Историческая топография Герата в XV в. Сб. „Алишер Навои“, М—Л., 1946.
- Беленицкий А. М. К истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах (институт сююргал). „Историк-марксист“, 1941, № 4.
- Денике Б. П. Живопись Ирана. М., 1938.
- Денике Б. П. Искусство Востока. Казань, 1923.
- Заходер Б. Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. Краткие сообщения ИВ АН СССР, вып. XIV, 1955.
- Марков А. Каталог джелаиридских монет. СПб., 1897 (с очерком истории государства Джеларидов и с обзором источников).
- Массон М. Е. К исторической топографии Герата в XV в. Сб. „Великий узбекский поэт“, Ташкент, 1948.
- Молчанов А. А. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои. Сборник статей „Алишер Навои“, изд. Уз. ФАН СССР, Ташкент, 1940.
- Орбели И. А. Мусульманские изразцы Гос. Эрмитажа. Пг., 1923.

- Петрушевский И. П. Внутренняя политика Ахмеда Ак-Коюнлу. ССИА, вып. I, Баку, 1949.
- Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в. ССИА, вып. I, Баку, 1949.
- Петрушевский И. П. Движение сербедаров в Хорасане. Ученые записки ИВ АН СССР, т. XIV, М., 1956.
- Петрушевский И. П. К истории института сойургала. Советское востоковедение, 1949, г. VI.
- Строева Л. В. Сербедары Самарканда. Уч. зап. ЛГУ, № 98 (СВН, вып. I), Л., 1949.
- Якубовский А. Ю. Тимур. Опыт краткой характеристики. Вопросы истории, 1946, № 8—9.
- Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сб. „Алишер Навои“, М.—Л., 1946.
- Hinz W. Das Rechnungswesen orientalischer Reichsfinanzämter im Mittelalter, Der Islam, Bd. 29/1—2, Berlin, 1949.
- Martin E. R. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey, London, 1912.
- Minorsky V. A civil and military review in Fars in 881=1476, BSOS, vol. X, part I, 1939.
- Minorsky V. A soyurghal of Qasim... Aq-Qoyunlu. BSOS, vol. IX, part. 4, 1939.
- Minorsky V. La Perse entre Turquie et Venise en XV-e siècle. Paris, 1932.
- Minorsky V. The Aq-Qoyunlu and land reforms. BSOS, vol. XVII, part 3, 1955.
- Minorsky V. Thomas of Metsop on the Timurid—Turkman Wars. Lahore, 1955.

К главе VII

- Болдырев А. Н. Зайн-ад-дин Васафи, таджикский писатель XVI в. Сталинабад, 1956.
- Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васафи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв. ТОВЭ, т. IV, Л., 1940.
- Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества. ТОВЭ, т. IV, М.—Л., 1947.
- Жуковский В. А. Рецензия на „Die Denkwürdigkeiten des Schah Tahmasp I... von P. Horn“. ЗВОРАО, т. VI, 1892.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Гератское восстание 1535—1536 гг. Уч. зап. ЛГУ, № 195 (СВН, вып. 6), Л., 1956.
- Миклухо-Маклай Н. Д. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI в. Краткие сообщения ИВ АН СССР, вып. 4, М., 1952.
- Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVII вв. ССИА, вып. I, 1949.
- Петрушевский И. П. Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г. Известия Аз. ФАН СССР, 1942, № 3. Изд. 2-е, ССИА, вып. V, Баку, 1949.
- Тер-Аветисян С. В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джувльфинских купцов. Тбилиси, 1937.
- Babinger F. Marino Sanuto's Tagebücher als Quellen zur Geschichte der Safawiya. A volume of oriental studies presented to Edw. G. Browne, ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson, 1922.
- Barb K. A. Über die unter dem Namen Tarich el-Akrad bekannte Kurdenchronik von Scheref. Wien, 1853.
- Browne E. G. A History of Persian Literature in Modern Times (A. D. 1500—1924). Cambridge, 1924 (во 2-м изд. то же под заглавием: „A literary history of Persia“, vol. IV, Modern times, AD 1500—1924, Cambridge, 1930).
- Hinz W. Das Steuerwesen Ostanatoliens im XV und XVI Jahrhundert, ZDMG, Neue Serie, Bd. XXV, 1950.
- Lambton A. K. S. The Regulation of the Waters of the Zayande Rud. BSOS, vol. IX, part 3, 1939.
- Minorsky V. The Poetry of Shah Ismail. BSOS, vol. X, part 4, 1942.
- Roemer G. Schah Ismail II. Lpz., 1940.
- Ross E. D. Early years of shah Ismail I. London, 1896 (то же, JRAS, 1896).
- Schefer Ch. Notice sur l'ouvrage intitulé Histoire d'ambassadeur de Nizamchah. Chrétomathie Persane, t. II, Paris, 1885.
- Seddon C. N. Hasan-i Rumlu's Ahsan-at-tawarich. JRAS, 1926.
- Teufel F. Schah Tahmasp und seine Denkwürdigkeiten. ZDMG, Bd. 37, 1883.

К главе VIII

- Ашрафян К. Падение державы Сефевидов. Сб. „Очерки по новой истории стран Среднего Востока“, Изд. МГУ, М., 1951.

- Миклухо-Маклай Н. Д. О налоговой политике шаха Аббаса I. Советское востоковедение, т. VI, М.—Л., 1949.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Рукописи труда Искендера Мунши „Тарих-и аламара“. Бюллетень АН Уз. ССР, 1947, № 1.
- Петрушевский И. П. Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в. Труды Ин-та истории АН Аз. ССР, т. I, Баку, 1947.
- Петрушевский И. П. Народное восстание в Гиляне в 1629 году. Уч. зап. ИВ АН СССР, т. III, М., 1951.
- Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Изд. ЛГУ, Л., 1949.
- Тигранов Л. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1909.
- Фильрозе Н. К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов. Сб. „Очерки по новой истории стран Среднего Востока“. Изд. МГУ, М., 1951.
- Bayani, Khanbaba. *Sazman-i kashwari-yi Iran dar zaman-i Safaviye*, „Amuzish u parvarish“, 1320=1941, № 6, 7—8 (на перс. языке).
- Bellin L. L. Chah Abbas I, sa vie, son histoire. Série „Les grands figures d'Orient“, III, Paris, 1932.
- Browne E. G. Note on an apparently unique Manuscript History of the Safawi Dynasty of Persia. JRAS, July, 1921.
- Erdmann F. Iskender Munschi und sein Werk. ZDMG, Bd. 15, 1861.
- Hidayet Hoseyn. Iskander-bey Munshi. EI, vol. II.
- Minorsky V. Schahsewen. EI, vol. III.
- Minorsky V. Tadhkirat al-muluk, a manual, of Safawid administration. GMS, New series, XVI, London, 1953 (Introduction, Commentary and Appendices).
- Minorsky V. Tiyul. EI, Supplements, livraison „M“ bis.
- Naficy, Hasan Mosharraf-ed-Douleh. L'impôt et la vie économique et sociale en Perse. Paris, 1924.
- Ross E. D. Sir Antony Sherley and his Persian Adventure. London, 1933.
- Sanjabi K. Essai sur l'économie rurale et le régime agraire de la Perse, Paris, 1934.

К главе IX

- Ашрафян К. З. Антифеодальные движения в империи Надир-шаха. Уч. зап. ИВ АН СССР, т. VIII, М., 1953.
- Денике Б. П. Живопись Ирана, М., 1938.
- Зевакин Е. С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации, ИООИА, № 5, Баку, 1928.
- Кишмишев. Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Записка С. Аврамова как исторический источник по истории Ирана XVIII в. Уч. зап. ЛГУ (СВН, вып. 3), Л., 1952.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.). Уч. зап. ЛГУ, № 179 (СВН, вып. 4), Л., 1954.
- Миклухо-Маклай Н. Д. О первом томе труда Мухаммеда Казима. „Советское востоковедение, т. I, 1948.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Рукопись „Аламара-и Надири“. Уч. зап. ИВ АН СССР, т. VI, М.—Л., 1953.
- Миклухо-Маклай Н. Д. Труд Мухаммед-Казима и его значение для истории Туркмении. Известия Туркм. ФАН СССР, 1945, № 5—6.
- Godard A. Isfahan. „Athar-e Iran“, annales de service Archéologique de l' Iran, t. II, Haarlem, 1937.
- Khanykov N. Lettre de M. Khanykov à M. Dorn précédée d'un rapport de cet Académicien. Mélanges Asiatiques, t. III, livraison 1, 1837, SPB.
- Lockhart L. Nadir-Shah, a Critical Study based mainly on contemporary sources. London, 1938.
- Martin E. K. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey. London, 1912.
- Minorsky V. Esquisse d'une histoire de Nader-chah, Paris, 1934.
- Naficy Hasan (Musharraf-ed-Douleh). L'impôt et la vie économique et sociale en Perse. Paris, 1924.
- Nafisi Sa'id. Akhirin yadigar-i Nadir-shah. „Majalle-yi Sharq“, Tehran, 1300 hijri (на перс. языке).
- Nikitine B. La structure économique de la Perse. „Révue économique internationale“, 1931, septembre, Bruxelles.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ

б. г. и.	— без указания года издания.
г. н. э.	— год нашей эры.
г. х.	— год хиджры лунной.
г. х. солн.	— год хиджры солнечной.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
ИООИА	— Известия общества обследования и изучения Азербайджана.
ЛГПБ	— Ленинградская Государственная Публичная библиотека.
СВИ	— Ученые записки ЛГУ (серия востоковедческих наук), Л.
ССИА	— Сборник статей по истории Азербайджана, Баку.
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.
BGA	— Bibliotheca geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje.
BSOS	— Bulletin of the School of oriental and african studies, University of London.
Eİ	— Encyclopedie de l'Islam.
ELOV	— Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, Paris.
GMS	— Gibb memorial series, Leyden—London.
GIPh	— Grundriss der Iranischen Philologie.
Hakluyt series	— works issued by the Hakluyt society, series I and II, London.
JRAS	— Journal of Royal Asiatic Society.
KDVShfM	— Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs historisk-filologiske Meddelelser.
LB	— Lugdunum Batavorum (Leyden).
Lpz	— Leipzig.
MA	— Mélanges Asiatiques.
MQ	— Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstländer des Kaspischen Meers, herausgegeben von B. Dorn, SPb.
REİ	— Revue des études islamiques.
ZDMG	— Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Lpz.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Глава I. Рабовладельческое общество в Иране	7
§ 1. Географическое положение Ирана	—
§ 2. Население Ирана	8
§ 3. Источники по древней истории Ирана	—
§ 4. Мидия	10
§ 5. Основание Древнеперсидского царства. Кир	12
§ 6. Иран в правление Камбиза	15
§ 7. Правление царя Дария I	17
§ 8. Внутреннее управление Древнеперсидской державы	18
§ 9. Общественные отношения в Древнеперсидском государстве	20
§ 10. Культура и идеология времени Ахеменидов	21
§ 11. Греко-персидские войны	22
§ 12. Персия при преемниках Дария I	23
§ 13. Греко-македонская экспансия на Восток	24
§ 14. Иран после завоеваний Александра Македонского	26
§ 15. Борьба государства Селевкидов и Парфии за обладание Ираном	28
§ 16. Парфянское государство	29
§ 17. Общественный строй Парфянского государства	33
§ 18. Итоги периода	35
Глава II. Разложение рабовладельческого строя и образование раннефео- дального общества в Иране (III—VII вв. н. э.)	36
§ 1. Источники по истории периода	—
§ 2. Образование государства Сасанидов	38
§ 3. Иран между Римской (Византийской) империей и кочевниками	40
§ 4. Общественный строй сасанидского Ирана	45
§ 5. Религии в Иране III—V вв.	48
§ 6. Иран в V в.	51
§ 7. Маздакитское движение	56
§ 8. Внешняя политика Кавада I	59
§ 9. Реформы Хосрова I Аношервана	60
§ 10. Государственное управление Ирана после реформ Хосрова I	63
§ 11. Вахрам Чобин и Хосров II	67
§ 12. Иран при последних Сасанидах	69
§ 13. Государственный бюджет и подать при последних Сасанидах	—
§ 14. Развитие ремесла в Иране в VI—VII вв.	71
§ 15. Состояние войска при последних Сасанидах	73
§ 16. Религии Ирана при последних Сасанидах	74
§ 17. Итоги периода	75
Глава III. Иран под властью арабского халифата. Народно-освободительные движения в Иране (середина VII — начало X вв.)	76
§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—

§ 3. Предпосылки завоевания Ирана арабами. Арабы в VII в.	83
§ 4. Завоевание арабами Ирана	87
§ 5. Иран под властью Омейядского халифата	89
§ 6. Социальные отношения в Иране в VII — первой половине VIII вв.	93
§ 7. Борьба против владычества Омейядского халифата в Иране	96
§ 8. Восстание Абу Муслима	98
§ 9. Иран под властью халифата Аббасидов	99
§ 10. Внутренняя политика Аббасидов	102
§ 11. Социальные отношения в Иране во второй половине VIII—IX вв.	104
§ 12. Народные движения в халифате в VIII—IX вв.	107
§ 13. Предпосылки распада арабского халифата	109
§ 14. Народные движения на востоке Ирана	110
§ 15. Государство Тахиридов в Хорасане (821—873)	112
§ 16. Государство Саффаринов (861—900)	114
§ 17. Народные движения в прикаспийских областях. Государство Алидов (864—928)	115
§ 18. Восстание зинджей	117
§ 19. Иسمайлиты	118
§ 20. Движение карматов	—
§ 21. Итоги периода	119

Глава IV. Развитие феодального общества в Иране (начало X — начало XIII вв.). 120

§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—
§ 3. Падение владычества халифата в Иране	129
§ 4. Экономика Ирана в X — середине XI вв.	130
§ 5. Феодальные отношения в Иране в X — первой половине XI вв.	135
§ 6. Феодальный город в Иране в X — первой половине XI вв.	138
§ 7. Государство Буидов. Азуд-ад-доуле	140
§ 8. Буиды после Азуд-ад-доуле	142
§ 9. Хорасан под властью государства Саманидов	—
§ 10. Газневидское государство	143
§ 11. Огузы и образование государства Сельджукидов	146
§ 12. Иран под властью Сельджукидов	148
§ 13. Государство Сельджукидов и Низам-ал-мульк	149
§ 14. Распад Сельджукского государства	—
§ 15. Восстание балхских огузов	150
§ 16. Исмайлиты в Иране	151
§ 17. Атабеки и хорезмшахи в Иране	152
§ 18. Феодальные отношения в Иране во второй половине XI—XII вв.	154
§ 19. Идеологические системы X—XII вв.	156
§ 20. Культура Ирана в VIII — начале XIII вв.	160

Глава V. Иран под владычеством монгольских ханов (1220—1336). 164

§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—
§ 3. Образование монгольской державы и начало монгольских завоеваний	175
§ 4. Вторжение войск Чингис-хана в Среднюю Азию и Иран	179
§ 5. Борьба народов Ирана с монгольскими завоевателями	180
§ 6. Монгольская империя после смерти Чингис-хана	182
§ 7. Состояние Ирана в 30—50-х годах XIII в.	183
§ 8. Поход Хулагу-хана в Иран	185
§ 9. Государство Хулагуидов и его соседи	187
§ 10. Организация Хулагуидского государства	188
§ 11. Хулагуидское государство при первых преемниках Хулагу-хана (1265—1295)	192
§ 12. Социально-экономическая жизнь Ирана при первых шести ильханах (1256—1295)	196
§ 13. Правление и реформы Газан-хана	199
§ 14. Правление Олджайту-хана	206
§ 15. Начало распада государства Хулагуидов	—
§ 16. Народно-освободительные движения в XIII — начале XIV вв.	208
§ 17. Итоги периода	209

Глава VI. Иран в период роста феодальной раздробленности и народных восстаний (30-е годы XIV — конец XV вв.)	211
§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—
§ 3. Распад империи Хулагуидов	216
§ 4. Западный Иран	217
§ 5. Хорасан	—
§ 6. Южный Иран	218
§ 7. Государства Чобанидов и Джелаиридов	220
§ 8. Народные движения в Иране в XIV в.	221
§ 9. Идеология народных движений XIV в.	—
§ 10. Начало сербедарского движения в Хорасане	223
§ 11. Восстание сербедаров в Хорасане	224
§ 12. Основание сербедарского государства в Хорасане	225
§ 13. Внутренняя борьба в сербедарском государстве	227
§ 14. Народные движения в Гиляне и Мазендеране	229
§ 15. Сербедарское восстание в Кермане	230
§ 16. Завоевания Тимура в Иране	—
§ 17. Преемники Тимура. Султан Шахрух	232
§ 18. Народные движения в первой половине XV в. в Иране	234
§ 19. Западный Иран и сопредельные области во второй половине XV в.	236
§ 20. Восточный Иран во второй половине XV в.	239
§ 21. Феодальные отношения в Иране во второй половине XIV—XV вв.	240
§ 22. Культура Ирана в XIII—XV вв.	242
Глава VII. Иран в составе государства Сефевидов (XVI в.)	247
§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—
§ 3. Иран около 1500 г.	250
§ 4. Сефевиды и кызылбаши до начала XVI в.	251
§ 5. Сефевидское государство	254
§ 6. Феодальные отношения в Иране при Сеферидах	256
§ 7. Внутренняя и внешняя политика Сефевидского государства при шахе Тахмаспе I	257
§ 8. Иран в конце правления шаха Тахмаспа I. Народное восстание в Гиляне	260
§ 9. Восстание в Тебризе	262
§ 10. Иран при преемниках Тахмаспа I	264
§ 11. Итоги периода	265
Глава VIII. Иран в XVII в.	266
§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—
§ 3. Состояние Ирана в начале правления шаха Аббаса I	271
§ 4. Реформы шаха Аббаса I	272
§ 5. Внешняя политика Сефевидского государства при Аббасе I	274
§ 6. Внутренняя политика шаха Аббаса I	276
§ 7. Феодальные отношения в Иране в XVII в.	278
§ 8. Состояние земледелия в Иране в XVII в.	282
§ 9. Город, ремесло и торговля в XVII в.	286
§ 10. Государственный строй Сефевидской державы в XVII в.	291
§ 11. Народное восстание в Гиляне	296
§ 12. Иран при преемниках Аббаса I	297
Глава IX. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в.	300
§ 1. Общая характеристика периода	—
§ 2. Основные источники по истории периода	—
§ 3. Состояние Ирана в начале XVIII в.	306
§ 4. Народно-освободительное движение на окраинах Сефевидского государства	309
§ 5. Восстание афганцев-гильзаев	311
§ 6. Поход гильзаев на Исфахан	—
§ 7. Борьба персидского народа против афганских завоевателей	313
§ 8. Вмешательство России	314
§ 9. Выступление Турции	—

	Стр.
§ 10. Изгнание афганцев. Возвышение Надира	316
§ 11. Отношение с Россией и Турцией	317
§ 12. Состояние Ирана в 30-х годах XVIII в.	318
§ 13. Курултай на Мугани	319
§ 14. Внешняя политика Надир-шаха	320
§ 15. Внутренняя политика Надир-шаха	322
§ 16. Народные восстания при Надир-шахе	324
§ 17. Феодалные междоусобия в Иране	325
§ 18. Правление Керим-хана Зенда	326
§ 19. Новые междоусобия в Иране. Основание династии Каджаров	327
§ 20. Культурная жизнь Ирана в XVI—XVIII вв.	329
§ 21. Итоги периода	333
Иллюстрации	335
Библиография	373
Сокращения, принятые в книге	386

---

*Пигулевская Нина Викторовна
Якубовский Александр Юрьевич
Петрушевский Илья Павлович
Строева Людмила Владимировна
Беленицкий Александр Маркович*

**История Ирана с древнейших времен
до конца XVIII века**

Редактор *Л. А. Стопцова*
Техн. редактор *С. Д. Водолагина*
Корректоры *Г. Е. Митченко,*
Р. И. Гольдина

Сдано в набор 5 XI 1957 г.
Подписано к печ. 2 IV 1958 г. М-01697.
Бум. л. 12,25. Уч.-изд. л. 33,18.
Тираж 2250 экз. Печ. л. 33,57.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Заказ 15.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград,
Университетская наб., 7/9

Пигулевская Нина Викторовна
 Якубовский Александр Юрьевич
 Петрушевский Илья Павлович
 Строева Людмила Владимировна
 Беленицкий Александр Маркович
 История Ирана с древнейших времен

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	3 снизу	Птоломея	Птолемя
22	21 "	480 г.	490 г.
52	2 "	Грузия, Картли	Грузия—Картли
114	24 "	медик	меднику
148	5 "	двадцатилетие	двадцатилетнее
226	13 сверху	земледельческого	землевладельческого
226	16 снизу	крепости. Так	крепости Так
244	6 "	§ 21	§ 20
256	10 "	Самарканда	Самарканди
324	10 сверху	центральной	централистской
332	18 "	мозаиков	мозаикой
382	12 снизу	к сборнику летописей „Рашид-ад-дин“	к „Сборнику летописей“ Рашид-ад-дина